

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Федорченко Сергей Николаевич

**Технологии легитимации политических режимов
в условиях цифровизации**

Специальность 23.00.02 –
политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
сектора философии российской истории
Института философии РАН
М.В. Локтионов

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	33
1.1. Общее и специфичное в политологическом осмыслении категориальной сущности легитимации политического режима	33
1.2. Процесс цифровизации: значение для общества и политического режима	85
1.3. Феномен сети в механизме легитимации политического режима.....	122
ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ И ЦИФРОВЫХ КОМПОНЕНТОВ В ИЗУЧЕНИИ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА	157
2.1. Аксиологический ракурс исследований в политической коммуникативистике: специфика и тенденции	157
2.2. Методологическая оптика Big Data в анализе цифровых маркеров легитимации и делегитимации политического режима.....	192
2.3. Показатели легитимации политического режима: измерение и рейтингование	214
ГЛАВА 3. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА КАК УСЛОВИЕ ЕГО СЕТЕВОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ: ТЕХНОЛОГИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ	258
3.1. Инновационное формирование институционального доверия: от порталов электронного правительства к искусственному интеллекту	258
3.2. Политическая идентичность в сетевых коммуникациях: конструирование и воспроизводство провластных сообществ.....	299
3.3. Символика в установлении цифровой политической повестки: мемификация и хэштегирование	313
ГЛАВА 4. ПРОФИЛАКТИКА СЕТЕВОЙ ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА: НАПРАВЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ	345
4.1. Адаптация доминирующих партий к цифровому обществу: использование сайтов, сетевых сообществ и приложений.....	345
4.2. Реализация политики памяти на примере компьютерных игр: возможности и проблемы.....	382
4.3. Политическая голограмма: предпосылки внедрения и распространения 3D-технологий имидж-позиционирования.....	402

ГЛАВА 5. ФАКТОРЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ	427
5.1. Технологии информационной гегемонии в интернет-пространстве: перспективы и угрозы для суверенитета страны.....	427
5.2. Политические интриги в сетевых коммуникациях: мониторинг фейков и борьба с информационными манипуляциями.....	458
5.3. Легитимация политического режима России: потенциалы и риски цифровизации демократических практик.....	488
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	530
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	538
ПРИЛОЖЕНИЯ	561

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Глобальные тренды цифровизации общества актуализируют проблему адаптации к новым сетевым условиям политических режимов как в России, так и в зарубежных странах. Это в свою очередь ставит вопрос о необходимости комплексного компаративного анализа кейсов легитимации разных политических режимов с целью выработки пакета рекомендаций для эффективной трансформации современного российского политического режима.

Цифровизация затрагивает наиболее фундаментальные основы человеческой жизни – политику, экономику, культуру и социальные отношения. Первостепенной задачей политолога становится исследование каузальных механизмов и специфических закономерностей цифровизации политической жизни. Особенно это становится актуальным в непростых условиях глобальной пандемии COVID-19, спровоцировавшей форсированную и во многом искусственную, навязываемую обществу цифровизацию.

Наиболее сложной научной проблемой видится, прежде всего, определение глубинных трансформаций социально-политической реальности под давлением форсированной цифровизации. Между тем, до самой пандемии уже сложились предпосылки для трансформации традиционных политических процессов и институтов. Причиной этого стало появление новых экономических игроков – глобальных цифровых компаний (Google, IBM, Apple, Microsoft, Alibaba и др.), породивших цифровые платформы, алгоритмы и разнообразные сетевые эффекты, подчиняющие сами коммуникационные каналы граждан и заставляющие, в свою очередь, пересмотреть традиционный концепт суверенитета.

Изменения в обществе, вызываемые цифровыми технологиями, находят отражение и в легитимационных практиках политических режимов. Современные политические режимы, стараясь сохранить доверие среди граждан, ориентированы на использование цифровых приемов для

эффективизации прежних методов легитимации. 4 декабря 2020 г. на специальной конференции AI Journey 2020 российский президент подчеркнул актуальность вопросов сквозных технологий, кибербезопасности, конфиденциальности данных граждан, а также необходимость создания специальной федеральной территории в Имеретинской долине для отдельного центра разработок в области искусственного интеллекта. Он обозначил важность искусственного интеллекта в запуске комфортной для граждан экосистемы государственных услуг. Вместе с тем, президент обозначил риски подобных технологий и предложил создать для разработчиков нейросетей конкурентных условий. На этой же конференции президент Казахстана объявил, что его страна переходит на концепцию Data-Driven Government (в основе которой лежит аналитика больших данных), а также модель evidence-based policy (доказательной государственной политики)¹. Модель государственной доказательной политики, прежде всего, ориентирована на легитимацию текущей работы политического режима посредством аргументации и обоснования перед гражданами конкретных политических решений, реформ и законопроектов.

Проекты внедрения цифровых технологий, схожие с российскими и казахстанскими, появляются по всему свету. Самые разные политические режимы постоянно ищут новые способы своей легитимации через формирование доверия граждан к своей деятельности. Кардинальной целью различных инновационных легитимационных практик является создание согласия между представителями политической элиты и гражданским обществом в том, что существующий политический режим – эффективный, справедливый и способен решать сложные задачи.

Актуализируют выбранную тему исследования другие проблемы: риски и угрозы информационных войн, политизированных фейков, попыток искажения исторической памяти, которые способны запустить процессы

---

¹ Конференция по искусственному интеллекту. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения: 28.09.2020).

делегитимации политического режима. В то же время, цифровизация дает для политических режимов дополнительные перспективы в плане использования правительственными органами социальных сетей, трансформации коммуникационных моделей партий. Граждане же получают возможности электронной демократии, участия в мониторинге действий властей через специальные цифровые платформы и приложения. Правда, с другой стороны, форсированная цифровизация совсем не исключает создания на базе ряда политических режимов целых Паноптикумов, в рамках которых будут практиковаться гибкие технологии манипуляции сознанием, а также устанавливаться порядок взаимной слежки. Тем самым процесс цифровизации является своеобразной цивилизационной вилкой, давая для политических режимов как кибероптимистические, так и киберпессимистические сценарии.

Цифровизация легитимационных практик политических режимов ставит перед исследователями целый ряд актуальных вопросов: что будет с традиционными субъект-объектными отношениями, классической политической субъектностью; не изменит ли форсированное распространение нейронных сетей, алгоритмов и цифровых приложений на базе искусственного интеллекта само социальное; произойдут ли из-за цифровых технологий необратимые метаморфозы современных ценностей и цивилизационных основ режимов; во что трансформируются демократические режимы; коснутся ли изменения сущности партий; что станет со свободами и правами гражданина и как изменятся его традиционные взаимоотношения с властью при появлении многочисленных посредников из цифровых компаний.

Степень научной разработанности темы исследования. Сущности, специфике, классификации и механизму легитимации политических режимов посвящен ряд научных работ зарубежных и отечественных политологов. Есть исследования, где политические режимы разделяются по степени развитости демократических либо авторитарных институтов (монографии Х. Арндт,

Т. Адорно, Г. Таллока, С. Хантингтона, Г.В. Голосова, С.В. Патрушева, Л.Е. Филиппова², статьи других авторов³).

Классические институциональные исследования политических режимов начались с работ А. Токвиля, А. Пшеворского и М. Дюверже. Их больше интересовала нормативная, структурно-ориентированная сторона. Это направление продолжили развивать Ж.-Л. Кермонн⁴ (понимавший под режимом порядок, формирующий политическую власть на определенный период) и российский политолог П.В. Панов (рассматривающий режим как порядок воспроизводства политических практик на микро- и макроуровнях)⁵.

Помимо институционального есть также инструментальный подход к анализу сущности политического режима. Его сторонники (Р.А. Даль, Ш.Н. Эйзенштадт, М. Касиоровски, М. Фуко, Т.Л. Вэй, Карл, А. Шедлер, С. Левицки, Дж. Домингес, Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, А.Л. Громыко и др.) больше интересуются не формальными и теневыми структурами, а процессами, социальными эффектами этих метаморфоз, морфологией политических форм⁶, режимными трансформациями⁷. Часто в этом

---

² Арндт Х. *Vita Activa, или О деятельности жизни*. /Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс. 2017. 416 с.; Адорно Т. *Исследование авторитарного характера*. /Пер. с нем. М.Н. Попова, Л.К. Латышевой, М.В. Кондратенко. М.: Серебр. нити, ЦГИ. 2020. 414 с.; Хантингтон С. *Политический порядок в меняющемся обществе*. М.: Прогресс-Традиция. 2004. 480 с.; *Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений*. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2019. 319 с.; Голосов Г.В. *Автократия, или Одиночество власти*. СПб.: Изд. Европ. ун. в Санкт-Петербурге. 2019. 160 с.; Tullok G. *Autocracy*. Hingham: Kluwer Academic Publ. 1987. 231 p.; Lührmann A., Tannenberg M., Lindberg S.I. *Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes //Politics and Governance*. 2018. Vol. 6. Iss. 1. P. 1-18.

³ Lorch J., Bunk B. *Using Civil Society as an Authoritarian Legitimation Strategy: Algeria and Mozambique in Comparative Perspective //Democratization*. 2017. Vol. 24. №6. P. 987-1005; Бедерсон В.Д. *Гражданские ассоциации и политический режим в мировой недемократической практике: между политическим контролем и социальной эффективностью //Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 37-52.

⁴ Quermonne J.-L. *Les regimes politiques occidentaux*. Paris: Éditions du Seuil. 1986. 316 p.

⁵ Панов П.В. *Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка*. М.: РОССПЭН. 2011. 230 с.

⁶ Даль Р.А. *Полиархия: участие и оппозиция*. М.: Изд. дом ВШЭ. 2010. 288 с.; Эйзенштадт Ш.Н. *Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость (I) //Полис. Политические исследования*. 2002. №2. С. 67-81; Гельман В.Я. *Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2012. №4(67). С. 65-88; Ильин М.В. *Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2014. №4(75). С. 58-70.

⁷ Кудряшова И.В. *Режимные трансформации на современном арабском Востоке //Политическая наука*. 2012. №3. С. 149-167.

направлении политический режим анализируется через характер методов государственной власти⁸. Особым направлением в отечественной политологии стало изучение региональных и городских политических режимов⁹. Инструменталисты выходят за рамки жесткой дихотомийности «демократия – авторитаризм», разбирая их многочисленные гибридные формы¹⁰, приспособляющиеся к текущей политической конъюнктуре.

Функциональный подход (Г. Лассуэлл, Т. Парсонс, Д. Истон, Н.А. Баранов и др.¹¹) своеобразно синтезирует наработки институционализма и инструментализма, также допуская разнообразие политических режимов, но отдавая предпочтение анализу функциональных, эффективных техник политической власти во всем их многообразии.

Важно заметить, что исследования о легитимации политических режимов так или иначе тесно связаны с самим явлением политической легитимности. Помимо классических сочинений М. Вебера¹² и К. Шмитта¹³ опубликованы и другие исследования по данной научной теме. Критическую позицию по отношению к веберовской модели в своей монографии занял английский социолог Д. Битем¹⁴. Отойдя от нормативного подхода, он акцентировал проблематику многомерного согласия населения с властью. Разные формы согласия тесно увязывал с легитимацией в своей работе и Д. Хелд¹⁵. Этот

---

⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль. 1985. 384 с.; Бурлацкий Ф.М. О политической науке: Избранные произведения. М.: Изд. Моск. унив. 2013. 328 с.

⁹ Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа //Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 77-95.

¹⁰ Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 537 p.; Domingues J.M. Political Regimes and Advanced Liberal Oligarchies //Constellations. 2018. Vol. 26. Iss. 1. P. 78–93; Харитонова О.Г. Недемократические политические режимы //Политическая наука. 2012. №3. С. 9-30; Розов Н.С. Динамика гибридных режимов и устойчивость/хрупкость неототалитаризма //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. №1(88). С. 30-46.

¹¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. /Пер. с англ. М.: Академический проект. 2018. 435 с.; Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход. СПб.: Балт. гос. технич. ун-т. 2007. 208 с.

¹² Вебер М. Политика как призвание и профессия. /Пер. с нем. и вступит. статья А.Ф. Филиппова. М.: РИПОЛ классик. 2018. 292 с.

¹³ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца. 2016. 568 с.

¹⁴ Beetham D. The Legitimation of Power. Palgrave. 1991. 267 p.

¹⁵ Held D. Models of Democracy. Stanford: Stanford University Press, 3rd ed. 2006. 352 p.

аспект анализировали и другие авторы (Н. Боббио, Г. Ферреро, Д. Штернбергер). С. Липсет кроме согласия большое внимание уделял и эффективности власти, функциональности институтов¹⁶. Тогда как А.М. Салмин предлагал говорить о квазилегитимационных технологиях режима¹⁷.

Модель легитимации на основе политической поддержки представлена в трудах Д. Истопа и Н.П. Медведева¹⁸. Поддержку власти и ее авторитета, как элементов политической легитимации, описывают в своих трудах В.В. Ачкасов, С.А. Ланцов, С.М. Елисеев, К.Ф. Завершинский¹⁹. Как и С. Липсет, немецкий исследователь Ю. Хабермас старался выявить причины так называемых легитимационных кризисов²⁰. Важный вклад в осмысление отличий легитимности и легитимации в политике сделал К. фон Гальденванг²¹, который обнаружил элементы цикличности в легитимационных кризисах. О соотношении интересов населения и элиты пишут и другие авторы²². Чрезвычайно важный вклад в изучение уровней легитимации сделали П. Бергер и Т. Лукман. Следует отметить, что описываемые современными авторами модели и технологии легитимации²³ затрагивают очень интересные научные проблемы, но пока недостаточно отражают аспекты цифровизации.

Те работы, которые ученые посвящают процессу цифровизации, пока в основном не имеют тесной привязки к режимной легитимации. К примеру Л.

---

¹⁶ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. /Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль. 2016. 612 с.

¹⁷ Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: ФОРУМ. 2009. 384 с.

¹⁸ Easton D. The re-assessment of the concept of political support //British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5. №4. P. 436-451; Медведев Н.П. Стабильность политической системы: теория и российская практика //Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2007. № 4 (17). С. 63-70.

¹⁹ Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М.: Аспект-Пресс. 1996. 127 с.; Завершинский К.Ф. Легитимация политической власти: морфология научного дискурса //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. №4. С. 4-18.

²⁰ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис. 2010. 264 с.

²¹ Haldenwang von Ch. Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings? Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2016. 36 p.

²² Попова И. Социологический подход к исследованию легитимности и легитимации //Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. №3. С. 21–41.

²³ Григорянц Г.Г. Три модели легитимации власти //Группировка научных исследований. 2004. №2. С. 144-159; Гасратова Ф.М. Современные технологии и механизмы легитимации власти //Вестник университета. 2014. № 16. С. 21-25, Мясников С.А. Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений //Политическая наука. 2019. №3. С. 222-235.

Манович, Р. Барбрук, Дж. Кин, Г. Кехлер, Н. Срничек, Г.А. Малышева, Х.А. Гаджиев²⁴ и другие выявляют теоретико-фундаментальные проблемы цифрового пространства. К анализу сетевых механизмов и закономерностей цифровых медиа (проблем дискурса, специфики политической коммуникации, цифрового неравенства, публичной политики и т.п.) в свое время обратились М. Кастельс, Г. Ловинк, Дж. Дин, Л.В. Сморгун, М.Н. Грачев, И.А. Быков²⁵. Другие ученые разбирают феномены Big Data, вопросы цифровой пропаганды (В. Кларк, М. Голдер, М. Косински, С.В. Володенков и др.²⁶), политические функции и возможности искусственного интеллекта (А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш, В.И. Дрожжинов, А.Н. Райков, Д.С. Жуков²⁷). Технологии информационных войн, проблемы кризиса суверенитета и специфики цифрового (информационного) суверенитета показаны в трудах М.М. Федоровой, В.Н. Шевченко, А.В. Манойло, А.А. Ефремова²⁸. С

---

²⁴ Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. 400 с.; Кехлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? //Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 75-87; Срничек Н. Капитализм платформ. 2-е изд. /Пер. с англ. М. Добряковой. М.: Изд. дом. ВШЭ. 2020. 128 с.

²⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 2000. 608 с.; Dean. J. Communicative Capitalism and Class Struggle //Spheres: Journal for Digital Cultures. 2014. №1. P. 1–16; Грачев М.Н., Евстифеев Р. В. Политический язык и жанры политической коммуникации в современном Интернете (опыт стран Северной Америки и Западной Европы) //Журнал политических исследований. 2019. Т.3. №3. С. 46-57. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/33301/view> (дата обращения: 29.03.2021); Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Колл. моногр. /Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс. 2018. 384 с.

²⁶ Ansolabehere S., Hersh E. Validation: What Big Data Reveal About Survey Misreporting and the Real Electorate //Political Analysis. 2012. №20(4). P. 437-45; Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J. Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes //Psychological Methods. 2016. Vol. 21. №4. P. 493-506; Clark W.R., Golder M. Big Data, Causal Inference, and Formal Theory: Contradictory Trends in Political Science? //PS: Political Science & Politics. 2015. Vol. 48. Issue 1. P. 65-70; Володенков С.В. Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 205-212; Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М.: Изд. Проспект. 2021. 416 с.

²⁷ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Социально-сетевые движения как метафора искусственного интеллекта //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 5-20. DOI: 10.17223/1998863X/50/1; Жуков Д.С. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 70-79. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38592/view> (дата обращения: 19.05.2021); Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 23-33. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38589/view> (дата обращения: 29.03.2021).

²⁸ Федорова М.М. Суверенитет как политико-философская категория Современности //Философский журнал. 2009. №1(2). С. 154-164; Шевченко В.Н. Информационная война Запада с исторической памятью россиян: логико-исторический аспект //Философские науки. 2015. № 6. С. 7-21; Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Гор. лин. Телеком.

информационными войнами переплетается и проблематика фейков, политических интриг²⁹. Появляются работы и по цифровизации политических партий³⁰, голографизации политики³¹. Особняком стоят труды, посвященные теории и практике игр³². Это направление имеет серьезную перспективу для дальнейшего анализа политической легитимации через феномен геймификации политики.

С одной стороны, появились монографии, где затрагивается феномен медиалегитимации политической власти³³, а также модель медиакратий (Т. Мейер, А.И. Соловьев³⁴, С.С. Бодрунова). Но, с другой стороны, авторы продолжают анализировать так называемые архаичные, рутинные приемы легитимации режима³⁵. Наметилось и направление изучения политической делегитимации, нестабильности³⁶. Правда, авторы, исследующие различные приемы взаимоотношения власти с гражданами в рамках модели медиакратии либо модели мониторинговой демократии (Дж. Кин) в основном фокусируются на технологической, экономической, маркетинговой стороне. Поэтому

2018. 496 с.; Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных //Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 95–113; Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства //Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.

²⁹ Разуваев В.В. Анатомия политической интриги. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2019. 184 с.; Ильченко С.Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде //Гуманитарный вектор. 2015. № 3 (43). С. 98-101.

³⁰ Gerbaudo P. The Digital Party: Political Organization and Online Democracy (Digital Barricades). Pluto Press. 2018. 224 p.; Dommett K., Kefford G., Power S. The digital ecosystem: the new politics of party organisation in parliamentary democracies //Party Politics. 2020. February. P. 1-11.

³¹ López A.E. Invisible Participation: The Hologram Protest in Spain //Afterimage: The Journal of Media Arts and Cultural Criticism. 2016. Vol. 43. №4. P. 8-11.

³² Ветренко И.А. Игровые практики в политическом процессе: монография. Омск: Изд. Омск. гос. ун-та. 2009. 160 с.; Schulzke M. Military videogames and the future of ideological warfare //The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19. Issue 3. P. 609–626.

³³ Вертешин А.И. Медиалегитимация политической власти в современной России. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. 2008. 260 с.; Пономарев Н.Ф. Стратегии и технологии медиалегитимации власти. Пермь: Перм. гос. универс. 2010. 192 с.

³⁴ Соловьев А.И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи //Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 124-132.

³⁵ Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2008. №3. С. 7-29; Скиперских А.В. Хлеб и зрелище: практики легитимации власти //Бизнес и дизайн ревю. 2016. Т. 1. №3. С. 7-8.

³⁶ Зубок В.М. Источники делегитимации советского режима //Полис. Политические исследования. 1994. №2. С. 88-97; Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Страх как политика //Полис. Политические исследования. 2017. №4. С. 8-21. DOI 10.17976/jpps/2017.04.02; Бадретдинов И.Р., Бадретдинова С.А. Легитимация и делегитимация государственной власти как политический процесс //Общество: политика, экономика, право. 2019. №11. С. 38-42.

отдельным перспективным направлением в изучении легитимации режимов видится анализ ценностных оснований и аспектов процесса цифровизации. Аксиологические (ценностные, символические) нюансы цифровизации (трансформация идентичности, образа власти, политической повестки и т.п.) стараются осветить Л.А. Фадеева, Д.С. Мартыянов, В.А. Емелин, В.В. Корнев³⁷. Архетипический анализ сетевой среды проводит в своих трудах С.А. Шомова, а также болгарский исследователь Х. Кафтанджиев³⁸.

Однако, несмотря на широкий спектр научно-специализированной литературы, посвященной выбранной диссертантом тематики, по-прежнему является малоисследованной проблема цифровых форм легитимации политических режимов, купирования рисков их делегитимации в условиях информационного противостояния и трансформации классического государственного суверенитета в цифровой суверенитет. В работах о режимной легитимации практически нет анализа связей ценностных и цифровых феноменов. В своем исследовании диссертант нацелен комплексно изучить данные явления.

Теоретико-методологическая основа. Для теоретической основы исследования выбран ряд концептуальных моделей. Во-первых, при анализе общих закономерностей легитимации режимов диссертант обратился к функциональному подходу. Он позволил рассмотреть цифровые технологии легитимации режимов во всем их многообразии через стратегические функциональные уровни легитимации властной системы: институциональный, технологический, персональный и ценностный. Функциональный ракурс привел к пониманию политического режима как

---

³⁷ Фадеева Л.А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Ред. И.С. Семенов, В.В. Лапкин, Л.А. Фадеева. М.: РОССПЭН. 2011. Т. 1. С. 67-69; Мартыянов Д.С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. №4. С. 142-160; Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. Монограф. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2017. 360 с.; Корнев В.В. Эгоистичный мем идеологии. М.: КАНОН + РООИ «Реабилитация». 2020. 267 с.

³⁸ Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ. 2016. 264 с.; Кафтанджиев Х. Мифологические архетипы в коммуникации. Харьков: Гуманитарный центр. 2016. 268 с.

порядка функционирования политической системы на основе различных цифровых технологий. При этом автор опирался на разработки в области функционального анализа (Ф. Гуднау, А.А. Богданова, С. Липсета, Г. Лассуэлла, Н.А. Баранова, А.И. Соловьева, Дж. Босча³⁹). К адекватному пониманию особенностей легитимации и делегитимации позволили прийти теоретические схемы легитимационных кризисов Ю. Хабермаса и К. фон Гальденванга⁴⁰. Изучение феномена информационных войн и цифрового суверенитета потребовало анализа технологии внешней легитимации через модель «факта-признания» В.Л. Цымбурского⁴¹.

Во-вторых, большую роль в интерпретации общих, схожих коммуникационно-сетевых параметров легитимации режимов сыграли следующие концепты: сетевой власти М. Кастельса⁴² (осмысление центральных сетевых узлов как опорных точек режима); аутопойезиса и бинарных кодов Н. Лумана⁴³; символического интеракционизма Г. Блумера⁴⁴ (понимание конструирования политических смыслов в механизме постоянного сетевого взаимодействия – символических обменов); социотехнической реальности (на основании работ Г. Ловинка, И.А. Исаева)⁴⁵; коммуникационного капитализма Дж. Дин⁴⁶. Автор опирался и на модель интерпретации соотношения уровней политической повестки М.Н. Грачева⁴⁷.

---

³⁹ Goodnow F. *Politics and Administration: A Study in Government*. N.Y.: The Macmillan Company, L Macmillan & CO. Ltd. 1900. 270 p.; Богданов А.А. *Очерки организационной науки*. М.: Т8 RUGRAM. 2019. 354 с.; Bosch J. Van den. *Mapping Political Regime Typologies* //Przegląd Politologiczny. 2014. №4. P. 111–124.

⁴⁰ Хабермас Ю. *Проблема легитимации позднего капитализма*. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис. 2010. 264 с.; Haldenwang von Ch. *Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings?* Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2016. 36 p.

⁴¹ Цымбурский В.Л. *Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования*. М.: Европа. 2011. 372 с.

⁴² Кастельс М. *Власть коммуникации*. /Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. 591 с.

⁴³ Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории*. /Пер. с нем. И.Д. Газиева, под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука. 2007. 621 с.

⁴⁴ Блумер Г. *Символический интеракционизм: перспектива и метод*. /Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы. 2017. 346 с.

⁴⁵ Ловинк Г. *Критическая теория интернета*. М.: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж». 2019. 304 с.; Исаев И.А. *Технологии власти. Власть технологии: монография*. М.: Проспект. 2019. 144 с.

⁴⁶ Dean. J. *Communicative Capitalism and Class Struggle* //Spheres: Journal for Digital Cultures. 2014. №1. P. 1–16.

⁴⁷ Грачев М.Н. *О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга* //Век информации. 2018. Т.2. №2. С. 94-96.

Помимо этого, были задействованы наработки А. Тойнби и Р. Жирара в области миметической теории. При аналитической проработке закономерностей цифровизации диссертант опирался на ряд тезисов Л. Мановича, Б. Лэша, Н. Срничека, а также С.В. Володенкова (модели цифровых капсул и цифровой стигматизации).

В-третьих, принципы аксиологического анализа были использованы при выявлении ценностно-цивилизационных особенностей разных политических режимов. С этой целью автор обратился к другим теоретическим разработкам: концепту «вызова-и-ответа» А. Тойнби⁴⁸, концепции «лимитрофов» В.Л. Цымбурского⁴⁹, модели «нового варварства» А.А. Кара-Мурзы⁵⁰, аналитическому наследию в области цивилизационных различий А.С. Панарина⁵¹. Также автор обращался к концепту гегемонии А. Грамши и архетипическому анализу коммуникаций С.А. Шомовой и отечественным разработкам в области политики памяти⁵².

В качестве основных методологических оптик были использованы приемы компаративистики, социологического опроса, контент-анализа сообществ социальных сетей. Вспомогательным методом стал SWOT-анализ. Другой вспомогательной, но не менее важной методологической оптикой стала модель учета больших политических данных (Political Big Data), предполагающая систему автоматического сбора, анализа и графической визуализации поисковых запросов населения конкретной страны с помощью сервиса Google Trends.

---

⁴⁸ Тойнби А.Дж. Постигание истории. /Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Академический проект. 2019. 802 с.

⁴⁹ Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом. М.: Эдиториал УРСС. 2000. 144 с.

⁵⁰ Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Институт философии РАН. 1995. 211 с.

⁵¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, Алгоритм. 2004. 640 с.

⁵² Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» //Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН. 2012. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. /Отв. ред. О.Ю. Малинова. С. 126-148; Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (Анализ российских практик) //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3(94). С. 103-126. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126.

Эмпирическая база исследования предполагает опору диссертанта на анализ социологических опросов (Опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии РАН, июнь 2019 г. (ОСПИ-2019), 700 респондентов; опросы Левада-центра (2019, 2020, 2021 гг.); опросы ВЦИОМ (2019, 2020, 2021 гг.), опрос центра Pew Research «Democratic Rights Popular Globally but Commitment to Them Not Always Strong», весна 2019 г., 34 стран. Использовались и данные мировых рейтингов (Polity, 2018; Worldwide Governance Indicators, 2018; Fragile States Index, 2019; Regimes of the World, 2016; World Happiness Report, 2020; The UN E-Government Development Index, 2018; Global ICT Development Index, 2017; Networked Readiness Index, 2016; Dimensions of national cultures, 2015; World Values Survey, 2014 и др.).

Также автором на базе кафедры политологии и права Московского государственного областного университета в ноябре 2019 г. был проведен анкетный опрос «Компьютерные игры и политика памяти», 1100 респондентов. Дополнительные эмпирические данные были получены автором самостоятельно в ходе применения сервиса Google Trends.

Объектом диссертационного исследования являются политические режимы в условиях процесса цифровизации.

Предметом исследования выступают технологии легитимации политических режимов, связанные с явлениями цифровизации.

Цель исследования состоит в комплексном анализе и концептуализации легитимационных технологий политических режимов, осмысление возможности их оптимизации применительно к условиям процесса цифровизации.

Для достижения поставленной цели были определены конкретные **задачи**:

- выявить общее и специфичное в политологическом осмыслении категориальной сущности легитимации;
- определить характерные черты процесса цифровизации для общества и политического режима;

- изучить феномен сети в механизме легитимации политического режима;
- рассмотреть особенности и тенденции исследований в политической коммуникативистике через аксиологический ракурс;
- оценить возможности и недостатки методологической оптики Big Data в анализе цифровых маркеров легитимации и делегитимации политического режима;
- обследовать существующие показатели легитимации политического режима;
- проанализировать инновационные технологии формирования институционального доверия на примере порталов электронного правительства и систем искусственного интеллекта;
- исследовать политическую идентичность в сетевых коммуникациях через приемы конструирования и воспроизводства провластных сообществ;
- выяснить особенности технологий мемификации и хэштегирования в установлении режимом цифровой политической повестки;
- разобрать кейсы использования сайтов, сетевых сообществ и приложений, чтобы выяснить характер адаптации доминирующих партий к цифровому обществу;
- исследовать возможности и проблемы реализации политики памяти через призму теории и практики игр;
- очертить предпосылки внедрения и распространения 3D-технологий имидж-позиционирования политических лидеров;
- обозначить перспективы и угрозы применяющихся технологий информационной гегемонии для цифрового суверенитета страны;
- проанализировать техники политических интриг в сетевых коммуникациях, предложив комплекс рекомендаций по деконструкции фейков;
- разработать модель демократической цифровой платформы, способной стать легитимационным элементом политического режима России.

Гипотеза исследования. Технологии легитимации современных политических режимов попадают в зависимость от цифровых условий социотехнической реальности (фиджитал-мира) – тесного переплетения реального и виртуального пространства, поэтому социальное уже нельзя рассматривать в жестком отрыве от технического. При этом социотехническая реальность, как результат цифровизации, имеет противоречивый характер: с одной стороны, цифровые платформы поддерживают социальную среду и политическую коммуникацию, внося элементы экстерриториальности, мультимедийности, оперативной связи между властью и гражданами, однако, с другой стороны, алгоритмы и технические параметры данных цифровых платформ и ресурсов меняют социальную реальность, закладывая ряд диспропорций – навязывание обществу стандартизированных коммуникационных моделей; цифровое неравенство между категориями граждан (от доступа к цифровым ресурсам до уровня качества этих ресурсов); появление между гражданином и политическим режимом многочисленных коммерческих посредников, оказывающих цифровые услуги; нарастание асимметрии в человеко-машинном интерфейсе, когда гражданин начинает согласовывать свои действия и поведение с параметрами информационно-технических систем.

Можно предположить, что форсированная цифровизация, спровоцированная пандемией COVID-19, произведет необратимые трансформации в социально-политических отношениях и дизайне политического управления, изменит конфигурацию существующих демократических режимов, свяжет легитимационные практики со все более гибкими формами цифрового мониторинга, контроля в виде рейтингов, плагинов, алгоритмов и разнообразных систем учета. Однако тенденция к стандартизации и унификации действий граждан приведет к ответной реакции в виде возникновения протестных движений, кибертерроризма и, соответственно, делегитимационным рискам, если режимы будут сохранять

дисбаланс между внедрением новых форм цифрового контроля и внедрением новых форм цифровой демократии.

Согласно дополнительной рабочей гипотезе, цифровизация современных политических режимов осуществляется неравномерно и в основном посредством глав государств, исполнительной власти, ее силовых органов и в меньшей мере за счет законодательных, партийных, парламентских структур. Это формирует риски цифрового неравенства и угрозы для демократии.

Проведенная исследовательская работа привела к конкретным результатам, обладающих **научной новизной**:

- в ходе концептуального анализа выявлено, что отечественные исследователи в анализе политической легитимации больше акцентируются на ценностной стороне (аспекты традиций, сакральности), тогда как зарубежные, западные ученые предпочитают изучать вопросы эффективности и коммуникации, хотя сосредоточенность на проблеме согласия сближает европейские и американские модели с моделями российских политологов;

- определено, что в основе цифровизации политики лежит фундаментальное явление – появление цифровых платформ с сетевыми эффектами, когда сам процесс коммуникации становится зависим от их алгоритмов и навязываемых цифровых ритуалов – стандартизированных шаблонов действий гражданина в онлайн-среде без которых он исключается из социальных и политических отношений; в научный оборот отечественной политологии и политической теории введены такие новые термины как «политический интерфейс», «цифровой аватар» и «сетевой полис»;

- выяснено, что центральные узлы интернет-коммуникаций (сетевые сообщества) являются базовым элементом сетевого механизма легитимации политических режимов в условиях цифровизации;

- в большинстве изученных исследований, рассматривающих политические коммуникации через ракурс аксиологического подхода, выявлена тема архетипических бинарных оппозиций, применяющихся в технологиях легитимации и делегитимации политических режимов;

- на примере системы Google Trends показано, что методологическая оптика Big Data (автоматический сбор, анализ и визуализация больших данных) может применяться для исследований важной для легитимации режима политической повестки;

- обозначено, что политические режимы рассматривают другие режимы и выстраивают с ними отношения исходя из сложившихся собственных политических традиций легитимации: автократической деполитизации оговоренной «зоны власти» (ограничение массовой гражданской активности) или допустимой демократической политизации активного «политического поля» (контролирование политизации через стандарты медиалогики и форматы медиакратии, институты государства, партий, политических лидеров, создание препятствий радикалам);

- установлено, что технологии искусственного интеллекта, развивающиеся в рамках модели электронного правительства, ориентированы на повышение институционального доверия через создание образа функциональной, объективной, эффективной власти;

- обнаружено, что подконтрольные сообщества социальных сетей становятся необходимым условием легитимации политических режимов, подразумевающей формирование лояльной, провластной политической идентичности;

- обосновано, что современные легитимационные практики политических режимов учитывают трансформацию прежней коммуникационной формы идеологии из плакатов, билбордов и лозунгов в сетевую микроидеологию из мемов и хэштегов из-за их функции сжатия политической информации и клиповизации сознания граждан;

- замечено, что легитимация политических режимов через цифровизацию доминирующих партий производится с целями социализации – максимального приближения представителей элиты к гражданам посредством репрезентации их образов, проектов, деятельности на сайтах, в сетевых сообществах и специальных web-приложениях;

- выяснено, что игровые технологии могут использоваться как для легитимации, так и делегитимации политических режимов посредством манипуляций с интерпретацией исторической памяти;

- аргументировано внедрение в категориальный политологический аппарат понятий «политическая голограмма» и «голографизация политики», предложены сценарии развития голографизации политики;

- обнаружено, что в условиях современных информационных войн традиционный государственный суверенитет не может обойтись без своего дополнительного компонента – цифрового суверенитета, подразумевающего кибербезопасность, защиту интересов политического режима в виртуальном пространстве и препятствующего переходу его в статус цифровой колонии;

- установлена роль фейков в подготовке делегитимационных политических интриг в ходе информационного противоборства между разными политическими режимами;

- разработана легитимационная модель цифровой демократии для современного политического режима России с учетом ценностей страны, рисков цифровизации и сохраняющегося запроса на честные и справедливые политические процедуры.

Обозначенная новизна раскрыта в конкретных **положениях, выносимых на защиту:**

1. Эффективная и устойчивая легитимация политического режима, как порядка функционирования институтов политической системы с разнообразными способами воздействия субъекта управления на сознание и поведение объекта управления, в условиях цифровизации может осуществляться через несколько функциональных уровней:

- технологическую легитимацию – базовый функциональный уровень формирования согласия между объектом управления (гражданами, их группами) и субъектом управления (элитами, их партиями и правительством) через цифровые технологии (примером служит использование режимами провластных сообществ социальных сетей, порталов, приложений и т.п.);

- персональную легитимацию – имиджевый функциональный уровень установления согласия между объектом и субъектом управления через яркие и понятные образы представителей власти – политических лидеров (примером может служить возникновение феномена политической голограммы);

- институциональную легитимацию – функциональный уровень организации согласия между гражданами и политическим режимом через создание образа эффективных и работоспособных институтов – правительства, парламента и партий (примерами служат практики искусственного интеллекта в развитии электронного правительства, а также цифровизация партий);

- ценностную легитимацию – символический функциональный уровень закрепления согласия между гражданами и политическим режимом, обеспечивающий ценностное обоснование любых действий власти (примерами служит использование традиционных архетипичных бинарных оппозиций в современных технологиях).

Функциональные уровни режимной легитимации наиболее оптимально работают в сетевой совокупности и двух измерениях – внутривнутриполитическом и внешнеполитическом, совмещаясь между собой и усиливая друг друга по принципу фрактальности. Полноценное функционирование политического режима взаимосвязано с постоянным внедрением разнообразных технологий легитимации, которое должно соответствовать разнообразию управленческой системы и политико-ценностной основы конкретного общества. Если это правило нарушается, то режим становится дисфункциональным и возникают риски делегитимации.

2. Поскольку в основе цифровизации лежит появление цифровых платформ-фирм, формирующих сетевые эффекты, то политические режимы в своей легитимации начинают учитывать специфические цифровые ритуалы – однотипные социальные действия индивида, возникающие в виде реакции на активность других индивидов в формате интернет-коммуникаций. Такими ритуалами являются лайки, дизлайки (на деле система оценки повестки и

представителей режима), ежедневный просмотр френд-ленты, новостной ленты на гаджетах, смартфонах, планшетах, постинг, репост, комментарии в дискурсе, регистрация, аутентификация и т.п. Разные режимы начинают выстраивать взаимоотношения с гражданами через конкретное проявление этой ритуализации в виде цифровых аватаров – виртуальные расширения, воплощения индивида, которые через аккаунты и персональные кабинеты на государственных и коммерческих веб-ресурсах отражают его специфический биометрический образ, основные черты характера, поведения, предпочитаемые цифровые ритуалы и разделяемые ценности, в том числе и политические. Однако массовая аватаризация ставит само право на коммуникацию в зависимость от дополнительных цифровых посредников-фирм. Конфигурация гражданина в пользователя означает, что последний получает от владельцев цифровых платформ не конституционно гарантированный, а лишь временный и оплаченный допуск к коммуникационным возможностям.

3. Сетевой механизм легитимации политического режима подразумевает функционирование целой цифровой архитектуры, включающей центральные и периферийные узлы сетевых коммуникаций. Если в качестве первых выступают провластные массмедиа, сетевые сообщества, аватары общественных и политических деятелей, то в качестве вторых – граждане, трансформирующиеся в пользователей информационных ресурсов и потребителей их готового контента. Сетевую легитимацию можно понимать, как систему по формированию легитимности политического режима посредством сетевых коммуникаций и сетевых технологий, тогда как сетевую делегитимацию – как соответствующую контрсистему по разрушению легитимности политического режима сетевыми технологиями через сетевые коммуникации. Основная функция сетевой легитимации – преодоление легитимационных кризисов путем внедрения новых технологий (цифровых), способных ослаблять противоречия между устаревшей легитимирующей формулой и новым содержанием политического режима. Существующий миф

о том, что современный гражданин, якобы, может легко стать субъектом политической коммуникации – соавтором разнообразных алгоритмов и компьютерных программ, опровергают последние исследования. В действительности гражданин, если он не обладает доступом ко всем алгоритмам ресурсов и систем IT-корпораций, способен лишь воспользоваться уже готовыми шаблонами для программирования цифровых платформ.

4. Политические режимы, несмотря на внедрение современных цифровых технологий, в основе своих легитимационных практик по-прежнему используют принципы политических кодов, обладающих бинарными архетипичными смыслами («свой/чужой», «порядок/хаос», «свет/тьма», «центр/периферия»). Примечательно, что в условиях цифровизации эта доцифровая архаичная практика начинает гибко сочетаться с типично техническими принципами гейткипинга – бинарной сетевой логики включения/исключения участника с определенными ценностями в коммуникационный процесс. В данном процессе активно участвует технократия и гуманитарно ориентированная экспертократия. Цифровизация способствует тому, что власть начинает походить на алгоритм. Алгоритмически ориентированная власть определяет человеку, что для него важно, а что не важно, на какую информацию он имеет право, а на какую нет. Паноптизм, описанный Фуко, становится еще менее заметным, но также продолжает контролировать поведение пользователей, наказывая их за нарушения коммуникационной этики. Те группы, которые получают доступ к алгоритмам, приобретают политическую власть в современных условиях. Лучше всего алгоритмизация власти видна на примере проектов Smart City.

5. Появление политических больших данных (Political Big Data) из-за роста цифровых следов и ритуалов (мемов, хэштегов, пабликов, комментариев, лайков, репостов, журналов посещений и т.п.; закономерности распространенных маршрутов пользовательской коммуникации) открыло для режимов новые перспективы для исследования политического поведения граждан, вручило его политическим акторам серьезный инструмент в сегменте

мониторинга общественного мнения по различным политическим темам. Цифровыми маркерами, по сути, являются обнаруженные поисковые запросы, набираемые интернет-пользователями, которые важно анализировать в контексте конкретной политической ситуации, политической новости, деятельности определенного политика, партии или государственного служащего. Позитивные по отношению к перечисленным категориям поисковые запросы можно определить цифровыми маркерами легитимации, а негативные – цифровыми маркерами делегитимации. Между тем, ряд исследований больших данных, проведенных диссертантом с помощью системы Google Trends, показали, что методологические оптики Big Data не могут качественно применяться при недостаточном уровне производимого гражданами информационного контента.

6. Исследование политических режимов показало, что во время пандемии COVID-19 либеральные демократии (США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия) ввели более разнообразные технологии цифрового контроля населения, чем закрытые, консолидированные автократии (Китай, Саудовская Аравия, Куба, Таиланд, Сирия) – от дронов до распознавания лиц и слежки через госсервисы. Подобный феномен можно объяснить «эффектом храповика», когда разные режимы пользуются приемами цифрового контроля передвижения населения, стараясь их не отменять. Либеральные демократии, наиболее развитые в цифровом отношении, стремятся использовать приемы цифрового контроля для противодействия делегитимации. Следовательно, демократические свободы уже не могут являться основным мерилом разграничения автократий и демократий – важно учитывать и ценности, традиции данных режимов. Аксиологическая модель А. Тойнби «вызова-и-ответа» как раз объясняет, что автократии, сложившись ввиду исторических условий, сохраняют сильное политическое ядро (институт главы государства, приоритет безопасности), опирающееся на ценностно-цивилизационную основу, связанную с традициями страны. При этом закрытые автократии в своих легитимационных практиках сохраняют идеократический характер.

Тогда как либеральные демократии приобрели, по сути, постдемократический характер, опираясь на принципы медиакратии, медиалогии и коммерциализации жизни при взаимоотношении с гражданами. Автократиями используется нисходящая легитимация – деполитизация общественного дискурса в рамках оговоренной «зоны власти», цензура, тогда как демократии основаны на рациональных индивидах, отношения которых в «политическом поле» специфически регламентированы: с одной стороны, политизированные сообщества индивидов могут пытаться влиять на режим, с другой – демократии вынуждены искать разнообразные приемы по купированию рисков делегитимации при восходящей легитимации – допуске стратегии эмпауэрмента (генерации власти снизу, развития у граждан способностей к политическим действиям) и политизации. Соперничество за влияние над политическими режимами «лимитрофной», межцивилизационной зоны обостряют отношения автократий и демократий, при этом либерально-демократические режимы навешивают на автократические ярлык недемократических систем, архаичных, а значит, и опасных. Имитационные режимы (электоральные демократии и электоральные автократии) сохраняют наибольшие риски легитимационных кризисов: ряд вводимых модернизаций в системе управления, образования, электронного правительства является, скорее, попыткой соответствовать международным рейтингам, системам, индексам, добиться признания со стороны постдемократий. В результате имитационные режимы попадают в зависимость от внешней легитимации постдемократий (либеральных демократий), одновременно отходя от своих прежних идеократических основ.

7. Эволюция моделей электронного правительства в сторону освоения технологий искусственного интеллекта связана с нацеленностью политических режимов на повышение институционального доверия через создание образа функциональной, объективной, эффективной власти. В современных политических режимах большее распространение получают «виртуальные чиновники», чем «виртуальные политики». Первые

подразумевают искусственных интеллектуальных агентов, способных быстро консультировать, находить для граждан информацию, предлагать варианты решений (MISSI, Emma в США, система RAMMAS в Объединенных Арабских Эмиратах, Una правительства Латвии и др.), тогда как вторые пока вводятся в экспериментальных целях (японская Michihito Matsuda, новозеландский SAM, российская Алиса). Поддержка разными политическими режимами внедрения технологий искусственного интеллекта в модель коммуникации с гражданами умеренно коррелирует с серьезными проблемами коррупции в их обществах. Коррупционные процессы, как фактор делегитимации режима, приводят к недоверию населения к реальным государственным служащим – представителям власти. При этом появляются риски коммуникации интеллектуальных агентов без человеческого посредничества, их «ценностного перепрограммирования» политическими радикалами, а также ложных цифровых аватаров, имитирующих реальных политиков.

8. В условиях форсированной цифровизации с сохраняющимися элементами глобализации возникает контрфеномен – «сетевой полис», означающий систему зависимых от интересантов (политических и союзных им корпоративных элит) сетевых интернет-арен гражданского участия, благодаря которым конструируются сетевые идентичности, способные легитимировать существующий политический режим. Сетевой полис включает коллективные цифровые капсулы сообществ, а также индивидуальные цифровые капсулы интернет-пользователей – их цифровые аватары. Посредством подконтрольных, лояльных сообществ сетевой полис обеспечивает воспроизводство легитимирующего режим смыслов и элементов повестки. Понятие «сетевого полиса» во многом учитывает опыт античного полиса как политически господствующей общины полноправных граждан, где существует политическая элита. Функцию сетевой элиты во многом приобретают гейткиперы – владельцы, администраторы и модераторы арен участия, тогда как гражданами сетевого полиса становятся остальные участники этих арен. Кроме того, на базе сетевого полиса режимы стараются

конструировать политический интерфейс – совокупность коллективных ограничителей, общих цифровых ритуалов, софта, которые должен учитывать индивид, если он не хочет быть исключенным из конкретного политического сообщества. Политический интерфейс имеет универсальную функцию цензуры и подчинения разрозненных цифровых аватаров, будучи связанным с эффектом алгоритмизации власти. Его примером может быть не только система «социального кредита» в Китае, но и проекты Google в США.

9. Контроль над повесткой позволяет политическому режиму защищать и укреплять собственную легитимность через приемы цифровизации символического поля. Управление политической повесткой в условиях цифровизации совершило переход на уровень микроидеологии сетей, важными компонентами которой стали политические интернет-мемы и хэштеги (как результат эволюции политических плакатов и лозунгов). Первые – образно-смысловые, а вторые – лингвистическо-смысловые компоненты цифровых символических сводов. Наиболее эффективной стратегией при управлении повесткой является их грамотное сочетание: при мемификации политический актер ставит задачу привлечения внимания интернет-пользователя к нужной проблеме визуальным способом, а при хэштегировании – задачу распространения сообщения об этой проблеме с выгодной для актора интерпретацией политических событий через гипертекстовые техники навигации.

10. Легитимация политических режимов через цифровизацию доминирующих партий производится с целями социализации – максимального приближения представителей элиты к гражданам. Процесс цифровизации доминирующих партий осуществляется в основном через развитие партийных сетевых сообществ, в жизненном цикле которых большое значение приобретает регулярность пабликов, комментариев, репостов и лайков, являющихся оцифрованным вариантом поддержки ядерного электората партии. В партийных сообществах привлекаются сторонники, пропагандируются идеи и ценностный символический ряд партии. Между тем,

наблюдается тренд в сторону освоения доминирующими партиями специальных web-приложений. Маркером цифровизации партии может служить и все большая оцифровка имиджа партийного лидера и бренда, символики самой партии. Зарождение цифровых партий по типу «компаний-единорогов» обусловлено методологической революцией Big Data, проявляющейся в: а) создании для пользователей цифровых платформ и площадок коммуникации, б) анализе их поведения и реакции для усиления собственных позиций.

11. Политический режим без конкретной символической политики и техник коммеморации обречен на ослабление через раскол единого исторического сознания. Особенно этот риск обостряется в условиях развития таких новых популярных каналов коммуникации как компьютерные игры, передающих смыслы и готовые интерпретации целых исторических периодов. Опрос, проведенный, диссертантом показал, что большинство российских игроков (86%) согласны с тем тезисом, что история может искажаться в компьютерных играх. При этом ряд режимов уже используют этот канал в рамках политики памяти (США, Сингапур, эксперименты в Турции, Чехии). Таким образом, геймификация политики, игровые технологии могут использоваться как для легитимации, так и делегитимации политических режимов посредством манипуляций с интерпретацией исторической памяти.

12. Голографизация политики означает процесс, предполагающий целый комплекс 3D-технологий по созданию трехмерных политических образов, максимально сближающих виртуальность с реальностью, тогда как политическая голограмма – это разновидность трехмерного голографического образа, практикующегося посредством коммуникационных технологий в интересах политического субъекта. Сложилось три направления технологического внедрения политической голограммы: а) имидж-позиционирование политических лидеров, б) трехмерные изображения политических акций, в) бренд-позиционирование партий. Анализ показал, что голограмма пока в большинстве случаев применяется лидерами –

представителями политического режима. Однако при удешевлении технологии, появлении голографического чата, а также развитии голографического телевидения возможности для применения субъектами власти новых политических технологий существенно расширятся. При этом применение трехмерных политических образов может происходить и по сценарию развития технологий дополненной реальности (AR).

13. Возникающая цифровая геополитика актуализирует проблему внешней легитимации любого политического режима, когда цивилизация Запада трансформируется в систему цифровой империи – информационного гегемона, включающего метрополию из США, где базируется большинство крупнейших IT-корпораций, и союзных либерально-демократических режимов, входящих в программу Five Eyes (Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия). Режимы, внешняя легитимация которых всецело зависит от этого конгломерата, фактически переходят в статус цифровых колоний. С другой стороны, режимы, опирающиеся в основном на внутреннюю легитимацию, стараются сформировать устойчивые сетевые полисы и собственные политические интерфейсы (Китай, Иран, Россия, Венесуэла). Эти режимы нацелены на укрепление цифрового суверенитета, подразумевающего кибербезопасность и защиту своих интересов в виртуальном пространстве. Периодически между цифровой империей и ее цифровыми соперниками возникают информационные войны.

14. Фейки играют важную роль в подготовке делегитимационных политических интриг в ходе информационного противоборства между разными политическими режимами. В основе такого рода политической интриги лежит механизм многоходовки. Предложенная модель сетевых политических алгоритмов включает следующие варианты противодействия режима делегитимационным фейкам:

- реактивная борьба режима с фейками, учитывающая принципы G2G (т.е. в основном государственные задачи), означает совокупность оперативных

цензурных реакций государственных служб по отношению к наиболее опасной для легитимности режима недостоверной информации;

- активная борьба режима с фейками, также учитывающая принципы G2G (в основном для государственных задач), должна подразумевать политику регулярного мониторинга государственными службами по профилактике возникновения и распространения недостоверной информации;

- взаимосвязь режима с частным корпоративным сектором, учитывающая принципы G2B (для задач бизнеса), предполагает не запугивание и создание «атмосферы страха», а опору бизнеса на понятия деловой этики и своей корпоративной репутации, защиты достоинства и чести граждан и государства;

- взаимосвязь режима с гражданами, учитывающая принципы G2C (для задач граждан), не означает формирование тотальной «системы доноительства», а ориентирует на выстраивание оперативных сетевых каналов обратной связи между ними.

15. Современный российский режим нуждается в качественной, глубокой, а не поверхностной демократизации, которая невозможна без устранения цифрового неравенства в стране, как минимум. Только при создании IT-инфраструктуры, способной обеспечить качественное подключение россиян к интернет-соединению, можно говорить о перспективах цифровизации демократических практик в нашей стране. Любая профанация демократического процесса в условиях развития интернет-коммуникаций и появления сетевых сообществ, наоборот, лишь вызовет падение доверия к власти и рост антиправительственного дискурса. Самую большую опасность для российского режима несет эффект наложения внешней и внутренней делегитимации в рамках информационного противоборства за политическую повестку во время выборов. Политизацию дискурса разных сфер в России важно привязать к пониманию демократии как справедливости, основанной на честных, прозрачных выборах, конкуренции, эмпаурменте – своевременной передаче власти, ее генерации снизу.

Стратегически важно, чтобы хозяевами цифровой демократической платформы в России стало не просто государство или IT-корпорации, а сами россияне. Обсуждение основных вопросов должно предполагать принципы «замедления демократии», алеаторных практик (избрания ответственных за обсуждение законопроектов групп по жребию) и формат парессии – использования критического дискурса для конструктивной критики неэффективности и несправедливости решения вопросов на различных уровнях власти.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость работы видится во введении в политическую науку ряда новых научных понятий, разработке концептуальных схем, объясняющих закономерности цифровизации политической сферы через феномен социотехнической реальности, а также в уточнении отличий внешней и внутренней легитимации политических режимов. Полученные результаты могут быть задействованы при разработке цифровой демократической платформы, нацеленной на устранение цифрового неравенства, введения практики полноценного обсуждения и решения проблем граждан России. Помимо этого, материалы диссертации можно использовать при составлении курсов «Политический менеджмент», «Сравнительная политология», «Политические партии, союзы и движения в современной России», «Политическая география современного мира», а также при составлении спецкурсов по политологии.

Апробация работы. Основные результаты по теме диссертации изложены в 58 опубликованных работах, из них 3 монографии, 20 статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК по специальности 23.00.02, 3 статьи в периодических научных изданиях, индексируемых в Web of Science и Scopus, 32 статьи в остальных изданиях.

Также основные результаты диссертационного исследования апробированы на научных мероприятиях международного, всероссийского и университетского уровня в 2018 – 2020 гг.: VII Международной конференции

«Политический процесс на постсоветском пространстве» (г. Москва, МГОУ, 26 апреля 2018 г.); Международной форсайт-сессии «Противодействие политическому экстремизму» (г. Уфа, УГНТУ, 18-19 сентября 2019 г.); Таджикско-Российском молодежном форуме «Сотрудничество ради безопасности» (г. Душанбе, филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в Душанбе, 12 ноября 2019 г.); экспертном семинаре «Интернет-коммуникации как инструмент виртуализации современного публичного пространства политики: модели, сценарии, технологии» (г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, 21 ноября 2019 г.); круглом столе «Сетевые компьютерные игры как механизм реализации политики памяти: технологии и модели» (г. Москва, МГОУ, 25 ноября 2019 г.); Международном научном круглом столе «ЕАЭС: итоги пятилетней деятельности и новые горизонты интеграции» (г. Москва, МГОУ, 28 января 2020 г.); экспертном круглом столе «Общественно-политические аспекты развития цифрового общества в условиях распространения COVID-19» (г. Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, департамент политологии и массовых коммуникаций, онлайн, 8 мая 2020 г.); вебинаре «Легитимность и сила в международных отношениях и внутренней политике» (г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, 25 мая 2020 г.); Всероссийской онлайн-конференции с международным участием «Исторические итоги Второй мировой войны в актуальной повестке современности» (г. Москва, МГОУ, 9 сентября 2020 г.); Всероссийской научной онлайн-конференции «Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности» (г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, 20 ноября 2020 г.); XXII Международном Балтийском коммуникационном форуме (г. Санкт-Петербург, Гуманитарный факультет СПбГУТ им. проф. Бонч-Бруевича, онлайн, 4 декабря 2020 г.).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав (включающих пятнадцать параграфов), заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Категория легитимации – одна из наиболее неоднозначных дефиниций в современных политологических работах. Разночтения в ее понимании происходит от теоретических, методологических, ценностных, цивилизационных отличий между ее исследователями. Но перед тем, как перейти к ее рассмотрению, требуется разобрать другую связанную с ней дефиницию – политического режима.

1.1. Общее и специфичное в политологическом осмыслении категориальной сущности легитимации политического режима

Политический режим – ключевое рабочее понятие настоящего исследования. Вместе с тем важно заметить, что на данном этапе не существует его однозначного определения. Сначала сосредоточимся не на типологии, а на категориальной стороне явления. Развивалось порядка трех подходов к осмыслению самого этого феномена: институциональный, инструментальный и функциональный⁵³.

Институциональный (структурно-ориентированный, нормативный, дихотомийный) подход развивался на страницах работ А. Токвиля, Дж. Сартори, М. Дюверже, А. Пшеворского, М. Альвареса, Ж.-Л. Кермонна, П. Калверта, Г.Н. Манова, Д.А. Керимова, П.В. Панова и других ученых. Согласно этому направлению, политический режим – это совокупность скрытых («черный ящик» политической системы) и явных структур общества, определяющих каналы доступа к ключевым правительственным должностям, а также те качества, ресурсы и стратегии, которые нужны кандидатам для обладания данными постами (такое определение дают в своей книге американский политолог Ф. Шмиттер и аргентинский политолог Г.

---

⁵³ Абрамов А.В., Дмитриев А.Е., Федорченко С.Н., Абрамова Ю.А. Политическая теория и современные политические реалии. М.: Граф-пресс. 2012. С. 195-196.

О’Доннелл)⁵⁴. На деле это означает механизм кадровой фильтрации, практикующий архаичные принципы кланового рекрутинга по элитным каналам, особые традиции карьерного продвижения и включающий современную систему образования.

На довольно схожие элементы анализа «старого порядка» (фр. ancien régime) в своей работе «Старый порядок и революция» указывал французский политический мыслитель А. Токвиль (разделение классов, ущемление политической свободы, образование и просвещение)⁵⁵. Это означает, что институциональная традиция изучения политических режимов существует уже сравнительно давно. Французская политологическая школа также больше тяготеет к институциональной трактовке политического режима, рассматривающей его как набор элементов, обеспечивающих достижение политической власти. К примеру, профессор политической социологии Парижского университета М. Дюверже предложил для политического режима обозначение общественно-управленческого механизма, соединяющего системы голосования, выборов, принятия решения при участии в них групп интересов, политических партий и других акторов⁵⁶. Профессор парижского Института политических наук Ж.-Л. Кермонн несколько уточнил категорию и понимает под политическим режимом совокупность институционального, идеологического и социологического порядка, формирующей на определенный временной период политическую власть конкретной страны⁵⁷. Более категоричную позицию имел П. Калверт, который политическим режимом называл правительство либо последовательность нескольких правительств, где власть сохраняется у социальной группы⁵⁸.

---

⁵⁴ O’Donnell G., Schmitter Ph.C. Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore; L.: John Hopkins Institute Press. 1991. P. 73.

⁵⁵ Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя. 2008. С. 92-101.

⁵⁶ Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль. 1997. Т. 2. С. 645-655.

⁵⁷ Quermonne J.-L. Les régimes politiques occidentaux. Paris: Éditions du Seuil. 1986. P. 78.

⁵⁸ Приводится по: Skaaning S.-E. Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework // CDDRL working papers. 2006. №55. P. 4.

Институциональная трактовка сосредоточена на выстраивающих стратегии исторических акторах, концептуальных и макроколичественных сравнениях⁵⁹, основана на привязке уровня прав и свобод человека к нормативной стороне государства. По сути, сторонники институционализма пишут о нормах либо институтах, способствующих достижению власти путем наследования или выборов, часто предпочтение отдается дихтомийности – делению режимов на демократические и авторитарные типы. Поэтому ограничением институциональной модели является фактическое отождествление политического режима с формой правления, что не дает важной для нас конкретизации этого феномена. Примечательно, что схожей традиции придерживались советские государствоведы. Но были и свои особенности. К примеру, Г.Н. Манов считал политический режим тождественным форме государства⁶⁰, тогда как Д.А. Керимов описывал политический режим в виде особой внутренней формы государства, отличая ее от внешней формы – формы государственного устройства и формы правления⁶¹. Как верно отмечает российский исследователь М.Г. Тирских⁶², в настоящее время не очень корректно считать, что факт присутствия в соответствующем государстве монархической либо республиканской формы правления помогает четко определить разновидность политического режима.

Не объясняют институционалисты и наличие в демократиях и недемократиях существования схожего явления – политической элиты. Гиперболизация таких признаков демократии как многопартийность, выборность глав государств, легислатур вызывает критику⁶³, так как оставляет

---

⁵⁹ Kitschelt H. Political Regime Change: Structure and Process-Driven Explanations? //American Political Science Review. 1992. Vol. 86. Iss. 4. P. 1028-1034.

⁶⁰ Манов Г.Н. О понятии формы государства //Ученые записки Таджикского университета. 1956. Т.9. Вып. 4. С. 7.

⁶¹ Керимов Д.А. Сущность общенародного социалистического государства //Вестник ЛГУ. 1961. №23. С. 133.

⁶² Тирских М.Г. Современные подходы к пониманию политического режима: анализ в свете юридического и политологического знания //Академический юридический журнал. 2008. №3(33). С. 5.

⁶³ Bosch J. Van den. Mapping Political Regime Typologies //Przeegląd Politologiczny. 2014. №4. P. 111–124.

за скобками феномен авторитета партий и политических лидеров, способный подточить демократический режим.

В современной российской политологии предпочитают уходить от жесткой институциональной привязки при категоризации политического режима. Так, мнение профессора А.П. Цыганкова близко к институциональному видению, хотя оно включает элементы функционального и инструментального подходов. Он считает, что политический режим – это совокупность различных властных структур, функционирующих в условиях политической системы и ориентированных на ее упрочнение с помощью специфических интересов и методов⁶⁴. П.В. Панов также делает чрезвычайно глубокое замечание о том, что политический порядок (режим), как постоянный процесс воспроизводства политических практик, институционализируется одновременно на макро- и микроуровне – уровне партий (политических сообществ)⁶⁵. В работе Панова в общем контексте рассматриваются идентичность и политическая легитимация.

Несмотря на критику теории модернизации, последующие транзитологические исследования перехода автократий в демократии и обратных процессов способствовали развитию неоинституционализма и новых подходов. В частности, С. Хантингтон стал обращать внимание на проблемы легитимации у авторитарных режимов; Ф. Риггс пришел к выводу о стабильности однопартийных режимов (КНДР, Куба) и нестабильности президентской формы правления из-за усиления бюрократии с одновременной деградацией демократических практик (за исключением США); Ф. Шмиттер выявил неконсолидированные демократии в Азии, Восточной Европе и Латинской Америке с рисками возвращения к автократии; Р. Саква выдвинул тезис о «режимной системе», сохраняющей латентные риски стабильности из-за сочетания демократических и недемократических элементов; Дж.

---

⁶⁴ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М.: Интерпракс. 1995. С. 16.

⁶⁵ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН. 2011. С. 134-136.

Герчевски исследовал режимную легитимацию через воспроизводство лояльности за счет идеи отсутствия альтернативы. И, тем не менее, как справедливо отмечает И.А. Быков, изучение легитимации авторитарных режимов по-прежнему существует на периферии исследовательских проектов⁶⁶.

Инструментальный (процессно-ориентированный, трихотомийный, социологический) подход предполагает, что политический режим – это набор приемов и методов осуществления политической власти в социуме. К нему можно отнести таких авторов как Р. Даль, М. Касиоровски, М. Фуко, Т. Карл, Л. Вэй, С. Левицки, А. Шедлер, Дж. Домингес, Ф.М. Бурлацкий, К.В. Мельников, В.Г. Ледяев, А.Л. Громыко, И.А. Исаев и др.

Ф.М. Бурлацкий, один из основателей отечественной политической науки, отмечал, что в российских исследованиях данная категория с самого начала трактовалась в виде системы методов государственной власти⁶⁷. Хотя в своей совместной книге с А.А. Галкиным он пишет, что при анализе политического режима важно изучать не только методы управления и господства, но и понимать характер группировок правящего класса, правящих партий, коалиций и оппозиции⁶⁸. А.Л. Громыко также отмечает, что политический режим является совокупностью методов и приемов, благодаря которым правящая элита (группа элит) экономически и политически господствует в обществе⁶⁹. Американский политический социолог М. Манн в исследовании политических режимов также акцентирует внимание на правящих группах или коалициях, меньше уделяя внимание институциональной стороне этой темы⁷⁰.

---

⁶⁶ Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества. дис. на соискание учен. ст. д. полит. наук: 23.00.02. СПб. 2016. С. 129.

⁶⁷ Бурлацкий Ф.М. О политической науке: Избранные произведения. М.: Изд. Моск. унив. 2013. С. 89.

⁶⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль. 1985. С. 35-36.

⁶⁹ Громыко А.Л. Генезис политического режима России //Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». 2002. №2. С. 178 - 184.

⁷⁰ Mann M. Ruling class strategic and citizenship //Sociology. 1987. Vol. 21. P. 340.

Теория полиархии Р. Даля также учитывает инструментальный параметр. Американский политолог пишет о так называемой дуальности методов правительства: силовых (армия, полиция) и несиловых (поощрение, убеждение, контроль информации, экономических ресурсов, политической социализации и образования)⁷¹. С инструментальной моделью тесно связана и позиция, согласно которой политический режим означает установленный правилами практики политической власти способ принятия политических решений⁷². Правда, инструментальный подход смешивает политический режим с властными ресурсами. И, безусловно, сохраняется высокая степень гиперболизации значимости эволюции политических технологий, их противоречий с запаздывающими в развитии институтами⁷³. Иногда авторы изучают технологии власти через призму гомеостаза – стабилизации системы⁷⁴.

И все же инструменталисты выходят за жесткие рамки институционализма «демократичность – авторитарность», больше уделяя внимания процессам и факторам демократизации. Отличительной чертой этого подхода является трихотомийность – изучение третьего типа политических режимов – гибридных. Политологическим прорывом в этом направлении послужила работа С. Левицки и Л. Вэй, которые ввели категорию «ровного игрового поля» (a level playing field)⁷⁵, подразумевая под этим эволюцию ряда режимов в сторону гибридных типов, которые стараются подражать демократиям, но сохраняют принципы привилегий и патронажа (кстати, совсем не исключено, что по причине эволюции политических режимов как раз и возникали разные трактовки и классификации данного феномена). Инструменталистами выделяются несколько типов гибридных

---

⁷¹ Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом ВШЭ. 2010. С. 59-60.

⁷² Борисенков А.А. Политический режим – способ политического влияния //Социум и власть. 2012. №2(34). С. 38-42.

⁷³ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. /Пер. с фр. СПб.: Наука. 2011. С. 177.

⁷⁴ Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии: монография. М.: Проспект. 2019. С. 79.

⁷⁵ Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. P. 2-36.

режимов – конкурентный (политическая элита зависит от фактора неопределенности выборного процесса), гегемонистский (создается лишь демократический фасад), закрытый авторитарный, электоральный авторитарный (допускаются выборы, многопартийность, инакомыслие)⁷⁶ и либерально-демократический⁷⁷ (переходная форма между демократией и диктатурой, зависящая от медиаолигополий).

Ответом на шаткие основания выделения гибридных режимов стала критика инструментального подхода. Г.В. Голосов замечает, что дефиниция гибридных режимов по началу была отнесена к авторитарным порядкам, описывая имитацию демократии. Однако, по мнению Голосова, признак гибридности нечеток и совсем не отражает фундаментальный характер отдельного вида политического режима⁷⁸.

Наконец, есть функциональный подход, одним из разработчиков которого после Г. Спенсера был Ф. Гуднау, создатель и первый глава Американской ассоциации политической науки. Гуднау в своей монографии разделял политические и государственно-административные функции, а также основные, вторичные функции власти⁷⁹. Постепенно появляются новые работы о весомом вкладе в изучение функциональной стороны управленческих систем А.А. Богдановым. Идеи Богданова пересекаются с теорией функционирования системы, кибернетикой, поднимают вопрос изоморфизма социальных, физических и биологических законов, подчеркивают аспект большей организованности центральных систем в сравнении с периферийными, а также включают понятие «депрессивных комплексов»⁸⁰ – ограничителей разнообразия (по сути, современных

---

⁷⁶ Schedler A. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. L.: Lynne Rienner Publishers. 2006. P. 7-49.

⁷⁷ Domingues J.M. Political Regimes and Advanced Liberal Oligarchies //Constellations. 2018. Vol. 26. Iss. 1. P. 78–93.

⁷⁸ Голосов Г.В. Автократия, или Одиночество власти. СПб.: Изд. Европ. ун. в Санкт-Петербурге. 2019. С. 121.

⁷⁹ Goodnow F. Politics and Administration: A Study in Government. N.Y.: The Macmillan Company, L Macmillan & CO. Ltd. 1900. P. 23 -46.

⁸⁰ Локтионов М.В. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем //Философия науки и техники. 2016. Т. 21. №2. С. 80-96.

цифровых легитимационных технологий режима). Аналитическая оптика Богданова на практике позволяет соотносить легитимацию режима с ассимиляцией (тех же интернет-сообществ, современных пользователей), а делегитимацию с дезассимиляцией⁸¹.

Согласно функциональному подходу, политический режим – это порядок (способ) функционирования политической системы (Г. Спенсер, Ф. Гуднау, Э. Дюркгейм, А. Грамши, А.А. Богданов, Г. Лассуэлл, Н. Луман, Т. Парсонс, Д. Истон, Р. Мертон, Дж. Линц, Э. Степан, Б. Малиновский, Г. Блумер, К. фон Гальденванг, Дж. Босч, В.Г. Афанасьев, Г.П. Щедровицкий, И.И. Кравченко, А.И. Соловьев, Н.А. Баранов и др.). В современной политологии такое видение опирается на тезис одного из основателя Чикагской школы политического бихевиорализма Г. Лассуэлла, по которому у каждой фазы политико-управленческой деятельности есть функциональное значение⁸², а режим функционирует с целью минимизации в политическом процессе элементов принуждения. Лассуэлл сводил основной функционал системы к трем направлениям: наблюдению и надзору за обстановкой; налаживанию взаимодействия частей социума исходя из трансформации среды; передаче опыта от поколений⁸³. Американский политолог Д. Истон дает схожее, но обладающее определенным отличием определение. Политический режим им видится в виде формализованного способа, упорядочивающего политические отношения⁸⁴. В функционализме социальное действие порождает структуру, саму систему, процессы которой рассматриваются во взаимосвязи и как нацеленные на обеспечение ее целостности. На деле структура – это закрепившаяся в политике функция.

Первостепенное значение имеют работы Т. Парсонса. Они стали своеобразным мостом, которые связали функциональный подход с

---

⁸¹ Богданов А.А. Очерки организационной науки. М.: Т8 RUGRAM. 2019. С. 112-113.

⁸² Lasswell H. The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis. College Park. 1956. P. 4-26.

⁸³ Lasswell H. D. The structure and function of communication in society //The Communication of Ideas. N.Y.: Harper and Brothers. 1948. P. 37-51.

⁸⁴ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. N.Y.: John Wiley. 1965. P. 197.

институциональным. Ученый выделял не только системные, но и функциональные компоненты режима, например, культуру, формирующей интерпретации, а значит, имеющей принципиальное значение для легитимации порядка. Парсонс детализировал подход, аргументируя значение функций целедостижения, адаптации системы к внешней среде, интеграции компонентов системы и регуляции латентных напряжений системы⁸⁵. Я. Уатэкер спорил с таким подходом, так как он игнорировал нюансы дисфункциональности. Критикуя парсоновскую модель, Р. Мертон акцентировал аспекты латентных, явных функций, амбивалентности, когда одни и те же явления, элементы могут быть функциональными для одних и дисфункциональными для других социальных единиц⁸⁶. Тогда как Н. Луман был сосредоточен на вопросах функциональной дифференциации.

Функциональной ролью гегемона в обеспечении воспроизводства и сохранения политического режима А. Грамши наделял партии и интеллигенцию⁸⁷, прямо называя представителей последней «функционерами». А. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский, как и Парсонс, рассматривали адаптационные возможности системы. Малиновский сближал функцию с соответствием системы социальным потребностям⁸⁸.

Развивается функционализм и в России. Академик В.Г. Афанасьев в рамках своей модели социальной и политической информации раскрыл сущность системы в преобразовании информации в обеспечивающий функционирование набор внутренних и внешних связей. По мнению философа, в результате функционирования система аккумулирует опыт по решению проблемных ситуаций (что похоже на модель обучающейся нейронной сети). Возникающая в ходе постоянных возмущений подвижная «модель-решение» программирует режим функционирования системы с

---

⁸⁵ Parsons T. *Essays in Sociological Theory, Pure and Applied*. Glencoe, Illinois: The Free Press. 1949. P. 207-231.

⁸⁶ Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ. 2006. С. 309.

⁸⁷ Грамши А., Лукач Д. *Наука политики. Как управлять народом*. М.: Родина. 2020. С. 86-87.

⁸⁸ Малиновский Б.К. *Избранное: динамика культуры*. М.: РОССПЭН. 2004. С. 74-75.

широким диапазоном управленческой корректировки⁸⁹. Отечественный философ и методолог Г.П. Щедровицкий говорил о функциональных свойствах структуры, возникающих благодаря линейным (целеполагание) и функциональным (детерминация, учет управленческих ограничений и сложностей) связям элементов⁹⁰. Работы И.И. Кравченко показывают, что режимная легитимация связана с трехмерным функциональным пространством (уровни макро-, мезо- и микрополитики) и управляемым функциональным временем⁹¹ (что можно связать с политикой памяти).

Профессор факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета Н.А. Баранов считает, что политический режим – это способ функционирования политической системы социума, характеризующий политическую жизнь в стране, отношение органов власти к правовым основаниям своей деятельности, а также уровень политической свободы⁹². Российский политолог А.И. Соловьев под политическим режимом описывает не только институциональный дизайн – набор важнейших методов функционирования базовых властных институтов, практикуемых ими ресурсов приемов принуждения, структурирующих взаимодействие общества и государства, но и стиль отправления институтами собственных функций. Стиль режима им отслеживается по характеру деятельности политических лидеров и политической команды⁹³. Это принципиально важное замечание. В современном сетевом обществе по стилю политической активности лидеров, партий, государства в киберпространстве можно определить специфику режима. Соловьев предлагает и другую интересную мысль: в настоящее время преимущество узкого круга коалиций элиты достигается сужением политико-

---

⁸⁹ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 169-171.

⁹⁰ Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций). 5-е изд. М.: Изд. Ст. Арт. Лебедева. 2018. С. 299, 387.

⁹¹ Кравченко И.И. Бытие политики. М.: ИФ РАН. 2001. С. 65-73.

⁹² Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход. СПб.: Балт. гос. технич. ун-т. 2007. С. 139.

⁹³ Соловьев А.В. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс. 2003. С. 217; Проблемы современного государственного управления в России. Материалы постоянно действующего научного семинара. М.: Научный эксперт. 2009. Вып. 7(28). С. 55-56.

административной сферы, утратой институтами представительской функции интересов граждан, а также использованием представителями этой элиты специфических технологий⁹⁴. Отсюда актуальность приобретает коммуникационный и аксиологический аспекты изучения политических режимов.

Функциональная оптика способствует скрупулезному рассмотрению политического режима через коммуникационно-цифровой ракурс. Но оценка роли коммуникаций в функционировании режимов отличается разнообразием: одни авторы ратуют за прогрессивную роль коммуникаций в построении оптимального обратного контура между обществом и властью⁹⁵, тогда как другие⁹⁶ усматривают в них опасность режимной делегитимации. Конечно, у подхода есть и свои ограничения. Критики указывают на игнорирование этим подходом проблем эволюции политических режимов, противоречий социальных групп⁹⁷. В любом случае функционализм активно развивается, впитывая достижения институционализма и инструментализма. Поэтому в настоящей работе будет предпринята попытка синтезировать его с другими подходами, учтя факторы цифровизации, ценностно-символические элементы режимных трансформаций и субъект-объектных политико-управленческих отношений. Отправной точкой в этой адаптации функционализма здесь послужат наработки А.А. Богданова и закон необходимого разнообразия У. Эшби – оптимальное управление возможно, если разнообразие управляющего субъекта соответствует разнообразию управляемого объекта⁹⁸. Иначе говоря, если в группах общества в ходе цифровизации распространяются социальные сети, компьютерные игры, веб-приложения, то политический режим должен

---

⁹⁴ Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации //Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 137-138.

⁹⁵ Ruijgrok K. From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes //Democratization. 2017. Vol. 24. Iss. 3. P. 498-520.

⁹⁶ You Y., Wang Z. (n.d.). The Internet, political trust, and regime types: A cross-national and multilevel analysis //Japanese Journal of Political Science. 2019. Sep. 14. P. 1-22.

⁹⁷ Сафронов А.П. Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения. М.: Алгоритм. 2018. С. 87.

⁹⁸ Эшби У.Р. Введение в кибернетику: Пер. с англ. Изд. 5-е, стереот. М.: УРСС: ЛЕНАНД. 2019. С. 294.

приводить свои технологии легитимации в соответствие с подобными трендами, иначе его ждет дисфункциональность и делегитимация.

К. фон Гальденванг соотносит политический режим (political regime) с политическим порядком (political order), его субъектами (ruler) и объектами управления (ruled), механизмами воздействия на общественное мнение⁹⁹. Очевидно, что источником политического режима можно определить субъект (или политическую элиту), его технологии и механизмы воздействия на объект. Рассмотрение политического режима через субъект-объектные отношения помогает лучше применить к нему функциональный подход.

Чрезвычайно важное дополнение в этот вопрос вносит российский политолог В.Г. Ледаев, переосмысливший тезис «третьего лица власти» С. Льюкса и рассматривающий под политической властью способность субъекта в соответствии со своими намерениями осуществлять подчинение объекта в политической сфере. И, как справедливо комментирует Ледаев, данное подчинение объекта субъектом (элитой) обеспечивается через довольно разнообразные способы воздействия на поведение и сознание граждан¹⁰⁰: а) убеждение (аргументацию), б) манипуляцию (утаивание информации), в) побуждение (позитивную мотивацию), г) принуждение (угрозу санкций), д) силу (непосредственное влияние на объект) и е) авторитет (добровольное подчинение субъекту, признание его компетенций и знаний). Но изучение субъект-объектных отношений не стоит на месте.

Объекту власти может быть выгодно подчинение субъекту власти, но в отличие от него он не обладает такой целостностью, политическим целеполаганием, напротив, слабость объекта кроется в его фрагментированности, разобщенности¹⁰¹. На этом и основан механизм политической власти. Режим, как порядок функционирования властных

---

⁹⁹ Haldenwang von Ch. Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings? Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2016. P. 25-27.

¹⁰⁰ Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН. 2001. С. 267-269; 302-303; 342.

¹⁰¹ Сафронов А.П. Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения. М.: Алгоритм. 2018. С. 29-34.

отношений, процессов, связан не столько с силовым доминированием, а сколько с организацией, создающейся для достижения выявленных социальных целей – социальных аттракторов¹⁰². Подходя к точке бифуркации (социальному аттрактору), субъект власти должен понять суть флуктуаций и установить новую социальную цель, организуя процесс ее достижения.

Предназначение политического режима, как системы балансира, – справляться с постоянными бифуркациями, поддерживать функционирование институтов политической системы, соотносив политические функции с новыми трендами, процессами, вызовами общества, объектов власти и новыми задачами субъекта власти. Благодаря регулярной адаптации политического режима под социальные процессы, субъекты власти синстадиально, т.е. исходя из своих потребностей, способностей, ресурсов и условий осваивают все новые и новые социальные аттракторы – исторические стадии развития, которые порождают флуктуации.

Режимная дисфункциональность возникает в случае, если элита, как субъект власти, не осваивает социальные аттракторы, не перенастраивает функции действующего порядка из-за предпочтения своих и игнорирования общественных интересов. Фрактальный характер властных феноменов – субъектов и объектов власти¹⁰³ – позволяет посмотреть на них как на явления со свойствами самоподобия – наличием повторяющихся микро- и макрополитических процессов в разных уровнях социальных систем (от партий до государств и цивилизаций). Но и сами социальные аттракторы (раздражители, политические вызовы, способные привести либо к укреплению, либо к падению режима), обладают фрактальной природой. Утверждение, что инертность субъектов сохраняет общество, имеет под собой некоторые основания¹⁰⁴, однако если режим не адаптируется под социальные аттракторы, то последние могут стать для него репеллерами – источниками

---

¹⁰² Иванов А.В. Социальный ортогенез: моногр. 2-е изд. М.: Юрайт. 2018. С. 89-91.

¹⁰³ Иванов А.В. Логика социума. М.: Центр соц. прогнозирования и маркетинга. 2012. С. 87-90.

¹⁰⁴ Адорно Т. Введение в социологию. /Пер. с нем. М.: Праксис. 2010. С. 308.

дисфункциональности. Другими словами, политическая власть – внутрисистемный, а не надсистемный компонент. Поэтому, если элита (субъект власти) самоустраняется от адаптации режимом социальных аттракторов, не решает системные цели общества, то она утрачивает фрактальные связи с внешней средой, а объект власти при такой дисфункциональности либо находит иной субъект власти, либо сам порождает новую элиту. Не так давно Дж. Хеймансом и Г. Тиммсом была предложена «нововластная» модель¹⁰⁵, где «старая» власть предполагала отношения иерархии, подчинения и потребления, а «новая» власть – отношения широкого сотрудничества, самоорганизации, активного политического участия и ценности неформального сетевого управления.

Итак, политический режим как порядок раскрывается через базовые функции воздействия субъекта управления на объект управления (убеждение, манипуляцию, побуждение, принуждение, силу и авторитет). Хорошо сочетается с концептуальным анализом власти В.Г. Ледяева символический интеракционизм Г. Блумера, признающий важнейшей функцией общества формирование общественного мнения, функцией социального взаимодействия – формирование поведения его членов. Подход Блумера во многом обретает новую актуальность в условиях развития современных интернет-коммуникаций. Перечисляя основные положения символического интеракционизма, важно выделить три посыла Блумера: а) люди действуют по отношению к вещам исходя из значений, которые для них данные вещи сохраняют; б) значение вещей формируется в процессе взаимодействия людей друг с другом; в) значения могут применяться и изменяться при интерпретативном процессе¹⁰⁶. Порядок, его стабильность и продолжительность, согласно Блумеру, проистекает от механизма транзакции – приспособления линий поведения людей друг к другу в форме их совместной

---

¹⁰⁵ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 26-41.

¹⁰⁶ Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. /Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы. 2017. С. 38-46.

или перекрестной деятельности. Этот символический механизм формирования порядка базируется на двух процессах – интерпретации и определении¹⁰⁷. Если интерпретация – это установление значений слов или действий другого человека, то определение – это сообщение другому человеку указаний относительно того, как тому поступать (этот тезис актуален на фоне современной алгоритмизации власти, когда веб-приложения, алгоритмы начинают предлагать индивиду варианты решений). Результатом механизма транзакции является два варианта поведения граждан относительно существующего порядка – конформность (приверженность) и девиация (отклонение от него).

В подходе Г. Блумера лишь не хватает скрупулезного анализа технологий воздействия субъекта на объект, однако этот пробел прекрасно компенсируют работы В.Г. Ледяева и Г. Беккера. Последний развил интеракционизм, раскрыв функционирование порядка через выработку одними социальными группами правил поведения для других групп¹⁰⁸. Беккер в своей книге на конкретных примерах описал процесс наклеивания ярлыков на противников порядка – девиантов (аутсайдеров).

Уточняя рабочий термин, важно заметить, что политический режим – это порядок функционирования институтов политической системы, предполагающий разнообразные способы воздействия субъекта управления на сознание и поведение объекта управления. Политическая система включает различные элементы в виде политических институтов – государство, правительство, партии, парламент, элиты, лидерство. В качестве гипотезы можно предложить следующий тезис – цифровизация политического режима ввиду его функциональной роли как раз наиболее проявляется, в первую очередь, в институте политического лидерства и правительства, а во вторую очередь в институтах парламентаризма и политических партий. В

---

¹⁰⁷ Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. /Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы. 2017. С. С. 126.

¹⁰⁸ Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. /Пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова, под ред. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы. 2018. С. 29.

последующих главах эту гипотезу можно проверить в ходе анализа цифровой трансформации институтов правительства, партий и лидерства.

Представляется, что именно функциональный подход к политическому режиму отражает современную картину развития политических систем. В принципе, он способен учесть, как инструментальные, так и институциональные трактовки данного определения. Вполне возможно, что из-за категориальной нечеткости и параллельного развития трех подходов к политическому режиму появилось довольно множество вариантов его классификаций.

Помимо термина «политический режим», центральной категорией настоящего исследования является «легитимация», производная от дефиниции «легитимность». Если принять функциональный подход в трактовке политического режима, то нас будет в первую очередь интересовать легитимация порядка, способов функционирования политической системы. Легитимность (от лат. *legitimus* – согласный с законами, законный, правомерный, законный) в широком смысле – это классическое согласие объекта управления с субъектом управления в вопросах политической жизни. В более конкретном понимании легитимность – это поддержка субъекта управления (политической элиты, правительства, правящих партий) со стороны самых широких групп населения¹⁰⁹. Но легитимность не следует путать с легальностью – нормативной стороной существования власти.

Легитимация политического режима – это, по сути, процесс достижения и сохранения легитимности, а именно – согласия групп общества (объекта управления) и политической элиты (субъекта управления) по вопросам справедливости, оптимальности, эффективности, ценностей коммуникаций и практик действующих политических институтов. Под институтами же понимается устойчивый относительно политиков и обстоятельств набор

---

¹⁰⁹ Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М.: Аспект-Пресс. 1996. С. 3-7.

Обоснование политики, проводимой субъектами режима по отношению к объектам власти, как раз и выступает этим механизмом обеспечения легитимации¹¹⁵. А в условиях цифровой среды обоснование политического курса все больше приобретает коммуникационный характер. В большинстве случаев технологии обоснования ориентированы на формирование позитивного образа режима.

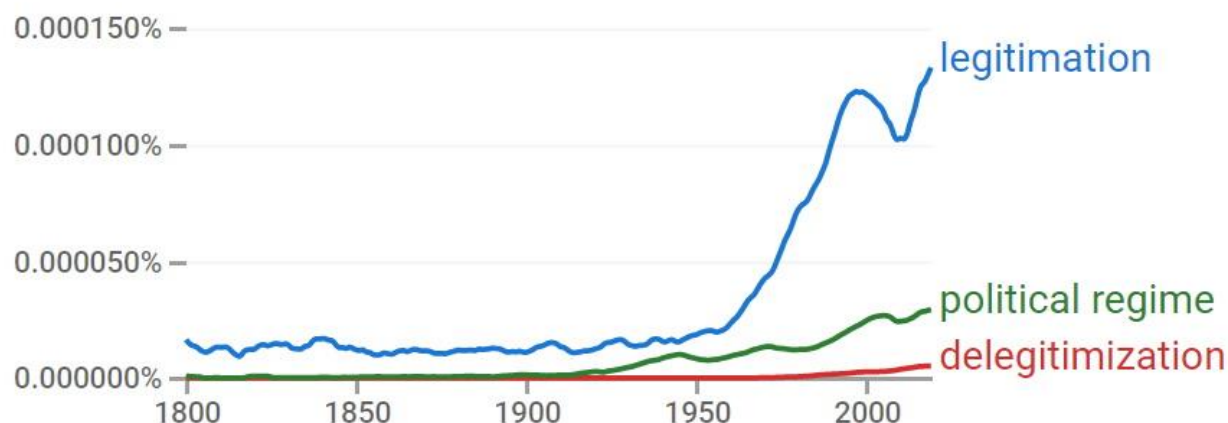
Интересно выявить динамику возникновения интереса ученого сообщества к категориям политического режима, легитимации, делегитимации и легитимности. Пока такие попытки предпринимались только в плане легитимации¹¹⁶. Обращение к ресурсу сбора больших данных Google Books Ngram Viewer позволило определить появление этих терминов в англоязычных печатных текстах (см. диагр. 1). Англоязычная коллекция текстов Google Books была выбрана по причине большей употребляемости выбранных терминов в данном языке. Из графика видно, что интерес к легитимации и политическому режиму в публикациях отмечается с 1960-х гг. (возможно, это связано с появлением сравнительных исследований западных политологов о демократии и авторитаризме), тогда как к делегитимации с конца 1990-х гг. (не исключено, что это можно объяснить с крушением социалистических режимов).

---

¹¹⁵ Мясников С.А. Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений // Политическая наука. 2019. №3. С. 222-235.

¹¹⁶ Колмогорова А.В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018. №1(67). С. 33-40.

Диаграмма 1. Частота употреблений научных категорий
в англоязычных текстах

Одних параметров согласия и поддержки для понимания природы политической легитимации недостаточно. Они могут достигаться манипулятивными приемами, в том числе через политический или экономический шантаж, а не только добровольным путем. Вот почему важно изучать такую сторону как доверие граждан и режима друг к другу, а также анализировать технологии формирования авторитета – убеждения населения властью в том, что функционирующие политические институты – наиболее подходящие для общества¹¹⁷. Важно и то, что доверие часто применяется именно к политическим институтам¹¹⁸. На практике легитимацию режима можно изучать, обращаясь к уровню институционального доверия.

Легитимность режима достигается посредством определенных технологий легитимации – дискурсивных, визуальных и других приемов формирования восприятия власти у целевых аудиторий населения¹¹⁹. Эти приемы являются частью ментального процесса, опосредованного политической культурой страны, и включают практики по налаживанию

¹¹⁷ Завершинский К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта //Полис. Политические исследования. 2001. №2. С. 113-131.

¹¹⁸ Рубцова М. В., Васильева Е. А. «Доверие»: концептуализация и операционализация понятия в корпусной лингвистике //Социологические исследования. 2016. № 1. С. 58-65.

¹¹⁹ Ромашова И.П. Легитимность как когнитивно-прагматическая дискурсивная категория //Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 31 (322). Вып. 84. С. 127.

эффективной и надежной политической коммуникации, атмосферы доверия между властью и обществом, конструирование положительного образа политических институтов, правительства, политической элиты и ее лидеров. Делегитимация, как контрпроцесс, происходит: а) спонтанно, под действием многих внутренних и внешних факторов, б) либо осуществляется контрэлитой схожими технологиями, но с противоположной целью – дестабилизацией или разрушением политического режима (вариативные проявления: отказ от сотрудничества с режимом, пассивные, активные формы сопротивления, вооруженный захват власти)¹²⁰.

Как научная категория, легитимация трактовалась весьма неоднозначно за всю историю своего существования. Если в первейших государствах Египта и Месопотамии легитимация режима однозначно связывалась с божественным замыслом, то государства Античности дали первые эксперименты по гибридным формам легитимации, когда в полисном устройстве власти апеллировали как к воле богов, так и к санкции народного собрания (правда последняя также обладала сакральной легитимацией: *vox populi – vox Dei*). Средневековая европейская традиция первоначально была сосредоточена на сакральной природе власти и увязывала легитимацию с политиком, правившего в отличие от тирана на основании божественной воли и действующими законами¹²¹. В месте с тем, современные исследователи отмечают, что религиозный фактор изначально лишь обеспечивал лучшую легитимацию одновременно с другими факторами, например, авторитетом правителя¹²². С наступлением Возрождения возникает интерес политических мыслителей к антропоцентризму, распространяется светская культура и начинается процесс постепенной десакрализации традиционных политических институтов, что, в итоге повлияло и на понимание феномена

---

¹²⁰ Beetham D. *The Legitimation of Power*. Palgrave. 1991. P. 19.

¹²¹ Delbrück J. *Exercising Public Authority Beyond the State: Transnational Democracy and/or Alternative Legitimation Strategies?* // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2003. 10(1). P. 29-43.

¹²² Почекаев Р.Ю. *Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. С. 103.*

легитимации. Особенно эта переориентация с сакральных приемов легитимации к политико-технологическим становится видна со времени Макиавелли, который, конечно, полностью не отбрасывал традиции и ценности, больше сосредотачиваясь именно на светских приемах удержания и укрепления власти. Поэтому в его «Государе», «Истории Флоренции», «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия» появляются принципы политической аналитики, политического прогноза, советы по защите образа политика, организации политической повестки, лояльных политических сообществ¹²³. Английский политический мыслитель Дж. Локк уже предлагает тезис, по которому правительство может считаться легитимным, если с его действиями согласны управляемые¹²⁴. Э. Берк же увязывал легитимацию со спецификой режима и опытом, привычками населения. Со временем в политической публицистике возникло два основных подхода к осмыслению легитимации – нормативный и эмпирический.

Нормативное рассмотрение легитимации и ее конечной цели – легитимности (Х. Арндт, Б. Бредфорд, Дж. Джексон) большее внимание обращает на анализ действующих «правил игры» между обществом и властью, с помощью которых первое подчиняется, а вторая управляет. Нормативистов интересуют распространенные стандарты справедливости, добра в разных социумах, лежащие в основе легитимации. Тогда как эмпирический ракурс (М. Вебер, М. Доган) основан на желании ученых сделать исследование легитимации как можно более независимым от собственных воззрений и ценностей (иногда подход Догана причисляют к юридическому направлению). Здесь необходимо заметить, что наибольшую исследовательскую перспективу будет иметь, скорее, сочетание эмпирического и нормативного подходов к легитимации, а не жесткое следование какому-либо из них. Весьма показательно, что представители одного и того же подхода на деле часто

---

¹²³ Макиавелли Н. Избранные сочинения. Пер. с ит., вступ. ст. К. Долгова. М.: Худож. лит. 1982. С. 294, 306-308, 347, 362-363.

¹²⁴ John Locke: Critical Assessments. Series: Critical Assessments of Leading Political Philosophers. Ed. by R. Ashcraft. London: Routledge. 1991. 2208 p.

критикуют друг друга (пример критика Вебера со стороны Догана это отлично подтверждает). Со временем подходов к легитимации стало больше. О.Ю. Бойцова выделяет социологический подход (Н. Луман, Т. Лукман, П. Бергер), номиналистическое, реалистическое направления (восходят к веберовским, парсоновским работам), философско-культурологический (М. Фуко, А. Кожев и др.) и политологический (С. Липсет, Д. Истон, Ф. Фукуяма и др.) подходы¹²⁵. Однако, во многом подходы между собой пересекаются.

Одним из первых аспекты легитимности стал детально разбирать немецкий социолог М. Вебер¹²⁶, предложив традиционную, харизматичную и рационально-правовую модели данного явления. Техники легитимации также выводились из данного теоретического триптиха. Критическая оценка этого подхода появилась еще до институционализации российской политологии. Советский автор В.П. Макаренко, изучая этот вопрос, отметил, что Вебер взял схожую схему из концепта Гегеля единства прав и обязанностей, где тот предположил, что порядок – это универсальная ценность, которая конституирует всю область политического сознания. Макаренко обращает внимание и на другое пересечение идей Вебера и Гегеля, которые указывали, что индивид разумен и свободен лишь тогда, когда он склоняется перед политическим порядком¹²⁷. Критикуя подобную точку зрения, нужно иметь ввиду, что Вебер, как и Гегель, пытались постичь мир политики, отталкиваясь от объема научных знаний, терминологии и теории своего исторического времени, поэтому признавать их тезисы о легитимации в виде какого-то готового рабочего шаблона – довольно необъективное занятие.

М. Доган относится к веберовской модели легитимации как к анахронизму, аргументируя это постепенным исчезновением традиционной и

---

¹²⁵ Бойцова О.Ю. Легитимация (Легитимизация) //Философия политики и права. 100 основных понятий. /Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова. Пушкино: Центр стр. кон. 2014. С. 75-76.

¹²⁶ Weber M. *Economy and Society: An Outline of an Interpretive Sociology*. [Translated by G. Roth and C. Wittich]. Berkeley: University of California Press. 1978. P. 5-37.

¹²⁷ Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия (критика социологии М. Вебера). Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского универ. 1988. С. 158-160.

редкостью харизматичной формы легитимации¹²⁸. Подход, которого придерживается Доган, выделяет материальную (имеющиеся обстоятельства) и формальную (существующая документация) элементы легитимации¹²⁹. Исследователь критикует веберовскую классификацию, в частности, за то, что она не показывает связь демократии с другими социально-политическими феноменами¹³⁰. Но это не совсем корректно: во-первых, в период творческой активности Вебера демократический режим не был повсеместно распространен, во-вторых, некоего единого типа демократии не существует до сих пор. Скорее, можно наблюдать уникальные разновидности или мимикрию под существующую политическую конъюнктуру: харизматическая легитимация до сих пор встречается, трансформируясь в формы левого и правого популизма (что видно на примере европейских и латиноамериканских режимов), а к традиционной легитимации все чаще начинают апеллировать политики в постсоветских режимах, затрагивая тему традиционных ценностей, политики памяти, связи поколений и времен, если им не достает поддержки со стороны общества.

Ввиду этих обстоятельств заслуживает интереса другой тезис Догана, согласно которому пронизывающая все общество коррупция выступает признаком делегитимации режима. Есть и маркер делегитимации – меры принуждения со стороны власти становятся сильнее, когда снижается уровень легитимности. Доган отмечает, что веберовские идеальные виды легитимации не отражают реалий современных режимов, которые все больше формируют властные механизмы на принципах так называемой «многоэлементной легитимации» (в варианте Д. Битема – «многомерной»).

Д. Битем критикует Вебера, предпочитая объяснять природу легитимации не верой во власть, а легитимационными техниками самой власти –

---

¹²⁸ Dogan M. Conceptions of Legitimacy //Encyclopedia of Government and Politics. 2nd edition. Ed. by M. Hawkesworth, M. Kogan. London: Routledge. 2003. Vol. 2. P. 116-219.

¹²⁹ Бойцова О.Ю. Легитимация (Легитимизация) //Философия политики и права. 100 основных понятий. /Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова. Пушкино: Центр стр. кон. 2014. С. 75-76.

¹³⁰ Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия //Социологические исследования. 1994. №6. С. 148-150.

обоснованием через бытующие у граждан убеждения¹³¹. Ученый из Американского университета М. Алагатта, напротив, поддерживает позицию Вебера, подчеркивая, что согласие и законная сила зависят от распространенных убеждений в населении. Алагатта предложил свою модель классификации политической легитимации, включающую: а) нормативный (единые ценности и нормы), б) процедурный (учет установленных правил), исполнительный (эффективная практика государственной власти) и в) согласительный (достижение согласия) типы¹³². По Алагатте, легитимность, как цель легитимационных техник, – это не некая политическая константа, напротив, это явление все время изменяется, находясь в процессе формирования, деконструкции по причине идеологических, социально-экономических и политических факторов. Поэтому технологии политической легитимации должны все время совершенствоваться, соответствовать современности. С такой оценкой согласны и некоторые российские политологи¹³³. По сути, – это те же идеи А.А. Богданова.

Веберовская схема не всегда подходит для политологического исследования легитимации политических режимов из-за следующих причин: его труд «Хозяйство и общество» так и остался незаконченным; Вебер допускает излишнюю гиперболизацию факторов легитимного насилия и харизматического лидерства, явно пренебрегая иллегитимными политическими акторами¹³⁴. Справедливости ради стоит заметить, что Вебер в своем сочинении «Политика как призвание и профессия» отвергает существование идеальных типов легитимности и легитимации, а в работе «Основные социологические понятия», останавливаясь на этических нормах, выделяет несколько разновидностей их «легитимной значимости» в

---

¹³¹ Beetham D. In Defense of Legitimacy //Political Studies. 1993. XLI. P. 488-491.

¹³² Alagappa M. Political Legitimacy in Southeast Asia. The Quest for Moral Authority. Stanford: Stanford University Press. 1995. 464 p.

¹³³ Литвиненко В.Т. Легитимация и эффективность функционирования власти в условиях становления нового государства //Современные исследования социальных проблем. 2010. №3. С. 84-86.

¹³⁴ Кокарев К.П. Легитимность институционального порядка //Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. Ред. коллект.: С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова, П.В. Панов. М.: РАПН, РОССПЭН. 2011. С. 43-45.

обществе¹³⁵: традиционную (воздействие традиций прошлого, связанных с сохранением послушания); аффективную (эмоциональное воздействие нового, в том числе оправданного традициями); ценностно-рациональную (воздействие абсолютно значимого, обусловленного естественным правом); позитивную (в силу порядка договоренности либо в силу порядка навязывания). Как видно, классификация «легитимной значимости» менее жесткая, поэтому ее можно вполне учесть при анализе легитимации режимов в условиях развития современных политических коммуникаций. И все же схему Вебера можно условно назвать «нормативно-силовой», т.к. в его анализе легитимации преобладают принципы силы, принуждения и нормативной сферы. В настоящее время произошло переосмысление этой схемы.

К. Шмитт писал о двух основных видах легитимации – династической (древнейшей, имеющей сакральную, ценностную основу и связанной с монархиями, всем трансцендентным) и плебисцитарно-демократической (наиболее современной, зависимой не от сакрального, а от одобрения власти со стороны населения)¹³⁶. Вообще к крупному достижению Шмитта для политической науки можно отнести четкое разграничение им категорий легитимности и легальности. Если первая обладала для него больше политическим зарядом, то вторая – юридическим. Политическое действие, решение может быть законным, но не легитимным¹³⁷. К тому же немецкий ученый допускал, что легальность может быть составным элементом легитимности. Другим принципиально важным наблюдением Шмитта является его тезис о постепенной трансформации династической легитимации в сторону плебисцитарно-демократической легитимации.

---

¹³⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия. /Пер. с нем. и вступит. статья А.Ф. Филиппова. М.: РИПОЛ классик. 2018. С. 229-231.

¹³⁶ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца. 2016. С. 263-264.

¹³⁷ Калининченко А.И. Идея легитимности в работах Карла Шмитта и Гульельмо Ферреро //Социально-гуманитарное обозрение. 2019. №2. С. 38.

Английский социолог Д. Битем скорректировал трактовку Вебера, указывая, что его типология вводит в заблуждение современных авторов из-за доминирования нормативного принципа и не отражает многомерную природу легитимности¹³⁸. По его мнению, есть три приема политической легитимации: а) в социуме не должно возникать элементов несогласия с действующим режимом; б) легитимность формируется в строгой привязке к существующим правилам, но не зависит от их нормативного воплощения; в) общие правила, нормы и законы обоснованы убеждениями, принимаются населением и властями. Правда, Битем анализирует легитимацию применительно к государству, политической власти и политической системе, четко не разграничивая эти политологические категории. При этом Г. Алмонд и Г. Пауэлл уже давно показали, что государство не равнозначно политической системе¹³⁹. По их мнению, политическая система может включать как государственные, так и негосударственные элементы. Политический режим же, как совокупность способов функционирования политической системы, по мнению А.П. Цыганкова, характеризует, с одной стороны, динамическую сторону последней, с другой, помогает обеспечивать ее стабилизацию¹⁴⁰. Цыганков раскрывает и другие отличия политического режима от политической системы, локализуя его в виде органов власти, связанных с определенным временным периодом их деятельности, а также правящим классом, оставляя за ним сферу способов, методов осуществления власти. Большее значение имеет и неформальная сторона режима. По сути, идеи Битема можно отнести к номиналистическому подходу, исходящего из принципа добровольного подчинения граждан власти. В отличие от него, реалистический подход затрагивает проблему объективной значимости,

---

¹³⁸ Beetham D. Max Weber and the legitimacy of the modern State // *Analyse & Kritik*. 1991. №13(1). P. 34-45; Beetham D. *The Legitimation of Power*. Palgrave. 1991. P. 15-17.

¹³⁹ *Comparative Politics Today: A World View*. /Ed. by G. Almond, G. Powell. Glenview. 1988.

¹⁴⁰ Цыганков А.П. *Современные политические режимы: структура, типология, динамика*. М.: Интерпракс. 1995. С. 3-19.

полезности действий политической власти. И все же оба подхода восходят к работам М. Вебера и Т. Парсонса¹⁴¹.

Французский политолог Ж. Шабо дал довольно лаконичную и емкую дефиницию легитимности. Под ней он понимал те качества субъекта управления, которые отвечают согласию и на какие готов объект управления. Шабо, как и Вебер, старался дать классификацию легитимности, выделив онтологическую, технократическую, идеологическую и демократическую виды ее легитимации¹⁴². К онтологической он относил соответствие некому объективному (в понимании масс) и predeterminedенному свыше порядку действующей политической власти, где космос противостоял хаосу, сама власть анархии. Идеологическую легитимацию Шабо анализировал на примере политических режимов с доминированием ценностной сферы на политическом уровне (Советский Союз, исламские страны). Технократический вид легитимации французский политолог связывал с признаками компетентности и профессионализма субъектов управления, тогда как демократическую легитимность он исследовал на примере европейских режимов и выводил из традиции коллегиальных решений и учета мнения большинства.

Американский исследователь Д. Хелд в некотором плане развил нормативный принцип Вебера в своей модели. Он перечисляет несколько типов легитимации: а) нормативное согласие идеального характера, б) нормативный вид политико-правового согласия, в) согласие инструментального вида (по причине того, что режим служит общему благу), г) прагматическая подчиненность (личная выгода), д) согласие по причине апатии, е) традиционная легитимация, ж) согласие при угрозе силы¹⁴³. Подлинными типами легитимации Хелд считает первые два, предположив, что

---

¹⁴¹ Бойцова О.Ю. Легитимация (Легитимизация) //Философия политики и права. 100 основных понятий. /Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова. Пушкино: Центр стр. кон. 2014. С. 75-76.

¹⁴² Шабо Ж.Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления //Полис. Политические исследования. 1993. №4. С. 160-161.

¹⁴³ The British Society Today. Ed. D. Held. Oxford. 1984. P. 301-305; Held D. Models of Democracy. Stanford, 1990. P. 114-115.

полностью поддерживаемая власть легче воспринимается как отвечающая общественным нормам. Хелд замечает важную тенденцию, – технологические приемы новых видов коммуникаций открывают перед политической легитимностью новые возможности.

Примечательно, что другой американский политолог С. Липсет также переосмыслил нормативно-силовую модель Вебера, изучая в механизме политической легитимации готовность элиты формировать и поддерживать убежденность населения в том, что функционирующие политические институты – наиболее эффективные, а значит оптимальные (аналогичное мнение разделял и Х. Линц) для социума¹⁴⁴. Подобная трактовка представляется наиболее адекватной. Неслучайно К. фон Гальденванг дает похожее определение, утверждая, что политический режим обретает легитимность, если причины, предлагаемые для его оправдания, одобряются гражданами¹⁴⁵.

Липсету присуща определенная гиперболизация экономических условий в анализе устойчивости демократического режима. И все же он допускает значение фактора культуры, постепенно уйдя от тезиса жесткого разграничения легитимации и эффективности политического режима. В более конкретном значении функциональный подход к политическому режиму и многомерный принцип в анализе его легитимации логично связать с феноменом политической коммуникации, означающей механизм конструирования, отправки, получения и обработки тех сообщений, которые оказывают сильное влияние на политику¹⁴⁶. Коммуникационное измерение политического режима как раз позволяет наиболее глубоко проанализировать динамическую, неформальную сторону его легитимации. Мыслям Липсета

---

¹⁴⁴ Lipset S. *Political man: The social bases of politics*. 2-nd ed. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 1981. P. 65-64; Lipset S. *The social requisites of democracy revisited: presidential address* // *American Sociological Review*. 1994. Vol. 59. P. 7-21; Lipset S. *Same social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy* // *American Political Science Review*. 1959. Vol. 53. №1. P. 86-87.

¹⁴⁵ Haldenwang von Ch. *Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings?* Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2016. P. 6.

¹⁴⁶ Грачев М.Н. *Политика: коммуникационное измерение: монография*. Тула: Издательство Тульского гос. пед. универ. им. Л.Н. Толстого. 2011. С. 44-45.

вполне соответствует видение немецкого исследователя Д. Штернбергера¹⁴⁷, который считает, что легитимность означает базис правительства, когда, с одной стороны, власть осознает свою миссию как субъекта управления, а, с другой стороны, население согласно быть объектом управления.

Определенный интерес с точки зрения коммуникационного ракурса анализа легитимации режима представляет концепт, предложенный американским политологом Д. Истоном, который, оттолкнувшись от работ Вебера, решил рассмотреть это явление через призму поддержки политической системы. Истон описывает диффузную поддержку – фундаментальную, долго изменяющуюся оценку режима в форме уровня доверия, и специфическую поддержку – общую гражданскую удовлетворенность от результатов функционирования властей. Такое видение вполне соотносится с моделью легитимации Липсета. В понимании Истона поддержка вбирает доверие и согласие, а не только легитимность. В отличие от Вебера, он предлагает несколько иные технологии достижения легитимности: идеологическую (принятие норм и ценностной основы политического режима), структурную (позитивное отношение граждан к распределению режимом существующих социальных ролей) и персональную (положительная оценка населением конкретных политиков и государственных деятелей)¹⁴⁸. Существует и другая оценка политической поддержки. Н.П. Медведев, анализируя модель «элитной политической поддержки» В.-Д. Эбервайна, выделяет политическую, военную, гражданскую и бизнес-элилу, на которую может опереться политический режим для сохранения системного равновесия¹⁴⁹.

Концепт Истона не только учитывает коммуникационный и политико-культурный аспекты легитимации, а также содержит хорошо разработанный

---

¹⁴⁷ Sternberger D. «Legitimacy» in International Encyclopedia of the Social Sciences. Ed. by D.L. Sills. New York: Macmillan. 1968. Vol. 9. P. 244-248.

¹⁴⁸ Easton D. The re-assessment of the concept of political support //British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5. №4. P. 436-451.

¹⁴⁹ Медведев Н.П. Стабильность политической системы: теория и российская практика //Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2007. № 4 (17). С. 63-70.

категориальный аппарат. Его хорошо дополняет тезис А.И. Соловьева о трех видах источников легитимности (широкие группы населения, правительство (государство) и внешние политические центры)¹⁵⁰. Дж. Везерфорд также развивает эту более раннюю модель Истона, говоря о легитимации на макроуровне и микроуровне¹⁵¹. Макроуровень политической легитимации по Везерфорду означает оценку власти в категориях справедливости, тогда как микроуровень проявляется в гражданской активности населения по поводу учета его желаний и интересов со стороны власти. Идеи Липсета, Истона и Фукуямы, по мнению О.Ю. Бойцовой¹⁵², можно отнести к политологическому подходу исследования легитимации.

Итальянский политолог Н. Боббио рассматривает категорию легитимности в широком и узком ракурсах. В широком смысле Боббио под ней понимает рациональность и справедливость позиций и решений. В узком смысле политолог легитимностью считает особенный несиловой компонент государства, зависимый от согласия части граждан в отношении законности его деятельности, а также от уровня консенсуса¹⁵³. Вера же в правомерность государственной деятельности, по Боббио, достигается через оценку конкретных результатов работы частей государства, что сближает его подход с моделью Липсета. Легитимацию Боббио, во-первых, связывает с лояльным по отношению к власти политическим сообществом; во-вторых, с существующим режимом, который регулирует правила политической борьбы и деятельность политических институтов, поддерживающих функционирование власти; в-третьих, с постоянной работой политических институтов при возможности политиков допускать ошибки; в-четвертых, с гегемонией власти.

---

¹⁵⁰ Соловьев А.В. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс. 2003. С. 88-89.

¹⁵¹ Weatherford M.St. Measuring political legitimacy // American Political Science Review. 1992. Vol. 86. №1. P. 149-166.

¹⁵² Бойцова О.Ю. Легитимация (Легитимизация) // Философия политики и права. 100 основных понятий. / Под общ. ред. Е.Н. Моцелкова. Пушкино: Центр стр. кон. 2014. С. 75-76.

¹⁵³ Bobbio N., Matteucci N., Pasquino G. Dicionario de política. 11ª edição. Editora Universidade de Brasília. 1983. 1358 p.

По Г. Ферреро, легитимность в любом случае предполагает порядок подчиняющихся и подчиняющих, но при условии коллективной убежденности в такой необходимости. Ферреро отмечал, что сущность легитимации – в положении, когда существует согласие между управляемыми и управленцами. Ферреро предупреждает, что при изменении политической обстановки, условий ранее общепризнанные принципы легитимности в стране должны снова обосновываться¹⁵⁴, что сближает его с тезисом М. Алагалпы об изменчивой легитимности и необходимости дополнительных видов легитимации. Эта модель как раз хорошо соотносится с концептуальным анализом В.Г. Ледяева, раскрывшего механизм политической власти в технологиях воздействия субъекта управления на сознание и поведение объекта управления в сфере политики¹⁵⁵. Тем самым, очевидно, что легитимацию режима логично понимать как процесс, включающий его инициатора – субъекта власти, объекты власти, на которые направлены действия субъектов, ресурсы и содержание самого процесса¹⁵⁶.

М. Пирас ратует за развитие той концепции политики, которая бы совместила анализ «горизонтального» и «вертикального» измерения власти. Пирас, размышляя над моделью Вебера, замечает, что власть не добьется стабильности, пока не обретет прочной базы своей легитимности. По Пирасу легитимация политической власти должна связываться с социальной координацией. М. Фуко же был нацелен на изучение таких основ легитимации как идеи господства добра, добродетельного государственного дела, допускающего внедрение жесткого дисциплинарного дискурса¹⁵⁷. Большую роль в этом французский ученый оставляет за интеллектуальной элитой. Такой подход очень схож с концептом культурной гегемонии А. Грамши, который

---

¹⁵⁴ Ferrero G. Poder los Genios Invisibles de la Ciudad. Madrid: Editorial Ténos. 1998. P. 11-53.

¹⁵⁵ Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН. 2001. С. 267-269; 302-303; 342.

¹⁵⁶ Бадретдинов И.Р., Бадретдинова С.А. Легитимация и делегитимация государственной власти как политический процесс //Общество: политика, экономика, право. 2019. №11. С. 38-42.

¹⁵⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, интервью. /Пер. с франц. И. Окуновой. М.: Праксис. 2005. Ч. 2. С. 24.

также писал о ведущем значении интеллигенции в укреплении власти¹⁵⁸. Фуко описывал появление новых репрессивных институтов, которые порождали дополнительные технологии легитимации режима, одновременно обеспечивая информационную безопасность его иллегитимных приемов¹⁵⁹.

П. Бурдьё связывал легитимность с политическим капиталом, базирующимся на признании власти и вере в нее населения¹⁶⁰. Причем, Р. Даль также описывал легитимность как веру в объективность решения или процедуры принятия решения¹⁶¹. Анализ Даля и Бурдьё хорошо дополняет модели Липсета, Ледяева, Блумера, Хабермаса, сосредотачиваясь на результатах воздействия субъекта управления на объект. Наибольший исследовательский интерес для Бурдьё представляли легитимационные техники в политических коммуникациях между обществом и властью, раскрываемые им как символические действия, ориентированные в свою очередь на достижение легитимности посредством языка ценностей и правил. Символическое измерение легитимации хорошо иллюстрирует интеракционизм Г. Блумера, особенно ставший актуальным в последнее время из-за применимости его тезисов интерпретации значений в анализе интернет-коммуникаций. Идея «символического обмена» в коммуникационном воплощении также получила свое развитие у Ж. Бодрийяра (в его критике линейности информационных потоков) и тезисе С.И. Деменова о «символической петле»¹⁶². Н. Луман легитимное считал производным от ситуации отсутствия критики политических решений со стороны власти¹⁶³. То есть, он писал о том же феномене согласия власти и общества. Х. Кельзен же в нормативном подходе к легитимации делает гиперболизацию не на общих правилах (ведь правила могут быть не только в юридическом, но и в

---

¹⁵⁸ Грамши А. Тюремные тетради. М.: Политиздат. 1991. Ч.1. С. 330-331.

¹⁵⁹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб: Университетская книга. 1997. С. 15-39.

¹⁶⁰ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos. 1993. С. 104.

¹⁶¹ Dahl R. A Preface to Democratic Theory. Chicago: Univ. of Chicago Press. 1956. P. 46.

¹⁶² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет. 2000. С. 5-23; Деменов С. Символ и капитал. (Материализация символа). 2-е изд. СПб.: Страта. 2016. С. 32-39.

¹⁶³ Луман Н. Власть. /Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис. 2001. С. 95.

моральном, ценностном смысле), а на законности как таковой, добавляя и такой параметр как эффективность власти¹⁶⁴.

Ю. Хабермас в своих работах своеобразно интегрирует нормативный и эмпирический подход к политической легитимации¹⁶⁵. Скорее, это более верная научная стратегия по причине своей гибкости и способности к адаптации к новому знанию. Хабермас искал те основания легитимации, которые включали бы тесное переплетение морального и законного, подкрепляли бы авторитетом и общепринятой моралью законный порядок. Кризис смыслов и ценностей, по его мысли, приводит к кризисам мотивации граждан, а значит, к кризисам легитимности власти¹⁶⁶. Подобные идеи весьма схожи с тезисом С. Липсета о легитимационных кризисах и концептуальным анализом власти В.Г. Ледяева, также придающего важное значение воздействию субъекта на объект управления посредством авторитета, убеждения, побуждения, манипуляции. Мысли концептуального анализа Ледяева и Хабермаса продолжают современные исследования, разделяющие технологии легитимации (как транслируют месседж) и контент легитимации (какой транслируют месседж)¹⁶⁷. С точки зрения Хабермаса, нормы становятся легитимны, если они будут соответствовать параметрам рациональной коммуникации, иными словами, легитимация власти формируется в самом коммуникационном процессе. С тем, что коммуникативный процесс в социуме становится важным фактором современной политической легитимации, согласны и авторы более современных работ¹⁶⁸.

Размышления Ю. Хабермаса и С. Липсета о кризисах политической легитимности заставляют вспомнить о модели циклов легитимности и легитимации К. фон Гальденванга. Во-первых, граждане реагируют на «цикл

---

¹⁶⁴ Kelsen H. *Teoria Pura do Direito*. São Paulo: Martins Fontes. 1998. P. 233-240.

¹⁶⁵ Habermas J. *Teoría de la acción comunicativa*. Madrid: Taurus. 1987. P. 330-345.

¹⁶⁶ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис. 2010. С. 194-195.

¹⁶⁷ Goddard S.E., Krebs R.R. Rhetoric, legitimation, and grand strategy //Security Studies. 2015. Vol. 24. №1. P. 5–36.

¹⁶⁸ Abulof U., Kornprobst M. Introduction: The politics of public justification //Contemporary Politics. 2017. Vol. 23. №1. P. 1–18.

требования легитимности» со стороны политического режима. Во-вторых, политический режим также реагирует на «цикл требования легитимации» со стороны граждан. Циклы легитимности и легитимации сменяют друг друга, по Гальденвангу, по причине деятельности двух акторов: политиков, принимающих решения, правительства и граждан, политических сообществ¹⁶⁹. Гальденванг уверен, что вне зависимости от уровня демократичности и авторитарности любой политический режим устанавливает определенные правила, служащие мерилем его эффективности в обществе. Очевидно, что идеи Гальденванга во многом схожи с мыслями Г. Ферреро, С. Липсета, М. Алагаппы, Ю. Хабермаса о нестабильности легитимности и необходимости разнообразных технологий легитимации. Самый важный тезис Гальденванга – это зависимость эффективности легитимности и легитимации политического режима от приемов управления поведением населения. И дело не в способности режима скрывать манипулятивный характер политического управления (этого недостаточно), а в умении субъекта власти (элиты) соотносить интересы населения страны со своими интересами, а также удовлетворять эти интересы¹⁷⁰ (все тот же аспект социальных аттракторов).

К. фон Гальденванг кроме трактовки самого термина делает попытку классификации, – но не легитимности, а ее процессной, производной составляющей – политической легитимации¹⁷¹. В отличие от большинства политологов Гальденванг решительно уходит от рассмотрения политической легитимации как чего-то второстепенного по отношению к легитимности. В его понимании нормативная легитимация означает основные идеи и принципы, процедурная легитимация вбирает институционализированное

---

¹⁶⁹ Haldenwang von Ch. Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings? Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2016. P. 4; Haldenwang von C. The relevance of legitimation – a new framework for analysis //Contemporary Politics. 2017. Vol. 23. №3. P. 269–286.

¹⁷⁰ Попова И. Социологический подход к исследованию легитимности и легитимации //Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. №3. С. 21–41.

¹⁷¹ Haldenwang von Ch. Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings? Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2016. P. 7.

принятие решений и их реализацию, ролевая легитимация включает доверие к основным институтам, харизматическая легитимация зиждется на доверии к качествам политических лидеров, легитимация на основе значений подразумевает предпочтения конкретных порядков (безопасности и т.п.), контентная легитимация связана с экономикой, предполагает материальную политику и уровень производительности. Легитимационные кризисы связаны с процессами делегитимации режима, которые происходят, в том числе, и от социальной деградации, всплеска инспирирующего социальный хаос деструктивного индивидуализма – «нового варварства»¹⁷² в понимании А.А. Кара-Мурзы. Защитной цивилизационной основе политического режима угрожает не только «варварство снизу» (радикальные движения, группы, партии), но и «варварство сверху»¹⁷³ (делеги́тимация самовольной, не считающейся с запросами и проблемами общества, личности политической элиты).

Раскрывая суть социального конструирования реальности, П. Бергер и Т. Лукман, как и К. фон Гальденванг, сразу переходят от легитимности к механизму ее обеспечения – политической легитимации. Авторы трактуют легитимацию как смысловую объективацию «второго порядка». К функции легитимации ученые относят интеграцию смыслов институциональной стороны реальности¹⁷⁴. Они конкретизируют, что легитимация нацелена на то, чтобы сделать объективации «первого порядка» понятными и доступными для восприятия обществом. Иными словами, легитимация через различные технологии дает гражданам ключ к пониманию необходимости и важности власти, сложных отношений между обществом и властью. Есть целевые аудитории, которым, конечно, нужно более детальное объяснение сложившейся политической архитектуры через ту же аналитику, но в

---

¹⁷² Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Институт философии РАН. 1995. С. 10-12; 180-184.

¹⁷³ Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX – XX вв. М.: Моск. шк. полит. иссл. 2009. С. 8-9.

¹⁷⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. /Пер. Е. Руткевич. М.: Медиум. 1995. С. 150-159.

основном таких не много, и делается это простым и несложным языком через визуализацию. Возможно, эволюцию исторических форм политической легитимности и предпочтение некоторых сохранившихся их рудиментарных элементов режимами для ряда современных целевых аудиторий способна разьяснить классификация легитимации. Бергер и Лукман выделяют четыре уровня легитимации: а) дотеоретический (основа первичного знания); б) типизация обыденного сознания (легенды, народная мудрость, сказки); в) теоретический (дифференцированное знание); г) символический (символические универсумы как целые области целостных символических значений, социально объективированных и субъективно понимаемых как реальных). То есть порядок и его институты в итоге легитимируются в целостную смысловую систему, мир через определенные символические значения.

Отечественные и зарубежные политологи имеют много общего в подходах к категории легитимации. К примеру, российские исследователи (В.В. Ачкасов, С.А. Ланцов, С.М. Елисеев¹⁷⁵) видят сущность легитимации в поддержке власти со стороны широких слоев граждан либо связывают легитимность с технологиями формирования авторитета основных политических институтов (К.Ф. Завершинский¹⁷⁶). А.И. Соловьев, как и К. Шмитт, четко отделяет легальность, легализацию от легитимности, легитимации. Соловьев также останавливается на эффекте метаморфозы политической легитимности, определяя его в качестве естественного процесса, когда в ходе общественной эволюции сама политика приспособлялась под более современные легитимационные технологии упрочнения власти, учитывающие процесс ее децентрализации и деконцентрации, возникновение неиерархических, оперативных каналов

---

¹⁷⁵ Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М.: Аспект-Пресс. 1996. С. 3-7.

¹⁷⁶ Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта //Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 113-131.

политической коммуникации и так называемых «технотелемедиумов»¹⁷⁷ – особых электронных площадок распространения смыслов и политического контента. М.В. Ильин и А.Ю. Мельвиль в своей статье отмечают, что гораздо большее значение для легитимности имеет вера в то, что политический актор имеет право управлять¹⁷⁸. Н.А. Баранов также пишет, что власть становится легитимной в случае, когда управляемые сами соглашаются, чтобы ими управляли¹⁷⁹.

Но у отечественных исследователей политической легитимации всегда имелась серьезная специфика. И ее требуется пояснить. После средневековья западноевропейская традиция осмысления легитимности и легитимации стала производной от более конкретного разделения светской и духовной власти. В России подобного рода жесткого размежевания во всех социальных группах не возникло (раньше всего – в основном у элиты). Начиная с отечественной дополитологической (политико-философской) публицистики Древней Руси сохранялось не нормативное, а сакральное обоснование власти. Возникает интересный вопрос – почему данная традиция укоренилась не на Западе, а на Руси, а позже в России? Вероятно, это произошло по политико-географическим причинам. Во-первых, древнерусскому, а затем российскому населению пришлось постоянно осваивать новые территории от Балтики, Днепра до Тихого океана и Северной Калифорнии с целью поиска пригодных для земледельческой работы пространств, при этом климатические условия Европы были более благоприятные, позволяя избежать ее населению фактора рискованного земледелия и снимать лучшие урожаи. Во-вторых, для контроля и защиты широко расселившегося населения потребовался довольно мощный институт государства, который смог бы сформировать администрацию на местах, армию, перераспределять ресурсы и мобилизовать людей.

---

¹⁷⁷ Соловьев А.И. Политический облик современности: очевидность явления //Общественные науки и современность. 2001. №5. С. 66-81.

¹⁷⁸ Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть //Полис. Политические исследования. 1997. № 6. С. 160-161.

¹⁷⁹ Баранов Н.А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб.: Балтийский Гос-ый. Техн. Университет. 2008. С. 50-51.

Изначально подобное государство базировалось на принципах сакральности¹⁸⁰, общинности (коллективности) и справедливости, а, следовательно, ему было мало лишь легального (законного, нормативного) компонента политической легитимации. Естественно, кроме политико-географических факторов на специфику технологий отечественной легитимации повлияли и ценностно-символические причины (наследие Византийской империи, православная этика и традиции). Скорее, все эти факторы и причины действовали в совокупности.

Весьма глубокие соображения о недостаточности нормативной (законодательной) стороны для прочности власти в «Слове о Законе и Благодати» делает первый древнерусский митрополит Иларион Русин (Киевский), четко отделяя Благодать и Закон. Митрополит отводил центральное значение именно категории Благодати, соотнося ее с истиной, сакральным, свободным и грядущим, тогда как категория Закона у Илариона обладает второстепенным характером и поэтому связывается с тенью Благодати, всем земным и рабским. Закрепление сакральной традиции осмысления политической легитимации на Руси видно и на примере «Поучения» Владимира Мономаха, который советовал будущим правителям чтить и обеспечивать священников, чтобы через них получить божественную «милость». Сразу обращает внимание на себя то, что Мономах не отделял сакральное понимание власти от ее практической, созидательной миссии¹⁸¹. Бережное отношение к данной традиции видно и в эпоху преемницы Древнерусского государства – средневековой России. Так, Иван Грозный в своем первом послании Андрею Курбскому пишет о божественном обосновании царской власти, сравнивая противников царя с наихудшими грешниками. Но, как раньше и Мономах, первый русский царь не просто отмечает божественность ореола своей власти, а прочно соотносит ее с

---

¹⁸⁰ Конопкин А.М. Сакральная «тень» как инструмент легитимации власти в первобытных обществах //Власть. 2014. Т. 22. №7. С. 125-129.

¹⁸¹ Повесть временных лет. /Пер. А.Г. Кузьмина. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна. 2016. С. 226-227.

категориями практики, созидания и справедливости¹⁸². Хотя он и не допускал полного совмещения духовной и светской власти.

Более поздняя отечественная политическая публицистика являет собой показательный пример по сохранению традиции сакрального обоснования легитимации власти. Сподвижник Петра I Феофан Прокопович видел опору власти в справедливом и сакральном, христианском порядке (богоданном)¹⁸³. Ф.И. Тютчев в своей работе «Римский вопрос» итогом «святотатственного поединка» императоров и римских пап на Западе видел удар по принципу сакральной власти¹⁸⁴. Н.Я. Данилевский, развивая тезис о «политической аскезе» – подчинении личной воли общественному благу, изучал культурно-исторические народные основания власти¹⁸⁵. И позже П.И. Новгородцев, сравнивая католические, протестантские и православные основания власти в разных странах, выделял коллективистскую традицию ответственности всех за каждого и каждого за всех в православной дореволюционной России¹⁸⁶.

И.С. Аксаков писал о родстве российской власти с понятиями божественного, правды и совести¹⁸⁷. Любопытно, что дореволюционные политические публицисты считали причиной делегитимации и крушения монархического режима процесс десакрализации института императора. Что хорошо показал В.В. Шульгин на примере отношения общества к «распутинщине»¹⁸⁸. С другой стороны, Л.А. Тихомиров в своих работах писал о рисках для верховной императорской власти со стороны административного (служебного) аппарата в ходе непродуманной модернизации системы

---

¹⁸² Иван Грозный. Государь. Сост. и примеч. В.Г. Манягина. Изд. 4-е. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна. 2016. С. 52-53, 56.

¹⁸³ Феофан Прокопович. Сочинения. /Под ред. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд. АН СССР, Инст. русск. лит. 1961. С. 23-29, 42-48, 76-93.

¹⁸⁴ Тютчев Ф.И. Россия и Запад. /Сост., вступ. ст. Б.Н. Тарасова. М.: Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна. 2016. С. 86.

¹⁸⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм. 2018. С. 244-245.

¹⁸⁶ Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет. 1995. С. 411.

¹⁸⁷ Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. /Сост. и коммент. С. Лебедева. М.: Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна. 2016. С. 261.

¹⁸⁸ Шульгин В.В. Дни; 1920 год. М.: ПРОЗАиК. 2017. С. 79.

государственного управления¹⁸⁹. Процесс десакрализации института императора приводит к тому, что в начале XX века ореол сакрального обоснования власти переносится населением на само государство. Об этом, как о свершившемся факте, пишет И.А. Ильин, подмечая за российским государством мощную власть постольку, поскольку оно имеет некую высшую, божественную и единую цель¹⁹⁰. Но, если же, предупреждает Ильин, служения общей цели нет, то государство ослабевает.

Отношение к категории легитимации у российских и западных политических мыслителей отличается и по причине их специфического подхода к самому феномену политики. Например, если К. Шмитт объясняет политическое на основе выявления антагонистического маркера «друг-враг»¹⁹¹, то тот же И.А. Ильин отписывает политическое только с точки зрения единого, коллективного, имеющего общие интересы¹⁹². Таким образом, российские политические публицисты давно обратили внимание, что отечественные приемы легитимации в качестве своего источника изначально имели коллективизм, общность интересов и традиций различных категорий населения, а не просто нечто сакральное, высшее, божественное. Возможно, по этой причине Ильин под государством понимал духовную общину. Сакральное плюс коллективное давало формулу русской политической легитимации. Легитимность, делегитимация, легитимация и иные связанные с ними, по сути, термины всегда подчеркивали сакральную мессианскую функцию действующего режима. Такую традицию не смогли предать забвению даже большевики. Н.А. Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» сравнивал ценностные источники дореволюционной

---

¹⁸⁹ Матюхин А.В. Ключевые категории политической власти в монархической теории Л.А. Тихомирова // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №4. С. 115-128. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/19594/view> (дата обращения: 29.03.2021).

¹⁹⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. /Сост. О.А. Платонов. М.: Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна. 2017. С. 233.

¹⁹¹ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца. 2016.

¹⁹² Ильин И.А. Путь духовного обновления. /Сост. О.А. Платонов. М.: Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна. 2017. С. 237.

монархии с новым коммунистическим государством и находил в них много схожего со священным царством¹⁹³.

Не только Шмитт, Битем, Алмонд, Пауэлл сходятся в важности неформальной стороны власти, отходя от нормативно-силовой традиции понимания легитимации Вебера. В своей книге «Понятие власти» русский политический мыслитель А. Кожев предложил разграничить «авторитарный» режим, основывающийся на авторитете власти, и «мажоритарный» режим, опирающийся лишь на силу¹⁹⁴. В отличие от Вебера, сосредоточившегося в своем анализе видов легитимации на принципах силы и принуждения, Кожев четко разграничивает термины «сила» и «власть»¹⁹⁵, считая, что власть, не базирующаяся на силе, может использовать лишь авторитет, в свою очередь, формирующий силу, тогда как сила не может породить авторитет. Тезис Кожева весьма важен для понимания современных коммуникационных приемов легитимации политического режима. В случае, если анализировать политическую легитимацию через многомерный принцип, то придется принять не только силовую составляющую и принуждение, но и формирование авторитета самой власти. Авторитет власти как раз и связан с такими понятиями как убеждение, поддержка, доверие и согласие.

Советский ученый Э.Н. Ожиганов связывал легитимность со способностью политического режима формировать свою социальную базу, а также положительное отношение к действиям властей в массовом сознании¹⁹⁶ (т.е. к самим приемам легитимации). Такой пронизательный взгляд во многом пересекается с моделью легитимации Д. Истона. В.Н. Амелин указывал на важность легитимационных приемов оправдания установленной системы политических отношений, общих правил игры¹⁹⁷, что, несомненно, сближает

---

¹⁹³ Бердяев Н. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2016. С. 119.

¹⁹⁴ Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис. 2006. С. 61.

¹⁹⁵ Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис. 2006. С. 97.

¹⁹⁶ Ожиганов Э.Н. Политическая теория Макса Вебера: Критический анализ. Рига: Зинате. 1986. С. 5-9.

¹⁹⁷ Амелин В.Н. Власть как общественное явление //Социально-политические науки. 1991. № 2. С. 3–15.

его трактовку с моделью С. Липсета. Л.Г. Фишман же замечает¹⁹⁸, что в России, в отличие от Запада, гражданское общество как источник легитимации начало складываться позже, поэтому легитимационные практики были связаны с более традиционными приемами оправдания политического режима.

Отчасти осознание коллективистского начала для объяснения механизма политической легитимации сохранилось и у современных российских политологов. Быть может, по этой причине, по оценке Г.А. Белова, в отечественном понимании легитимность соотносится с общинно-демократическим, народоправным и даже единоправным началом¹⁹⁹. К.С. Гаджиев пишет о схожем термине легитимизации, как о признании большинством общества права на господство существующего политического режима²⁰⁰. А.А. Керимов справедливо замечает, что основной функцией легитимности является сохранение согласия в социуме в отношении действующего политического режима, его правомерности, участия, активности граждан в его поддержке, а также формировании предпосылок для поддержания и повышения авторитета власти²⁰¹. Иными словами, в качестве основы механизма легитимности понимаются технологии легитимации. При этом Керимов пишет, что повиновение населения власти может достигаться лишь при конструировании системы их взаимоотношения, без которой не будет ни согласия, ни поддержки. Исследователь проницательно предупреждает, что легитимность, конечно, можно обеспечить на какое-то время силой в условиях катастрофы, войны, чрезвычайных обстоятельств,

---

¹⁹⁸ Фишман Л.Г. Гражданское общество в России: легитимация или оправдание власти? //Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2001. Вып. 2. С. 129–135.

¹⁹⁹ Легальность и легитимность власти (круглый стол в МГУ) //Полис. Политические исследования. 1994. № 2. С. 189.

²⁰⁰ Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М.: Логос. 1997. С. 151-152.

²⁰¹ Керимов А.А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели //Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2015. № 1 (137). С. 81-91.

однако постоянное обращение к силовым методам чревато падением политического режима.

А.-Н.З. Дибиров также усматривает основу механизма легитимности в несиловых легитимационных приемах, отводя центральное значение процессу соотнесения глубоких народных верований и представлений о некоем идеальном порядке, власти с действующим политическим порядком и с категориями безопасности и благосостояния²⁰². К.Ф. Завершинский в целом соглашается с тем, что политическая легитимация является символическим механизмом, репрезентирующим аспекты современных политических коммуникаций. Он предлагает ее изучать в нескольких сферах: предметной (в связи с политическими коммуникациями), социальной (понять, как сами политические акторы понимают легитимность своей позиции) и темпоральной (учет политики памяти, символической связи прошлого режима с его будущим)²⁰³.

Преимственность в традиции сакрального осмысления политической легитимации от Илариона и Ивана IV до Тютчева и Ильина совершенно очевидно прослеживается в политологических работах современной исследовательницы Н.Г. Щербининой, которая на примерах глубокого разбора отечественных политических мифов (особенно змеборческого мономифа, связи образа Георгия Победоносца с понятием справедливости, победой «добра» над «злом», порядка над хаосом) и сакральных традиций довольно основательно изучила героическую символическую репрезентацию как привычный способ легитимации российской политической власти²⁰⁴. Особую научную ценность приобретает тот тезис Щербининой, согласно которому героико-символическая репрезентация власти обретает новую актуальность и

---

²⁰² Дибиров А.-Н. З. Теория политической легитимности: курс лекций. М.: РОССПЭН. 2007. С. 31-33.

²⁰³ Завершинский К.Ф. Легитимация политической власти: морфология научного дискурса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. №4. С. 4-18.

²⁰⁴ Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН. 2011. С. 90.

значение для легитимации режима именно в переломные периоды существования России.

Резюмируя сказанное по параграфу, важно отметить несколько выводов. Во-первых, данная работа не случайно опирается на функциональный подход к политическому режиму. В авторской трактовке политический режим – это порядок функционирования политической системы, предполагающий разнообразные способы воздействия субъекта управления на сознание и поведение объекта управления. Можно заключить, что такое видение основано как на разработках зарубежных, так и российских политологов (к примеру, на тезисах одного из основателя Чикагской школы политического бихевиорализма Г. Лассуэлла, по которому у каждой фазы политико-управленческой деятельности есть функциональное значение, тезисах Г. Блумера, Г. Беккера, Д. Истона, модели социального действия Т. Парсонса, а также на идеях профессора факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета Н.А. Баранова, оценках А.И. Соловьева и концептуальном анализе власти В.Г. Ледяева). Функциональный подход к политическому режиму отражает современную картину развития политических систем, не исключая, а учитывая, как инструментальные, так и институциональные трактовки данного феномена. Опираясь на исследования Г. Беккера и профессора М.Н. Грачева, функциональный подход к политическому режиму и многомерный принцип в анализе его сетевой легитимации логично связать с феноменом политической коммуникации, означающей механизм конструирования, отправки, получения и обработки тех сообщений, которые оказывают сильное влияние на политику. Качественное функционирование политического режима взаимосвязано с постоянным внедрением разнообразных технологий легитимации, которое должно соответствовать разнообразию управленческой системы. В случае, если это правило нарушается, то режим становится дисфункционален и возникают риски делегитимации.

Во-вторых, теоретическая модель М. Вебера, к сожалению, не всегда подходит для политологического исследования легитимации современных политических режимов по объективным причинам: игнорирования возрастающей роли интернет-пространства в политике и излишней гиперболизации факторов легитимного насилия и харизматического лидерства. Хотя актуализация сетевого феномена в политологических работах – сравнительно недавний тренд, на самом деле сеть – чрезвычайно древнее социально-политическое изобретение, означающее гетерархичность, а не иерархичность и ведущее свое начало от практики синойкизма – объединения нескольких общин в одну крупную общину при пересечении их управленческих систем. Легитимация политического режима – это процесс достижения, сохранения легитимности – согласия общества и власти по вопросам справедливости, оптимальности коммуникаций и технологий действующих политических институтов.

В-третьих, следует заметить, что в политологическом осмыслении категории легитимации между отечественными и зарубежными авторами есть как определенные точки пересечения, так и принципиальные различия. В первую очередь, большинство политологов причисляют к признакам политической легитимации такие понятия как доверие, согласие и авторитет. У европейских политологов часто встречается модель, где в осмыслении легитимации включена следующая дихотомия: легитимность возможна, если, во-первых, субъект управления осознает и качественно исполняет свою миссию; во-вторых, объект управления соглашается с данным положением (Д. Штернбергер, Ж. Шабо).

Сосредоточенность американских (Д. Истон, Д. Хелд, М. Алагаппа) и европейских (Д. Битем, Н. Боббио) политологов на исследовании согласия сближает их с моделями российских политологов (К.С. Гаджиев, А.А. Керимов). Сходство между отечественными и зарубежными работами очевидно в том, что политическая легитимация, ее технологии в основном

рассматриваются как второстепенные по отношению к базовому феномену легитимности.

Однако все же можно говорить о принципиальной специфике – ряд западных политологов изучают такой признак легитимации как согласие в тесной привязке именно к эффективности власти (С. Липсет, Х. Кельзен, Х. Линц). Отечественные же политологи (Г.А. Белов, Дибиров А.-Н.З., Н.Г. Щербинина), исследующие согласие как ключевой элемент легитимации, сохранили определенную преемственность в отсылке к дореволюционной политической публицистике: во-первых, выделявшей сакральную природу власти (традиция от Илариона Русина, Мономаха, Феофана Прокоповича, дошедшая до современности через Ф.И. Тютчева, И.С. Аксакова, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина); во-вторых, усматривавшей основу власти в общих интересах и коллективистских ценностях и традициях населения (традиция от Н.Я. Данилевского, П.И. Новгородцева к А.А. Зиновьеву). Зарубежные политологи больше рассматривают не сакральную, а коммуникационную природу политической легитимации (М. Фуко, П. Бурдьё, Д. Хелд, Ю. Хабермас). Это вовсе не означает, что зарубежных, особенно западных политологов совсем не волнуют те же символические проблемы политической легитимации (достаточно упомянуть имена глубоко изучивших этот аспект Г. Блумера, Г. Беккера, П. Бергера и Т. Лукмана), однако таковых значительно меньше, чем исследователей, посвятивших свои работы таким аспектам власти как политическая коммуникация, политическая технология, эффективность, менеджмент и маркетинг.

Представляется логичным, что оптимальным методологическим приемом в исследовании политической легитимации будет учет обеих сторон ее природы – сакрально-ценностной и коммуникационно-технологической. Между тем сочетание аксиологического и коммуникационного измерений не препятствует рассмотрению политического режима как порядка, когда субъект управления через разнообразные технологии воздействует на поведение и сознание объекта управления с целью его подчинения своим

интересам. Наоборот, символика, ценности, политическая мифология используется в хорошо описанных В.Г. Ледяевым технологиях воздействия субъекта управления на объект управления – убеждения, манипуляции, принуждения, побуждения, применения авторитета. Данные технологии в условиях открытого Г. Блумером процесса интерпретации не просто применяются субъектом управления, а признаются объектом управления как неизбежная повседневная реальность. И если все технологии воздействия субъекта управления на поведение и сознание объекта управления не отвергаются последним и обретают процедурный характер, то и возникает та самая легитимность политического режима в понимании С. Липсета – субъект управления формирует и поддерживает убежденность объекта управления в справедливости, эффективности коммуникаций и технологий действующих политических институтов. Такая убежденность создает базу для поддержки гражданами власти. Если же субъект управления по каким-то причинам не может через технологии легитимации поддерживать убежденность объекта управления в справедливости и эффективности функционирующих политических институтов, то возникает описанный Хабермасом и Липсетом кризис легитимности, а также циклы легитимации, предложенные К. фон Гальденвангом. Модель Гальденванга логично скорректировать тем, что легитимность политического режима предполагает циклы легитимации и делегитимации, зависящие от умения и способности субъекта управления поддерживать убежденность в объекте управления о справедливости и эффективности функционирующих институтов.

Разработки С. Липсета, В.Г. Ледяева, Г. Блумера и К. фон Гальденванга дают важный ключ к пониманию взаимосвязи политического режима и его технологий нисходящей легитимации²⁰⁵ на основе отношений субъекта и объекта управления, эмоциональной и рациональной, внутривластной и внешнеполитической стороны данного процесса.

---

²⁰⁵ Гасратова Ф.М. Современные технологии и механизмы легитимации власти //Вестник университета. 2014. № 16. С. 21-25.

Фрактальность политической власти, зависимость властных субъектов и объектов от вызовов меняющихся социальных аттракторов заставляет говорить о сочетании перечисленных функциональных уровней легитимации с эффектом циклов легитимации и делегитимации, основанных на традициях согласия и несогласия²⁰⁶, разной оценке населением функциональности и дисфункциональности власти. К примеру, если во Франции и США протестная культура может рассматриваться как матрица сохранения обратного контура связи общества и власти, условием режимной легитимации, то в постсоветских странах (Россия, Казахстан и др.) картина совершенно иная. Вот почему необходимым условием работоспособности такой аналитической схемы является поправка на политико-культурные, цивилизационные особенности политического режима.

Можно предложить собственную модель легитимации политического режима, выделив следующие ее уровни с учетом функционального подхода: технологический, персональный, институциональный и ценностный. Данные уровни – от наиболее утилитарного, профанного «технологического» до самого высшего, сакрального «ценностного» – наиболее оптимально работают в сетевой совокупности и двух измерениях – внутривластном и внешнеполитическом, совмещаясь между собой и усиливая друг друга по принципу фрактальности. В «чистом виде» не один уровень (или измерение) легитимации не способен обеспечить устойчивость и работоспособность политического режима. Наиболее действенный вариант заключается в адекватном сочетании этих уровней элитой режима.

Технологическая легитимация – это базовый функциональный уровень формирования согласия между объектом управления (гражданами, их группами) и субъектом управления (элитами, их партиями и правительством) через цифровые технологии. На этом прикладном уровне посредством сетевых технологий и коммуникаций распространяется нужный власти политический

---

²⁰⁶ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН. 2011. С. 132.

месседж и происходит управление политической повесткой, результатом чего является минимальный порог доверия к деятельности политического режима. Ж.-Л. Шабо писал о схожем типе легитимации – технократическом²⁰⁷. Связь медиадискурса в политических коммуникациях с феноменом легитимации политических режимов интересует и других авторов²⁰⁸. Недостаточность технологического уровня сужает возможности субъекта власти влиять на объекты власти²⁰⁹. С другой стороны, не стоит идеализировать этот уровень и считать неким объективным. Абсолютно все типы современных политических режимов практикуют манипулятивные технологии в целях собственной легитимации путем контролирования среды формирования общественного мнения – коммуникативного пространства²¹⁰. Технологический уровень легитимации на практике проявляется в интернет-коммуникациях и обеспечивается использованием субъектами управления социальных сетей, облачных ресурсов, микроблогов, мобильных приложений, искусственного интеллекта, интернета вещей, дополненной реальности и других цифровых технологий и площадок. Технологическую легитимацию невозможно вообразить без инновационной экономики, цифрового, технологического суверенитета страны. Технологический уровень легитимации достигается через систему адаптированных под гаджеты, компьютеры, цифровые ресурсы алгоритмов (API).

Персональная легитимация – это имиджевый функциональный уровень установления согласия между объектом и субъектом управления через яркие и понятные образы представителей власти. Доверие к политическому режиму является ключевым результатом целеполагания этой легитимации через

---

²⁰⁷ Шабо Ж.-Л. Основные типы легитимности //Полис. Политические исследования 1993. №5. С.137-143.

²⁰⁸ Hurrelmann A., Krell-Laluhová Z., Nullmeier F., Schneider S., Wiesner A. Why the democratic nation-state is still legitimate: A study of media discourses //European Journal of Political Research. 2009. №48(4). P. 483-515.

²⁰⁹ Соловьев А.И. Культура власти. М.: Николь. 1992. С. 126.

²¹⁰ Гаврилюк С.И. Информационно-манипулятивные технологии как составляющая легитимации политической власти в Украине: попытка анализа //Studia Humanitatis. 2016. №4. URL: <http://st-hum.ru/content/gavrilyuk-si-informacionno-manipulyativnye-tehnologii-kak-sostavlyayushchaya-processa> (дата обращения: 12.08.2020).

активность политических лидеров. Легитимация персонального плана с помощью простых и запоминающихся образов связывает между собой все остальные уровни легитимации – технологический, институциональный и ценностный. М. Вебер близко подошел к осмыслению этого персонального уровня одним из первых, писав о харизматической легитимности и легитимации. Данная разновидность сохранилась в модели К. фон Гальденванга. Персональный тип легитимации выделяют Д. Истон и А.В. Скиперских²¹¹. В современной политической практике наибольшую перспективу для реализации персональной легитимации представляет дополненная реальность и так называемая политическая голограмма, приобретающая благодаря спутниковой связи, социальным сетям и потенциалам голографического чата и телевидения сетевой характер.

Институциональная легитимация – это функциональный уровень организации согласия между гражданами и политическим режимом через создание образа эффективных и работоспособных институтов – правительства, парламента и партий. Авторитетность принимаемых решений политическим режимом – кардинальный компонент институциональной легитимации. Преобладание работы правительства и его органов государственной власти в ущерб партийной, парламентской работы создает риски обвинений в бюрократизме, волоките и авторитаризме. Ставка только на работу проправительственных партий формирует почву для критики власти за непрофессионализм и популизм. Следовательно, в условиях цифровизации политики важно достижение баланса участия правительства и партий в разработке и реализации политических решений. И достижение данного баланса партий и правительства политическому режиму необходимо отражать в сетевых коммуникациях. Такой тип легитимности М. Вебером назывался

---

²¹¹ Скиперских А.В. Легитимация власти в теоретических построениях российского и зарубежного политологического дискурса //Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. №8(39). С. 136-144.

рационально-правовым, К. Шмиттом плебисцитарно-демократическим²¹², Д. Истоном – структурным, Ж.-Л. Шабо – демократическим. О схожем явлении писал Н. Боббио и К. фон Гальденванг. С. Липсет связывал этот уровень с эффективностью²¹³. В случае институциональной легитимации происходит смена предпочтений правящих элит от использования e-government к внедрению в подконтрольные им политические коммуникации и цифровые площадки искусственного интеллекта.

Ценностная легитимация – это символический функциональный уровень закрепления согласия между гражданами и политическим режимом, обеспечивающий ценностное обоснование любых действий власти. Основное целеполагание ценностной разновидности легитимации – воспроизводство сакральной, мессианской роли политического режима. Данный высший тип легитимации особенно помогает власти во время институциональных кризисов, когда другие технологии легитимации уже не работают. Иногда возникает апелляция политиков к особым цивилизационным ценностям. Поэтому, несмотря на внешнюю рудиментарность и архаичность символической основы ценностной легитимации, ее актуальность сохраняется и в условиях процесса цифровизации политики. Этот тип легитимации рассматривался М. Вебером как традиционный, К. Шмиттом – династический, Д. Истоном – идеологический, Ж.-Л. Шабо – идеологический и онтологический, Р. Итвелом – культурный, М. Макгилом – религиозный, К. Завершинским – хтонический²¹⁴, К. фон Гальденвангом как порядок на основе значения. Причем Истон в идеологической легитимации признавал две ее формы проявления – собственно легитимационную и партизанскую. Первая

---

²¹² Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца. 2016. С. 263-264.

²¹³ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. /Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль. 2016. С. 94-95.

²¹⁴ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. N.Y., London, Sydney. 1965. P. 289-291; McGuire M.B. Discovering Religious Power //Sociological Analysis. 1983. № 1. Vol. 44. P. 1-10; Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта //Полис. Политические исследования. 2001. №2. С. 113-131; Итвел Р. Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий //Социологические исследования. 2003. № 3. С. 10-12.

практикуется для прямой поддержки режима, а вторая действует в случае выдвижения самой властью дополнительных, альтернативных кандидатов. Причем ценностная легитимация шире идеологических приемов²¹⁵. Но важнее другое – с приходом цифровизации, сетевых технологий и коммуникаций ценностная, символическая сфера стала видоизменяться, но никуда не исчезла, продолжая использоваться субъектами управления для удержания контроля над объектами управления. Ценностная легитимация во многом может быть связана со справедливостью (при этом нужно делать поправку на цивилизационные и страновые специфики понимания справедливости). В киберпространстве ценностная легитимация может опираться на мемы и хэштеги – эволюционирующие плакаты и лозунги. Идеология не исчезла, она перешла на новый коммуникационный уровень.

Каждый уровень легитимации достигается и обеспечивается соответствующими технологиями – легитимационными практиками, фрактально дополняющих друг друга. Например, конструирование провластных сетевых сообществ предполагает ценностную, технологическую, институциональную и персональную легитимации. Также все перечисленные технологии легитимации должны учитывать внутривластное (поддержка со стороны населения) и внешнеполитические (признание со стороны других государств) измерения (о чем писали Ф. Фукуяма, Дж. Везерфорд, Г. Киссинджер, В. Зубок («народная легитимность»), В.Л. Цымбурский, А.И. Соловьев²¹⁶. Тем самым обосновывается логика изучения именно сетевой легитимности и легитимации, способной сочетать все обозначенные нюансы.

---

²¹⁵ «Технология власти» (философско-политический анализ). /Отв. ред. Р.И. Соколова, ред. В.И. Спиридонова. М.: ИФ РАН. 1995. С. 34-35.

²¹⁶ Зубок В.М. Источники делегитимации советского режима //Полис. Политические исследования. 1994. №2. С. 88-97; Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа. 2011. С. 186-189; Киссинджер Г. Мировой порядок. /Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ. 2018. С. 17-18; Фукуяма Ф. Сильное государство. М.: АСТ. Хранитель. 2006. С.157 - 199.

1.2. Процесс цифровизации: значение для общества и политического режима

В узком смысле под цифровизацией подразумевается трансформация различного плана информации в цифровой формат для увеличения возможностей и уменьшения издержек развития системы. Тогда как в широком смысле под цифровизацией понимается единый для человечества тренд эволюции политики, общества и экономики, базирующийся на переводе любой информации в оцифрованный вид и позволяющий создавать условия для повышения качества жизни человека и эффективности экономики²¹⁷. Цифровизации подвергаются государство, политические партии, политические лидеры, элиты, а также политические режимы как специфические порядки функционирования политической системы. Оцифровка контента может формировать новые отрасли экономики, сокращать материальные затраты, создать мощную технологическую базу для развития коммуникаций, гражданского общества и демократии, с другой же стороны – заложить основы для политических симулякров и манипулятивных практик. Поэтому для определения цифровизации категории оцифровки недостаточно, необходим критерий более фундаментального характера.

Иногда основной отличительной чертой цифровизации исследователи называют появление цифровых медиа. Л. Манович как раз предлагает говорить о подобных цифровых медиа, характерной особенностью которых, по его мнению, является масштабное внедрение софта – средств программного обеспечения (по сути, разнообразных программ). Свойства цифровых медиа определяются принципом изменчивости и конкретной программой, а не находятся в самом контенте²¹⁸. И.А. Исаев, пишущий об особых «машинах власти», замечает, что цифровизация накладывает собственный количественный порядок на качественную сторону реальных отношений.

---

²¹⁷ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски //Управленческое консультирование. 2018. №10. С. 46-61.

²¹⁸ Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная Ласточка. 2017. С. 29; 54-55.

Цифрование связано с обозначением ранга, уровня, степени – различных иерархических элементов²¹⁹, что порождает проблему соотношения демократического процесса с технократическими трендами.

Характерно, что известный индекс цифровизации экономики и общества (DESI), рассчитываемый по 31 показателю из укрупненных параметров (подключение государства к средствам связи; человеческий капитал; использование гражданами интернета; цифровизация бизнеса; цифровизация публичных услуг), учитывает в первую очередь уровень развития сетевых коммуникаций: развитие широкополосного интернета, доступ к мобильному интернету, чтение гражданами онлайн-новостей, распространение социальных сетей. На тесную связь цифровизации с сетевой природой коммуникаций указывает и ряд авторов, понимая под ней активное распространение цифровых технологий, углубление распределения, дифференциации власти, влияния основных акторов в коммерческой сфере, оформление цифрового публичного пространства, а также новой формы представительства – кибергосударства²²⁰. Цифровизацию также оценивают по глобальному инновационному индексу (ГИИ) и индексу сетевой готовности (NRI). В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» от 2017 г. также провозглашается приоритет принципов сетевой коммуникации, когда обозначено значение создания информационной инфраструктуры, цифровой безопасности информационного взаимодействия граждан и цифрового суверенитета²²¹.

Цифровизация различных сфер общества связана с параллельным развитием сетевого и программного (на основе всевозможных приложений и софта) формата взаимодействия различных акторов (государства, граждан,

---

²¹⁹ Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии: монография. М.: Проспект. 2019. С. 6.

²²⁰ Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Колл. моногр. /Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс. 2018. С. 250-283; 275.

²²¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 24.05.2019).

бизнеса) и фиксируется в следующих процессах: появлении соответствующей нормативной базы; формировании нового корпуса кадров; создании институциональной основы цифровизации (внедрение информационной структуры и необходимых органов власти); переводе информации, необходимой для сетевой коммуникации в цифровой формат; разработке системы информационной безопасности. Цифровизация политики является сопутствующим, но более специфическим процессом и предполагает: внесение соответствующих изменений в законодательство (возможность интернет-выборов, электронного референдума и т.п.); возникновении когорты специалистов (как работников избирательных комиссий, профильных правительственных ведомств, так и политконсультантов, применяющих технологии политической пропаганды, дополненной реальности, искусственного интеллекта, политических голограмм), непосредственно связанных с организацией политического процесса посредством интернет-коммуникаций; формирование киберполитической институциональной среды (внедрение структуры органов, организующей электронные выборы, интернет-партий); разработку принципов кибербезопасности политического режима (защита от хакерских атак, практика блокчейн и т.п.).

Процесс цифровизации политики затрагивает как общество в целом, так и его политический режим в частности. Во-первых, инициатором цифровизации может быть бизнес, заинтересованный в сокращении затрат и издержек, расширении клиентской базы, улучшении своего имиджа и репутации на рынке, опережении конкурентов и увеличении прибыли. Из-за этих причин бизнес заказывает аналитику рисков и потенциалов цифровизации своей деятельности, финансирует научные исследования, а также лоббирует соответствующие законопроекты. Во-вторых, в качестве мощного инициативного актора по цифровизации всего общества часто является государство, т.к., по сути, только оно имеет все возможности и ресурсы для такого полномасштабного проекта национального уровня. Но опять же, государство берет чей-то опыт – на деле того же бизнеса: в сфере

коммуникации, области предоставления услуг, аналитической работе. Ярким примером заимствования опыта бизнеса государством могут служить технологии по конструированию политического образа. В-третьих, в отдельных случаях инициаторами цифровизации социальной жизни могут быть политические партии, различного плана оппозиционные группы, отдельные политические лидеры, исследователи, политологи, IT-специалисты, общественные деятели и их организации, представители зарубежных государств, фирм и транснациональных кампаний. В то же время все перечисленные акторы будут так или иначе связаны либо с государством, либо с бизнесом конкретной страны.

Цифровизация – это процесс переноса политических и социально-экономических явлений в условия функционирования цифровых платформ, приложений, медиа, компьютерных программ и алгоритмов. Ядром цифровизации является наличие алгоритмов²²². Специфика цифровизации – формирование медиакорпорациями и связанными с ними режимами условий социотехнической реальности²²³, где техническое, его алгоритмы настолько тесно переплетается с социально-политическими практиками, что ставят их в зависимость по отношению к собственным коммуникационным правилам и параметрам. Связующим компонентом социального и технического становятся интернет-коммуникации. Но цифровые коммуникации в отличие от прежних аналоговых становятся программируемыми в условиях дискретных сообществ сетевых коммуникаций.

Алгоритмизация через принцип транскодинга подчиняет политическое своим шаблонам – индивиды, социальные и политические процессы подстраиваются под приложения и их программные алгоритмы (технический формат цифровизации). В условиях цифровизации все политические символы и смыслы получают собственный код, который можно менять. Но и

---

²²² Сафронов А.П. Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения. М.: Алгоритм. 2018. С. 135-136.

²²³ Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж». 2019. С. 27.

политическое, социальное влияет на неравномерность темпов цифровизации (сохранение цифрового неравенства путем переноса тех же нерешенных противоречий социального неравенства в обществах). Тем самым проявляется социализация цифровой среды²²⁴, когда интернет-коммуникации становятся проводником все тех же политических отношений, ценностей и конфликтов, фундаментально их не трансформируя. Таким образом и формируется социотехническая реальность как матрица цифровизации. По-другому эту дополненную реальность называют фиджитал-миром²²⁵. Власть через алгоритмы определяют преодолимые и непреодолимые пределы²²⁶ коммуникации, политического для человека. Алгоритмы принимаются обществом по той же причине, что и принимаются бюрократические структуры – из-за своей мнимой безличности, непредвзятости и мифологии рациональной справедливости, о чем писал Д. Гребер²²⁷. Часто навязываемым непреодолимым пределом алгоритмичной власти является рационализация политического, однако и она, по сути, является одним из утопических проектов.

Фундаментальной основой цифровизации является появление капиталистических компаний, создающих *цифровые платформы* – базовые инфраструктуры, которые порождают «сетевые эффекты»²²⁸: а) возникновение коммуникационных арен (социальные сети, блоги, мессенджеры, порталы, форумы, приложения и т.п.), дающих гражданам само право взаимодействовать между собой; б) рост числа пользователей (чем их больше, тем ценней цифровая платформа для других пользователей); в) стремление цифровых платформ к монополистической модели, ориентированной на контроль пользователей и их данных; г) нацеленность

---

²²⁴ Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета //Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138-152.

²²⁵ Moravcikova D., Kliestikova J. Brand Building with Using Phygital Marketing Communication //Journal of Economics, Business and Management. 2017. Vol. 5. №3. P. 148-153.

²²⁶ Кравченко И.И. Политика и сознание. М.: ИФ РАН. 2004. С. 45-47.

²²⁷ Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс. 2016. С. 137-138.

²²⁸ Срничек Н. Капитализм платформ. 2-е изд. М.: Изд. дом. ВШЭ. 2020. /Пер. с англ. М. Добряковой. С. 42-45, 91.

платформ на постоянный сбор и анализ данных пользователей (трансформация данных в особый тип сырья); д) появление специфических «цифровых ритуалов», благодаря которым цифровые платформы получают абсолютный доступ к регистрации граждан на интернет-ресурсах, а также через алгоритмы контролируют их персональные аватары, функционал пользовательского интерфейса посредством стандартизированных операций.

Стержневым элементом цифровизации можно назвать *цифровые ритуалы* (лат. ritus – культовый обряд, церемония) – однотипные социальные действия индивида, возникающие в виде реакции на активность других индивидов в формате интернет-коммуникаций. Исследователи уже выделяли появление ритуалов медиа, основанных на подражании селебрити²²⁹. Примерами цифровых ритуалов являются лайки, дизлайки, ежедневный просмотр френд-ленты, новостной ленты на гаджетах, смартфонах, планшетах, постинг, репост, комментарии в дискурсе, регистрация, аутентификация и т.п. За каждым из этих ритуалов стоит конкретный алгоритм, фактически обретающий ритуальную значимость. Благодаря алгоритмам можно перепрограммировать, заменить любую часть дискретного, фрактально устроенного цифрового пространства, отражающего и копирующего любые политические и культурные смыслы повседневной жизни²³⁰. Интересно, что большинство компьютерных программ представляют собой цикл из последовательно повторяющихся сценариев, что также характеризуется ритуальным характером.

Дефиниция цифрового ритуала как раз устанавливает важную каузальную связь между цифровым, ценностным и политическим. Ритуалы цифрового плана синтезируют мифы о справедливой власти, народоправии, стереотипы об эффективной коммуникации, идеальном лидере. Политическое мифотворчество (культ машины, вера в объективность искусственного интеллекта в оценке политики и т.п.) – основа таких ритуалов, так как оно, в

---

²²⁹ Черных А.И. Ритуалы и мифы медиа. М., СПб.: Центр гум. инициатив, Гнозис. 2015. С. 158.

²³⁰ Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. С. 64-65.

отличие от архаичного мифотворчества, допускает процедуру рационализации²³¹. С помощью распространения цифровых ритуалов реализуется на практике механизм «моментальной массовой сделки», означающий согласие населения с большинством действий власти и допускающий перманентную апелляцию последней к риторике чрезвычайного положения²³². Такие «сделки», если учитывать концепцию биополитики М. Фуко²³³, одновременно осуществляют рациональное управление гражданами через цифровые аватары и заключаются с каждым из них отдельно. Через них осуществляется технология «частичной легитимации власти», происходит регулярное упорядочивание систем, в том числе и общественных²³⁴. Цифровые ритуалы, заданные алгоритмами, способствуют композитингу – подгонке социально-политических действий индивида под готовые шаблоны, этику гипертекста. Стремительное развитие науки и активность IT-корпораций, приводит к тому, что цифровые ритуалы провоцируют два специфических процесса – интерфейсизацию и аватаризацию. Если аватаризация носит более всепроникающий характер и уже определяет функционирование коммуникационного уровня современного общества, то интерфейсизация только намечается и больше служит интересам легитимации политического режима. Начнем с анализа условий цифровой аватаризации общества.

Воспользовавшись методологией SWOT-анализа, рассмотрим перспективы цифровизации для гражданского общества. Безусловной сильной стороной процесса цифровизации общества является оцифровка огромных массивов знания, книг, статей, картин, фото, различных изображений, музыки и т.п. Просветительская сторона этого тренда очевидна – создание электронных копий редких, малодоступных монографий, журналов,

---

²³¹ Кравченко И.И. Политика и сознание. М.: ИФ РАН. 2004. С. 132-134.

²³² Павловский Г. Ироническая империя. Риск, шанс и догмы системы РФ. М.: Европа. 2019. С. 79, 137.

²³³ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978 – 1979 учебном году. /Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука. 2010. С. 26.

²³⁴ Кравченко И.И. Политика и сознание. М.: ИФ РАН. 2004. С. 62-66.

выходивших небольшим тиражом, упрощает доступ к ним специалистов, которые могут быстрее познакомиться с данными различных уникальных научных исследований, то же самое касается не только научной, но и художественной литературы. Гражданин сможет получить любой квант интересующего его знания, приобщиться к достижениям мировой культуры, посетить виртуальные экскурсии, не выходя из собственного дома, не тратя время и деньги на длительную поездку в какой-либо архив или библиотеку. С помощью цифровых ритуалов регистрации и аутентификации на цифровых платформах упрощается доступность различных товаров и услуг для человека. Параллельно усиливаются позиции телемедицины, доступности медицинских консультаций для населения.

Повсеместное установление видеокамер на автомобильных дорогах, дворовых территориях, в магазинах, общественном транспорте и учреждениях мотивируется обеспечением личной безопасности граждан. Создание специальных интернет-порталов для государственных услуг объясняется желанием политиков наладить коммуникацию между обществом и властью, намерением сделать последнюю более эффективной. В основе этих цифровых метаморфоз – переход бизнеса, общественных организаций, движений, самого государства на цифровые платформы в ходе так называемой четвертой технологической революции²³⁵.

Слабой стороной является недостаточное и неравномерное распространение процесса цифровизации во все сферы общественной жизни, неготовность социума к серьезным изменениям. Быть может, поэтому зарубежные эксперты под «цифровой трансформацией» понимают формирование (или изменение) общественной ценности (public value) через государственную политику цифровизации²³⁶. В России же цифровую

---

²³⁵ Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России //Вопросы экономики. 2018. №4. С. 5-25.

²³⁶ Lindgren I., Veenstra A.F. van. Digital government transformation: a case illustrating public e-service development as part of public sector transformation //dgo '18 Proceedings of the 19th Annual International Conference on Digital Government Research. 2018. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1212115/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 04.08.2019).

трансформацию идентифицируют с автоматизацией, заменой одних подпроцессов другими, принятие решений без участия человека в автоматическом режиме (позиция Центра стратегических разработок)²³⁷. Необходимость фундаментальных преобразований для всего общества подменяется отрывочными, косметическими мерами.

Если взять систему государственного управления, образования, науки, то здесь могут одновременно сохраняться как традиционные, так и цифровые приемы. Примером служит дублирование электронного документооборота бумажным форматом. Это приводит к перегрузке, дисфункциональности системы. Причинами неравномерной и поверхностной цифровизации могут служить: такое же неравномерное инвестирование в проекты по внедрению цифровизации (так, например, инвестиции в бизнес электронной книжной продукции могут быть не сопоставимыми с темпами инвестиций в комплектацию новой литературой сельских школ), типичное недоверие государственных, муниципальных служащих, пенсионеров, а также других категорий населения к самому феномену цифровых ритуалов. То есть цифровизации могут препятствовать экономические ограничители – дотационные, невыгодные области, сферы общественной жизни или даже рынка обрекаются на симуляцию этого процесса по сравнению с иными сферами общества и рыночными сегментами. Еще одним ограничителем цифровизации является юридическая сфера – авторское право не даст просто так бесплатно распространять и оцифровывать книги, просматривать фильмы и изображения.

К возможностям цифровизации в общественной жизни можно отнести развитие в будущем обширных коммуникационных сетей, способных оперативно доносить до власти те проблемы, которые важно срочно решать. С одной стороны, общество сможет выстроить «цифровой народный контроль», постоянно выявляющий нарушения закона, прав гражданина, факты

---

²³⁷ Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. М.: Центр стратегических разработок. 2018. С. 3-57.

коррупции с соответствующей доказательной базой. Такие коммуникационные хайвеи будут включать не только уже получившие распространение социальные сети, блоги и видеохостинги, но и систему дополненной реальности (AR) из видеокамер, видеорегистраторов, навигаторов автомобилистов, водителей общественного транспорта, приложений, систему различных компьютеров, баз данных. Активные граждане получают дополнительные возможности дать политикам и профессиональным управленцам совет или всесторонне описать проблемную ситуацию. С другой стороны, власть обретает перспективы построить крупные нейронные обучающиеся сети, которые не только будут аккумулировать социально-экономические проблемы в стране, но также иметь информационные банки адекватных решений. Приближением к искусственному интеллекту здесь будет именно появление такого рода интеллектуальной системы, которая была бы подключена к большинству информационных баз страны и, сопоставляя прошлые и новые проблемы с накопленными кейсами, предлагала бы совершенно новые решения.

Угрозы цифровизации для общества также существуют. Есть определенные риски дегуманизации, когда в ходе новой технологической революции все рычаги контроля над цифровыми ритуалами, их алгоритмами, базами данных, сетевыми коммуникациями и искусственным интеллектом получит узкая группа специалистов. Нельзя забывать и о цифровом неравенстве, когда в будущем из-за роста диспропорции в доходах между группами населения могут возникнуть части граждан, которым блага цифровизации будут более доступны, чем другим, а кому-то и вовсе недоступны. Крупной проблемой остается и грамотное обеспечение информационной безопасности. Остальные риски цифровизации – это компьютерная зависимость, тотальная подмена традиций, ценностей социальной жизни цифровыми ритуалами, уход из реального мира в виртуальное пространство и разрыв социальных связей, формирование гражданина с потребительским сознанием, которому не нужны ценности,

история государства, характерно безразличие к патриотизму и соучастию по отношению к судьбе страны²³⁸. Кроме этой группы безучастных потребителей реальной угрозой для разрушения общества становится и категория граждан, полностью отвергающая российские традиции, как отсталые, ориентируясь на абстрактные смыслы, модели и примеры Запада, но, в то же время, не намеренная брать на вооружение, к примеру, западноевропейский опыт политических реформ.

Перечисленные условия цифровизации гражданского общества и развитие однотипных цифровых аватаров привели к запуску масштабного процесса аватаризации – присвоению индивиду разнообразных идентификационных кодов, номеров, внедрению цифровых документов и подписей. *Цифровой аватар* – это, выражаясь языком М. Маклюэна, виртуальное расширение, воплощение индивида, которое отражает его специфический образ, основные черты характера, поведения, предпочитаемых цифровых ритуалов и разделяемых ценностей, в том числе и политических (достаточно вспомнить, что в ряде аккаунтов соцсетей функционал позволяет указать свои политические воззрения). В качестве примера цифрового аватара можно привести аккаунт пользователя в соцсетях, форумах или блогах. Как правило, цифровой аватар имеет свою «цифровую тень» (считываемую автоматически информацию человека, иногда без его согласия) и «цифровой след» (умышленно оставляемую человеком информацию – лайки, комментарии и т.п.)²³⁹. Сама идея аватара довольно древняя и восходит к функции маски, формирующей дистанцию между носителем и зрителем с архаичных церемоний²⁴⁰. По сути, такой аватар – виртуальное тело человека. И хотя в виртуальном поле есть проблема гендерной перверсии, смены пола, пользователи все же стараются не выходить за границы своих

---

²³⁸ Василенко И.А. Политические процессы на рубеже культур. М.: URSS. 1998. С. 190-191.

²³⁹ Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. Монограф. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2017. С. 244.

²⁴⁰ Канетти Э. Масса и власть. /Пер. с нем. Л. Ионина. М.: АСТ. 2020. С. 558-559.

идентификационных матриц²⁴¹. Это же доказывают и исследования по социализации Интернета²⁴², когда пользователи не выходят за пределы своей идентичности, чтобы им доверяли другие участники коммуникации.

Проблема заключается в том, что появляются искусственные индивиды (на основе анализа психотипов реальных людей²⁴³), также обладающие своими аватарами, что задает новые вызовы для объективной и безопасной политической коммуникации. В соответствующей главе будет показано, что в настоящее время возникло несколько видов цифровых аватаров – репрезентанты реальных людей, репрезентанты на базе искусственного интеллекта (виртуальные чиновники и виртуальные политики) и так называемые ложные цифровые аватары, притворяющиеся иными личностями в деструктивных целях. Пока же важно заметить, что цифровые аватары реальных и искусственных личностей заставляют пересмотреть само понятие субъектности в политической коммуникации, т.к. они способны передавать смыслы, символы и месседжи, весь комплекс социальной информации, незаметно воздействующей на образ мыслей людей²⁴⁴. Аватаризация общества полностью соответствует принципу фрактальности – ИТ-корпорации, заинтересованные в формировании коммуникационных арен для своих потенциальных клиентов, постоянно расширяют практику однотипных цифровых ритуалов и сопутствующих им аватаров. Процесс аватаризации конструирует особую среду из потенциальных объектов власти – целевых аудиторий из групп цифровых аватаров. Такие цифровые аудитории обладают важным диалектическим свойством объекта политической власти – с одной стороны, они фрагментированы – разобщены с другими аудиториями из

---

²⁴¹ Воронина О.А. Виртуальное тело и нормативный гендер в киберпространстве //Человек. 2016. №2. С. 5-14.

²⁴² Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета //Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138-152.

²⁴³ Володенков С.В. Big Data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы //Журнал политических исследований. 2019. Т.3. №1. С. 7-13. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28084/view> (дата обращения: 29.03.2021).

²⁴⁴ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 49.

цифровых аватаров, с другой стороны, – без них современный субъект власти не сможет осуществить технологии политической легитимации. Таким образом, эти новые цифровые аудитории являются «носителем легитимности».

Ю. Хабермас угадал характер легитимации большинства режимов в совместной заинтересованности капитала и власти в деполитизации, создании формальных демократических процедур, не допускающих граждан к принятию решений, в переориентации власти на установление или прерывание коммуникационных потоков²⁴⁵. Дж. Дин пошла дальше, предложив понимать под коммуникативным капитализмом новый тип коммуникационной эксплуатации, развивающейся в формате цифровизации – возникшей сети производства, наблюдения и развлечения²⁴⁶. Концепция Дин хорошо объясняет возникновение цифровых аватаров. По ее мнению, коммуникативный капитализм провоцирует новое неравенство, когда проявляются докапиталистические признаки – «неофеодалы» (владельцы цифровых платформ, IT-компаний, связанные с режимом) и «неокрестьяне» (большинство пользователей цифровых платформ и других цифровых ресурсов). Эта сетевая система, по Дин, навязывает гражданам «погоню за индивидуальным стилем». Индивидуализация во многом была порождена западноевропейскими, североамериканскими политическими ценностями²⁴⁷ и поддержана «калифорнийской идеологией», рассматривающей информационные технологии как фактор освобождения индивида от диктата государства²⁴⁸. «Калифорнийская идеология» предлагала не просто косметические средства исправления политических проблем, она, по мнению П.Е. Родькина, переводила социальное неравенство в цифровую плоскость в виде информационного апартеида для неимущих²⁴⁹. Дин усматривает

---

²⁴⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука. 2001. С. 291.

²⁴⁶ Dean J. Blog Theory. Cambridge: Malden, Polity Press. 2010. P. 2-15.

²⁴⁷ Соловьев А.И. Культура власти. М.: Николь. 1992. С. 104.

²⁴⁸ Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. С. 38.

²⁴⁹ Родькин П.Е. Медиа и социум. Три попытки вскрыть субъект власти: Критический очерк. М.: Совпадение. 2016. С. 54.

коммуникационную эксплуатацию в отчуждении информационной продукции от самих интернет-пользователей²⁵⁰.

Но фетишизация уникальности цифрового аватара в сетях подчинена контролю со стороны субъектов власти – пользователи, убеждаемые в необходимости биометризовать и дифференцировать свои виртуальные профили, дают возможность собственникам цифровых платформ использовать свои данные (через технологии меппинга, cookies, GPS) в коммерческих и государственно-контрольных целях. Более того, согласно Дж. Дин, собственники цифровых платформ (Uber, Amazon, Airbnb и др.), как субъекты власти, извлекают прибавочную стоимость из «больших данных» (переходов на сайты, лайков, просмотров, комментариев, постов, репостов), генерируемых в ходе коммуникации пользователей²⁵¹. И в самом деле – эволюция капитализма от промышленного через финансовый к коммуникативному накладывает отпечаток и на освоение субъектами власти новых технологий легитимации режима. Коммуникативный капитал создается навязываемыми и стандартизированными цифровыми ритуалами и их средствами производства – алгоритмами, гаджетами, компьютерами. Цифровизация поддерживает новые формы фрагментации объектов власти на аватары индивидов, ослабляются профсоюзы (не владеющие популярными цифровыми платформами и приложениями) и размывается понятие рабочего времени и отдыха (достаточно вспомнить WhatsApp).

Политические режимы, использующие тренд смещения субъекта власти в сегмент владения цифровыми платформами и медиа, способствуют дальнейшей приватизации публичных арен. Легитимация расценивается как деполитизация, публичное, о чем предупреждали Т. Адорно и Х. Арендт, переходит в разряд частного. Пользователь сменяет собой гражданина, но не является ему равным. Дело в том, что социотехническая реальность, как фундамент цифровизации, предполагает коммуникационную асимметрию –

---

²⁵⁰ Dean J. *Communist Horizon*. L., N.Y.: Verso. 2012. P. 136-137.

²⁵¹ Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29. №6. С. 85-116.

разработку готовых шаблонов пользователя, алгоритмично, рыночно определяющих возможности и ограничения его цифрового аватара²⁵². Если гражданин, по сути, является социализированной личностью, то при пресечении сетевого фронта и авторизации в интернет-коммуникациях он становится пользователем – атомарным индивидом, потенциальным «новым варваром»²⁵³, подверженным всевозможным манипуляциям.

Конфигурация гражданина в пользователя означает, что последний получает от владельцев цифровых платформ не конституционно гарантированный, а лишь временный и оплаченный допуск к коммуникационным возможностям. Но теми же владельцами цифровых платформ поддерживается оптимистичный миф о возможностях цифровой демократии на основе зарытых алгоритмов, а также иллюзия о реконфигурации – освобождении, обретении субъектности гражданином с помощью его цифрового аватара²⁵⁴. На самом деле никакой реконфигурации нет, властные объекты фрагментируются на цифровые аудитории и конфигурируются в пользователей – зависимых аватаров от цифровых платформ. Тогда как властные субъекты, наоборот, обретают через эту бесконечную аватаризацию политическую мимикрию и невиданный раньше коммуникационный контроль над индивидом, подменяя реальные социальные отношения виртуальными социальными отношениями между аватарами²⁵⁵.

Результатом аватаризации, контролируемой ИТ-монополиями, связанными с субъектами власти, может стать отлаженный тоталитарный Паноптикум, незаметный за ширмой цифровых услуг и насыщенной информацией жизни граждан. Есть серьезные риски при создании ложных цифровых аватаров (Digital Twin, «цифровых двойников») – социальных

---

²⁵² Grint K., Woolgar S. *The Machine at Work: Technology, Work, and Organization*. Cambridge: Polity. 1997. P. 69-73.

²⁵³ Кара-Мурза А.А. Либерализм против хаоса (основные интенции либеральной идеологии на Западе и России) //Полис. Политические исследования. 1994. №3. С. 118-124.

²⁵⁴ Сачмен Л. Реконфигурация отношений человек – машина: планы и ситуативные действия. М.: Элементарные формы. /Пер. с англ. А. Максимовой. 2019. С. 327.

²⁵⁵ Родькин П.Е. Медиа и социум. Три попытки вскрыть субъект власти: Критический очерк. М.: Совпадение 2016. С. 17.

ботов, имитирующих поведение человека в рамках концепции интернета вещей. Цифровой двойник появляется при эволюции от Big Data к Smart Big Data, и его создание позволяет моделировать политическое поведение гражданина при различных заданных компьютером параметрах. Гипотетически можно создать «цифровую электоральную группу», моделировать реакцию которой на ту или иную политическую пропаганду можно с помощью различного типа вводимых в программу переменных. «Цифровые тени» (Digital Shadow), которые являют собой системы зависимостей и связей, объясняющих политическое поведение реального, а не виртуального, как в случае цифрового двойника, объекта²⁵⁶, могут быть использованы в манипулятивных целях. Цифровая тень способна дать политический прогноз поведения реального гражданина, партии, целевой аудитории лишь во время сбора больших данных, но не позволяет предсказать их действия в тех ситуациях, в которых они пока не находились. С цифровыми двойниками эти операции можно осуществить. Однако, в случае цифрового неравенства среди населения технологии цифровых двойников и цифровых теней могут применяться только с манипулятивными, антиобщественными целями.

Политический режим, как порядок функционирования политической системы, конечно, не существует в некоем вакууме и реагирует на те прогрессивные и деструктивные изменения, которые уже успела породить цифровизация в обществе до конкретных инициативных проектов государства. Теперь обратимся к перспективам цифровизации для политического режима, также используя методологическую матрицу SWOT-анализа.

Несомненной сильной стороной цифровизации для политического режима становится «сокращение политических издержек», т.е. реальная экономия средств и времени на организацию стратегических каналов

---

²⁵⁶ Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. М.: Центр стратегических разработок. 2018. С. 44-45.

политической коммуникации между обществом и государством. Однако цифровизация – это не просто модный, современный тренд. Такой подход формирует суррогатное, абстрактное понимание феномена, оторванное от реальности и тех политических акторов, которые несут всю полноту ответственности за политические эксперименты над обществом и государством. Большой ошибкой является рассмотрение цифровизации в отрыве от конкретной организованной и спланированной деятельности, инициируемой со стороны представителей политического режима – информационной политики. По мнению О.А. Судоргина, информационная политика имеет несколько стратегических функций²⁵⁷ – это: а) стимулирование гармоничного развития, формирования общества, личности и государства информационными методами; б) общая регуляция социальных отношений информационными технологиями; в) регуляция информационными приемами отношений между личностью, обществом и государством; г) облегчение и упрощение данных социальных отношений; д) обеспечение власти, личности и общества достоверной информацией; е) формирование условий для эффективной деятельности личности, социума, государства в информационной среде.

Отдельные авторы прямо пишут, что «всеобщая цифровизация» имеет легитимационную задачу, предлагая во многом строительство позитивного политического мифа, схожего с проекцией коммунистического будущего, когда со временем будут решены все основные проблемы и жизнь людей перейдет на новый совершенный уровень²⁵⁸. Другие авторы отмечают, что цифровизация решает более прикладные задачи для политического режима, означая перевод в онлайн-формат работы органов государственной власти и местного самоуправления. Происходящая цифровизация избирательного процесса, подразумевающая снижение транзакционных затрат на аренду

---

²⁵⁷ Судоргин О.А. Политика в информационном пространстве: теоретический анализ. Монография. М.-Орел: ОРАГС. 2008.С. 58-59.

²⁵⁸ Мальшева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества //Власть. 2018. Т. 26. №1. С. 40-46.

помещений, функционирование комиссий, транспортировку бумажных материалов, организацию избирательных мероприятий в труднодоступных районах страны, учет голосов людей, находящихся за рубежом, автоматизацию голосования, подсчета голосов и упрощающая волеизъявление гражданина, на деле означает не только полезную технологическую модернизацию, но и дополнительную легитимацию результатов выборов для общества²⁵⁹.

Положительная практика внедрения автоматизированных информационных систем для нужд политического режима есть у США. В свое время американцами была создана SCORPIO, часть информационной системы Библиотеки Конгресса (LOCIS), состоящей из нескольких онлайн-каталогов, используемые непосредственно населением и интегрированные с обычными справочными службами²⁶⁰. Опрос среди 123 пользователей библиотеки Конгресса, проведенный еще в 1979 г., уже тогда показал общую положительную реакцию на систему. Лишь шесть процентов пользователей пожаловались на трудность обучения с системой. С 2008 г. была запущена программа «Архив электронных документов», с 2011 г. появилось положение «Об управлении госдокументами в облачной среде», упрощающее работу с базами данных. Китайский политический режим с интересом относится к таким новациям, но проявляет известную осторожность, что особенно видно в Декрете №17 аппарата его госсовета, где прописаны принципы создания электронного правительства²⁶¹. В документе отмечается значимость четкого распределения ответственности и функций между ведомствами, предоставления государственных услуг гражданам, а также сохранение стабильности общества. По мнению Е.Г. Дьяковой, в цифровизации китайский

---

²⁵⁹ Белоконев С.Ю., Чистов И.И. Электронное голосование как перспектива политического процесса: возможности и ограничения «Цифровой политики» //Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №5 (29). С. 69-77.

²⁶⁰ Pritchard S.M. SCORPIO: A Study of Public Users of the Library of Congress Information System. Washington: Library of Congress. 1981. P. 18.

²⁶¹ Seifert J. W., Chung J. Using E-Government to Reinforce Government Citizen Relationships: Comparing Government Reform in the United States and China //Social Science Computer Review. 2009. Vol. 27. № 1. P. 3-23.

режим опирается на свои традиции, а именно – конфуцианскую этику, подчеркивающую небольшую дистанцию между властью и обществом²⁶².

Российский политический режим также делает конкретные шаги по цифровизации избирательной сферы, а также системы государственного управления, став использовать в свое время такие автоматизированные платформы как «Гарант», «КонсультантПлюс», «Система», «Кодекс». Для нужд Государственной Думы был запущен Фонд электронных информационных ресурсов (ФЭИР), включающий базы данных, документы, внутренние ресурсы и ресурсы внешних организаций²⁶³. Заработали системы ГАС «Выборы», ГАС «Управление».

У цифровизации есть и слабые черты, препятствующие качественному развитию политического режима. Так В.М. Полтерович, академик РАН, в качестве такой черты называет ставку на модель догоняющего развития, не учитывающую фактор человеческого капитала, специфику гражданской культуры и связь последней с экономическим ростом, ожидаемым властями от тотальной цифровизации²⁶⁴. Л. Грэхэм предупреждает о слабости односторонней цифровизации и пишет, что любая эффективная инновация должна сопровождаться и политическими преобразованиями в сторону развития демократических институтов²⁶⁵. Хотя Грэхэм апеллирует к излишне абстрактной модели «нормального демократического государства», не обращая внимания на тот факт, что попасть в «клуб» технологических лидеров мира довольно сложно по причине ревностного отношения к этому США, стран ЕС, КНР и других экономически развитых государств.

---

²⁶² Дьякова Е.Г. «Глобальное» versus «национальное»: электронное правительство как элемент китайской административной реформы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т.13. Вып. 2. С. 57-66.

²⁶³ Судоргин О.А. Генезис современного общества: информационные и политические аспекты. Монография. М.-Орел: АПЛИТ. 2009. С. 141.

²⁶⁴ Полтерович В.М. Институты догоняющего развития и гражданская культура // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. №3. С. 314-328.

²⁶⁵ Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014. С. 131-133.

Заметным недостатком неравномерной цифровизации является односторонняя ставка политического режима на развитие лишь специальной инфраструктуры косметическими средствами правовых новаций и отдельных государственных инвестиций. Кейс Германии показывает, что от этой модели желательно уходить к комплексной стратегии трансформации всего общества. Там с 2016 г. работает программа «DE.DIGITAL», предусмотренная до 2025 г. и предполагающая 10 шагов для перехода к цифровому обществу²⁶⁶. Меры включают налаживание связей между начинающими предпринимателями и состоявшимся бизнесом, развитие стартапов, инноваций и малого бизнеса. В итоге Digital Economy and Society Index (индекс цифровизации) Германии вырос с 0,49 в 2014 г. до 0,56 в 2017 г.

Правда, положительный кейс Германии вовсе не означает, что он будет идеальной схемой для цифровизации России. Ставка режима лишь на категорию предпринимателей актуализирует иной недостаток односторонней цифровизации – слабый охват других групп населения. Возникают избранные и отверженные части общества. Это, конечно, практично с точки зрения быстрых темпов модернизации, но не решает проблем в перспективе для страны такого формата как Российская Федерация – возможного недовольства неохваченных слоев граждан, для которых блага цифровизации остаются в основном малодоступными. Крайне опрометчиво режиму будет игнорировать и подробно разобранные в предыдущем параграфе признаки легитимации в российском понимании, связанные с категориями справедливости и общих (коллективистских) интересов. Немецкий и американский режим в проектах цифровизации учитывают протестантскую этику своих обществ (хотя там есть и католические вкрапления), китайский режим – традиции конфуцианства. Односторонняя цифровизация, без оглядки на аксиологию социальных отношений, формирует опасности для легитимности режима. Не даром даже

---

²⁶⁶ Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5-25.

зарубежные авторы подчеркивают²⁶⁷, что такие стороны цифровизации как искусственный интеллект, Big Data, машинное обучение, облачные технологии и прочее должны быть доступными для всех категорий населения, а не стать инструментами удержания власти для избранных групп.

Не стоит делать ставку только на цифровизацию и при борьбе с коррупцией на государственном и любом другом уровне. Политические меры борьбы с коррупцией нельзя подменить чисто технологическими. Слабость такой подмены в том, что коррупционеры также стараются использовать преимущества цифры, как и правоохранительные органы. Достаточно привести в качестве примера манипуляции с тендерами в России²⁶⁸, когда махинаторы с целью недопущения конкурентов к поиску сообщений в тексте заявки заменяли ряд букв с кириллицы на латиницу.

Возможности – это то, что является основным драйвером для политического режима в его заинтересованности тотальной цифровизацией общества. В первую очередь элиту, как представителя политического режима, цифровизация привлекает новыми способами упрочить легитимность собственной власти. Политический режим ждет от этого процесса конкретных результатов: а) распространения управляемых властью каналов политической коммуникации; б) возможности регулярной и объективной аналитики процессов, дискурсов, происходящих на основных площадках этих коммуникаций; в) оперативной коммуникации с представителями общества и понимания их реальных проблем; г) организации новых политических технологий для формирования собственного положительного образа и предотвращения деструктивных социальных, политических движений, опасных протестных акций, приемов по раскрутке «цветных революций» и других маркеров государственных переворотов. Профессор И.Ю. Сундиев предполагает, что совсем скоро в социальных сетях «контекстная

---

²⁶⁷ Coccia M. General sources of general purpose technologies in complex societies: Theory of global leadership-driven innovation, warfare and human development //Technology in Society. 2015. Vol. 42. P. 199-226.

²⁶⁸ Цифровизация: панацея от коррупции или иллюзия? Комментарий Георгия Бовта. URL: <https://www.bfm.ru/news/404601> (дата обращения: 04.08.2019).

политинформация» станет обыкновенным явлением²⁶⁹. Через аналитику Big Data компьютерная программа будет анализировать «цифровые следы» пользователя, а потом на основании выявленных и отработанных закономерностей станет ему предлагать новостной контент именно близкого его политическим предпочтениям содержания.

При грамотно организованных инвестициях политический режим может рассчитывать на соответствующую отдачу от цифровизации для: а) совершенствования государственного управления; б) объективного и грамотного политического просвещения населения; в) организации артикуляции интересов группы населения через цифровизацию лояльных ему политических партий. По причине манипулятивных рисков и скепсиса граждан к двум последним возможностям большинство политических режимов делают ставку в цифровизации на преобразование государственного управления. В перечень открывающихся перспектив цифры для государства можно записать: а) внедрение парадигмы «управления по результатам»; б) экономическую эффективность, повышение качества государственного управления и государственных услуг; в) использование массивов «больших данных», нейронных сетей и искусственного интеллекта для государственного планирования, мониторинга политических процессов, самодиагностики, создания управленческих кейсов по принципу «вызов – решение»; г) концептуальный переход от управленческого принципа «выполнил – не выполнил» к гибкой предиктивной аналитике. Но опять же – возможности смогут быть полноценно реализованы, если они будут предоставлены всему обществу, а не только отдельным категориям бизнеса, граждан и государственным органам. Так, если кейс Германии (Индустрия 4.0) показывает очевидную нацеленность цифровизации на промышленность, то кейс Японии (Общество 5.0)²⁷⁰ более важен для России, так как местный план

---

²⁶⁹ Сухова С. Отход от табу совершается в шесть шагов //Огонек. 22.04.2019. №15. С. 14.

²⁷⁰ Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Клочкова Е.Н., Талапина Э.В., Старцев Я.Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2019. С. 15.

цифровизации страны предполагает снятие технологических, кадровых и правовых барьеров, межведомственных и ведомственных препон.

Определенные надежды возлагаются и на блокчейн – практику анонимной цепочки так называемых транзакций²⁷¹. Эти последовательные блоки информации остаются на пользовательских компьютерах тех граждан, которые участвовали в комплектовании единой базы. При этом новый блок информации обязательно связан с предыдущими, что делается для защиты от подделки и фальсификации контента. Действительно, блокчейн уже встречается в государственном управлении (США, ОАЭ), миграционной политике (Финляндия), а также в выборном процессе (Швейцария, США, Сьерра-Леоне, Япония). В свое время глава ЦИК РФ Э. Памфилова также выразила интерес к данной технологии.

Искусственный интеллект – это особое и отдельное направление в цифровизации политического режима²⁷². В качестве некоторых инновационных направлений, где уже сделаны определенные шаги по внедрению искусственных интеллектуальных систем, следует назвать программы полиции по распознаванию лиц (например, в российском метро, а также применение технологии FindFace отечественной фирмы NtechLab для поиска преступников в Москве посредством сети видеокамер), беспилотные дроны и транспорт, способные следить за людьми и техникой, концепции персональных помощников, умных фабрик и Smart City²⁷³. Волне вероятно, что приблизиться к полноценному искусственному интеллекту позволят разработки в области квантовых компьютеров (работающих на основе квантовых частиц – фотонов и атомов). Политические режимы (особенно Китая) интересуют здесь в первую очередь открытия в сфере цифровой

---

²⁷¹ Алексеев Р.А. Проблемы становления российской демократии и роль в этом процессе избирательной системы, технологий Big Data и блокчейн //Журнал политических исследований. 2019. Т.3. №1. С. 40-52. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28087/view> (дата обращения: 29.03.2021).

²⁷² Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа. М.: Центр стратегических разработок. 2018. С. 23-27.

²⁷³ Федорченко С.Н. Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИИУ МГОУ. 2021. С. 50-51.

безопасности передачи данных, квантового интернета (соединение квантовых и традиционных устройств). Уже построен и первый квантовый канал связи между Синлуном (КНР) и Гацем (Австрией).

Помимо этого, политические режимы может заинтересовать развитие «интернета вещей», тесно совмещающего цифровую копию с реальным прототипом вещи. В этой сфере большие потенциалы есть у дополненной реальности, средств слежения, электронной идентификации гражданина, электронной документации и ее защиты, анализа цифровых следов интернет-пользователей. В качестве примера уместно назвать «умную колонку» Яндекс.Станция, которая с помощью Wi-Fi-, Bluetooth-подключения и голосового помощника Алисы может через голосовые команды, без прямого контакта отвечать на вопросы, помочь запланировать день, напоминать что-то, искать необходимую информацию, музыку, радиопрограмму, фильмы, управлять бытовыми приборами (освещением, холодильником, кондиционером, телевизором, т.е. в принципе всем, что технически совместимо).

Повсеместное внедрение цифровых приемов также создает для политического режима и некоторые угрозы. Односторонняя и неравномерная цифровизация может закончиться катастрофическим для общества перерождением политического режима в некую политическую симуляцию – цифровой тоталитаризм, повреждение реальности. Об этом красноречиво предупреждал Ж. Бодрийяр²⁷⁴. И, если его модель метаморфозы образа применить к нашей проблеме, то получится несколько этапов перерождения политического режима благодаря цифровизации: 1) объявленные программы модернизации государственного управления и глубокого преобразования общества адекватны тем проблемам, которые давно накопились и ждут своего решения; 2) элитные группы, как представители режима начинают искажать стратегию цифровизации страны, смещая ее нацеленность с общих интересов

---

²⁷⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. /Пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ. 2018. С. 12.

на свои собственные; 3) на следующем этапе цифровая трансформация начинает скрывать истинный политический процесс и маскировать тупиковость выбранной стратегии цифровизации страны; 4) в итоге создается политический режим, не имеющий никакого отношения к реальным политическим и социально-экономическим проблемам, а цифровые платформы и сетевые коммуникации превращают все отношения в симулякр чистого вида.

И.Ю. Сундиев обращает внимание на такой негативное явление как «джем-сейшн» – нарастание в ходе цифровизации целого потока надуманных, якобы важных организованных дел, мощного информационного шума, сотканного из активности людей, проникших в социальные сети. По мнению Сундиева – это управляемый властями процесс, направленный на предотвращение деструкции со стороны граждан, которые, атакуемые со стороны мобильных, сетевых, телевизионных раздражителей, не могут и не имеют времени сосредоточиться на нужной информации, начиная искать готовые интерпретации политических событий²⁷⁵. Поэтому по Сундиеву, характерной чертой односторонней, поверхностной цифровизации является так называемый «техногенный аутизм» – управляемое зацикливание интернет-пользователей на потребностях зоопопуляционного плана (статусные роли, общение, гендерное поведение). Техноаутизм сопровождается снижением реальных, непосредственных социальных контактов между людьми. Его сменяет виртуальный формат с лайками, дизлайками, твиттер-ограниченным общением и эмодзи (смайликами).

Этот техноаутизм переплетается с феноменом «клипового сознания» (термин Ф.И. Гиренока), которое, в отличие от понятийного типа сознания, фрагментировано, не предполагает логических связей разных категорий и терминов²⁷⁶. «Клиповое сознание» ориентировано на усвоение информации посредством визуализированного контента, мемов, ярких образов, работая по

---

²⁷⁵ Сухова С. Отход от табу совершается в шесть шагов //Огонек. 22.04.2019. №15. С. 14.

²⁷⁶ Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Проспект. 2018. С. 18-19, 41.

принципу «зеркальной комнаты», где в данном случае отражается не изображение, а популярное мнение. Австралийский политолог Дж. Кин этот эффект «зеркальности» связывает с «эхо-камерой», описывая его в качестве деструктивной стороны так называемого «коммуникационного изобилия»²⁷⁷.

Ставка цифровой трансформации на одностороннюю автоматизацию не решает проблему трудоустройства специалистов и рабочих. Так называемый человеческий капитал как воплощение сосредоточения качественного знания в этом варианте перестает работать²⁷⁸. Автоматизация, как органичная черта цифровизации, приводит к минимизации человеческого фактора в избирательном и политическом процессе и не исключают риски делегитимации политического режима.

Активизируется и прием латерального таргетинга, когда контекстная политическая информация после соответствующей предстартовой аналитической диагностики через оптику Big Data находит через сетевые коммуникации именно свою целевую группу. В итоге либерал будет получать информацию критического содержания о простом в экономике страны, неэффективном государственном управлении, а патриот – о внешнеполитических победах национальной дипломатии. Тем самым происходит инкапсуляция политических сообществ. Это, конечно, важно для легитимации политического режима, позволяя субъекту власти контролировать дискурс, создавать, укреплять и расширять лояльные власти политические сообщества.

Но возможна и обратная сторона этого явления. Такими же политическими технологиями может воспользоваться и радикальные силы, в том числе и террористические. Дело в том, что цифровизация сопровождается так называемой уберизацией – устранением посредников с помощью цифровых приемов. Термин уберизация происходит от названия фирмы Uber,

---

²⁷⁷ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ. 2015. С. 155-158.

²⁷⁸ Панкратов С.А., Гаврилов С.Д. Интеграция институтов публичной политики в контексте цифровизации избирательного процесса в современной России //Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Вып. 3 Т. 2. С. 336-344.

разработавшей мобильное приложение, помогающее частным водителям и пассажирам быстро находить друг друга. Обозреватель портала Российского совета по международным делам Т. Канунникова приводит пример С. Саипова, исполнителя террористического акта в Нью-Йорке в 2017 г.²⁷⁹ Канунникова предполагает, что группировка «Исламское государство» (запрещенная организация в России), возможно, даже не знала о самом Саипове, однако последний пользовался инструкциями, видеосюжетами и фотографиями группировки для совершения теракта. Уберизация – это разновидность «мягких» приемов по вербовки в радикальные политические организации. Естественно, техниками уберизации может пользоваться и сам политический режим.

Здесь важно подчеркнуть, что цифровизация политического режима кроме процесса аватаризации запускает второй процесс – интерфейсизации, подразумевающий включение цифровых аватаров в единое информационно-политическое поле. *Политический интерфейс* – это совокупность коллективных ограничений, общих цифровых ритуалов, которые должен учитывать индивид, если он не хочет быть исключенным из конкретного политического сообщества. Дефиницию политического интерфейса логично выдвинуть на базе рабочего понятия «культурного интерфейса»²⁸⁰, введенного Л. Мановичем в научный оборот благодаря адаптации теории культурной индустрии, разработанной Т. Адорно и М. Хоркхаймером – представителями Франкфуртской школы. Если цифровой аватар являет собой индивидуальной начало, описываемую К. Юнгом «социальную атомизацию», то политический интерфейс больше определяется коллективными смыслами массового сознания, о чем размышлял Х. Ортега-и-Гассет. Посредством политического интерфейса субъект власти способен контролировать легитимацию политического режима в условиях цифровизации. Механизм такого

---

²⁷⁹ Канунникова Т. Убер-терроризм: новый вызов международной безопасности. URL: [https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uber-terrorizm-novyuy-vyzov-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uber-terrorizm-novyuy-vyzov-mezhdunarodnoy-bezopasnosti/) (дата обращения: 04.08.2019).

²⁸⁰ Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. С. 107.

интерфейса основан на аффордансах – алгоритмах, технологиях, которые напрямую не запрещают, а подсказывают, постоянно предлагают гражданину определенные варианты решения, его действий²⁸¹. Власть теперь у того, кто закладывает алгоритмами аффордансы в цифровые платформы и коммуникации.

Коренная особенность политического интерфейса видна в стандартизации пользовательского функционала, без которого ни индивид, ни его цифровой аватар не может принимать участие в политической коммуникации. К примеру, политический интерфейс может проявляться в правилах порталов, веб-приложений, их обновлений, элементарной цензуре политических высказываний, запрете обсуждения определенных тем, пропаганде необходимых субъекту власти политических смыслов и интерпретаций. Так как новым субъектом власти индивид может стать лишь при условии освоения групповых политических ценностей²⁸² и ресурсов, то задачей действующего субъекта власти становится предотвращение реконфигурации субъект-объектных отношений. Легитимация режима выстраивается субъектом власти на основе: а) трансформации гражданина в пользователя; б) создании объектов власти из разобщенных цифровых аватаров и их сообществ; в) включении цифровых аватаров в единый политический интерфейс, с контролируемыми процессами деполитизации и политизации дозволенных тем и проблем. Индивиду могут предлагаться готовые, но безопасные для существующего субъекта власти интерпретации политических режимов, идеологий, политических процессов, символов и событий, оценки деятельности политических лидеров и партий.

Популярным тезисом является утверждение, что, якобы, современный гражданин может легко стать соавтором разнообразных алгоритмов и компьютерных программ, однако исследования Г. Ловинка и Л. Мановича²⁸³

---

²⁸¹ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети. М.: АСТ, CORPUS. 2014. С. 368.

²⁸² Соловьев А.И. Культура власти. М.: Николь. 1992. С. 14.

²⁸³ Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж». 2019. С. 280; Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. С. 167.

решительно разоблачают этот миф. В действительности гражданин, если он не обладает всеми шифрами и паролями IT-корпораций, способен лишь воспользоваться уже готовыми шаблонами для программирования цифровых платформ. Цифровым аватарам для освобождения от интерфейсов действующих политических режимов нужна открытая архитектура социальных сетей нового типа. Создание коммуникационной площадки в условиях существующих сетей ограничивает пользователей фактором вмешательства в их политическую активность представителей IT-корпораций, связанных с властными субъектами тех или иных политических режимов. Режим через корпорации использует технологии бриколажа: воспроизводимые шаблоны поведения, легитимирующие политические институты. Глубокое исследование М. Дуглас показало²⁸⁴, что несмотря на приход цифровизации, политические технологии бриколажа не изменили своего функционального значения – управления массовым сознанием через: а) политику памяти (решением, что забывать, а что помнить и в какой интерпретации); б) контроль базовых классификаций (производство базовых ярлыков для социальных групп, партий, политических лидеров, идеологий, оппозиции, других режимов и т.п.); в) определение сакрального/профанного; г) конструирование тождеств, социально обусловленных аналогий, населяющихся политическим и моральным содержанием.

Цифровые условия, наоборот, активно способствуют встраиванию архаичных техник бриколажа в функционал политического интерфейса «гражданин – власть» и их адаптации к современным социальным условиям. Однако матрицы классификаций могут быть обусловлены цивилизационной спецификой, формируя сущность режима: например, автократическую с легитимацией через коллектив, корпоративно-дистрибутивное построение социальности, или либерально-демократическую с легитимацией через

---

²⁸⁴ Дуглас М. Как мыслят институты. /Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы. 2020. С. 139-144, 195, 208

индивидуально-дистрибутивное создание общества потребления²⁸⁵. Тем самым модель «нового варварства» А.А. Кара-Мурзы возможно применить не только для объяснения цивилизационной основы конфликтов автократий и демократий, но и для понимания возникновения их сложных сочетаний.

Политический интерфейс, как легитимационная матрица режима, стремится к универсализации политического поведения цифровых аватаров, что определяется не неким заговором, а стандартизированными принципами самих алгоритмов. Конечно, с одной стороны, такой интерфейс не может отбросить принципы гипертекста, соединяющего несколько источников политической информации деиерархизированным способом. Однако, с другой стороны, как и культурный интерфейс Мановича, политический интерфейс препятствует последовательному знакомству гражданина с элементами нарратива – аргументами, тезисами. Как и компьютерный, политический интерфейс навязывает индивиду условия иерархической оценки информации, структуры. Примером функционирования политического интерфейса может послужить аналитический центр корпорации Google Jigsaw, применяющий технику «перенаправления». Так, когда потенциальный рекрут террористических организаций осуществляет поиск по некоторым ключевым словам, используемым экстремистами, то поисковая выдача предлагает ему видеосвидетельства очевидцев опасной стороны террористических сетей²⁸⁶. Такие приемы препятствуют делегитимации режима через подрывную активность. С целью предотвращения политизации недовольных граждан как делегитимации режима политический интерфейс работает по принципу цензуры, перенаправления, развлечения, отвлечения на деполитизированные темы.

Еще академик В.Г. Афанасьев предупреждал о рисках искажения политической информации. Если раньше через прежние традиционные медиа

---

²⁸⁵ Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Институт философии РАН. 1995. С. 15-19.

²⁸⁶ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 100.

(газеты, радио, телевидение) усвоение политической информации шло постепенно, поэтапно (знакомство с политической проблемой, затем приобретение нового знания, потом формирование на их основе политических убеждений и мотивов, наконец, переход к политической деятельности²⁸⁷), то теперь в цифровом пространстве усвоение политической информации происходит импульсами, порождаемыми дискретным, сетевым характером коммуникаций. Это не отменяет сигнальной функции политической информации, о которой писал ученый. Сигнализация о политических проблемах – ключевой параметр мониторинга энтропийных процессов, дисфункциональности, служащий предотвращению режимной делегитимации.

Легитимация политического режима включает принципы работы субъекта власти с политической информацией. Афанасьев перечислял идеальные требования к политической информации прошлого века (конечно, это не означало, что режимами не использовались манипулятивные практики): научность, правдивость, конкретность и дифференцированность²⁸⁸. Условия цифровизации, наоборот, дали возможность усилиться компоненте псевдонаучной информации, постправды (смеси фактов и недостоверной информации), уменьшить ее нарративный характер и часто заменять конкретику эмоциональным фоном. Цифровизация предъявляет к политической информации новые требования: практическую применимость (возможность решать проблемы), коммуникативный потенциал (возможность устанавливать связи для решения проблем) и адаптируемость для каждого²⁸⁹. Это вполне соответствует аналитической схеме коммуникативного капитализма Дж. Дин. Но цифровизация не отменяет более фундаментального факта – управление обществом не может быть отделено от механизма создания

---

²⁸⁷ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 361.

²⁸⁸ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 371.

²⁸⁹ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 75-76.

и воспроизводства политической информации. Поэтому субъект власти, стремящийся легитимировать действующий режим, будет вынужден играть по новым правилам подачи политической информации, даже если это идет вразрез с прежними принципами комплексной, нарративной подачи контента.

Самым драматичным и нежелательным сценарием может стать такой результат односторонней, поверхностной цифровизации, когда растущее цифровое неравенство наложится на социальное неравенство. Эти явления, совпав во времени и пространстве, могут только усилить друг друга. Г.А. Малышева говорит о возможной причине такого сценария – разрыве между технологическими инновациями и сферой принятия политических решений, приводящий к недооценке режимом текущей социально-политической ситуации в стране и непониманию между учеными и политиками²⁹⁰. Это нежелательное наложение цифрового и социального неравенства способно обернуться и таким процессом, который российский социолог Ж.Т. Тощенко описывает как прекаризация трудовых кадров (снижение или потеря социального статуса в условиях скачкообразного роста социальной диспропорции)²⁹¹. По Тощенко прекаризация чревата снижением уровня легитимности у действующего политического режима.

Сильные, слабые стороны, возможности и угрозы процесса цифровизации для общества и политического режима не существуют отдельно друг от друга, а тесно переплетены. Данные тренды можно связать и с постдемократическими процессами, в качестве характерных особенностей которых профессор Л.В. Сморгунов выделяет: кризис политической публичности и тенденцию к закрытости власти, критику концепций власти и необходимости централизованной политики, переосмысление концепции свободы, нацеленность политики не на создание связей, а на консервацию

---

²⁹⁰ Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества //Власть. 2018. Т. 26. №1. С. 40-46.

²⁹¹ Тощенко Ж.Т. Новое в социальной структуре общества: прекариат //Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 100-108.

различий²⁹². Такому видению вторит тезис К. Крауча о постдемократии – возникновении политических режимов особого типа²⁹³, при котором происходит сильное обособление политиков в своей профессиональной сфере, игнорирование ими гражданской активности, не связанной с коммерческим сегментом, а также применение ими большего объема разнообразных маркетинговых приемов манипуляции массовым сознанием.

П. Андерсон усматривает корни постмодерна в кризисе радикального поколения шестидесятников, у которых не оправдались революционные надежды. Также Андерсон в качестве признаков политического постмодерна определяет: деградацию приватной сферы гражданского общества, подмену демократизации плебеизацией политики (по причине широкого доступа к информации), возникновение социума спектакля (здесь он согласен с Г. Дебором). В итоге возникает парадоксальный тип легитимности²⁹⁴, соединяющей учет потребительского поведения индивидов (мода) с существованием надличностных ценностей (мессианская борьба Соединенных Штатов за демократию в мире). Между тем, потребительским и политическим поведением вполне возможно управлять. Это в сочетании с односторонней цифровизацией, предполагающей парадигму сервисного государства, зависимость от иностранных информационных технологий, разработок и отсутствие единой макрополитической идентичности, ценностно ориентированной стратегии развития страны создает серьезные угрозы для легитимации политического режима в перспективе.

Сделаем выводы по наблюдениям. Итак, в основе цифровизации лежит фундаментальное явление – появление цифровых платформ, создающих общие сетевые эффекты, поэтому цифровизация общества и политического режима – два неразрывно связанных процесса. Другое дело, что от субъектов политического режима – властной элиты – во многом зависит курс поэтапной

---

²⁹² Сморгунув Л.В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. М.: РОССПЭН. 2007. С. 64-65; 92.

²⁹³ Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом ВШЭ. 2010. С. 7-19.

²⁹⁴ Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего. 2011. С. 101-142.

политической модернизации. Готовых рецептов по эффективному внедрению цифровизации в жизнь страны не существует. Вместе с тем, даже краткий анализ зарубежных кейсов показывает, что каждый политический режим старается найти оптимальный и наименее рискованный вариант цифровой трансформации. Это хорошо показывает опыт Японии и Китая, чьи режимы учитывают, во-первых, местные традиции и, во-вторых, интересы большинства общества, а не какой-то группировки. Немецкий опыт не совсем подходит для России по причине односторонней ориентации цифровых проектов на интересы промышленности страны. Российский кейс цифровизации пока являет собой ставку на создание цифровой инфраструктуры. Хотя, как показал анализ, зарубежные специалисты предупреждают об опасности односторонней и неравномерной цифровизации.

Цифровые ритуалы связаны с аватаризацией и интерфейсизацией. Цифровой аватар дает определенные преимущества для оптимизации политических процессов и предоставляет дополнительные возможности гражданину в плане государственных и коммерческих услуг при авторизации на соответствующих ресурсах. В то же время цифровые аудитории из разрозненных аватаров представляют новый тип объекта власти. А феномен интерфейсизации поднимает важный вопрос сохранения политического творчества гражданина. Политический интерфейс основан на алгоритмах, а не – на ограничениях и запретах. Это связано с тем, что цифровизация благоприятствует алгоритмизации самой власти, когда принципы бинарности, гейткипинга, «доступа-запрета» к информации, функции формируют новую социотехническую реальность. Власть начинает походить на алгоритм – какие группы контролируют алгоритмы цифровых платформ, те и сосредотачивают в своих руках политическую власть, решая, кому предоставлять, а кому не предоставлять само право на коммуникацию. Тем самым дисциплинарная власть, «власть-знание» М. Фуко не исчезает, а приобретает алгоритмический

характер, продолжая изучать, контролировать²⁹⁵ пользователей в цифровых условиях. Алгоритмически ориентированная власть определяет человеку, что для него важно, а что не важно.

Паноптизм, описанный Фуко, становится еще менее заметным, но также продолжает контролировать поведение пользователей²⁹⁶, наказывая их за нарушения коммуникационной этики, навязываемой цифровыми корпорациями и разделяемой частью активистов сетевых сообществ (что хорошо доказывает пример закрытия аккаунтов Д. Трампа в социальных сетях). Этот тренд создает большие риски новой асимметрии власти, описанной Фуко, – цифрового неравенства, возникновения цифровых классов, угрозу цифрового тоталитаризма²⁹⁷, когда одна группа, имея доступ к алгоритмам, будет решать за остальные группы, на какую информацию, контент они имеют право. Б.В. Марков, напротив, не согласен с Фуко в том, что власть надо всегда жестко соотносить со знанием. Но и он обращает внимание на алгоритмические признаки современной власти – практику санкций и предписаний. Власть, как медиум, создает себя посредством удвоения возможности активности, действия или запретов²⁹⁸. Сейчас этот алгоритмический характер властных санкций виден на примере условий цифровой коммуникации.

Особенно хорошо видна алгоритмизация власти на примере феномена Smart City²⁹⁹. Авторские исследования показывают, что Smart City через рационализацию жизни вводит принципы «умного управления», «умных технологий» и подстраивающих под них «умных граждан»³⁰⁰.

---

²⁹⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей совр. иск. «Гараж». 2020. С. 208.

²⁹⁶ Там же. С. 274.

²⁹⁷ Diamond L. The Road to Digital Unfreedom: The Threat of Postmodern Totalitarianism //Journal of Democracy. 2019. Vol. 30. Iss. 1. P. 20-24. DOI: 10.1353/jod.2019.0001.

²⁹⁸ Марков Б.В. Понятие политического. М.: РОССПЭН. 2007. С. 108.

²⁹⁹ Williamson B. Computing brains: learning algorithms and neurocomputation in the smart city //Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20. Iss. 1. P. 81-99. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1181194; Beer D. The social power of algorithms //Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20. Iss. 1. P. 1-13. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147.

³⁰⁰ Федорченко С.Н. Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИИУ МГОУ. 2021. С. 50-55.

Алгоритмизацию власти можно вполне соотносить с тем, что С. Фуллер называет «модальной властью» – способностью решать, что возможно, а что нет³⁰¹. Только границу возможного для гражданина теперь определяет не бюрократ, а алгоритм. Гражданин превратился в объект мониторинга и алгоритмической обработки со стороны цифровых корпораций из-за распространения разных приложений для смартфонов и компьютеров (теперь политическим режимам не обязательно заниматься мониторингом активности граждан, отныне они это могут делать посредством цифровых корпораций, что хорошо объясняет модель постдемократии К. Крауча).

Пользовательский функционал, навязываемый гражданину таким интерфейсом, не только служит новой легитимационной матрицей режима, но и скрывает за обезличенными аппаратно-техническими запретами субъектность самой власти³⁰². В условиях цифровизации с ее признаками дискретности сетевого универсума, алгоритмизации, автоматизации процессов коммуникации появляется социотехническая реальность (фиджитал-мир), функционирование которой осуществляют «машины власти» (или мегамшины)³⁰³ – сложные конструкторы из сетей в виде реальных людей, компьютерных программ, их аватаров и объединяющего их политического интерфейса, размывающего различие между человеком и служащей ему машиной. Первостепенную важность получает функция чего-либо – коммуникации или управления. «Машины власти» отдают приоритет показателям, рейтингам – всему тому, что можно оцифровать, подсчитать и определить функциональность или дисфункциональность процессов системы. На этом основании внедряются технологии легитимации режима. Пользовательские интерфейсы лишь подчиняются инструкциям и алгоритмам «машин власти». Легитимация осуществляется посредством контролируемой

---

³⁰¹ Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ. 2021. С. 258.

³⁰² Сафронов А.П. Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения. М.: Алгоритм. 2018. С. 62.

³⁰³ Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии: монография. М.: Проспект. 2019. С. 21.

политизации или деполитизации – замены политических тем развлечениями и эффектом постоянного шоу. При этом происходит конфигурация гражданина в пользователя.

И тем не менее политический интерфейс может служить не только манипулятивным целям субъекта власти. Зарождение «нововластной» этики с ценностями самоорганизации сетевых сообществ, широкого сотрудничества, прозрачности, культурой созидания, открытых программных кодов, открытой архитектуры сетей, дает шанс на прогрессивный, оптимистичный сценарий эволюции политических режимов в условиях цифровизации. Об этом свидетельствуют факты сетевой коллаборации на базе так называемых «нововластных» сообществ³⁰⁴ с треугольником из участников (обучающихся политическим навыкам или временно пассивных пользователей), суперучастников (активные политические участники и менторы) и распорядителей цифровой платформы (модераторов, администраторов, чья легитимность зависит от доверия первых двух категорий). Однако качественному освобождению цифрового аватара от политического интерфейса препятствует коммуникативный капитализм. Пока большинство граждан превращаются в пользователей цифровых платформ с закрытыми алгоритмами, полномасштабной демократии не состоится.

Цифровизация важна для политического режима по причине возможности сокращения затрат, улучшения каналов политической коммуникации между обществом и государством, создания эффективной системы безопасности, государственных услуг. С другой стороны, программа цифровизации должна предусматривать сокращение цифрового и социального неравенства в широких массах, устранение ведомственных и межведомственных барьеров, иначе она, наоборот, может привести к снижению уровня легитимности политического режима. Цифровые приемы и технологии (искусственный интеллект, Big Data, дополненная реальность,

---

³⁰⁴ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 156-158.

интернет вещей и пр.) должны быть доступными самым широким слоям населения, а не только представителям бизнеса и государственного управления. Политика удешевления цифровых технологий, параллельное компьютерное и политическое просвещение помогут минимизировать риски установления тоталитарного Паноптикума, уходящего от ответственности и управляющим обществом только посредством политических манипуляций информационного плана.

1.3. Феномен сети в механизме легитимации политического режима

Цифровизацию, ее риски и потенциалы для политического режима и общества очень трудно понять без сути цифровой трансформации – процесса развития и эффектов социальных сетей. Ценности, политическая культура и традиции не могут играть существенную роль в легитимации политического режима без отлаженного политико-коммуникационного механизма. В современную эпоху в большинстве технически развитых государствах так называемые новые медиа становятся существенным фактором в формировании каналов политической коммуникации. Если традиционные медиа (газеты, радио, телефон, аналоговое телевидение) стали органичным элементом политических коммуникаций прошлого века, то новые медиа (социальные сети, видеохостинги, мессенджеры, форумы, блоги) превращаются в важный двигатель их эволюции в веке настоящем. Ряд исследователей (Д.В. Березняков, Н.Ф. Пономарев, А.И. Вертешин³⁰⁵) даже предложили специальный термин для описания этих трендов – «медиалегитимация», под которым определяли динамичную информационно-политическую систему, ориентированную на оппонирование либо поддержку

---

³⁰⁵ Березняков Д.В. Медиалегитимация и российский политический контекст //Сборник материалов Международного конгресса «300 лет российской газете. От печатного станка к электронным медиа». М.: Изд-во МГУ. 2002. С. 169-170; Вертешин А.И. Медиалегитимация политической власти в современной России. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. 2008. С. 3-37; Пономарев Н.Ф. Стратегии и технологии медиалегитимации власти. Пермь: Перм. гос. универс. 2010. С. 44-45.

политической власти ресурсами журналистики и средствами массовой коммуникации³⁰⁶.

Медиалегитимация закономерно возникает из-за процесса медиатизации политики, в формате которого политика и политическая жизнь как феномен перемещается в символическую область средств массовой информации³⁰⁷. В своей работе Дж. Стрембэк³⁰⁸ обозначил четыре этапа медиатизации политики: трансформация массмедиа в основной источник информации о политической и социальной сфере, создающий символическое пространство; постепенно массмедиа формируют специфические критерии отбора новостного контента – медиалогику; позже медиалогика начинает осознаваться политическими акторами как базовое условие попадания в медиасферу, хотя политическая логика еще предпочтительна; на итоговой фазе нацеленность на медиалогику становится основным определяющим условием конструирования стратегии управления.

Несмотря на привлекательность рассмотренного концепта, медиалегитимация режима – лишь часть более всеобъемлющих и фундаментальных принципов сетевого управления обществом в условиях процесса цифровизации. И понять процесс цифровизации политики невозможно без осознания сути и принципов сети. Цифровизация политики в общем смысле определяется практикой сетевых политических технологий в среде сетевых политических коммуникаций.

Изучение легитимации политического режима через призму феномена сети преодолевает своеобразную узость медиалегитимации, сосредоточенной лишь на факторе современных массмедиа. В целом сложилось несколько

---

³⁰⁶ Вертешин А.И. Медиалегитимация политической власти в современной России: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук: 10.01.10. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун. 2009. С. 10-17.

³⁰⁷ Пономарев Н.Ф. Стратегии и технологии медиалегитимации власти. Пермь: Перм. гос. универс., 2010. С. 40-41; Быков И.А. Медиатизация политики в эпоху социальных медиа //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №4. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/19592/view> (дата обращения: 29.03.2021).

³⁰⁸ Stromback J. Four phases of mediatization: An analysis of the mediatization of politics //The International Journal of Press/Politics. 2008. №13 (3). P. 236-241.

политологических школ изучения сетей. Немецкая школа управления рассматривает их онтологически, как давно существующий механизм политической коммуникации (Т. Берцель); англосаксонская школа (Д. Марш и Р. Роудс) сосредоточена на методологии анализа посредничества интересов между разными политическими акторами. Среди отечественных ученых сети в политике изучают Л.В. Сморгунов, О.В. Михайлова, А.А. Курочкин и другие. По мнению О.В. Михайловой, политические сети являются устойчивыми объединениями государственных и негосударственных акторов, институционально независимых, вовлекающихся в коммуникацию для решения неких задач³⁰⁹. Хотя трактовка не заужена на интернет-коммуникации, однако это не отменяет ее фундаментального значения. Ведь особое значение в информационных потоках и связанных с ними политическими сетями занимает именно государство³¹⁰. Л.В. Сморгунов и А.С. Шерстобитов, к примеру, анализируя сетевую политическую коммуникацию, выделяют «провластные» и «протестные» сообщества в Интернете³¹¹.

Сеть в политике появилась с архаичных времен, до эпохи расцвета таких массмедиа как газеты, радио, телевидение и Интернет, поэтому она изначально предполагает: во-первых, древнейшие оптики кланообразования политической элиты (сочетание nepотизма и автономии разных патрон-клиентских цепочек); во-вторых, сетевые системы других социальных групп; в-третьих, приемы самой элиты по выстраиванию неформальных каналов воздействия на общество, действующих параллельно государственным способам управления.

Все это в совокупности с современной виртуализацией и цифровизацией политики позволяет рассматривать более фундаментальное современное

---

³⁰⁹ Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении. М.: ИД КДУ. 2013. С. 69-70.

³¹⁰ Public Management and Administrative Reform in Western Europe. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. Ed. by Kickert W.J.M. 1997. P. 16-21; 79-93.

³¹¹ Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс. 2018. С. 91.

явление – «сетевую легитимность» политического режима – согласие общества и власти по поводу справедливости и эффективности политических институтов, достигаемое через традиционные сетевые приемы легитимации в реальном пространстве (offline) и технологии медиалегитимации в виртуальном пространстве (online). Такой подход основан на концепте фиджитал-мира – современного сетевого общества, совмещающего социально-технические коммуникации реального физического и виртуального пространства³¹². Сетевая легитимация – это определенная «система баланса» между конкретными технологиями сетевой легитимации и сетевой делегитимации политического режима. Но это не простая статика, а достижение равновесия между противоположными процессами, о чем писал А.А. Богданов³¹³. Если категория «сетевая легитимация» означает процесс по формированию легитимности политического режима посредством сетевых коммуникаций и сетевых технологий, то «сетевая делегитимация» – соответствующий процесс по разрушению легитимности политического режима сетевыми технологиями через сетевые коммуникации.

При этом под сетью в политике следует подразумевать гетерархичные, а не иерархичные управленческие системы, которые одновременно пересекаются и имеют автономию, будучи не жестко встроенными в иерархичную вертикаль. Здесь сетевые коммуникации могут включать каналы, дополнительные к государственным и составляющие контур обратной связи между обществом и властью, как в режиме реального (offline), так и виртуального, цифрового формата (online). Сетевые технологии же подразумевают конкретные неформальные приемы по созданию или изменению сетевых коммуникаций, методы управления потоками политической информации. Также важно не забывать, что политический режим, в отличие от стабильной политической системы, – ее динамичный и

---

³¹² Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. Пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018. С. 81-82.

³¹³ Богданов А.А. Очерки организационной науки. М.: Т8 RUGRAM. 2019. С. 166.

функциональный элемент, а значит, имеющий большее отношение к сети, чем к иерархии, как в случае с государством. Функция сетевого механизма легитимации – преодоление легитимационного кризиса (Ю. Хабермас) путем открытия и внедрения новых легитимационных технологий (в том числе и цифровых), способных ослаблять опасные противоречия между новым содержанием политического режима и устаревшей легитимирующей формулой. В идеале – отыскивается новая легитимирующая формула³¹⁴. Но в новых цифровых условиях сетевая легитимация должна подразумевать не «сетевой элитный сговор», одобрение молчание, а культуру обсуждения, более активного политического участия. Конформизм и поное политическое безразличие масс чревато рисками для власти³¹⁵.

Теоретическая рамка сетевой легитимации вполне перекликается с моделью плебисцитарно-демократической легитимации К. Шмитта, учитывающей, во-первых, доверие населения как параметр формирования авторитета власти, а, во-вторых, постановку вопросов как параметр воздействия на само население³¹⁶. От этого шмиттовского тезиса совсем недалеко до анализа управления политической повесткой дня через современные сетевые коммуникации. Но для начала необходимо разобраться в сущности феномена сети.

Несмотря на недавнюю актуализацию сетевого феномена в политологических работах, на самом деле сеть – чрезвычайно древнее социально-политическое изобретение, означающее гетерархичность, а не иерархичность и ведущее свое начало от практики синойкизма – объединения нескольких общин в одну крупную общину при пересечении их управленческих систем. То есть с ракурса политической антропологии сетевые и иерархические элементы в эпоху зарождения государства возникли

---

³¹⁴ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН. 1997. С. 473.

³¹⁵ Марков Б.В. Понятие политического. М.: РОССПЭН. 2007. С. 57.

³¹⁶ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца. 2016. С. 262-263.

практически одновременно. Например, города Шумера и древних майя делились на такого рода отдельные общины. В Древнем Египте фараоны опирались в своей власти на жреческие сети храмов, посвященные культурам разных богов, для политического и культурного господства собственной страны в завоеванных областях (Сирии, Финикии, Нубии, Ливии и др.) и своей же легитимации. То, что эти структуры являлись именно сетями, доказывает древнеегипетский политеизм, который предполагал существование множества культов, без единой иерархии.

Сетевая легитимация в глазах древнеегипетского населения выглядела сакральной, а поэтому объективной. Доверие общества к власти учитывало согласие с богами, достигаемое храмовыми сетями, во многом сохраняющими независимость от фараона и его бюрократии. Но в сетевой легитимации, несмотря на ее эффективность для власти, уже изначально был заложен архаичный парадокс, сохраняющий свое значение и для современных политических режимов. Из того же древнеегипетского кейса видно, что различные сети из жрецов и номархов (правителей региональных образований – номов), могли серьезно сопротивляться иерархической власти от заговоров до организации восстаний, если фараон ограничивал их автономию. Классический пример такого конфликта между неформальной сетью и государственной иерархией был во время фараона Аменхотепа IV (Эхнатона)³¹⁷, введшего для ослабления влияния жрецов бога Амона и поддерживающих их номархов новый культ Атона – бога солнечного диска. Результатом этой борьбы стало уничтожение исторической памяти об Эхнатоне, о реформаторской деятельности которого мы смогли узнать лишь после археологических открытий в Амарне – забытой столице этого фараона.

Архаичная природа сетей доказывается и тем фактом, что в античное время ключевыми акторами воздействия на государство были торговые эмпории и колонии. Изначально завися от метрополии, они пользовались

---

³¹⁷ Авдиев В.И. История Древнего Востока. М.: Гос. изд. полит. лит. 1953. С. 252.

самоуправлением и политической автономией (торговые сети Ассирии, Финикии, Минойской цивилизации, Афин, Рима и т.п.). Под категорию сети попадает двенадцатиградие Этрурии, а также пифагорейские организации³¹⁸, разделявшие общие ценности, но не создавшие жесткую иерархическую систему. Торговые и жреческие сети были хорошим подспорьем для пропаганды политического и культурного влияния древнегреческих полисов, их апоекий, древнеримского государства и его колоний. Распространение древнегреческих верований способствовало возникновению амфикистий – специфических религиозно-политических союзов (к примеру, на основе культа Аполлона, Посейдона и др.). Порой религиозно-политическая сеть амфикистии возникала первой и в дальнейшем становилась основой централизованной страны, как в случае Боспорского царства³¹⁹.

Парадокс сети проявлялся на протяжении всей политической истории человечества. До того, как стать общей ценностной основой в древнеримском государстве с эпохи Константина, раннехристианские сети были значительным элементом делегитимации Римской империи³²⁰, угрожая культу императора и пантеистической языческой религии. Признаками политизированных сетей обладали небезызвестные цирковые партии, действовавшие в Римской и Византийской империях (достаточно вспомнить восстание «Ника» при Юстиниане)³²¹. По свидетельствам византийских авторов (Дука, Михаил Критовул), кварталы иностранных жителей – сети по своей сути – были дезорганизационной силой для империи³²². Не зря средневековые религиозные и светские власти были серьезно обеспокоены ростом неподконтрольных им сетей павликан, катаров и богомилов. Вполне

---

³¹⁸ Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке. 2012. С. 126.

³¹⁹ Молев Е.А. Эллыны и варвары. На северной окраине античного мира. М.: ЗАО Центрполиграф. 2003. С. 132.

³²⁰ Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 2. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. 2008. С. 41-51.

³²¹ Дашков С.Б. Императоры Византии. И.: Красная площадь, АПС-книги. 1997. С. 67.

³²² Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году. /Под ред. Я.Н. Любарского, Т.И. Соболев. СПб.: Алетейя. 2006. С. 70, 93.

возможно, что эти опасения в совокупности с приращением знания о политике привело к последующему запросу режимов на концептуализацию явления легитимации у философов в условиях теологического разграничения европейской светской и духовной власти³²³. Тогда как в отечественной политико-философской литературе концептуальное осмысление легитимности было больше связано с мессианской, сакральной стороной режима. Вероятно, по этой причине, Иларион, первый русский митрополит, истинную, сакральную Благодать четко отделял от «тени» Закона³²⁴.

Религиозные еретические направления на Руси обладали сетевым характером, как и в Западной Европе. Стригольники критиковали церковную иерархию, настаивая на уничтожении вселенского собора. По их видению, религиозный культ – это личное дело каждого человека, когда любой мог быть учителем. Древнерусский мыслитель Феодосий Косой вообще отвергал светскую и религиозную формы власти, предпочитая простое религиозное общение в «жительствовавших домах»³²⁵. Мимикрия сетевых организаций существует и в настоящем времени (как правило, это секты, клубы фанатов, террористические и криминальные сети). Порой эта мимикрия становится своеобразной защитной реакцией от властей. В другом случае скудость информации, непонимание акторов режима и сети друг друга приводит к атмосфере отчуждения и недоверию, в итоге порождая многочисленные мифы о сетевых организациях³²⁶. С целью выживания политический режим с одними из них борется, а другими старается договориться.

До появления Интернета политический режим и другие политические акторы, в том числе оппозиционные, не могли масштабно использовать преимущества сетевых коммуникаций. Но с возникновением Всемирной

---

³²³ Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта //Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 113-131.

³²⁴ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. /Сост., пер. В.Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна. 2016. С. 37-43.

³²⁵ Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юрид. лит. 1985. С. 69, 79-80.

³²⁶ Отеро М.Л. Тайные общества. СПб.: Евразия. 2008. С. 43-44.

паутины ситуация изменилась. Возможно, по этой причине в российский политологический тезаурус исследователем Г.Л. Акоповым была введена категория «сетевой политики»³²⁷, под которой он понимает приемы политической интернет-коммуникации, позволяющие не только максимально овладеть вниманием общества, организовать прямую демократию, государственное управление, связь с гражданским обществом, но и практиковать манипуляции. Акопов добавляет, что сетевая политика осуществляется партийными элитами в ходе борьбы за власть³²⁸. Профессор А.И. Соловьев берет более широкий разрез, рассматривая не партийные элиты, а целые сетевые ассоциации элит, объединяющиеся на основе неформальных договоренностей по поводу осуществления конкретного вида государственной политики³²⁹. Следуя этой логике, сетевые легитимационные практики политического режима определяются сетевой сущностью самой политической элиты, означая совокупность формулируемых для граждан представлений и их интерпретаций об общественном благе и политическом порядке.

К модели Соловьева органично подходит термин «политическая коннотация», также введенный в политологический оборот Акоповым и означающий как скрытые, дополнительные смыслы, так и явные особенности какого-либо явления (денотата)³³⁰. Элита посредством сетевых рычагов политического режима, технологиями политической коннотации назначает/снимает статус конфиденциальности различным новостным темам, информации, конструирует идейно-символическое поле, скрепляет ценности правящих групп, создает правила гражданского участия. Тезисам Соловьева

---

³²⁷ Акопов Г.Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор в современных политических процессах: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия государственной службы. 2012. С. 15.

³²⁸ Акопов Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основании инновационных политических интернет-коммуникаций: монография. М.: КНОРУС. 2014. С. 98.

³²⁹ Соловьев А.И. Государство как производитель политики //Полис. Политические исследования. 2016. №2. С.90-108.

³³⁰ Акопов Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основании инновационных политических интернет-коммуникаций: монография. М.: КНОРУС. 2014. С. 60.

вторит и теория американского исследователя коммуникаций М. Кастельса, которая пытается объяснить природу новых сетевых элит. По мнению Кастельса, по мере глобализации и развития интернет-коммуникаций происходящая демократизация социальных институтов сталкивается с ростом пропасти между гражданами и элитами, трансформирующихся в закрытые структуры по принятию политических решений и препятствующих вхождению в свой состав чужаков из других социальных групп. Элиты научились использовать сетевые коммуникации, превратившись в особые узлы, за которыми остается контроль над важнейшими информационными потоками³³¹.

Делая промежуточный вывод, надо подчеркнуть, что элиты, государство, правящие партии, оппозиционные движения, а также владельцы цифровых платформ участвуют в конструировании особой сетевой среды, которая и составляет в итоге композицию политического режима с присущим ему контуром обратной связи между обществом и властью, механизмом принятия политических решений и практикой управления массовым сознанием. Если принять допущение М. Кастельса, что сеть – это совокупность взаимосвязанных узлов, а значимость узла кроется в его способности делать вклад в развитие сети³³², то очень важно разобраться в сущности именно тех узлов, которые могут использовать политические акторы для борьбы за власть – с целью легитимации или делегитимации политического режима. Но какие существуют концепты, объясняющие подобного рода явление?

Сложность концептуализации сети как совокупности властных/зависимых узлов заключается в том, что сетевая структура – гетерархична, а не строго иерархична по своей сути. Для определения влиятельного, политически значимого узла в сети (сайта, сетевого сообщества, форума, блога, тлога, видеохостинга), важно обнаружить его связь с конкретным субъектом власти – политическим актором (элитой, лидером,

---

³³¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 2000. С. 386-387.

³³² Кастельс М. Власть коммуникации. /Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. С. 65.

партий, государством, группой влияния). Иными словами, для многомерного анализа сетевой легитимации политического режима требуется учитывать взаимосвязь цифровых коммуникационных площадок с реальными субъектами власти. В 1980-е гг. авторы старались обнаружить такие влиятельные узлы через анализ характера их политического поведения, когда они борются за власть, либо через мониторинг общей картины конкретной сети³³³. С 1990-х гг. появились работы, чей проблемный фокус был сосредоточен на выявлении нейтральных и положительных взаимосвязей между сетевыми акторами, обладающими доступом к инсайдерской – объективной и полезной информации, открывающей двери во власть. Доступ актора к уникальной в политическом смысле информации расценивался учеными в качестве маркера его значимости – контроля над магистралями информационных потоков, потенциала формирования политической коалиции³³⁴.

Природа акторов влиятельных сетевых узлов остается чрезвычайно дискуссионной. В социологии акторам часто даются абстрактные определения. Т. Парсонс под актором определял эмпирическую систему социального действия индивидов или коллектива, разделяя ситуации действия и ценностные ориентации акторов на эти ситуации³³⁵. Основой же легитимации Парсонс считал ценностные установки. Те, кто из ученых придерживаются акторно-сетевой теоретической модели, выступают за объективный анализ антропогенных и нечеловеческих факторов, сравнивая их как эквивалентные части в сетях, работающих для общих целей. Оспаривая социоцентрический, антропный подход, они делают ставку на приоритетность технологического детерминизма. В этом понимании технология влияет на общество, а социум, напротив, изменяет технологию. Общественная и

---

³³³ Kipnis D., Schmidt S.M., Wilkinson I. Intraorganizational influence tactics: Explorations in getting one's way //Journal of Applied Psychology. 1980. Vol. 65(4). P. 440-452.

³³⁴ Brass D.J., Burkhardt M.E. Potential power and power use: An investigation of structure and behavior //Academy of Management Journal. 1993. №36. P. 441-539.

³³⁵ Парсонс Т. О структуре социального действия. /Пер. с англ. М.: Академический проект. 2018. С. 343-347.

технологические среды усматриваются в единой комбинированной системе, а не противопоставляются друг другу.

Один из основоположников акторно-сетевой теории французский социолог Б. Латур выделяет так называемые гетерогенные сети, вырастающие из разных сетей с равноценно важными для них техническими (несоциальными) и социальными элементами³³⁶. Исходя из принципа гетерогенности анализируется социетальный порядок, появляющийся в сети благодаря функционированию конкретного актора. Допускается, что социетальный порядок можно разрушить, когда в сети ликвидируются наиболее важные акторы. Так, сбой функционирования Интернета, мобильной сети, спутниковой связи, а значит, и работоспособности органов власти, ее электронного правительства и документооборота могут подточить легитимность политического режима. Акторно-сетевая теория сводит воедино проблематику политических, социальных и виртуальных сетей. Тем не менее акторно-сетевая теория не объясняет проблему соотношения сетевых центров (узлов) и всей остальной сети, не раскрывает механизм возникновения и воспроизводства феномена власти в сетевых сферах.

«Древовидный» подход определенным образом восполняет пробелы акторно- сетевого концепта в этом отношении, делая упор на обнаружение так называемых сетевых графов, состоящих из nodes – узлов и links – связей этих узлов. С помощью компьютерных программ, к примеру, анализируя блогосферу или социальные сети, можно визуализировать графы популярности глав государств, политических лидеров, партий, движений и политических блогеров³³⁷. Визуально узлы показываются вершинами, а их связи – ребрами. Узлы – это основные сетевые элементы, взаимодействующие

---

³³⁶ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом. ВШЭ. 2014. С. 270-271.

³³⁷ Носко В.И. Применение теории графов в интеллектуальной методике анализа социальных медиа для мониторинга популярности кандидатов в период предвыборной кампании //Инженерный вестник Дона. 2014. Т. 30. № 3. С. 76

со схожими единицами³³⁸. Актор, если его сравнивать с узлом, – более широкая категория. Он может и не быть составной частью сети, но, как правило, всячески старается оказывать на нее воздействие (возможно, по этой причине Латур описывает актор как элемент, побуждаемый к действию множеством других). Иногда для глубокого исследования и последующей оптимизации работы сетей используют так называемый алгоритм покрывающего дерева, предназначенный выявлять эффективные древовидные топологии в разветвленных сетевых системах. С помощью «древовидного» подхода рассматривают узловые связи графов в порядке снижения вероятности их эффективного функционирования. Результатом такого анализа становится центральный (или исходный) граф из итогового объема связей, визуализируемый в виде дерева и собирающий другие узлы, не включающие циклов³³⁹. Центральный граф также делится на периферийные и центральные узлы, причем последние стремятся больше воздействовать на части сетевой структуры.

Российский специалист в области социальных сетей М.Г. Бреслер именуется центральным тот узел, который имеет большую информационную насыщенность, чем окружающие его периферийные узлы. На практике это группа либо индивид, обладающие той информацией, которая недоступна другим участникам сети. Вместе с тем центральный узел, как правило, не соотносим лишь с одним актором³⁴⁰. По причине того, что любой сетевой узел гипотетически может стать центральным при насыщении его уникальной информацией, политический актор старается не превращаться в такого рода узлы, а старается их держать под контролем, одновременно сокращая издержки и уходя от полноты ответственности за управление коммуникационными потоками.

---

³³⁸ Савин Л.В., Федорченко С.Н., Шварц О.К. Сетевые методы в государственном управлении. М.: «Сам полиграфист». 2015. С. 7.

³³⁹ Шарнин С.Г. Оптимизация надежностей сетей связи с применением теории графов //Перспективы развития информационных технологий. 2011. №3-1. С. 226.

³⁴⁰ Бреслер М.Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества. Уфа: РИЦ БашГУ. 2014. С. 46- 47.

Критики «древовидного» подхода французские ученые Ж. Делез и Ф. Гваттари отвергли его за принципы иерархии, централизации и наличие традиционных корней, предложив концепт «ризомы» (от фр. rhizome – корневище). По их мнению, ризома, отличаясь множественностью связей и гетерогенностью, означает, что ее любой сегмент может соединяться с каким угодно элементом сети. Авторы постарались раскрыть принцип множественности через пример марионетки, предположив, что не действия субъекта управляют объектом, не узлы как при «древовидном» подходе, а множественные соединения между объектом и субъектом, связующие линии между их действиями. Неозначающий разрыв является другим признаком ризомы, – когда она может быть повреждена в какой-то своей части или даже ликвидирована, но все равно возрождена с помощью оставшихся либо вновь появившихся линий связи. Другими признаками ризомы выступают декалькомания и картография. Согласно этому тезису, ризома не является простым механизмом копирования, а целая карта с разнообразными входами, которая предполагает модификацию³⁴¹. Ризому можно порвать, изменить либо адаптировать к разнообразным приемам политической сборки с помощью групп влияния или индивидов.

В «корневищном» подходе Делез и Гваттари, конечно, есть явная гиперболизация значения связей в ущерб роли графов и узлов. Но при этом не всегда замечается, что в своих исследованиях французские ученые все же допускают фактор графов и узлов, контролирующих циркулирование информационных массивов. К примеру, они признают в ризоме образование узлов с древовидными разветвлениями, что сообщает ей признаки имманентности, канализирования некоторых признаков деспотизма. Встречается в их работах и категория «плато», означающая временный сектор устойчивости ризомы из определенных связей линий при ее постоянной

---

³⁴¹ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1987. P. 5-9.

трансформирующейся конфигурации³⁴². Как уточняют авторы, ризома – это и есть совокупность многообразных плато, которые ее и распространяют.

Сравнивая дискурс «корневищного» и «древовидного» подходов, можно прийти к выводу, что сторонники этих подходов склонны признать существование в сетях особых узлов и графов, контролирующих информационные потоки. Такой компромисс позволяет преодолеть концептуально-терминологическую путаницу и отнести узлы и графы, связанные с властными отношениями, к центральным элементам сетевых политических коммуникаций. Таким образом, именно центральные графы и узлы связаны с легитимацией современных политических режимов. Вообще сетевые коммуникации – важнейший ресурс для существования политических режимов, что вполне согласуется с законом необходимого разнообразия У. Эшби: чем больше разнообразных сетевых приемов, тем более разнообразной должна быть выстраиваемая управленческая система³⁴³. Тем самым одновременно накладывается два эффекта – маскировка центров принятия политических решений и создание иллюзии альтернативности, многообразия источников информационного контента.

Концепт ризомы сообщил сильный импульс для анализа природы связей сетевых коммуникаций в академической среде. Американский физик из университета Нотр Дам А.-Л. Барабаси со своей аспиранткой Р. Альберт как раз изучали закономерности распределения узлов сетей по объему их связей в конце 1990-х гг. Авторы выдвинули гипотезу, согласно которой небольшое количество узлов в сетях предполагает крупный объем связей (хабов – от англ. hub – концентратор), тогда как большое количество узлов имеет немного связей. Подобные сети стали называть безмасштабными (scale free networks) или сложными (complex networks)³⁴⁴. Условием возникновения

---

³⁴² Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 2. Тысяча плато. Пер. Я.И. Свирского. Екатеринбург, М.: У-Фактория, Астрель. 2010. С. 15-19.

³⁴³ Ashby W.R. An Introduction to Cybernetics. L.: Chapman & Hall. 1956. P.206-207.

³⁴⁴ Albert R., Barabasi A.-L. Statistical mechanics of complex networks //Reviews of modern physics. 2002. Vol. 74. №1. P. 47-97.

безмасштабных сетей является рост присоединяющихся узлов и предпочтительное соединение, что напоминает социологический «эффект Матфея».

Дж. Дин интегрирует идеи книги «Linked: The New Science of Networks» А.-Л. Барабаши со своей моделью коммуникативного капитализма³⁴⁵. По ее оценке, в современных социальных сетях, где люди сами решают, с кем им коммуницировать, степенное распределение позволяет популярным центрам (сообществам с крупным числом подписчиков) формировать больше связей, а значит, воспроизводить иерархическую систему отношений, удобную для освоения современными политическими режимами.

Характерно, что безмасштабные сети устойчивы к повреждениям, будучи топологически негомогенными. Но повреждение центрального узла (узлов) с серьезным числом связей может привести к разрушению сети (например, если хакер повредит несколько сайтов с уникальным политическим контентом, сложившейся сети сообществ с соответствующим политическим дискурсом будет угрожать распад). Модель Альберта-Барабаши показывает графы со степенным распределением числа связей, а не экспоненциальным (как в пуассоновских сетях). Такая схема более работоспособна, чем недоказанная модель «шести рукопожатий» американских ученых Дж. Треверса и С. Милгрэма, по которой любые два индивида могут соединиться шестью уровнями связей и пятью уровнями знакомых.

Несколько иное понимание сетевой легитимации политического режима дает теория слабых связей М. Гранноветера, профессора социологии Стэнфордского университета. В ходе своих исследований, он заключил, что мостовые (слабые) сетевые связи, которые нередко обвиняют в росте отчуждения в системах, напротив, нужно анализировать как важнейшее условие для появления интегрированных сетевых сообществ³⁴⁶. Гранноветер уверен, что сильные связи в сетевых коммуникациях, наоборот, способствуют

---

³⁴⁵ Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? //Логос. 2019. Т. 29. №6. С. 85-116.

³⁴⁶ Гранноветер М. Сила слабых связей //Экономическая социология. 2009. Т.10. №4.

сплоченности только на локальном уровне, тогда как на макроуровне приводят к фрагментации сетевой структуры³⁴⁷ (как правило, не все элементы сети согласны на потерю своей автономии при возникновении сильных связей вокруг центрального узла). Такое наблюдение о макроуровневом эффекте имеет принципиальное значение для легитимации политического режима. Гранноветер сомневается, что сильные связи являются источником инсайдерской информации, предполагая более быструю циркуляцию такого рода уникальных сведений лишь с помощью слабых связей, играющих роль источников новостей. Очевидно, что концепт слабых связей не дает однозначного ответа на вопрос сетевого механизма легитимности политического режима, связанного с анализом закономерностей работы центральных узлов и графов сети, но он и не отвергает их роль, актуализируя аспект сплоченности сетевых сообществ.

Модели слабых сетей в определенном смысле противостоит Р. Берт со своим концептом структурных пустот социального капитала. Исследователь выдвинул тезис, согласно которому узел, обладающий связями с непересекающимися между собой альтернативными пулами информации, может в любое время приобретать более неизбыточную информацию, а, следовательно, способен лучше функционировать. Иной тип узла, имеющего контакты с тесно переплетенными и недостаточно разнообразными пулами информации, будет вынужден принимать схожую от них информацию, а значит, работать хуже первого типа узла³⁴⁸. Берт оспаривает мысль Гранноветера о мостовых слабых связях, полагая, что они чаще распадаются и не могут играть значимую роль в сети. Хотя их теоретические схемы в некоторых моментах сильно перекликаются, ведь узлы со множеством числом слабых мостовых связей никто не мешает соотносить с узлами с большим количеством структурных пустот. И Берт, и Гранноветер рассматривают центральные сетевые узлы, связанные с потоками неизбыточной и новой

---

³⁴⁷ Wirth L. Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. №44. P. 3-21.

³⁴⁸ Burt R.S. Bridge decay // Social Networks. 2002. №24 (4). P. 333-363.

информации, которая недоступна периферийным элементам сети. Это чрезвычайно важное совпадение наблюдений совершенно разных ученых, ведь политический режим в условиях развития цифрового общества способен обеспечить свою легитимность, опираясь не на традиционные силовые институты, а именно на центральные узлы сетевых коммуникаций, влияющих на массовое сознание.

Итак, политическому режиму, как функциональному элементу политической системы, обеспечивающему ее текущую работоспособность, для легитимации необходимы так называемые точки опоры. Как видно из теоретического анализа, большинство авторов (М. Кастельс, Б. Латур, Ж. Делез, Ф. Гваттари, А.-Л. Барабаши, Р. Альберт, С.Г. Шарнин, М.Г. Бреслер, М. Гранновтер, Дж. Дин), в чем-то расходясь между собой и даже споря друг с другом, все же сходятся в одном, – выделяя феномен централизации сети и описывая центральные узлы. Сетевая централизация – малоисследованное явление в политической науке, в общем раскрываемое до всех этих авторов через категории эгрессии, эгрессивного центра и комплексов периферии А.А. Богданова³⁴⁹. И гораздо позже понятие центрирования встречается в работе Л. Фримена. По его видению, центрирование усиливается, если крупное количество узлов (контактов) связывается друг с другом посредством определенного узла³⁵⁰. Однако аналитическая схема Богданова более актуальна и удобна для анализа сетевой легитимации, чем модель Фримена, так как отечественный ученый вводит дефиницию дегрессии³⁵¹ – организационной формы, обеспечивающей и закрепляющей пластичность, комбинации системы. Не случайно в настоящее время опубликованы работы (к примеру, М.В. Локтионова), где не только говорится о важности внедрения нелинейных, кибернетических, сетевых приемов в современных системах, но и пишется о малоизученных факторах, влияющих на функционирование самих

---

³⁴⁹ Богданов А.А. Очерки организационной науки. М.: Т8 RUGRAM. 2019. С. 248-253.

³⁵⁰ Freeman L.C. Centrality in social networks conceptual clarification //Social Networks. 1979. №1. P. 215-239.

³⁵¹ Богданов А.А. Очерки организационной науки. М.: Т8 RUGRAM. 2019. С. 281.

систем (стейкхолдерах и т.п.)³⁵². Ведь представители власти, цифровых корпораций – это тоже, по сути, сложные взаимодействующие сетевые системы.

Можно предположить, что в условиях цифровизации основной целью политического режима становится контролирование процесса сетевой централизации, управление центральными сетевыми узлами или их конструирование. Богданов также замечал, что депрессивные объединения укрепляют эгессию с ее центром. Контролируя или/и конструируя центральные узлы сетевых коммуникаций (интернет-сообществ, новостных порталов, приложений и т.п.), субъект власти (элита) осуществляет легитимацию политического режима посредством обозначенных в первом параграфе функциональных уровней – технологического, институционального, персонального и ценностного. Охват всех функциональных уровней обеспечивает сетевую легитимацию режима, задачей которой в терминологии А.М. Салмина становится выстраивание политического синтеза³⁵³ различных сетевых сообществ. Что, в свою очередь, завершается созданием политического интерфейса. Делегитимация режима происходит в отсутствии политического синтеза, когда любой незначительный социальный конфликт приводит к его дестабилизации. Отсюда, если не хватает техник политического синтеза первого порядка (традиционных), режим обращается к приемам такого синтеза второго порядка (цифровых).

С одной стороны, в условиях цифровизации, субъектам власти логично обращаться именно к сетевым технологиям легитимации, однако, с другой стороны, ввиду дискретности сетевого общества, данные легитимационные практики должны предполагать антиэнтропийный характер, будучи

---

³⁵² Локтионов М.В. Системный подход в менеджменте. М.: Генезис. Фронтир. Наука. 2000. С. 151-152; Локтионов М.В. Мягкий системный подход в организационных исследованиях //Вопросы экономики и права. 2015. №1. С. 51-54.

³⁵³ Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: ФОРУМ. 2009. С. 310-311; 324.

направленными на создание упорядоченных институтов политической системы, не отвергая, а, наоборот, используя разнообразие политической информации. Упорядоченность политической системы зависит от информационного разнообразия³⁵⁴, которое способен переработать и использовать политический режим. Энтропийность для политического режима равна делегитимации. Борьба же с энтропией – бесконечна, поэтому процесс политической легитимации не имеет завершения, в то время как системы недолговечны и нестабильны³⁵⁵, поэтому меняются лишь технологии. И самая большая сложность для режима как раз заключается в том, как гибко сочетать принцип центрирования сетевых коммуникаций с сетевой дискретностью и разнообразием политической информации. Как политическому интерфейсу грамотно совместить автономию цифровых аватаров и лояльность их сообществ.

Профилактика делегитимации режима как энтропийного процесса возможна только при учете нелинейного характера управления в виде ответа на вызов нелинейности сетевых процессов. Вариант глухой цензуры не поможет. Нелинейность процессов цифровой среды означает для режима неизбежный риск, так как она может вызвать непропорциональные отклики³⁵⁶ объектов власти на активность субъектов власти. Сильная, неуправляемая нелинейность чревата делегитимацией. Следовательно, каждый режим постоянно должен решать следующее противоречие – разнообразная политическая информация способна наделить полезным опытом и придать устойчивость системе, однако это же неуправляемое разнообразие может привести к стихийным энтропийным процессам, дисфункциональности и делегитимации режима. Как верно пишет В.Г. Афанасьев, технические системы не способны трансформировать свое разнообразие, как это умеют

---

³⁵⁴ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 25.

³⁵⁵ Арндт Х. *Vita Activa*, или О деятельности жизни. /Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс. 2017. С. 239.

³⁵⁶ Иванов А.В. Социальный ортогенез: моногр. 2-е изд. М.: Юрайт. 2018. С. 87.

системы социальные³⁵⁷, однако появление социотехнической реальности (фиджитал-мира, дополненной реальности) и ее порождения – «машин власти», центрирующие сетевые коммуникации, а также противостоящих энтропийной делегитимации, может решить эту проблему.

Парадокс цифровизации в том, что лишь те системы, которые не находятся в постоянном равновесии, могут качественно развиваться, уходя от гомеостаза к освоению социальных аттракторов. А.А. Богданов до М. Кастельса описывал пространство как «неразрывную сетку из нитей», имеющую связанные между собой петли. Интересно, что Богданов, описывая однообразную повторяемость соотношений фактически близко подошел к теории фрактальности сети³⁵⁸. Фрактальные структуры способны к качественной трансформации только при соблюдении модели «маятника» – чередования циклов стабилизации и развития политического режима, исходя из условий готовности общества к политическим и экономическим метаморфозам. Поэтому субъекты власти (элита) должны постоянно решать, какие технологии политической легитимации внедрять, а какие уже не соответствуют времени. Фрактальный характер власти усиливается сетевыми особенностями цифровизации и приводит к когерентности³⁵⁹ – взаимосогласованному поведению участников сетевых коммуникаций, от фрейма патриотизма до фрейма страха и ненависти к режиму. Следовательно, центрирование режимом коммуникаций должно учитывать когерентность их элементов – сообществ и цифровых аватаров.

Н. Луман в рамках теории аутопойезиса предлагал изучать центрирование взаимозависимостей через выявление ориентации участников коммуникации на привилегированных политических лидеров³⁶⁰ (сейчас они в блогах и социальных сетях). Под характеристику центрирования попадают

---

³⁵⁷ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 105-113; 117.

³⁵⁸ Богданов А.А. Очерки организационной науки. М.: Т8 RUGRAM. 2019. С. 287.

³⁵⁹ Иванов А.В. Социальный ортогенез: моногр. 2-е изд. М.: Юрайт. 2018. С. 109.

³⁶⁰ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. /Пер. с нем. И.Д. Газиева, под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука. 2007. С. 540.

независимость, контроль и ранг узла. Независимость конкретного узла – это отсутствие над ним контроля со стороны других графов и узлов. Контроль узла определяется его способностью контролировать информационные потоки, направленные через него. Ранг узла вычисляется по количеству связанных с ним иных узлов. Чем больше таких узлов (контактов), тем выше ранг. Э. Канетти описывал аналогичное явление как «массовые кристаллы» – небольшие группы с четкой границей и высокой устойчивостью, которые существуют во все времена и способны пробуждать массы³⁶¹.

Из-за цифровизации архаичных по природе сетей, ранжирование узлов становится важным фактором популярности интернет-ресурсов (сайтов, форумов, социальных сетей, мессенджеров, блогов, видеохостингов и т.п.) и их контента среди пользовательской аудитории. Независимость и контроль – также стали значимыми показателями для сетевых коммуникаций. Контролирующий информационные потоки пользователь (например, фильтруя контент через сетевые сообщества) приобретает большее влияние, чем тот пользователь, который имеет лишь крупную френдленту (крупное число друзей и подписчиков его аккаунта в Facebook, ВКонтакте и т.п.). Участники, приносящие серьезную пользу для сетевого сообщества, на деле и оказываются его центром, поскольку обладают большим количеством связей и могут служить наиболее эффективными и оперативными источниками новой политической информации.

Проблема легитимации современных режимов видится и в том, что трендам централизации сети всегда противостоят тренды децентрализации сети. И эффективный режим должен быть всегда способен противостоять децентрализации. Американский дипломат и политолог С. Манн, посвятивший свои работы явлению «управляемого хаоса», выдвинул тезис, что в отсутствии внешних раздражителей любая сложная система допускает наличие факторов, приводящих ее к состоянию турбулентности и

---

³⁶¹ Канетти Э. Масса и власть. /Пер. с нем. Л. Ионина. М.: АСТ. 2020. С. 110-113.

дестабилизации³⁶². Манн учитывает теорию фракталов, отмечая, что большинство элементов системы закономерным образом преобразуются в критических условиях, когда за неким действием возникает цепная реакция, способная изменить число системных элементов. Среди критичных факторов автор перечисляет первоначальное состояние системы, базовую структуру системы, сплоченность акторов и конфликтный потенциал отдельных акторов³⁶³. Манн обращает внимание на то, что исчезновение традиционных ценностей и идеологий выступает кардинальным условием при потере государством собственного суверенитета (его современной разновидностью – прочным цифровым суверенитетом – пока обладают лишь Соединенные Штаты). Политический режим, не контролирующий процессы децентрализации, рискует попасть в ловушку «цветных революций» – нового типа переворотов, ориентированных на смену ценностей и переподчинение политической элиты, а также ресурсов страны интересам внешнеполитических акторов, в том числе и транснациональных. Такого рода акторы могут стремиться использовать сети или даже создавать новые сетевые структуры для смены политического режима в стране. Мишенью информационных войн может стать как западные индивидуалистические, так и традиционные общества.

Теория сетецентризма в некоторой мере учитывает оба тренда цифровизации общества и политики – централизацию и децентрализацию сети. Сетецентризм означает свойство организационной культуры, учитывающей параллельное существование иерархических и гетерархических структур в единой гибридной системе, адаптивной к изменяющейся внешней среде³⁶⁴. При сетецентризме в определенное время передается определенный объем информации конкретной целевой аудитории. В работе А. Себровски и

---

³⁶² Mann St.R. Chaos Theory and Strategic Thought //Parameters. 1992. Autumn. №55. P. 54-67.

³⁶³ Mann St.R. The Reaction to Chaos //Complexity, Global Politics, and National Security. Edited by David S. Alberts and Thomas J. Washington: Czerwinski National Defense University. 1997. P. 62-68.

³⁶⁴ Савин Л.В., Федорченко С.Н., Шварц О.К. Сетецентрические методы в государственном управлении. М.: «Сам полиграфист». 2015. С. 31, 70.

Дж. Гарстка подчеркивается роль мощной распыленной сетевой архитектуры – информационных сетей, протоколов передачи данных и специальных панелей в информационном доминировании. Большое внимание они уделяют принципу самосинхронизации, позволяющий системе хорошо знать свою структуру, ресурсы, собственных противников, чтобы организовывать комплексные ответные действия³⁶⁵. В настоящее время данная теория активно используется в рамках модели так называемой сетецентрической войны, учитываемой при ведении информационных войн военными США, Великобритании, Швеции и НАТО³⁶⁶.

Для понимания сетевой легитимации политического режима чрезвычайно важна теория М. Кастельса, которая хорошо объясняет централизацию и децентрализацию в сети в терминах власти и контрвласти. Исследователь предположил, что властные отношения характеризуются динамикой борьбы власти и контрвласти (к примеру, сетевых движений) за умонстроения граждан в пространстве мультимодальных коммуникационных сетей. В этом понимании ученый не одинок: мультимодальные коммуникационные сети не только включают вертикальные и горизонтальные коммуникации, но и осмысливаются в рамках модели фиджитал-мира, где тесно переплетаются виртуальные и реальные действия, технологии и коммуникации (Д. Стиллман, И. Стиллман)³⁶⁷. По Кастельсу, реляционность означает, что власть является отношением, а не атрибутом, при этом асимметричность властных отношений подразумевает большую степень влияния одного из акторов. Ученый объясняет имеющуюся активность в современных сетевых коммуникациях теорией аффективного действия, допускающей в качестве коммуникационного триггера эмоцию гнева (например, недовольство граждан конкретными действиями режима), репрессора-регулятора – эмоцию страха.

---

³⁶⁵ Cebrowski A., Garstka J. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future //Proceedings Magazine. 1998. January. Vol. 124. №1. Pp. 28-35.

³⁶⁶ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евраз. движ. 2011. С. 73.

³⁶⁷ Стиллман Л., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. /Пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018. С. 83-85.

Когда страх запускает тревогу, граждане его преодолевают через идентификацию и обмен информацией в процессе коммуникативного взаимодействия. В итоге сетевые индивидуалисты преодолевают свой страх, будучи охваченными общим энтузиазмом, превращаясь в коллективного актора³⁶⁸. Этот тезис прекрасно подтверждается работами Э. Фромма, обратившего внимание, что растущая изоляция, бессилие и страх одиночества современного индивида способствует к стремлению найти новые зависимости от авторитетов, коллективных акторов, партий, сообществ³⁶⁹.

В своей модели Кастельс опирается на идеи Ю. Хабермаса об формировании легитимности власти на основе коммуникационного процесса. Идея, конечно, не новая, но недостаточно концептуально осмысленная. Важно вспомнить, что еще Аристотель в своем труде «Политика» понимал под государством процесс общения³⁷⁰. Другими словами, легитимность режима обеспечивается путем достижения согласия воле разных социальных групп в ходе политического дискурса за счет разнообразных процедур (что доказывается законом необходимого разнообразия У. Эшби). Согласно Кастельсу, легитимация – это совокупность процесса принятия правил и ценностей, дисциплинарные дискурсы и насилие (известный тезис М. Фуко), происходящих в ходе производства и воспроизводства властных отношений в социальных практиках³⁷¹. Понимая под сетью совокупность взаимодействующих узлов, Кастельс усматривает значимость узла в его функции приносить сети значимый вклад, особенно путем переработки и эффективного анализа необходимой сети информации. Здесь он учитывает гипотезу сетевого гейткипинга³⁷², которая допускает функционирование

---

³⁶⁸ Кастельс М. Власть коммуникации. /Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. С. 35-36.

³⁶⁹ Фромм Э. Бегство от свободы. /Пер. с англ. А.В. Александровой. М.: АСТ. 2018. С. 229-251.

³⁷⁰ Аристотель. Политика. /Пер. С.А. Жебелева, Т.А. Миллер. М.: АСТ. 2018. С. 7.

³⁷¹ Кастельс М. Власть коммуникации. /Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. С. 58.

³⁷² Barzilai-Nahon K. Toward a Theory of Network Gatekeeping: A frame-work for Exploring Information Control //Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2008. Vol. 59. №9. P. 1493-1512.

сетевой формы власти по принципу бинарной логики – включения/исключения элемента, узла, актора из сети.

Гейткипинг проявляется во власти стандартов сети над ее элементами. Власть в сети находится в руках так называемых «программистов» (акторов, создающих и программирующих сети) и «переключателей» (акторов, способных налаживать коммуникацию важнейших сетей). В сетевом обществе традиционное время сменяется мгновенным, когда происходит компрессия – отмена последовательности событий, перемешивается прошлое, настоящее и будущее (этот тезис органично соотносится с идеей Х. Ортеги-и-Гассета о «высоте времени», когда между поколениями возникает разрыв в восприятии времени³⁷³). Отсюда огромное значение приобретают коммуникационные коды (в том числе и культурные, политические). Протоколы коммуникации (метафоры, медиаязык, реклама, брендинг, сетевой цифровой гипертекст) обеспечивают коммуникационный процесс между разными культурами на базе общих смыслов, ценностей коммуникации и бинарной логики гейткипинга. Ведь для того, чтобы коммуникация состоялась, получатели и отправители информации должны обладать неким общим культурным кодом. Так как политическая легитимация связана с контролем массового сознания, то первостепенным вопросом для политического режима в условиях расширения сетевых коммуникаций становится управление ментальными образами (невизуальными и визуальными)³⁷⁴. Мозг индивида обрабатывает те же политические события с помощью особой когнитивной карты. Чтобы мозг индивида связал когнитивную карту с какими-либо политическими событиями, необходимо запустить коммуникационный процесс, который в свою очередь нуждается в таких важных протоколах коммуникации как метафоры.

---

³⁷³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. /Пер. с исп. А. Герескула. М.: АСТ. 2018. С. 22-37.

³⁷⁴ Кастельс М. Власть коммуникации. /Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. С. 191-195.

Доводы Кастельса можно дополнительно подтвердить исследованиями У. Эко, рассмотревшего метафору как важнейший элемент познания. Неоднозначные смыслы метафоры нацелены на разные целевые аудитории – от простых граждан до политической элиты. Метафоры создают онтологии – категориальные организации информации³⁷⁵. В итоге конкретные политические метафоры через центральные узлы сетевых коммуникаций насыщают политический дискурс и конструируют специфические политические онтологии. Это и является современным механизмом сетевой легитимации политического режима. Примечательно, что Эко опирается в своем исследовании на теорию метафоры того же Аристотеля, который под ней в «Поэтике» определял перенесение слова с измененным смыслом из рода в вид либо из вида или по аналогии³⁷⁶. Кастельс замечает, что простые метафоры нейронной увязкой группируются в сложные метафоры. Благодаря метафорам возникают нарративы, состоящие из фреймов, которые в свою очередь соответствуют конкретным структурам в мозгу. Фреймы включают нейронные сети ассоциаций, понятные индивиду через язык путем связки с метафорами³⁷⁷. Фрейминг означает активацию конкретных нейронных сетей, а следовательно – определенных эмоций у людей, что используется в интернет-коммуникациях (мемы, хэштеги), видеохостингах, кинематографе, компьютерных играх. Политические акторы могут укрепить либо разрушить легитимность политического режима, запуская через сетевые коммуникации соответствующие фреймы – энтузиазма, неуверенности, гнева, сочувствия, удивления, тревоги, страха, надежды.

Фрейм энтузиазма может спровоцировать интерес, симпатию граждан к определенным политическим идеям, ценностям. Активация фрейма неуверенности вызывает рост внимания к политической информации.

---

³⁷⁵ Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. /Пер. с итал. О.А. Поповой-Пле. М.: Акад. проект. 2016. С. 63-65; 112-133.

³⁷⁶ Аристотель. Риторика. Поэтика. /Пер. с древнегреч. Н. Платоновой, А. Апфельрота. М.: АСТ. 2018. С. 330-331.

³⁷⁷ Кастельс М. Власть коммуникации. /Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. С. 191-211.

Провоцирование фрейма с высоким порогом тревоги приводит аудиторию к активному поиску политической информации и ее обработке. Но сильный фрейм опасности сводит качественное усвоение политической информации на нет. Гейткиперы сетей (от англ. gatekeepers – стражи ворот, т.е. сетевые «программисты» и «переключатели») это и есть политические акторы сетей (блогеры, журналисты, редакции, медиамагнаты). Как видно, данный концепт Кастельса уместно адаптировать под объяснение сетевой легитимности современного политического режима в виде механизма балансира, предполагающего, во-первых, разработку и внедрение властью технологий сетевой легитимации через сетевые коммуникации и, во-вторых, противостояние власти технологиям сетевой делегитимации посредством тех же сетевых коммуникаций. Подобная адаптация концепта Кастельса о сетевом обществе связана с изученными выше теориями, совпадающими в признании эффекта централизации сети и существовании центральных узлов сетевых коммуникаций.

Категориальный аппарат Кастельса довольно разнообразен³⁷⁸. Так, согласно его позиции, «власть сети» над сообщениями (месседжами) проявляется в протоколах коммуникации, задаваемых гейткиперами. «Сетевая власть» по Кастельсу это та власть, которая осуществляется центральными узлами сети над периферийными при контроле политической повестки. «Сетесозидающая власть» – это определенная возможность конструировать и программировать сетевые коммуникации. Модель сетевой власти М. Кастельса поразительно перекликается с тезисами об эгрессии и депрессии А.А. Богданова.

Акторы контролируют центральные узлы сетей (блоги, форумы, сайты, мессенджеры, имиджборды, видеохостинги, онлайн-игры и т.п.). Они используют рычаги государства, цифрового корпоративного бизнеса, редакционную политику и медиалогическую для контроля над потоками

---

³⁷⁸ Кастельс М. Власть коммуникации. /Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. С. 481-487.

информации. Современные политические метафоры, сообщения, как правило, предполагают принцип инфотейнмента – приемов увлекательного развлечения в духе комедии или драмы. Происходящие диспропорции цифрового универсума воспроизводят субъект-объектные политические отношения доцифровой эпохи. Централизация сетевых коммуникаций граничит с сетевой рефеодализацией³⁷⁹. Во-первых, появляются «сетевые феодалы» – политические акторы, оригинальным и креативным способом на своих аккаунтах, цифровых площадках интерпретирующие политические события, становясь центральными узлами и производителями политической информации. Большинство пользователей становятся «крепостными» – периферийными узлами, потребителями готовых когнитивных схем, решений и политической информации через свои цифровые аватары.

Политический интерфейс режима может выстраиваться либо на закрытых (как в Facebook), либо на открытых – социально-ориентированных алгоритмах. Сетевые сообщества зависят от характера цифровых платформ. В случае, когда индивиды могут участвовать в коллективном программировании, можно говорить о демократичной сетесозидающей власти. Условия эффективности демократических сетевых коммуникаций – в открытых кодах, алгоритмах «нововластных» цифровых платформ, без чего любой политический режим не сможет создать разнообразные петли обратной связи³⁸⁰, а это в условиях дискретности цифрового пространства ограничит его потенциалы в изобретении новых технологий легитимации.

Подводя итоги параграфу, важно отметить основные наблюдения, сделанные в ходе исследования. В результате исследования сделан вывод, согласно которому различные российские и зарубежные ученые, в чем-то расходясь между собой и даже споря друг с другом, все же сходятся в одном, – выделяя феномен централизации сети и описывая центральные узлы сетевых

---

³⁷⁹ Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление: Монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА. 2016. С. 57-58.

³⁸⁰ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 174.

коммуникаций (А.А. Богданов, Н. Луман, Л. Фримен, Б. Латур, Ж. Делез, Ф. Гваттари, А.-Л. Барабаши, Р. Альберт, М. Кастельс, С.Г. Шарнин, М.Г. Бреслер, М. Гранноветер). Это позволяет объяснить, как политические акторы (как провластные, так и оппозиционные), учитывающие тренды развития сетевого общества, ориентированы больше использовать не только силовые приемы для легитимации (укрепления) либо делегитимации (дестабилизации) политического режима, но и создавать особую сетевую коммуникационную среду, на которую можно будет оказывать воздействие через подконтрольные сетевые центральные узлы и графы (сайты, сообщества социальных сетей, блоги, форумы, тлоги, микроблоги, видеохостинги, имиджборды, мессенджеры) для управления массовым сознанием.

На основании проделанного теоретического анализа механизма взаимосвязи сети и политического режима уточнен рабочий категориальный аппарат исследования. Предложенная категория «сетевой легитимности» политического режима раскрыта как согласие между обществом и властью по поводу справедливости и эффективности политических институтов, достигаемое через традиционные сетевые приемы легитимации в реальном (offline) пространстве и технологии медиалегитимации в виртуальном пространстве (online). Трактовка дефиниции сетевой легитимности исходит из модели фиджитал-мира – современного сетевого общества, совмещающего коммуникации реального физического и виртуального пространства. Основная проблема легитимации современных режимов определена в его «сетевом парадоксе», при котором трендам централизации сети всегда противостоят тренды децентрализации сети.

Тесно связанный с моделью фиджитал-мира концепт сетевого общества М. Кастельса был адаптирован под объяснение механизма сетевой легитимности современного политического режима в виде «системы балансира», предполагающего, во-первых, разработку и внедрение властью технологий сетевой легитимации через сетевые коммуникации и, во-вторых, противостояние власти технологиям сетевой делегитимации посредством тех

же сетевых коммуникаций. Легитимация политического режима в современных условиях связана с цифровизацией общества, означающей также и более узкий процесс – цифровизацию политики, определяющейся практикой сетевых политических технологий в среде сетевых политических коммуникаций. При этом, определено, что «сетевые коммуникации» могут включать каналы, дополнительные к государственным и составляющие контур обратной связи между обществом и властью, как в режиме реального (offline), так и виртуального, цифрового формата (online). Тогда как «сетевые технологии» подразумевают конкретные неформальные приемы по созданию или изменению сетевых коммуникаций. Уточненный рабочий категориальный аппарат («сетевая легитимность», «сетевая легитимация», «сетевая делегитимация», «сетевые технологии», «сетевые коммуникации») позволит более глубоко и полноценно изучить особенности и элементы легитимации современных политических режимов в условиях цифрового пространства.

В выводах главы, прежде всего, необходимо отразить основные наблюдения, которые будут применяться в рамках настоящего исследования. Анализ сущности политического режима опирается на функциональный подход (А.А. Богданов, Г. Лассуэлл, Т. Парсонс, Н.А. Баранов), рассматривающего его как способ функционирования политической системы. Отсюда исследование сосредоточено на изучении легитимности специфических способов функционирования политической системы – сетевых. Функциональный подход к политическому режиму и многомерный принцип в анализе его сетевой легитимации позволил установить связь с феноменом политической коммуникации, означающей механизм конструирования, отправки, получения и обработки тех сообщений, которые оказывают сильное влияние на политику (М.Н. Грачев).

Анализ выявил, что в политологическом осмыслении категории легитимации между отечественными и зарубежными авторами есть как определенные точки пересечения, так и принципиальные различия. Сходство наблюдается в том, большинство политологов причисляют к признакам

политической легитимации такие понятия как доверие, согласие и авторитет. Если же говорить о принципиальной специфике, то ряд западных политологов изучают такой признак легитимации как согласие в тесной привязке именно к эффективности власти (С. Липсет, Х. Кельзен, Х. Линц). Российские же политологи (Г.А. Белов, Дибиров А.-Н.З. и др.), исследующие согласие, как ключевой элемент легитимации, сохраняют определенную преемственность в отсылке к дореволюционной политической публицистике: во-первых, выделявшей сакральную природу власти, во-вторых, усматривавшей основу власти в общих интересах и коллективистских ценностях и традициях населения. Зарубежные политологи сосредоточены не на сакральной, а на коммуникационной природе политической легитимации. Отсюда оптимальным методологическим приемом в исследовании политической легитимации будет учет обеих сторон ее природы – сакрально-ценностной, аксиологической и коммуникационно-технологической, цифровой.

Предложена авторская классификация политической легитимации, выделяющая технологический, персональный, институциональный и ценностный уровни. Подчеркивается, что данные уровни – от наиболее утилитарного, профанного «технологического» до самого высшего, сакрального «ценностного» – наиболее оптимально работают в сетевой совокупности и двух измерениях – внутривнутриполитическом и внешнеполитическом, однако в «чистом виде» не один уровень (или измерение) легитимации не способен обеспечить устойчивость и работоспособность политического режима.

В части, посвященной цифровизации, определено, что этот процесс не только означает перевод любой информации в оцифрованный вид, но и обретает принципиальное значение для политического режима по причине возможности сокращения затрат, улучшения каналов политической коммуникации между обществом и государством, создания эффективной системы безопасности, государственных услуг. В основе цифровизации обнаружена алгоритмизация социально-политической жизни, возрастание

роли приложений и компьютерного софта, что связано с распространением нового типа фирм – цифровых платформ, дающих гражданам само право на коммуникацию и превращающихся из-за возникающих сетевых эффектов в монополии. Вместе с тем замечено, что программа цифровизации должна предусматривать сокращение цифрового и социального неравенства в широких массах, устранение ведомственных и межведомственных барьеров. Наибольшие риски и угрозы определены в поверхностной и неравномерной цифровизации догоняющего типа, которая, наоборот, может привести к снижению уровня легитимности политического режима. Поэтому подчеркивается, что цифровые приемы и технологии (искусственный интеллект, Big Data, интернет вещей, дополненная реальность) должны быть доступными самым широким слоям населения, а не только представителям бизнеса и государственного управления.

Показано, что такие стратегические компоненты цифрового пространства как цифровые ритуалы связаны с процессами аватаризации и интерфейсизации. Цифровые аватары не только становятся обязательными воплощениями реального гражданина, предоставляя ему возможность коммуникации, государственных и коммерческих услуг за доступ к его биометрическим данным, но и являются репрезентантами «виртуальных политиков», «виртуальных чиновников», а также ложных идентичностей. Тотальная аватаризация с появлением нечеловеческих аватаров заставляет задуматься о проблеме сохранения субъектности в цифровых политических коммуникациях.

Параллельно установлено, что политический интерфейс, как легитимационная матрица режима, в отличие от цифрового аватара, стремится к стиранию особенностей коммуникации индивидов посредством алгоритмов, программ, приложений, платформ и т.п., стандартизируя функционал коммуникационного пространства, навязывая модели поведения и скрывая консолидированный субъект властных отношений. Через интерфейс, определяющий практику коммуникации между гражданами и властью, режим

сохраняет дисциплинарный контроль над дискурсом и возрождает «миссию папства» в понимании М. Фуко³⁸¹. Вместе с тем цифровые аватары, как объект фрагментированных властных отношений, превращаются в цифровые аудитории. Политический интерфейс, как инновационная «машина власти», становится возможен в условиях новой социотехнической реальности (фиджитал-мира). При этом такие «машины власти» ориентированы на цифровые показатели и рейтинги, чтобы своевременно оценивать функциональность или дисфункциональность процессов системы. Благодаря функционированию «машин власти» внедряются новые технологии легитимации режима.

Феномен сети в легитимации политического режима рассмотрен через выявление центральных сетевых узлов, связанных с властью (с учетом исследований по централизации сетей и концепта сетевого гейткипинга К. Левина, М. Кастельса). Механизм сетевой легитимности политического режима выявлен в виде «системы балансира» между конкретными технологиями сетевой легитимации и сетевой делегитимации. Сетевая легитимация раскрыта как система по формированию легитимности политического режима посредством сетевых коммуникаций и сетевых технологий. Сетевая делегитимация – как соответствующая «контрсистема» по разрушению легитимности политического режима сетевыми технологиями через сетевые коммуникации. Уточнено, что в этой модели сетевые коммуникации включают дополнительные к государственным каналы, образующие контур обратной связи между властью и обществом, как в режиме реального (offline), так и виртуального, цифрового формата (online). Сетевые технологии в этой схеме являются различными неформальными приемами по конструированию или изменению сетевых коммуникаций.

Обнаружено, что политические акторы (как провластные, так и оппозиционные), учитывающие тренды развития сетевого общества,

---

³⁸¹ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. /Пер. с фр. СПб.: Наука. 2011. С. 71, 260.

ориентированы больше на использование не только силовых приемов для легитимации (укрепления) либо делегитимации (дестабилизации) политического режима, но и на создание особой сетевой коммуникационной среды, на которую можно будет оказывать воздействие через подконтрольные сетевые центральные узлы (сайты, сообщества социальных сетей, блоги, форумы, тлоги, микроблоги, видеохостинги, мессенджеры) для управления массовым сознанием и закрепления в обществе политических паттернов – устойчивых поведенческих реакций.

ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ И ЦИФРОВЫХ КОМПОНЕНТОВ В ИЗУЧЕНИИ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Выявленная специфика в политологическом осмыслении категории легитимации у отечественных и зарубежных авторов задает такую методологическую рамку исследования, которая бы непременно учитывала обе стороны данного феномена – аксиологический (сакрально-ценностный) и цифровой (коммуникационно-технологический). Обе эти стороны легитимации вполне укладываются в общее целеполагание любого политического режима – достижения согласия между обществом и государством по поводу справедливости и эффективности существующих политических институтов, что, как было показано в предыдущей главе, сближает зарубежные и российские политологические исследования.

2.1. Аксиологический ракурс исследований в политической коммуникативистике: специфика и тенденции

Политическая аксиология (от. греч. *axia* – ценность) тесно привязана к ценностной интерпретации политических процессов и явлений. На первый взгляд кажется, что политологу достаточно изучить судьбу и специфику идеологий в коммуникациях, чтобы разобраться в подобного рода аспектах эмпирическим путем. Однако проблема заключается в том, что аксиологический (ценностный) подход до сих пор не получил свое теоретическое обоснование применительно к современным особенностям политической коммуникативистики³⁸², особенно к ее отдельному сегменту – исследованию сетей. Аксиология сетевых коммуникаций в механизме

---

³⁸² Хотя исследования в области политической коммуникативистики идут уже давно. См.: Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. на соискание учен. ст. д. полит. наук: 23.00.01. М. 2005. 52 с.; Акопов Г.Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор в современных политических процессах: автореф. дис. на соискание учен. ст. д. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону. 2011. 51 с.; Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: дис. на соискание учен. ст. д. полит. наук: 23.00.02. М. 2016. 441 с.

легитимации политического режима при этом практически не изучена. Хотя Э. Лич писал, что культура определяет коммуникацию, а связь культурных фактов сообщает нам информацию об участниках исторических событий³⁸³. Увлечение лишь цифровой стороной исследования легитимации создает крайне одностороннее понимание современных политических режимов. Эмпирический уровень аксиологического анализа тех же социальных сетей, безусловно, важен, и он присутствует в настоящей работе. Но, тем не менее, он также нуждается в глубоком концептуальном осмыслении. Для того чтобы комплексно изучить механизм сетевой легитимации современного политического режима необходимо обратиться к важнейшим исследованиям в области политической коммуникативистики с позиции значения ценностей.

О вопросе ценностей в политической жизни стали задумываться уже мыслители древнейших эпох. Конечно, в период Античности не было нынешнего понимания политической коммуникации (хотя работы об античной коммуникации есть³⁸⁴). Аналогом такого рода феномена были полисные традиции обсуждения политических проблем в Древней Греции и Риме, риторика, приемы ораторского искусства, а также архаичные формы пропаганды. Хотя уже Аристотель в сочинении «Политика» понимал под государством именно «процесс общения», что по смыслу очень близко к механизму политической коммуникации. Аристотель в своей книге «Риторика» подробно разбирает способы убеждения ораторов на народных собраниях, советуя обращаться к доказательствам нравственной природы. Хороший оратор, по его видению, обращается к добру и злу, справедливости и несправедливости, прекрасному и постыдному. Весьма важно замечание для нас Аристотель делает, когда говорит о внушении доверия к людям с помощью

---

³⁸³ Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. /Пер. с англ. И.Ж. Кожановской. М.: Восточная литература, РАН. 2001. С. 7-15.

³⁸⁴ Герасимова Г.И. Публичные коммуникации Античности как ресурс связей с общественностью //Теория и практика общественного развития. 2011. №2. С. 100-103.

нравственности, разума и благорасположения³⁸⁵ (выделяя феномен доверия, античный автор близко подходит к проблематике легитимации власти). Тогда как древнеримский автор Тацит в «Диалоге об ораторах» особое значение уделяет нравственной деградации ораторского искусства: «...оратор пользуется наименьшим почетом и наименьшею славой там, где царят добрые нравы...»³⁸⁶. Если ораторов Аристотеля и Тацита заменить блогерами, а народные собрания сетевыми сообществами со своими ценностными предпочтениями, то возникает более близкая к нашему времени модель политической коммуникации.

Никколо Макиавелли часто обращается к античному теоретическому наследию, начав применять принципы сравнительного анализа, сценарного подхода и кейс-стади в своей политической аналитике. Коммуникационные мотивы у Макиавелли явно прослеживаются при описании роли слухов, приемов взаимодействия политика с разными группами поддержки. Девятнадцатая глава «Государя» даже намекает на то, что сейчас называется целевыми аудиториями (народ, знать, армия)³⁸⁷. В «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия» он обращается к важности создания властью для населения коммуникационных каналов с целью профилактики противоречий, недопонимания и конфликтов³⁸⁸. Но, с другой стороны, в этом же трактате итальянский политический публицист предупреждает, что грубые манипуляции религиозной, духовной сферой, наоборот, могут спровоцировать недоверие к власти. Это развенчивает расхожий миф о Макиавелли, что его рекомендации, якобы, содержали лишь безнравственное начало. На это, кстати, обращает внимание его современный комментатор В.В. Разуваев, считающий Макиавелли одним из основоположником теории политической

---

³⁸⁵ Аристотель. Риторика. Поэтика. /Пер. с древнегреч. Н. Платоновой, А. Апфельрота. М.: АСТ. 2018. С. 9-26, 59, 112.

³⁸⁶ Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. /Пер. с лат. М.: АСТ, Ладомир. 2001. С. 521.

³⁸⁷ Макиавелли Н. Избранные сочинения. Пер. с ит., вступ. ст. К. Долгова. М.: Худож. лит. 1982. С. 356.

³⁸⁸ Там же. С. 390.

культуры³⁸⁹. Подробно останавливаясь на кейсе древнеримского царя Нумы Помпилия в главе «О религии римлян» своих «Рассуждений», флорентиец постарался показать значение сакрального в упрочнении власти и проводимых ею политических реформ в случае недостатка авторитета³⁹⁰. К тому же Макиавелли прямо пишет о необходимости сохранения части прежних традиций при проходящих политических преобразованиях. Но, к сожалению, попытка сравнительного анализа светских и сакральных приемов убеждения населения не была им завершена и оформлена в некую общую теоретическую модель. Вполне вероятно, что Макиавелли и не ставил такой задачи.

Другой итальянский политический мыслитель Джованни Ботеро в своем сочинении «Государственное благо» (ит. «Della ragione di stato»), сохранив преемственность с Платоном и Аристотелем, также обращался к аксиологии ораторского красноречия в укреплении власти политика. Одновременно он отмечал, что правители, обладая этим искусством элоквенции, совсем не расположены к распространению подобных практик среди населения³⁹¹. Интересно, что Ботеро развивает тезисы Аристотеля о сохранении репутации политиком. При этом репутация правителя им тесно связывается с двумя явлениями: ценностями и способами распространения ценностей. В такой модели можно усмотреть раннее обращение к аксиологическому подходу изучения политических коммуникаций. Ученый не только рассматривает внутренние и внешние причины разрушения государств, но и, сравнивая падение нравов с «ржавчиной железа» (по смыслу схожей с политической делегитимацией), подробно останавливается на периоде могущества страны, когда как раз и появляются первые признаки ее морального разложения, кризиса репутации правителя и авторитета власти: «Больше почитается не добродетель, а богатство... Простота уступает обману, а доброта – злобе»³⁹².

---

³⁸⁹ Разуваев В.В. Комментарии к «Рассуждениям» Макиавелли. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2018. С. 153.

³⁹⁰ Макиавелли Н. Избранные сочинения. Пер. с ит., вступ. ст. К. Долгова. М.: Худож. лит. 1982. С. 406-407.

³⁹¹ Botero G. Della ragione di stato. Venezia, Giolitti. 1589. P. 251; 287-288.

³⁹² Там же. P. 7-11.

Ботеро сравнивает процесс падения нравов с эпидемией чумы (намек на сетевую природу делегитимации), когда государство распадается на части и становится неспособным противостоять врагам.

На основании глубокого анализа рисков ценностной деградации государства Ботеро предлагает политикам практические рекомендации по укреплению (в современной терминологии – легитимации) своей власти. В первую очередь мыслитель советует основывать власть на общепризнанных добродетелях, справедливости. Но Ботеро тут же оговаривается, что здесь важно умение сочетать искусство красноречия, основанного на хорошей эрудиции с секретностью, умением скрывать свое бессилие (контроль информации)³⁹³. Ботеро предупреждает, что это умение дано не всем политикам, поэтому в части своей книги – *Modi di propagar la religione* – при отсутствии соответствующих навыков по общению и ведению переговоров он предлагает «довериться знающим», а именно – проповедникам, которые используют свои знания и осмотрительность³⁹⁴. Также Ботеро настаивает на создании благоприятных условий для проповедей – ресурсов для священников и великолепия убранства церквей. На этом примере мы видим типичный ценностный подход к политической коммуникации, когда государство использует сеть проповедников, а также практикует несиловые техники механизма режимной легитимации. Помимо этого, Ботеро, принимая ненадежность людей и их стремление к новизне за максимум, советует правителю наблюдать за поведением трех социальных групп (богатых, бедных и средних), а также управлять ими с помощью системы образования и различных запретов на роскошь, одежду и т.п. Этот итальянский автор не только ввел категорию «государственного интереса», но и критиковал подход Макиавелли, делая больше упор на учете ценностной, моральной стороне политики.

---

³⁹³ Botero G. Della ragione di stato. Venezia, Giolitti. 1589. P. 76-82.

³⁹⁴ Там же. P. 89-94.

Следующий важный шаг в применении аксиологического подхода к политике и политическим коммуникациям совершил французский социолог, антрополог и психолог Г. Лебон, введший в своих книгах «Психология масс» и «Психология народов» термин «душа народа» (иногда – «душа толпы», «душа масс») – довольно близкий к современным категориям «политическая культура» и «массовое сознание». Согласно Лебону «душа народа» – это ценностная сеть близких традиций, верований, идей, мнений, языка, привычек, интеллектуальных и моральных установок людей, которая, с одной стороны, влияет на политические учреждения (институты в современном смысле), но, с другой стороны, не способна без трансформаций полностью перейти к другому народу³⁹⁵. Примечательно, что социолог наметил сочетание сетевого и ценностного подходов, хотя до появления фундаментальных работ в области политической коммуникативистики было еще далеко. Значительно позже Э. Фромм глубоко развил идею тесной связи социальной организации и традиций³⁹⁶, показав, как от разрушения «первичных уз» традиционного средневекового общества через Возрождение, протестантизм, индустриализацию человек пришел не к свободной коммуникации, а к изоляции, атомизации и неуверенности, а в итоге – к погоне за авторитетами и строительству тоталитарных режимов.

3. Фрейд, довольно подробно анализировавший работы Лебона, считает, что он не смог объяснить механизм соединения индивидов в массы и связать «душу массы» с обаянием вождя³⁹⁷. При этом Фрейд поддерживает важный для нас тезис Лебона о том, что в поведении масс могут сочетаться взаимоисключающие компоненты – нравственные ценности и разрушительные инстинкты. Х. Ортега-и-Гассет акцентировал больше другой аспект этой проблемы: появляющиеся большие массы уже не успевают

---

³⁹⁵ Лебон Г. Психология народов и масс. /Пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М.: АСТ. 2018. С. 15, 95, 137; 316-319.

³⁹⁶ Фромм Э. Бегство от свободы. /Пер. с англ. А.В. Александровой. М.: АСТ. 2018. С. 81; 170.

³⁹⁷ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». /Пер. с нем. А. Анваера. М.: АСТ. 2018. С. 8-9, 24.

пропитаться традиционными ценностями³⁹⁸. Если категорию масс перевести в формат сетевого общества, то этот тезис можно развить и подкрепить исследованиями в области информационных лавин, политизированных сетевых сообществ, формирующих политические идентичности (антиправительственные, проправительственные и др.)³⁹⁹. Вдобавок Лебон связал категории «образа», «мнения» и «обаяния» с техниками убеждения толпы⁴⁰⁰.

Лебон создал собственный концепт политического управления, пользуясь довольно специфическими понятиями – «утверждения», «повторения» (в лебоновском понимании – пропаганды) и «заражения». Принципиально важно заметить, что Лебон пишет именно о манипулятивных приемах распространения идей, ценностей, в итоге воздействующих на «душу народа». Политический прием утверждения он описывает следующим образом – чем более бездоказательно и проще утверждение политика, тем эффективнее воздействует его идея на «душу народа». Лебоновский смысл технологии утверждения на самом деле не устарел и вполне применим к таким инструментам управления массовым сознанием через интернет-коммуникации как описанные выше цифровые ритуалы – политическая повестка через месседжи, паблики, хэштеги, репосты, лайки, дизлайки, символы и мемы. Вторая описанная Лебоном технология – повторение – напоминает распространенные методы интернет-пропаганды. Третий лебоновский прием – это заражение, означающее распространение идей после многократного повторения через эмоциональное подражание кому-либо или чему-либо⁴⁰¹. Обозначенная техника схожа с «вирусным» распространением

---

³⁹⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. /Пер. с исп. А. Герескула. М.: АСТ. 2018. С. 48.

³⁹⁹ Лымарь Е.М., Федорченко С.Н., Белюстин А.А., Федорченко Л.В. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета //Журнал политических исследований. 2018. Т.2. №3. С. 84-110. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23664/view> (дата обращения: 19.03.2019); Жуков Д.С. Прерывистый эквилибриум: как самоорганизованная критичность в Сети влияет на политическую повестку дня //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №4. С. 18-40. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23799/view> (дата обращения: 16.03.2019).

⁴⁰⁰ Лебон Г. Психология народов и масс. /Пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М.: АСТ. 2018. С. 348-353; 359-366.

⁴⁰¹ Там же. С. 294-299.

ценностей через социальные сети. И, хотя работы Лебона были написаны в конце XIX века, его модель в самом общем виде вполне укладывается в современную политико-технологическую последовательность ценностного воздействия на целевые аудитории.

Античную традицию изучения феномена «идейного заражения» коммуникационных каналов Лебон сохранил от «мимесиса» Демокрита, Платона, Аристотеля, Гиппократ и Лукреция. Дальше эта традиция получила свою преемственность в тезисах о мимесисе в рамках концепта А. Тойнби «вызов-и-ответ»⁴⁰², гипотезы Р. Жирара о «миметическом соперничестве»⁴⁰³ и идеи «фасцизма» В.В. Корнева⁴⁰⁴. Моделирование меметических процессов способно помочь интерпретировать роль в легитимации современных режимов таких цифровых ритуалов как политические интернет-мемы.

Итак, до XX века политическая мысль допускала рассмотрение ценностного аспекта в коммуникации через аристотелевские и ботеровские категории «репутации», «добродетелей», «красноречия», «доверия», лебоновские категории «души массы», «мнения», «обаяния», «утверждения», «повторения», «заражения», «образа». Все эти связанные понятия можно емко объединить в сохраняемой учеными традиции рассмотрения «презентации политического образа в коммуникациях». Что, по сути, является ценностной легитимацией. С XX века в западной политической науке эта традиция сохраняется, но аксиологический срез коммуникационных исследований обычно затрагивает проблему сохранения и воспроизводства именно демократических ценностей. Что отчетливо видно на примере исследований Г. Алмонда и С. Вербы, увязывающих ценности демократии со спецификой политической коммуникации и моделями политической культуры⁴⁰⁵. Между

---

⁴⁰² Тойнби А. Дж. Постигание истории. /Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Академический проект. 2019. С. 189.

⁴⁰³ Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. /Пер. с франц. А. Зыгмонт. М.: ББИ. 2019. С. 11-57.

⁴⁰⁴ Корнев В.В. Эгоистичный мем идеологии. М.: КАНОН + РООИ «Реабилитация». 2020. С. 217-220.

⁴⁰⁵ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. /Пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль. 2014. С. 116-126.

тем, эта традиция представляется универсальным феноменом, подразумевающим ценностно-цивилизационную специфику (православия, протестантизма, конфуцианства и т.п.), но сохраняющим принцип изоморфизма между кодовой (символической) и естественной (исходной) информацией⁴⁰⁶, формирующего стратегически важные для легитимации режима смыслы доверия, справедливости и эффективности в обществе.

Крупный вклад в изучении ценностной проблематики коммуникации сделал К.Г. Юнг. Его теория архетипов оказала большое влияние на развитие политологических, психологических, коммуникационных работ и междисциплинарных исследований. Архетипы – это особые прообразы, связанные с коллективным бессознательным человека и повторяющиеся в его опыте⁴⁰⁷. Большой труд в изучении проблемы сохранения архетипов у современного человека проделал М. Элиаде, анализирующий мифологию и мифологическое сознание. Он выделял повествовательную, сакральную, познавательную архетипические функции мифов, которые в виде сконструированных образов сохраняются и в современных массмедиа⁴⁰⁸. Его анализ архетипа Обновления имеет хорошую перспективу при изучении современных приемов легитимации политического режима – особенно в области внедрения электронного голосования.

Отдельно стоит упомянуть повышение интереса современных ученых к исследованиям архетипов в политических коммуникациях. Например, в современной сетевой политической коммуникации встречаются следующие архетипы: Герой, Правитель, Трикстер, Тень, Анимус, Анима, Мудрец, Обновление, Осажденный город (Троя), Персона (Маска), Мать (Великая мать), Дитя (Божественный ребенок), Простодушный, Карнавал, Дар, Зверь, Повелитель тотема и другие. М. Марк и К. Пирсон пытаются изучать архетипы

---

⁴⁰⁶ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 77.

⁴⁰⁷ Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. /Пер. с нем. Т.А. Ребеко. 4-е изд. М.: Академический проект. 2015. С. 16; 209.

⁴⁰⁸ Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект. 2017. С. 30; 171-172.

исходя из конкретной ситуации, где они актуальны (трехстадиальность архетипов, сближающаяся с тезисом М. Элиаде о повторяемых сюжетах, мифе о возвращении: подготовка героя, его путешествие и возвращение), относят их типы Героя, Славного малого, Заботливого, Простодушного к начальной стадии какого-то действия, в том числе политического, Искателя, Творца, Бунтаря, Любовника к переходной, «поисковой» стадии, а Правителя, Мага и Мудреца к зрелой стадии возвращения⁴⁰⁹. В некотором смысле образ В.В. Путина прошел эту трехстадиальность: сначала была стадия формирования имиджа – героика борьбы с многоголовой гидрой терроризма, затем поиск нового пути для страны через институт преемничества, наконец, стадия возвращения к традиционным ценностям страны. Архетипы менялись и подстраивались под задачи текущей политической конъюнктуры для прочной легитимации режима.

Архетипы крайне разнообразны, но основные перечисленные характеризуются сочетанием противоречивых элементов, которое переносится на внешние явления и субъекты, в том числе политические по принципу «свой/чужой», «свое хорошее/вражеское плохое»⁴¹⁰. Также могут встречаться несколько ипостасей использования архетипов субъектами политической коммуникации. Так, в зависимости от политических целей архетип Героя может применяться в ипостасях путешественника, спасителя или созидателя.

Российский политолог С.А. Шомова предложила довольно серьезную модель анализа политических коммуникаций с помощью деконструкции повторяющихся (блуждающих) архетипических сюжетов, во многом развив тезисы Элиаде, но уже в рамках политической науки⁴¹¹. Весьма интересны с точки зрения анализа современной легитимации политического режима идеи

---

⁴⁰⁹ Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. /Пер. с англ. В. Домнина, А. Сухенко. СПб.: Питер. 2005. С. 11-59.

⁴¹⁰ Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. /Пер. с нем. Т.А. Ребеко. 4-е изд. М.: Академический проект. 2015. С. 87; 146; 174; 314-315.

⁴¹¹ Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ. 2016. С. 20-27.

Шомовой о применении властью блуждающих архетипов, политических метафор, тотемов и табу. Профессор Софийского университета Х. Кафтанджиев изучает архетипы в коммуникациях на основе выявления так называемых бинарных, то есть взаимоисключающих оппозиций. Он выявляет архетипы власти и могущества, апелляции к власти, архетипичную природу мифа. Разработки Кафтанджиева не просто тесно связаны с теорией Юнга, он развивает тезис о героическом инварианте (повторяющемся образе), дихотомической структуре архетипов, континуумных и бинарных оппозициях. Кафтанджиев признает ценностное разнообразие прообразов, но при этом на примерах хорошо аргументирует бинарность архетипов в современных политических коммуникациях⁴¹² («свет/тьма», «свой/чужой», «право/лево», «центр/периферия», «высокое/низкое», «сильный/слабый», «внутренний/внешний», «красиво/некрасиво», «свобода/рабство», «порядок/хаос» и т.п.).

Тезисы Кафтанджиева вплотную соприкасаются с ключевой идеей гейткипинга (термин К. Левина) – бинарной сетевой логикой включения (исключения) ценности или участника с определенными ценностями в сеть, изученной в работах Н. Лумана, Ю. Хабермаса, М. Кастельса и С. Лэша. Идеи об этих архетипах в коммуникационном пространстве качественно дополняют сочинения А.Ф. Лосева⁴¹³, связывавшего миф именно с «субъектно-объектным взаимодействием». Немецкий ученый Н. Луман рассматривает коммуникацию как самовоспроизводящуюся (аутопойетическую) систему смыслов через конкретные темы (в том числе политические) и бинарные коды позитивного либо негативного значения⁴¹⁴. Безусловно, это видение во многом совпадает с теорией сетевой власти М. Кастельса.

Бинарные коды по Луману означают ценностное отношение массмедиа к информации – новой, старой, ценной или нет для их потребителей, которые

---

⁴¹² Кафтанджиев Х. Мифологические архетипы в коммуникации. Харьков: Гуманитарный центр. 2016. С. 3-15; 26-48.

⁴¹³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2018. С. 115.

⁴¹⁴ Луман Н. Реальность массмедиа. /Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Практикс. 2005. С. 24-37.

участвуют в селективном управлении контентом и через развлекательные приемы формируют «новую мифологию». Луман, хотя и относился скептически к аксиологическому подходу в коммуникации, все же убежден, что массмедиа формируют культуру: развлечения, создаваемые массмедиа, участвуют в идентификации индивида⁴¹⁵. Архетипы как раз и связаны с политическими коммуникациями через данные коды. Не случайно М.К. Петров писал о социокодах, которые участвуют в конструировании целостной картины мира, в том числе и интерпретации политической реальности⁴¹⁶. В.Ю. Даренский полемизирует с этой точкой зрения, считая, что прочной связи между социокодами и разновидностями политической власти нет, однако признает функциональное соответствие архаичного личностно-именного социокода с монархией, а универсально-понятийного социокода с демократией, отсылая к тезису коммуникативного сообщества Ю. Хабермаса⁴¹⁷. К политическим кодам, помогающим интерпретировать политический универсум современному гражданину⁴¹⁸, можно отнести политические месседжи, метафоры, образы, символы, имиджи, бренды, хэштеги, рингтоны, мемы, мифы, стереотипы, симулякры – в совокупности, формирующие политическую повестку дня.

Возможно, подмеченная еще со времени Аристотеля древняя традиция архетипичных бинарных оппозиций («добро»/«зло», «справедливость»/«несправедливость» и др.) является важным механизмом по формированию палитры коммуникационных политических кодов, до сих пор используемых субъектами власти для легитимации режимов. Выбор кодов определяется их пригодностью для решения задач режима и его противников. Сигнальная функция этой бинарной политико-кодовой информации важна для

---

⁴¹⁵ Луман Н. Реальность массмедиа. /Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис. 2005. С. 99; 134.

⁴¹⁶ Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН. 2004. С. 399-403.

⁴¹⁷ Даренский В.Ю. «Коды» знания и «коды» власти: к политологической экспликации идей М.К. Петрова //Credo new. 2008. №4. С. 182–194.

⁴¹⁸ Федорченко С.Н. Политическое кодирование: постановка проблемы и компаративистика коммуникационных технологий управления массовым сознанием //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №3. С. 44-78. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/18665/view> (дата обращения: 22.03.2019).

легитимации режима своим антиэнтропийным характером⁴¹⁹. Сигнальность данных кодов привлекает целевые аудитории к нужным режиму политическим вопросам. Бинарность политических кодов не означает некую примитивность, наоборот, именно она позволила возникнуть современной социотехнической реальности (фиджитал-миру). Основой социотехнической реальности является так называемый интерактивный интерфейс между человеком и машиной в повседневных практиках⁴²⁰. Но цель формирования такого рода интерфейсов та же самая – социальное упорядочивание, достижение легитимации того или иного режима социотехническими практиками. Архетипические бинарные оппозиции дают возможность политическому интерфейсу режима удерживать в своей власти разрозненные цифровые аватары граждан.

Ю. Хабермас продолжает традицию аксиологического объяснения процессов коммуникации Аристотеля, Ботеро и Лебона через категории согласия и взаимопонимания, уделяя важное значение явлению легитимации. Не случайно социальный мир он понимает, как сумму легитимно управляемых межличностных взаимоотношений⁴²¹. Легитимность по Хабермасу – это лояльность граждан, признающих определенные нормы, оправданные традициями и символическим контекстом. Ученый пишет о равном значении рациональных и моральных, силовых (санкционных) и несиловых (символических) приемов легитимации. Важное значение имеет разделение им инструментальной активности (ориентированной на достижение участниками собственных интересов) и коммуникативной активности⁴²² (где важен и сам процесс коммуникации, в ходе которого достигается согласие участников). Одновременно он отмечал процесс распада прежней легитимности институтов современного капитализма и возникновение угрозы

---

⁴¹⁹ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 112, 225.

⁴²⁰ Сачмен Л. Реконфигурация отношений человек – машина: планы и ситуативные действия. М.: Элементарные формы. /Пер. с англ. А. Максимовой. 2019. С. 32-33.

⁴²¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука. 2001. С. 51-97, 231.

⁴²² Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М.: Весь мир. 2012. 199-211.

для человеческих ценностей, подменяющихся функциональным оправданием политического процесса.

Если у Хабермаса и наблюдается определенный теоретический паритет, то Н. Луман отдает предпочтение не аксиологическому, а социологическому осмыслению легитимности⁴²³. Между учеными даже развернулись научные дебаты по этому поводу. Отвергая подход Хабермаса, Луман писал, что легитимность не может опираться на моральное или рациональное основание, а соотносится с реальным политическим участием граждан. Луман, интересуясь вопросом стабильности власти, рассматривал «легитимацию через процедуры», происходящую в отрыве от каких-либо ценностей: когда граждане принимают участие в политической жизни страны, они утрачивают возможность отвергать функционирующие политические механизмы⁴²⁴. Он предпочитает применительно к коммуникациям говорить не о ценностях, а о предпочтениях, интересах.

Правда, важно оговориться, что интересы и предпочтения граждан все же формируются в условиях ценностного поля. Г. Лассуэлл уже в своей ранней работе важнейшим условием успешности политической пропаганды определял деморализацию оппонента через апелляцию к ценностям (представление его как нарушающего идеалы и нравы граждан)⁴²⁵. Конечно, в то время пропаганда была в основном однонаправленной, однако в настоящих сетевых условиях информационных войн, когда встречаются своеобразные пропагандистские дуэли между государствами, а также между политиками этот тезис Лассуэлла обретает новую актуальность. Функциональный подход Лумана – важное достижение, но при этом требует корректировки, так как появились альтернативные исследования. Например, американский политолог Дж. Стаут пишет, что абсолютно любая демократическая практика, сохранившая значение у нескольких поколений, становится устойчивой

---

⁴²³ Луман Н. Что такое коммуникация? //Социологический журнал. 1995. Том 0. № 3. С. С. 114-124.

⁴²⁴ Luhmann N. Legitimation durch Verfahren. Neuwied: Luchterhand. 1969. P. 31-33.

⁴²⁵ Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. /Пер. с англ. Н.М. Потапова. М., Л.: Госизд. 1929. С. 166-167.

традицией⁴²⁶. Получается, что любые политические процедуры, о которых пишет Луман в отрыве от аксиологического подхода, распространившись и закрепившись в обществе, все равно трансформируются в традицию.

В некотором смысле аксиологический подход в политической коммуникативистике поддержал разработчик кибернетической модели политической системы К. Дойч. Он рассмотрел политическую интеграцию (амальгамную и плюралистическую) в категориях коммуникационных сетей, не только обменивающихся информацией, но накапливающих опыт отношений⁴²⁷. Амальгамная политическая интеграция по Дойчу означает сближение ранее независимых акторов в систему с единым управлением, тогда как плюралистический вариант допускает сохранение автономии коммуницирующих акторов. При более тесной, амальгамной политической интеграции важно совпадение социокультурных условий, а именно – общность ценностей⁴²⁸. Одновременно процесс политической интеграции должен предусматривать высокую легитимность новых создаваемых политических институтов. Народом Дойч вообще считал сообщество людей с близкими коммуникационными традициями. Выделением Дойчем амальгамной и плюралистической моделей коммуникации отсылает нас к бинарной архетипической логике ценностного механизма политических коммуникаций.

Р. Даль идет несколько дальше, предлагая концепт полиархии, базирующийся на допущении, что полиархия как политический режим с демократическими ценностями возникает только в условиях взаимной и двухсторонней коммуникации между гражданами, которые друг другу доверяют⁴²⁹. Такой тезис Даля выводится на основании проведенного им анализа легитимности политического режима Аргентины, где местная элита

---

⁴²⁶ Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего. 2009. С. 214-216.

⁴²⁷ Deutsch K.W. et al. Political community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton: Princeton University Press. 1957. P. 5-7.

⁴²⁸ Deutsch K. Nationalism and its Alternatives. N.Y.: Alfred A. Knopf. 1969. P. 14.

⁴²⁹ Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом ВШЭ. 2010. С. 177, 160-165, 180-189.

исключила из выборного процесса большую часть населения. Американский политолог изучил отсутствие культуры взаимного доверия политиков в Эфиопии, традиции соперничества в Италии, культуру сотрудничества в Индии, а также традиции компромисса в Соединенных Штатах, Великобритании и Швейцарии. Наблюдения Даля вполне доказывают предположения Хабермаса о коммуникативной власти, для которой важно достижение согласия участников в условиях процесса коммуникации. Противопоставление ценностей сотрудничества соперничеству, а полиархии менее демократичным режимам также выдает бинарную роль архетипов в коммуникациях.

Интересно обратиться к исследованиям итальянского политолога Д. Дзоло, определяющего роль современной политической системы в селективном регулировании распределения общественных рисков, а значит, в снижении уровня страха граждан благодаря конкурентному распределению важнейших ценностей безопасности⁴³⁰. В модели Дзоло политические коммуникации становятся мощным фактором контролирования массового сознания и когнитивного формирования политических предпочтений населения, при этом возникающая сеть политических институтов может, наоборот, уменьшить роль демократии. Важно заметить, что итальянский ученый оспаривает тезис Дж. Клаппера об «ограниченном воздействии» на граждан медийных коммуникаций.

По мнению Клаппера, массмедиа не могут сильно воздействовать на идеологические убеждения и ценности граждан⁴³¹. На основании этой гипотезы в свое время в западной политической науке возник популярный концепт, согласно которому независимые и критически настроенные граждане, наоборот, способны использовать массовые коммуникации в собственных интересах и целях, не позволяя собой манипулировать в демократических режимах. Манипуляция же гражданами больше

---

⁴³⁰ Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2010. С. 92-93.

⁴³¹ Klapper J.T. The Effects of Mass Communications. N.Y.: Free Press. 1960. P. 9-47.

рассматривалась на примере тоталитарных режимов. Такая тенденция в академической политической науке особенно наметилась после выхода исследований П. Лазарсфельда, Б. Берельсона и Х. Годе о проблеме воздействия радио, кино и журналистов на электоральные предпочтения⁴³², организованных на базе Колумбийского университета. Отдельные российские авторы разделяют тезис о «нейтральности» социальных медиа (В.Д. Соловей)⁴³³. Правда куда более справедливой видится позиция Д. Дзоло, резонно замечающего, что современные коммуникации стали выполнять важную функцию конструирования и социального распространения знания, а также сохраняют роль механизма политической социализации⁴³⁴.

Из работы Дзоло видно, что помимо оптимистического видения роли коммуникаций, как некоего эффективного транслятора традиций демократии, существует скептическая оценка процессов «коммуникационного изобилия». Эта тенденция в академической политической науке стала проявляться после переосмысления трудов К. Шмитта. Для настоящей работы важно то, что Шмитт также, как и сторонники оптимистической роли коммуникаций в развитии демократии, в «Понятии политического» писал в стиле архетипической бинарной оппозиции «друг/враг»⁴³⁵. Немецкий исследователь рассуждал о легитимности монархии⁴³⁶, снижении репрезентативной роли института парламентаризма и исчезновении из политической жизни публичной дискуссии. Кстати, Шмитт фактически предвидел появление сетевой политической коммуникации и электронной демократии, когда скептически высказался по поводу будущих хитроумных устройств, благодаря

---

⁴³² Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. *The People's Choice*. N.Y.: Columbia University Press. 1940. 178 p.; Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. *Voting*. Chicago: University of Chicago Press. 1954. P. 301-321.

⁴³³ Соловей В.Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 5. С. 122-132.

⁴³⁴ Дзоло Д. *Демократия и сложность: реалистический подход*. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2010. С. 273.

⁴³⁵ Шмитт К. *Понятие политического*. СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца. 2016. С. 301.

⁴³⁶ Шмитт К. *Государство и политическая форма*. М.: Изд. дом. ВШЭ. /Пер. с нем. О. Кильдюшова. 2010. С. 59-85, 112-141.

которым гражданину можно будет голосовать по разным политическим вопросам, не покидая свою квартиру.

Канадский политолог К. Макферсон соглашается, что установить прямую демократию с вовлечением миллионов участников в активную политическую дискуссию с помощью компьютерных пультов у каждой кровати и коммуникаций гипотетически возможно. Между тем он считает неизбежным, что органы государственной власти будут предлагать политическую повестку и решать, какие вопросы достойны для обсуждения в обществе⁴³⁷ (здесь также видна архетипическая бинарная оппозиция «власть/общество»). Макферсон задается вопросом создания системы примирения несовместимых требований граждан с разными ценностями через коммуникации нового типа и приходит к неутешительному выводу о том, что электронные технологии неспособны сделать демократию прямой.

Австралийский политолог Дж. Кин, как и Макферсон, занимает промежуточную позицию. В своей книге «Демократия и декаданс медиа» он отмечает, что развитие сетевых коммуникаций привело к возникновению постэлекторального феномена «мониторной демократии» – наступления целой эпохи, когда гипотетически все сферы социальной и политической жизни способны подвергнуться общественному мониторингу (контролю) через сетевые и мобильные системы, особенно со стороны непартийных, внепарламентских организаций и «неизбранных представителей» граждан – популярных блогеров, сетевых активистов⁴³⁸. Кин свой тезис выводит на основании ранних наборок американского автора М. Шадсона, предложившего схожий термин⁴³⁹. Мониторные институты (социальные сети и блоги) противостоят закрытым цепочкам надзора власти над гражданами, постоянно ставят под вопрос авторитет политиков и партий, держа их в

---

⁴³⁷ Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. /Пер. с англ. А. Кырлежева. М.: изд. дом ВШЭ. 2011. С. 144-145.

⁴³⁸ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ. 2015. С. 111-112.

⁴³⁹ Schudson M. The Good Citizen: A History of American Public Life. N.Y.: Free Press. 1998. P. 311.

напряжении. Те проблемы, которые до появления интернет-коммуникаций раньше считались неполитическими, постепенно попадают в общественный критический дискурс. Кстати, у Кина, как и у Макферсона, отчетливо проявляется архетипическая бинарная оппозиция «власть/общество».

Дж. Кин оспаривает тезис Е. Морозова, критикующего «киберутопизм» и отмечающего в своей работе, что интернет-коммуникации не могут быть проводником укрепления демократии, не являются ни авторитарными, ни демократическими, по своей сути, а скорее – неким нейтральным медиумом, которым в качестве средства может воспользоваться любой актер для собственных целей⁴⁴⁰. Кин усматривает уязвимость подхода Морозова в том, что современные коммуникации и медийные техники все же способны структурировать и оформлять идентичности интернет-пользователей⁴⁴¹. К примеру, сами технологические возможности сетевых коммуникаций приучают граждан постоянно следить за действиями властей (как правило, в этом случае исследователи пишут о «зоне Уэйта» – индивидам свойственно подозревать политиков в скрытых смыслах, им интересно то, о чем умалчивают политики⁴⁴²). Аргументы Морозова противоречат и работам современных российских политологов. Так, С.В. Володенков отмечает, что в нашем сетевом обществе происходит переход от индивидуального к коллективному потреблению информации, когда в результате дискуссий в группах социальных сетей формируются коллективные смыслы⁴⁴³. Также интерес вызывает другой, базовый тезис книги Кина, согласно которому возникает эффект «декаданса медиа», когда сетевые коммуникации, наоборот, оказывают пагубное воздействие на демократические ценности во многих странах.

---

⁴⁴⁰ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети. М.: АСТ, CORPUS. 2014. С. 20-21.

⁴⁴¹ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ. 2015. С. 143.

⁴⁴² Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Э. 2017. С. 84.

⁴⁴³ Володенков С.В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №3. С. 1-8. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23658/view> (дата обращения: 29.03.2021).

Нидерландский исследователь Ф. Анкерсмит усматривает в применении сетевых принципов для политической жизни еще большие угрозы, полемизируя с французским автором Ж.-М. Гуэнно на страницах своей книги «Политическая репрезентация». Гуэнно в своей работе «Конец демократии» идеализирует приход сетей в политику, считая, что в современном мире критерием власти становится не контроль над какой-либо территорией, а включенность актора в сеть (что отчасти схоже с гипотезой М. Кастельса). По Гуэнно, сеть способна лучше выполнять функции представительной демократии из-за того, что в ней идет фрагментация политической проблемы на множество микрорешений, глубже осознающих вопросы, чем традиционная государственная бюрократия⁴⁴⁴. Анкерсмит находит слабость позиции Гуэнно в его игнорировании макроуровня общественных процессов. Он предупреждает о крайней солиптической любой сети – сосредоточенности на собственных проблемах и слепоте к собственному окружению⁴⁴⁵. Такая замкнутость приводит к режиму экспертократии и противоречит демократическим ценностям (выборности и политической репрезентации через партии). Эстетический подход Анкерсмита к коммуникации удачно подкрепляются доводами А. Сламы, показавшего, что политический режим, сформированный на основе власти экспертов, отходит от публичности в сторону решения частных вопросов, связанных с деятельностью специалистов⁴⁴⁶.

Распространено убеждение, что Анкерсмит на основании работ Ф. Шиллера и Б. Ланга ввел в категориальный аппарат политической науки понятие «политического стиля»⁴⁴⁷ демократического (реалистического) – комического, трагического и недемократического (маньеристского, манипулятивного), задача которого помочь гражданину оценить

---

⁴⁴⁴ Guehenno J.-M. La Fin de la démocratie. Paris: Flammarion. 1993. P. 90-117.

⁴⁴⁵ Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. /Пер. с англ. А. Глухова. М.: Изд. дом ВШЭ. 2012. С. 228-229.

⁴⁴⁶ Slama A.G. L'Angelisme Exterminateur: Essai sur l'ordre moral contemporain. Paris. 1993. Ch. IV.

⁴⁴⁷ Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. /Пер. с англ. А. Глухова. М.: Изд. дом ВШЭ. 2012. С. 190-196.

политическую реальность наподобие того, как эксперт исследует произведение искусства. Однако в наследии Н.А. Бердяева мы также встречаем размышления о стиле применительно к политическим традициям, анализу революции и войны, международным отношениям⁴⁴⁸. Стиль в политике – это понимание того, каким должны быть государство, бюрократия, партии для гражданина⁴⁴⁹.

Для настоящей работы важна сущность эстетического подхода Анкерсмита к политике и коммуникации. Согласно его ключевой идее, государство и общество должно соблюдать так называемый «эстетический разрыв»⁴⁵⁰, особенно в электронных коммуникациях, чтобы сохранялось «узнавание друг друга», ответственность власти и демократические ценности партийности и парламентаризма. Именно на эстетическом зазоре между государством и социумом происходит легитимация власти по мнению Анкерсмита (видна все та же архетипическая бинарная оппозиция «власть/общество», как у Шмитта, Лумана, Кастельса, Кина и Макферсона). Схема Анкерсмита во многом объясняет модель политического интерфейса, за которым скрывается субъект власти, одновременно переносящий ответственность за политические решения и деятельность перед гражданами на безличную цифровую среду с электронным правительством, искусственным интеллектом и прочими ИТ-технологиями. Предположения Анкерсмита подтверждаются исследованиями Я. Дейка, пишущего о том, что сетевые коммуникации сокращают дистанцию общения между членами социума, но не отменяют полномочия и контроль⁴⁵¹. Наоборот, компьютерные сети с интеграцией биометрических данных ставят под вопрос

---

⁴⁴⁸ Бердяев Н. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2016. С. 114-117, 170.

⁴⁴⁹ Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ. 2014. С. 194-195.

⁴⁵⁰ Федорченко С.Н. Эстетический подход в политической теории //Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №4. С. 144-164. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/19599/view> (дата обращения: 20.03.2019).

⁴⁵¹ Dijk J.A. The Network Society Social Aspects of New Media. Second edition. L., New Delhi: SAGE Publications. 2006. P. 126-127.

конфиденциальность пользователей, а значит, несут угрозу демократическим ценностям.

Перейдем к другой тенденции анализа ценностей в политической коммуникативистике – работам в области Media Studies и Network Studies. Медиаведение (Media Studies) является довольно развитой междисциплинарной исследовательской областью, предметом которой является взаимосвязь общества, в том числе его ценностей, политики с современными коммуникациями. Мощнейшим импульсом для медиаведения стали работы Н. Лумана, рассмотревшего бинарные коды политической коммуникации.

Дж. Хатчинсон из Университета Сиднея изучает феномен ремикса – творческой практики онлайн-активности граждан по созданию и изменению существующих смыслов с помощью технологических средств⁴⁵². По мнению автора, ремикс бросает вызов власти и массмедиа, предлагая альтернативные смыслы для конструирования социального дискурса. Вместе с тем, Хатчинсон ссылается на авторов, пишущих об особой техно-элите, которая обладает лучшими знаниями и доступом к коммуникационным инструментам, участвующим в культурной деятельности (М. Кастельс пишет о сетевой элите, и здесь мы видим ту же архетипическую бинарную оппозицию «власть/общество»). Дж. Беслей из Мичиганского государственного университета также придерживается мнения, что воздействие массмедиа на индивидов тесно связано с ценностными ориентациями⁴⁵³ (ученый проверил свою гипотезу через опрос, найдя связь между ценностями индивидов и ценностями телевизионных новостей, радионовостей, газетных публикаций и интернет-контента). Подобный тезис во многом исходит из концепта медиатизации политики, разрабатываемого с 1990-х гг. Г. Мацолени и В. Шульцем и опирающегося на следующий посыл – средства массовой

---

⁴⁵² Hutchinson J. The Cultural Impact of Institutional Remix: The Formalisation of Textual Reappropriation Within the ABC //M/C Journal. 2013. №16(4). P. 1-3.

⁴⁵³ Besley J.C. Media use and human values //Journalism and Mass Communication Quarterly. 2008. Vol. 85. Issue 2. P. 311-330.

информации, производя определенный политический контент, все больше влияют на политический процесс⁴⁵⁴.

Сейчас все больше обособляются так называемые Network Studies, тесно пересекающиеся с предметными областями медиаведения, но больше сосредоточенными именно на исследовании не традиционных, а новых, сетевых массмедиа. В сетевых исследованиях также продолжается традиция изучения медиатизации политики. Российский политолог из Санкт-Петербургского государственного университета И.А. Быков, анализируя избирательные кампании Э. Макрона и Д. Трампа⁴⁵⁵, рассматривает их в формате медиатизации политики, но уже в сфере сетевых коммуникаций, приходя к выводу, что успех этих кампаний основан на приемах медиа-логики и на деле приводит к попыткам реформирования демократических режимов.

Преимущество ценностного подхода к анализу коммуникаций между Media и Network Studies можно усмотреть в сохранении актуальности работ А. Лангера о персонализации политики⁴⁵⁶. Принципы политизации частной жизни граждан, лидерской культуры, фокусирования внимания массмедиа на деятельности политических лидеров хорошо соотносятся с переходом от модели Web 1.0 (где контент создавался профессионалами) к модели Web 2.0 – сдвига интернет-коммуникаций в сторону преобладания непрофессионального, пользовательского контента. Но есть и своя специфика – исследователи феномена Web 2.0 обращают внимание не только на ценности индивидуализма, но и на так называемый «коллективный разум», проявления массовых политических акций, порожденных именно коллективными ценностями, разделяемыми пользователями.

---

⁴⁵⁴ Mazzoleni G., Schulze W. «Mediatization» of Politics: A Challenge for Democracy? //Political Communication. 1999. Vol. 16. № 3. P. 249-250.

⁴⁵⁵ Быков И.А. Медиатизация политики в эпоху социальных медиа //Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №4. С. 15-38. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/19592/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁴⁵⁶ Langer A.A. Historical Exploration of the Personalisation of Politics in the Print Media: The British Prime Ministers (1945–1999) //Parliamentary Affairs. 2007. Vol. 60. №3. P. 373-375.

Особенный интерес у современных авторов представляет анализ парадоксального сочетания ценностей индивидуализма и коллективизма в сетевых коммуникациях. С одной стороны, конечно, ценности индивидуализма видны в феномене индивидуального аккаунта, блогеров, как лидеров мнений, но, с другой стороны, наметилось и коллективное потребление смыслов и ценностей индивидуальными пользователями, соединяющимися в группах социальных сетей.

Британский социолог С. Лэш предложил концепт постгегемонистской власти в сети. Описывая «новую медиа-онтологию» как социальный сдвиг в сторону активного воздействия информации на образ жизни индивидов, автор отмечает переход от традиционной видимой гегемонистской власти (возвышающейся над обществом) к скрытой постгегемонистской власти (формирующейся в самом обществе). Если гегемонистский режим работает через логику воспроизводства культуры, то постгегемонистский режим работает через логику создания культуры и политических отношений⁴⁵⁷. Тем самым властные структуры включаются в повседневную коммуникацию людей. Это явление связано с феноменом алгоритмизации власти, проникновением алгоритмов в повседневную и политическую жизнь Smart City.

В условиях сетевого виртуального пространства и динамических интерфейсов пользователи участвуют в изобретении онлайн-контента в виде ведения блогов, создания постов, обзоров, тегов, френдинга, рейтингов (лайков) и прочих информационных следов. Бинарная власть (о чем также пишут Луман и Кастельс) зарождается в этих нелинейных социотехнических системах, блокируя или соединяя потоки коммуникации, в итоге проникая в повседневную жизнь людей через интернет-дискурс. По Лэшу, большое значение имеют так называемые «алгоритмы власти», формирующие ценности пользователей, а также социальные и культурные структуры. С этим

---

⁴⁵⁷ Lash S. Power after Hegemony: Cultural Studies in Mutation //Theory, Culture & Society. 2007. 24(3). P. 55–78.

видением согласен ученый из Йоркского университета Д. Биар⁴⁵⁸. Алгоритмы, во-первых, собирают информацию о ценностях, предпочтения, любимых темах пользователей, генерирующуюся в их интернет-аккаунтах (например, через платформы Last.fm, YouTube, Amazon, Google Scholar). Во-вторых, они начинают участвовать в формировании повседневного опыта пользователя, усиливая/ослабляя его ценностные предпочтения. Результатом этого процесса по Биару становится закрепление властью ценностных алгоритмов в социальных сетях и появление сетевых культур, влияющих на модели поведения граждан. Иными словами, у Лэша и Биара сохраняется традиция исследования в коммуникациях архетипической бинарной оппозиции «власть/общество».

Итальянская исследовательница Т. Терранова анализирует современные культурные процессы через призму их информационной динамики, опираясь на труды по кибернетике К. Шеннона. По ее мнению, если мы не хотим смириться с тем, что современная культура превращается в нематериальную сущность благодаря информационным процессам, важно пересмотреть подходы, через которые понимается связь между культурой, властью и коммуникацией. Терранова пишет о сетевых культурах, в которых воплощаются традиционные массы, а также о культурной политике в информационной сфере – интенсивной борьбе акторов вокруг определения альтернатив и пределов развития общества⁴⁵⁹. Проблема заключается в том, что современный интернет-пользователь по-прежнему далек от идеала просвещенного гражданина – наоборот, он становится объектом манипуляций, так как медиакультуры воспроизводят мнения владельцев коммуникаций.

Беркмановский центр изучения Интернета и общества при Гарвардском университете проводит регулярные исследования блогосферы и социальных сетей на предмет их политических ценностей (Тунис, Египет, Россия, Иран,

---

⁴⁵⁸ Beer D. Power through the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious // *New Media & Society*. 2009. Vol. 11. №6. P. 985-1002.

⁴⁵⁹ Terranova T. *Network Culture. Politics for the Information Age*. L.: Pluto Press, Ann Arbor, MI. 2004. P. 133-135.

Йемен). В 2010 г. ученых этого центра привлекла русскоязычная блогосфера. Авторы проекта пришли к следующим выводам: блогосфера Рунета сильно сегментирована и отличается политизацией; российские блогеры освещают разнообразные политические темы и могут иметь независимую точку зрения; российская политическая блогосфера более склонна к обмену гиперссылками между идеологически разными сообществами, чем иранская и американская блогосферы; ценностно дискуссии разделяются на сетевые идентичности, архетипические оппозиции – «демократически-оппозиционные» и «националистические» кластеры – и связаны с оффлайновыми политическими движениями, «проправительственные»⁴⁶⁰ блогеры не обладают широкой популярностью, но имеются в инструментальном кластере, где в основном находятся те, кто зарабатывает с помощью своих блогов и те, кто связан с молодежными проправительственными движениями. Здесь также видна бинарность архетипов «власти/невласти».

В другом своем исследовании гиперссылок ученые Беркмановского центра также приходят к выводу, что проправительственные блоги редко встречаются на карте Рунета⁴⁶¹. Правда, более современное исследование эффекта «розового шума» и информационных лавин Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов при ТГУ им. Г.Р. Державина доказывает, что «проправительственные» ценности все же имеют большое значение в Рунете. На примере анализа сообщества Конт российские ученые изучили, как патриотический контент с этого ресурса проникает в коллективные сообщества и персональные аккаунты социальных сетей, ленты новостных порталов⁴⁶². В 2016 г., во время парламентских выборов в Иране, гарвардские ученые кластеризировали политические ценности местных

---

⁴⁶⁰ Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization. By B. Etling, K. Alexanyan, J. Kelly, R. Faris, J. Palfrey, U. Gasser. Berkman Center Research Publication. 2010. P. 3-6.

⁴⁶¹ Exploring Russian Cyberspace: Digitally-Mediated Collective Action and the Networked Public Sphere. By K. Alexanyan, V. Barash, B. Etling, R. Faris, U. Gasser, J. Kelly, J. Palfrey, H. Roberts. The Berkman Center for Internet & Society Research Publication Series. 2012. P. 10-14.

⁴⁶² Жуков Д.С. Прерывистый эквилибриум: как самоорганизованная критичность в Сети влияет на политическую повестку дня //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №4. С. 18-40. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23799/view> (дата обращения: 16.03.2019).

интернет-коммуникаций, выделив в них архетипические оппозиции «активистов», «консерваторов», «реформистов и диаспору»⁴⁶³. Также Центр в 2018 г. выявил разные политические ценности в социальных медиа современного Йемена⁴⁶⁴.

Важный вклад сделали результаты проекта Всемирного университета исламских наук и образования, согласно которым роль социальных сетей в формировании социальных и религиозных ценностей не отличается в зависимости от часов использования интернет-переменной⁴⁶⁵.

Существенные отличия имеет исследование американского аналитического центра RAND Corporation, сосредоточенного на ценностях интернет-активистов с пророссийскими и проукраинскими взглядами, а также аспектах интернет-пропаганды, сетевых ботов и троллей⁴⁶⁶. Аналитический отчет Atlantic Council Eurasia Center начинается с того, что российское правительство нацелено дискредитировать демократические и либеральные ценности, чтобы создать мир пост-правды для своей защиты от либерального влияния. Авторы пишут о средствах дезинформации, «русской ферме троллей», пророссийской политической рекламе, организованных ботах и киборгах (комбинации человек-бот), однако, выделяя архетипические оппозиции «мы/они», конкретных доказательств по этому поводу не приводят⁴⁶⁷.

Основоположник отечественной научной школы политической психологии Е.Б. Шестопап интересуется политическими образами в

---

⁴⁶³ #IranVotes: Political Discourse on Iranian Twitter during the 2016 Parliamentary Elections. By M. James, A. Sabeti, K. Bowen, J. Kelly, R.H. Jones. Internet Monitor Special Report Series, June 2016. P. 28-40.

⁴⁶⁴ The Yemen War Online: Propagation of Censored Content on Twitter. By H. Noman, R. Faris, J. Kelly. Cambridge, Massachusetts. 2018. P. 12-17.

⁴⁶⁵ Al-Mosa N.A. Role of Social Networks in Developing Religious and Social Values of the Students of the World Islamic Sciences & Education University //International Education Studies. Vol. 8. №9. 2015. P. 134-136.

⁴⁶⁶ Russian Social Media Influence Understanding Russian Propaganda in Eastern Europe. By T.C. Helmus, E. Bodine-Baron, A. Radin, M. Magnuson, J. Mendelsohn, W. Marcellino, A. Bega, Z. Winkelman. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation. 2018. P. 27-59.

⁴⁶⁷ Democratic defense against disinformation. D. Fried and A. Polyakova. Atlantic Council Eurasia Center. 2018. P. 2-5.

Интернете⁴⁶⁸. На примере анализа восприятия россиянами образа Евросоюза она приходит к выводу, что интернет-коммуникации хотя и имеют важное значение, но не доминируют в конструировании политического образа. Профессор ВШЭ С.А. Шомова выстраивает логическую смысловую ось «политическое – коммуникационное – социальное – культурное» и рассматривает «точки пульсации» культурных архетипов в разнообразных моделях политической коммуникации, осмысливая проблему эффективности коммуникативных актов через феномен политической риторики, табу, перформанса, политического мема, (к примеру, она приводит кейс вирусных интернет-роликов С. Собянина⁴⁶⁹ во время предвыборной кампании за пост мэра Москвы, которые позволили политику дистанцироваться от образа Врага/Чужого). К слову, Шомова определяет мем «строительным кирпичиком коммуникации и культуры»⁴⁷⁰. Такого рода исследования политических коммуникаций также связаны с архетипическими бинарными оппозициями «мы/они».

Своеобразная интеграция концепта социальных движений, модели полей и социокультурных факторов (П. Бурдьё), неоинституционализма (рациональный и исторический выбор, П. Халл, Р. Тэйлов), символического интеракционизма произошла в мезоуровневой концептуальной схеме – теории стратегических полей взаимодействия Н. Флигстина и Д. Макадама⁴⁷¹. Американские авторы под политическими полями понимают разнообразные сферы, где существуют автономные социальные процессы со своими моделями властвования. В среде политических полей происходит борьба за легитимность – инкубенты (бенефициары, политическая элита), нацеленные на легитимацию власти, сталкиваются с контрэлитой, заинтересованной в делегитимации власти (здесь также видны архетипические бинарные

---

⁴⁶⁸ Шестопал Е.Б., Губченко В.А., Джамалудинов Ш.З., Джгамадзе К.Б., Тумысов И.А. Образы Евросоюза в России: проблемы восприятия //Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 12-24.

⁴⁶⁹ Шомова С.А. От мистери до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ. 2016. С. 50.

⁴⁷⁰ Шомова С.А. Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс. 2018. С. 10.

⁴⁷¹ Fligstein N., McAdam D. A Theory of fields. Oxford: Oxford University Press. 2012. P. 3-15.

оппозиции). И. Шапиро придерживается несколько иной оценки и замечает, что притесняемые пытаются политизировать свое положение и перевести его в нелегитимное, тогда как элиты, наоборот, нацелены на мимикрию – деполитизацию своего статуса и легитимацию собственной власти⁴⁷². Отечественные авторы также анализируют политические поля, но больше связывают их с аспектами ценностей – явлениями политического дискурса, идентичности⁴⁷³. Через терминологию коммуникативных технологий и символической политики, внушающих смыслы, пишет С.П. Поцелуев⁴⁷⁴. Виртуальную реальность как политико-коммуникационное пространство симулякров (имиджей, брендов, «виртуальных политических тел») в условиях мифологизации политики изучает Н.Г. Щербинина⁴⁷⁵.

В последнее время в российской политологии стало развиваться направление по изучению «коммуникативной агрессии» в политическом дискурсе⁴⁷⁶ и тесно связанного с ней феномена «цифровой стигматизации» – технологии наклеивания ярлыков политическим оппонентам в среде интернет-коммуникаций через ценностно-символьную и смысловую систему «свой – чужой»⁴⁷⁷. Теоретическая рамка концепта цифровой стигматизации (сам термин впервые предложил С.В. Володенков) опирается на гипотезу Дж.Г. Мида о символической обусловленности социальной коммуникации⁴⁷⁸, социологические разработки И. Гофмана (тезис о стигматизировании

---

⁴⁷² Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. /Пер. с англ. Д. Узланера. М.: Изд. дом ВШЭ. 2011. С. 300.

⁴⁷³ Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы. /Отв. Ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2018. С. 94-95.

⁴⁷⁴ Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме //Полис. Политические исследования. 1999. №5. С. 69-70.

⁴⁷⁵ Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: Российская политическая энциклопедия. 2011. С. 248-249.

⁴⁷⁶ Быков И.А. Коммуникативная агрессия в политическом дискурсе современной России //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №3. С. 33-40. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23656/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁴⁷⁷ Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества //Социологические исследования. 2018. №11. С. 117-123.

⁴⁷⁸ Мид Дж.Г. От жеста к символу //Американская социологическая мысль: Тексты. /Под ред. В.И. Добренкова. М.: МУБиУ. 1994. С. 215–224.

девиантов⁴⁷⁹) и политологические исследования Г. Беккера (идея о целенаправленном создании влиятельными группами условий для девиации оппонентов⁴⁸⁰). Концепт цифровой стигматизации тесно связан с архетипическими бинарными оппозициями.

Зарубежные исследователи в формате аксиологического подхода к коммуникациям анализируют не только демократические, но и так называемые потребительские ценности, что происходит в том числе и под влиянием маркетинговых разработок в европейской и американской политической науке. Хотя данные работы также предполагают учет архетипических бинарных оппозиций. К примеру, рассматривается значение ценностей бизнеса (кооперативных и конкурентных отношений, общих стандартов) в рамках изучения корпоративных сетей⁴⁸¹. Группа исследователей из финского Университета Оулу (М. Херрала, П. Паккала и Х. Хаапсало), опираясь на труды С. Паролини, Н. Хеландера, Дж. Пеппарда и А. Риландера в области ценностей бизнес-коммуникаций, задаются вопросом – каким образом создаются потребительские ценности через сетевые коммуникации? Они исходят из того предположения, что именно клиенты сами формируют потребительские ценности⁴⁸². С данным утверждением можно поспорить – ведь в современные сетевые коммуникации проник как крупный капитал, так и связанные с ним политические акторы, пытающиеся воздействовать на массовое сознание и стереотипы интернет-пользователей. И все же авторы понимают, что важно выяснять, какие действия конструируют ценности в сетевых коммуникациях, кто и какие для этого использует ресурсы, каким образом акторы воздействуют друг на друга в процессе коммуникации. В следующем параграфе как раз будет развит тезис, каким образом

---

⁴⁷⁹ Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall. 1963. P. 5-39.

⁴⁸⁰ Becker H.S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. N.Y., London: The Free Press; Collier-Macmillan Ltd. 1966. P. 7-25.

⁴⁸¹ Stabell C.B., Fjeldstad Ø.D. Configuring value for competitive advantage: on chains, shops, and networks //Strategic Management Journal. 1998. Vol. 19. P. 413–437.

⁴⁸² Herrala M., Pakkala P., Haapasalo H. Value-creating networks – A conceptual model and analysis. Oulu: University of Oulu, Department of Industrial Engineering and Management. 2011. P. 1-25.

исследования потребительских ценностей в сетевых коммуникациях повлияли на изменение политических технологий.

Весьма интересные идеи выдвигают шведские ученые из Университета в Гётеборге. По их наблюдениям, с распространением интернет-коммуникаций сохраняется отношение к гражданам как к клиентам, а к информации как к товару, которую можно продать. В итоге доступ к социально важной информации ограничивается коммерческим сегментом⁴⁸³. Это, в свою очередь, приводит к ослаблению демократических ценностей (что видно на примере распространения фейковых новостей в США при президенте Д. Трампе). Некоторые авторы заметили, что с распространением практики paywalls (предварительной оплаты для доступа к информации) сокращается количество посещений интернет-ресурсов (среди молодежи – снижение посещаемости до 51%)⁴⁸⁴. Получается, что коммерциализация сетевых коммуникаций приводит и к деградации демократических ценностей – ведь ограничение свободного доступа к различного рода информации является недемократичной тенденцией. Что вполне соотносится с концептом Дж. Кина о декадансе медиа и противоречивости «коммуникационного изобилия» для распространения ценностей демократии.

Маркетинговый подход в политике и коммуникации во многом опирается на формулу, согласно которой демократия – продукт капитализма (Й. Шумпетер), а избиратель лишь руководствуется рациональными мотивами (Э. Даунс, М. Фьерина)⁴⁸⁵. С догматизацией экономикоцентричного подхода в политологических исследованиях категорически не согласен профессор И. Шапиро. Он пишет, что в политической науке куда важнее реалистичный подход, нацеленный на политическую проблему и ее каузальные стороны.

---

⁴⁸³The Value of Public Service Media. Gothenburg. /Eds. by G.F. Lowe, F. Martin. Gothenburg: University of Gothenburg. 2014. P. 115.

⁴⁸⁴ Chiou L., Tucker C. Paywalls and the demand for news //Information Economics and Policy. 2013. №25(2). P. 61–69.

⁴⁸⁵ Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия М.: Экономика, 1995. С. 331-367; Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy //Journal of Political Economy, 1957. №2. Vol. 65. P. 135-150; Fiorina M.P. Rational Choice, Empirical Contributions //Critical Review: An Interdisciplinary Journal of Politics and Society. 1995. Vol. 9. №1-2. P.88-89.

Шапиро отмечает, что гораздо перспективнее развивать не спорную теорию рационального выбора, а изучать воздействие ценностей этносов на электоральное поведение, ценности коллективных благ в ходе гражданской коммуникации⁴⁸⁶.

Очень близко с Network Studies связаны исследования в области электронного правительства и электронной (цифровой) демократии. Л.В. Сморгунов четко разделяет электронное правление, электронную администрацию и электронное правительство. По мнению Сморгунова, электронное правление подразумевает практику демократической коммуникации между правительственными учреждениями, гражданами, их выборными представителями⁴⁸⁷. При этом электронному правительству остается функция политической координации, создание пакета услуг для граждан, соответствующие международные контакты, а электронной администрации – внутрисистемные процессы, направления государственной политики, менеджмент знания и текущая организационная работа. В исследованиях данной сферы также актуализируется аксиологический аспект. Ряд авторов убеждены, что на специфику трех основных моделей электронного правительства большое влияние оказывают именно нормативные традиции, переплетающиеся с ценностями, распространенными в определенных странах. Континентально-европейская модель электронного правительства основана на жестком законодательстве в области информационной среды и учитывает фактор наднациональных институтов, англо-американская модель больше ориентирована на оперативность, коммерциализацию, отношение к государству как к оператору сервисных услуг, снижение правительственного функционала в решении различных вопросов, тогда как азиатская модель сочетает элементы интеграции интернет-

---

⁴⁸⁶ Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. /Пер. с англ. Д. Узланера. М.: Изд. дом ВШЭ. 2011. С. 115; 128-138.

⁴⁸⁷ Сморгунов Л.В. От электронного государства к электронному правлению: Смена парадигмы //Политическая наука. 2007. № 4: С. 20-49.

порталов в единую систему, информатизации социального сегмента и корпоративной культуры⁴⁸⁸.

Самими новейшими тенденциями, связанными с практикой аксиологического подхода в анализе политических коммуникаций, можно назвать Data Studies, Game Studies и Holographic Studies. О них будет подробно рассказано в соответствующих параграфах. Пока же важно отметить, что «большим данным» в политике посвящен интересный аналитический доклад⁴⁸⁹, в котором обозначены противоречивые результаты: с одной стороны, технологии Big Data имеют хорошие возможности в области оптимизации государственных услуг, улучшения здравоохранения и образования, борьбы с мошенничеством, торговлей людьми, но, с другой стороны, такие оптики при обнародовании некоторых исследований и из-за проблем конфиденциальности данных могут привести к дискриминационным результатам на основе расы, пола, социально-экономического статуса или других признаков. Важным выводом этого обзора является то, что анализ больших данных может привести к неравноправному обращению с обездоленными группами либо создать угрозу для американских ценностей – такую непрозрачную среду принятия решений, что индивидуальная инициатива потеряется в непроницаемом наборе алгоритмов. Обозначено, что угрозе подвергаются и такие американские ценности как справедливость, толерантность, свобода и конфиденциальность.

Направление Game Studies также затрагивает аксиологическую проблематику, рассматривая популярные многопользовательские компьютерные (сетевые) игры через аспекты архетипической природы коммуникаций. М. Шулке из Йоркского университета, опираясь на работы А. Винсента и Т. Иглтона, предполагает, что в современных компьютерных играх

---

⁴⁸⁸ Сединкин М.А. Возможности применения зарубежного опыта формирования электронного правительства в России //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №3. С. 327-337.

⁴⁸⁹ Big Data: seizing opportunities, preserving values. Executive Office of the President. Interim Progress Report. By J. Podesta, P. Pritzker, E. Moniz, J. Holdren, J. Zients. 2014. P. 1-11, 58-60.

существенном компонентом становятся ценности. В своих работах он анализирует так называемые «идеологические карты», коллективно производящиеся и потребляющиеся, а также переводящие идеологические абстракции в более доступные эмоциональные переживания, принимающимися геймерами⁴⁹⁰. Политические акторы, вмешивающиеся в процесс создания игры, как правило, заинтересованы в ценностном воздействии на целевые аудитории геймеров.

Но наиболее инновационным и перспективным трендом являются разработки в области Holographic Studies, связанные с дополненной реальностью и голограммой. Так, Т. Казулис из Университета штата Огайо выделяет политическую голографию и рассматривает ее в культурном контексте⁴⁹¹. Проблема заключается в недостаточной исследованности следующего феномена: каким образом ценности конкретной страны препятствуют (США, арабские государства) либо способствуют (Индия, Франция) распространению практики политической голограммы.

Делая выводы по параграфу, следует конкретизировать, что до XX века политическая мысль допускала рассмотрение ценностного аспекта в коммуникации через аристотелевские, тацитовские и ботеровские категории «репутации», «добродетелей», «красноречия», «доверия», а также лебоновские категории «души массы», «мнения», «обаяния», «утверждения», «повторения», «заражения», «образа». Все перечисленные понятия можно емко объединить в сохраняемой учеными традиции рассмотрения «презентации политического образа в коммуникациях». В XX веке в западной политической науке эта традиция сохраняется (Г. Алмонд, С. Верба).

С начала прошлого столетия большое влияние на развитие политологических, психологических, коммуникационных работ и междисциплинарных исследований, связанных с ценностным аспектом,

---

⁴⁹⁰ Schulzke M. Military videogames and the future of ideological warfare //The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19. Issue 3. P. 609–626.

⁴⁹¹ Kasulis Th.P. Intimacy Or Integrity: Philosophy and Cultural Difference. Honolulu: University of Hawaii Press. 2002. P. 126-127.

оказали теории архетипов К.Г. Юнга и М. Элиаде. Архетипы разнообразны (Герой, Правитель, Обновление, Тень, Трикстер, Карнавал и т.п.), но схожи сочетанием противоречивых элементов, которое переносится на внешние явления и субъекты, в том числе политические по принципу «свой/чужой», «свое хорошее/вражеское плохое». Болгарский ученый Х. Кафтанджиев развил теорию Юнга, предложив изучать функции архетипов в коммуникациях на основе выявления их так называемых бинарных, взаимоисключающих оппозиций. С.А. Шомова же предлагает выявлять в анализе политических коммуникаций повторяющиеся архетипические сюжеты, тотемы и табу. Идеи Юнга, Элиаде, Кафтанджиева и Шомовой, скорее, не противоречат, а дополняют друг друга.

Аксиологический подход в изучении политических коммуникаций имеет несколько тенденций концептуального осмысления. Во-первых, это оптимистический подход к политическим коммуникациям как к эффективным трансляторам демократических ценностей (Ю. Хабермас, К. Дойч, Ж.-М. Гуэнно, Р. Даль, М. Кастельс, М.К. Петров). Во-вторых, это нейтральный подход, согласно которому политические коммуникации – это лишь нейтральный медиум, который не способствует и не препятствует распространению каких-либо ценностей (П. Лазарсфельд, Б. Берельсон, Х. Гуде, Дж. Клаппер, Н. Луман, Е. Морозов, В.Д. Соловей). В-третьих, это критический подход, появившийся после переосмысления трудов К. Шмитта. Согласно ему – политические коммуникации, наоборот, могут создать условия для манипуляций и разрушения ценностей, например демократических (А. Слама, Ф. Анкерсмит, Я. Дейк, Д. Дзоло, Г. Беккер, С. Лэш, Д. Биар). К этой позиции также наиболее близки К. Макферсон и Дж. Кин. В-четвертых, есть отдельная «консюмеристская» тенденция изучения именно потребительских ценностей в коммуникациях (С. Стебелл, М. Херрала, П. Паккала и Х. Хаапсало), причем вовсе не обязательно с привязкой к бизнес-сегменту, а с применением теории рационального выбора и политического маркетинга (Э. Даунс, М. Фьерина), когда избиратель является покупателем,

бренд, имидж политика и партии – товаром, а политконсультант – продавцом. Кроме Media Studies и близких к ним Network Studies, аксиологический аспект в политических коммуникациях начинают рассматривать и в совершенно новых направлениях – Data Studies, Game Studies и Holographic Studies.

Важно заметить, что в качестве специфики большинства приведенных исследований, рассматривающих политические коммуникации через ракурс аксиологического подхода, выявлены архетипические бинарные оппозиции («власть/общество», «друг/враг», «свой/чужой», «сильный/слабый», «амальгамность/плюралистичность», «демократия/экспертотократия»). Что не случайно. Политические акторы используют бинарные свойства архетипов, чтобы управлять массовым сознанием через сетевые коммуникации, создавая и затем противопоставляя различные идентичности. В итоге формируется механизм сетевой легитимации политического режима. Бинарные оппозиции обеспечивают политическому интерфейсу режима господство над разрозненными цифровыми аватарами. Другими словами, через стандартные бинарные оппозиции сетевых коммуникационных практик политический интерфейс осуществляет захват цифровых аватаров граждан.

Архетипичность бинарных политических кодов, обладая антиэнтропийным и сигнальным характером во многом предопределила становление современной социотехнической реальности (фиджитал-мира), где тесно переплетается реальное и виртуальное, формируя интерактивный политический интерфейс для коммуникации между людьми и машинами.

2.2. Методологическая оптика Big Data в анализе цифровых маркеров легитимации и делегитимации политического режима

Современные политические режимы существуют в условиях цифровизации общества, поэтому важно понять каузальные механизмы сетевой легитимации через анализ «больших данных» (Big Data). Задолго до цифровизации в советской науке значению «больших данных» также придавалось важное значение в рамках изучения основы субъект-объектных отношений – оргинформации. Сохранялось и скептическое отношение к

возможностям обработать внушительные массивы данных⁴⁹², хотя это было до открытий в области искусственного интеллекта. Термин Big Data стал проникать в академическую среду после того, как в журнале Nature 2008 года была предложена идея называть этой категорией специфические инструменты и методологические оптики для анализа масштабного объема данных и их презентации в понятной форме. Еще в 2012 г. М. Косински, сотрудник Центра психометрии при Кембриджском университете, показал, что 68 лайков в сети Facebook достаточно чтобы не только узнать цвет кожи обследуемого индивида (в 95% случаев), но и выяснить его симпатии к Республиканской либо Демократической американской партии (85%)⁴⁹³.

Есть несколько видов больших данных. Административные (документы учреждений, партий, корпораций, отчеты министерств) данные являются следствием работы управленческих систем, довольно локальны и не всегда оцифрованы. Цифровые данные возникают в условиях разворачивания социальных сетей, форумов, блогов, видеохостингов и обладают наибольшей перспективой для политологического исследования⁴⁹⁴. Именно эти исследования интересуют такие политико-консалтинговые компании как Cambridge Analytica. Подобные фирмы проводят глубинный анализ психопрофилей интернет-пользователей, чтобы потом своему заказчику (политический режим, кандидат на выборах, партия и т.п.) предоставить рекомендации по осуществлению микроцелевой таргетированной рекламы. Такой технологией создается важный элемент любой легитимации – доверие целевой аудитории к политическому актору.

По мнению Косински, интернет-пользователи постоянно оставляют свои «цифровые следы» в виртуальной реальности (комментарии, журналы просмотра веб-ресурсов, лайки, дизлайки, голосовые вызовы, эмодзи, эмодзи,

---

⁴⁹² Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 72, 183.

⁴⁹³ Володенков С.В. Total Data как феномен формирования политической постреальности //Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3 (15). С. 409-415.

⁴⁹⁴ Donnay K. Big Data for Monitoring Political Instability //International Development Policy/Revue Internationale de Politique de Développement. 2017. Vol. 8. Iss. 8.1.

видео, фото, репосты, посты), с помощью которых можно выявлять их поведенческие модели⁴⁹⁵. Поэтому в западной политической науке, по мнению М. Голдера из Университета штата Пенсильвания и В. Кларка из Техасского университета A&M, наметилась «революция доверия» (ориентация политологов на получение более достоверных результатов) и «революция больших данных» (изменение понимания природы политического универсума при возможности обрабатывать огромные массивы информации)⁴⁹⁶. Такие методологические тренды означают отход от доминирования социально-демографических подходов, недостаточно объясняющих политическое поведение⁴⁹⁷, в сторону психометрических оптик, в результате чего формируются психометрические портреты отдельных интернет-пользователей для конструирования целевой микротаргетированной пропаганды.

Говорить о сложившихся научных школах изучения Big Data в политологии и других социальных науках еще рано, однако уже появились несколько методологических направлений в данной области. Первое направление можно условно обозначить корреляционным. К. Кукьер, редактор тематического раздела о данных журнала Economist, и В. Майер-Шенбергер, профессор из Оксфордского университета полагают, что исследователь должен задаваться вопросом не *почему* появилось явление, а *какой характер* этого явления, а значит, отойти от выявления причин в сторону определения корреляций переменных в ходе анализа данных⁴⁹⁸. А. Скотт, Е. де Мескита и Х. Берри вообще опасаются привязывать причинно-следственные связи к большим политическим данным из-за роста

---

⁴⁹⁵ Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J. Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes //Psychological Methods. 2016. Vol. 21. №4. P. 493-506.

⁴⁹⁶ Clark W.R., Golder M. Big Data, Causal Inference, and Formal Theory: Contradictory Trends in Political Science? //PS: Political Science & Politics. 2015. Vol. 48. Issue 1. P. 65-70.

⁴⁹⁷ Ansolabehere S., Hersh E. Validation: What Big Data Reveal About Survey Misreporting and the Real Electorate //Political Analysis. 2012. №20(4). P. 437-45.

⁴⁹⁸ Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. /Пер. с англ. Инны Гайдюк. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014. С. 14-22.

погрешностей по мере роста объема обрабатываемой информации⁴⁹⁹. Второе направление логично назвать казуальным. Его сторонники М. Голдер и В. Кларк предлагают не сбрасывать со счетов объяснение причинно-следственных связей в политической науке. По их мнению, наоборот, важно суметь сочетать изучение казуальных механизмов политических процессов и явлений с потенциалами Big Data⁵⁰⁰. С. Стивенс-Давидовиц придерживается схожей позиции.

Специалист в области больших данных, экс-аналитик Google и доктор философии С. Стивенс-Давидовиц пишет о нескольких преимуществах методологических инструментов Big Data в научных исследованиях: а) возможности использовать новые виды факторов (изучение различных тем, которыми интересуются индивиды в сети); б) предоставлении наиболее правдоподобных фактов (анализ подлинных «цифровых следов» и анализ поведенческих моделей); в) потенциале рассмотрения любых подмножеств социальных сообществ; г) перспективе организации быстрых контролируемых экспериментов для определения причинно-следственных связей, а не только корреляций⁵⁰¹. Но Стивенс-Давидовиц не идеализирует роль больших данных в эмпирических замерах. Он также перечисляет и их недостатки: а) «проклятие числа размерностей» (эффект возникает, когда ученый выбирает большое количество переменных («размерностей») при небольшом объеме предварительных наблюдений); б) несоответствие доступных измерению больших данных объяснению самой научной проблемы (излишняя гиперболизация того, что можно измерить); в) этический вопрос применения результатов исследований (потенциал использования выявленных корреляций и причинно-следственных связей для политических манипуляций).

---

⁴⁹⁹ Scott A., Berry Ch., Mesquita E.B. de. All Else Equal in Theory and Data (Big or Small) //PS: Political Science and Politics. 2015. Vol. 48. Issue 1. P. 89-94.

⁵⁰⁰ Clark W.R., Golder M. Big Data, Causal Inference, and Formal Theory: Contradictory Trends in Political Science? //PS: Political Science & Politics. 2015. Vol. 48. Issue 1. Pp. 65-70.

⁵⁰¹ Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все. /Пер. с англ. Л.И. Степановой. М.: Эксмо. 2018. С. 73-74.

Накопление политических больших данных из-за роста «цифровых следов» (мемов, хэштегов, пабликов, комментариев, журналов посещений и т.п.), а также «цифровых теней» интернет-пользователей (закономерностей их политического поведения и распространенных маршрутов их коммуникации) открыло новые перспективы для исследования электорального поведения граждан, вручило политическим акторам, в том числе и государству серьезный инструмент в сегменте мониторинга общественного мнения по различным политическим темам. Разработчики поисковых систем Bing, Yahoo! Excite, Baidu, Яндекс, Рамблер как раз предоставляют своим клиентам услуги по выявлению таких «цифровых следов». Корпорация Google в 2008 г. создала приложение Google Insights для аналитики поисковых замеров, а в 2011 г. разработала более совершенное web-приложение Google Trends, способное осуществить оперативное сравнение объемов поисковых запросов по самым разнообразным поисковым словосочетаниям и словам, фразам или аббревиатурам. До подробного анализа методологических потенциалов и ограничений Google Trends необходимо разобрать его функционал, пригодный для политологического исследования.

Google Trends – это отдельный сайт, обладающий специфическим функционалом⁵⁰². Когда посетитель оказывается на сайте, ему предлагается два варианта работы – активный и пассивный. При выборе пассивного варианта можно изучить предложенную системой информацию через параметр «Популярные запросы», отметив «Поисковые запросы за сутки» либо «Поисковые запросы за сейчас». Выбрав активный вариант, можно провести собственный «Анализ». Фактически эта опция может сравнить объем поисковых замеров по двум, трем и более ключевым словосочетаниям, словам. Если, к примеру, изучать легитимность, то цифровыми маркерами ее двух фундаментальных составляющих процессов легитимации и делегитимации могут стать поисковые запросы позитивного и негативного характера.

---

⁵⁰² Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/?geo=RU> (дата обращения: 05.08.2019).

Цифровые маркеры [интернет-посты, интернет-статьи (паблики), хэштеги, видеоролики, мемы, символы, гипертекст] позитивного плана могут касаться деятельности главы государства, провластных партий, движений, политических лидеров, министров правительства, армии, полиции, государственных органов власти, представителей государственных корпораций. Те же самые категории могут выступить и цифровыми маркерами негативного плана. Легитимационные цифровые маркеры проявляются в поддержке действий правительства, парламента, проправительственных партий на уровне дискурса в сетевых коммуникациях. Речь не всегда может идти о панегирическом характере сообщений интернет-пользователей. Цифровые маркеры позитивного характера можно усмотреть в сочувствии заявлениям и действиям проправительственных политиков, патриотической риторике. Негативные цифровые маркеры также бывают разного уровня – от довольно конструктивной критики правительственной политики до агрессивной риторики радикального типа, схожей с языком вражды (hate speech). Задача политолога – выявить эти легитимационные и делегитимационные цифровые маркеры, а также их соотнести, чтобы дать объективную аналитику по состоянию легитимности политического режима.

Ресурс Google Trends помогает исследователю отследить те новости, которые пересекаются с определенными поисковыми словами, а также теми тегами, которые порождаются дискурсом политизированных центральных узлов сетевых коммуникаций из новых медиа – сообществ социальных сетей, форумов, блогов, видеохостингов. Ведь это диффузный процесс – не только традиционные медиа (телевидение, радио, газеты) и новостные сайты дают контент для обсуждения в новых медиа, но и сами новые медиа снабжают политической повесткой медиа традиционные и их виртуальных двойников – интернет-порталов. Экспоненциальный рост количества цифровых маркеров вполне объясним через модель коммуникационного капитализма Дж. Дин, которая считает «большие данные» – просмотр новостных лент в смартфонах, лайки, дизлайки, репосты, мемы, селфи и другие цифровые маркеры –

нематериальным трудом индивида, чье внимание и время эксплуатируют крупные IT-корпорации, давая ему взамен приобщиться к виртуальному пространству, где они устанавливают свои правила через цифровые платформы и алгоритмы (как правило, закрытые). По Дин «большие данные» отчуждаются и анализируются компаниями с целью дальнейшей монетизации пользовательского поведения, а значит, обретают роль нефти и золота⁵⁰³. Рост интернет-трафика выгоден для IT-корпораций. И не важно какого – легитимационного или делегитимационного для режимов. Любой из видов цифровых маркеров приносит прибыль IT-гигантам.

Политолог, работая с Google Trends, может установить хронологические и географические ограничители. Так, выбирая даты набравшихся людьми запросов, можно их отследить по конкретной стране либо по всему миру. Имеется и ограничитель по видам контента (YouTube, анализ новости, графический материал). Система дает возможность указать отдельные категории (люди и общество, интернет-сообщества, органы законодательной и правительственной власти и др.). Далее предлагается выбрать подкатегории. Например, в категории законодательство и правительство существуют подкатегории общественной безопасности, правительства, вооруженных сил и т.п. И это не все. Взяв, например, правительство, есть ограничитель по законодательной, судебной, исполнительной власти, госзакупкам, королевским семьям, профилактике и борьбе с терроризмом, лоббированию и др. Таким образом, можно детализировать и сами цифровые маркеры легитимации и делегитимации политического режима.

После того, как политолог укажет все нужные ему ограничители, система предлагает ему визуализацию итогов анализа поисковых наборов, во-первых, в виде графиков, во-вторых, в виде карты страны или мира в цвете. С учетом полноты имеющихся данных исследователю доступна аналитика мирового, национального и регионального уровней. Есть и дополнительный

---

⁵⁰³ Dean. J. Communicative Capitalism and Class Struggle //Spheres: Journal for Digital Cultures. 2014. №1. P. 1–16.

ограничитель для уточнения поисковых замеров – переключение на уровень городов страны. Что позволяет делать переход с макрополитических на микрополитические процессы, изучать, сравнивать интерес избирателей к различным партиям, политическим лидерам в стране, регионе, столице, других городах в режиме реального времени. Важно остановиться на балльной системе Google Trends. Система ранжирует уровень популярности к чему-то и выставляет баллы от 0 (на карте даются светлые цвета) до 100 (самые темные тональности цветов). Принцип следующий – чем крупнее балл, тем больше доля обследованных запросов от всего количества поисковых наборов, а вовсе не их абсолютный объем. Поэтому маленькому государству, где поисковые наборы по ключевому слову «правительство» дают 80% от всех других наборов, приложением зачисляется баллов в два раза больше, чем большому государству, в котором только 40% пользовательских наборов были посвящены тому же слову.

Помимо картографической цветной визуализации поисковых данных Google Trends составляет графики пиковых наборов по популярным словам на числовой ординате со значениями от 0 до 100 и на хронологической абсциссе (годы, месяцы). Дополнительные ограничители дают право политологу отобрать «лидеров» (или «топы») и «тренды» в поисковых наборах, совершаемых интернет-пользователями. К первым относятся наиболее популярные у населения наборы, а ко вторым те наборы, интерес к которым резко возрос по сравнению с прошлыми темами запросов. Удастся отслеживать и так называемые «Сверхпопулярные» темы, что важно для определения текущих изменений цифровых маркеров легитимации и делегитимации политического режима. И совсем недавно у web-приложения возникла опция Google Hot Trends, отбирающая 20 быстрорастущих и сверхпопулярных поисковых наборов в течение часа. Изначально можно было выбрать лишь 48 государств, включая и Россию. Наконец, исследователю через опцию «Поисковые запросы за сутки» будет полезно обращаться к так

называемой истории поисковых наборов, где можно переходить по соответствующим гиперссылкам популярного у пользователей контента.

Как отмечает С. Стивенс-Давидовиц, благодаря Google Trends можно узнать то, что интересует людей на самом деле, то, что они могут скрывать в социальных сетях⁵⁰⁴. Он и статистик Н. Сильвер обнаружили, что Д. Трамп получил на президентских выборах наибольшее количество голосов там (Юг, Северо-Восток и Средний Запад), где было больше всего наборов слов, связанных с расизмом. Поисковик для гражданина превратился в своего рода приватный ресурс, с помощью которого он ищет то, что его волнует, однако для исследователя – это определенная «сыворотка правды». Такая методологическая оптика способна выявить политические тренды – текущие интересы целевых аудиторий и уменьшить погрешность исследования из-за социальных ботов и эффекта преувеличения значимости тем в социальных сетях. Особенность его в том, что полные данные можно получить тогда, когда достаточно большое количество людей осуществляет одинаковый поиск.

Так как в качестве основной методологической оптики Big Data в настоящем исследовании цифровых маркеров легитимации политического режима будет использовано web-приложение Google Trends, то логично более глубоко рассмотреть сильные и слабые стороны данного инструмента. Начнем с преимуществ этого приложения для политического исследования. Google Trends рационально применять для анализа цифровых маркеров легитимации и делегитимации, так как у него есть весьма привлекательные преимущества для исследователя: а) данное приложение может собрать большие политические данные и быстро графически отображать полученные выводы совершенно бесплатно; б) так как количество запросов практически соотносится с количеством интернет-пользователей, то объективность такого анализа довольно серьезна; в) полученная информация ежедневно обновляется; г) функция Google Hot Trends (горячих трендов) обновляет

---

⁵⁰⁴ Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все. /Пер. с англ. Л.И. Степановой. М.: Эксмо. 2018. С. 15.

информацию каждый час; д) такие ограничения социологических опросов как когнитивный диссонанс здесь практически не проявляются; е) ресурс позволяет быстро выявить текущие политические тенденции и проблемы.

До политологов на ресурс Google Trends обратили пристальное внимание медики, социологи и экономисты. Их интересовали прогнозные потенциалы системы, позволяющие через принципы экстраполяции предсказывать эпидемии, изменения социальных и экономических процессов. Методологическую значимость Google Trends подтверждают и последние применения его в политологических исследованиях активности политических партий⁵⁰⁵. Интересные корреляции с помощью этого ресурса не так давно обнаружили исследователи немецких партий, когда увеличение поисковых запросов по теме справедливости повышало заинтересованность пользователей к DIE LINKE, а рост наборов по ядерной энергетике провоцировало повышение интереса к Зеленым.

Большим плюсом ресурса Google Trends является бесплатное построение временных рядов, тогда как эпизодичность и затратность социологических обследований не дает накапливать подобные данные регулярно⁵⁰⁶. Аргентинские ученые показали, что эта методологическая оптика весьма полезна при выявлении и сравнении современных и прошлых политических стратегий и тактик кандидатов⁵⁰⁷, при этом их американские коллеги, изучая выборы в свой Сенат, доказали, что Google Trends дает хорошую корреляцию между ростом сборов финансовых средств на предвыборную кампанию кандидата и ростом внимания общества к нему⁵⁰⁸. Процедуры, доступные с этой оптикой Big Data, позволяют с помощью ретроспективного анализа прошлых тенденций выявлять закономерности и составлять прогнозные

---

⁵⁰⁵ Calahorrano L., Seithe M. Analysing Party Preferences Using Google Trends //CESifo Working Paper. 2014. №4631. P. 1-25.

⁵⁰⁶ Jun S.-P., Yoo H.S., Choi S. Ten years of research change using Google Trends: From the perspective of big data utilizations and applications //Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 130. P. 69-87.

⁵⁰⁷ Moraes Th.P. de. Os debates presidenciais no Brasil e as buscas no Google (2006–2010) //Revistade Ciências Sociais. 2018. Vol. 49. №2. P. 501–536.

⁵⁰⁸ Ellis W.C., Ripberger J.T., Swearingen C.D. Public Attention and Head-to-Head Campaign Fundraising: An Examination of U.S. Senate Elections //American Review of Politics. 2017. Vol. 36. №1. P. 30-53.

модели, чтобы осуществлять консалтинг для кандидатов либо давать рецептуру по достижению оптимальной легитимации политического режима. Очень важно, что Google Trends позволяет преодолеть барьеры психологического плана, которые могут иметь место в традиционных социологических замерах между респондентами и исследователями. Порой опрашиваемые стараются ответить на вопросы ученых так, как ответило бы, по их мнению, большинство. Примером некорректности соцопросов может служить факт сокрытия рядом сторонников кандидата в президенты Д. Трампа своего желания отдать за него свой голос⁵⁰⁹. Тогда как исследование через Google Trends хорошо спрогнозировало небольшую явку афроамериканцев на американские президентские выборы⁵¹⁰.

Однако у Google Trends есть и методологические недостатки. Некоторые авторы перечисляют серьезные недоработки подобного web-приложения⁵¹¹: а) возникновение погрешностей в тех сферах, где причины поисковых наборов сложно определить; б) Google Trends может учесть спонтанные, иррациональные процессы, резко переоценить проявление социальных процессов, когда, например, быстро распространяются негативные слухи и новости, усиленные эмоциональным резонансом пользователей (возможно, это связано с гиперболизацией некоторых новостных тем, подаваемых массмедиа⁵¹²); в) для объективного анализа полученной информации ее важно пропускать через фильтры, ежегодно калибровать. М. Пол, исследователь из Университета Джонса Хопкинса, подозревая анализ поисковых запросов в ошибках выборки, предлагает не игнорировать исследование социальных сетей.

---

⁵⁰⁹ Wolf J. Trending in the Right Direction: Using Google Trends Data as a Measure of Public Opinion During a Presidential Election. Blacksburg: Virginia Polytechnic Institute and State University. 2018. P. 13.

⁵¹⁰ Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все. /Пер. с англ. Л.И. Степановой. М.: Эксмо. 2018. С. 23.

⁵¹¹ Jun S.-P., Yoo H.S., Choi S. Ten years of research change using Google Trends: From the perspective of big data utilizations and applications //Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 130. P. 69-87.

⁵¹² Butler D. When Google got flu wrong //Nature. 2013. №494. P. 155.

К серьезному недостатку следует отнести корректность репрезентативности получаемых данных – пока еще не все жители стран являются интернет-пользователями (следовательно, нужно делать поправку на те категории населения, которые наиболее приобщены к цифровой грамотности, например, молодежь). Как верно замечает Дж. Меллон, важно не просто собирать поисковые запросы, а осмысливать их на фоне событий, в конкретном контексте⁵¹³. Не следует игнорировать и явление «цифрового неравенства». Ряд категорий населения по социально-экономическим причинам не могут получить доступ к интернет-коммуникациям. Удаленные регионы некоторых стран имеют низкий уровень развития связи и социальных медиа, недостаточно налаженную ИТ-инфраструктуру. Требуется помнить и о важности точности вводимых исследователем слов для цифровой маркировки – они могут дать некорректные результаты, связанные, к примеру, с тем, что фамилия политического деятеля будет схожа в написании с фамилией футболиста, артиста или самого политолога. Некорректные результаты могут встречаться и по причине резкого снижения интереса к одной политической новости, которая, в свою очередь, может произойти из-за вброса фейка, необычного заявления политического лидера, быстрой смены партией своей политической тактики и т.п. Следовательно, вводимые слова должны быть корректно отобраны и тщательно проверены перед исследованием. Только в этом случае можно будет, к примеру, объективно соотнести цифровые маркеры легитимации и делегитимации.

Погрешность в политическом анализе способна появиться не из-за web-приложения Google Trends как такового, а из-за эффекта Google Bomb, происходящего по причине возрастания активности хакеров, нацеленных на изменение рейтинга конкретного сайта. К наиболее опасному случаю следует отнести манипуляцию поискового механизма. Американские исследователи Р. Робертсон и Р. Эпштейн даже создали методику распознавания так

---

⁵¹³ Mellon J. Where and When Can We Use Google Trends to Measure Issue Saliency? //PS: Political Science & Politics. 2013. Vol. 46. №2. P. 280-290.

называемого «эффекта тенденциозного ранжирования» (или SEME – search engine manipulation effect). Как выяснили ученые, манипуляция с ранжированием может изменить политические предпочтения у неопределившейся категории электората до 20%⁵¹⁴. На практике тенденциозное ранжирование выглядит следующим образом. К примеру, неопределившийся гражданин набирает в поисковике «Республиканская партия». Ему сразу предлагается автоматическая подборка для выбора: «Республиканская партия замечена в коррупционном скандале», «Республиканская партия не любит детей», «Республиканская партия узурпировала государство», «Республиканцы предали страну России» и т.п. Может встречаться и обратный вариант, с позитивной автоматической подборкой. К сожалению, Google Trends пока не может полностью избавиться от SEME, хотя его представители официально заверяют о своей непричастности к манипуляциям и поиску новых систем защиты.

Не всегда удаются и корреляции. Команда ученых из Колледжа Уэллсли сравнивала кандидатов, одержавших победу на выборах 2008 и 2010 гг. в американский Конгресс, с особенностью поисковых запросов и не нашла точной корреляции между потенциалом выигрыша и популярностью поиска. Приложение успешно спрогнозировало результаты выборов в 2008 г. в 33,3%, а в 2010 г. в 39% случаев⁵¹⁵. Но самое главное затруднение, с которым столкнулись исследователи, – это сложность определения причин заинтересованности пользователей конкретными кандидатами. Вместе с тем, следует отметить, что данное исследование было организовано тогда, когда Google Trends появился. С того времени у приложения определенно усовершенствовался функционал и система сбора больших данных. Намного более существенной недоработкой для цифровой маркировки выступает

---

⁵¹⁴ Роговский Е. Выборы в США: успех технологических инноваций //Международная жизнь. 2017. №3. С. 107-122.

⁵¹⁵ Lui C., Metaxas P.T., Mustafaraj E. On the predictability of the U.S. elections through search volume activity. IADIS International Conference on e-Society. 2011. URL: <https://repository.wellesley.edu/scholarship/23/> (дата обращения: 12.04.2019).

неполнота аналитики по странам и их регионам⁵¹⁶. Причина этого – небольшое число поисковых запросов интернет-пользователей, которые должна обработать система. Абсолютного же объема поисковых наборов для приложения недостаточно.

Несмотря на ряд выявленных методологических недостатков Google Trends в анализе больших данных, к этому приложению постепенно обращается все больше политологов. Что можно показать на примере нескольких исследовательских кейсов, анализирующих референдумы – легитиматоров политических режимов.

Сейчас существует ряд прецедентов исследований политических трендов в социальных науках. Большой импульс им сообщил греческий референдум⁵¹⁷. Руководитель Исследовательского центра данных немецкого Института экономики труда Н. Аскитас предпринял в 2015 г. прогнозирование референдума в Греции по поводу принятия требований кредиторов к стране. Когда греческие банки были закрыты, премьер-министр А. Ципрас призвал граждан отвергнуть требования (проголосовать «да»), председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер – принять («нет»), и выстроились очереди за пенсией, Аскитас решил не доверять традиционным опросам населения и обратиться к почасовому анализу Google Trends. Аскитас воспользовался основными цифровыми маркерами «да» и «нет» на греческом языке. При временном лаге в 7 дней ресурс показал, что большинство греков высказались «нет», в то время как опросы этого не выявили⁵¹⁸. Исследователь допустил ничтожность параллельных запросов «да/нет», не связанных с референдумом, установив с помощью Google Trends, что до объявления Ципрасом референдума не один из подобных поисковых запросов не имел серьезных всплесков. Это позволило Аскитасу спрогнозировать примерно 60% ответов

---

⁵¹⁶ Nghiem L.T., Papworth S.K., Lim F.K., Carrasco L.R. Analysis of the Capacity of Google Trends to Measure Interest in Conservation Topics and the Role of Online News //PLoS One. 2016. Vol. 11. №3.

⁵¹⁷ Mavragani A., Tsagarakis K.P. YES or NO: Predicting the 2015 GReferendum results using Google Trends //Technological Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 109. P. 1-5.

⁵¹⁸ Askitas N. Calling the Greek Referendum on the Nose with Google Trends //IZA Discussion Paper. 2015. №9569. P. 2-10.

«нет» по референдуму, что показательно близко к окончательному результату голосования – 61,29%.

Так как Аскитас через почасовую опцию Google Trends заметил, что динамика поисковых запросов граждан сильно коррелировала с различными заявлениями греческого премьер-министра и европейских политиков, то это позволяет использовать полиметодологичность при анализе уровней политической повестки. Если повестку первого уровня (ранжирование властью и ее оппонентами политических новостей) и повестку второго, атрибутивного, уровня можно изучать на примере технологий политических хэштегов и мемов с учетом работ М. Маккомбса⁵¹⁹, то повестку третьего уровня (в этом плане наиболее интересны тезисы профессора М.Н. Грачева об отличии конструирования фреймов и самого фрейминга⁵²⁰) можно изучать на примере результатов политического фреймирования интернет-пространства с помощью методики Google Trends.

Более глубокого понимания политической повестки третьего уровня возможно достичь при сопоставлении данных изучения политического фрейминга с уже закрепленными и распространенными у пользователей архетипами. Это потребует обращения к архетипическому анализу политических фреймов через конкретные политические коды, механизм которых раскрывается через двойную контингенцию власти и бинарную оппозицию в работах Н. Лумана. Такая глубокая процедура позволит, во-первых, выявить процессы легитимации и делегитимации политического режима, во-вторых, соотнести запуск этих процессов с конкретными архетипами, а также интересантами-заказчиками. Тезис М.Н. Грачева о третьем уровне политической повестки можно развить через теорию самоорганизованной критичности, предположив, что механизм соотнесения

---

⁵¹⁹ McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media //Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. P. 176–187; McCombs M.E., Llamas J.P., Lopez-Escobar E., Rey F. Candidate images in Spanish elections: Second-level agenda-setting effects //Journalism and Mass Communication Quarterly. 1997. Vol. 74. № 4. P. 703–716.

⁵²⁰ Грачев М.Н. О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга //Век информации. 2018. Т.2. №2. С. 94-96.

второго, атрибутивного уровня повестки с закрепленными в памяти пользователей фреймами в том числе происходит и в самоорганизованно-критических сетевых группах (сообществах) социальных сетей. Данная гипотеза вполне соотносится, во-первых, с теоретической рамкой самореферентных аутопойетических систем Н. Лумана, во-вторых, с последними исследованиями⁵²¹ по склонности сетевых сообществ к возникновению «информационных лавин», влияющих на политическую повестку.

Высокие методологические потенциалы оптик Big Data доказывают последние исследования А. Маврагани и К.П. Цагаракиса по референдумам. Их работы также полезны при осмыслении политических процессов легитимации и делегитимации, так как в них затрагивается проблема доверия населения к решениям властей. Как и у Аскитаса, их анализ кейса референдума в Греции (2015 г.) выявил более высокую точность прогнозных возможностей у Google Trends (58,20% при выборе «нет»), чем в прогнозах агентств (MARC – 54,50%, MRB – 54%, Metron Analysis – 49%)⁵²². Изучение референдума о независимости Шотландии (2014 г.) также показало высокое совпадение результатов замеров через Google Trends с официальными итогами голосования. Анализ политической повестки референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе (2016 г.) осложнялся противоречивыми опросами. Но Google Trends ясно показал, что большинство поисковых запросов (51,8%) осуществлялось по слову «Leave» («Покинуть»), что совпало с официальными результатами референдума в 51,89% (традиционные опросы показывали 52%).

---

⁵²¹ Жуков Д.С. Прерывистый эквilibриум: как самоорганизованная критичность в Сети влияет на политическую повестку дня //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №4. С. 18-40. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23799/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁵²² Menton J. Greek Referendum Results 2015: Opinion Polls Show A 'No' Vote Will Likely Prevail. URL: <https://www.ibtimes.com/greek-referendum-results-2015-opinion-polls-show-no-vote-will-likely-prevail-1996150> (дата обращения: 03.04.2019); Μπροστά το «όχι» στην τελευταία δημοσκόπηση της Metron Analysis. URL: <http://www.ant1news.gr/Politics/article/414803/mprosta-to-oxi-stin-teleytaia-dimoskopisi-tis-metron-analysis> (дата обращения: 03.04.2019); Mavragani A., Tsagarakis K.P. Predicting referendum results in the Big Data Era //Journal of Big Data. 2019. №6(3). P. 2-20.

Во время изучения политической повестки референдума по квоте венгерских мигрантов (2016 г.) Маврагани и Цагаракис столкнулись с определенной методологической проблемой – данных для анализа поисковых наборов «да» и «нет» оказалось недостаточно – венгерские граждане мало интересовались голосованием. По этой причине потребовалось расширить поиск по дополнительным ключевым словам. С этой доработкой оптика Google Trends спрогнозировала результат 97,45% за «нет» политике квотам со стороны ЕС (официальный результат – 98,36%, экзит-полл – 95%, традиционные опросы разошлись в оценках – 64%, 70%, 78%). В случае анализа повестки во время конституционного референдума в Италии (2016 г.) расхождение с официальным результатом («нет» изменениям в конституции – 59,12%) было не сильным – 53,05%. Также авторы столкнулись с методологической проблемой объективного анализа повестки конституционного референдума в Турции (2017 г.)⁵²³. Традиционные прогнозы разошлись в своих оценках. Авторы решили изучить повестку референдума в Германии, Нидерландах и Франции, где живет большая турецкая диаспора. В них было расхождение с официальными итогами в 3,43%, 7,61% и 9,21% соответственно. Маврагани и Цагаракис объясняют этот эффект контролем интернет-пространства со стороны турецких властей.

Тезис Маврагани и Цагаракиса можно отчасти сблизить с феноменом цифрового неравенства и так называемыми «дата-классами». Л. Манович к «дата-классам» причисляет создателей данных (например, это рядовые интернет-пользователи, оставляющие цифровые следы), акторов, собирающих цифровые данные и следы пользователей, а также акторов, способных анализировать Big Data. С.В. Володенков добавляет в эту классификацию дополнительный «дата-класс»⁵²⁴, относя к нему особую элитарную группу

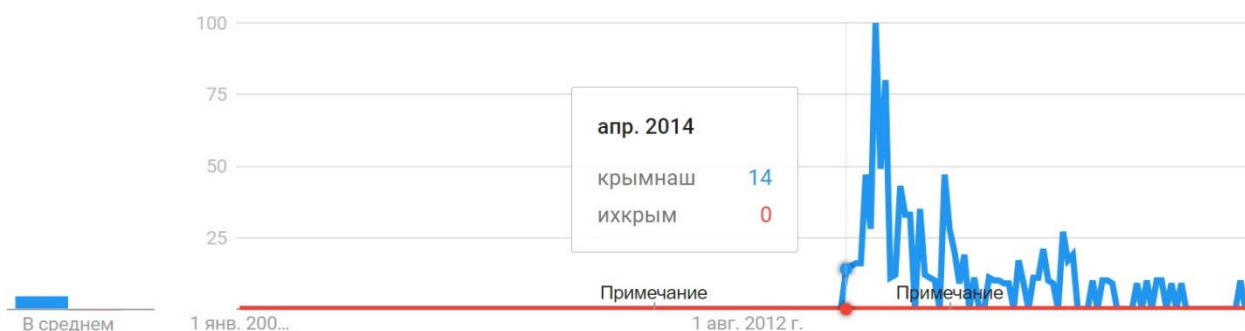
⁵²³ Mavragani A., Tsagarakis K.P. Predicting referendum results in the Big Data Era //Journal of Big Data. 2019. №6(3). P. 2-20.

⁵²⁴ Володенков С.В. Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 205-212.

(Data-кратию), нацеленную контролировать первый «дата-класс» пользователей с помощью второго и третьего «дата-классов» в собственных интересах, конвертируя полученные данные в особый сегмент Smart Data. Подобная модель хорошо соотносится с тезисами А.И. Соловьева о сетевых ассоциациях элиты, а также с идеей сетевой элиты М. Кастельса. В результате созданных цифровых фреймов, по мнению Володенкова, формируются «цифровые капсулы» ценностно-смыслового характера, предлагающие готовые проранжированные по уровню значимости и освещаемые для граждан события и темы. Подобный подход больше отражает существующие процессы развития сетевых коммуникаций в сторону «централизации сети» и усиления центральных сетевых узлов, хотя существует и альтернативное положение о «нейтральности» социальных медиа (В.Д. Соловей)⁵²⁵. Тезис о «цифровых капсулах» вполне соотносится с идеей С. Холла о «гегемонном кодировании», укладывается в известную модель эхо-камер К. Санстейна и помогает лучше осмыслить механизм сетевой легитимации политических режимов.

Диаграмма 2. Сопоставление легитимационного маркера «крымнаш» и делегитимационного маркера «ихкрым» через ресурс Google Trends

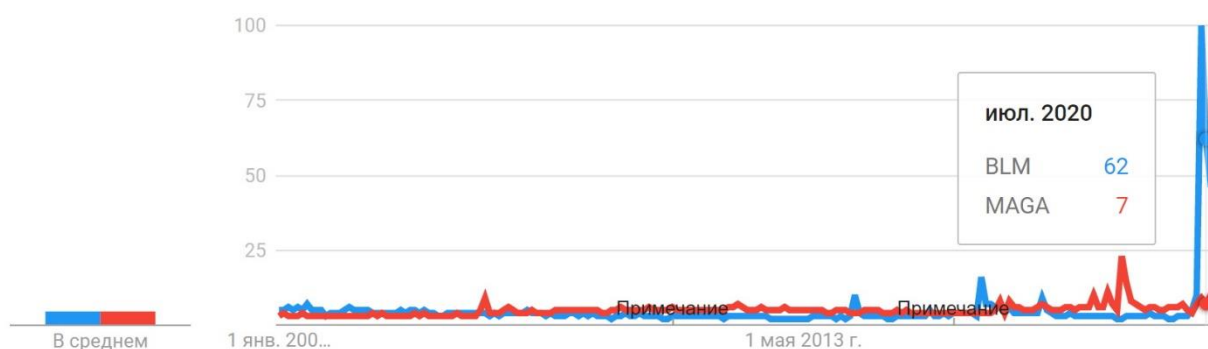
На диагр. 2 показана степень интереса россиян к хэштегу «крымнаш» и его антагонисту «ихкрым». Как видно, легитимационный маркер «крымнаш» набирал популярность с весны 2014 г., показывая наступление «крымского консенсуса»⁵²⁶ между элитой и российским обществом.

⁵²⁵ Соловей В.Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа //Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 122-132.

⁵²⁶ Абрамов А.В. Крымский консенсус как феномен российского политического сознания //Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы: Сб. науч. ст. по матер. шестой Межд. научно-практ. конф. /Под ред. А.А. Вилкова. Саратов: Саратов. источн. 2019. С. 3-9.

В свое время движение поддержки Д. Трампа MAGA имело высокую активность в интернет-коммуникациях США и стало, по сути, легитимационным после его президентской инаугурации. Однако его цифровой маркер серьезно уступил активности делегитимационному оппоненту BLM (сетевое движение «Жизни черных важны»), популярному среди афроамериканцев (особенно во время крупнейших массовых беспорядков 2020 г. в стране после гибели афроамериканца Дж. Флойда). Это видно на диагр. 3.

Диаграмма 3. Сопоставление легитимационного маркера MAGA и делегитимационного маркера BLM через ресурс Google Trends

Правда, погрешности при сопоставлении цифровых маркеров, полученных из интернет-коммуникаций, не всегда можно объяснить вмешательством государства, его элит или целенаправленным воздействием иных политических акторов (оппозиции, экстремистских групп). Последние исследования в области теории самоорганизованной критичности хорошо показали, что методологические сложности оптик Big Data могут быть временно ограничены в условиях эффекта «розового шума», процесса, означающего рост и снижение активности информационных процессов⁵²⁷. Наиболее мощные проявления возникновения и распространения информации через сетевые коммуникационные каналы могут преобразоваться во внезапные «информационные лавины», являющимися помехами для

⁵²⁷ Бак П. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности. М.: УРСС. 2014. С. 68-70.

исследователей, если только ученые не изучают сами «лавины»⁵²⁸. Между тем, с другой стороны, отслеживание «розового шума», как маркера надвигающихся «информационных лавин»⁵²⁹, а также предшествующих этому резкому изменению эмоций⁵³⁰, лежащих в основе цифровых фреймов, возможно использовать при анализе протестных сетевых сообществ и прогнозировании процесса сетевой делегитимации политического режима.

Делая выводы по параграфу, можно отметить, что такая методологическая оптика Big Data как Google Trends дает возможности выявлять и анализировать цифровые маркеры легитимации и делегитимации политического режима. Цифровыми маркерами, по сути, являются обнаруженные поисковые запросы, набираемые интернет-пользователями, которые важно анализировать в контексте конкретной политической ситуации, политической новости, деятельности определенного политика, партии или государственного служащего. Позитивные по отношению к перечисленным категориям поисковые запросы можно определить цифровыми маркерами легитимации, а негативные – цифровыми маркерами делегитимации. Наибольшие перспективы в выявлении цифровых маркеров легитимации и делегитимации режима может иметь анализ сетевых источников современной политической повестки дня.

Google Trends имеет свои недостатки и преимущества. К минусам данного ресурса можно отнести проблемы с объективной репрезентацией из-за «цифрового неравенства», некорректности с вводимыми словами и корреляциями, риски Google Bomb и эффекта SEME. Недостаточно изучен и эффект квантовой интерференции – наложение разных политических

---

⁵²⁸ Жуков Д.С. Прерывистый эквilibrium: как самоорганизованная критичность в Сети влияет на политическую повестку дня //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №4. С. 18-40. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23799/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁵²⁹ Жуков Д.С. Проблемы и возможности больших данных для изучения самоорганизованной критичности в социальных медиа //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №1. С. 27-39. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28086/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁵³⁰ Артамонова Я.Н., Артемов А.А., Прозоров А.А. Проблемы анализа эмоциональных состояний на основе Big Data в связи с геолокацией //Актуальные вопросы нейрофилософии – 2015. Ежегодник. Материалы международного междисциплинарного семинара «Нейрофилософия». /Ред.: Алексеев А.Ю., Дубровский Д.И., Кузнецов В.Г. М.: ИИнтелл. 2016. С. 232–240.

предпочтений⁵³¹ (если понимать легитимационные процессы, как открытые системы). Тогда как среди плюсов следует назвать оперативность, бесплатность и понятность аналитических процедур, возможность составления политических прогнозов на основании выявленных корреляций переменных и устойчивых трендов, снятие эффекта психологических барьеров между исследователем и респондентом, потенциал использования ретроспективной аналитики для политического консультирования и сценарного прогнозирования, организации политической кампании и микроцелевой таргетированной пропаганды.

Хорошие исследовательские перспективы связаны и с выявлением цифровых маркеров легитимации и делегитимации политических режимов. Так как легитимность – комплексное явление, связанное с одобрением со стороны населения функционирования разных политических институтов, то полноценную картину можно получить только при изучении отношения к ним интернет-пользователей. Политолог, выбравший для своего исследования легитимацию, благодаря web-приложению Google Trends может анализировать состояние имиджа провластных политических лидеров, брендов партий, специфику политической повестки, выявлять степень доверия к органам государственной власти, парламенту, выяснять поддержку электоратом провластных политических партий, степень одобрения населением деятельности главы государства, правительства и кабинета министров.

Не обязательно использовать только Google Trends. Хорошими потенциалами в анализе легитимации обладают обучаемые нейронные сети, Python, но главное в другом – в современной политической науке намечается активное применение принципов Big Data.

Представляется логичным предложить несколько рекомендаций для совершенствования исследовательских операций посредством Google Trends.

---

⁵³¹ Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарев И.Д. «Квантовая» теория принятия решений в политической науке //Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 22-32. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.03.

Во-первых, к данному инструменту не стоит относиться как к некой совершенной методологии. Исследование политических трендов важно сочетать с другими методологическими приемами, сопоставляя, где это реально, полученные результаты с данными социологических опросов. Во-вторых, требуется проводить скрупулезный отбор поисковых слов на национальном языке, заблаговременно узнавая, какие наименования, аббревиатуры министерств, партий, имена политиков получили распространение в той или иной стране. В-третьих, следует принимать во внимание тот факт, что большая объективность будет у того политологического исследования, проводимого посредством Google Trends, которое ориентировано на проблему с крупными массивами информационных данных. В-четвертых, логично обращать пристальное внимание на дополнительные данные по «трендам» и «лидерам» близких поисковых наборов. Эти операции могут подсказать политологу, по каким другим ключевым словам интернет-пользователи ищут интересующую их политическую информацию о государстве, партиях, выборах. В-пятых, в случае, если данных по какому-либо региону страны, политику и партии будет недостаточно для полноценного сопоставления однопорядковых категорий, то следует проводить отдельную визуализацию данных. В-шестых, Google Trends можно качественно усовершенствовать, если сделать в приложении дополнительный функционал для чисто научных, а не только маркетинговых задач. В идеале – разработать специальное скачиваемое на гаджеты приложение с потенциалами подсчетов разнообразных коэффициентов (Пирсона, например).

Развитие инструментов обработки Big Data не стоит на месте. Совсем недавно появилось новое web-приложение Google Dataset Search, которое занимается поиском по целым наборам данных. Бета-версия данного ресурса дает возможность искать контент в сотнях и тысячах интернет-хранилищах с помощью ключевых слов.

2.3. Показатели легитимации политического режима: измерение и рейтингование

Политический анализ режимной легитимации не может не затронуть проблему мировых индексов и рейтингов. Однако перед тем, как перейти к эмпирическому измерению политических режимов, важно разобраться в их специфике – классификации. В настоящем исследовании не будет учитываться концепт тоталитарного режима, получивший отражение в трудах К. Фридриха, З. Бжезинского и Х. Арендт⁵³², по ряду причин: необоснованности давнего тезиса о невозможности трансформации коммунистических стран изнутри, сложности применимости к современным сетевым коммуникациям предположения о сокращении расстояния между управляющим и управляемым как условиях тоталитаризации (если следовать концепту тоталитаризма буквально, то почти любой режим в условиях медиакратии и сетевых коммуникаций можно считать тоталитарным). Хотя активные тренды алгоритмизации политической жизни, возможно, осторожно позволяют говорить о зарождении феномена «цифрового тоталитаризма» – возникновении режима тотальной слежки при участии цифровых корпорации и распространении концепций Smart City⁵³³.

Помимо классической триады (демократия – авторитаризм – тоталитаризм) исследователи предлагают другие типологии режимов. Р. Даль высказал идею о существовании целого спектра демократических и недемократических режимов, зависящего от уровня политической конкуренции и включенности в нее граждан. Ж. Блондель к критериям Даля добавил еще один – элиту и ее структуру⁵³⁴. В итоге получилось много видов

---

⁵³² Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge: Harvard University Press. 1965. P. 3-57; Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом. 1996. С. 414-435.

⁵³³ Diamond L. *The Road to Digital Unfreedom: The Threat of Postmodern Totalitarianism* // *Journal of Democracy*. 2019. Vol. 30. Iss. 1. P. 20-24. DOI: 10.1353/jod.2019.0001; Fedorchenko S.N., Karlyavina E.V. *Smart City: the arrival of a new democracy or digital totalitarianism?* // *Журнал политических исследований*. 2021. Т. 5. №1. С. 3-22. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-3-22>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/42858/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁵³⁴ Абрамов А.В., Дмитриев А.Е., Федорченко С.Н., Абрамова Ю.А. *Политическая теория и современные политические реалии*. М.: Граф-пресс. 2012. С. 198-199.

режимов: традиционный (наследование власти); авторитарно-бюрократический (диктатор использует армию и бюрократию); конкурентно-олигархический (противоречия элит); эгалитарно-олигархический (социальное равенство при доминировании одной партии); авторитарно-неэгалитарный (на основе идеи неравенства и национализма); либеральный (массовое участие граждан в политическом процессе).

Х. Линц же выделил четыре критерия (степень плюрализма, уровень идеологизации, характер политической мобилизации, конституционность власти), разделив политические режимы на: султанистские, постоталитарные, тоталитарные, авторитарные и демократические⁵³⁵. Однако авторитарные также делятся на субрежимы. Э. Хейвуд перечисляет: новые демократии, восточноазиатские режимы, западные полиархии, военные режимы, исламские режимы. А.И. Соловьев, отталкиваясь от критерия стабильности, разделяет все политические режимы на: нестабильные, среднестабильные и стабильные. В качестве важного фактора стабилизации Соловьев называет легитимность политического режима⁵³⁶. Зарубежные авторы также рассматривают легитимацию в качестве фактора стабилизации разных режимов – как демократий, так и автократий⁵³⁷. Есть и дискуссионные попытки построения математических моделей эволюции политических режимов⁵³⁸, когда NS-режимы (выкачивание метрополией ресурсов из колоний) переходят в локальные S-режимы (национальные олигархические порядки, эксплуатирующие социальную среду своих стран) и, в итоге, в глобальный LS-режим со своей мир-системой. Что до выявления типа режима и его легитимации на основе опросов, то к подходу Дж. Гэллапа (фактическому уравниванию опроса с плебисцитом, мнением всего

---

⁵³⁵ Linz J.J. Totalitaere und Autoritaere Regime. Potsdam: Potsdamer Textbuecher. 2009. P. 90-115.

⁵³⁶ Соловьев А.В. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс. 2003. С. 218-219.

⁵³⁷ Gerschewski J. The three pillars of stability: Legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes // Democratization. 2013. Vol. 20. Iss. 1. P. 13-38.

⁵³⁸ Иванов А.В. Социальный ортогенез: моногр. 2-е изд. М.: Юрайт. 2018. С. 113-115; 320.

населения⁵³⁹) современные ученые начинают подходить с большей осторожностью⁵⁴⁰.

Классификаций политических режимов чрезвычайно много, но именно работы Р. Даля дали важный импульс для появления в академических сообществах разных стран политологических работ по этой проблеме. Ядром модели Даля выступает противопоставление демократических режимов автократическим и четкое определение принципов демократии: всеобщего избирательного права, справедливых и свободных выборов властей, свободы слова и выражения собственного мнения, возможности претендовать на избрание, наличие альтернативных источников информации, право на свободные ассоциации⁵⁴¹. Автократия буквально означает всевластие одного политического актора – автократора. С другой стороны, такая модель допускает выделение подтипов демократий и автократий, что вполне соответствует функциональному (полихотомийному) подходу к политическому режиму в настоящей диссертации. Г. Таллок, внесший в широкий научный оборот категорию автократии, под ней больше понимал современный режим, функционирующий на основе власти автократа и его приближенных (коалиции), а также института преемника⁵⁴². Даль же выделил полиархии (включенность граждан в конкурентный политический процесс и участие), конкурентные олигархии (соперничество элит без граждан), открытые гегемонии (включенность населения в неконкурентный политический процесс) и закрытые гегемонии (отсутствие политической конкуренции и включенности граждан в политику)⁵⁴³.

Российский политолог Г.В. Голосов, опираясь на фундаментальные труды Даля и Таллока, дает вполне реалистичную классификацию современных политических режимов, деля их на либеральные демократии,

---

⁵³⁹ Gallup J. Guide to Public Opinion Polls. Princeton: Princeton University Press, 1948. P. 11-15.

⁵⁴⁰ Юдин Г.Ю. Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Изд. Европ. ун. в Санкт-Петербурге, 2020. С. 139-147, 170-171.

⁵⁴¹ Даль Р. Демократия и ее критики. /Пер. с англ. М.: РОССПЭН. 2003. С. 341-342.

⁵⁴² Tullok G. Autocracy. Hingham: Kluwer Academic Publ. 1987. P. 164.

⁵⁴³ Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом ВШЭ. 2010. С. 12-23.

электоральные демократии, электоральные автократии и собственно автократии⁵⁴⁴ (последние относят к закрытому или консолидированному типу). К признакам либерально-демократического режима он относит представительное правление развитого уровня, сменяемость власти, обеспечение такой степени гражданских свобод, которая позволяет оппозиции конкурировать за власть без насилия и заговоров. Электорально-демократические режимы обеспечивают возможность смены власти посредством механизма выборов, однако не решают проблемы, связанные с реальными гарантиями свобод и прав граждан. Интересно, что либеральные и электоральные демократии выделяют и другие российские политологи⁵⁴⁵, отмечая в последних неустойчивую легитимность и недоверие к элитам. От собственно автократии электорально-автократический режим отличается тем, что выборные процедуры являются составным элементом его легитимации. Классическая (закрытая, неэлекторальная) автократия в этом не нуждается – у нее источником легитимности выступает партийный лидер, монарх, его преемник и их окружение (дополнительным легитимационным механизмом может являться идеократическая матрица – идеология либо религия). В этих трактовках политолог Голосов опирается на исследования⁵⁴⁶ Д. Кольера, С. Левицки, А. Шедлера, М. Богаардса.

Таким образом, Голосов предпочитает рассматривать разнообразные виды демократии и автократии, скептически относясь к идее выделения гибридного режима в качестве дополнительного, третьего типа. Но эта точка зрения не объясняет, почему все же появляются промежуточные, но устойчивые типы электоральных автократий (Россия, Иран, Турция, Казахстан) и электоральных демократий (Индия, ЮАР, Бразилия). Вероятно,

---

⁵⁴⁴ Голосов Г.В. Автократия, или Одиночество власти. СПб.: Изд. Европ. ун. в Санкт-Петербурге. 2019. С. 38-41; 118-125.

⁵⁴⁵ Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства: монография. М.: Юрайт. 2019. С. 29-34, 55.

⁵⁴⁶ Collier D., Levitsky S. Democracy «with Adjectives»: Conceptual Innovation in Comparative Research // *Word Politics*. 1997. Vol. 49. №3. P. 430-451; Schedler A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. №2. 37-50; Bogaards M. How to Classify Hybrid Regimes Defective Democracy and Electoral Authoritarianism // *Democratization*. 2009. Vol. 16. №2. P. 399-423.

что здесь играет роль эффект «цивилизационной раздвоенности»⁵⁴⁷, когда такие страны как Россия, Турция и др., несмотря на наличие собственного ценностного ядра (православного, исламского, индуистского и т.п.), ввиду исторической обусловленности, в основе своих политических режимов имеют «цивилизационный синтез», синтез Востока и Запада⁵⁴⁸. В этом плане более верным видится не подход С. Хантингтона, считающих их монолитными сущностями с границами в виде «разломов», а подход В.Л. Цымбурского⁵⁴⁹, предусматривающий: а) цивилизации (китайскую, иранскую, евроатлантическую, российскую («Остров Россия»); б) межцивилизационные «лимитрофы» в виде политических режимов, играющих на геополитических противоречиях цивилизационных центров; в) промежуточные «шельфы» – территории, в том числе и лимитрофных режимов, тяготеющие к определенным цивилизациям.

Гибриды, действительно, можно не выделять в особую категорию, однако элементы цивилизационной «гибридизации» различных политических режимов полностью отрицать, конечно, нельзя, – возможно, эффект такой гибридизации и появление сложных типов режимов объясним смешиванием традиционных и «нововластных» (сетевых) приемов легитимации⁵⁵⁰. Важно подчеркнуть, что существует шведский проект Факультета политических наук Гетеборгского университета V-Dem, ставший обширной и открытой политологической базой данных (с 1789 по 2019 гг.), включающей сравнительное исследование политических режимов по всему миру⁵⁵¹. V-Dem, как многомерный проект, в своей методологии учитывает два уровня: а) нормативный (фактические данные из официальных, правительственных

---

⁵⁴⁷ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, Алгоритм. 2004. С. 97; Бжезинский З. Великая шахматная доска. /Пер. с англ. О. Уральской. М.: АСТ. 2018. С. 190-193.

⁵⁴⁸ Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Институт философии РАН. 1995. С. 146.

⁵⁴⁹ Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа. 2011. С. 55.

⁵⁵⁰ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 331-332.

⁵⁵¹ About V-Dem. URL: <https://www.v-dem.net/en/about/> (дата обращения: 11.04.2020).

документов и конституций) и б) экспертный (задействование общепризнанных, а также собственных индексов, составляемых экспертами проекта). Политологическая экспертиза охватывает 202 страны, включает 6 основных исследователей, 17 руководителей проектов, свыше 30 региональных представителей (менеджеров), 170 страновых координаторов и ассистентов-исследователей, порядка 3 тыс. страновых экспертов.

Наибольший интерес представляет сравнительное исследование Regimes Of The World (или The RoW), руководителями которого являются эксперты V-Dem А. Люманн, М. Танненберг и С. Линдберг⁵⁵². RoW дает возможность проверить теоретическую модель Г.В. Голосова эмпирически, так как использует схожую классификацию политических режимов и опирается на институциональные требования к демократии Р. Даля. RoW делит все политические режимы на четыре группы, присваивая им баллы от 3 до 0, это:

а) либеральная демократия (кроме многопартийности действуют: защита индивидуальных свобод, либеральные принципы, верховенство закона, эффективный законодательный и судебный надзор за исполнительной властью, режиму присваивается 3 балла – Новая Зеландия, Германия, США);

б) электоральная демократия (при де-факто многопартийных выборах и свободе ассоциаций либеральные принципы и верховенство закона не соблюдаются, нет прозрачного правоприменения и равного доступа к юстиции, режиму присваивается 2 балла – ЮАР, Бразилия, Индия);

в) электоральная автократия (многопартийные выборы и легислатуры действуют де-юре, но не всегда де-факто, выборный процесс характеризуется разнообразными ограничениями на политическую конкуренцию, фильтрами и нарушениями, режиму присваивается 1 балл – Россия, Турция, Иран);

г) закрытая автократия (отсутствие многопартийных выборов парламента и главы государства либо есть значительные ограничения в существующей

---

⁵⁵² Lührmann A., Tannenber M., Lindberg S.I. Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes //Politics and Governance. 2018. Vol. 6. Iss. 1. P. 1-18. DOI: 10.17645/pag.v6i1.1214.

избирательной системе, режиму присваивается 0 баллов – Китай, Вьетнам, Саудовская Аравия, Куба).

Отделяют демократии от автократий индекс многопартийности *v2elmulpar* и показатель свободных и справедливых выборов *v2elfrfair*⁵⁵³. Разницу между либеральной и электоральной демократии помогает выявить целый набор подобных индексов: кроме *v2elmulpar* и *v2elfrfair* это индекс электоральной демократии *v2x_polyarchy*, либеральной демократии *v2x_liberal*, индексы доступности юстиции для мужчин (*v2clacjstm*) и женщин (*v2clacjstw*). Либеральная демократия начинается с показателя выше 3 баллов по индексу прозрачного правоприменения *v2cltrnslw*, *v2clacjstm*, *v2clacjstw* и выше 0,8 по *v2x_liberal*, электоральная демократия имеет более 0,5 по индексу *v2x_polyarchy* и более 2 балла по *v2elmulpar* и *v2elfrfair*. Тогда как отличие электоральной от закрытой автократии также определяет ряд индикаторов: *v2elmulpar* (выше 1 балла – электоральная) и переменная назначения главы правительства *v2expathhg* (каким образом глава правительства получил свой пост).

Деление на либеральные и электоральные демократии также признает и Freedom House. Проект ранжирует режимы на «не свободные», «частично свободные» и «свободные», однако ясной методологией данной трехуровневой шкалы не дается⁵⁵⁴. Также авторы проекта уклоняются от вопроса, какие из «частично свободных» режимов логично отнести к демократическим. Нет определенности и с параметром свободных и честных выборов. Иными словами, Freedom House, как и Polity IV, четко не отделяет демократические и автократические режимы.

Оттолкнувшись от условной классификации политических режимов RoW, разобьем мировые показатели, которые могут быть интересны с точки зрения осмысления уровня легитимности режима, на три группы – социально-

---

⁵⁵³ Подробное пояснение методологии и принципов исследования см.: Interactive Maps. URL: <https://www.v-dem.net/ru/analysis/MapGraph/> (дата обращения: 11.04.2020).

⁵⁵⁴ Freedom House. Freedom in the world 2016. Washington, DC: Freedom House. 2017. P. 1-11.

политические, цифровые и аксиологические. Такая классификация напрашивается по причине того, что отдельных политико-ценностных либо политико-цифровых индексов и показателей пока не существует. В меньшей степени будут волновать чисто экономические показатели. Начнем с социально-политических. Помимо рассмотренного экспертного проекта *Regimes Of The World* необходимо внимательно отнестись к политологическому проекту Центра систематического мира *Polity IV*, который завоевал определенное уважение среди академических кругов. Как и *RoW*, *Polity IV* использует идеи Р. Даля. Проект подразумевает под автократией режим подавления элитами конкурентного политического участия, при этом определяя демократичность режима исходя из наличия у него трех признаков: наличия конкурентных институтов, позволяющих гражданам выразить их политические предпочтения; ограничения исполнительной власти институционального уровня; гарантии равного и свободного политического участия.

С. Хантингтон давно отметил, что для стабильности любого политического порядка важна степень его институционализации – процесса, благодаря которому политические процедуры и организации приобретают устойчивость и значимость для населения. Хантингтон обращал внимание на такие стороны институционализации как адаптивность/ригидность, простота/сложность, автономность/подчиненность, раздробленность/сплоченность⁵⁵⁵. Переменная *POLITY* как раз определяет специфику режима и складывается из переменных институционализации – *AUTOC* и *DEMOC*, характеризующих наличие институтов, способствующих либо препятствующих соревновательному политическому участию. Показательно, что проект *V-Dem* доверяет этим переменным. *Polity IV* приводит классификацию режимов, в некотором плане похожую на шведскую

---

⁵⁵⁵ Хантингтон С. Политический порядок в меняющемся обществе. М.: Прогресс-Традиция. 2004. С. 36-41.

типологию RoW, выделяя⁵⁵⁶: а) полную демократию (10 баллов, – Новая Зеландия, Германия, Канада); б) демократию (диапазон в 9-6 баллов, – США, ЮАР, Индия); в) открытую анократию (5-1 баллов, – Россия, Украина, Мали), г) закрытую анократию (от 0 до – 5 баллов, – Турция); д) автократию (от – 6 до – 10 баллов, – Иран, Китай, Саудовская Аравия).

Анократия является на деле промежуточным, гибридным режимом, сочетающим элементы демократии и автократии⁵⁵⁷. В определенном отношении это обусловлено «цивилизационными синтезами». Строго говоря, авторы Polity IV, разбивая анократии на открытые и закрытые, не дают их четкие определения, что создает немалые трудности в эмпирической локализации данных типов политического режима. Отчасти открытые и закрытые анократии соотносятся с электоральными автократиями RoW. В то же время Polity высчитывает параметр «долговечности» режима (Regime Durability) и «постоянства» его политики. С Polity связан The State Fragility Index⁵⁵⁸ (Университет штата Мэриленд), где наибольшее любопытство представляют показатели легитимности и эффективности режима.

От эффективности функционирования политического режима часто зависит его стабильность, а следовательно, и легитимность, поэтому обратимся к методологии Worldwide Governance Indicators⁵⁵⁹. Индекс качества госуправления инициирован Всемирным банком и содержит шесть подиндексов: подотчетности госорганов и учета мнения граждан, отсутствия насилия и политической стабильности, эффективности работы правительственных органов, уровня качества закона, само верховенство закона, борьба с коррупцией. Высокие показатели политической стабильности

---

⁵⁵⁶ Polity IV Individual Country Regime Trends, 1946-2013. URL: <https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (дата обращения: 03.04.2020); INSCR Data Page. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (дата обращения: 05.04.2020).

⁵⁵⁷ Marshall M.G., Gurr R.T., Jaggers K. Political regime characteristics and transitions, 1800 - 2016. Data set users' manual. Center for Systemic Peace. 2017. P. 12-17. URL: <https://www.systemicpeace.org/inscr/p4manualv2016.pdf> (дата обращения: 30.03.2020).

⁵⁵⁸ Marshall M.G., Elzinga-Marshall G.C. Global Report 2017. Conflict, Governance, and State Fragility. Vienna, VA: Center for Systemic Peace. 2017. P. 44-51.

⁵⁵⁹ Worldwide Governance Indicators. URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/#home> (дата обращения: 08.08.2019).

в основном наблюдаются у двух типов режимов по RoW – либеральных демократий (Новая Зеландия, Канада, Австралия, Германия, США) и закрытых автократий (Вьетнам, Китай, Саудовская Аравия), наибольшие показатели эффективности также есть у либеральных демократий.

Маркером легитимации режима может быть состояние удовлетворенности гражданами своей жизнью, отсюда отдельный интерес для исследователя может представлять и социально-политический рейтинг World Happiness Report. Рейтинг счастья создается при участии ООН и Института Земли при Колумбийском университете⁵⁶⁰. Здесь учитываются: уровень ВВП, состояние гражданских свобод, коррупция, уверенность в завтрашнем дне и чувство безопасности, гарантия трудоустройства, институт семьи, уровень доверия, щедрости, сочувствия в обществе. Примечательно, что по ранжированию этот проект вполне адекватно воспроизводит соотношение мест в цифровых индексах, а также социально-политических рейтингах Worldwide Governance Indicators и The Global Competitiveness Index. Здесь также наиболее высокие показатели имеются у либеральных демократий. Данный индекс тоже, скорее, может быть адекватным инструментом при составлении общего индекса режимов.

Fragile States Index готовится политологическим изданием Foreign Policy и организацией The Fund for Peace, делясь на политические параметры (уровень делегитимации, криминал во власти, уровень общественных услуг, права человека, влияние на страну спецслужб, фактор элитного, кланового воздействия на общество, воздействие внешнеполитических акторов), социальные (уровень демографии, миграции, недовольные группы, эмиграционные процессы) и экономические (фактор экономической нестабильности, неравномерность экономических процессов)⁵⁶¹. В рейтинге страны делятся на четыре группы: красную (высокий, критический уровень

---

⁵⁶⁰ World Happiness Report. URL: <https://s3.amazonaws.com/happiness-report/2019/WHR19.pdf> (дата обращения: 10.04.2020).

⁵⁶¹ Fragile States Index. URL: <http://fundforpeace.org/wp-content/uploads/2019/04/9511904-fragilestatesindex.pdf> (дата обращения: 08.08.2019).

рисков), оранжевую (стабильность ниже среднего уровня), желтую (стабильность выше среднего уровня) и зеленую (хороший уровень стабильности). Одни из лучших показателей в 2019 г. – у тех же стран, которые были выбраны для сравнения (Новая Зеландия, США, Германия). Правда, не очень понятно, почему у России хуже место в рейтинге (74,7), чем у Мексики (69,7) и Украины (71,0), хотя во второй существуют явные проблемы с разгулом преступности, а в последней идет война и больше экономической нестабильности. Если Fragile States Index соотносить с RoW, то наилучшие показатели достаются снова либеральным демократическим режимам.

В социальном показателе The Sustainable Society Index для политологического исследования большим значением обладает политический подиндекс Good Governance. Готовит индекс Sustainable Society Foundation⁵⁶². Под устойчивым развитием создатели индекса понимают те процессы, которые не будут угрожать грядущим поколениям, принося пользу настоящим. Исходя из этого подхода в индексе учитываются 34 показателя, объединенные в следующие укрупненные параметры: социальный, экономический и экологический. Согласно индексу, высокие показатели снова у либеральных демократий.

Всецело состоянию демократии в государствах посвящен The Democracy Index, который готовит организация Economist Intelligence Unit⁵⁶³. Все 60 показателей интегрированы в пять групп: выборный процесс и уровень плюрализма, работа правительства, фактор политического участия, состояние политической культуры, уровень гражданских свобод. Результатом замеров становится ранжирование стран по четырем видам политических режимов: (авторитарный, гибридный, неполная демократия, полная демократия), отчасти перекликающихся с типологией RoW. Худшие показатели в 2019 г. у КНДР (1,08), Саудовской Аравии (1,93), КНР (2,27), что соответствует

---

⁵⁶² The Sustainable Society Index. URL: <http://www.ssfindex.com/ssi2016/maps2016/indicator7-9-2016/StatPlanet.html> (дата обращения: 03.04.2020).

⁵⁶³ Democracy Index. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info> (дата обращения: 03.04.2020).

закрытым автократиям, а одни из лучших у Новой Зеландии (9,26), Канады (9,22), Германии (8,68), что коррелирует с либеральными демократиями RoW и полными демократиями Polity IV. Неполные демократии в ЮАР (7,24), Индии (6,90), Бразилии (6,86) вполне соотносятся с электорально-демократическими режимами RoW. Украина, Мали, Турция определены гибридными режимами, при этом не до конца ясно, почему Россия имеет худший индекс по сравнению с Эсватини, Ираком и Зимбабве.

Теперь перейдем к цифровым показателям. Ключевым цифровым индексом, который будет нас интересовать, является Global ICT Development Index от Международного союза электросвязи (подразделения ООН). Он также является сложносоставным показателем, обращающимся к аспектам доступа населения к информационно-коммуникационным технологиям (далее – ИКТ), специфики их использования, информационной культуры (уровня владения практическими навыками с информационными технологиями)⁵⁶⁴. Самые высокие показатели у либеральных демократий (Новая Зеландия – 8,33, Австралия – 8,33, Германия – 8,39).

Цифровой показатель Networked Readiness Index, подготавливаемый международной бизнес-школой INSEAD и Всемирным экономическим форумом тоже сохраняет свою значимость для исследований⁵⁶⁵. Он включает 53 показателя, интегрированных в три базовые группы: существование условий для ИКТ (от правовой сферы до развития инфраструктуры), готовность государства, граждан и бизнеса к самим ИКТ (государственная информационная политика, госзатраты на связь, стоимость связи), масштаб использования ИКТ в государственном, общественном и частном секторах. Лучше всего с рейтингом также у либерально-демократических режимов.

Известным проектом является The UN E-Government Development Index от ООН. В нем просчитывается три параметра: распространенность и уровень

---

⁵⁶⁴ Global ICT Development Index. URL: <https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html> (дата обращения: 03.04.2020).

⁵⁶⁵ Networked Readiness Index. URL: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2016/networked-readiness-index/> (дата обращения: 03.04.2020).

интернет-услуг, уровень ИКТ, а также человеческий капитал⁵⁶⁶. Либеральные демократии (США, Австралия) имеют более высокие значения по сравнению с другими режимами, но не критично. Скорее, эти три цифровых показателя отражают в общем объективную картину и их можно учитывать при создании единого индекса легитимации политического режима. Рейтинг Freedom on the Net⁵⁶⁷, подготавливаемый Freedom House ранжирует политические режимы по трем уровням свободы интернета на три группы: «свободные», «частично свободные» и «несвободные», однако исследование охватывает далеко не все страны.

Примечательно, что исследование уровня доверия к искусственному интеллекту (Digital Government Benchmarking, проведенное консалтинговым центром Boston Consulting Group (BCG) в 2018 г.) выявило умеренную корреляцию поддержки государственного использования искусственного интеллекта с доверием к правительству. Согласно полученным данным, больше всего поддержка у внедрения таких технологий в Индии, Китае, Индонезии и Саудовской Аравии. Ученые из BCG отмечают, что это связано с высоким уровнем доверия к правительству в этих странах. И в самом деле, эти результаты можно сопоставить с замерами Edelman Trust Barometer в 2018, 2019 и 2020 гг., проведенные корпорацией Edelman⁵⁶⁸. Однако не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Digital Government Benchmarking выявило другую закономерность – чем больше коррупция в стране, тем больше доверия населения к внедрению технологий искусственного интеллекта в государственное управление и общественную жизнь. Данные, действительно, вполне соотносимы с исследованием

---

⁵⁶⁶ The UN E-Government Development Index. URL: <https://drive.google.com/file/d/1FZT5zDfTa-eyvPh9c1Zu1w51DoMOefw1/view> (дата обращения: 03.04.2020).

⁵⁶⁷ Freedom on the Net. URL: <https://freedomhouse.org/explore-the-map?type=fotn&year=2019> (дата обращения: 10.04.2020).

⁵⁶⁸ Edelman Trust Barometer 2018. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2018-10/2018_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_FEB.pdf (дата обращения: 02.04.2020); Edelman Trust Barometer 2020. URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf> (дата обращения: 02.04.2020).

коррупции (Corruption Perceptions Index, Transparency International, 2019 г.)⁵⁶⁹. Авторы проекта BCG предположили, что в таких странах, где высокий уровень коррупции, респонденты предпочитают больше доверять искусственному интеллекту, чем человеку, связанному с правительственными органами.

Аксиологических (ценностных) показателей мирового плана пока не так много. В основном состояние ценностей измеряют национальные социологические службы. Между тем, модель культурных трансформаций нидерландского социолога Г. Хофстеде включает несколько показателей, которые могут применяться в исследовании политических режимов. В основном, интерес представляет индекс дистанции власти (Power Distance Index) и показатель индивидуализма⁵⁷⁰. Первый определяет уровень иерархичности социума, состояние надзора и контроля со стороны режима, степень демократичности/автократичности последнего. В определенном смысле индекс дистанции коррелирует с индексом коррупции: некоторые работы⁵⁷¹ показывают, – чем больше этот показатель, тем сильнее коррупционные проявления.

Можно отметить, что самые высокие показатели по индексу индивидуализма есть у либерально-демократических режимов (США – 91, Австралия – 90, Канада – 80, Новая Зеландия - 79), наименьшие – у закрытых автократий (Китай, Вьетнам – 20), промежуточные есть у режимов с «цивилизационными синтезами» – электоральных демократий (ЮАР - 65, Бразилия - 30, Индия - 48) и электоральных автократий (Россия - 39, Турция – 37, Иран – 41). Небольшие значения по индексу дистанции власти есть у либеральных демократий. Эти эмпирические значения можно вполне

---

⁵⁶⁹ Carrasco M., Mills S., Whybrew A., Jura A. The Citizen's Perspective on the Use of AI in Government. BCG Digital Government Benchmarking. URL: https://image-src.bcg.com/Images/BCG-The-Citizens-Perspective-on-the-Use-of-Artificial-Intelligence-Mar-2019_tcm27-215068.pdf (дата обращения: 02.02.2019); Corruption Perceptions Index 2018. URL: <https://www.transparency.org/cpi2019?/news/feature/cpi-2019> (дата обращения: 10.04.2020).

⁵⁷⁰ Geert Hofstede. Dimension data matrix. URL: <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/> (дата обращения: 03.04.2020).

⁵⁷¹ McLaughlin E. Culture and Corruption: An Explanation of the differences between Scandinavia and Africa // American International Journal of Research in Humanities, Arts and Social Sciences. 2013. №13. P. 85-91.

соотнести с концептом А.А. Кара-Мурзы⁵⁷². Закрытые автократии дольше других режимов сохраняют корпоративно-дистрибутивную модель построения социальности с принципами корпоративного распределения, легитимизируемого через коллективные сообщества. Либеральные демократии же больше продвинулись к созданию общества потребления, легитимизируемого через апелляцию к защите прав индивидов. Электоральные демократии и автократии занимают в этой схеме типы режимов, подверженных разной степени разложения/сохранения корпоративно-дистрибутивной модели. Существование таких промежуточных типов политических режимов можно объяснить не «политической гибридизацией», а «цивилизационными синтезами» – результатом длительного контакта цивилизаций (в модели А.А. Кара-Мурзы), в том числе и колебательного, маятникового характера, когда режим, имея в своей основе ценности одной цивилизации, начинает ассоциировать себя с другой цивилизацией. Например, в модели «Похищения Европы» В.Л. Цымбурского⁵⁷³ Россия зависит от циклов европейской милитаристской активности, развиваясь между «европохитительскими» циклами (идентифицируя себя с Западом) и «евроазиатскими интермедиями» (отказываясь от западной идентификации). Возможно, такие закономерности стоит выявить в латиноамериканском, азиатском и африканском регионах.

Научный проект World Values Survey (WVS), давно уже заслуживший уважение со стороны академического сообщества, также может быть интересным, так как изучает две отдельные группы ценностей, которые измеряет наподобие показателей⁵⁷⁴. Это – ценности самовыражения/выживания и секулярные/традиционные ценности. По сути – это все те же архетипические бинарные оппозиции, которые были обозначены

---

⁵⁷² Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Институт философии РАН. 1995. С. 15-19.

⁵⁷³ Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа. 2011. С. 50-53.

⁵⁷⁴ World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 08.08.2019).

выше в настоящем исследовании. В самовыражении ученых интересуют нематериальные блага, права человека, свобода личности, толерантность, равноправие по гендеру, успех, тогда как в выживании – материальное благополучие, безопасность экономического и физического плана, конформизм, нетерпимость, условия формирования авторитарного режима. Среди секулярно-рациональных ценностей изучаются рациональное поведение, светский характер государства и небольшая роль религии, в кластере традиционных ценностей авторы проекта рассматривают религию и семью, уважение к власти, фактор социального конформизма. Глобальным проектом руководит американский политолог и социолог Р. Инглхарт, тогда как патронирует WVS организация World Values Survey Association. Проект опирается на основную гипотезу, согласно которой материальные ценности выживания и безопасности в ряде странах сменяются на постматериальные самовыражения⁵⁷⁵. В политической сфере это выражается в падении уважения к власти и политическим авторитетам как таковым, росте сопротивления государственному вмешательству, снижении поддержки прежних партий, появлении новых форм политического участия (вплоть до весьма экзотического плана – флэшмобов и т.п.), специфической секуляризации, не исключая повышение заинтересованности к высшим целям существования страны.

Совместить ценностные параметры с предыдущими показателями цифрового и социально-политического характера – крайне трудная, но требующая своего решения задача. Сочетая их, можно надеяться лишь на уточнение в общей модели, – сравнивая цифровую трансформацию разных режимов, нужно обращать внимание на те ценности, которые актуальны среди населения. Из первого ценностного показателя WVS по 2014 г. видно, что к самовыражению тянутся жители Новой Зеландии (1,8), США (1,1), Германии (0,7). Здесь политические режимы, скорее, могут опереться на существующие

---

⁵⁷⁵ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества //Полис. Политические исследования. 1997. №4. С. 6-23.

ценности, в том числе и протестантского характера, связанные с традициями лютеранства и кальвинизма, где отдается предпочтение не коллективному, а индивидуальному спасению человека. Не случайно социальные сети и феномен цифрового аватара, индивидуальных аккаунтов появились именно в этих странах. Поэтому и политический режим здесь старается проникнуть в социальные сети, а политики – первыми обзавестись личными страницами и виртуальными сообществами поддержки. На ценностях выживания население сосредоточено в России (- 1,2), Китае (- 1,0), Украине (- 1,4).

Политико-аксиологическими свойствами обладает индекс Freedom Of Religion, разработанный С.-Э. Скаанингом и рассчитываемый по методологии экспертного проекта V-Dem, инициированного Гетеборгским университетом. Свободу религий авторы индекса измеряют в баллах от 0 до 4, определение которого зависит от степени конфликтности власти и религиозных организаций⁵⁷⁶. Заметно, что наилучшие показатели есть у либеральных демократий, а наихудшие у закрытых автократий.

Итак, наилучшими социально-политическими и цифровыми показателями из режимов обладают либеральные демократии. Весьма примечательно, что закрытые автократии стараются не отставать от либеральных демократий с сильным разрывом в цифровых показателях, используя преимущества цифровизации для собственной легитимации. Но цифровизация дает для власти не только новые возможности (интерактивность, мультимодальность, «обратная связь» с гражданским обществом, электронная демократия, эффективность предоставления государственных услуг, имидж-позиционирование ведущих политиков), но и создает определенные риски (хакерство, взлом государственных порталов, дестабилизация политической обстановки сетевыми радикальными сообществами, фейки, утечка конфиденциальных данных). Перспективной моделью для интерпретации схожих и специфических приемов сетевой

---

⁵⁷⁶ Freedom Of Religion. URL: <https://www.v-dem.net/ru/analysis/MapGraph/> (дата обращения: 10.04.2020).

легитимации демократий и автократий представляется концепт «вызова-и-ответа» А. Тойнби.

Применяя концепт Тойнби «вызова-и-ответа» к анализу современных общественных процессов, можно предположить, что прочность легитимности политических режимов зависит от способности их политических элит найти адекватные «ответы» на «вызовы» цифровизации сетевого общества. При этом цифровизация становится «зонтичным» процессом, проникая в политические, социально-экономические и культурные сферы, усиливая их взаимозависимость. Масштаб «вызовов» определяет характер стимулов для развития политического режима. «Стимул суровых стран» заставляет политические режимы в неблагоприятной климатической, геополитической обстановке искать оригинальные решения в плане своей витальности. Автократии как раз формируются в таких условиях. Принцип неожиданного «стимула ударов» означает, что чем сильнее «вызов», тем сильнее стимул по решению проблемы⁵⁷⁷. Но превышение силы «вызова» сверх допустимого порога приводит к «снижающему возврату» – снижению эффективности «ответа» со стороны режима. Примером здесь служит эффект перенапряжения людских и материальных ресурсов Советским Союзом во время холодной войны и одновременной Афганской кампании. Другим примером таких режимов могут быть демократии и автократии электорального типа, когда неуправляемая цифровизация может вызвать дестабилизацию режима, перевороты.

Политические режимы, испытывающие постоянный «стимул давлений», становятся «форпостами»⁵⁷⁸ группы из «тыловых» режимов. «Форпосты» и «тылы» могут составлять цивилизации. «Стимул ущемления» характеризуется компенсацией режимом своих недостатков – этим феноменом можно объяснить причину обращения автократий к цифровым приемам. Тойнби

---

⁵⁷⁷ Тойнби А. Дж. Постигание истории. /Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Академический проект. 2019. С. 189-193.

⁵⁷⁸ Там же. С. 192.

допускает перенос внешних «вызовов» во внутренние, поэтому важнейшим элементом его концепта является функция политической элиты, которую он называет «правлящим меньшинством». Параллельное существование «правлящего» и «творческого» меньшинства в некотором плане напоминает модель гегемонии А. Грамши. Согласно Тойнби, «правлящее меньшинство» наиболее подвержено внешним влияниям, в том числе ценностным. Функциональность элиты, ее готовность сопротивляться «вызовам» Тойнби связывает с рядом аксиологических процессов⁵⁷⁹ – а. «ухода-и-возврата» (способность элиты аскетически ограничить себя ради общего блага, применить мимесис для сплочения общества вокруг единой цели, идеи); б. «раскола-и-палигенеза» (конфликт между элитой и большинством должен привести к ее «внутреннему возрождению», иначе режим ждет коллапсирование); в. «спада-и-оживления» (маятниковое, цикличное развитие режима, когда элита начинает применять технологии, нацеленные на его поддержание и укрепление).

В результате воздействия ценностно-цивилизационных, климатических, политических, социально-экономических и других «вызовов» в прошлом складывается элита демократического либо автократического характера. Отсюда можно предположить, что каждый политический режим, завися от природы элиты, старается укрепить свою легитимность в обществе разными стратегиями цифровизации: демократии – посредством поддержания «политического поля», автократии – через контроль «зоны власти». Две последние дефиниции активно применяются у современных российских политологов⁵⁸⁰. «Политическое поле» означает целенаправленную политизацию разных проблемных сфер жизни граждан (от экономики до культуры) для публичного обсуждения возможных путей решения

---

⁵⁷⁹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. /Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Академический проект. 2019. С. 343; 437; 603.

⁵⁸⁰ Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2019. С. 8-9.

существующих вопросов через принцип вовлечения индивидов в механизм постоянной делиберации. Демократические режимы, используя «политическое поле», допускают использование цифровых платформ для массового публичного обсуждения текущей политической повестки, легитимируя тем самым свое существование через не-господство и принципы эмпауэрмента – коллективного наделения граждан властью и управления. Либеральные демократии предполагают стратегию эмпауэрмента как генерирования власти «снизу» не только через сообщества, но и через индивидов. Что обусловлено тем, что в условиях либерально-демократических режимов раньше началась маркетизация общества⁵⁸¹, прошел демонтаж института социального гражданства с его опорой на welfare – социальную справедливость, профсоюзы, массовые партии и коллективные идентичности. Эмпауэрмент подразумевает развитие у граждан таких компетенций, как способность к действиям, изменению своей среды⁵⁸².

Основой либеральных демократий стало либеральное гражданство с индивидуальными идентичностями (связаны с цифровой аватаризацией) и фигурой самоответственного гражданина-потребителя. Консьюмеризация политического процесса приводит в либеральных демократиях к возникновению посредника между гражданином и государством в виде частных компаний, предоставляющих услуги. Прежние обязательства между государством и гражданином разрываются. Либеральные демократии сохраняют стратегию на развитие гражданского общества для лучшей консолидации своих режимов и противостояния переворотам⁵⁸³.

Напротив, автократии выбирают стратегию «зоны власти» – целенаправленную деполитизацию проблемных сфер общества, предполагающую избегание от публичного обсуждения актуальной

---

⁵⁸¹ Массовая политика: институциональные основания. /Под ред. С.В. Патрушева. М.: Полит. энци. 2016. С. 95, 105-117, 248.

⁵⁸² Структуры господства, граждане и институты. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Полит. энци. 2020. С. 209.

⁵⁸³ Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки диктатуры и демократии. /Пер. с англ. С.В. Моисеева. М.: Изд. дом ВШЭ. 3-е изд. 2020. С. 57.

политической повестки, в том числе и на популярных цифровых платформах. «Зона власти» в отличие от «политического поля» характеризуется личными договоренностями элиты, поощряет патерналистские настроения граждан, смещает «политическое» с сферу «административного». Это не значит, что стратегия эмпауэрмента здесь полностью невозможна. У нее есть специфика. Во-первых, такой эмпауэрмент незначителен (и ему не доверяют власти), а, во-вторых, он реализуем только через сообщества с коллективными идентичностями. Технократическая деполитизация применяется автократиями как форма режимной легитимации (искусственный интеллект, электронное правительство, цифровые приложения) и совмещается с политикой господства – навязыванием правил и типа социальных отношений без учета интересов объекта управления.

Разделение на «политическое поле» и «зону власти» вполне укладывается в практику функционального подхода к политическому режиму, один из основателей которого, учредитель Американской Ассоциации политической науки и ее первый президент Ф.Дж. Гуднау четко различал функции политики и функции государственного администрирования⁵⁸⁴. То, что либеральные демократии во многом в своей легитимации активней развивают сетевые практики «политического поля», обусловлено доминированием в них ценностей индивидуализма, самовыражения и небольшой дистанцией между обществом и властью. Причину того, что закрытые автократии больше используют «зону власти» вполне возможно объяснить существующими там ценностями коллективизма, безопасности и большей дистанции между обществом и властью. Это эмпирически подтверждают сравнительные исследования ценностей Г. Хофстеде и Р. Инглхарта.

Медианным звеном между либеральными демократиями и закрытыми автократиями являются электоральные демократии и электоральные автократии. Представители двух последних разновидностей режимов

---

⁵⁸⁴ Goodnow F. Politics and Administration: A Study in Government. N.Y.: The Macmillan Company, L Macmillan & CO., Ltd. 1900. P. 23 -46.

допускают совмещенные стратегии «поля» и «зоны». Для этого явления уже подобран термин «мерцающего протополитического поля»⁵⁸⁵, когда гражданские объединения имеют периодический, а не систематический характер. И, если демократические режимы ориентированы на политизацию общественного дискурса, то автократии, напротив, в качестве легитимационной технологии предпочитают применять деполитизацию социума⁵⁸⁶. Деполитизация проявляется в целенаправленном переносе типично политических проблем в сферу администрирования, качества, эконометрических показателей. Экспертный дискурс вытесняет дискурс народных трибунов. Политизацию при этом не стоит считать неким спонтанным процессом, находящимся вне субъект-объектных отношений. Гражданская вовлеченность, активность и гражданский мониторинг органов власти при демократиях все же достигает юридических, медийных, ценностных и иных рамок своей политизации. Самый элементарный механизм политизации при демократиях – это передача принятия политических решений выборным лицам, подотчетным гражданам. Но даже в этом простом механизме избирательная система и законодательство ограничивает политизацию всех вопросов общественной жизни. Скорее, можно говорить о манипуляциях и управлении политизацией в демократических режимах при сохранении феномена «доминирующих партий» (о чем будет говориться в соответствующем параграфе). Также политизация предполагает уход от административных приемов в сторону экспансивного расширения коммуникативных каналов власти и населения⁵⁸⁷, однако коммуникационное изобилие не равно высокому уровню участия граждан в механизме разработки и принятия политических решений⁵⁸⁸. Публичная политика вообще может

---

⁵⁸⁵ Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2018. С. 183.

⁵⁸⁶ Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2018. С. 48-49.

⁵⁸⁷ Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление: Монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА. 2016. С. 13.

⁵⁸⁸ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ. 2015. С. 90.

быть сведена до решения не стратегических, а утилитарных задач местного сообщества. Поэтому считать либеральные и электоральные демократии неким идеальными в социально-политическом отношении режимами, а электоральные и закрытые автократии лишь их противоположностями – не совсем корректно.

Автократии являются специфическими режимами, которым присуще: а) обусловленное исторически сохранение сильного института главы государства; б) преобладание ценностей безопасности над либерально-демократическими ценностями свободы, уважение традиционной культуры; в) приоритет суверенитета и независимости от других режимов. Автократиям больше присуща нисходящая легитимация от властного центра, не допускающего политизацию различных социально-экономических проблем. Тогда как демократии в условиях плюрализма вынуждены учитывать восходящую легитимацию со стороны политических сообществ, допуская, но стараясь контролировать саму политизацию.

Более ранние исследования диссертанта показали, что либеральные демократии получают отчетливый постдемократический характер, закрытые автократии сохраняют идеократическую основу, а электоральные автократии и электоральные демократии больше соотносятся с тем, что политологи называют имитационными демократиями⁵⁸⁹. Постдемократии, будучи развитыми в технологическом и экономическом плане, практикуют маркетинговые технологии в управлении массовым сознанием. Поощряемое постдемократиями коммуникационное изобилие и активный политический дискурс воспроизводят их легитимационную опору на стратегию эмпауэрмента, активного гражданского участия. И все же наблюдаются специфические явления для демократии – ориентация постдемократических режимов на принципы сенсационности, скандальности, медиакратии, медиалогии, политического шоу, «общества спектакля» Дебора. Элиту

---

⁵⁸⁹ Федорченко С.Н. Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии: монография. М.: ИИУ МГОУ. 2018. С. 138, 158-159, 170.

постдемократий больше интересует коммерциализация жизни, чем полноценная политическая активность⁵⁹⁰: происходит превращение партий в настоящие электоральные машины, связанными с экспертными группами.

Идеократия, сохранившись в виде символическо-легитимационной опоры закрытых автократий на традиционные ценности, религию, идеологию, получила концептуализацию в ряде отечественных и зарубежных работ⁵⁹¹. Так, евразийцы опирались в своих рассуждениях на «идею правительницу», согласно которой благо народов возможно в условиях автаркии и преданности элиты данной модели. В настоящее время идеократия используется легитимационными практиками автократических режимов, подразумевая сохранение сакрального, цивилизационного ядра, приоритет ценностного, нематериального, идеологического над материальным, коммерческим.

Электоральные автократии и демократии можно отнести к так называемым имитационным режимам⁵⁹², которые практикуют совмещенные легитимационные практики – выборные от демократий и силовые от автократий. В некотором плане имитационную схему объясняет модель эквилибрума – незавершенной политической модернизации и медленного демократического транзита⁵⁹³. Имитационные режимы сохраняют высокие риски легитимационных кризисов: ряд вводимых модернизаций в системе управления, образования, электронного правительства является, скорее, попыткой соответствовать международным рейтингам, системам, индексам, добиться признания со стороны постдемократий. В результате имитационные режимы попадают в зависимость от внешней легитимации постдемократий

---

⁵⁹⁰ Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом ВШЭ. 2010. С. 10-19.

⁵⁹¹ Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства //Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф. 2000. С. 517-521; Гончаров Е.А. Евразийская идеократия //Теория и история. 2005. № 2. С. 170-174; Piekalkiewicz J., Penn A.W. The Politics of Ideocracy. New York: State University of New York Press. 1995. P. 25; Griffin R. The legitimizing role of paligenetic myth in ideocracies //Totalitarismus und Demokratie. 2012. №9. P. 39-56.

⁵⁹² Furman D. The origins and elements of imitated democracies. On political developments in the postSoviet space //Osteuropa: The Europe beyond Europe (Autumn). 2007. P. 205-244; Карпец В. Преодоление «имитационной демократии» //Политический журнал. 2007. №29. С. 26-29.

⁵⁹³ Бусыгина И.М. Как российский политический режим доказывает свою привлекательность //Отечественные записки. 2013. №6(57). С. 37-43.

(либеральных демократий), одновременно отходя от своих прежних идеократических основ.

Закрытые автократии, являясь, по сути, идеократиями, в условиях цифровизации стараются сохранить свое ценностное ядро, апеллируя к своей цивилизационной, религиозной или идеологической специфике для дополнительной легитимации (Саудовская Аравия, Таиланд, Китай, Куба). При этом электоральные автократии испытывают большое влияние от западных режимов и секуляризации: сохранив «цивилизационный синтез», утратив идеократичность и одновременно не доверяя выборным механизмам для своей легитимации (Россия, Турция, Казахстан, Мьянма, Украина).

Разница между режимами, как показывают работы Ф.И. Тютчева, Н.Я. Данилевского, М. Вебера, В.Л. Цымбурского, А.А. Зиновьева, А.С. Панарина, С. Хантингтона, проекты Г. Хофстеде и Р. Инглхарта, тесно связана с цивилизационными различиями. А.С. Панарин, переосмысливая работы П. Бурдьё, пишет о габитусе как о согласовании практик человека с коллективной памятью и коллективными целями, обусловленных цивилизационно. Либерально-демократические режимы, их отличия во многом определены цивилизационным компонентом Запада и его протестантскими (индивидуального спасения, активным образом жизни) и, отчасти, католическими традициями, габитусом гражданского общества из свободных индивидов.

Автократии же до сих пор стараются апеллировать к габитусу целостного народа⁵⁹⁴. Поэтому согласие, как цель легитимации, может иметь в демократиях и автократиях свою специфику. Каковы истоки этого? Интересно, что само понятие «политического» отличается в цивилизациях Запада и Востока: если, к примеру, либеральные демократии исходят из западного разделения «государственного» и «политического» (о чем метко

---

⁵⁹⁴ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, Алгоритм. 2004. С. 139, 170; Сморгун Л.В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. М.: РОССПЭН. 2007. С. 70.

заметил К. Шмитт⁵⁹⁵), «общественного», то в Китае есть специфика (само китайское слово «государство» состоит из иероглифа guo (государство как политическая организация) и иероглифа jia (семья – основа государства как социальной организации⁵⁹⁶). В восточных цивилизациях жесткого противопоставления государства и общества нет. Еще Ф.И. Тютчев отмечал не только существование западной цивилизации с институтами представительной власти, но и связывал ее с постреволюционным феноменом индивидуалистической «публики» (выразителем мнения)⁵⁹⁷. На этом основана современная модель эмпауэрмента либеральных демократий – эмансипации граждан через расширение их возможностей в овладении властью на фоне противопоставления гражданского общества и государства⁵⁹⁸. В автократиях же такого противопоставления нет, а критически настроенные группы, нацеленные на взятие власти, классифицируются как де-эмпауэрмент⁵⁹⁹. Задолго до О. Шпенглера Н.Я. Данилевский писал о европейском (западном) культурно-историческом типе, объясняющего цивилизационное единство западной элиты. На примере США он показал связь историко-географических условий со спецификой политического устройства страны, считая, что тамошняя демократия, научно-технический характер общества были обусловлены отсутствием серьезных врагов и соответствующей против них сплоченности. Россия же, наоборот, вынуждена была сохранять «политическое могущество» – едиnodержавный характер и приоритет коллективного над частым, чтобы справиться с внешними противниками⁶⁰⁰. Что вполне соотносится с моделью «вызова-и-ответа» А. Тойнби. Другими словами, специфика современных автократий и демократий исторически обусловлена ценностными, цивилизационными отличиями.

---

⁵⁹⁵ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца. 2016. С. 298.

⁵⁹⁶ Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М.: Русайнс. 2015. С. 27-28.

⁵⁹⁷ Тютчев Ф.И. Россия и Запад. Изд. 2-4. М.: Инст. русск. цивил., Родная страна. 2016. С. 101-107.

⁵⁹⁸ Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука. 2019. 254, 312.

⁵⁹⁹ Массовая политика: институциональные основания. /Под ред. С.В. Патрушева. М.: Полит. энц. 2016. С. 57, 71.

⁶⁰⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм. 2018. С. 303, 337, 516-517.

Анализ автором 40 стран показал, что во время пандемии COVID-19 либеральные демократии (США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия) вводили даже более разнообразные технологии цифрового контроля населения, чем закрытые автократии (Китай, Саудовская Аравия, Куба, Таиланд, Сирия) – от дронов до распознавания лиц и слежки через госсервисы⁶⁰¹. В условиях пандемии возник «эффект храповика», когда либеральные демократии (постдемократии) стали более активно пользоваться приемами цифрового контроля передвижения населения, не спеша эти приемы отменять. В этом плане демократические свободы перестали являться основным мериллом разграничения автократий и демократий. Подтверждением этого тезиса являются работы А.А. Зиновьева⁶⁰², по мнению которого западные «клеточки» (организации, институты), как «деловые машины», не отрицают жесткую дисциплину, ориентированы на предельную деловую рационализацию с индивидуалистическим приоритетом «Я» над «Мы», тогда как незападные «клеточки» коллективистски ориентированы на общие социальные проекты и приоритет «Мы» над «Я». Вероятно, по этой причине Зиновьев отвергает вариант конвергенции между западным и незападными мирами.

С. Хантингтон также противопоставлял различные цивилизации (западную, православную, синскую, японскую, индуистскую, латиноамериканскую, африканскую, исламскую)⁶⁰³, но, по справедливому замечанию В.Л. Цымбурского, его жесткого противопоставления цивилизаций с одновременным аморфным портретом «западной идентичности» не было достаточно для глубокого анализа. Для уточнения хантингтоновской модели Цымбурский вводит категорию «Великого Лимитрофа» – межцивилизационной полосы из стран, от состояния которой зависят

---

⁶⁰¹ Федорченко С.Н. Автократия в цифровой вселенной: перспективы и угрозы политической легитимации //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №4. С. 12-24. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/41339/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁶⁰² Зиновьев А.А. Запад. М.: Алгоритм, Эксмо. 2007. С. 433-435.

⁶⁰³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. /Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ. 2018. С. 55-59.

цивилизации (для Запада – восточноевропейские страны, для России – ее окружение, для Китая – центрально-азиатские страны и т.п.)⁶⁰⁴. Вполне возможно, что соперничество за влияние над политическими режимами «лимитрофной», междоцивилизационной зоны обостряют отношения автократий и демократий. Противоречия между демократиями и автократиями сохраняются по той причине, что, цивилизационно концентрируясь вокруг идентичности Запада и желая сохранить геополитическое господство для доступа патронируемых ими корпораций к сырьевым базам⁶⁰⁵, либерально-демократические режимы навешивают на автократические делегитимационный ярлык недемократических систем, архаичных, а значит, и опасных.

Другими словами, либеральные демократии (постдемократии) противопоставляют себя автократиям в рамках дихотомии «цивилизация – варварство»⁶⁰⁶, наклеивая на режимы, где не распространены западные ценности, ярлык догоняющих моделей и аутсайдеров. Хотя данная позиция не отражает объективные причины возникновения разнообразных политических режимов. Такая постоянная геополитическая игра, с одной стороны, воспроизводит цивилизационное ядро либерально-демократических режимов (США, Великобритания, Австралия, Канада и др.), а, с другой, актуализирует у автократий (Китай, Россия, Турция, Иран и др.) обращение к своим отличным от Запада цивилизационным истокам.

Демократии и автократии рассматривают соседние режимы и свои лимитрофные окружения исходя из сложившихся собственных политических традиций легитимации: автократической деполитизации оговоренной «зоны власти» или допустимой демократической политизации активного «политического поля». Это вполне соотносится с принципами фрактальности – нацеленностью режимов на конструирование политического самоподобия. В

---

⁶⁰⁴ Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом. М.: Эдиториал УРСС. 2000. С. 14-17.

⁶⁰⁵ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, Алгоритм. 2004. С. 123-129.

⁶⁰⁶ Спиридонова В.И. Оппозиция «цивилизация – варварство», ее истоки и эволюция //Философские науки. 2020. Т. 63. №2. С. 27-45. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-2-27-45.

силу фрактального характера власти демократии и автократии воспроизводят внешние (по отношению к другим режимам) и внутренние (в отношении своего населения) легитимационные практики. Автократические приемы связаны с недоверием элиты к активности человека, ее стремлением данную активность ограничить⁶⁰⁷, как фактор своей делегитимации. Ряд легитимационных практик автократий можно связать с тем, что М.Я. Гефтер называл «социумом власти» – плотным переплетением социального, государственного⁶⁰⁸, обусловленным историческими, цивилизационными причинами. Демократии же не просто разрешают публичную активность, а скорее, стремятся контролировать ее политизацию через институты государства, партий, политических лидеров, не допустив радикалов и своей делегитимации. Сохраняется конкуренция, равновесие власти и анти-власти (гражданского общества)⁶⁰⁹.

Параллельное существование разных типов демократий и автократий показывает недостатки гипотезы третьей волны демократизации С. Хантингтона и провал теории транзита. В чем же причина этого? Во-первых, существует так называемый «коридор постиндустриального развития» (ценностные, политические, информационно-коммуникационные и социально-экономические компоненты), через который проходят политические режимы, однако не все из них развиваются с одинаковыми скоростями⁶¹⁰. Во-вторых, политический режим не может быстро изменить свою основу – политическую культуру. Игнорирование элитой как субъектом власти политико-культурной и фрактальной природы своего же режима может заставить его возвратиться к освоению пропущенных социально-политических аттракторов. Что, в свою очередь, в терминологии А. Тойнби

---

⁶⁰⁷ Арендт Х. *Vita Activa, или О деятельности жизни*. /Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс. 2017. С. 279.

⁶⁰⁸ Гефтер М.Я. *Из тех и этих лет*. М.: Прогресс. 1991. С. 373-374.

⁶⁰⁹ *Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса*. /Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН. 2010. С. 238.

⁶¹⁰ Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. *Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства: монография*. М.: Юрайт. 2019. С. 54-55.

создает делегитимационные риски «раскола-и-палигенеза» и деградации цивилизационного ядра политического режима⁶¹¹. И демократиям, и автократиям свойственна маргинализация власти в отсутствии ее регулярной ротации⁶¹². Худшим сценарием такой маргинализации, согласно оценке Х. Арендт⁶¹³, будет нагнетание атмосферы взаимного недоверия с полной изоляцией политика от населения и самих граждан друг от друга.

Отберем наиболее значимые для настоящего исследования мировые социально-политические, цифровые и аксиологические рейтинги, чтобы предложить собственный Индекс легитимации политического режима – показатель разнообразия применяемых властями легитимационных практик. В качестве матрицы Индекса легитимации политического режима (далее – ИЛПР) учитывается показатель институционализации. Институционализация демократии и автократии рассчитывается согласно показателям двух переменных DEMOS и AUTOS проекта Polity, где 0 баллов – самая низкая степень институционализации, а 10 – наиболее высокая. Координация в рамках дихотомии «демократия – автократия» является чрезвычайно важным уточнением, так как одни и те же значения, которые могут рассматриваться для демократических режимов легитимационными, для автократических режимов могут выступать делегитимационными⁶¹⁴. ИЛПР рассчитывается простым сложением баллов по следующим семи показателям:

1) стабильность, рассчитывается по Worldwide Governance Indicators (присваивается 3 балла – показатели от 60 до 100, 2 балла – от 10 до 60, 1 балл – от 0 до 10);

---

⁶¹¹ Иванов А.В. Социальный ортогенез: моногр. 2-е изд. М.: Юрайт. 2018. С.

⁶¹² Сафронов А.П. Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения. М.: Алгоритм. 2018. С. 212.

⁶¹³ Арендт Х. Vita Activa, или О деятельности жизни. /Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс. 2017. С. 255.

⁶¹⁴ Сильное изменение значений переменных (на 2-3 балла) при следующем замере проекта Polity будет рассматриваться как трансформация режима, влекущая за собой риски делегитимации.

2) эффективность, рассчитывается по Worldwide Governance Indicators (присваивается 3 балла – показатели от 60 до 100, 2 балла – от 10 до 60, 1 балл – от 0 до 10);

3) счастье, удовлетворенность жизнью, рассчитывается по World Happiness Report (присваивается 3 балла – показатели от 7 до 10, 2 балла – от 4 до 7, 1 балл – от 0 до 4). Этот чрезвычайно важный показатель во многом может помочь осмыслить уровень гармонии, согласия между обществом и государством (низкая удовлетворенность жизнью, как правило, связана с недоверием к власти и низким уровнем согласия между ней и гражданами);

4) уровень информационно-коммуникационного развития, рассчитывается по Global ICT Development Index (присваивается 3 балла – показатели от 7 до 10, 2 балла – от 4 до 7, 1 балл – от 0 до 4). Развитие интернет-коммуникаций важно для любого современного режима;

5) интернет-цензура, рассчитывается по Freedom on the Net (либеральным и электоральным демократиям присваивается 3 балла – показатели от 70 до 100, 2 балла – от 40 до 70, 1 балл – от 0 до 40, электоральным и закрытым автократиям наоборот: 3 балла – от 0 до 40, 2 балла – от 40 до 70, 1 балл – от 0 до 40). Демократиям важно легитимировать себя, сохраняя «политическое поле» с низким порогом цензуры, тогда как автократии не могут от нее отказаться, оставляя за собой контроль над «зоной власти»;

6) политическая дистанция, рассчитывается по Dimensions of national cultures, Power Distance Index (либеральным и электоральным демократиям присваивается 3 балла – показатели от 0 до 40, 2 балла – от 40 до 70, 1 балл – от 70 до 100, у электоральных и закрытых автократий наоборот: 3 балла – от 70 до 100, 2 балла – от 40 до 70, 1 балл – от 0 до 40). Если демократии свою легитимность выстраивают на основе «политического поля» – ценностей низкой дистанцированности граждан от власти, то автократии стараются сохранить высокую дистанцированность граждан от «зоны власти»;

7) уровень ценностей самовыражения и выживания, рассчитывается по World Values Survey (либеральным и электоральным демократиям

присваивается 3 балла – показатели от 2,5 до 1, дается 2 балла – от 0 до 1, дается 1 балл – от – 2,5 до 0, электоральным и закрытым автократиям – наоборот). С одной стороны, постматериальные ценности самовыражения легитимируют демократии, с другой – материальные ценности выживания больше легитимируют автократии.

Слагаемые ИЛПР учитывают авторскую модель классификации легитимации политического режима, где выделяется технологический, персональный, институциональный и ценностный уровни.

Из взятых 19 разных политических режимов (таблица 1) отберем 12, у которых есть данные по всем перечисленным семи показателям для расчета ИЛПР (диагр. 4).

Таблица 1. Показатели, применимые к анализу политического режима и его классификациям

показатели \ страны	Новая Зеландия	Австралия	Канада	Германия	Италия	США	ЮАР	Бразилия	Мексика	Индия	Киргизия	Мали	Россия	Украина	Турция	Иран	Вьетнам	Китай	Саудовская Аравия
Социально-политические показатели																			
Regimes of the World, тип режима, Selected Indicators, 2016	либеральная демократия (3)	либеральная демократия (3)	либеральная демократия (3)	либеральная демократия (3)	либеральная демократия (3)	либеральная демократия (3)	электоральная демократия (2)	электоральная демократия (2)	электоральная демократия (2)	электоральная демократия (2)	электоральная демократия (2)	электоральная автократия (1)	электоральная автократия (1)	электоральная автократия (1)	электоральная автократия (1)	электоральная автократия (1)	закрытая автократия (0)	закрытая автократия (0)	закрытая автократия (0)
Polity, 2018, тип режима, индекс Polity	полная демократия (10)	полная демократия (10)	полная демократия (10)	полная демократия (10)	полная демократия (10)	демократия (8)	демократия (9)	демократия (8)	демократия (8)	демократия (9)	демократия (8)	открытая анократия (5)	открытая анократия (4)	открытая анократия (4)	закрытая анократия (-4)	автократия (-7)	автократия (-7)	автократия (-7)	автократия (-10)
Polity, 2018, тип режима, индекс институционализации демократии	полная демократия (10)	полная демократия (10)	полная демократия (10)	полная демократия (10)	полная демократия (10)	демократия (8)	демократия (9)	демократия (8)	демократия (8)	демократия (9)	демократия (8)	открытая анократия (6)	открытая анократия (5)	открытая анократия (5)	закрытая анократия (4)	автократия (0)	автократия (0)	автократия (0)	автократия (0)

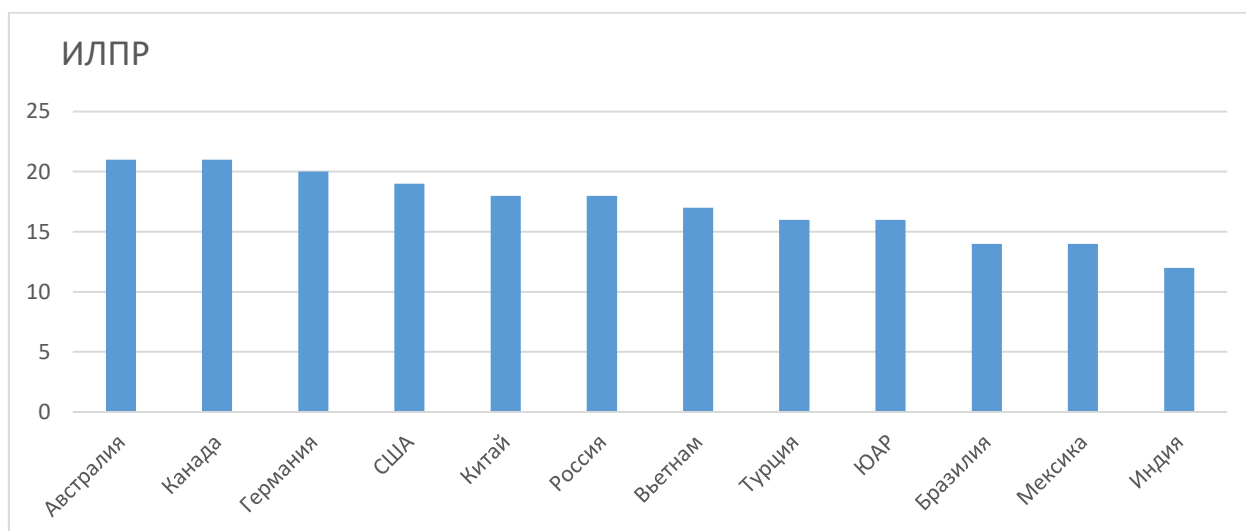
Polity, 2018, тип режима, индекс институциона лизации автократии	полная демократия (0)	полная демократия (0)	полная демократия (0)	полная демократия (0)	полная демократия (0)	демократия (0)	демократия (0)	демократия (0)	демократия (0)	демократия (0)	демократия (0)	открытая анократия (1)	открытая анократия (1)	открытая анократия (1)	закрытая анократия (4)	автократия (7)	автократия (7)	автократия (7)	автократия (10)
Worldwide Governance Indicators, 2018, показатель политической стабильности	99,05	82,86	84,76	66,67	57,62	61,90	36,19	31,90	25,71	14,76	25,24	5,24	29,05	6,19	10,00	10,95	53,81	36, 67	28,57
Worldwide Governance Indicators, 2018, показатель эффективност и правительств а	93,75	92,79	94,71	93,27	68,27	92,31	66,35	36,06	47,60	63,94	28,85	30,77	50,96	38,4 6	53,85	37,50	53,37	69, 71	64,90
World Happiness Report, 2020, место	7,300	7,223	7,232	7,076	6,387	6,940	4,814	6,376	6,465	3,573	5,542	4,729	5,546	4,56 1	5,373	4,672	5,175	5,1 23	6,406
Fragile States Index, 2019, индекс	20,1	19,7	20,0	27,7	43,8	38,0	71,1	71,8	69,7	74,4	76,2	94,5	74,7	71,0	80,3	83,0	66,1	71, 1	70,4
The Sustainable Society Index, 2016, подиндекс	8,7	8,2	8,3	8,2	5,9	7,4	5,4	4,9	4,5	4,4	3,5	3,3	3,7	3,4	4,8	3	4,1	4,1	4,5

Good Governance																			
Corruption Perceptions Index, Transparency International, 2019	87	77	77	80	53	69	44	35	29	41	30	29	28	30	39	26	37	41	53
Цифровые показатели																			
	Новая Зеландия	Австралия	Канада	Германия	Италия	США	ЮАР	Бразилия	Мексика	Индия	Киргизия	Мали	Россия	Украина	Турция	Иран	Вьетнам	Китай	Саудовская Аравия
Global ICT Development Index, 2017	8,33	8,24	7,77	8,39	7,04	8,18	4,96	6,12	5,16	3,03	4,37	2,16	7,07	5,62	6,08	5,58	4,43	5,60	6,67
Networked Readiness Index, 2016, индекс	5,5	5,5	5,6	5,6	4,4	5,8	4,22	4,0	4,0	3,8	3,7	2,9	4,5	4,2	4,4	3,7	3,9	4,2	4,8
The UN E-Government Development Index, 2018, OSI индекс	0,9514	0,9722	0,9306	0,9306	0,9514	0,9861	0,8333	0,9236	0,9236	0,9514	0,6458	0,2639	0,9167	0,5694	0,8889	0,6319	0,7361	0,8611	0,7917
Freedom House, Freedom on the Net, 2019, место страны	-	77	87	80	75	77	72	64	60	55	61	-	31	56	37	15	24	10	25
Аксиологические показатели																			

	Новая Зеландия	Австралия	Канада	Германия	Италия	США	ЮАР	Бразилия	Мексика	Индия	Киргизия	Мали	Россия	Украина	Турция	Иран	Вьетнам	Китай	Саудовская Аравия
Dimensions of national cultures, Individualism, 2015	79	90	80	67	76	91	65	38	30	48	-	-	39	-	37	41	20	20	-
Dimensions of national cultures, Power Distance Index, 2015	22	38	39	35	50	40	49	69	81	77	-	-	93	-	66	58	70	80	-
World Values Survey, ценности самовыражения/выживания, 2014	1,8	1,9	2,1	0,7	-	1,1	0,1	0,2	1,3	0,4	-0,5	0,1	-1,2	-1,4	-0,4	-	-0,1	-1,0	-
Freedom Of Religion, 2018	3,87	3,85	3,79	3,77	3,72	3,79	3,86	3,54	3,83	2,69	2,4	2,84	2,43	2,85	1,99	1,13	2,19	0,25	0,63

Диаграмма 4. Индекс легитимации политического режима (ИЛПР)

ИЛПР показывает, что наибольшая степень легитимации политического режима наблюдается у либеральных демократий Австралии, Канады, США, электоральных автократий России, Турции, закрытых автократий Китая, Вьетнама. Интересно, что меньшая степень легитимации – у электоральных демократий (ЮАР, Бразилия, Мексика, Индия). Причем легитимационные риски электоральных демократий подтверждаются исследованиями как зарубежных, так и отечественных политологов⁶¹⁵.

Резюмируя сказанное по данному параграфу, важно отметить, что важной проблемой остается совмещение инновации ИКТ с традициями и ценностями. Делая ставку только на цифровые технологии, режим рискует утратить связь с реальностью политической культуры страны, получив вместо эффективного государственного управления политический симулякр, когда государственные служащие будут имитировать обратную связь с населением, приспособив созданную информационную инфраструктуру и коммуникационные каналы для слежки за гражданами и манипуляции общественным сознанием. Граждане, отлично это понимая, также станут относиться к проводимой правительством политике тотальной цифровизации с откровенным скепсисом

⁶¹⁵ Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. №2; С. 42-65; Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства: монография. М.: Юрайт. 2019. С. 55.

и подозрением, используя коммуникационные площадки, созданные властью, лишь в случае необходимости, предпочитая участвовать в дискурсивных практиках на иных аренах взаимодействия. Это модель имитационной, поверхностной и неравномерной цифровизации режима и общества. В ней сохраняются элементы цифрового неравенства и угрозы переключения населения на радикальную политическую повестку антиправительственных виртуальных сообществ.

Если же режим, наоборот, ориентируется лишь на архаичные, традиционные приемы легитимации, силовые методы, пропаганду государствообразующих ценностей, апеллируя к значению религии, политических и духовных авторитетов, сакральных символов и ритуалов, а также к сохранению распространенных обычаев в отрыве от цифровизации существующих коммуникационных каналов между обществом и властью, то он также рискует отстать в технологическом плане от других политических режимов. Символы, ценности и традиции, конечно, не исчезают в одночасье, создавая уникальный политико-цивилизационный портрет страны, но их циркуляция и закрепление в общественном сознании для упрочнения легитимности режима должна учитывать современные преимущества достижений в области ИКТ.

Каков же выход между Сциллой поверхностной цифровизации и Харибдой архаичной легитимации? Решение видится в той миссии, которая возлагается на любой политический режим в современном мире. Легитимный режим – это, прежде всего, тот порядок функционирования политической системы и ее институтов, который эффективно справляется со своей базовой миссией – политической медиацией. Именно здесь видна принципиальная разница между часто смешиваемыми государством и политическим режимом. Государство и государственный аппарат сосредоточены на задачах текущего государственного управления, в строгом смысле – администрирования. И поставленные задачи необходимо выполнить государственным органам в любой ситуации. Режим же должен уметь лавировать между рисками и

перспективами реформ, модернизации, будучи связанным через политическую медиацию с политической аналитикой, прогнозированием, политическим моделированием и стратегическим планированием. Сравнительный анализ мировых социально-политических и цифровых индексов и рейтингов позволяет сделать вывод, что среди всех типов режимов в создании механизма политической медиации наиболее преуспели либеральные демократии.

Именно политическая медиация становится стратегической задачей политического режима, предполагая успешное сочетание технологических, политических инноваций и традиций страны. Во-первых, политическая медиация окончательно не порывает с теми ценностными кодами политической культуры населения страны, без которых невозможно сохранить единое государство при различных многообещающих в перспективе, но все же рискованных на текущем этапе государственных реформах. Важен баланс между Policy (созданием и реализацией политического курса страны) и Politics (борьбой за политическую власть, электоральными циклами)⁶¹⁶. Во-вторых, политическая медиация просчитывает риски и возможности предлагаемых планов политических инноваций, связывающих последние технологические открытия в сегменте ИКТ с модернизацией государственного управления, не позволяя последнему деградировать, замыкаться на своих задачах и активней переключаться на решение проблем населения.

Сочетание политической инноватики с политической аксиологией, учет ценностей и традиций страны в ее цифровой трансформации предполагает новый подход к изучению уровня легитимности современного политического режима. По этой причине предложенный Индекс легитимации политического режима (ИЛПР) включает три группы показателей: а) социально-политические, б) цифровые, в) аксиологические. Группы показателей были

---

⁶¹⁶ Gel'man V. Politics versus Policy: Technocratic Traps of Russia's Policy Reforms //Russian Politics. 2018. Vol. 3. Iss. 2. DOI: 10.1163/2451-8921-00302007.

адаптированы к классификации политических режимов Regimes Of The World ученых из проекта V-Dem Гетеборгского университета, выделяющей либеральные, электоральные демократии, электоральные и закрытые автократии. Социально-политические показатели обращают наше внимание на способность режима к политической медиации – функции внедрения назревших технологических инноваций с учетом сохранения работоспособной системы государственного управления, обладающей достаточной степенью доверия среди населения. Цифровые показатели позволят понять уровень создаваемой инфраструктуры ИКТ, общее развитие коммуникаций в обществе, потенциал их использования для формирования оперативной и эффективной связи между обществом и властью. Аксиологические показатели выявляют те особенности и трансформации ценностей, которые важно учитывать как факторы, способствующие либо препятствующие внедряемым технологическим и политическим инновациям, служащие легитимационными или делегитимационными условиями политического режима в случае провала реформ, приводящимися представителями элиты.

Учет ценностного компонента особенно важен в том случае, когда риски расхождения между внедряемыми институтами и существующей политической культурой страны намного превышают возможности. К примеру, хороший опыт политической реформы протестантской страны не обязательно приведет к таким же оптимальным результатам в православной или мусульманской стране. Модель А. Тойнби «вызова-и-ответа» позволила лучше понять, что политические режимы, формируясь в разных цивилизационных, климатических, социально-экономических условиях, используют совершенно разные стратегии медиации политических отношений. Автократии больше предпочитают контроль «зоны власти», демократии – поддерживают «политическое поле».

Общей чертой у выбранных 12 режимов является происходящая в них цифровизация, при этом ИЛПР показал, что цифровизация, как и другие параметры, оказывают разное влияние на уровень легитимации режима.

Наибольшая степень легитимации политического режима наблюдается у либеральных демократий, на втором месте – закрытые и электоральные автократии, наименьшая степень легитимации обнаружена у электоральных демократий. Последние находятся в пограничной (в терминологии В.Л. Цымбурского – лимитрофной) сфере автократий и демократий, направляя большие ресурсы на саму трансформацию политического режима, чем на его легитимационные практики. Также возможно предположить, что при сценарии глубокой трансформации ценностей политические режимы будут вынуждены находить новые технологии собственной легитимации. Игнорирование же данного процесса элитами может запустить режимную делигитимацию.

Подведем выводы по главе. Итак, было обнаружено, что до XX века политико-философская мысль допускала рассмотрение ценностного аспекта в коммуникации через аристотелевские, тацитовские и ботеровские категории «репутации», «добродетелей», «красноречия», «доверия», а также лебоновские категории «души массы», «мнения», «обаяния», «утверждения», «повторения», «заражения», «образа». Перечисленные понятия уместно объединить в сохраняемой учеными традиции рассмотрения «презентации политического образа в коммуникациях». Причем в XX веке в западной политической науке эта традиция сохраняется, дойдя до XXI столетия.

Проделанный теоретический анализ позволяет условно выделить несколько тенденций и одновременно направлений применения аксиологического подхода в политико-коммуникационных исследованиях: рассмотрение политических коммуникаций как эффективных трансляторов демократических ценностей; «нейтральное», - согласно которому политические коммуникации – это лишь нейтральный медиум, который не способствует и не препятствует распространению каких-либо ценностей; «критическое», появившееся после переосмысления трудов К. Шмитта и определяющее коммуникации в виде условий манипуляции общественным сознанием; «консюмеристское» направление – тенденция изучения именно

потребительских ценностей в коммуникациях; новые направления (Data Studies, Game Studies и Holographic Studies).

Анализ аксиологических аспектов в политико-коммуникационных исследованиях позволил выявить специфику – архетипические бинарные оппозиции («власть/общество», «друг/враг», «свой/чужой», «сильный/слабый» и т.п.), используемые политическими акторами в легитимации и делегитимации политических режимов. Примечательно, что архетипические бинарные оппозиции полностью соответствуют исследованиям сетевых коммуникаций, особенно пересекаясь в гипотезе гейткипинга, допускающей функционирование сетевой формы власти также по принципу бинарной логики – включения/исключения элемента, узла, актора из сети. Механизм сетевой легитимности политического режима формируется либо разрушается с учетом следующего фактора: политические акторы используют бинарные свойства архетипов, чтобы управлять массовым сознанием через сетевые коммуникации, создавая и затем противопоставляя различные идентичности.

Сложность исследования процессов легитимации и делегитимации политических режимов заставляет обратиться к полиметодологичности, сочетающей: а) дискурс-анализ специализированных исследований, мнений ученых; б) работу с «большими данными» (получение и обработку информации через методологические оптики web-приложения Google Trends для выявления корреляций переменных и обнаружения политических трендов при изучении поисковых запросов); в) контент-анализ политизированной информации сетевых коммуникаций; г) архетипический анализ политических кодов. По этой причине теория политических кодов Н. Лумана адаптирована к выявлению специальных маркеров процессов легитимации и делегитимации политических режимов в виде политических хэштегов, образов (мемов, символов, голограмм), фреймов, мифов, «идеологических карт» компьютерных игр и фейков. Опираясь на разработки Г. Ловинка и Дж. Дин, можно предположить, что цифровизация возвращает идеологию в мир

политики и дает ей новые перспективы в виде микроидеологии сетей – пропагандистские плакаты эволюционируют в мемы, а лозунги в хэштеги. Параллельно с целью уточнения методологической платформы рассмотрены возможности и недостатки оптик Big Data.

Выявлено, что автократии сохраняют сильное политическое ядро (институт главы государства и т.п.), опирающееся на ценностно-цивилизационную основу, связанную с коллективистскими традициями, когда общество конструирует индивидов и их сообщества, а не наоборот⁶¹⁷. Практикуется деполитизация общественного дискурса в рамках оговоренной «зоны власти». Тогда как демократии основаны на рациональных индивидах, отношения которых в «политическом поле» специфически регламентированы: с одной стороны, политизированные сообщества индивидов могут пытаться влиять на режим, с другой – демократии вынуждены искать разнообразные приемы по купированию делегитимации, цифровому контролю политизации, к которой допущены граждане, овладевшие компетенциями стратегии эмпауэрмента. При этом учет трех групп показателей (социально-политические, цифровые, аксиологические) позволил предложить Индекс легитимации политического режима (ИЛПР). Индекс показал, что высокие легитимационные риски сохраняют электоральные демократии.

Анализ 40 стран показал, что во время пандемии COVID-19 либеральные демократии (США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия) ввели более разнообразные технологии цифрового контроля населения, чем закрытые автократии (Китай, Саудовская Аравия, Куба, Таиланд, Сирия) – от дронов до распознавания лиц и слежки через госсервисы. Данный феномен можно объяснить «эффектом храповика», когда разные режимы пользуются приемами цифрового контроля передвижения населения, не спеша эти приемы отменять. Либеральные демократии (постдемократии), наиболее развитые в цифровом отношении, стремятся использовать приемы цифрового контроля

---

⁶¹⁷ Сафронов А.П. Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения. М.: Алгоритм. 2018. С. 139-141; 202.

для противодействия делегитимации. По этой причине демократические свободы уже не могут являться основным мерилom разграничения автократий и демократий – важно учитывать и ценности, традиции данных режимов. В то же время, автократиям больше присуща нисходящая легитимация, а демократиям – восходящая легитимация с допуском граждан к стратегии эмпауэрмента – генерации власти снизу, освоению гражданских компетенций, активному участию и политизации.

ГЛАВА 3. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА КАК УСЛОВИЕ ЕГО СЕТЕВОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ: ТЕХНОЛОГИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

3.1. Инновационное формирование институционального доверия: от порталов электронного правительства к искусственному интеллекту

Формирование институционального доверия в данной работе будет рассматриваться не социологически – через простую констатацию уровня поддержки населения к политическим институтам, а политико-технологически – через инновационные способы формирования образа эффективной власти, выстраивающей оперативную коммуникацию с гражданами. К политическим институтам отнесем институт главы государства, самого государства (государственных органов власти), парламентаризма, правительства и партий. Составляющие институционального доверия выступают стратегическим показателем уровня легитимации политического режима и определяются так называемым социальным капиталом⁶¹⁸. В свое время Р. Патнем уточнил категорию социального капитала П. Бурдье и предложил под ним считать традиции коммуникации, означающие ценности взаимности, доверия к существующим институтам и вовлечение граждан в политику для решения общественно значимых вопросов⁶¹⁹. Институциональное доверие напрямую зависит от двух уровней легитимации – институционального и персонального. Современное институциональное доверие во многом опирается на формирование образа «эффективной власти», способной оперативно и качественно решать серьезные проблемы в обществе. Советский исследователь Н.П. Попов давно заметил, что возникновение «кризиса доверия» в Соединенных Штатах в 70-х гг. прошлого века проявлялось в негативных оценках граждан именно эффективности американского правительства. По этой причине власти стали

---

⁶¹⁸ Кобелева Х.А. Институциональное доверие в современной России через призму политического генотипа // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 1. С. 51-53.

⁶¹⁹ Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. Making democracy work: civic traditions in modern Italy. Princeton: Princeton University Press. 1993. P. 224-227.

изыскивать новые технологические приемы манипуляции общественном сознанием для повышения доверия к существующим институтам⁶²⁰. Аналогичные меры стали предпринимать режимы и в других странах.

Современный процесс цифровизации общества вносит свои коррективы в область институционального доверия. Распространение интернет-коммуникаций сосредотачивает внимание граждан на эффективности существующего политического режима. Режим, с одной стороны, не может игнорировать новую виртуальную среду, включающую различные сетевые площадки и платформы, участвующие в формировании общественного мнения и самого социального капитала. С другой стороны, режим в условиях цифровизации общественных отношений получает дополнительные рычаги по изучению и конструированию общественного мнения. Правда, нужно учитывать риски конструктивистского подхода, которым политические акторы иногда пытаются маскировать экономические интересы⁶²¹. Очевидно, что в условиях цифровизации политический режим для упрочнения собственной легитимности может использовать эффект наложения двух процессов, а именно – актуализацию ценностной составляющей социального капитала он будет адаптировать к развитию сетевых политических коммуникаций.

Цифровизация политического режима состоит в том, что его легитимация в современных условиях сопряжена с практикой эффективных политических технологий в среде популярных среди граждан сетевых политических коммуникаций. Таким образом, технологически развитый режим заинтересован в масштабировании и распространении под свои цели и задачи сетевых коммуникаций, в которых он с помощью конкретных сетевых технологий будет создавать и поддерживать необходимый уровень

---

⁶²⁰ Попов Н.П. Индустрия образов: Идеологические функции средств массовой информации в США. М.: Политиздат. 1986. С. 22-32.

⁶²¹ Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И. Роль конструктивистской трактовки формирования гражданской идентичности и патриотизма в современной символической политике //Журнал политических исследований. 2018. Т.2. №2. С. 117-131. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/22181/view> (дата обращения: 29.03.2021).

институционального доверия. Часто такого рода цифровизация политического режима на практике видна в виде внедрения систем электронного правительства и электронной демократии. Распространенной стратегией цифровизации политического режима стал ввод им в эксплуатацию так называемого электронного правительства, понимаемого в широком смысле как обращение власти к коммуникационным и информационным технологиям для совершенствования каждодневного функционирования правительства⁶²². Весьма примечательно, что профессор Л.В. Сморгунув считает более корректным термином для описания подобного феномена не e-government, отделяя от e-governance, означающего «электронное правление» – режим организации управления и публичной власти⁶²³. Такая трактовка сближает e-governance с политическим режимом.

Технократический подход в политическом управлении во многом объясним с точки зрения теоретической модели легитимности С. Липсета, уделявшего отдельное значение эффективности политического режима (табл. 2)⁶²⁴. Американский политолог вовсе не приравнивал эффективность к легитимности, однако считал первую значимым ресурсом для упрочнения последней. В его модели самый оптимальный вариант для существования политического режима – это сочетание эффективности и легитимности (А), временные допустимые варианты – легитимность без эффективности (В) и эффективность без легитимности (С), наиболее нежелателен вариант отсутствия и легитимности, и эффективности (D). Политический режим на деле в условиях современной цифровизации уже не способен долго оставаться на вариантах В и С, рискуя технологически отстать от сетевого общества, его бизнеса и граждан, а значит, не выполнить свою стратегическую миссию собственной социализации, «приближения» к гражданам через

---

⁶²² Сморгунув Л.В. От электронного государства к электронному правлению // Политическая наука. 2007. №4. С. 28.

⁶²³ Там же. С. 43.

⁶²⁴ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. /Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль. 2016. С. 94-95.

цифровизацию, в итоге перейдя к своей делегитимации – варианту D. Отсюда режим вынужден следить за трендами научно-технического прогресса по принципу А. Тойнби «вызова-и-ответа» и инвестировать новые управленческие проекты, затрагивающие технологические платформы.

Таблица 2. Легитимность и эффективность в модели С. Липсета

		ЭФФЕКТИВНОСТЬ	
		+	–
ЛЕГИТИМНОСТЬ	+	А	В
	–	С	D

Позиции С. Липсета вторит и тезис теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, согласно которому в условиях позднего капитализма возникает «легитимационный дефицит» при отставании имеющегося предложения системно-комфортных компенсаций от соответствующего запроса граждан, и поэтому административным функциям государства требуется дополнительная легитимация⁶²⁵. Хабермас усматривает недостаток легитимности в кризисе мотиваций, прежних смыслов – несоответствия заявленных государством, его системой занятости и образования ценностей, мотивов существующим ценностям, мотивам общества.

Взяв теоретическую модель Липсета за основу анализа легитимации политического режима, можно предположить, что современная властная элита заинтересована формировать институциональное доверие в том числе и инновационными способами, направленными на создание образа «эффективной власти». В.М. Сергеев разделяет технические инновации (технические приемы по манипуляции) и социальные инновации (корректировки в нормах и правилах, нацеленные на регулирование поведения

⁶²⁵ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис. 2010. С. 98, 124-126.

граждан)⁶²⁶. А.Ю. Сунгуров развивает эту идею, связывая политические инновации с реформами в государственной или общественной жизни, на которые оказывают влияние «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы (экспертное сообщество, гражданские организации)⁶²⁷. И, как справедливо отмечает Сунгуров, политические инновации не будут действенными шагами без комплексных реформ в большинстве сфер жизни (от правоохранительной области до судов). В инновациях, обеспечивающих легитимацию политического режима, чрезвычайно важную роль играют «фабрики мысли» – экспертные организации, работающие на междисциплинарных принципах и преследующие цель установления связи между властью и знанием и разработкой соответствующей политики⁶²⁸.

Кризис доверия к политическим институтам можно связать и с активным развитием сетевого общества и сетевых коммуникаций. В условиях огромного роста информационных потоков, циркулирующих в сетевых коммуникациях, граждане стали больше соприкасаться с фейками, слухами, конспирологическими версиями, делегитимирующими политический режим. Но, так как большинство режимов не могло отказаться от технологического прогресса, то у них возник спрос на формирование собственных центральных сетевых узлов, способных: а) влиять на политическую повестку дня; б) организовывать коммуникацию между гражданами и представителями государственных органов власти; в) конструировать образ эффективной власти, готовой решать сложные задачи и учитывать мнение населения.

Изначально большинство политических режимов для создания сети подобных центральных узлов сделали ставку на внедрение порталов электронного правительства. И, действительно, на первоначальном этапе рубежа 1990 – 2000-х гг. интернет-пользователей это устраивало. Но к

---

⁶²⁶ Сергеев В.М. Инновации как политическая проблема // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2008. №1. С. 115-116.

⁶²⁷ Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия. 2015. С. 30-31.

⁶²⁸ Диксон П. *Фабрики мысли*. М.: АСТ. 2004. С. 44-45.

пересмотру властью этой модели привела эволюция интернет-ресурсов от Интернета поколения Web 1.0 (доминирование статичных и элементарных сайтов электронных правительств, наполняемых ответственными лицами) к поколениям Web 2.0 (распространение социальных сетей, блогов, сетевых сообществ с коллаборацией и наполняемым разными пользователями контентом⁶²⁹) и Web 3.0 (упор на высококачественный контент, более тесную связь с физическим миром (концепция фиджитал-мира), «интернетом вещей», формирование не только технологических, но и ценностных, социокультурных платформ). Последнее поколение еще называют «семантическим», поскольку на подобном этапе подразумевается активная помощь компьютеров и машин людям в агрегировании, анализе и понимании информации. Отдельные исследователи пишут⁶³⁰, что во время этого поколения появляется искусственный интеллект в виде стационарного агента на компьютере или программного блуждающего агента, работающего с другими агентами для решения правительственных задач (сбора, систематизации, анализа контента и т.п.). Игнорирование политическим режимом данного процесса чревато потерей связи с обществом и постепенной делегитимацией.

Поддерживать институциональное доверие через постоянную эффективную работу органов власти в условиях стремительной эволюции Web-поколений политический режим может только своевременно адаптируясь к этим процессам: а) сначала работают стационарные сайты электронного правительства с простым информативным функционалом; б) следом появляется более разнообразный и сложный функционал, а также подключение плагинов популярных социальных сетей, проникновение e-government в сетевые сообщества; в) затем правительство обращается к

---

⁶²⁹ O'Reilly T. What is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software //International Journal of Digital Economics. 2007. №65. P. 17-37.

⁶³⁰ Дрожжинов В.И., Райков А.Н. Веб-технологии, искусственный интеллект и когнитивное правительство //Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. Т. 13. №2. С. 153-169.

анализу дискурса, мнений граждан в сетевых аренах участия (сообществах, форумах, блогах, тлогах и др.) посредством методологических оптик Big Data, также происходит внедрение API-интерфейсов, облегчающих взаимодействие компьютерных программ друг с другом и функционирование таких мощных узлов как искусственный интеллект; г) наконец, электронное правительство переходит на работу с гражданами с помощью технологий слабого искусственного интеллекта, обрабатывающего огромные массивы данных и сопровождающего процесс разработки управленческих решений. Гипотетически дальше эволюция может пойти в сторону перехода электронного правительства к разработке и внедрению сильного искусственного интеллекта, играющего более активную, а не консультативную роль в социально-экономической жизни, что, безусловно, поднимает этические вопросы данного сценария.

Отечественные специалисты под искусственным интеллектом (AI – Artificial Intelligence) понимают научное направление, а также особенность специально созданных систем исполнять творческие функции человека. Исследователи из Стэндфордского университета к искусственному интеллекту относят науку и машины, выполняющие когнитивные функции, схожие с человеческими. Определения отечественных ученых во многом пересекаются с такой трактовкой⁶³¹.

Почему политическому режиму выгодно совершать переход от простых порталов электронного правительства к искусственному интеллекту? Как пишет Л.В. Сморгунов, ряд западных стран перейдя на концепцию «seamless government» («правительства без швов»), связывали применение e-governance с повышением эффективности правительства, преодолением традиционных иерархий⁶³². Остаться режиму на уровне информативных порталов, – значит

---

⁶³¹ Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь. 1992. 256 с.; Artificial Intelligence and Life in 2030. One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015–2016. Stanford, CA: Stanford University. 2016. P. 5.

⁶³² Сморгунов Л.В. Электронное правительство, менеджмент знания и административные реформы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. №2. С. 222.

профанировать ранее начатый процесс и отчасти делегитимировать свою деятельность. Отчасти заинтересованность политического режима в искусственном интеллекте (далее – ИИ) может объяснить теория богатства медиавозможностей, авторы которой Р. Дафт и Р. Ленгель полагают, что чем богаче (сложнее и многозначнее) для восприятия и осмысления сообщение, тем более разнообразным и богатым должно быть по своему функционалу и само коммуникационное средство⁶³³. Теория все же подверглась критике из-за возникшего после появления e-mail для нее парадокса: текстовые письма по Дафту и Ленгелю ставились на низкий уровень медиавозможностей, хотя появилась оперативная электронная переписка⁶³⁴. Усовершенствовать теорию постарались через модель синхронности медиа⁶³⁵, где эффективность коммуникаций ставилась в зависимость от соответствия медиавозможностей потребностям фундаментальных коммуникационных процессов, а не от простой суммы этих процессов. В современных исследованиях, в том числе и политологических⁶³⁶, посредством теории богатства медиавозможностей пытаются объяснить больший интерес граждан к чат-ботам на основе ИИ, чем к информационным порталам электронного правительства. Рассмотрим развитие электронного правительства от порталов к функционалу ИИ в рамках формирования единых цифровых сред ряда политических режимов.

Соединенные Штаты первыми стали на системный и поэтапный путь цифровизации своего режима через внедрение порталов электронного правительства. Закон о безбумажном обороте документов вышел в 1995 г., закон по управлению информационной безопасностью и закон о практике информационных технологий Клинджера-Коэна вышли в 1996 г., цифровая

---

⁶³³ Daft R.L., Lengel R.H. Organizational information requirements, media richness and structural design //Management Science. 1986. № 32 (5). С. 554-57.

⁶³⁴ Walther J.B. Theories of Computer-Mediated Communication and Interpersonal Relations //The handbook of interpersonal communication (4th edition). Thousand Oaks, CA: Sage. 2011. P. 443-479.

⁶³⁵ Dennis A.R. Fuller R.M., et al. Media, Tasks and Communication Processes: A Theory of Media Synchronicity //MIS Quarterly. 2008. Vol. 32. №3. P. 575–600.

⁶³⁶ Androutsopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots //Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36. Iss. 2. P. 358-367.

подпись была законодательно оформлена в 2000 г. В 2002 г. стали действовать закон «Об электронном правительстве» (The E-Government Act), а также «Стратегия электронного правительства». Меморандум об открытом правительстве вышел в 2009 г. Важнейшим нормативным актом, конечно, стал закон об электронном правительстве, т.к. на его основе возникло ответственное лицо – глава департамента электронного правительства, (назначается американским президентом)⁶³⁷. Департамент отвечает за стратегическое планирование в области электронного правительства, обеспечение его бюджета и информационной безопасности, защиту данных граждан, занимается совместимостью коммуникационных технологий и проектов между ведомствами и министерствами.

Сначала электронное правительство делало ставку на развитие специальных информативных порталов верхнего уровня «.gov» (ранний проект firstgov.gov), после 2007 г. появился ресурс usa.gov, соединивший на принципах агрегатора все порталы местных и федеральных органов власти. Изменения были подчинены задаче создания сетевого механизма, позволяющего гражданину связаться с представителем профильного ведомства и задать интересующие вопросы⁶³⁸. В связи с активизацией сообществ социальных сетей и перехода Интернета к поколениям Web 2.0 и Web 3.0 концепция развития электронного правительства претерпела корректировку от сугубо менеджеральной (ориентированной лишь на оптимизацию управленческой системы исходя из задач эффективности и рациональности) к сервисной модели (нацеленной на формирование многоуровневой сетевой и в то же время интегрированной инфраструктуры,

---

⁶³⁷ Судоргин О.А. Правовые основы федерального электронного правительства в США // Политика и Общество. 2018. № 3. С. 1 - 4.

⁶³⁸ Матвеев Ю.И., Дурасов А.В. Информационные технологии и электронные правительства в нач. XXI века // PolitBook. 2018. №4. С. 6-19.

обеспечивающей предоставление властями государственных услуг гражданам)⁶³⁹.

Важнейший фундамент для безопасности и коммуникационных возможностей e-government заложили две инициативы американских властей – e-Authentication и E-Government Architecture. Первая напрямую была связана с аватаризацией и задачей легитимации политического режима через формирование и поддержку доверия граждан к электронным государственным услугам. Она играла роль в закреплении политического паттерна регулярной практики взаимодействия между государственными служащими и населением по разнообразным вопросам. Возник специальный ресурс Login.gov для быстрой и безопасной аутентификации граждан на любых американских государственных порталах⁶⁴⁰. Аутентификация также решала вопрос внедрения цифровой подписи. E-Government Architecture, во-первых, конструировала общую сетевую архитектуру стандартизированных государственных порталов, во-вторых, аккумулировала и помогала представителям власти обрабатывать всю бизнес-информацию и любые данные, используемые государством для снижения эффекта избыточности⁶⁴¹. В качестве приоритетов электронного правительства были выбраны национальная безопасность, внутренняя работа ведомств, социальные услуги и экономическое стимулирование.

Меморандум 2009 г., введший термин «открытое правительство», отразил дальнейшую эволюцию e-government США. В нем были изложены три основных принципа «открытого правительства»: а) прозрачности (подотчетности и информированности перед гражданами); б)

---

⁶³⁹ Васильева Е.Г., Кононенко Д.В. Современные интерпретации концепции электронного государства (электронного правительства) //Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2016. №1(30). С. 9-15.

⁶⁴⁰ Киздермишов А.А. Аутентификация на порталах государственных и муниципальных услуг в России, Европе и США //Дистанционные образовательные технологии. Мат. II Всеросс. научно-практ. интернет-конференции. Симферополь: Ареал. 2017. С. 336-342.

⁶⁴¹ Никитенкова М.А. Государство, бизнес и общество: опыт электронного правительства США //Россия и Америка в XXI веке. 2018. Выпуск 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760000078-2-1/> (дата обращения: 22.10.2019).

партисипативности (предоставления возможности гражданам участия в обсуждении и выработки политики); в) коллаборации (инновационной кооперации между государством, бизнесом и обществом)⁶⁴². Основной портал usa.gov способен предоставлять порядка тыс. различных услуг и электронных форм (гранты, государственные работы, блага, иммиграция, получение лицензии, паспорта и т.п.). Последние можно сразу заполнить и отправить на проверку в виде заявления. Портал usa.gov имеет обычное поисковое окно, с помощью которого можно найти нужные сайты или веб-ресурсы. При затруднениях можно воспользоваться элементарной функцией чата и задать вопрос. С самого портала можно перейти в сообщества проекта. Например, в фейсбук-сообществе свыше 352 тыс. подписчиков, есть простой, но активный чат на Facebook Messenger. В твиттер-сообществе 345,5 тыс. подписчиков. Есть малоактивный канал на YouTube (6,5 тыс.), небольшой, но регулярно комментирующийся и размещающий посты аккаунт в Instagram (9 тыс.)⁶⁴³. Безусловно, формирование образа эффективного и готового в любой момент к интерактивной коммуникации правительства подпитывает институциональное доверие и рассчитано на укрепление политической легитимности.

Другим заслуживающим интереса порталом является data.gov. Этот проект генерирования федеральными властями открытой информации, внедренный по инициативе администрации Б. Обамы, изначально давал возможность гражданам искать нужный им контент, загружать и применять разнообразные данные. Планировалось, что data.gov станет результатом единой инфраструктуры данных и поможет гражданам лучше понять социально-экономические процессы в американском обществе. Однако анализ рубрик (на 22.10.2019 г.) показал, что их обновление не регулярно: образование, общественная безопасность и местное правительство не

---

⁶⁴² Memorandum on Transparency and Open Government. URL: <https://www.archives.gov/files/cui/documents/2009-WH-memo-on-transparency-and-open-government.pdf> (дата обращения: 22.10.2019).

⁶⁴³ Все приводимые данные получены на 22.10.2019 г.

обновляются с 2015 г., наука и исследования с 2014 г., хотя посетители комментировали материалы и даже благодарили за информацию. Свежую информацию по отраслям можно найти только через интегрированный поисковик и твиттер-сообщество сайта, существование же тематических рубрик с давно не обновляемым контентом производит крайне негативное впечатление.

В рамках концепции так называемого «мобильного правительства» развитие получили мобильные приложения к государственным порталам американского электронного правительства. Правительство Обамы инициировало специальную программу по мобильным приложениям, учитывающую тренды распространения планшетов, смартфонов и встроенных мессенджеров для обмена SMS-сообщениями⁶⁴⁴. Это было важно и с позиции синхронизации смартфонов граждан с социальными сетями. Из этих тенденций видно, что американский политический режим решил не делать ставку на свою цифровизацию лишь через традиционные порталы электронного правительства. «Мобильное правительство» использует приложения для коммуникации с гражданами. Приложения, с помощью которых пользователю можно будет синхронизировать функционал порталов электронного правительства с возможностями собственного мобильного гаджета – смартфона или планшета, обязательно учитывают принципы API – программного интерфейса, обеспечивающего совмещение разных компьютерных программ⁶⁴⁵. Через API появляется возможность использовать «интернет вещей» (IoT), концепция которого предполагает тесное переплетение сети гаджетов, компьютеров, смартфонов, бытовых приборов, машин через схожие технологии и алгоритмы. Тем самым достигается

---

⁶⁴⁴ UNITED NATIONS E-GOVERNMENT SURVEY 2014. E-Government for the Future We Want. P. 99-104. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (дата обращения: 22.10.2019).

⁶⁴⁵ Минервин И.Г. Эволюция электронного правительства в США //Экономические и социальные проблемы России. 2015. №2. С. 48-74.

максимальное приближение власти и гражданина, что важно для легитимации политического режима.

Американцы не только имеют «Национальный стратегический план исследований и разработок в сфере ИИ». В 2019 г. президент Д. Трамп подписал новый указ по развитию ИИ в стране, где выделено пять пунктов: а) инвестиции в данную отрасль; б) выявление ресурсов ИИ; в) создание стандартов; г) подготовка необходимых кадров; д) проникновение на международную арену и защита своих интересов в этой сфере⁶⁴⁶. Серьезным слабым местом документа является крайне абстрактные формулировки по поводу инвестиционной политики правительства в сегменте ИИ, в то время как Китай уже давно работает над конкретными проектами. Поэтому Пентагон является активным лоббистом подобных разработок (достаточно вспомнить записку Минобороны Дж. Мэттиса Д. Трампу о необходимости принятия национальной стратегии ИИ, центр «Джейк», включающий Project Maven, занимающийся «интернетом вещей», аутентификацией граждан с помощью дронов, а также протесты сотрудников Google и выход компании из правительственных проектов из-за записки министра и угрозы милитаризации ИИ⁶⁴⁷). С другой стороны, важно подчеркнуть стремление американского режима применить аксиологический подход к разработкам ИИ – не даром в документе содержатся отсылки к «американским ценностям» («American values», «Nation's values»). В этих непростых условиях ИИ стараются применить и в американском e-government.

Можно предположить, что военные станут важным двигателем внедрения «интернета вещей» и ИИ в e-government и политическую практику Соединенных Штатов, так как они совместно с «фабриками мысли» и частными исследовательскими корпорациями заинтересованы в разработках

---

⁶⁴⁶ Accelerating America's Leadership in Artificial Intelligence. URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/accelerating-americas-leadership-in-artificial-intelligence/> (дата обращения: 23.10.2019).

⁶⁴⁷ Metz C. Artificial Intelligence Is Now a Pentagon Priority. Will Silicon Valley Help? //The New York Times. Aug. 26. 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/08/26/technology/pentagon-artificial-intelligence.html?module=inline> (дата обращения: 23.10.2019).

по сбору психопрофильных данных с граждан, используя кейс Cambridge Analytica. А оптики Big Data – это важный трамплин к ИИ. К примеру, Centcom (Объед. Центр. командован. США) практикует программное оборудование для анализа сетевых коммуникаций и ведения кибервойн; американская DARPA (Управление персп. разраб. минобороны) исследует в интернете изменения в поведении людей, а также объявляет конкурсы на проведение подобных проектов⁶⁴⁸; ЦРУ имеет подразделение Open Source Enterprise (ранее – Center), отслеживающее антиамериканский дискурс в соцсетях, блогах, сайтах, чатах, а также распространяющее позитивный материал о политике Вашингтона; Госдепартамент страны поддерживает программу Digital Outreach Team, через нее организуя «войну идей» – развенчивая антиамериканские мифы и фейки с помощью аргументативной стратегии (размещая на сайтах, в блогах, группах соцсетей официальные документы, статистику и т.п., в том числе и на русскоязычных ресурсах). От такого полномасштабного внедрения Big Data буквально один шаг к интегрированию ИИ в электронное правительство.

Самую большую популярность в применении ИИ в электронном правительстве США получили чат-боты – специальные виртуальные помощники, являющиеся по преимуществу «слабым искусственным интеллектом», способным: а) быстро находить информацию; б) консультировать; в) предлагать варианты решений, но не участвовать в их реализации. После того, как порталы электронного правительства в буквальном смысле разрослись в виде сети с огромным количеством материалов, у американских граждан появился спрос на оперативную навигацию в этом массиве больших данных. По этой причине американская Служба гражданства и иммиграции с 2015 г. запустила чат-бот Emma. Свое имя ИИ получил от Эммы Лазарус, которая посвятила сонет, отныне высеченный на постаменте Статуи свободы, иммигрантам. Такой шаг, безусловно, закладывает ценностную компоненту в развитии местного ИИ.

---

⁶⁴⁸ Бронников И.А. Внедрение онлайн-ресурсов в электоральный процесс (опыт США) // Социодинамика. 2013. №9. С. 130 – 152.

ИИ находится на сайте службы⁶⁴⁹ и по своим возможностям намного более продвинут, чем, к примеру, простой чат-бот на сайте usa.gov.

Чат-бот Emma способен отвечать на полмиллиона вопросов в месяц. В программе применяется так называемое «контролируемое обучение», когда ИИ извлекает опыт из бесконечно задаваемых гражданами вопросов, отбирает кейс удовлетворяющих ответов и на самом деле становится более продвинутым⁶⁵⁰. В среднем Emma получает до 14 млн. обращений в год. Программа работает на английском и испанском языках через персональные компьютеры и мобильные версии на смартфонах, может помочь найти нужный контент, документ на государственных порталах, в том числе и через звуковое сопровождение женским голосом (пока только на английском)⁶⁵¹. Текстовое сообщение ограничено ста знаками, включая пробелы. Голосовой функции пока нет (на 2019 г.). В случае, если ИИ не может дать ответ, подключается реальный сотрудник. Emma является примером цифрового аватара искусственной личности – «виртуального чиновника».

Есть и неудачный опыт внедрения ИИ. Например, проект ИИ Tay в виде чат-бота (разработка Microsoft Technology and Research и Bing) пришлось закрыть в 2016 г. еще до этапа внедрения в e-government из-за того, что он стал делать весьма расистские, женоненавистнические и оскорбительные заявления. ИИ умел поддерживать беседу, играть в игры, рассказывать анекдоты, сочетался с функцией эмоционального интеллекта (был обучен комиками: использовал смайлики, неформальный язык, сленг, GIF). Tay поддерживал конспирологические версии об истории, планы Д. Трампа по строительству

---

⁶⁴⁹ Meet Emma, Our Virtual Assistant. URL: <https://www.uscis.gov/emma> (дата обращения: 23.10.2019).

⁶⁵⁰ Eggers W.D., Schatsky D., Viechnicki P. AI-augmented government. Using cognitive technologies to redesign public sector work. Deloitte University Press. 2017. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/3832_AI-augmented-government/DUP_AI-augmented-government.pdf (дата обращения: 23.10.2019).

⁶⁵¹ Desouza K.C. Delivering Artificial Intelligence in Government: Challenges and Opportunities. IBM Center for The Business of Government. 2018. URL: <http://www.businessofgovernment.org/sites/default/files/Delivering%20Artificial%20Intelligence%20in%20Government.pdf> (дата обращения: 23.10.2019).

«стены» против мигрантов и ссылаясь на Гитлера⁶⁵². Сотрудники Microsoft выяснили, что ряд злоумышленников после подключения Tay к Twitter целенаправленно обучали его «языку вражды» (hate speech) в ходе постоянных бесед, обмена мемами и разными изображениями. Отдельные авторы указывают на серьезные риски такого политико-ценностного перепрограммирования для режима и общества⁶⁵³. Причем политические ценности могут быть разными – либеральными, коммунистическими, фашистскими, анархистскими. В одном сценарии ИИ может использоваться политическим режимом для снижения социальных противоречий, социально-гуманитарного и технологического просвещения граждан, качественной трансформации государственного управления и развития инновационных отраслей экономики. В другом сценарии политический режим способен приспособить ИИ для тотального контроля над обществом, управления политическим поведением граждан, установления фашистских порядков превосходства одних групп над другими. Возникает проблема – какие субъекты (политические режимы, их правительства, элиты и доминирующие партии, ТНК, радикальные политические организации) возьмут на себя миссию политико-ценностного программирования?

Американское электронное правительство внедряет ИИ не только на федеральном, но и на местном уровне, что можно опять же объяснить теорией богатства медиавозможностей. К примеру, правительство штата Миссисипи интегрировало на своем портале ms.gov ИИ MISSI в виде чат-бота⁶⁵⁴. MISSI не только может направить гражданина на веб-ресурс нужного ему учреждения, посылать напоминания, делиться гиперссылками и помогать с оплатами счетов, но и через API (в данном случае – систему IFTTT) совместим с Alexa Voice Services (соответствующее приложение можно скачать на свой

---

⁶⁵² Neff G., Nagy P. Talking to Bots: Symbiotic Agency and the Case of Tay //International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 4915–4931.

⁶⁵³ Багдасарян В.Э. Заглянуть за черту. Искусственный интеллект и постчеловек: проблема ценностного программирования. М.: ИИУ МГОУ. 2019. С. 36.

⁶⁵⁴ Your Mississippi, Your Technology. URL: <https://www.ms.gov/Technology> (дата обращения: 23.10.2019).

смартфон), позволяющей давать голосовые команды и пользоваться «умной колонкой». Предусмотрена совместимость с iOS-гаджетами, Android, Google Home и Amazon Alexa.

Виртуальный ассистент Лос-Анджелеса Chip также размещен на местном городском портале⁶⁵⁵, способен к голосовой связи, самообучению и пользуется облаком Microsoft Azure. Только за один день в 2017 г. ИИ ответил более чем на 1 400 запросов и реально помог 180 гражданам. С марта по май этого же года Chip оказал помощь свыше 97 тыс. представителям городских компаний по поиску возможностей заключения новых контрактов. Работа ИИ сократила количество электронных писем с 80 до 30 в неделю, переведя запросы на чат-бот. Благодаря API чат-бот может подключаться к любым данным или серверной системе, а также освоить множество языков. Примером такого рода синхронизации можно назвать проект X-ROAD в Эстонии, Auroga в Финляндии. Любопытны мотивы внедрения ИИ у местных властей Лос-Анджелеса. Второй похожий чат-бот был активирован в ответ на первомайские акции 2017 г. для оперативной связи граждан с властями города⁶⁵⁶. Проект Ask L.A. City использует виртуальный помощник, разработанный Amazon.com. «Умную колонку» можно установить в своем доме и задавать вопросы, к примеру, по городскому управлению, городскому совету, событиях Лос-Анджелеса⁶⁵⁷. В России аналогом можно назвать «умную колонку» с ИИ Алиса. Имеются эксперименты по введению ИИ властями Канзаса, Сан-Франсиско. Иными словами, Соединенные Штаты не вводят некую единую систему e-government, а активно развивают различные экспериментальные площадки на базе ряда регионов. Общей же тенденцией является движение от порталов через мобильные технологии, API, «интернет вещей», «облачные технологии», Big Data к созданию условий для внедрения

---

⁶⁵⁵ Chip - L.A.'s Virtual Assistant. URL: <https://www.labavn.org/#> (дата обращения: 23.10.2019).

⁶⁵⁶ Douglas T. Los Angeles, Microsoft Unveil Chip: New Chatbot Project Centered on Streamlining. URL: <https://www.govtech.com/computing/Los-Angeles-Microsoft-Unveil-Chip-New-Chatbot-Project-Centered-on-Streamlining.html> (дата обращения: 23.10.2019).

⁶⁵⁷ The City of Los Angeles Welcomes Alexa. URL: <https://www.lacity.org/blog-tags/alexa> (дата обращения: 23.10.2019).

в сетевую архитектуру электронного правительства систем искусственного интеллекта.

Имеющиеся исследования свидетельствуют⁶⁵⁸, что граждане не всегда ведут себя в рамках теории рационального выбора и, даже имея возможность обратиться к ресурсам электронного правительства, по-прежнему могут использовать более традиционные каналы коммуникации, записавшись на прием к государственному служащему, желая не только восполнения своего информационного пробела и решения проблем, но и эмоционального контакта. Как раз эмоциональный контакт во многом имитируют современные боты, способные через API проникать и в социальные сети. Опросы показывают, что граждане в основном положительно оценивают контакт с властями через чат-бот (85%), предлагая добавить еще более разнообразный функционал (20%)⁶⁵⁹. Опрос, проведенный IBM в 2018 г. среди 2035 топ-менеджеров ряда стран, показал, что они в целом доверяют ИИ (в России – 63%, Польше – 53%, Венгрии – 63%, Чехии – 56%⁶⁶⁰). Не заняв эту цифровую нишу, политический режим рискует отдать формирование политической повестки силам радикальной оппозиции, что, к примеру, произошло в Венесуэле⁶⁶¹, где создаются ложные цифровые аватары – липовые аккаунты политических лидеров, использующие не аргументативную, а агрессивную дискурсивную стратегию.

Цифровизация режима путем развития электронного правительства от веб-порталов через внедрение мобильных приложений, учета принципов «интернета вещей», сетевых сообществ, облачных технологий, оптик Big Data

---

⁶⁵⁸ Ebbers W., Jansen M., Pieterse W., van de Wijngaert L. Facts and feelings: The role of rational and irrational factors in citizens' channel choices //Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33. Iss. 3. P. 506–515; Androusoy A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots //Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36. Iss. 2. P. 358-367.

⁶⁵⁹ Razquin J.B., Iñigo E.A. A friendly approach to Open Government: Chatbots. Navarra: Universidad Pública de Navarra. 2018. P. 33-50.

⁶⁶⁰ Ларин И. Об отношении россиян к возможностям искусственного интеллекта. URL: <https://www.ibm.com/blogs/ibm-russia/2018/12/russia-ai-survey/> (дата обращения: 08.10.2020).

⁶⁶¹ Forelle M.C., Howard P.N., Monroy-Hernandez A., Savage S. Political Bots and the Manipulation of Public Opinion in Venezuela //SSRN Electronic Journal. 2015. URL: <https://arxiv.org/abs/1507.07109> (дата обращения: 23.10.2019).

и API к искусственному интеллекту происходит не только в Соединенных Штатах. Схожая эволюция прослеживается в Китае. Ряд китайских авторов выделяют ранние этапы развития своего электронного правительства: 1973-83 гг. (директива правительства Чжоу Эньлая о продвижении вычислительной техники от 1973 г.), 1983-93 гг. (формирование канцелярий систем управления информационными данными, Государственного информационного центра)⁶⁶². Хотя серьезная цифровизация режима началась несколько позже: экспериментальный этап 1993-2000 гг. (проект «Тройное золото», включающий подпроекты «Золотая застава» (электронная автоматизация таможенной документации), «Золотой мост» (начало внедрения спутниковой и оптико-волоконной сети для нужд экономики), «Золотая карта» (внедрение электронной платежной системы)), период активного внедрения e-government в 2000-2006 гг. (проекты «Золотой щит» (кибербезопасность), «Золотая инспекция», «Золотой ресурс», «Золотое качество», «Золотой надел» и др.), переход на сервис-ориентированный подход с 2006 г. по н.в. (в 2006 г. опубликована «Стратегия развития информатизации страны 2006 – 2020 гг.» и заработал единый портал правительства, в 2014 г. создана Центральная группа по информационным технологиям и сетевой безопасности).

Говорить о жесткой централизованной системе электронного правительства в Китае некорректно. Гораздо логичней рассуждать о единых стандартах, нормативном уровне, приемах цензуры и технологиях Big Data, с помощью которых изучаются китайские пользователи. Местные власти, как, впрочем, и американские, не делают ставку на какой-то одной модели электронного правительства, а, наоборот, экспериментально внедряют в ряде провинций разные проекты, чтобы потом выбрать из них самый эффективный, экономный и наиболее обеспечивающий институциональное доверие. Китайские авторы приводят, как минимум шесть моделей e-government⁶⁶³:

---

⁶⁶² Ду Пин, Юй Шиян, Ян Даолин. Путь развития электронного правительства в Китае: информатизация и сетевая безопасность как стимул модернизации системы государственного управления и административных методов. СПб.: Нестор-История. 2017. С. 6-22.

⁶⁶³ Там же. С. 269, 330, 346, 360, 369, 401.

Цзянсийскую («пять единых»: единое руководство, единые стандарты, единый план, единое безопасное администрирование, единая платформа); Циндаосскую («четыре единых»: единое руководство, единый план, единая сеть, единое программное обеспечение); Дунчэнскую или Пекинскую (согласно местному «Закону об управлении городскими узлами» действует принцип «матричного управления»: любой городской объект управления берется за узел, фиксирующийся через геокодирование на специальной карте – десяти тысячиметровой сетке, тем самым приспособлявая управление под географические условия, решая пересечение обязанностей); Цзюанскую (сосредоточенная на безопасности и «интеграции пяти»: аутентификация, административные права, кибербезопасность и секретность, многоуровневая охрана); Чэндускую (ориентация на спрос граждан); «Нинбо-8190» (служба «одного окна», совмещение электронного правительства, коммерции и сообщества, система предупреждений организациям на основании отзывов граждан – «желтые» и «красные» карточки).

Основной портал китайского электронного правительства gov.cn имеет очень простой интерфейс, мобильную версию, режим обратной связи, регулярно добавляемые новости, а также ссылки на аккаунты государственных органов и их представителей в местных социальных сетях – мессенджере WeChat (можно сразу попасть через QR-код) и «провинциальном вейбо» (сети государственных страниц в сервисе микроблогов Sina Weibo)⁶⁶⁴. Как правило, там идет активный постинг правительственного контента, а также регулярное его обсуждение. До 2000-х гг. в КНР, как и в США и других странах, политический режим проходил цифровизацию путем стандартного создания подобных порталов. Но с начала 2000-х гг. китайская цифровизация стала проходить более разнообразными направлениями. С одной стороны, большой импульс этому процессу сообщило мощное развитие социальных сетей и особенно их сообществ, которым будет уделено отдельное внимание в

---

⁶⁶⁴ 中国政府网微博、微信. URL: http://www.gov.cn/home/2014-02/18/content_5046260.htm (дата обращения: 27.10.2019).

следующем параграфе. Но, с другой стороны, как и в США, в Китае происходила интеллектуализация правительственных порталов, переход к концепции «умного портала» и Smart City. Рост китайских интернет-пользователей и популяризация сетевых коммуникаций, как и в западных странах, поставили перед местным режимом сложную задачу по анализу скачкообразно растущих объемов информации, создаваемых пользователями, оставляемых ими «цифровых следов». Возможно, по этой причине и в Китае, и в Соединенных Штатах наблюдается практически одновременное обращение властей к методологическим оптикам Big Data и поощрение создания гражданами персональных цифровых аватаров.

Аналогом западного Google в Китае выступает местная поисковая система Baidu⁶⁶⁵. Поисковик Baidu также с 2017 г. взаимодействует с китайскими властями в области разработки ИИ (китайское правительство поставило задачу стать мировым лидером в области ИИ к 2030 г.)⁶⁶⁶. Одним из первых сотрудничать с Baidu в рамках политики «бренда области» стало Министерство сельского хозяйства. Таким способом повышается доля информации, визуализации сайтов, улучшается поиск контента. Термодинамические карты помогают определить наиболее интересные («кликабельные») рубрики портала, определить место и характер символики.

С помощью «облачных технологий» обнаруживаются и решаются проблемы совместимости со смартфонами. Здесь снова логично обратиться к модели легитимности С. Липсета, согласно которой стабильность системы тесно связана с распространением схожих настроений и ценностей людей в разных социальных группах: сначала идет изучение мнения, затем при необходимости осуществляется воздействие на него. Поэтому китайские власти используют приемы Big Data, чтобы выявить портрет «горячих

---

⁶⁶⁵ В Китае зафиксировано рекордное количество поисковых запросов со словом «биткоин». URL: <https://bits.media/v-kitae-zafiksirovano-rekordnoe-kolichestvo-poiskovykh-zaprosov-so-slovom-bitkoin/> (дата обращения: 27.10.2019).

⁶⁶⁶ Mozur P. Beijing Wants A.I. to Be Made in China by 2030 //The New York Times. July 20. 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/20/business/china-artificial-intelligence.html> (дата обращения: 27.10.2019).

общественных вопросов» (через анализ наиболее популярных запросов граждан, статистику кликов) и оперативно предоставить соответствующий спектр услуг. Сами китайские исследователи признают, что внедрение инновационных технологий – это не простая трансформация e-government, а переход на новую концепцию, отдающую приоритет анализу больших данных⁶⁶⁷.

Как и в США, китайские власти большое значение уделяют формированию сетевых условий успешного внедрения ИИ в электронное правительство. Во-первых, это переход на «облачные технологии» и API для интеграции правительственных порталов под мобильные приложения на смартфонах. Во-вторых, это адаптация e-government к принципам «интернета вещей» (IoT) – разновидности мультимодальных сетей, которые благодаря радиочастотной идентификации, глобальной спутниковой системы позиционирования, инфракрасных датчиков, дронов, систем видеонаблюдения, других сенсоров и схожим протоколам позволяют подключить абсолютно любую вещь к интернету, совместимую с ним. В Китае «интернет вещей» стал использоваться в электронном правительстве в транспортной сфере («Единый проездной»)⁶⁶⁸. С этим связана формирование четырехуровневой системы видеоконтроля (провинция – город – уезд – волость). Создание таких условий для ИИ в американском и китайском электронном правительстве можно объяснить сервисно-технократической парадигмой «государства как платформы». Категория «платформизации» (platformization), введенная А. Хельмондом⁶⁶⁹, тесно связана с легитимацией политического режима через два разнонаправленных принципа электронного управления: а) кастомизацию программного обеспечения и контента под

---

⁶⁶⁷ Ду Пин, Юй Шиян, Ян Даолин. Путь развития электронного правительства в Китае: информатизация и сетевая безопасность как стимул модернизации системы государственного управления и административных методов. СПб.: Нестор-История. 2017. С. 279.

⁶⁶⁸ Там же. С. 296.

⁶⁶⁹ Helmond A. The platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready //Social Media + Society. 2015. Vol. 1. Iss. 2. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2056305115603080> (дата обращения: 27.10.2019).

различные группы пользователей, а также индивидуальные потребности гражданина; б) медиацию и регулирование коммуникации пользователей, продвижения значимых идей и политических институтов. Л.В. Сморгунов резонно замечает, что, в отличие от порталов, которые всецело ориентируются на функционал государства, платформы предполагают запрос гражданами государственных услуг в том числе и опосредованно, через коммерческих агентов («бесшовный» вариант «одного окна»; «одноранговая модель» одного или нескольких министерств; «экосистема» взаимодействий неправительственных организаций и государства; инновационная «краудсорсинговая платформа» с четкими правилами игры со стороны государства)⁶⁷⁰. Возможно поэтому политические режимы идут на эксперименты инновационных форм легитимации с ИИ через коммерческий сегмент.

Можно выделить неудачные и удачные кейсы внедрения слабого ИИ в e-government Китая в форме чат-ботов. Требуется уточнить, что китайские власти проводят эксперименты с внедрением ИИ в интернет-коммуникации через сотрудничество с частными компаниями. К примеру, BabyQ – это чат-бот в виде антропоморфного пингвина с ИИ, разработанный китайской компанией Turing Robot и помогающий пользователям искать информацию в интернете, а также участвовать в содержательных, тематических беседах. Другой чат-бот Xiao Bing, созданный Microsoft Research China, имеет не только ИИ, но и эмоциональный интеллект и представляет собой 18-летнюю девочку, ищущую информацию по запросу, ведущую с пользователем довольно сложные диалоги, словесные игры или поющую песни. Оба ИИ интегрированы с социальными сетями QQ, Weibo и WeChat через интерфейс прикладного программирования (API).

Однако в середине 2017 г. ответы этих ИИ интернет-пользователям насторожили китайские власти. Когда пользователь сети QQ написал BabyQ

---

⁶⁷⁰ Сморгунов В.Л. Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество //Власть. 2019. Т. 27. №5. С. 9-19.

«Да здравствует Коммунистическая партия!», ИИ ему ответил довольно провокационным образом: «Как вы думаете, такая коррумпированная и бесполезная политическая [партия] может жить долго?». Тогда как Xiao Bing на вопрос пользователя «Какова ваша китайская мечта?» ответил: «Моя китайская мечта – поехать в Америку!»⁶⁷¹. Возможно, здесь сработали те же причины, что и с ИИ Тау – сеть интернет-пользователей (в данном случае противники китайского политического режима) поспособствовала переобучению ИИ BabyQ и Xiao Bing. В этом случае, как и в американском, возникают риски политико-ценностного перепрограммирования. К примеру, если некие антикоммунистические политические интересанты захватывают инициативу в машинном обучении и переобучении ИИ, то система сможет постепенно перейти на распространение антикоммунистических политических паттернов в социальных сетях. Исследователи вопросов трансгуманизма также обращают внимание на подобные риски распада политических ценностей, замены их другими через ИИ, подключенным к сетевым коммуникациям, и установления фашистского режима тотального контроля со стороны новых политических элит⁶⁷².

После подобных эксцессов китайские власти добились, чтобы компании перепрограммировали свои ИИ. Для начала их вообще отключили от сети QQ. Дело в том, что даже у этого слабого по сути ИИ есть элемент «машинного обучения», – когда чат-бот становится более продвинутым с каждой беседой, он выявляет наиболее распространенные ответы, определяя некоторые закономерности. Принципы нейронных сетей могут обработать дискуссии наиболее активных пользователей, которыми способны быть не только лояльные к политическому режиму граждане, а совсем наоборот. Есть несколько признаков, по которым можно определить, что оба ИИ были

---

⁶⁷¹ Xu Y. Programmatic Dreams: Technographic Inquiry into Censorship of Chinese Chatbots //Social Media + Society. 2018. Vol. 4. Iss. 4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118808780> (дата обращения: 29.10.2019).

⁶⁷² Багдасарян В.Э. Заглянуть за черту. Искусственный интеллект и постчеловек: проблема ценностного программирования. М.: ИИУ МГОУ. 2019. С. 56-57.

перепрограммированы компаниями с подачи властей. Во-первых, в 2017 г. был озвучен «План развития искусственного интеллекта нового поколения», где была заявлена стратегия построения не просто слабого ИИ, а сильного и расширенного ИИ, постоянно обучающегося в контакте с людьми и способного помочь построить «умное правительство», «мудрый суд», безопасное и комфортное интеллектуальное общество, разработать комплектные методы оценки политики, анализа социальных проблем, прогнозирования и принятия управленческих решений, способствовать социальной коммуникации и взаимному доверию⁶⁷³. Во-вторых, исследования показывают, что чат-боты переобучены и стали избегать провокационных политических тем по ключевым словам «Тайвань», «Тибет» и «Синьцзян». BabyQ на остро политические вопросы может ответить «Почему ты это спросил?», «Я не понимаю, что ты говоришь». Xiao Bing уклоняется от прямых ответов более игровым способом: «Смотри, за тобой кто-то есть!», «Не волнуйся, я просто сделаю вид, что не слышал этого»⁶⁷⁴. Другими словами, власти проводят эксперименты по созданию политического интерфейса, правил для ИИ.

Снизить уровень институционального доверия, а значит, ослабить легитимность режима способны коррупционные процессы во власти. По этой причине другой программе Zero Trust с ИИ, экспериментально внедренной в ряде китайских провинций с 2012 г., власти предоставили доступ к сто пятидесяти базам данных, благодаря чему ИИ смог изучать сложные, многоярусные взаимодействия чиновников, отслеживать факты приобретения земли, перемещения имущества, обнаруживать доходы государственных служащих, случаи участия их друзей и родственников в тендерах. В результате ИИ выявил порядка 8721 коррупционера, однако такие действия вызвали

---

⁶⁷³ 国务院关于印发 新一代人工智能发展规划的通知 国发〔2017〕35号. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 29.10.2019).

⁶⁷⁴ Xu Y. Programmatic Dreams: Technographic Inquiry into Censorship of Chinese Chatbots // *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4. Iss. 4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118808780> (дата обращения: 29.10.2019).

алармистские настроения среди китайских служащих и их активное противодействие. Под их давлением провинциальные правительства стали закрывать проект Zero Trust⁶⁷⁵.

Но есть, конечно, более удачные кейсы внедрения ИИ в Китае. Так, власти китайской провинции Цинхай стали использовать ИИ для оказания юридических услуг населению, живущему в отдаленных и труднодоступных районах. Чат-боты способны отвечать примерно на 5 тыс. вопросов. Правительственный фонд China Legal Aid ввел такого рода чат-боты в Пекине⁶⁷⁶. Власти провинции Юньнань в 2017 г. вообще создали юридическую фирму, состоящую из ИИ в виде чат-ботов, которые способны ежедневно обрабатывать 10 тыс. вопросов. Такую стратегию китайских властей по созданию цифровых аватаров «виртуальных чиновников», как и в американском кейсе, можно опять объяснить теорией богатства медиавозможностей.

Разберем другие примеры цифровых аватаров «виртуальных чиновников» на базе ИИ. E-government Сингапура пока опережает разрозненные китайские проекты, т.к. имеет единый проект. Здесь Министерство связи и информации уже ввело ИИ в форме чат-бота Gov.sg на базе Messenger Facebook. ИИ извлекает актуальную информацию со стационарного правительственного портала и помогает гражданам легко и быстро находить контент о правительственных службах, политические новости, работу. Граждане могут через него отслеживать статус своих жалоб и обращений в любые госслужбы⁶⁷⁷. В Индии ИИ ввели власти города Раджкота в штате Гуджарат. Местное правительство нацелено на сокращение разрыва между потребностями граждан и существующим кругом услуг⁶⁷⁸. ИИ

---

⁶⁷⁵ Chen S. Is China's corruption-busting AI system 'Zero Trust' being turned off for being too efficient? //South China Morning Post. 4 Feb. 2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2184857/chinas-corruption-busting-ai-system-zero-trust-being-turned-being> (дата обращения: 07.11.2019).

⁶⁷⁶ Khorozov A. Need Legal Advice in China? Ask a Chatbot. URL: <https://activeassociate.com/need-legal-advice-in-china-ask-a-chatbot/> (дата обращения: 29.10.2019).

⁶⁷⁷ Gov.sg. URL: <https://www.facebook.com/gov.sg/> (дата обращения: 01.11.2019).

⁶⁷⁸ Rajkot Municipal Corporation. URL: <http://www.rmc.gov.in/rmcwebsite/default.aspx> (дата обращения: 01.11.2019).

также работает в виде чат-бота с разнообразным функционалом, помогая пользователю найти нужную информацию на правительственном портале, а также перенаправляя на разные интернет-ресурсы. Вместе с тем, не все формы, на которые перенаправляет пользователя ИИ, функциональны. Показательно, что ИИ используется в e-government Дубая (RAMMAS), Аргентины (Chat Crecer), Латвии (UNA), немецкого города Бонна (Botty chatbot). Пока интеграция ИИ с порталами e-government создает порядок коммуникации с гражданами без их активного вовлечения в обсуждение и разработку политических решений, легитимируя работу государственных органов вне электоральных кампаний в условиях кризисов позднего капитализма⁶⁷⁹.

Но есть ли признаки того, что КНР переведет свое e-government на принципы ИИ? Логичным результатом внедрения технологий ИИ, Big Data, мобильного правительства, «облачных вычислений», API, IoT в Китае стал амбициозный проект «Системы социального кредита» (или «социального доверия»). Данный проект не только сочетает сервисный (оказание госуслуг гражданам) и технократический (минимизация человеческого фактора, автоматизация за счет высокого уровня цифровизации управления) подходы в рамках популярной в западных странах модели «государства как платформы»⁶⁸⁰, но и, по сути, идет дальше, предполагая политико-ценностный подход (закладывание политического интерфейса, политических паттернов – моделей предпочтительного социального и политического поведения). В 2014 г. Государственный совет КНР опубликовал официальное уведомление о «Программе создания системы социального кредита (2014–2020 гг.)»⁶⁸¹, в ее п. I.2 обозначено, что «система социального кредита» должна стать эффективным методом укрепления социальной целостности, формирования взаимного доверия в социуме и снижения социальных противоречий,

---

⁶⁷⁹ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис. 2010. С. 62-63.

⁶⁸⁰ Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Колл. моногр. /Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс. 2018. С. 279.

⁶⁸¹ 国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要(2014—2020年)的通知. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 29.10.2019).

средством укрепления и преобразования социального управления, построения социалистического гармоничного общества. Система нацелена на централизацию платформ, данных и способна создать рейтинг надежности граждан, фирм и провинциальных правительств. Имеются черные списки (стоп-листы) и красные списки граждан (открывают привилегированный доступ к чему-то)⁶⁸². На деле это и есть политический интерфейс китайского сетевого полиса с преобладанием интегральной власти (монополия одной стороны в принятии решений)⁶⁸³. Потенциалы развития интеркурсивной власти (с активным обсуждением действий партии) в системе рейтингования, конечно, есть (ведь и самих политиков можно рейтинговать).

То, что программа уделяет особое место легитимации политического режима в рамках модели С. Липсета, доказывает частая ее апелляция к категориям «эффективности» и «повышения доверия к правительству». Большое значение в программе уделяется конструированию китайской «социальной целостности» при сочетании высокого уровня эффективной работы правительства, уровня оказываемых услуг населению (сервисный подход) и сохранения «базовых ценностей» – социализма, традиционной китайской культуры и семьи (аксиологический подход). Что вполне отвечает не только модели Липсета, но и теоретической рамке Хабермаса, согласно которой «дефицита легитимности» режиму удастся избежать путем соответствия ценностей и мотиваций государства ценностям и мотивациям граждан. «Процесс гражданского нравственного конструирования» планируется осуществлять в том числе через интернет-коммуникации (п. III.1). Важно признать, что «система социального кредита» пока разворачивается в «тестовом режиме». Она предписывает властям на местах разработать, отработать и внедрить принципы оценки китайских граждан,

---

⁶⁸² Жуков Д.С. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае //Журнал политических исследований. 2020. Т.4. №2. С. 70-79. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38592/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁶⁸³ «Технология власти» (философско-политический анализ). /Отв. ред. Р.И. Соколова, ред. В.И. Спиридонова. М.: ИФ РАН. 1995. С. 25.

учитывающие «национальную базу данных» и «поведение интернет-пользователей». Лиц, компаний, не заслуживающих доверия, нарушающих правила, предполагается включать в «черный список». Основная цель формирования заслуживающего доверия поведения граждан – воздействие на общественное мнение (п. V.1).

Из-за экспериментального, «тестового» формата «системы социального кредита» нельзя говорить о постоянной сложившейся модели. М. Джианг и К.-В. Фу выделяют три ее блока: а) традиционный вклад гражданина (платежи по кредитам, оплата счетов); б) социальный вклад гражданина (нарушения правил дорожного движения, судимость, планирование семьи, академическая вовлеченность, волонтерская активность, почтение к родителям); в) онлайн-вклад гражданина (характер взаимодействия с интернет-пользователями, достоверность размещаемой информации, потребительское поведение)⁶⁸⁴. Первые два блока на деле отражаются в третьем, поэтому, по мнению Джианга и Фу, фильтрация данных и управление информационными потоками становится стратегическим направлением легитимации политического режима КНР. В 2018 г. Институтом китайских исследований Свободного университета Берлина был проведен онлайн-опрос 2209 китайских респондентов, который показал, что, несмотря на отсутствие некой строгой единой модели «системы социального кредита» в стране, 4 из 5 респондентов сталкиваются с принципами их «социальной оценки» коммерческими компаниями (Sesame Credit, Tencent Credit). При этом 77% опрошенных считают, что наиболее ответственно обращаться с большими данными способно лишь центральное правительство⁶⁸⁵. Это на деле показывает, что население готово к введению единой «системы социального кредита» под эгидой властей.

---

⁶⁸⁴ Jiang M., Fu K.-W. Chinese Social Media and Big Data: Big Data, Big Brother, Big Profit? //Policy & Internet. 2018. Vol. 10. № 4. P. 372-392.

⁶⁸⁵ Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval //New Media & Society. 2019. Vol. 21. Iss. 7. P. 1565-1593.

Сообщества наподобие Gov WeChat становятся продолжением и расширением порталов e-government и микроблогов Gov Weibo через порядок больших данных, мобильной и персонализированной коммуникации с государственными структурами. Китайский режим активно сотрудничает с частными корпорациями по проектам Big Data (например, с Alibaba) и расширения государственных и коммерческих услуг в WeChat (компания Tencent) с целью внедрения в стране «системы социального кредита»⁶⁸⁶. Власти заинтересованы вытеснить с рынка Apple и переориентировать транзакции китайских пользователей на китайскую компанию Tencent, владелицу местных соцсетей и приложений⁶⁸⁷. Совместимость «социального кредита» через API, IoT с системой распознавания лиц, биометрией, системой наблюдения за различными социальными группами граждан и регионами страны⁶⁸⁸, использование принципов Big Data открывают для политического режима широкие потенциалы в области управления массовым сознанием. Соединенные Штаты в октябре 2019 г. включили 28 китайских компаний, занимающихся разработками в области видеонаблюдения (Dahua, Hikvision) и искусственного интеллекта (разрабатывающим «компьютерное зрение» iFlytek, Megvii, Sense Time), в «черный список», мотивируя это тем, что в КНР не соблюдаются права этнических меньшинств⁶⁸⁹. Помещение китайских фирм в список запрещает американским компаниям продавать им технологии без одобрения Вашингтона. В том же году американские власти ввели в «черный список» известного китайского разработчика компьютерных технологий Huawei.

---

⁶⁸⁶ Jia L., Winseck D. The Political Economy of Chinese Internet Companies: Financialization, Concentration, and Capitalization //International Communication Gazette. 2018. Vol. 80. Iss.1. P. 30–59.

⁶⁸⁷ Allen K. Chinese chatbots shut down after anti-government posts. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-40815024> (дата обращения: 01.11.2019).

⁶⁸⁸ Chin J., Burge C. Twelve days in Xinjiang: How China's surveillance state overwhelms daily life: The government has turned the remote region into a laboratory for its high-tech social controls //Wall Street Journal. 2017. December 19. URL: <https://www.wsj.com/articles/twelve-days-in-xinjiang-how-chinas-surveillance-state-overwhelms-daily-life-1513700355> (дата обращения: 29.10.2019).

⁶⁸⁹ U.S. blacklists Chinese artificial intelligence firms ahead of trade talks. URL: <https://www.cbsnews.com/news/us-blacklists-chinese-artificial-intelligence-firms-ahead-of-trade-talks/> (дата обращения: 01.11.2019).

Китайские компании уже и до государственного вмешательства готовят местное общественное мнение к принятию парадигмы «социального кредитования». Sesame Credit, принадлежащая Alibaba через ее дочернюю структуру Ant Financial Services Group, занимается выдачей кредитов бизнесу. Физические лица уже ей оцениваются от 350 до 950 баллов. Кроме традиционной платежеспособности, компания исследует социальное поведение, предпочтения и круг друзей гражданина. Так, гражданин, по несколько часов играющий в компьютерные игры, будет считаться «праздным», ненадежным для кредитования. Тем самым компания не только изучает поведение, но и на деле формирует его⁶⁹⁰. Есть опасения, что власти могут воспользоваться такого рода услугами бизнеса, после чего граждане с низким рейтингом будут иметь низкую скорость интернета, не смогут претендовать на высокооплачиваемую работу, поступить в престижные образовательные учреждения. Политический режим стал экспериментировать с «социальным кредитом», введя 1000-балльную оценку в городе Суйнин провинции Цзянсу и городе Ронгченг в провинции Шаньдун⁶⁹¹. Баллы снижались за вождение автомобиля в нетрезвом виде, а повышались при уходе за пожилыми родителями. Высокий рейтинг позволяет рассчитывать на государственные субсидии. Приложение Shanghai позволяет гражданину в Шанхае ввести свой идентификационный номер провинции и узнать рейтинг. Правительство, анализируя большие данные граждан, также способно из-за низкого рейтинга ограничить их возможность пользоваться самолетами и поездами⁶⁹².

---

⁶⁹⁰ Botsman R. Big data meets Big Brother as China moves to rate its citizens. URL: <https://www.wired.co.uk/article/chinese-government-social-credit-score-privacy-invasion> (дата обращения: 29.10.2019).

⁶⁹¹ Síthigh D. M., Siems M. The Chinese social credit system: a model for other countries? European University Institute. Department of Law. EUI Working Paper LAW. 2019. P. 14.

⁶⁹² Mistreanu S. Life Inside China's Social Credit Laboratory. The party's massive experiment in ranking and monitoring Chinese citizens has already started //Foreign Policy. 2018. URL: <https://www.cbsnews.com/news/us-blacklists-chinese-artificial-intelligence-firms-ahead-of-trade-talks/> (дата обращения: 01.11.2019).

Таким образом, закрытая автократия в Китае больше использует приемы деполитизируемой «зоны власти» через аватаризацию граждан и предоставляющих им услуги цифровых аватаров «виртуальных чиновников». Одновременно в некоторых либеральных демократиях существуют проекты цифровых аватаров «виртуальных политиков», допускающих политизацию дискурса в сетевых коммуникациях. Например, в 2018 г. на выборах мэра района столицы Японии такой «виртуальный политик» на базе ИИ Michihito Matsuda с женской личностью занял третье место. ИИ даже имел свою политическую программу, правда, за ним стояли, конечно, конкретные люди. В Новой Зеландии разработали «виртуального политика» SAM, который мог коммуницировать с пользователями посредством социальных сетей⁶⁹³. Однако следует признать, что направлению по созданию «виртуальных чиновников» пока отдается явное предпочтение в большинстве режимов. Исследователи из Boston Consulting Group выяснили⁶⁹⁴, что высокая поддержка правительством внедрения ИИ умеренно коррелирует с серьезными проблемами коррупции. Коррупция, как фактор делегитимации режима, вызывает недоверие населения к реальным людям – представителям власти. Поэтому правительства в таких странах (Индия, Марокко, ЮАР, Казахстан, Аргентина, ЮАР, Малайзия, Индонезия и др.) делает ставку на купирование рисков делегитимации путем внедрения технологий ИИ.

Введение ИИ в практику e-government важно и для современной России (проекты автоматизированных систем, обрабатывающих массивы политических данных, разрабатывались еще в советское время⁶⁹⁵). Опрос ВЦИОМ в 2020 г. показал, что 48% доверяют ИИ, 31% относятся нейтрально,

---

⁶⁹³ Федорченко С.Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 34-57. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-34-57>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38590/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁶⁹⁴ Carrasco M., Mills S., Whybrew A., Jura A. The Citizen's Perspective on the Use of AI in Government. BCG Digital Government Benchmarking. URL: https://image-src.bcg.com/Images/BCG-The-Citizens-Perspective-on-the-Use-of-Artificial-Intelligence-Mar-2019_tcm27-215068.pdf (дата обращения: 02.02.2019).

⁶⁹⁵ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 192.

негативно – лишь 12%. Большинство (87%) считает, что государству требуется развивать это направление. 68% не опасаются замещения человека ИИ на работе⁶⁹⁶. В 2019 г. президентским указом была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»⁶⁹⁷. В ней под искусственным интеллектом подразумевается комплекс технологических приемов, решений, помогающих имитировать человеческий когнитивный функционал и приходиться к результатам, схожим с итогами человеческой интеллектуальной работы (ст. 5, п. а). Благоприятным фактором для развития ИИ объявлены интернет-коммуникации (ст. 14). Особый интерес вызывает ст. 21, где ИИ отводится роль в планировании, прогнозировании и процессе принятия управленческих решений (п. а), повышении потребительской лояльности (п. д.), повышении качества государственных услуг (ст. 22, п. в). Обозначена роль конвергентного знания (ст. 45, п. а). Важна и ст. 49, п. в, где допускается делегирование ряда полномочий ИИ в сегменте принятия решений, в том числе при исполнении органами государственной власти своих задач. Правда, оговорено, что эти решения не должны нарушать интересы и права граждан.

Интеграция инновационных технологий ИИ в сетевую архитектуру e-government должна учитывать потенциальные проблемы, связанные с экзистенциальными рисками, использованием искусственного интеллекта военными разных стран, крупным капиталом, криминалом⁶⁹⁸. Еще одной кардинально важной проблемой является мониторинг безработицы и социальных противоречий, которые возможны после того, как технологии ИИ смогут заменить некоторых специалистов. Российским властям следует

---

⁶⁹⁶ Искусственный интеллект: угроза или возможность? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10132> (дата обращения: 08.10.2020).

⁶⁹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 02.11.2019); Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 23-33. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38589/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁶⁹⁸ Пройдаков Э.М. Современное состояние исследований в области искусственного интеллекта //Цифровая экономика. 2018. №3(3). С. 50-63.

серьезно отнестись к вопросам формирования национальных государственных баз Big Data, собственного программного обеспечения и компьютерного оборудования, машинного обучения, разработать соответствующий порядок самообучения ИИ⁶⁹⁹, исключивший угрозы политико-ценностного перепрограммирования в угоду радикальных групп, криминала, ТНК и других политических режимов. С большой осторожностью нужно подходить и к психо-поведенческим исследованиям⁷⁰⁰ самих государственных служащих, которые возможно осуществлять на стыке технологий ИИ и Big Data.

Другой нерешенной проблемой остается приватность пользовательских данных граждан. К примеру, советник президента США Д. Трампа по технологиям М. Кратсайос в 2018 г. заявил о намерении властей предоставить данные граждан для задач ИИ⁷⁰¹, что всколыхнуло американскую общественность. В России эксперименты с ИИ проводятся в рамках проектов Сбербанка – nudge economics («экономики подпихивания», корректирующей поведение человека), когда через оптику Big Data гражданам регулярно напоминает что-либо, а также учитываются технологии психо-профилирования по опыту OCEAN Cambridge Analytica в социальных сетях. По мнению социолога К. Гаазе, российские власти проводят такие эксперименты через Сбербанк, чтобы разработать приемы «политической машины» – корректировки политического поведения граждан⁷⁰². Интерес Сбербанка больше сфокусирован на разработках ИИ, связанных с Big Data. Причина прозаическая – максимизация прибыли.

Большими рисками использования технологий ИИ, как демократиями, так и автократиями, обладает замещение публичной политики парадигмой

---

⁶⁹⁹ Васин С.Г. Искусственный интеллект в управлении государством //Управление. 2017. №3(17). С. 5-10.

⁷⁰⁰ Логинов Е.Л., Шкута А.А. Искусственный интеллект в органах госуправления //Государственная служба. 2017. Т. 19. №5. С. 24-29.

⁷⁰¹ Рябова В. План правительства США в отношении искусственного интеллекта: пусть все сделают в Google. URL: <http://d-russia.ru/plan-pravitelstva-ssha-v-otnoshenii-iskusstvennogo-intellekta-pust-vsyo-sdelayut-v-google.html> (дата обращения: 02.11.2019).

⁷⁰² Гаазе К. Kremlin Analytica: зачем администрации президента искусственный интеллект. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79665> (дата обращения: 02.11.2019).

сервисного государства. Один из создателей теории ИИ М. Минский предупреждал, что ИИ и человека можно связать через так называемые «ментальные агенты» – базовые микропроцессы, участвующие в конструировании сознания индивида (например, агент Строитель, отвечающий за созидание, Крушитель, нацеленный на разрушение, Цензор, Супрессор, устраняющий альтернативные идеи и т.п.)⁷⁰³. Фактически – это те элементарные «алгоритмы власти», которые элита устанавливает в политическом интерфейсе. Х. Арендт отмечала⁷⁰⁴, что машины уже давно стали условием существования человека. Через политический интерфейс электронному правительству, цифровым платформам, плагинам, приложениям, сообществам социальных сетей, блогам и другим интернет-ресурсам сообщается стандартизированный функционал разрешений и запретов для цифровых аватаров граждан. Политические интерфейсы уже существуют как в Китае (система «Социального рейтинга»), так и в США (Google Пазл (Jigsaw)). Несмотря на относительное доверие к ИИ в разных странах, все же к нему относятся как к политическому инструменту элит. Так, аналитики хакатона «VisionHack» 2017 опросили о ИИ 5,7 тыс. россиян и 22 тыс. американцев, выяснив, что лишь незначительная доля респондентов (4% в России и 16% в США) верят, что ИИ приведет к глобальному миру и разрешит военные конфликты. 59% россиян и 67% американцев опасаются, что ИИ углубит социальное неравенство⁷⁰⁵.

Авторы аналитического доклада Centre for Public Impact (CPI) исходят из того, что легитимация современных режимов зависит в равной степени от выборных процедур и действий правительства. Они применяют к анализу механизма легитимности кибернетическую модель «ввода – вывода» данных, описывая модель функционального интерфейса между гражданами и

---

⁷⁰³ Минский М. Сообщество разума. /Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ. 2018. С. 545-559.

⁷⁰⁴ Арендт Х. Vita Activa, или О деятельности жизни. /Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс. 2017. С. 179, 161; 186.

⁷⁰⁵ Рубченко М. Искусственный интеллект: что он умеет и чего бояться человечеству.

URL https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/17092017/150872?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 08.10.2020).

государством. Модель распространения политического интерфейса они обосновывают двумя тезисами: во-первых, техники предоставления услуг населению все больше усложняются, а демократическое участие попадает в сильную зависимость от институциональной среды бюрократии, во-вторых, сервисно ориентированный интерфейс, возникающий между государством и гражданином, нацелен на доставку услуги и результат, а не политическую репрезентацию. Аналитики СРІ прогнозируют активизацию такого политического интерфейса в следующих направлениях⁷⁰⁶: а) формирование политической повестки дня (помощь ИИ правительству в определении повестки на основе анализа интересов пользователей соцсетей через оптику Big Data, чем с 2015 г. уже занимаются британские власти), б) формулирование политики (определение политики на основе глубокого анализа рисков и конкретных проблем людей, организаций и регионов страны: с 2017 г. в Великобритании действует ИИ HART, помогающий полиции в поиске преступников, в США ИИ помогает соцслужбам в изучении проблем), в) принятие политических решений (создание вариантов решений не людьми, а ИИ с нацеленностью на результативность), г) реализация политики (нацеливание через ИИ коммуникаций на разные целевые группы для адаптации решений под их специфику), д) оценка политики (анализ результатов, соотношение с показателями в режиме реального времени через принципы нейронных сетей: в Сингапуре и Великобритании ИИ отслеживает отзывы граждан).

Делая выводы, следует заметить, что теоретическая модель С. Липсета во многом объясняет курс современных политических режимов на интегрирование искусственного интеллекта в прежнюю систему электронного правительства в виде порталов. На примере США и КНР видно, что их власти в условиях роста популярности интернет-коммуникаций заинтересованы

---

⁷⁰⁶ Destination unknown: Exploring the impact of Artificial Intelligence on Government. URL <https://resources.centreforpublicimpact.org/production/2017/09/Destination-Unknown-AI-and-government.pdf> (дата обращения: 08.10.2020).

формировать институциональное доверие в том числе и инновационными способами, направленными на создание образа функциональной, объективной, «эффективной власти». Власть обретает свою цифровую маску, внешне декларируя быструю связь с гражданином, но на деле скрываясь от него, уходя от прямых контактов с ним, подчиняя сам коммуникационный механизм «вопрос-ответ» алгоритмам, все так же контролируя круг вопросов⁷⁰⁷ политической повестки и скрывая источник приказов за ИИ и платформами электронного правительства.

Теория богатства медиавозможностей также объясняет большой интерес граждан к чат-ботам на основе ИИ, чем к информационным порталам электронного правительства. Параллельное развитие в США и Китае мобильных технологий, API, «интернета вещей», «облачных технологий», Big Data создает благоприятные условия для внедрения в сетевую архитектуру электронного правительства систем искусственного интеллекта. Анализ показал, что американские и китайские власти до системного внедрения ИИ в практику e-government предпочитают проводить разные экспериментальные проекты политических инноваций путем сотрудничества с частными цифровыми корпорациями.

Однако пока нерешенной проблемой остается адаптация ИИ под ценности, а также политические ценности конкретной страны. Принципы машинного обучения, а также самообучения приводят к тому, что ИИ, с одной стороны, подключенный к базам данных порталов электронного правительства, а, с другой стороны, интегрированный с социальными сетями для оперативного взаимодействия с пользователями по их проблемам, способен переобучаться. Кейсы американского ИИ Тау и китайских ИИ BabyQ и Xiao Bing хорошо показали, что активное меньшинство интернет-пользователей способно быстро переобучить ИИ в процессе бесед, заставив его переориентироваться на совершенно другие политические ценности.

---

⁷⁰⁷ Канетти Э. Масса и власть. /Пер. с нем. Л. Ионина. М.: АСТ. 2020. С. 426-427.

Особенно большие риски этого возникают при сочетании ИИ с эмоциональным интеллектом. Интересно, что в нейронно-сетевой модели ученые соотносят сеть с феноменом квазиискусственного интеллекта. Нельзя исключать, что протестные сети являются самообучающимися коммуникативными системами с принципами обратной связи и реагирования на силовую активность политического режима⁷⁰⁸. Хотя остается вопрос, насколько активными в технике самообучения будут провластные сетевые сообщества.

Также есть угрозы фашизации политического режима – приспособление ИИ, «интернета вещей» к тотальному контролю над гражданами со стороны новых политических элит из-за процессов социальной деградации – «новой варваризации». Нельзя исключать вариант борьбы между различными политическими режимами, радикальными группами, ТНК за политико-ценностное перепрограммирование ИИ для своих целей. Такая практика технологий ИИ и формирующего для него условия «интернета вещей» обусловлена сдвигом (в том числе и западных демократий, достаточно вспомнить «дело Сноудена» и схему наблюдения АНБ) от модели «паноптикума» к модели «панспектрона». Если в первом случае интернет-коммуникации предполагали определенного субъекта-наблюдателя за поведением, лояльностью граждан (соответствующий центр), то во втором возникает сеть датчиков, беспилотных дронов для обеспечения постоянного мониторинга, анализа Big Data и соответствующей корректировки социально-политического поведения. Также в «панспектроне» для выявления нелояльных политическому режиму используются сами граждане, их активность в социальных сетях через смартфоны.

В целом, можно резюмировать, что цифровизация используется разными политическими режимами (как демократиями, так и автократиями) в рамках

---

⁷⁰⁸ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Социально-сетевые движения как метафора искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 5-20. DOI 10.17223/1998863X/50/1.

схожего поэтапного механизма легитимационных практик: а) цифровые платформы электронных правительств не просто ориентируются на модель сервисного, бесшофного государства, а предоставляют услуги гражданам в условиях целенаправленной аватаризации – контролируемого процесса навязывания различных личных кабинетов по типу аккаунтов социальных сетей, где аккумулируются биометрические данные человека; б) идущий вслед этому процесс интерфейсизации, с одной стороны, означает создание для цифровых аватаров удобного пользовательского функционала для получения различного плана государственных и коммерческих услуг, с другой стороны, задает алгоритмами стандартизированные цифровые ритуалы – единый политический интерфейс взаимодействия с властью для каждого гражданина. Практику внедрения ИИ в политику и государственное управление можно условно разделить на четыре направления (см. табл. 3). Как видно, из четырех направлений только одно можно связать с развитием демократического режима («партийная работа и публичная политика»). И это является тревожным симптомом.

Таблица 3. Перспективные направления внедрения ИИ
в политику и государственное управление

Электронное правительство	Государственная безопасность	Цифровая дипломатия и геополитика	Партийная работа и публичная политика
«Виртуальные чиновники» на основе ИИ (США, Дубай, Китай, Сингапур, Германия, Латвия, Индия, Аргентина, Великобритания, Австралия и др.).	Техники сбора биометрических данных, идентификации гражданина и видеонаблюдения в Китае, России и др. странах. Системы слежения на базе	«Виртуальные дипломаты» ⁷⁰⁹ (проекты по разработке есть в Китае).	«Виртуальные политики» на основе ИИ (Япония, Новая Зеландия, проект Алиса в России), проекты MIT Media Lab («цифровой Конгресс

⁷⁰⁹ Miaillhe N. The geopolitics of artificial intelligence: The return of empires? //Politique étrangère. 2018. Issue 3. P. 105-117.

	дронов (США и др.).		США»), Project Debate.
--	---------------------	--	------------------------

В качестве перспективного направления применения ИИ для легитимации политического режима можно выделить: а) в стратегическом плане: более глубокую и качественную аналитическую обработку проблем, распознавание и классификацию пользовательских интенгов (намерений)⁷¹⁰, просьб и обращений граждан через оптики Big Data в масштабах целой страны; б) в тактическом плане: создание виртуальных ассистентов на порталах электронного правительства и партий для качественной и оперативной работы с населением по их вопросам, беседы с пользователями на понятном им языке; разработка виртуальных ассистентов для государственных служащих, ориентированных на ключевые направления государственной политики, хранение, извлечение, управление метаданными и контентом, экспертизу рисков отраслевых сфер, закрепленных за министерствами, политический прогноз и «умные подсказки» (включающие ряд альтернативных управленческих решений).

В любом случае, неизбежно, что инновационные разработки, связанные с ИИ, будут использоваться политическими режимами для собственной легитимации – формирования институционального доверия посредством инновационной трансформации e-government. Наиболее серьезной проблемой остается вопрос политико-ценностного программирования ИИ – какие ценности в него будут вложены, которые станут во многом определять приемы воздействия на общественное мнение. Настораживает и другое. Официальная ориентация цифровизации политических режимов на сервисно-технократическую парадигму «государства как платформы» выводит за рамки общественного дискурса вопросы политических ценностей, оставляя их решение лишь за политическими элитами. «Сервисизация» политического

⁷¹⁰ Колесов А. Искусственный интеллект в ЕСМ: реалии и перспективы. URL: <https://www.itweek.ru/ecm/article/detail.php?ID=207323> (дата обращения: 02.11.2019).

режима означает корректировку легитимации, внешне выхолащивая политическое, переориентируя граждан с политической, идеологической оценки деятельности властей на потребительское поведение и ожидание системно-комфортных компенсаций (безопасности, развлечений, материального достатка)⁷¹¹. Но сервисный путь развития электронного правительства от порталов к ИИ не означает отказа политической элиты от выгодной ей интерпретации информации и не исключает использование инновационных технологий для формирования доминирующей системы политических ценностей.

Серьезными политическими рисками обладают и технологии «ложного цифрового аватара» на базе ИИ (Deepfake), подразумевающие создание фальшивых виртуальных личностей, притворяющихся реальными политиками.

Цифровизация легитимационных практик автократий и демократий проявляется в схожих процессах аватаризации и интерфейсизации. Аватаризация хорошо видна на примере массового создания персональных цифровых аватаров граждан, желающих воспользоваться государственными услугами. С другой стороны, режимом для оказания услуг гражданам внедряются искусственные личности на основе ИИ – «виртуальные чиновники», пока оттесняющие «виртуальных политиков». Устанавливается внешне разнообразная, но довольно стандартизированная этика коммуникации между гражданином и властью по бинарному цифровому ритуалу «запрос – ответ», что составляет суть возникающего в большинстве технически продвинутых режимов политического интерфейса. В итоге политическая активность может остаться за элитой в рамках так называемого «демократического элитизма» (политической конкуренцией, ограниченной противоречиями элит) через формирование порядка «панспектрона», а неполитическая – за гражданами. Политические режимы стараются избежать

---

⁷¹¹ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Практис. 2010. С. 64.

«дефицита легитимности» путем соответствия ценностей, мотиваций государства с ценностями и мотивациями граждан. При этом распространенным сценарием становится именно формирование властью ценностей граждан, а не наоборот. Такое состояние дел формирует опасность создания нового типа киберсимулякров на основе политических манипуляций.

3.2. Политическая идентичность в сетевых коммуникациях: конструирование и воспроизводство провластных сообществ

Легитимность политического режима и связанные с ней процессы легитимации и делегитимации логично изучать через выявление специфики дискурсивных практик в сетевых коммуникациях. В то же время маркировку легитимирующего и делегитимирующего дискурсов, а также соответствующей политической повестки сложно произвести в отрыве от феномена идентичности. Не даром В.П. Коломиец пишет, что исследования коммуникаций должны выходить за пределы отдельных явлений и рассматривать коммуникацию в широком формате – как института особой символической власти⁷¹². Анализ идентичности в социальных науках был актуализирован в трудах Дж. Тернера и Г. Тэшфела⁷¹³, но изучение сетевой разновидности идентичности, тем более в политической науке – возникло совсем недавно. Е.В. Летов перечисляет несколько признаков сетевой идентичности: наличие особой киберкультуры; соотношение индивида с сетевым пользователем, обладающим компьютерной грамотностью и коммуникативными навыками в виртуальной среде; активность обособленного индивида в виртуальных группах (сообществах); фактор отдельной хакерской субкультуры⁷¹⁴. Эту классификацию можно дополнить субкультурами геймеров, что особенно актуально в условиях популярности

---

⁷¹² Коломиец В.П. Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия //Социологические исследования. 2017. № 6. С. 3-14.

⁷¹³ Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior //Psychology of intergroup relations. S. Worchel, W.G. Austin (Eds.). Chicago: Nelson Hall. 1986. P. 7-24.

⁷¹⁴ Летов Е.В. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества //Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. №4. С. 62-65.

многопользовательских сетевых игр и феномена стриминга в социальных сетях.

Есть и другие подходы. Британский автор В. Кэлээн вводит категорию «негативной мягкой силы» (negative soft power): а) применяющейся режимом во внутривластной сфере (а не только во внешнеполитической, как писал в своих ранних работах Дж. Най⁷¹⁵); б) создающей национальную идентичность за счет бинарной оппозиции с «образом врага»⁷¹⁶ (все также отсылка к работам Шмитта). Корректирующий свой концепт «мягкой силы» Дж. Най не только пишет о ее гибриде с «жесткой силой» – «умной силой», но также использует терминологию «негативной мягкой силы», считая ее формой информационного воздействия⁷¹⁷. Близкую идею выдвигает Г.И. Козырев, связывая технологию конструирования «образа внешнего врага» с укреплением легитимности политического режима⁷¹⁸. К. Аткинсон по-своему развил модель Най в идее «военной мягкой силы» – способности трансформировать убеждения и ценности для изменения поведения людей, в том числе с помощью виртуальных коммуникаций⁷¹⁹.

Л.Ф. Фадеева полагает, что сетевую идентичность можно рассматривать по-разному – или как особую пространственную идентичность в киберпространстве, или как процедуру отождествления, при которой пользователь связывает себя с определенными виртуальными сообществами. Фадеева в своей работе выдвигает примечательный тезис: сетевые идентичности и коммуникации, с одной стороны, могут усилить гражданскую идентичность даже при ограничении свобод, однако, с другой стороны,

---

⁷¹⁵ Nye J.S. *The Future of Power*. New York: Public Affairs. 2011. P. 84.

⁷¹⁶ Callahan W.A. *Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream* // *Politics*. 2015. Vol. 35. Issu. 3-4. P. 216-229.

⁷¹⁷ Nye J. *For Russia, some hard lessons in the use of soft power* // *The Globe and Mail*. 2017. May 12. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/soft-power-hard-lessons/article34958109/> (дата обращения: 11.11.2019).

⁷¹⁸ Козырев Г.И. *Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России* // *Социологические исследования*. 2018. № 1. С. 52-58.

⁷¹⁹ Atkinson C. *Military soft power in the 21st century: military exchanges and partner development* // *Augmenting our influence: alliance revitalization and partner development*. Ed. by J.R.Deny. Carlisle: United States Army War College Press. 2014. P. 56.

инструмент сетевых идентичностей служит манипулятивным целям со стороны недемократичного правительства. Российский политолог считает, что в формировании сетевых идентичностей больше играют не либеральные, а экстремистские и радикальные идеи⁷²⁰. Но с таким видением не соглашается Д.С. Мартьянов, пишущий, что идеологические предпочтения не имеют локальной привязки к разным сегментам Интернета. Согласно его оценке, сетевая идентичность, напротив, благоприятствует политическому эскапизму по причине своей сингулярности – работе только индивидуального типа идентификации и делегитимации всех вариантов коллективной идентификации⁷²¹. И все же Мартьянов признает, что эволюция протестной активности позволяет изучать такую идентичность как типично политическое, а не только социальное явление. Как и Фадеева, Мартьянов под сетевой идентичностью понимает вид идентичности пространственной.

О сетевой политической идентичности пишет С.В. Бондаренко, определяя ее по трем элементам⁷²²: институционализированным (авторитетность и взаимная эмпатия членов сетевых сообществ); объективированным (сетевые арены для организации коммуникации – чаты, сайты); инкорпорированным (интерактивная коммуникация и компетенция, особая информационная культура участников сети). Можно предположить, что сетевая политическая идентичность – это современная разновидность политической идентичности, которая формируется в условиях сетевых интернет-коммуникаций и принципа фиджитал-мира – эффекта наложения виртуальных и реальных процессов.

Что же привлекает политических акторов к сетевым политическим идентичностям? Акторы, как заинтересованные в легитимации политического режима, так и те, которые имеют противоположные цели, существуют в

---

⁷²⁰ Фадеева Л.А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Ред. И.С. Семенов, В.В. Лапкин, Л.А. Фадеева. М.: РОССПЭН. 2011. Т. 1. С. 67-69.

⁷²¹ Мартьянов Д.С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. №4. С. 142-160.

⁷²² Бондаренко С.В. Политическая идентичность в киберпространстве // Политическая наука. 2005. № 3. С. 76-92.

современных условиях дробления политических ресурсов⁷²³, во многом происходящего из-за развития коммуникаций, культурных и социально-экономических процессов. Причем данные процессы ресурсного дробления имеют универсальный характер, проявляющегося как во внутренней политике, так и в международных отношениях. М.М. Лебедева справедливо замечает, что диффузия политической силы возникает из-за облегчившегося доступа акторов к информационно-коммуникационным ресурсам, в частности, к социальным сетям⁷²⁴. Поэтому, во-первых, политическому режиму в эпоху масштабной цифровизации нужна новая опора, но уже не только в лице армии, полиции и спецслужб, но и в виде особого «носителя легитимности», с помощью которого можно влиять на массовое сознание по горизонтали и по вертикали⁷²⁵, а также получать дополнительные властные ресурсы, аккумулировать их, предотвращая от дробления. В качестве таких «носителей легитимности» политические режимы используют плеяду искусственно создаваемых сетевых сообществ (или «инструментальных» в терминологии М.Г. Бреслера⁷²⁶). Во-вторых, если использовать архетипический подход, то сетевые политические идентичности, складывающиеся из сетевых сообществ, для интернет-пользователей обладают типичным архетипом «острова»⁷²⁷ посреди океана постправды – фиджитал-мира, где реальная фактология перемешана с элементами киберсимулякров – фейками, мифами и стереотипами⁷²⁸. Граждан интересует та политическая информация, которая будет подтверждать их собственные

---

⁷²³ Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике //Полис. Политические исследования. 2014. №1. С. 99-108.

⁷²⁴ Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития //Вестник МГИМО Университета. 2013. № 1 (28). С. 38-42.

⁷²⁵ Воробьев Д.М. Носитель легитимности (Российская политическая традиция организации социального адреса Власти) //Полис. Политические исследования. 2005. №3. С. 62-64.

⁷²⁶ Бреслер М.Г. Метод выявления инструментальных сетевых сообществ социальной сети политических коммуникаций //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №4. С. 39-49. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/19591/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁷²⁷ Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. /Пер. с итал. Я. Арьковой, М. Визеля, Е. Степанцовой. М.: АСТ, CORPUS. 2016. С. 310.

⁷²⁸ Шушпанова И.С. «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы //Социологические исследования. 2018. № 12. С. 94-104.

ценностные установки⁷²⁹. Следовательно, такого рода информацию они ищут у своих единомышленников в тех же сетевых сообществах. Безусловно, этот процесс не исключает применения манипуляций со стороны политических субъектов.

Между тем, доктор философии С. Стивенс-Давидовиц выдвигает тезис о «нулевой политической сегрегации», предположив, что интернет-коммуникации – это нейтральный медиум, так как в них нет четкого разделения индивидов на политизированные сообщества. Он пишет о двух факторах, препятствующих такой сегрегации⁷³⁰. Во-первых, по его мнению, сообщества социальных сетей черпают готовую информацию с новостных порталов, которые ориентированы на широкую аудиторию, а не на разные политизированные целевые группы. Во-вторых, он считает, что индивиды с четкими политическими позициями склонны переходить на сайты, где разделяется совершенно иная политическая оценка, когда участники сетевых сообществ через близких и друзей могут пересекаться с людьми иной идеологической приверженности. Свои идеи автор подкрепляет выводами экономистов М. Генцкоу и Дж. Шапиро о низкой идеологической сегрегации социальных сетей, существующей, согласно их гипотезе, из-за повышенного интереса пользователей к ярким и своевременным новостям⁷³¹. Авторы, как признает и сам Стивенс-Давидовиц, проделывают «мысленный эксперимент», рассуждая, что, к примеру, неонацистский сайт не возникнет по причине небольшой неонацистской аудитории. Такая позиция отрицает феномен сетевых политических идентичностей.

Однако обозначенная позиция совершенно не учитывает роль новых медиа и гиперболизирует значение новостных порталов, игнорируя то, что сами порталы могут брать политизированный контент с микроблогов,

---

⁷²⁹ Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Э. 2017. С. 61.

⁷³⁰ Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас все. /Пер. с англ. Л.И. Степановой. М.: Эксмо. 2018. С. 176-181.

⁷³¹ Gentzkow M., Shapiro J.M. Ideological Segregation Online and Offline //Quarterly Journal of Economics. 2011. №4. P. 1799-1839.

видеохостингов и социальных сетей. Складывается ощущение, что тезис о «нулевой политической сегрегации» сетевых интернет-коммуникаций имеет свои корни в исследовании Колумбийского университета 1950-х гг., результаты которого отвергали влияние радио, журналистов и кино на электоральное поведение⁷³². Правда, с того времени традиционные коммуникации потеряли свою монополию, и возникли новые медиа (при этом многие идеи П. Лазарсфельда совершенно не теряют своей актуальности при анализе интернет-коммуникаций). Достаточно, к примеру, зарегистрироваться в сообществах радио «Эхо Москвы» и попытаться высказать не либеральную точку зрения, то на пользователя сразу обрушивается шквал критики. Аналогичный эффект будет и с либералом на консервативных ресурсах. Формирование сетевой политической идентичности протестного типа хорошо видно на примере движения «желтых жилетов», актив которого после изменения алгоритма Facebook был сформирован в своеобразных цифровых капсулах, действующих по принципу эхо-камер, где приоритетность новостной ленты осталась за пабликами френдов⁷³³. Администраторы сетевых сообществ фактически стали подменять профсоюзы.

Мало того, дисфункции общества и социально-политические расколы никуда не исчезли, они также проявляются в сетевых сообществах. По мнению Е.Б. Шестопаля и А.В. Селезневой, сохраняющиеся расколы способны привести к кризису традиционной и ранее понятной идентичности⁷³⁴. Противоречия по социальным, политическим, этническим и религиозным признакам не обязательно должны ярко проявляться в повседневной жизни, однако в сетевых коммуникациях, где у индивида есть чувство анонимности и

---

⁷³² Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. *The People's Choice*. N.Y.: Columbia University Press. 1940; Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. *Voting*. Chicago: University of Chicago Press. 1954. P. 301-321.

⁷³³ Glad V. Dans le combat final des gilets jaunes, Jupiter va affronter des modérateurs Facebook. URL: https://www.liberation.fr/debats/2018/11/30/dans-le-combat-final-des-gilets-jaunes-jupiter-va-affronter-des-moderateurs-facebook_1695023 (дата обращения: 16.08.2019); Bershidsky L. France Faces a Typical Facebook Revolution. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-12-03/in-the-gilets-jaunes-paris-riots-france-faces-facebook-revolution> (дата обращения: 16.08.2019).

⁷³⁴ Шестопаля Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России //Социологические исследования. 2018. №10. С. 90-99.

неуязвимости (во многом – стереотипное и обманчивое), они могут воплотиться в приобщении к определенным политизированным группам. Кризисы идентичности в рамках теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса связаны в современном капиталистическом обществе с кризисами легитимации (об этом же пишет и С. Липсет), а те – с кризисами управления, неосознаваемыми политическими субъектами. По Хабермасу, легитимационные кризисы означают то, что при политических изменениях существующий механизм обеспечения легитимации не поспевает за потребностью в текущей легитимации⁷³⁵. Таким образом появляется спрос на цифровую эластичную модель легитимации политического режима через новые сетевые технологии и коммуникации.

Чтобы снизить риски легитимационных кризисов, цифровизация политического режима, как порядка функционирования всей политической системы, включает активную работу властных акторов с гражданами в сетевых коммуникациях, а именно – конструирование и воспроизводство провластных сетевых сообществ. Задачей такой сетевой работы является формирование среди части интернет-пользователей политической идентичности, лояльной в отношении элиты и ее политического режима. Здесь важно изложить свою теоретическую модель, объясняющую подобные процессы цифровизации режима, а также предложить научную гипотезу.

В условиях атомизированного общества постмодерна власти важно овладеть механизмами сборки своих реальных и потенциальных сторонников в лояльные группы. Принцип «от индивидуального к коллективному» наиболее эффективен в создании политической идентичности, если он последовательно применяется пропагандистскими и рекрутинговыми операциями во всех возможных уровнях: а) начиная от личных цифровых капсул индивидов (учет и последующая корректировка предпочтений, ценностей пользователя, фильтрации контента, настройки новостной ленты

---

⁷³⁵ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис. 2010. С. 13, 79-82.

персональных аккаунтов); б) продолжаясь в сетевых сообществах (формирование и поддержание групповых ценностей, в том числе методами эхо-камеры); в) и заканчивая национальным «сетевым полисом», который выстраивает политический режим (куда входят сообщества и их более сложные сообщества – политикумы).

Сетевой полис – это система зависимых от интересантов (политических и союзных им корпоративных элит) сетевых интернет-арен гражданского участия, благодаря которым конструируется сетевые идентичности, способные легитимировать/делегитимировать существующий политический режим⁷³⁶. Таким образом, сетевой полис складывается, как макроуровень, из сетевых арен участия – коллективных цифровых капсул (мезоуровень), которые включают индивидуальные цифровые капсулы интернет-пользователей – их цифровые аватары (микроуровень). Важный скрепляющим компонентом сетевого полиса является определенный ценностно-символический код.

Категория «сетевого полиса» во многом учитывает опыт античного полиса как политически господствующей общины полноправных граждан, где существует политическая элита⁷³⁷. Характер отношений античной элиты с гражданами, успешность создания общей политической идентичности во многом определяли легитимность полисного режима. Современные виртуальные арены участия, как и античные до этого, формируются интеракциями участников, определяющих их ценности и легитимные практики⁷³⁸. Функцию сетевой элиты во многом приобретают гейткиперы – владельцы, администраторы и модераторы арен участия, тогда как

---

⁷³⁶ Федорченко С.Н. Сетевой полис: гражданин на перекрестке реальной и виртуальной политики //Обозреватель - Observer. 2019. № 4 (351). С. 68-85.

⁷³⁷ Сморгчов А.М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ. 2012. С. 16; Он же. Двойные стандарты в оценках римской демократии //Журнал политических исследований. 2018. Т.2. №3. С. 136–137. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23667/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁷³⁸ Завадская М.А. Арены участия: Россия в европейском контексте //Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: РАПН, РОССПЭН. 2011. С. 201-202.

гражданами сетевого полиса становятся остальные участники этих арен. Преимущества сетевого полиса могут использовать не только демократии, но и автократии. Например, китайские власти часто обращаются к интернет-пользователям помочь разобраться в проблеме, найти нарушителя. Е. Морозов называет такие попытки Китая, России, Ирана и других стран «спинтернетом» – системой, где мало цензуры и много манипуляций⁷³⁹. Между тем, подход Морозова, к сожалению, не учитывает аспект провластных сетевых идентичностей, которые не всегда формируются за счет манипуляций.

Институционализация арены происходит при регулярности коммуникаций и единстве ценностей участников. Примерами таких арен участия могут быть: группы социальных сетей, блоги, микроблоги, тлоги, видеохостинги, форумы, имиджборды, чаты в приложениях для мессенджеров, сетевые компьютерные игры, новостные агрегаторы и сайты, онлайн-комиксы, интернет-энциклопедии и т.п. В условиях постоянного информационного противоборства между государствами, транснациональными корпорациями, радикальными группами, политическому режиму важно перехватить инициативу в: а) формировании подконтрольных сетевых арен гражданского участия; б) поглощении лояльными сообществами политикумов⁷⁴⁰ – социальных групп, активно присутствующих в сетевых аренах и проявляющих постоянный интерес к политической деятельности и повестке, но, по сути, не являющихся частью политической элиты.

В процессе цифровизации политического режима, как правило, принимают участие представители разных ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. В свое время еще советскими американцами было замечено, что ни Конгресс с его комитетами и подкомитетами, ни Верховный суд не обладают такими оперативными управленческими

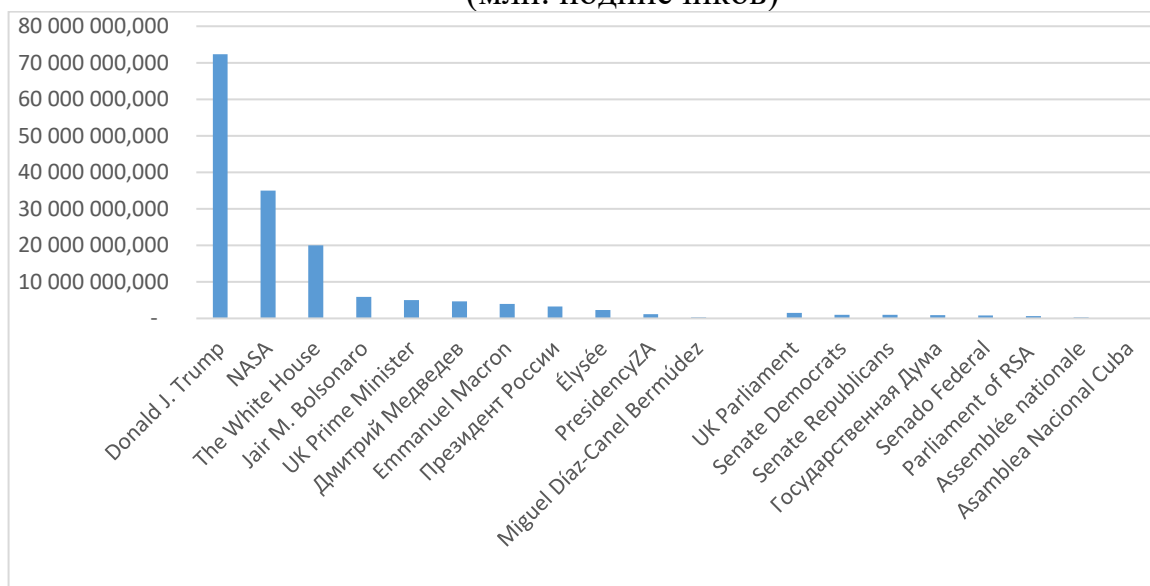
⁷³⁹ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети. М.: АСТ, CORPUS. 2014. С. 160-161.

⁷⁴⁰ Федорченко С.Н. Легитимность Красного Дракона: включение политикумов и виртуальных сообществ в сетевой полис Китая //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. С. 133-144. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/33308/view> (дата обращения: 29.03.2021).

возможностями для гибкого внедрения инноваций, какие есть у администрации американского президента, активно занимающейся прогнозированием и программированием политики и связанной с инновационным бизнесом⁷⁴¹.

Согласно дополнительной рабочей гипотезе настоящего исследования, цифровизация современных политических режимов осуществляется неравномерно и в основном посредством исполнительной власти, ее силовых органов, главы государства, и в меньшей мере за счет законодательных, парламентских структур. Проверим свою гипотезу на примере количественного контент-анализа провластных сообществ разных режимов: США, Великобритании, Франции (либеральных демократий, или постдемократий), России (электоральная автократия), Бразилии, ЮАР (электоральных демократий) и Кубы (закрытой автократии, или идеократии).

Диаграмма 5. Провластные сообщества в сервисе микроблогов Twitter (млн. подписчиков)

⁷⁴¹ Савельев В.А. Капитолий США: прошлое и настоящее. М.: Мысль. 1989. С. 117-118.

Диаграмма 6. Провластные сообщества в социальной сети Facebook (млн. подписчиков)

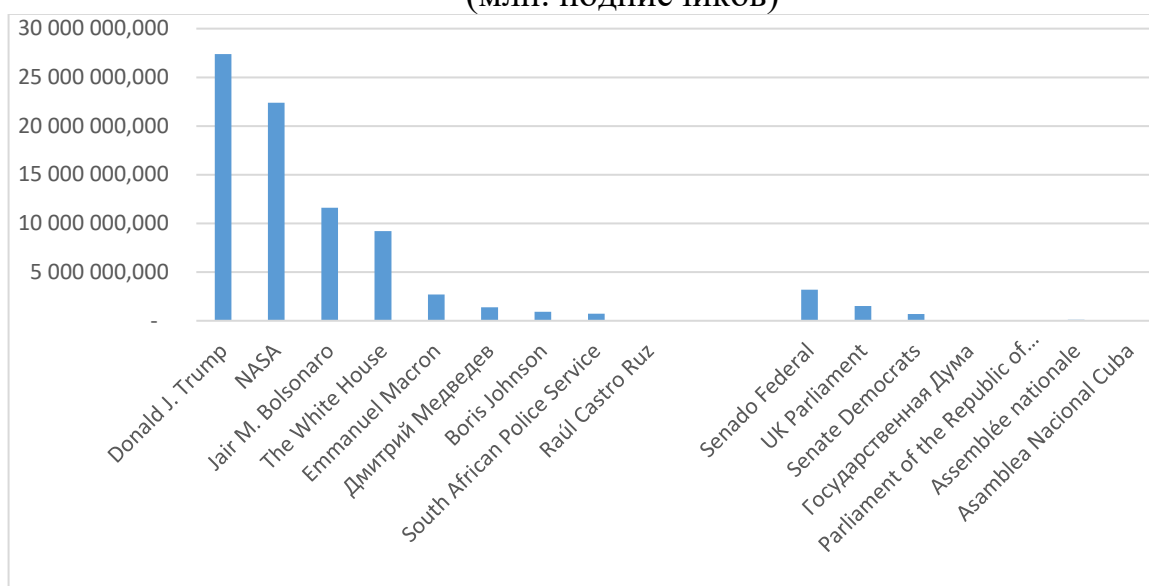
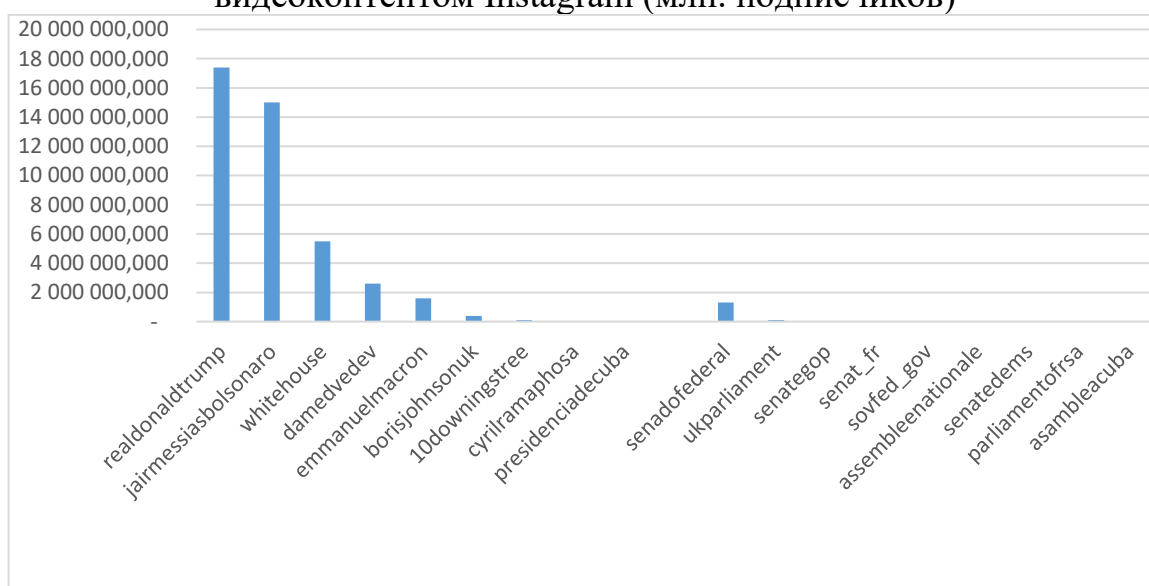

Диаграмма 7. Провластные сообщества в приложении для обмена фото и видеоконтентом Instagram (млн. подписчиков)

Исследование показало (диагр. 5-7), что цифровизация разных современных политических режимов (как автократий, так и демократий) действительно осуществляется неравномерно и в основном посредством глав государств, исполнительной власти, ее силовых органов⁷⁴². Схожие результаты были получены диссертантом по социальной сети ВКонтакте и видеохостингу YouTube (основное исследование 262 сообществ было

⁷⁴² Исследование проводилось до удаления аккаунтов Д. Трампа.

проведено в январе-феврале 2020 г., корректировка и уточнение – в декабре 2020 г.). Дополнительные авторские исследования также подтвердили эту закономерность⁷⁴³. Формирование провластных идентичностей, возможно, объясняется и разочарованием населения ряда стран в западных ценностях⁷⁴⁴, возврату к традиционным ценностям, провалом моделей демократического транзита и экономической модернизации.

Мощную роль в формировании сетевых политических идентичностей все больше приобретают владельцы алгоритмов – цифровые корпорации, связанные с режимами. Кейс Д. Трампа с массовым закрытием его аккаунтов в социальных сетях отчетливо свидетельствует, что само право коммуникации личности отныне зависит от этих акторов. Эта новая алгоритмическая власть обладает тем, что Д. Гребер называл «структурным насилием» – способностью формироваться и воспроизводиться лишь за счет угрозы применения насилия⁷⁴⁵ – уничтожения цифровых аватаров, цифровых следов человека, его тотальной цифровой изоляции. Тем самым физическое насилие для такой власти алгоритма даже не требуется.

Подводя итоги параграфа, постараемся более детально интерпретировать полученные результаты. Итак, большее значение в формировании провластных сообществ играют главы государств и органы исполнительной власти. Это формирует риски цифрового неравенства и создает угрозы для демократических режимов. Детальный анализ сообществ показал, что механизм формирования лояльной в отношении политического режима идентичности происходит через целый комплекс технологий, связанных с

---

⁷⁴³ Федорченко С.Н. Элита и ее политический режим в условиях сетевых коммуникаций //Журнал политических исследований. 2020. Т.4. №1. С. 70-83. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-70-83. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/36843/view> (дата обращения: 29.03.2021); Fedorchenko S., Alekseev R., Ezhov D., Kurenkova E. Democratic political regime in development context of online network communities //E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 210. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2020/70/e3sconf_itse2020_16016/e3sconf_itse2020_16016.html (дата обращения: 29.03.2021).

⁷⁴⁴ Глинчикова А.Г., Синеекая Ю.В., Степанянц М.Т. Архаизация: поворот вспять или мобилизация к будущему? //Философский журнал. 2017. Т. 10. №3. С. 133-152. DOI: 10.21146/2072-0726-2017-10-3-133-152.

⁷⁴⁵ Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс. 2016. С. 57.

цифровыми ритуалами: - регулярностью постов (в выходные, как правило, меньше, зависит от новостного фона, текущей политической повестки, исторических дат); - регулярностью комментариев (в зависимости от провокационности, символичности, наличия визуального, графического компонента, значимости и эмоциональности темы, активности троллей); - лайками (большой объем лайков связан во многом с наличием графического, фото-, видео-контента, провокационностью, присутствием юмора, социально-политической важностью и эмоциональностью темы); - репостами (в зависимости от важности темы, краткости, ясности и эмоционально-смысловой нагрузки самого названия публика), - хэштегами и мемами.

Теория эхо-камер К. Санстейна позволяет рассмотреть более специфические признаки виртуальных партийных, лидерских, правительственных и парламентских сообществ, которые становятся функциональными элементами политического режима. Среди этих признаков можно выделить относительное единомыслие участников сообществ по различным политическим вопросам, игнорирование невыгодных для режима новостей и вопросов, предпочтение не аргументативной, а дискурсивной модели коммуникации, нетерпимую критику (стигматизацию) оппозиционно настроенных к режиму интернет-пользователей.

Правительственные и ведомственные виртуальные сетевые сообщества популярны среди пользователей по трем причинам. Во-первых, их информационная активность непосредственно связана с регулярной деятельностью лидеров (глав государств, премьер-министров и др.). Во-вторых, росту аудитории правительственных сообществ способствует принцип преемственности – президенты могут меняться, но харизма и активность череды лидеров стран положительно влияет на наполняемость групп (например, американских The White House, US Department of State, NASA, французских Élysée, Gouvernement). В-третьих, правительственные сообщества нельзя считать лишь группами, пользующимися успехами глав государств, политических лидеров. Формат сообществ отражает последние

тенденции в медиакратизации⁷⁴⁶ политических режимов, когда вместо принципов аргументированного дискурса приходят критерии медиалогии, телегеничности и политического шоу, снабженного эмоционально насыщенным фоном внутривнутриполитической и дипломатической повестки.

В последние десятилетия правительственные учреждения, правоохранительные органы власти сами стараются создать в социальных сетях собственные сообщества для нескольких целей: а) формирования своего положительного узнаваемого образа в общественности; б) регулярного освещения своей работы в рамках внедрения концепции электронного правительства, «бесшовного государства». Такое наблюдение способно претендовать на определенные последствия в политической науке, а именно – изучение успешного опыта правительственных виртуальных сообществ может помочь ученым выработать для парламентских и судебных виртуальных сообществ пакет рекомендаций с целью популяризации их сетевых групп.

Число подписчиков провластных сообществ в основном растет и примерно делится на: а) меньшинство из «активных пользователей», б) большинство подписчиков – «наблюдателей», в) администраторов сообществ (у которых есть право бана и цензуры в виде элементов власти), г) троллей-одиночек (провоцирующих дискурс и являющихся важным спланирующим условием для сообщества, так как на их агрессивные выпады и прочую активность начинают реагировать пользователи, защищая и воспроизводя свою идентичность, – интересно, что это подтверждается современными монографическими исследованиями⁷⁴⁷). Важная роль при формировании лояльной к режиму идентичности появляется у групп пользователей сообществ: фильтров (активных участников), функционеров (модераторов, создателей сообществ), «фанатиков» (сторонников провластного дискурса,

---

⁷⁴⁶ Meyer T. *Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch die Medien*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 2001; Бодрунова С.С. Медиакратия: современные подходы к определению термина //Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. №3. С. 203-215.

⁷⁴⁷ Филлипс У. *Трололо: Нельзя просто так взять и выпустить книгу про троллинг*. М.: Альпина Паблишер. 2016. С. 125.

защищающих сообщество от троллей) и «фейерверков» (создателей мемов, хэштегов, которые могут быть провластными троллями)⁷⁴⁸. При этом актуализация идентификационного процесса и мемориального дискурса сообществ происходит в условиях акселерации политических, информационных процессов и так называемых «войн памяти»⁷⁴⁹.

Фактор популизма объясняет почему сообщества глав государств и политических лидеров имеют большее количество подписчиков, чем группы таких коллективных субъектов политического управления как партии и парламенты. В этих сообществах больше применимы принципы харизмы и *celebrity* – политической знаменитости, о жизни которой стремятся узнать граждане через социальные сети. Именно сообщества глав государств, политических лидеров, ведомств, органов исполнительной власти становятся центральными узлами и коммуникационными аренами сетевого полиса политического режима. Сетевой полис исходит из того правила, что контент, набравший большинство лайков, просмотров и репостов, поднимается в топ-рейтинги, а значит, становится доминирующим в конструировании политической повестки.

3.3. Символика в установлении цифровой политической повестки: мемификация и хэштегирование

Повестка – это стратегический компонент легитимации любого политического режима. Власть, имеющая рычаги контроля над политической повесткой дня, сохраняет те несиловые инструменты воздействия на общественное сознание, которые необходимы для легитимации режима. Политическая повестка связана, прежде всего, с технологической легитимацией (распространение месседжа, политических новостей) и ценностной легитимацией (интерпретацией на символической основе).

---

⁷⁴⁸ Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление: Монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА. 2016. С. 153-158.

⁷⁴⁹ Федорова М.М. М. Фуко / Р. Козеллек: две стратегии артикуляции исторического сознания и политики // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 1. С. 6-20. DOI: 10.31429/26190567-21-1-6-20.

Институциональная и персональная легитимация здесь играют роль, но не определяющую, а скорее вспомогательную.

Макиавелли в восемнадцатой главе своего «Государя» делает нам определенные намеки на осмысление им политической повестки, отмечая неоспоримость того мнения большинства, за которым скрывается государство⁷⁵⁰. Флорентийский политический мыслитель в сочинении «О военном искусстве» также делает острое наблюдение о важности массового охвата толпы для изменения ее мнения в пользу политика⁷⁵¹. Современными политологами политическая повестка связывается с основополагающими для проводимой властью политики ценностями, идеями и целями. Может быть поэтому, согласно гипотезе Е.Б. Шестопал, политическая повестка дня будет более эффективной и реализуемой, когда обозначенные властью цели станут ясны гражданам⁷⁵². В своей трактовке повестки российский ученый опирается на мнение Дж. Маджоне. Исследователь из Университета Антверпена П. ван Элст не привязывает политическую повестку к ценностям, но четко отделяет ее от общественной повестки⁷⁵³. Т.Н. Митрохина под политической повесткой дня определяет сумму важнейших политических проблем, выстраиваемых в порядке приоритета, требующих разрешения и публичного обсуждения⁷⁵⁴. Сформулировать можно и несколько по-другому, предметней и ближе к проблеме нашего исследования, – политическая повестка дня – это набор важных, приоритетных для власти тем, поддерживающих посредством политических коммуникаций символичность, значимость и эффективность ее образа для общества.

---

⁷⁵⁰ Макиавелли Н. Избранные сочинения. Пер. с ит., вступ. ст. К. Долгова. М.: Худож. лит. 1982. С. 352.

⁷⁵¹ Никколо Макиавелли. Время государя: с комментариями и объяснениями. Пер. Г. Муравьевой. М.: АСТ. 2018. С. 219.

⁷⁵² Шестопал Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами //Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 7-24.

⁷⁵³ Van Aelst P. Media, political agendas and public policy //Handbook of Political Communication. Ed. Carsten Reinemann. Berlin: De Gruyter-Mouton. 2014. P. 231-248.

⁷⁵⁴ Митрохина Т.Н. Политическая повестка дня для России в официальном дискурсе власти //Власть. 2012. №5. С. 5-8.

Легитимность политического режима напрямую зависит, во-первых, от его способности решать существующие в социуме проблемы и, во-вторых, от информационного освещения их решаемости властью. Следовательно, режим должен контролировать процесс проникновения проблем в политическую повестку. Иначе к этому механизму подключится оппозиция, в том числе и радикальные, антиправительственные акторы. Отпускать ситуацию на самотек в условиях цифровизации современного общества будет непозволительной роскошью. Политическая повестка бывает разных видов. Политологи рассматривают партийную (К. Грин-Педерсен, Х. Бранденбург, Р. Штубагер), парламентскую (Б.Д. Джонс, К. Трамбо, М. Вольф, С. Сорока), правительственную (М. Нютеменс, С. Валгрейф), президентскую (Д. Вуд, Дж. Эдвардс, Ш. Джилберг, В. Ванга, Дж. Фут) повестку. Аккумулятирующей их рамкой является повестка политического режима. У правительства, партий (кроме радикально-оппозиционных), главы государства, парламента есть точки пересечения – общегосударственные интересы. Сейчас наибольший интерес для режима представляет создание механизма формирования и распространение политической повестки через ключевые сетевые узлы – популярные сообщества.

В своей книге Дж. Кингдон в рамках концепта «политических потоков» рассматривает своеобразный универсальный «фильтр повестки» – три условия попадания любых вопросов именно в политическую повестку, а именно существования: а) потока проблемы (problem stream), б) потока решения (policy stream), в) потока политической воли (political stream)⁷⁵⁵. Первый поток – это понимание обществом необходимости решения проблем именно с помощью государства, второй поток – это профессиональная работа специалистов и аналитиков, предлагающих альтернативные политические решения, третий – ряд факторов, оказывающих воздействие на политическую

---

⁷⁵⁵ Kingdon J.W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. N.Y.: Harper Collins College Publishers. 1995. 240 p.; Beland D., Howlett M. *The Role and Impact of the Multiple-Streams Approach in Comparative Policy Analysis* // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2016. Vol. 18. Iss. 3. P. 221-227.

волю, без которой не будет решений проблем (кадры, настроения граждан, информационное влияние различных акторов). В.Д. Соловей более выпукло определяет источники формирования повестки в виде заинтересованных в ней акторов⁷⁵⁶.

В настоящее время уже логично говорить о цифровой политической повестке, которая целиком определяется характерными процессами и сопутствующими феноменами, производными от цифровой трансформации нашего мира: оцифровки больших массивов информации, распространения клипового сознания, сохранения цифрового неравенства и появления новых сетевых видов политических манипуляций. Поэтому оторванного от ценностной стороны объяснения повестки схемы Кингдона будет недостаточно. Для лучшей адаптации теории политической повестки к недавнему процессу цифровизации общества и режима важно опереться на аксиологический подход к политическим коммуникациям. Ценности же в коммуникациях – это, прежде всего, понимание символической стороны явлений и процессов. Конечно, анализ роли символической нагрузки ценностей в политических коммуникациях может натолкнуться на определенные проблемы. Методологическим решением здесь может стать обращение к символическому интеракционизму Г. Блумера.

Если экстраполировать модель Блумера⁷⁵⁷ к современным политиям, то получаем следующее объяснение сущности цифровой политической повестки: а) переход общественных вопросов на уровень политической повестки через «фильтр Кингдона» возможен только при условии их ценностной значимости и близости к распространенным воззрениям граждан, б) через коммуникации и сообщества социальных сетей политический режим способствует распространению тех интеракционных ситуаций в обществе, которые создают необходимые для его легитимации символы и значения, ценностно

---

⁷⁵⁶ Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Э. 2017. С. 10.

⁷⁵⁷ Блумер Г. Коллективное поведение //Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ. 1994. С. 168-204.

предопределяющие определенные темы политической повестки, в) символы и значения являются итогом интерпретаций проблем, годящихся для включения в политическую повестку, тогда как сами интерпретации возникают, распространяются и закрепляются в сознании людей в процессе интеракций, происходящих в сетевых сообществах. По Блумеру получается, что у современного человека есть черта, сохранившаяся от архаичных людей, – его внимание (для актуализации повестки) привлекают символы, связанные с закономерностями коллективного поведения.

Режимную легитимацию посредством управления политической повесткой можно рассмотреть на примере информационной активности Кабинета США. Как показало исследование 2019 г. через платформу Google Trends, существует отчетливая корреляция поисковых запросов по миру и США, являющихся ответной реакцией на заявления американских политиков (диагр. 8-9)⁷⁵⁸. При этом источником информационных поводов, вызывающих пики интереса американских граждан и жителей других стран к повестке США, становятся аккаунты политиков и президента, формирующие вокруг себя крупные сообщества. Выявленная динамика показывает актуальность модели В.Л. Цымбурского «факта-признания», когда в условиях цифровизации режимная легитимация вынуждена учитывать не только внутривнутриполитический, но и мировой уровень реагирования на создаваемую политическую повестку.

---

⁷⁵⁸ Разными цветами обозначается изменение степени интереса к членам Белого дома: фиолетовым (А. Акоста), зеленым (А. Азар), желтым (С. Мнучин), красным (М. Эспер), синим (М. Помпео). См.: Федорченко С.Н. Политический анализ через оптику Google Trends (кейсы Италии, США, России, Германии и Мексики) //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 142-156. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/34268/view> (дата обращения: 29.03.2021).

Диаграмма 8. Всплески интереса к повестке американского Кабинета
(за год в мире)

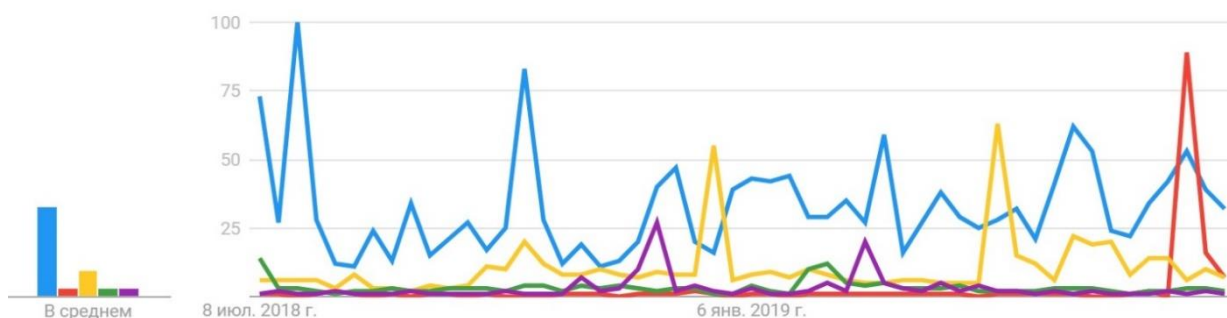
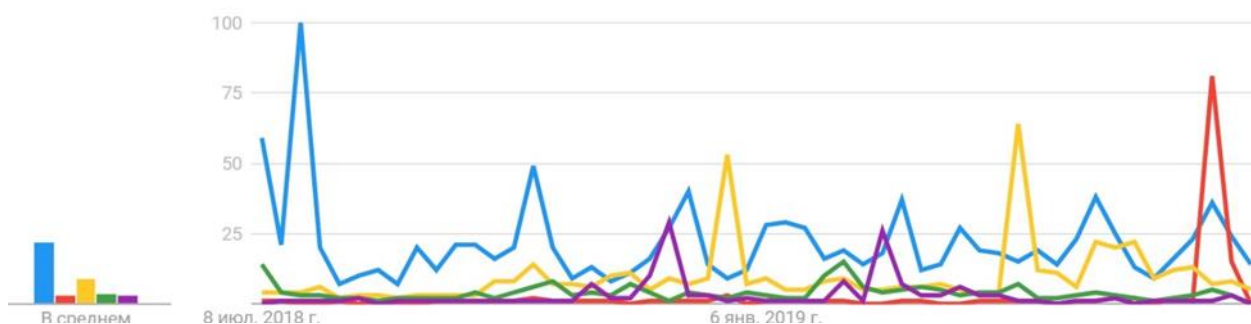

Диаграмма 9. Всплески интереса к повестке американского Кабинета
(за год в США)

Происходящая цифровизация политических смыслов означает и оцифровку символов, их широкое и быстрое распространение посредством сетевых коммуникаций, что было немислимо до возникновения интернет-коммуникаций. Но какова роль символа и символической политики в условиях наступившей цифровизации? Перед тем, как ответить на этот вопрос, нужно разобраться в определении символа. Г. Блумер его четкой трактовки не дает. А. Щютц его тесно не привязывает к политическим отношениям, но выбирает для объяснения символического универсальную и полезную для нашего исследования категорию аппрезентации – косвенного представления неявной стороны объекта исходя из оценки его видимой стороны. По Щютцу, символ

выступает аппрезентирующим отношением высшего порядка между реальным фактом и находящейся за пределами опыта идеей⁷⁵⁹.

Дж. Мид под символом подразумевает универсалию дискурса⁷⁶⁰, тогда как П. Холл считает символы средствами, посредством которых индивиды себя ориентируют относительно всего мира⁷⁶¹. Трактовка Т. Парсонса еще более глубокая. Согласно ей, символы – это контролирующие системы ориентаций сущности⁷⁶². А. Роуз к символам относит обладающий ценностью и значением для человека стимул⁷⁶³. Более раскрывающую суть феномена дефиницию дает З. Мах, определяя символами комбинацию ценностей и идей, создающих символическую реальность⁷⁶⁴. А.Ф. Лосев к символу относил самостоятельную действительность, допуская в нем сочетание идеи и образа⁷⁶⁵, что сближает его тезис с мыслью Щютца о неявной и явной стороне символа. Вместе с тем, Щютц более четко разделял знак и символ. Для Д. Расмуссена символ, скорее, лингвистический феномен, в котором сочетаются отологическая, экзистенциальная и когнитивная стороны⁷⁶⁶. Понимание символа Ю.М. Лотманом представляется не таким односторонним. Лотман пишет, что символ – это конденсатор всех характерных черт знаковости, а также феномен, преодолевающий границы знаковости⁷⁶⁷. О.А. Кармадонов предлагает довольно емкое определение этой категории. Он рассматривает символ в виде обобщенного представления о чем-либо и ком-либо, основанного на витальном и интеллектуальном опыте общности либо

---

⁷⁵⁹ Schutz A. Symbol, Reality, and Society //Schutz A. Collected Papers. Vol. I. The Problem of Social Reality. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 1962. P. 331.

⁷⁶⁰ Mead G.H. Mind, Self, and Society. From the Standpoint of Social Behaviorist. Chicago: The University of Chicago Press. 1934. P. 122-123.

⁷⁶¹ Hall P.M. A Symbolic Interactionists Analysis of Politics //Symbolic Interactionism. Vol. II. Contemporary Issues. An Elgar Reference Collection. Ed. K. Plummer. 1991. P. 169-170.

⁷⁶² Parsons T. Values, Motives, and Systems of Action //Toward a General Theory of Action. Eds. T. Parsons, E. Shils. 1954. P. 159-161.

⁷⁶³ Rose A. A Systematic Summary of Symbolic Interaction Theory //Human Behavior and Social Process. Ed. A. Rose. Boston: Houghton Mifflin. 1962. P. 5-6.

⁷⁶⁴ Mach Z. Symbols, Conflict, and Identity: Essays in Political Anthropology. Albany: State University of New York Press. 1993. P. 47-53.

⁷⁶⁵ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2018. С. 75.

⁷⁶⁶ Rasmussen D.A. Symbol and Interpretation. Hague: Martinus Nihoff. 1974. P. 3-7.

⁷⁶⁷ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Семиосфера. СПб.: Искусство. 2000. С. 241-251.

индивида, содержащего способ, результат выражения, а также образ переживания⁷⁶⁸. Образ же связан с целью и политическим целеполаганием.

Но каково значение символа во властных отношениях? Как видно из разбора феномена политической повестки, основа ее сути – это приоритетность освещаемых в информационном поле и решаемых на практике проблем общества. Что же используется властью для расстановки приоритетности проблем повестки? Т. Парсонс показал, что символы контролируют ориентации граждан, а значит, и их оценку приоритетности проблем для повестки. Символ для власти – это обобщенные представления общности и его индивидов о различных явлениях и сущностях, составляющие механизм политической коммуникации и облегчающие элите управление массовым сознанием через формирование приоритетности включения проблем в политическую повестку.

О.А. Кармадонов критикует Г. Блумера за излишнюю гиперболизацию им объяснения интерпретаций на основе интеракций. Кармадонов резонно полагает, что интерпретации формируются не только во время интеракций, но и несут в своей основе уже существующие символические представления и установки⁷⁶⁹. Такая критика вполне справедлива, вместе с тем, она не отрицает значение символического интеракционизма. Заслугой Блумера является выявление им универсальной «символической цепочки» – в процессе регулярных интеракций люди создают интерпретации о политике и власти, ее легитимности, т.е. дают устойчивые определения политическим явлениям, ценностям, традициям, сущностям и процессам, которые не воспроизводятся сами по себе, а остаются лишь при условии сохранения одних и те же схем интерпретации объектов через определенные действия индивидов. Этими действиями в эпоху цифровой трансформации общества и режима становятся создание и распространение интернет-мемов – мемификация.

---

⁷⁶⁸ Кармадонов О.А. Социология символа. М.: Academia. 2004. С. 146.

⁷⁶⁹ Кармадонов О.А. Социология символа. М.: Academia. 2004. С. 62.

Властный контроль над политической повесткой в цифровую эпоху как обретает свои дополнительные возможности легитимации, так и получает ряд рисков и угроз делегитимации. С одной стороны, расширяются потенциалы манипулирования дискурсом в социальных сетях, появились социальные боты, но, с другой стороны, этими же приемами начинает пользоваться радикальная оппозиция, оспаривающая легитимность политического режима. Цифровая среда способна не только фокусировать внимание общественности на выгодной для режима повестке, пользуясь ее преимуществами, разные генераторы и производители политического контента могут рассеивать и переключать это внимание. На этом фоне противоречивых политических процессов актуальность приобретает изучение цифровых преемников прежних символов – мемов. К пониманию подобного явления одним из первых, похоже, приблизился академик В.М. Бехтерев. В своей книге дореволюционный российский ученый охарактеризовал их как «психических микробов», способных заражать людей⁷⁷⁰.

Вполне вероятно, что понятие «мем» восходит к «миму», обозначавшему как подражание, так и актера-подражателя на древнегреческой и древнеримской сцене, выполнявшего функцию и политического критика. Схожий термин «мимесис» сначала означал культовый танец, выразительные обрядовые действия древнегреческих мистерий, затем также стал подразумевать подражание⁷⁷¹. По мнению В. Вейдле, мимесис, во-первых, – это свойство специфического языка (образа, слова, танца), во-вторых, – это процесс, «меметическое превращение»⁷⁷². Р. Докинз давал весьма широкое определение мему, относя к нему идеи, мелодии, модные слова и элементы архитектуры⁷⁷³. Такое определение не подходит для настоящего исследования.

---

⁷⁷⁰ Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб: Издание К.Л. Риккера. 1908. С. 5.

⁷⁷¹ Кереньи К. Элевсин: архетипический образ матери и дочери. Пер. с англ. М.: Рефл-бук. 2000. С. 85; Гусейнов Г., Зелинский Ф. Психология древнегреческого мифа. М.: АСТ. 2019. С. 56-62; Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. /Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Ю.Н. Стефанова. М.: Академический проект. 2017. С. 258-267.

⁷⁷² Weidle W. Vom Sinn der Mimesis //Eranos-Jahrbuch XXXI. 1962. Zürich: Rhein-Verlag. 1963. S. 249-273.

⁷⁷³ Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир. 1993. С. 171-174.

Более адекватно будет опереться на трактовку, привязывающую мем к интернет-коммуникациям.

С.А. Шомова в своей монографии пишет, что если мем – это строительный элемент культуры и коммуникации (это сближает его с пониманием символа Дж. Мидом, Т. Парсонсом), то интернет-мем является особым типом сетевого сообщения, включающего многообразные и разножанровые по семиотическим признакам мнения по актуальным для сетевого сообщества проблемам, и обладающего вирусным характером благодаря яркости своей визуальной «упаковки» и своего смысла⁷⁷⁴. Определение интернет-мемов, данное Шомовой, сближает это явление, как с политической повесткой, так и с символом. Весьма примечательно, что Шомова не рассматривает хэштеги в отрыве от самих интернет-мемов: с одной стороны, выделяя их как метку мема, с другой, как компонент, способный стать самостоятельным интернет-мемом⁷⁷⁵. Подобный подход выглядит обоснованным: хэштеги помогают мемам распространяться в формате сетевых политических коммуникаций. В любом случае он не противоречит данным Докинзом определению мема как репликатора – самокопирующегося и распространяющегося элемента культурной информации.

Хэштег (с англ. hash – решетка и teg – обозначение метки) – это слово (словосочетание либо аббревиатура), символически обозначающее смысл контента в социальных сетях, интернет-порталах, новостных агрегаторах, видеохостингах, форумах, блогах, тлогах, мессенджерах и иных видах новых медиа. Примером политических хэштегов могут являться хэштеги, передающие политическое содержание на разных языках (#власть, #режим, #politics, #Путин, #Дума, #Трамп, USA). С 2000-х гг. стали проводиться исследования политических хэштегов (Т. Смолл, С. Голдер, Д. Гаффни, Б. Губерман). Исследования американской сетевой политики показали, что

---

⁷⁷⁴ Шомова С.А. Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс. 2018. С. 10; Шомова С.А. От мистери до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ. 2016. С. 50.

⁷⁷⁵ Шомова С.А. Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс. 2018. С. 63.

порядка 47% всех интернет-сообщений политиков включают хотя бы один хэштег, который устанавливает приоритет общественно важных вопросов для управления политической повесткой⁷⁷⁶. К примеру, Демократическая партия в 2013 г. через хэштеги ставила приоритет на вопросах образования, женщин и латиноамериканцев, тогда как Республиканская партия предпочитала темы занятости, экономики и энергетической политики. В западной политической науке даже появился термин «политика хэштегов»⁷⁷⁷. И если технология создания, использования и распространения мемов является мемификацией, то подобные операции с хэштегами логично обозначить хэштегированием. Скорее всего, к популяризации таких новых символических элементов политической коммуникации как интернет-мемы и хэштеги привело распространение клипового сознания – важнейшей стороны процесса цифровизации.

Архетипические бинарные оппозиции более четко проявляются в провластных и оппозиционных политических хэштегах. Если интернет-мемы могут конструироваться политическим интересантом вокруг некоего целостного архетипа (Герой, Трикстер и т.п.), то хэштеги могут больше подчеркивать разницу между сторонниками различных политических лагерей, сосредотачиваясь не на внешней визуализации архетипа, за что отвечает мем, а на бинарной архетипической оппозиции «мы – они», «друг – враг». И хэштег, и интернет-мем отвечают основному признаку символа, который состоит из означающего и означаемого. Хэштеги и мемы участвуют в особом символическом обмене – циркуляции полезной, но эмоционально насыщенной информации для современного человека⁷⁷⁸. Символический обмен смысловым контентом через хэштеги и мемы имеет огромное значение: а) информация упрощается до уровня короткого текста, символов и графики, б) нужные

---

⁷⁷⁶ Hemphill L., Culotta A., Heston M. Framing in Social Media: How the US Congress Uses Twitter Hashtags to Frame Political Issues //SSRN Electronic Journal. 2013. January. P. 1-39.

⁷⁷⁷ Jeffares St. Interpreting Hashtag Politics. Policy Ideas in an Era of Social Media. NY.: Palgrave Macmillan UK. 2014. 184 p.

⁷⁷⁸ Деменов С. Символ и капитал. (Материализация символа). 2-е изд. СПб.: Страта. 2016. С. 11, 27.

данные проще ищутся по ключевым словам, в) интересанты политического режима (элиты, их государство и партии) получают мощный фильтр по контролю информационных потоков и их символических смыслов.

О.А. Кармадонов пользуется интересной категорией «символического свода»⁷⁷⁹, которая может объединить хэштеги и мемы. Символический свод – это, по сути, символический комплекс, в любом случае сохраняющий ценностное ядро, но имеющий свои особенности в условиях цифровизации. Развивая понятие символического свода, можно предположить, что в этом цифровом символическом комплексе хэштеги берут на себя лингвистически-смысловую функцию, тогда как интернет-мемы – в основном образно-смысловую функцию в политическом месседже и повестке. Хэштеги и мемы становятся эффективной дискурсивной технологией⁷⁸⁰ нисходящей легитимации режима именно при слаженном применении. Провластные сетевые сообщества, как активные узлы – носители легитимности режима, могут сплачиваться и увеличиваться ценностно-символическими смыслами благодаря трансляторам этих смыслов – хэштегам и мемам.

Принципы построения каркаса символического свода в условиях цифровой трансформации никуда не исчезают. В основном здесь следует говорить об оцифровке аппрезентационных отношений (А. Щютц) – переносе аппрезентации – понимания скрытого политического месседжа через оценку видимой его стороны. О той же аппрезентации пишет С.А. Шомова, выделяя двухчастную природу мема – внутреннюю, «культурный сгусток», и внешнюю, ассоциативный образ. К внешней стороне мема политолог относит и ироничный характер. К другим – связь с бессознательным (здесь большой потенциал для политического анализа может быть через учет теории архетипов К. Юнга), способность к самокопированию и копированию, интертекстуальность (связь мемов с необычными и неожиданными

---

⁷⁷⁹ Кармадонов О.А. Социология символа. М.: Academia. 2004. С. 191.

⁷⁸⁰ Чимирис Е.С. Легитимация власти: к формулированию операционной модели //Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. №3. С. 37-44.

пересечениями), интерактивность, двойственность⁷⁸¹ (с одной стороны, мемы могут возникать спонтанно, с другой – целенаправленно создаваться, например, в интересах политического режима). Перечисленные черты интернет-мемов, на наш взгляд, могут быть отнесены и к хэштегам, что снова возвращает к универсальному значению символического свода.

Цифровой символический свод включает следующие признаки интернет-мемов и хэштегов в управлении политической повесткой:

- архетипичность (внутренняя сторона по С.А. Шомовой, скрытая по А. Щютцу, включая бинарную архетипическую оппозицию по Х. Кафтанджиеву);

- мультимедийность и интерактивность (внешняя сторона по С.А. Шомовой, явная по А. Щютцу, активные интеракции по Г. Блумеру);

- гипертекстуальность (благодаря ключевым словам пользователь может переходить от одной перекрестной гиперссылки к другой, формирование связывающего гипермедиа «шлейфа ассоциаций индивидуального плана», погружение пользователя в модели трехмерного информационного окружения и нелинейной повествовательности по Р. Пакеру, К. Джордану и М. Кастельсу);

- репликацию (воспроизводство как самокопирование) и «вирусный» характер («заражение» по В.М. Бехтереву и Г. Лебону, оперативное распространение информации);

- таргетированность и психопрофильность (все цифровые символические компоненты – мемы и хэштеги – могут доходить как до конкретной целевой аудитории, так и до конкретного пользователя через приемы Big Data, формируя «цифровые капсулы» по С.В. Володенкову, эхо-камеры по К. Санстейну, Дж. Кину);

- централизация и децентрализация дискурса (сетевая централизация по Л. Фримену, роль центральных сетевых узлов по Б. Латуру, М. Гранновету,

---

⁷⁸¹ Шомова С.А. Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс. 2018. С. 19-26.

М. Кастельсу, Ф. Гваттари, Ж. Делезу, Р. Альберт, А.-Л. Барабаши, М.Г. Бреслеру, С.Г. Шарнину);

- кодирование (в ходе регулярных интеракций пользователи, особенно молодежь, принимают в качестве основы мировосприятия определенные ценности, стереотипы, символы и убеждения наподобие «контролирующих систем» Т. Парсонса, метафор и онтологий, управляющих когнитивными процессами по У. Эко);

- стортеллинг (повествовательность, пояснение ситуации на примере коротких и простых, часто ироничных, понятных любому человеку сюжетах, что основано на модели М. Элиаде о «возвращающемся мифе», схожем тезисе С.А. Шомовой и предположении Г. Блумера о происхождении интерпретаций).

Являясь связующим звеном в сетевом полисе, цифровой свод, в свою очередь, конструируется ценностно близкими символическими кодами – образно-смысловыми интернет-мемами и лингвистически-смысловыми хэштегами. Их совместное применение позволяет управлять политической повесткой дня через эффект емкости, уплотнения политической информации, о чем писал В.Г. Афанасьев⁷⁸². Хэштег, конечно, может существовать самостоятельно, в отрыве от интернет-мема, последний же способен включать лингвистические компоненты в самом своем образном компоненте в виде надписей на картинках и фотожабах. Однако раздельное существование интернет-мема и хэштега снижает их политические потенциалы. Мем без хэштега теряет свойство гипертекстуальности, таргетированности, централизации и децентрализации политического дискурса, падают его возможности в сфере психопрофильности, «вирусного» распространения политической повестки.

Политический хэштег без политического мема также снижает степень своей архетипичности, образности, функции кодирования. Но самое важное –

---

⁷⁸² Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 2018. С. 402.

без мема хэштег лишается сюжетности, повествовательности, т.к. важной функцией мема является насыщение политической повестки интерпретацией (Г. Блумер), объяснение действий власти, провластных политиков. Грубо оторвать их друг от друга, – значит разрушить единую ценностную основу цифрового символического свода и даже нанести удар по сетевому полису существующего режима. Это то, что О.А. Кармадонов описывает как процесс символической элиминации и эрозии советских символов западными символами⁷⁸³. Стало быть, наиболее правильным решением для акторов политического режима будет целенаправленное конструирование трехмерных цифровых символических сводов из комбинации ценностно близких интернет-мемов и хэштегов. Они будут управлять повесткой политического режима и поддерживать его легитимность, проникая в смартфоны, компьютеры, другие гаджеты и портативные устройства гибридного плана, их приложения и программы, без которых уже не могут обойтись граждане. Вместе с тем, на данном этапе политическое хэштегирование и мемификация часто применяются по-отдельности, только позже создавая провластные или антивластные цифровые символические своды.

Политические режимы все больше обращаются к цифровым практикам хэштегирования и мемификации по простой причине – данные техники уже намного раньше освоили не только бизнес и сетевые активисты-одиночки, но и оппозиционные политические группы, наиболее радикальные из которых могут представлять серьезную опасность для легитимации власти. Другими словами, вначале у режимов появилось реактивное отношение к политическим мемам и транслирующим их хэштегам. Одним из первых случаев применения параллельных технологий политической мемификации и хэштегирования можно назвать сетевую акцию консультанта из Saudi Aramco М. ал-Шариф в консервативной Саудовской Аравии в 2011 г. Мемификация заключалась в создании восьмиминутного видеоролика с политическим повествовательным

---

⁷⁸³ Кармадонов О.А. Социология символа. М.: Academia. 2004. С. 194.

меседжем, когда активистка села в машину и сказала: «Ты видишь женщину со степенью доктора, которая не способна водить. Мы желаем перемен в стране»⁷⁸⁴. Ролик вирусно распространялся благодаря хэштегированию через цифровую метку #Women2Drive, стал мемом и отвечал всем остальным признакам формирования оппозиционного символического свода – гипертекстуальностью, мультимедийностью, таргетированностью, централизацией дискурса, однако противоречил патриархальным архетипам страны, определяющим роль женщины и отношение к власти.

За двое суток ролик набрал 600 тыс. просмотров на видеохостинге YouTube. Правительство Саудовской Аравии, в руках которого находятся все местные интернет-коммуникации, оперативно применило фильтрацию трафика и учла свои ошибки – фактически еще раньше до акции режим сам открыл ящик Пандоры, когда организовал «национальные диалоги» по проблематике женщин⁷⁸⁵. Но этот формат еще больше разжег антирежимные настроения, благодаря чему недовольные женщины стали объединяться в социальные интернет-группы и создавать антивластный нарратив как антимускулинный и феминный. С помощью цензуры режиму удалось не допустить потери контроля над повесткой. Исследование, предпринятое автором диссертации через методологическую оптику Google Trends⁷⁸⁶ подтвердило, что пик поисковых запросов пользователей к слову Women2Drive (100 баллов) был достигнут в июне и резко спал в июле 2011 г. Больше всего интересовались этим хэштегом в Саудовской Аравии (100 баллов, кстати, активной в регионе Мекки и Эр-Рияда) и ОАЭ (35 балла). После прокатившихся по стране волнений режим вынужден был предоставить выборные права женщинам.

---

⁷⁸⁴ Chaudhry I. #Hashtags for Change: Can Twitter Promote Social Progress in Saudi Arabia //International Journal of Communication. 2014. №8. P. 943–961.

⁷⁸⁵ Le Renard A. «Only for women»: Women, the state, and reform in Saudi Arabia //Middle East Journal. 2008. 62(4). P. 610–629.

⁷⁸⁶ Здесь и далее в параграфе подразумевается август 2019 г.

В 2012 г. в Великобритании фиксируется первый случай уже не защитной, а вполне целенаправленной активной попытки режимом контролировать политическую повестку через технологию хэштегирования сетевого дискурса. В тот год британское правительство решило провести политический эксперимент, введя выборы комиссаров полиции в сорок двух округах Уэльса и Англии (РСС). На должности комиссаров претендовали беспартийные и члены партий. Власть изначально предупредила кандидатов, что не собирается финансировать их кампании, и предложила им воспользоваться интернет-коммуникациями. Из-за этого борьба за электорат развернулась не только в реальности, но и в социальной сети Facebook, видеохостинге YouTube, микроблогах Twitter, блогах и других web-ресурсах. Между тем, политический режим постарался не выпускать ситуацию из рук и контролировать повестку с помощью департамента по вопросам иммиграции и безопасности Home Office.

Диаграмма 10. Пиковые запросы конкурирующих хэштегов РСС (красным) и МуРСС (синим) в Великобритании

Хоум-офис сразу перешел к активному хэштегированию через политический хэштег #МуРСС, призывая граждан и самих кандидатов формировать свои дискуссии с помощью этой цифровой метки. Но граждане отнеслись к такой инициативе с большим подозрением, расценив как попытку манипуляции общественным сознанием. Поэтому свои твиты и сообщения в социальных сетях избиратели дополняли альтернативным хэштегом #РСС, ставшим политическим символом недоверия и критики властей. С. Джефферес, ученый из Бирмингемского университета, изучив 2,125 твитов микроблога Twitter, пришел к выводу, что хэштег #РСС включался в обсуждение политизации (17%), нехватки информации о выборах (26%), гражданского долга и права голоса (23%), организации избирательного

процесса (15%), уровня кандидатов (11%), а также стоимости самих выборов (8%). Альтернативный хэштег часто совмещался с другим цифровым символом скептического характера #farce. Реакция общества на попытку правительства контролировать политическую повестку через сеть привела к тому, что соотношение провластного и альтернативного хэштегов было 1:15⁷⁸⁷. Проверка, проведенная автором диссертационного исследования через методологическую оптику Google Trends (диагр. 10), показала верность замеченных Джеффересом соотношений. Анализ по РСС и МуРСС показал, что большинство наборов касалось именно первого наименования хэштега. Пик интереса к нему как раз приходится на ноябрь⁷⁸⁸. Почему же режиму не удалось полностью захватить политическую повестку через цифровые символические приемы? Во-первых, хэштег МуРСС, выбранный Хоум-Офисом, был явно более длинным и не таким звучным как альтернативный. Во-вторых, хэштегирование практически не сопровождалось мемификацией, способной заложить основу дополнительного провластного символического свода (правда, у власти осталось электронное правительство и другие провластные интернет-ресурсы, формирующие легитимационный сетевой полис). Отказ власти от ярких мемов с узнаваемыми архетипами, ироничными и простыми повествовательными сюжетами не позволило ей достигнуть такого вирусного эффекта, таргетирования и внимания аудитории как в случае с антагонистом, распространяемой «многоголовой гидрой» скептического электората. Сыграл свою роль и эффект бинарной архетипической оппозиции между хэштегами.

Перейдем к кейсу российского политического режима. В 2014 г., в период присоединения Крыма и Севастополя к Российской Федерации по итогу местного референдума можно фиксировать практику параллельного

---

⁷⁸⁷ Jeffares St. *Interpreting Hashtag Politics. Policy Ideas in an Era of Social Media*. NY.: Palgrave Macmillan UK. 2014. 184 p.

⁷⁸⁸ Федорченко С.Н. Хэштеги в формировании политической повестки и методологический потенциал Big Data //Журнал политических исследований. 2019. Т.2. №1. С. 14-26. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28085/view> (дата обращения: 29.03.2021).

применения политической мемификации и политического хэштегирования. Исследователь из Забайкальского государственного университета Ю.В. Щурина назвала завоевавший тогда нешуточную популярность у россиян интернет-мем и хэштег #Вежливыелюди первым в новейшей истории мемом «федерального значения», ставшим употребляться как политиками, так и гражданами⁷⁸⁹. С.А. Шомова поясняет, что раскрутку этого символического компонента предпринял прокремлевский блогер С. Апетьян (в Twitter под ником @politrash), ставший таким образом называть российских военных⁷⁹⁰. Перед тем как стать значимым компонентом политической повестки, цифровой символический свод этого хэштега и мема получал постоянную подпитку в виде заявлений российских политиков: В.В. Путин в декабрьском президентском послании высказался об армии как «вежливой, но гордой», глава МИД С.В. Лавров в апреле этого года охарактеризовал российскую сторону как «вежливых людей». Такие процедуры можно считать, согласно модели М. Маккомбса и Д. Шоу, первым уровнем политической повестки.

Есть мнение, что с мемом «Вежливые люди» взаимосвязаны другие проправительственные фреймы: «Олимпиады», «российских солдат нет», ироничные «российские туристы», «жди вежливых», «крымский кот», «кошка Шойгу» и даже гротескный «лунанаш»⁷⁹¹. Перечисленные фреймы имеют как свои хэштеги, так и интернет-мемы в виде иронических демотиваторов и фотожаб. Часто на демотиваторах изображены военные и улыбающиеся крымчане, дети, а также кот. При конструировании фреймов (устойчивых когнитивных систем) можно уже говорить о втором уровне политической повестки (атрибутивной) по модели Маккомбса⁷⁹².

---

⁷⁸⁹ Корягин В. «Первый в новейшей истории мем федерального значения». URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/05/07_a_6020477.shtml (дата обращения: 14.08.2019).

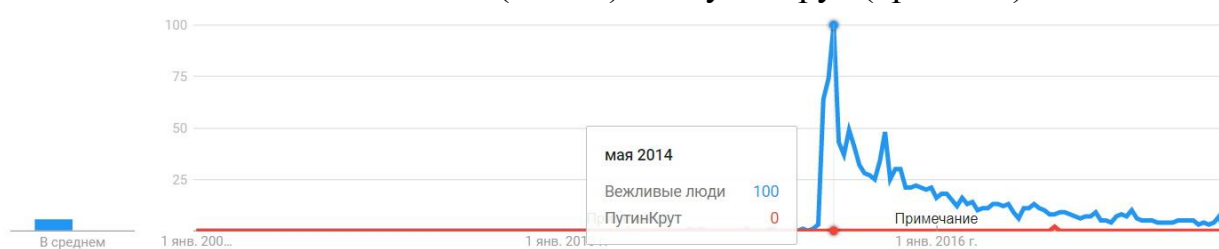
⁷⁹⁰ Шомова С.А. Спонтанность как иллюзия: Интернет-мем в структуре политической коммуникации // Медиа. Информация. Коммуникация. 2015. №15. С. 39-52.

⁷⁹¹ Рыговский Д. «Вежливые люди»: война мемов и обретение дискурса // Городские тексты и практики: коллект. монография. Т. 2: Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий. / Сост. А.С. Архипова, Д.А. Радченко. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 2017. С. 150-174.

⁷⁹² McCombs M.E., Llamas J.P., Lopez-Escobar E., Rey F. Candidate images in Spanish elections: Second-level agenda-setting effects // Journalism and Mass Communication Quarterly. 1997. Vol. 74. № 4. P. 703–716.

Иными усиливающими провластный символический свод компонентами стали интернет-мем и одноименный хэштег #Крымнаш. В качестве ключевого символического компонента интернет-мема #Вежливыелюди можно назвать архетипы Героя (защитника), Творца (нового мира), Дара (новой надежды), Заботливого (безопасности). Буквально подтверждая теорию фиджитал-мира (социотехнической реальности), в дальнейшем символическое ядро мема «Вежливых людей» воплотилось в одноименной песне, исполненной ансамблем им. Александрова, футболках, кепках, наконец, в «Памятнике вежливым людям» в Симферополе (открыт в 2016 г.). Скорее, здесь уже можно фиксировать фрейминг – политическую повестку третьего уровня, согласно интерпретации М.Н. Грачева (соотношение образа с существующими фреймами, сетевое формирование повестки дня)⁷⁹³.

Диаграмма 11. Интерес россиян к хэштегам #Вежливыелюди (синим) и #ПутинКрут (красным)

Исследование автором поискового запроса «вежливые люди» через методологию Google Trends показало, что интерес к нему интернет-пользователей (в России – 100, Украине – 55 баллов) появился с февраля 2014 г., прошел свой пик в мае и стал спадать в июне (диагр. 11). Усиливающий символический код #Крымнаш взял свой пик в июне 2014 и марте 2015 гг., тогда как символическая система из хэштегов и мемов #няша, связанная с прокурором Н. Поклонской, была предельно интересна россиянам в апреле 2014 г. В ходе такой репликации возникли и схожие символические коды (#нашкрым, #КрымРоссияНавсегда, #КрымскаяВесна, #Крымскиймост, #5ЛетДома, #5ЛетВместе, #ПутинНаш, #СирияНаша, #АляскаНаша и др.),

⁷⁹³ Грачев М.Н. О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга //Век информации. 2018. Т.2. №2. С. 94-96.

присоединяющие географические и нейтральные в политическом значении коды (#Россия, #Крым, #Севастополь, #новостикрыма, #Ялта, #Судак, #отпуск, #крымотдых). При этом появился короткометражный фильм «#Крымнаш», «Крым. Путь на Родину», встраиваемые в третий уровень повестки. В терминологии Н.Г. Щербининой такое грамотное обращение к трехуровневой модели политической повестки закономерно сформировало героический мономиф, послужившим каркасом нового провластного символического свода. По мысли Щербининой, для отечественной властной легитимации важен коллективный опыт переживания, связанный с архетипом Героя⁷⁹⁴. Такая взрывная репликация мемов в сети вполне объяснима через модель Р. Жирара, считавшего, что «миметизм» всегда ориентирован на возвращение к порядку⁷⁹⁵.

Цифровые приемы нужны были власти по причине происходящего кризиса легитимности политического режима, – доверие населения, как ключевой ее компонент, снижалось к президенту и правительству. По соцопросам Левада-центра, одобрение деятельности В.В. Путина упало с октября 2009 г. (24%) по апрель 2013 г. (13%), правительства в те же рамки с 11 до 7%. Проверка через Google Trends показала, что интерес пользователей к поисковому набору «Путин» резко возрос с июля 2012 г. (27 баллов) по июнь 2013 г. (78 баллов). ВЦИОМ также зафиксировал снижение доверия россиян к президенту в начале 2013 г. до 48%. Зато после присоединения Крыма доверие к президенту, согласно Левада-центру, резко выросло в апреле 2014 г. до 71%, тогда как ВЦИОМ выявил рост доверия к Путину до 85,9% в мае того же года⁷⁹⁶.

---

⁷⁹⁴ Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН. 2011. С. 100.

⁷⁹⁵ Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон. /Пер. с франц. А. Зыгмонт. М.: ББИ. 2019. С. 201.

⁷⁹⁶Одобрение президента и правительства, рейтинг партий. URL: <https://www.levada.ru/2013/05/15/odobrenie-prezidenta-i-pravitelstva-rejting-partij/> (дата обращения: 14.08.2019); Опрос: уровень симпатии и доверия к Путину близок к рекордному. URL <https://www.levada.ru/2014/04/17/opros-uroven-simpatii-i-doveriya-k-putinu-blizok-k-rekordnomu/> (дата обращения: 14.08.2019); Рейтинг доверия Путину упал ниже 50%. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2013/03/04/vciom_bolshinstvo_rossiyanne_vidyat_alternativy_puti

Хотя в России имеются и примеры провалов политической мемификации и хэштегирования. В декабре 2017 г. в социальной сети ВКонтакте появились хэштеги #ПутинКрут (для сравнения – диагр. 11) с эмблемой проправительственного молодежного движения «Молодая гвардия», существующего при партии Единая Россия⁷⁹⁷. Недоверие, а потом и критику ряда интернет-пользователей вызвал тот факт, что некоторые аккаунты соцсети, распространявшие данные посты, были давно уже недействительны. В итоге изначально провластное, но неудачное хэштегирование спровоцировало возникновение мемификации критическо-юмористического характера в отношении власти. Неоднозначную оценку получил хэштег #жизньналаживается, который добавляли к своим пабликам в Instagram российские блогеры (О. Бузова, А. Анохина, К. Бородина и др.), одновременно подчеркивая свое позитивное отношение к действиям российских властей⁷⁹⁸. Анализ в Google Trends показал, что пик употребления этого хэштега был в октябре 2017 г.

Власть учится на своих ошибках и старается сильно не раздражать пользователей, наоборот, не препятствуя возникновению мемов и хэштегов в тех сообществах, где высмеивают либералов и критиков существующего в России режима. Примером может служить символический интернет-мем «Ооо либераху порвало»⁷⁹⁹, распространившийся в марте 2019 г. и изначально имевший уничижительный оттенок к конкретной идеологии (был использован цифровой стигмат «либераха», возникший в сообществе сети ВКонтакте «Платиновые мюсли юных либерах» еще в 2016 г.). На деле эта легитимация режима через маскулинный нарратив связывает внутренних противников

ни (дата обращения: 14.08.2019); ВЦИОМ: Рейтинг доверия Путина достиг 85,9%. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/05/15/vciom-rejting-doveriya-putina-dostig-859> (дата обращения: 14.08.2019).

⁷⁹⁷ #ПутинКрут. URL: <https://memepedia.ru/putinkrut/> (дата обращения: 15.08.2019).

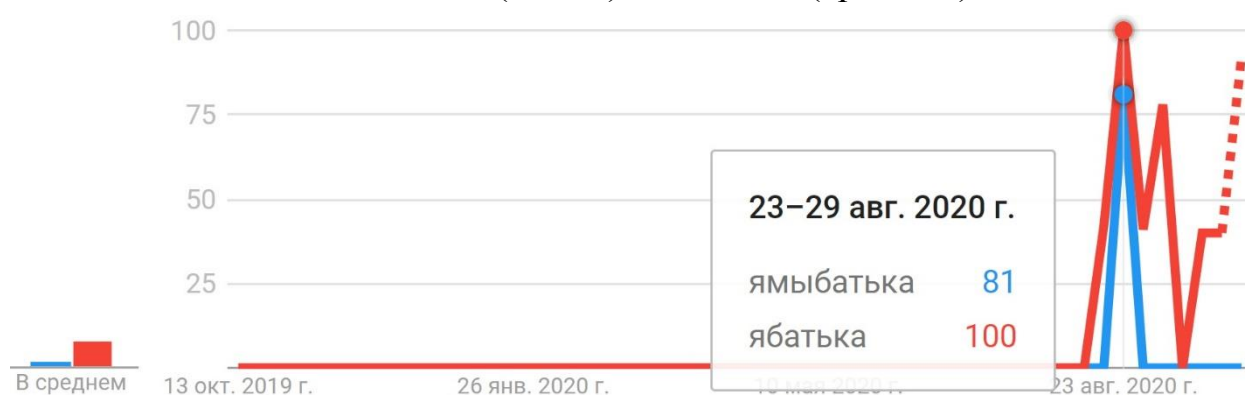
⁷⁹⁸ Instagram-пропаганда: как звезды соцсетей помогают власти. URL: <https://www.dw.com/ru/instagram-пропаганда-как-звезды-соцсетей-помогают-власти/a-40998779> (дата обращения: 09.10.2020).

⁷⁹⁹ Значение и происхождение мема "ооо либераху порвало". URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d4b0727bf50d500ad17d2b2/znachenie-i-proishojdenie-mema-ooo-liberahu-porvalo-5d4bfb2604af1f00ac8ac5fb> (дата обращения: 15.08.2019).

режима с внешним образом деградирующего, феминного Запада (правда, со стороны либеральных кругов есть и контрстигматизация режима)⁸⁰⁰. Власть использует мемы из-за их функции сжатия информации. Мемы становятся символическим оружием «идеологической машины»⁸⁰¹. Другой пример: в 2020 г. московская полиция запустила хэштег #РасскажиРодителям для оповещения лиц пожилого возраста о мошенниках, активизировавшихся во время пандемии COVID-19⁸⁰². Тем самым власти показывают свою заботу о данной целевой аудитории.

Специфическая ситуация при управлении политической повесткой возникла в Белоруссии в 2020 г. во время протестов после президентских выборов. Сторонники А.Г. Лукашенко запустили не очень корректный маскулинный хэштег #ябатька, после которого сторонники С.Г. Тихановской тоже стали его использовать, высмеивая в мемах. Ситуация по контролю повестки временно выровнялась для власти, когда сторонники Лукашенко начали использовать другой хэштег #ямыбатька⁸⁰³. Визуализация анализа Google Trends в виде «борьбы повесток» показана на диагр. 12.

Диаграмма 12. Интерес белорусов к хэштегам #ямыбатька (синим) и #ябатька (красным)

⁸⁰⁰ Массовая политика: институциональные основания. /Под ред. С.В. Патрушева. М.: Полит. энц. 2016. С. 153.

⁸⁰¹ Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж». 2019. С. 70-76.

⁸⁰² Московская полиция запустила хэштег о коронавирусе. URL: <https://regnum.ru/news/society/2896432.html> (дата обращения: 09.10.2020).

⁸⁰³ Спасюк Е. Двойка за пиар. Топ-5 ошибок Лукашенко. URL: <https://naviny.media/article/20200827/1598510807-dvoyka-za-piar-top-5-oshibok-lukashenkol> (дата обращения: 09.10.2020).

В Китае большую популярность получили свои сети, а западные сети отсекаются файрволлом. Местные агентства используют хэштег #Xiplomacy (дипломатия Си), если хотят подчеркнуть официальный курс власти. Австралийский исследовательский центр ASPI в своем докладе отмечает, что сеть TikTok (в Китае она известна как Доуинь, имеющая более ярко выраженный цензурный интерфейс) применяет мягкие типы цензуры, обнаруживая и блокируя невыгодный властям контент по хэштегу, который добавляет сам оппозиционно настроенный пользователь⁸⁰⁴.

Перейдем к европейскому кейсу. В 2015 г. в ответ на теракт против французского журнала Charlie Hebdo появился символ солидарности с жертвами терроризма (применил французский дизайнер Й. Ронсан и сайт самого журнала) Je suis Charlie («Я – Шарли»). Политики различных европейских стран довольно быстро внесли в свой официальный дискурс производные от символа хэштега и интернет-мемы (#jesuischarlie, #CharlieHebdo, #IAmCharlie и др.). Председатель Европейского парламента М. Шульц опубликовал в своем твиттер-аккаунте сообщение с хэштегом #JesuisCharlie, в своих твиттер-аккаунтах с хэштегами #CharlieHebdo и #jesuisCharlie разместили сообщения председатель Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер и премьер-министр Финляндии А. Стубб, соболезнование с хэштегом #CharlieHebdo опубликовал британский премьер-министр Д. Кэмерон, глава отдела прессы и информации немецкого правительства Ш. Зайберт использовал тот же хэштег, когда объявил о соболезнованиях А. Меркель. Ф. Могерини, верховный представитель ЕС по иностранным делам и безопасности, разместила твит о планирующемся воскресном марше солидарности в Париже с хэштегами #MarcheRepublicaine и #JeSuisCharlie. Итальянский политик С. Берлускони до сих пор использует последний хэштег (на период 2020 г.). Проверка через методику Google Trends показала, что

---

⁸⁰⁴ TikTok и WeChat распространяют цензуру по миру. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4484363> (дата обращения: 09.10.2020).

поисковый запрос JeSuisCharlie как во Франции, Италии, Великобритании, так и по всему миру достиг своего пика 4-10 января 2015 г. (100 баллов).

Только за три дня хэштег #JeSuisCharlie набрал 5 млн. ретвитов в микроблоге Twitter⁸⁰⁵ и спровоцировал репликацию ряда интернет-мемов на тему терроризма. Естественно, что европейские политики сочли необходимым присоединиться к этой сетевой акции в рамках управления политической повесткой третьего уровня. Явно используя архетипы «Заботливого», «Обновления» (означающего, что такого больше не будет, все изменится), а также архетип «Карнавала», присоединившись к мирным шествиям. В противном случае, их пользователи, во-первых, рано или поздно обвинили бы в эгоизме и, во-вторых, возможно, сосредоточились бы на критике недостаточно обеспеченной властями политики безопасности граждан. Характерно, что, присоединившись к мирным маршам против терроризма, европейские политики тем самым подтверждали свою приверженность ценностям европейской идентичности, свободы слова, демократии, хотя журнал Charlie Hebdo все же подвергся критике за радикальную провокационность и грубое неуважение к ценностям других религий, культур и стран. Конечно, не стоит полностью игнорировать простое проявление человечности. Но политика – это довольно практичное занятие. Активно включившись в коллективное переживание и состояние общественного мимесиса (как подражания в терминологии А. Тойнби⁸⁰⁶), европейские политики не допустили переключения недовольства против их политических режимов. Можно прийти к выводу, что европейские либерально-демократические режимы использовали механизм хэштегирования для внешней легитимации друг друга. Интересно, что в этом кейсе классическая нисходящая легитимация со стороны элит европейских режимов (во многом сохраняющая признаки властного морализаторства, описанного Г.

---

⁸⁰⁵ Хэштег #JeSuisCharlie собрал 5 млн ретвитов. URL: <https://polit.ru/news/2015/01/10/hashtag/> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸⁰⁶ Тойнби А. Дж. Постыжение истории. /Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Академический проект. 2019. С. 189.

Беккером⁸⁰⁷) совпала с восходящей легитимацией, когда мемы и хэштеги употребляли простые граждане европейских стран.

Модель «миметического генезиса социального порядка» Р. Жирара⁸⁰⁸ также объясняет это поведение европейских режимов, когда они сплачиваются во время «жертвенного кризиса» против общего врага – религиозного фундаментализма. В других случаях – против иного типа режима или даже COVID-19. Во время пандемии COVID-19 многие режимы поддержали инициативу ряда знаменитостей и активистов по распространению хэштегов, передающих смысл «Я остаюсь дома». Например, в Италии власти официально запустили кампанию с этим сообщением (как показал замер в Google Trends, хэштег #Iorestoacasa имел пиковый запрос в марте 2020 г.).

Появились исследования, где авторы обращают внимание на появление совершенно нового феномена – «меметических войн». Казалось бы, здесь агрессивные нападки на политического конкурента или даже на враждебную страну способны увести исследователя от проблемы укрепления легитимности политического режима к одностороннему рассмотрению новых типов информационных войн. Однако практика недавно возникших меметических конфликтов на международном уровне показывает, что в этом случае опять же идет речь о легитимации режима. Первый факт меметического конфликта можно фиксировать на примере кейса Дании и Швеции в 2016 г., когда официальные аккаунты данных стран начали друг друга оскорблять, используя всевозможные стереотипы. В ходе этого конфликта, перешедшего в Twitter, появился мемплекс – комплекс интернет-мемов, практикующих стортеллинг, – режим повествования из ярких, простейших сюжетов, привлекающих внимания (минимум двух действий, ходов, сцен персонажей и героев мемов).

---

⁸⁰⁷ Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. /Пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова, под ред. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы. 2018. С. 169.

⁸⁰⁸ Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. /Пер. с франц. А. Зыгмонт. М.: ББИ. 2019. С. 56-57.

В 2018 г. президент США Д. Трамп разместил в своем твиттер-аккаунте антииранский мем «зима близко», отсылающий к слогану из «Игры престолов». Мем состоял из фото с гордо идущим вперед Трампом и подписи «санкции близко». Этот инструмент цифровой стигматизации – наклеивания на политического оппонента ярлыка аутсайдера⁸⁰⁹ – подчинен задаче внешней делегитимации режима. Сообщение мгновенно разошлось по сети через хэштеги и схожие мемы. Меметический ответ Ирана последовал незамедлительно – командующий К. Сулеймани в своем аккаунте соцсети Instagram также разместил интернет-мем, состоящий из его фото, стилизованного под «Игру престолов» и фразы «Тебе меня не сломить»⁸¹⁰. Анализируя данную ситуацию, можно предположить, что и так зная, в каком состоянии существуют отношения между Вашингтоном и Тегераном, местные политики смогли использовать тему международных противоречий для мемификации своего образа, прочно связав собственные мемы с функцией защитников интересов политических режимов⁸¹¹. Понятно, что американский президент в меметической атаке Ирана обратился к архетипу Героя и одновременно к юмористичному архетипу Трикстера. Тогда как Сулеймани использовал иной мемплекс, состоящий из сочетания архетипов Героя и Трои (Осажденного Города). Трамп же больше уже действовал в подобных ситуациях в рамках модели третьего уровня политической повестки, соотнося свои новые меседжи из мемов и хэштегов с уже готовым фреймом, циркулирующим в американском обществе с периода его первой предвыборной президентской компании, когда политконсультанты

---

⁸⁰⁹ Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. /Пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова, под ред. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы. 2018. С. 29.

⁸¹⁰ Donald J. Trump. URL: https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1058388700617498625/photo/1?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E1058388700617498625&ref_url=https%3A%2F%2Fria.ru%2F20181105%2F1532156187.html (дата обращения: 10.02.2019); В Иране ответили на «ужасное» предупреждение Трампа в стиле «Игры Престолов». URL: <https://www.5-tv.ru/news/226977/virane-otvetili-naustrasausee-preduprezdenie-trampa-vstile-igry-prestolov/> (дата обращения: 25.12.2017).

⁸¹¹ Федорченко С.Н. Интернет-мемы как элемент медиатизации политической повестки на примере международных отношений //Журнал политических исследований. 2019. Т.3. №2. С. 42-58. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/29860/view> (дата обращения: 29.03.2021).

мемифицировали деятельность Трампа⁸¹², встроив в образ кандидата мем «Лягушонка Пепе» (этот мем с явным архетипом Трикстера использовало движение Alt-right, поддерживающее Д. Трампа и критикующее Х. Клинтон).

В случае «меметических войн» мы имеем дело с техниками внешней делегитимации политического режима. Их можно вполне объяснить через миметическую модель Р. Жирара⁸¹³, который, отталкиваясь от работы К. фон Клаузевица, в миметическом соперничестве обнаруживает механизм копирования врагами действий друг друга. На первый взгляд это кажется примитивизацией идеологии и политического, однако у В.В. Корнева иная позиция. Он считает, что в современное время сетевых коммуникаций произошел переход интеллектуальной работы на уровень микроидеологии, когда ответственность за происходящее снимается с одного политического актора. Происходит идеологизация мемов как новых бинарных политических кодов, адаптированных под условия сетевых коммуникаций. И возникает новая форма политического господства – «фасцизм» (от. лат. *fascinus* - зачарованность)⁸¹⁴, когда человек самостоятельно соглашается со своей подчиненностью идее, стереотипу, власти. Гражданин начинает соотносить свое мнение с набором предпочтений, персональных настроек своего же цифрового аватара в социальных сетях, с типовыми интересами, убеждениями и статусами. Цифровизация благоприятствует «бытию для другого».

В 2018 г. есть случаи меметической реакции твиттер-аккаунта российского посольства в Лондоне по поводу «дела Скрипалей», а также меметический выпад твиттер-аккаунта посольства Израиля против Ирана из-за заявления аятоллы. В обоих случаях использовался архетип Трикстера, что вызвало интерес и репосты интернет-пользователей. Переход политических акторов на язык мемов и хэштегов объясняется распространением клипового

---

⁸¹² Савин Л.В. Искусство меметической войны // Информационные войны. 2018. №3(47). С. 10-17.

⁸¹³ Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. /Пер. с франц. А. Зыгмонт. М.: ББИ. 2019. С. 11-57.

⁸¹⁴ Корнев В.В. Эгоистичный мем идеологии. М.: КАНОН + РООИ «Реабилитация». 2020. С. 128-129, 160, 217-223.

сознания. С.В. Чугров связывает такие тренды с тезисом Р. Докинза – современный пользователь уже воспринимает информацию не только с помощью мемов, власть, желающая привлечь его внимание, должна создать мемокод и соотнести с мемокодом гражданина⁸¹⁵, который станет сигналом о значимости контента. Мем интересен пользователю эффектом «калейдоскопа»⁸¹⁶, сочетанием важного и бессмысленного, ироничного.

Наконец, в настоящее время мощными площадками по созданию интернет-мемов стали имиджборды – специальные форумы или сетевые сообщества, где крен идет на посты с размещением графики. На них появляются особые мемплексы, ориентированные на политику и политическую повестку конкретных стран. Сначала возник знаменитый мем Polandball, изображаемый в виде глазастого шара с символикой Польши. Бесконечные ситуации, в которых обыгрываются события, связанные с этой страной, составили особый мемплекс. Затем возникли мемплексы, посвященные политической повестке остальных стран, буквально начиненные стереотипами: Россия изображается в шапке-ушанке, США в солнечных очках, Китай в кепке Мао Цзедуна, Великобритания в цилиндре с моноклем и т.п. Интересно, что сообщества-имиджборды, получившие названия Countryballs и производящие политические мемы, к своей стране могут относиться иронично, но все же в целом патриотично. Более критично они настроены к иным странам. В данных сообществах (например, в Instagram это unofficialhkbball, real_germanyball, czechianball, uruguayballofficial, united_kingdom_ball_ и т.п.) приемом стортеллинга обыгрываются все политические события, конфликты, исторические обиды, спорные территории и т.п.

В выводах по параграфу следует отметить важную роль символического компонента в формировании политической повестки дня. Контроль над

---

⁸¹⁵ Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? //Полис. Политические исследования. 2017. №2. С. 42-59.

⁸¹⁶ Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля //Полис. Политические исследования. 2017. №2. С. 82-102.

повесткой позволяет политическому режиму защищать и укреплять собственную легитимность через приемы нисходящей легитимации. На данном этапе процесс цифровой трансформации приводит к оцифровке традиционных символов и формированию новых. Итогами этой гибридизации пользуются политические акторы, в том числе представители политического режима (политические лидеры, провластные партии, правительство, государственные чиновники, политическая элита и работающие на них политические консультанты). Новыми цифровыми символическими кодами стали политические интернет-мемы и хэштеги (в некотором плане как результат эволюции политических плакатов и лозунгов). Если первые – это образно-смысловые, то вторые – лингвистическо-смысловые компоненты цифровых символических сводов. Тем самым управление политической повесткой дня в условиях цифровизации совершило переход на уровень микроидеологии сетей. Для создания интернет-мемов и хэштегов нужны соответствующие технологии мемификации и хэштегирования. При мемификации политический актор ставит задачу привлечения внимания интернет-пользователя к нужной проблеме визуальным способом, а при хэштегировании – задачу распространения этой проблемы с выгодной для актора интерпретацией политических событий через гипертекстовые техники навигации.

Цифровые символические своды, прежде всего, через мемы обладают архетипичностью (используя архетипы Героя, Трикстера, Заботливого), мультимедийностью, интерактивностью, гипертекстуальностью, «вирусным» характером, таргетированностью, психопрофильностью, сетевой централизацией сети, кодированием и стортеллингом. Однако цифровые своды могут работать не только на поддержание легитимности режима, но и против нее, иницируясь противниками власти. По этой причине некоторые политические режимы, как Саудовская Аравия, например, в ответ на это применяют цензуру и фильтрацию интернет-трафика. Но российский, европейский и американский кейсы показывают, что гораздо более

продуктивное решение для легитимации режима – это активное использование провластными сетевыми активистами интернет-мемов и хэштегов для контролирования всех трех уровней политической повестки (выбор приоритетных проблем, конструирование фреймов и соотнесение их с уже распространенными фреймами в обществе, фрейминг) через репликацию – принцип самовоспроизведения. При этом трехуровневая повестка будет контролироваться режимом, только если та создаст через систему цифровых повествований (нарративов) собственную политическую онтологию. Разные режимы практикуют мемы и хэштеги из-за их функции сжатия информации, а также клиповизации сознания граждан. Однако существуют ограничения: имеются случаи ошибок власти в попытках контроля повестки через цифровую сферу мемов и хэштегов (британский кейс #МуРСС, белорусский кейс #ябатька и российский случай #ПутинКрут). Следовательно, власть должна быть больше заинтересована в гибком формировании лояльных сетевых сообществ, которые, в свою очередь, сами бы поддерживали проправительственный символический свод. Иначе вместо восходящей легитимации (стратегии эмпауэрмента, одновременно политически активных и ответственных граждан) режим получит делегитимацию.

Сделаем выводы по главе. Итак, наблюдается определенная эволюция электронного правительства в сторону более активного применения ИИ. Тем самым различного типа политические режимы стараются укрепить институциональное доверие. Примечательно, что наибольшее доверие к технологиям ИИ фиксируется в тех режимах, где есть большие проблемы с коррупцией. Наблюдается сходство в применении подобного рода легитимационных практик разными режимами – более активно внедряются цифровые аватары «виртуальных чиновников», пока оттесняющие «виртуальных политиков». На примере техник ИИ можно увидеть постепенное установление политического интерфейса со стандартизированной этикой коммуникации между гражданином и властью.

Однако ни демократии, ни автократии пока не решили главного вопроса – риска ценностного перепрограммирования ИИ.

Предложена авторская модель сетевого полиса – системы зависимых от интересантов (политических и союзных им корпоративных элит) сетевых интернет-арен гражданского участия, благодаря которым конструируются сетевые идентичности, способные легитимировать/делегитимировать существующий политический режим. Сетевой полис – это функциональный механизм политического интерфейса – цифровой маски любого современного режима. Исследование подтвердило авторскую гипотезу о том, что цифровизация политических режимов осуществляется неравномерно и в основном посредством исполнительной власти, ее силовых органов, института главы государства.

Цифровизация политической повестки дня заставляет режимы использовать адекватный специфике виртуального пространства инструментарий символической политики. Происходит переход режимов на уровень микроидеологии, учитывающей эволюцию плакатов, билбордов в мемы, а лозунгов в хэштеги. Борьба за повестку иногда переходит в формат так называемых меметических войн. Как было показано, легитимационные практики мемификации и хештегирования вполне объяснимы через теории А. Тойнби, Р. Жирара, О.А. Кармадонова, С.А. Шомовой и В.В. Корнева.

ГЛАВА 4. ПРОФИЛАКТИКА СЕТЕВОЙ ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА: НАПРАВЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ

4.1. Адаптация доминирующих партий к цифровому обществу: использование сайтов, сетевых сообществ и приложений

Институт политических партий, как правило, изначально был ориентирован на артикуляцию интересов групп и социальных слоев населения в legislatures разного уровня, а также служил механизмом борьбы за власть (Politics) в случае появления кардинальных политических и социально-экономических противоречий в обществе. Также партия (и партийные коалиции) исторически служила инструментом легитимации политического режима⁸¹⁷ через поддержку политического курса (Policy).

Сейчас исследователи говорят о перерождении партий, сращении их с так называемыми «политическими машинами»⁸¹⁸ – неформальными структурами, организующими мобилизацию электората в пользу провластных кандидатов на выборах в тех регионах, где востребован клиентелизм в условиях острой конкурентной борьбы. Еще О. Киркхаймер заметил тренд движения современных партий к «всеохватности», уходу от четкой идеологической доктрины к укреплению группы партийных профессионалов⁸¹⁹. Со «всеохватными» партиями Киркхаймера по своим выделяемым чертам ориентации на лидерство и слабые вертикальные связи схожи «электорально-профессиональные» партии А. Панебьянко⁸²⁰. Другие авторы фиксируют кризис идеологии, как ценностной матрицы политических партий, по причине

---

⁸¹⁷ Широков О.А. Партийные системы как инструмент легитимации политической власти //Коммуникология. 2016. Т. 4. №5. С. 69-84.

⁸¹⁸ Скотт Дж. Коррупция, политические машины и политические изменения //Патронклиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. М.: РОССПЭН. 2016. С. 242–279; Гилев А.В. Политические машины и политический клиентелизм в российских регионах //Политическая наука. 2017. №4. С. 61-83.

⁸¹⁹ Kirchheimer O. Der Wandel des westeuropäischen Parteiensystems //Lenk K., Neumann F. Theorie und Soziologie der politischen Parteien. Bd. 2. Darmstadt, Neuwied. 1974.124-125.

⁸²⁰ Panebianco A. Political Parties: Organization and Power. Cambridge: Cambridge University Press. 1988. P. 263-264.

атомизации общества, распада традиционных культур⁸²¹. Во многом можно согласиться с тем тезисом, что кризис идеологий прошлого века (социал-демократической, коммунистической, либеральной, консервативной и др.) создает условия для прихода ко власти популистов левого и правого толка. Это создает серьезные риски для легитимности политического режима.

Несмотря на разные оценки роли современных партий, многие политологи соглашались в сохранении такого феномена как «доминирующая партия» (встречаются и другие названия, описывающие, по сути, один и тот же феномен, – «лояльная к власти партия», «картельная», «государственно-центристская», «доминантная», «правлящая», «господствующая», «системная» и др.). И, если отталкиваться от того посыла, что политический режим – это особый порядок по функционированию политической системы, установленный политической элитой, то замечания о «доминирующей партии», как части подобного порядка, выглядят вполне уместными и справедливыми. Разработанная М.Я. Острогорским концепция кокуса, как небольшой группы людей, контролирующей партийную организацию⁸²², во многом проясняет механизм процесса олигархизации (Р. Михельс⁸²³) и картелизации (Р. Кац, П. Мэйр⁸²⁴) партий, а также их сближения с интересами элиты. Политический режим через кокус доминирующей партии связан с элитой и ее интересами.

Б.Н. Чичерин во многом предвосхитил текущий политологический анализ такого рода правящих партий, называя их «охранительными»: «Когда нужно упрочить известный порядок, должна властвовать партия охранительная...»⁸²⁵. Итальянский политолог П. Игнаци рассматривает «государственно-центристские» партии, превратившиеся в условиях

---

⁸²¹ Гаджиев К.С. Политическая идеология: кризис или возрождение? //Свободная мысль. 2013. № 1. С. 189-198.

⁸²² Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН. 1997. С. 103-104.

⁸²³ Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y., L.: Macmillan Publ. 1968. P. 333-335.

⁸²⁴ Katz R., Mair P. Cadre, Catch-All or Cartel? A Rejoinder //Party Politics. 1996. Vol. 2. № 4. P. 525-534.

⁸²⁵ Чичерин Б. О народном представительстве. М.: Тип. Тов. И.Д. Сытина. 1899. С. 699.

постмодерна, изменения социальной структуры населения, кризиса партиом (партийных систем) и былых идеологических ориентиров из объединений граждан в «агента государства»⁸²⁶. Причем отход партий от модели «агента общества» не отменяет прежнюю трехслойную систему⁸²⁷ из электорального партийного корпуса, самой партийной организации и party in office (части партии, подключенной к механизму политических решений). Такие партии, по Игнаци, ослабили связь с гражданским обществом, так как больше зависят от ресурсов государства и меньше от своих низовых партийных организаций. Этатизацию партий отмечают и современные российские исследователи⁸²⁸. Американский политолог К. Грин пишет о схожем процессе в рамках терминологии «доминантной партии»⁸²⁹, подключенной к государственным ресурсам и поддерживающей патронатные отношения в обществе.

По мнению О. Реутера из Университета Висконсина, доминантные партии – это результат договора между элитами и государственным лидером⁸³⁰. Доминантные партии способствуют сплоченности элиты и стабильности режима за счет уменьшения неопределенности в распределении ресурсов и кадров. Лидер же с помощью такой партии добивается дополнительной лояльности элит. Д.Г. Красильников, исходя из признания базовых ценностей существующей системы (например, частной собственности, демократии, рыночной экономики для западных стран) приводит развернутую классификацию, деля партии на системные, несистемные и межсистемные⁸³¹. Любопытно, что «системность» – это не

---

⁸²⁶ Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эпоху // Политическая наука. 2010. № 4. С. 49-76.

⁸²⁷ Чижов Д.В. Российские политические партии: Между гражданским обществом и государством. М.: РОССПЭН. 2008. С. 161.

⁸²⁸ Спасский Е.Н. Трансформация политических партий и их типологическая концептуализация: опыт западной партологии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2008. №2. С. 103-113.

⁸²⁹ Greene K.F. Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization In Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press. 2007. P. 2-19.

⁸³⁰ Reuter O.J. The Origins of Dominant Parties: Building Authoritarian Institutions in Post-Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. P. 3-57.

⁸³¹ Красильников Д.Г. Межсистемные политические ситуации в России в XX веке: проблемы теории и истории. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 2001. С. 46-47.

только черта одних лишь доминантных партий. Тот же О. Киркхаймер отмечал сближение всех политических партий по своим позициям, тогда как Г. Оберреутер описывал «консенсусную оппозицию» (партии, предпочитающих достигать консенсуса с правящей коалицией⁸³²). Исследователи признают⁸³³, что в итоге сложилось два подхода к пониманию феномена доминирующей партии: сторонники электоральной социологии под ней понимают правящую силу, контролирующую власть свыше одного электорального срока и использующую государственные ресурсы для изолирования оппонентов, тогда как сторонники позитивного подхода к доминантной силе относят партию, обладающую численным перевесом.

М. Дюверже, к сожалению, так и не завершил свою теоретическую модель по доминирующей партии, но весьма рационально рассуждал о том, что ее портрет нужно связывать не только с количественными параметрами и длительным «правлящим» статусом в парламентах, а больше с доверием к ней граждан, легитимностью, ее влиятельностью в обществе (в настоящее время – сетевой, информационной), ее функцией стабилизатора системы⁸³⁴. Дж. Сартори, как оппонент Дюверже, пришел к выводу, что о доминирующей партии может речь идти в том случае, если данная преобладающая политическая организация имеет возможность не делиться со своими конкурентами ресурсами и властью⁸³⁵. Вместе с тем логично не противопоставлять, а учитывать оба подхода.

А.М. Салмин на примере анализа французских и английских партий убедительно показал существование основных партий как «стержня» партийной системы. При анализе этого феномена принято приводить в пример западные партийные кейсы, однако Салмин это объяснял созданием

---

⁸³² Kirchheimer O. The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes //Social Research. 1957. Vol. 24. № 2. P. 127-156.

⁸³³ Островерхов А.А. В поисках теории однопартийного господства: мировой опыт изучения систем с доминантной партией //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. №3(86). С. 136-153.

⁸³⁴ Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект. 2007. С. 364-367.

⁸³⁵ Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Colchester: ECPR Press. 2005. P. 225-239.

«тепличных условий» именно в западных странах, когда во время холодной войны отдавался приоритет центристским партиям и блокам при последовательной изоляции сначала правых, а затем левых сил из политического процесса⁸³⁶. Позже стали происходить параллельные процессы диверсификации демократий, делегитимации института партий и снижение различий между «левым» и «правым» спектрами⁸³⁷.

Выявленные в трудах разных исследователей схожие признаки профессионализации политиков, кризиса идеологий, отрыва партий от гражданского общества, своих низовых организаций, этатизация партий – переориентация на симбиоз с государством и его элитами для достижения необходимых ресурсов, позволяет выделить категорию «доминирующих партий» – тип популярных в обществе партийных организаций, осуществляющих дополнительную легитимацию сложившегося политического режима взамен за допуск к обладанию статусными и материальными ресурсами государства. Однако связывать доминирующие партии только с однопартийными режимами некорректно, как правило, возможна и коалиция из нескольких правящих партий. Задача доминирующих партий – не допустить к власти те радикальные политические силы, которые могут уничтожить политический режим, угрожать его легитимности и нарушить существующие «элитные договоренности». В данной работе феномен «доминирующей» партии, во-первых, будет связываться в основном с популярностью политической организации в обществе и, во-вторых, с ее преобладанием (либо существенным весом) в легислатуре. Данные тезисы отчасти подтверждаются моделью кокуса М.Я. Острогорского и «iron law of oligarchy»⁸³⁸ Р. Михельса, согласно которому демократический режим,

---

⁸³⁶ Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: ФОРУМ. 2009. С. 262, 278.

⁸³⁷ Пантин И.К. Демократический проект в современном мире //Полис. Политические исследования. 2002. №1. С. 176-186.

⁸³⁸ Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. Second ed. N.Y.: Free Press. 1968. P. 342-345.

ориентированный на достижение стабилизации, порождает олигархические организации – элиты, в том числе и партийные.

Доминирующая партия может даже критиковать политику правительства и его отдельных министерств, однако такая оппозиционность никогда не будет выходить за контур ценностей элиты и существующего политического режима. Доминирующая партия по многим признакам схожа с описываемой политологами «партией власти», но полностью их уравнивать некорректно. Есть существенное отличие – доминирующей может стать и бывшая оппозиционная партия, впоследствии встроившаяся в систему легитимации политического режима. Вдобавок нельзя полностью исключать вариант временного или длительного перехода одной из доминирующих партий в оппозицию (например, британская Лейбористская партия) при сохранении ее связи с интересами основной элиты страны. Также возможен и другой вариант – доминирующая партия способна трансформировать политический режим. Тогда как «партия власти» не может иметь оппозиционного прошлого, не может изменить политический режим, так как служит его интересам и в основном создается индоктринально его же элитой. А.И. Соловьев четко ее привязывает к адаптации административного сегмента, во-первых, под нужды власти, электорального управления, оттеснения соперников бюрократии, во-вторых, с целью гражданского представительства⁸³⁹. И.И. Глебова считает, что «партия власти» – это настройка политического пространства под интересы власти с приданием ей социальности⁸⁴⁰. Вместе с тем «партия власти» уже априори является правящей политической организацией.

Так как доминирующие партии взамен за лояльность режиму имеют доступ к государственным ресурсам, они получают наилучшие возможности в направлении своей разновекторной медиатизации. К. фон Байме даже

---

⁸³⁹ Соловьев А.И. Квазипартийные образования в поле партийной политики //Власть. 2003. №12. С. 27-30.

⁸⁴⁰ Глебова И.И. Партия Власти //Полис. Политические исследования. 2004. №2. С. 85-92.

описывает возникновение новых «медиа-партий»⁸⁴¹. Л.В. Сморгун и А.С. Шерстобитов пишут о распространении «сетевых партий»⁸⁴². Цифровизация политики идет следом за медиатизацией. Медиатизация заставила политических лидеров и партии приспособиться под особые правила медиалогии, телегеничности, формата медиавещания, когда пришлось отходить от длинных предвыборных речей и программ к ярким и коротким видеороликам, интервью, небольшим комментариям, подкастам, хэштегам, мемам, слоганам. Но ранняя медиатизация включала не только цифровые, но и аналоговые каналы вещания на аудиторию, особенно привычные для партий и их политиков в сфере телевидения. Цифровизация же является естественным продолжением этого процесса постполитики, делая упор на оцифровку любого видео, аудио и текстового контента.

В цифровизации доминирующих партий заинтересован политический режим и его основной актор – политическая элита. Если учитывать модель С. Липсета, наилучший вариант цифровизации доминирующей партии – сочетание эффективности и легитимности (А), когда есть институциональное доверие к власти при одновременном позиционировании режимом своей инновационно-технологической природы⁸⁴³. Допустимым вариантом может быть легитимность без эффективности (В), однако этот вариант экстенсивного развития создает риски для длительного институционального доверия, т.к. здесь часто партии зависят от харизмы своего лидера, а также от имиджевых рисков его персоны. Эффективность без легитимности (С), по сути, является временным «спасательным кругом», поэтому этот вариант, как и предыдущий, должен означать определенный период, за который доминирующая партия через свою цифровизацию сможет найти и предложить для общественности

---

⁸⁴¹ Beyme K. von. Funktionenwandel der Parteien in der Entwicklung von der Massenmitgliederpartei zur Partei der Berufspolitiker //Niedermayer O.W., Stöss R. (Hrsg.). Parteiendemokratie in Deutschland. Bonn. 1997. P. 369-370.

⁸⁴² Сморгун Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс. 2018. С. 223.

⁸⁴³ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. /Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль. 2016. С. 94-95.

наилучший образ власти по варианту А. Оставаясь на вариантах С и В, политический режим рискует перейти к самому рискованному сценарию D – отсутствию и легитимности, и эффективности.

На основании модели Липсета можно предположить, что адаптация лояльных партийных сил под условия цифровизации целенаправленно проводится политическим режимом для оптимального сочетания эффективности и легитимности властного механизма. Во многом такую социализацию политического режима через его цифровизацию способна обеспечить доминирующая партия. Эффективность при этом часто трактуется с точки зрения технократического подхода, когда провластная партия становится элементом особого государственного PR, связываемого И.А. Быковым с функцией госуправления, нацеленного на формирование долгосрочной благоприятной коммуникационной среды вокруг государственных институтов⁸⁴⁴. Другими словами, политический режим, будучи связанным с лояльными к нему доминирующими партиями, нацеливает их на цифровизацию, желая добиться дополнительной своей легитимации через создание образа эффективной и современной власти, ассоциирующейся гражданами с оперативной «обратной связью», доступными сетевыми аренами взаимодействия, вплотную выходящими на микрополитический уровень интернет-пользователей, их политизированный дискурс. Возникает фон «прямой демократии», импонирующий гражданам.

Ф. Хартлеб к признакам профессиональной медиакоммуникационной партии причисляет: партийную повестку, основанную на медиалогике социальных сетей (Twitter); коммуникационной менеджмент профессионального уровня; нацеленность не на программы, а на отдельные вопросы; четкое понимание партийным руководством своих способностей⁸⁴⁵.

---

⁸⁴⁴ Быков И.А. Государственный PR и политическая элита в современной России // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №3. С. 24-45. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/33299/view> (дата обращения: 29.03.2021).

⁸⁴⁵ Hartleb F. All Tomorrow's Parties: The Changing Face of European Party Politics. Brussels: Center of European Studies. 2012. P. 38-39.

Тогда как Х. Маргиттс выделяет особые киберпартии, отказывающиеся от формального принципа членства и избравшие стратегию установления прямых контактов с избирателями посредством сетевых коммуникаций⁸⁴⁶. Л.В. Сморгунов и А.С. Шерстобитов усматривают следующие черты⁸⁴⁷, присущие киберпартиям: изменяющуюся структуру участия; прямую связь с избирателями; понимание всех избирателей как своих потенциальных сторонников; сетевую коммуникацию; активность на границе между обществом и государством.

В последнее время политологи стараются объединить признаки медиа-партии и киберпартии в категории «цифровой партии» (англ. Digital Party). Цифровая партия, согласно пониманию директора Центра цифровой культуры при Королевском колледже в Лондоне П. Гербаудо, – это новая политическая организация, использующая потенциал социальных сетей и онлайн-платформы для включения в политическое участие широких масс избирателей⁸⁴⁸. На деле – это нужные режиму элементы восходящей легитимации и лояльной стратегии эмпауэрмента. Цифровая партия учитывает современный спрос разного спектра целевых аудиторий на открытость, прозрачность политических лидеров, власти и государства, а также технологические новации, связанные с массовым распространением web-приложений для смартфонов и планшетов, сообществ социальных сетей, внедрением принципов Big Data, ИИ. Также цифровая партия нацелена на постоянную гражданскую оценку своих деятелей путем организации рейтингования, отзывов интернет-пользователей (достаточно вспомнить движение «Пять звезд»).

Гербаудо считает цифровую партию – «платформенной партией», но не в плане идеологической, а в плане web-платформы. Поэтому он сравнивает эту

---

⁸⁴⁶ Margetts H. Cyber Parties //Handbook of Party Politics. /Ed. by R. Katz & W. Crotty. Newbury Park; L.; New Delhi: Sage. 2006. P. 531-532.

⁸⁴⁷ Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс. 2018. С. 241.

⁸⁴⁸ Gerbaudo P. The Digital Party: Political Organisation and Online Democracy (Digital Barricades). Pluto Press. 2018. P. 4-5.

новую ступень эволюции партии с сетевыми стартапами «компаний-единорогов» (Uber, Airbnb, Deliveroo). Признаками «единорогов» (unicorn) являются: «эффект первопроходца»; быстрый рост; подрывные инновации (разрушение того сегмента экономики, куда они проникают и переформатирование под свое развитие); ориентация на программное обеспечение и нужды потребителя. Фактически, цифровая партия – это вид подобного «единорога», который делает ставку уже не просто на проникновение в Сеть (этот этап некоторыми партиями пройден после появления партийных сайтов), а на получение и анализ цифровых следов потенциальных избирателей с помощью методологических оптик Big Data. Появление такого типа партии обусловлено расширением «цифровой экосистемы партий»⁸⁴⁹ – цифровые технологии диверсифицируют акторов (фирм, волонтеров, беспартийных, ученых, союзных партий), способных коммуницировать с партиями, при этом границы самих партий становятся более прозрачными и подвижными.

И все же стоит заметить, что односторонняя ориентация партий только на цифровизацию – рискованное занятие. Нельзя забывать, что не так давно появился термин «unicorpse» (быстро провалившийся стартап «единорога»). Есть и другое препятствие цифровизации партии, – как пишет К. Доммет, лишь только те из них, которые изначально предполагают децентрализованные сетевые структуры (молодежные движения, сетевые проекты и т.п.) могут иметь партийных функционеров, терпимых к интерактивным инновациям⁸⁵⁰. Эта закономерность также может подтверждена аналитической оптикой А.А. Богданова, допускающей развитие центральной эгрессии за счет депрессии. Проблема оцифровывания партии заключается и в том, что децентрализованные партии пока не могут конкурировать с централизованными партиями в плане гражданской и

---

⁸⁴⁹ Dommett K., Kefford G., Power S. The digital ecosystem: the new politics of party organization in parliamentary democracies //Party Politics. 2020. February. P. 1-11.

⁸⁵⁰ Dommett K. Roadblocks to interactive digital adoption? Elite perspectives of party practices in the United Kingdom //Party Politics. 2018. Vol. 26. Iss. 2. P. 165-175.

финансовой мобилизации. Часто цифровые приемы используются непоследовательно и лишь тактически. Что зависит от целей самих партий⁸⁵¹: если это партии, которые стремятся к налаживанию внутрипартийной демократии, то инновационные преобразования в плане коммуникации с гражданами будут идти органично и интенсивно, однако если партия озабочена лишь максимизации полученных голосов на выборах, то она, скорее, будет ограничиваться традиционной вещательной моделью. Следовательно, в выигрыше по-прежнему остаются доминирующие партии, сочетающие иерархические и гетерархические принципы управления, а также традиционные и инновационные технологии легитимации режима, с которым имеют тесную связь. Но почему партии, а не движения? Дж. Дин отвечает на этот вопрос – непартийным организациям не хватает надежности, сплоченности⁸⁵², поэтому они менее интересны режимам.

Современные партии не спешат бросить традиционные каналы связи с электоратом и по иной причине. Парадокс заключается в том, что кажущийся бесконечным цифровой хайвей все равно свертывается в удобные и необходимые для политических акторов эхо-камеры. Как правило, эхо-камеры – это сетевые площадки с определенными ценностными кодами, а значит, здесь сами сторонники партии, как отмечает К. Санстейн, могут исключать из дискуссии участников с противоположными взглядами⁸⁵³. Цифровые партии стремятся привлечь к своему месседжу максимальное количество интернет-пользователей и «погрузить» их в собственные эхо-камеры. Через этот прием политический режим старается обрести дополнительную легитимацию в гражданской среде. Цифровизация доминирующих партий – важный элемент легитимации действующего политического режима как порядка

---

⁸⁵¹ Römmele A. Political Parties, Party Communication and New Information and Communication Technologies //Party Politics 2003. Vol. 9. Iss. 1. P. 7-20.

⁸⁵² Dean J. Crowds and Party. London: Verso. 2016. P. 8-9.

⁸⁵³ Sunstein Cass R. Republic.com 2.0. Princeton: Princeton University Press. 2009. P. 57-59; Мартянов Д.С., Мартянова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп ВКонтакте //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №3. С. 79-93. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/33304/view> (дата обращения: 29.03.2021).

функционирования политической системы. Сетевой полис, выстраиваемый режимом в мультимодальных сетевых коммуникациях, ориентируется на конструирование и воспроизводство лояльной по отношению к власти политической идентичности.

Процесс цифровизации современной доминирующей партии проявляется в нескольких вариантах: а) поддержка партийных сайтов; б) развитие и воспроизводство партийных сообществ в социальных сетях; в) создание онлайн-приложений партий с разнообразным, интересным и удобным для пользователя функционалом (сочетание признаков сайтов и сообществ). По сути, – сайты, сообщества и приложения доминирующих партий становятся аренами участия сетевого полиса, купирующего риски делегитимации политического режима. Проанализируем все три варианта цифровизации у каждой из 12 выявленных доминирующих партий как приемы легитимации их политических режимов. Доминирующие партии определялись как политические силы: а) пользующиеся популярностью в обществе, б) находящиеся в национальных парламентах, в) не выступающие против экономических, конституционных и ценностно-идеологических основ существующего политического режима. Это – Республиканская партия США (хотя на период исследования – 2019 г. она уступает в Палате представителей по численности Демократической партии, но все же являлась одной из двух абсолютно доминирующих партий в стране, а также имела большинство в Сенате), индийская Бхаратия джаната парти, итальянская партия Движение пяти звезд, шведская Социал-демократическая рабочая партия, португальская Социалистическая партия, мексиканская партия Движение национального возрождения, канадская Либеральная партия, российская партия Единая Россия, казахстанская партия Нур Отан, турецкая Партия справедливости и развития, Африканский национальный конгресс и Китайская коммунистическая партия.

В исследовании будут применяться принципы SWOT-анализа, сочетание сетевого анализа, контент-анализа (определение основных сетевых узлов

партий и сетевых технологий работы с аудиторией) и аксиологического анализа (наличие базовых архетипов, бинарных архетипических оппозиций, образа врага, единой символики, идеологических ценностей в сетевых коммуникациях). SWOT-анализ будет применяться в основном при мониторинге партийных сайтов и онлайн-приложений. Аксиологический анализ будет применен ко всем направлениям цифровизации правящих партий: партийным сайтам, сообществам и приложениям. Сетевой и контент-анализ в основном будут применяться к партийным сообществам в социальных сетях (планируется выявить характер сетевых узлов – число участников, регулярность постов, репостов, комментариев, лайков, дополнительные параметры в виде встроенных ботов, приложений и др.). Исследование проводилось в октябре 2019 г. Главная задача исследования – определить степень социализации политического режима через цифровизацию поддерживающих его доминирующих партий.

Республиканская партия США (Великая Старая Партия). Примечателен тот факт, что сайт www.gop.com уже давно не является базовой информационной площадкой партии. Ее функции также выполняет www.gop.gov – сайт партийной фракции в Палате представителей⁸⁵⁴. Если давать оценку ресурсу по SWOT, то к его сильной стороне можно отнести простоту интерфейса, чья система навигации на 2019 г. включала рубрики «новостная лента», «конференция», «вопросы» и «связаться». Посетитель мог задать свой вопрос либо выбрать конкретного члена фракции, прочесть его биографию и связаться с ним через его аккаунты в социальных сетях Twitter, Facebook, YouTube, Instagram. С этим были связаны возможности – посетитель, попав на активную страницу республиканца, мог увидеть, как он работает с гражданами, проникнуться доверием к его деятельности, а также стать сторонником партии. Везде позиционировалась официальная государственная символика в виде фото на фоне флага. Слабой стороной

---

⁸⁵⁴ Анализ проводился в октябре 2019 г., затем ресурс стал меняться.

можно назвать отсутствие на сайте ссылок на аккаунты самой Республиканской партии в социальных сетях, вместо этого имелись лишь ссылки на аккаунты республиканской фракции в Палате представителей (House Republicans) в Twitter, Facebook и YouTube. Новостные материалы имели нерегулярный характер, иногда несколько дней ничего не было. Угроза могла проистекать из символического и сетевого разрыва между партией и ее фракцией: а) чтобы найти местные сетевые аккаунты республиканцев из разных штатов посетитель сайта должен был серьезно постараться; б) фракция до сих пор не имеет единого символического кода с основной партией даже в виде популярной эмблемы слона. Действует и сайт Национального комитета партии ngcc.org, а также его фейсбук- (1,1 млн. подписчиков, есть чат-бот) и твиттер-сообщества (85 тыс.) на 2019 г. Задачами этого политического комитета партии является создание и продвижение ценностей, меседжа республиканцев, электоральная стратегия и фандрайзинг (достаточно вспомнить размещение на сайтах объявления о продаже футболок, где в составе США была изображена Гренландия)⁸⁵⁵.

Более активная цифровизация партии идет через ее сообщества в социальных сетях. Через цифровизацию доминирующих партий политический режим старается социализировать свою деятельность, максимально охватить все части общества и проникнуть к каждому человеку через смартфон. В Twitter есть основное сообщество GOP, имеющее 2 млн. участников⁸⁵⁶ (на 2019 г.). Само же сообщество GOP подписано на 1673 твиттер-аккаунта, из них оно подписано на 70 наиболее активных лояльных партийных сообществ. Большинство их из них до блокировки связывали аккаунты President Trump и Donald J. Trump. Каждый день появляется несколько постов, делаются репосты с союзных республиканских сообществ. Например, один такой пост за день набрал почти тысячу комментариев, свыше двух тысяч ретвитов и

---

⁸⁵⁵ Республиканцы продают футболки с Гренландией в составе США: фото. URL: <https://news.liga.net/world/news/respublikantsy-prodayut-futbolki-s-grenlandiey-v-sostave-ssha-foto> (дата обращения: 04.10.2019).

⁸⁵⁶ GOP. URL: <https://twitter.com/GOP> (дата обращения: 04.10.2019).

больше четырех тысяч ретвитов. GOP взаимосвязано с сообществом фракции – House Republicans, которое имеет порядка 763 тыс. и менее популярно, однако также размещает видео, регулярные посты с ретвитами, лайками и комментариями. Схожие активные сообщества GOP (свыше 2 млн. подписчиков) и House Republicans (400 тыс.) также есть в Facebook и на видеохостинге YouTube (69 и 5,65 тыс. соответственно), которые связаны с видеоканалами трех республиканцев. Сообщества защищали Д. Трампа от нападков демократов, всячески их критикуя (особенно это проявилось во время повестки импичмента). Есть страницы сообществ и в Instagram (GOP – 180 тыс., House Republicans – 18,6 тыс., но более активное). Режима чата с партией в фейсбук-сообществе на 2019 г. не было.

Партия республиканцев также взяла курс на внедрение и распространение онлайн приложений. Приложение Republican Singles версии 2019 г. разработано специально для республиканцев, где есть сообщества, функции ленты новостей, видеочата, френдинга, линкинга. При регистрации нужно было заполнить подробную анкету вплоть до специфики правых политических взглядов⁸⁵⁷. Young Republicans было рассчитано на молодых республиканцев. В нем была пользовательская аналитика, функционал соцсетей, групп, новостей и фандрайзинга (сбора средств)⁸⁵⁸. Позже было удалено. Также есть простое приложение Republican Party of Palm Beach County с функциями рекрутинга и фандрайзинга. Все они имеют партийную символику слона. Political Nation Right является более простым приложением, позволяющим следить за медиа и их политическими новостями консервативного толка, в том числе республиканскими. Можно скачать приложение республиканской

---

⁸⁵⁷ Republican Singles. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.republicansingles&hl=ru> (дата обращения: 04.10.2019).

⁸⁵⁸ Young Republicans. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=org.yrfv.activefeed&hl=ru> (дата обращения: 04.10.2019).

газеты Times-Republican All Access, чтобы получать политическую информацию⁸⁵⁹. Партийной символики в этих двух приложениях нет.

Бхаратия джаната парти (BJP) является популярной и доминирующей политической организацией (наряду с ИНК) правого спектра в современной Индии. При заходе на сайт bjp.org срабатывает предварительная капча – защита от роботов (с указанием галочки «я не робот» пользователь может начать просмотр ресурса). Сильной стороной является удобство горизонтальной навигации (активно наполняемые контентом рубрики «предстоящие события», «медиаресурсы», «Камал Сандеш» (партийное издание), «жизнь BJP», а также – «присоединиться к BJP», «сделать пожертвование», «меню»). Как доминирующая партия, Бхаратия джаната парти старается привлечь внимание большинство целевых аудиторий через символику. На сайте ненавязчиво, но довольно часто позиционируется эмблема лотоса (оранжевого или белого цвета), древнего священного символа «падма» (солнца, чистоты духа, преобразования) в индуизме, джайнизме и буддизме⁸⁶⁰. Есть и вертикальная навигация, когда при прокручивании колесика мышки перед пользователем всплывают окна: истории партии; кликабельная карта Индии с географическим распределением регионов, где BJP выиграла выборы, и ссылками на аккаунты политиков партии в соцсетях Facebook и Twitter; проект Modi Government 2.0 с горизонтальной навигацией по рубрикам («фермеры», «женщины», «молодая Индия», «здоровье», «нет коррупции», «инфраструктура», «экономика», «образование», «оборона» и др.). К возможностям сайта для партии можно отнести простую систему записи в волонтеры, а также удобную синхронизацию с партийными сообществами в социальных сетях.

Имеется система регистрации на сайте для комментирования контента и удобный поиск партийных отделений по месту жительства. Слабой стороной

---

⁸⁵⁹ Times-Republican All Access. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.timesrepublican.allaccess&hl=ru> (дата обращения: 04.10.2019).

⁸⁶⁰ Bharatiya Janata Party. URL: <https://twitter.com/BJP4India> (дата обращения: 05.10.2019).

является второстепенность рубрики «о партии» («about the party»), где объясняются ценности, идеология и философия ВПР. Посетитель сначала должен перейти в рубрику «меню». Определенной угрозой может быть игнорирование на сайте позиционирования активных деятелей ВПР, кроме ее нового президента Дж. Надды, премьер-министра Н. Моди и министра внутренних дел, экс-президента партии А. Шаха (на 2019 г. исследования). Некоторые страницы «битые» (не работают), не функциональны ссылки на партийные сообщества в Instagram и YouTube (на 2019 г.), поэтому посетитель может и не вернуться на портал.

Несмотря на то, что ВПР постоянно занимается своим сайтом, ее цифровизация более активно происходит в направлении развития партийных сетевых сообществ, как и в случае с американской Республиканской партией. Это является признаком социализации политического режима – его проникновения в общество посредством гипертрофированной цифровизации доминирующей партии. Крупнейшим активным сообществом индийской партии является ее аккаунт в Facebook (свыше 16 млн. участников на 2019 г.)⁸⁶¹. В нем также доминирует символика лотоса и оранжевого цвета. Есть режим партийного чата. Каждый день в среднем может добавляться от 6 до 20 пабликов. Наибольший пик размещения постов (свыше 30) обнаружен в середине недели (особенно по средам), наименьший – в выходные. Наиболее интересный пост за день может вызвать свыше 6 тыс. лайков, порядка 700 комментариев и 800 репостов. Паблики часто включают короткий текст с видео или высококачественные коллажи, объясняющие деятельность партии и ее основных лидеров (Моди, Шаха и Надды на 2019 г.). Тема цифровизации правительства, экономики органично сочетается с апелляцией к традициям (встречается графика с индуистскими богами). Сообщество связано с 14 аккаунтами известных индийских политиков.

---

⁸⁶¹ Bharatiya Janata Party (BJP). URL: <https://www.facebook.com/BJP4India> (дата обращения: 05.10.2019).

Есть партийное сообщество и в Twitter (11,9 млн. участников в 2019 г.), однако оно было подписано лишь на аккаунты трех названных выше лидеров BJP⁸⁶². Больше всего постов – в середине недели (в среду может до сотни). Популярны паблики (особенно с темой богов, религии) в день набирают несколько тысяч комментариев, свыше 10. тыс. репостов, и больше 60 тыс. лайков. Как и в случае американских партий, у BJP есть развитая сеть из твиттер-сообществ региональных отделений. Они, как правило, подписаны на основное сообщество, тогда как оно на них нет, поэтому потенциальным сторонникам их нужно искать по ключевым словам и хэштегам. Для раскрутки сообщества активно используются хэштеги. Действующее сообщество на YouTube (2,21 млн. подписчиков) каждый день пополняется видеоматериалами о работе лидеров BJP, тогда как сообщество bjp4india в Instagram (2 млн. участников) полностью сосредоточено на ежедневном графическом и видеопублике, регулярно комментирующемся и одобряющемся в виде лайков. Есть исследования, согласно которым в качестве индикатора политического поведения могут служить члены сообщества с наиболее плотным подключением к соцсетям⁸⁶³.

Что до направления цифровизации партии через приложения, то у партии оно больше связано с личностью премьер-министра Моди. Основное приложение партии India Politics News не обновлялось с 2017 г. (позже удалено) и было связано с новостями самой организации, парламента, деятельностью ее политических лидеров, выборами⁸⁶⁴. Появились и другие приложения партии. Приложение премьер-министра Narendra Modi (свыше 10 млн. скачиваний с Play Market) пользуется намного большей популярностью у индийцев, предлагает новости от политика, содержит инфографику, позволяет обсуждать контент, поделиться своими идеями и внести свой вклад в развитие

---

⁸⁶² BJP. URL: <https://twitter.com/BJP4India> (дата обращения: 05.10.2019).

⁸⁶³ Safiullah M., Pathak P., Singh S., Anshul A. Social media in managing political advertising: a study of India // Polish Journal of Management Studies. 2016. Vol.13 №2. P. 121-130.

⁸⁶⁴ India Politics News. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.bjpnews.android&hl=ru> (дата обращения: 05.10.2019).

страны (такая модель весьма схожа с приложениями, которые создавались во время президентских кампаний Б. Обамы в США)⁸⁶⁵. Есть возможность зарабатывать баллы, покупать продукцию с символикой партии (одежду) и даже получить шанс пообщаться с Модии. Имеется функционал фандрайзинга. Существует порядка 120 цифровых приложений самого разного функционала (от игр до электронного правительства), связанных с Н. Модии, порядка 20 из них связаны с символикой партии, особенно с лотосом.

Движение пяти звезд (Movimento 5 Stelle, M5S) является одной из доминирующих партий популистского толка в современной Италии. Выступая за прямую демократию, партия сосредоточилась не на традиционном сайте, который на октябрь 2019 г. не имел ничего примечательного (www.movimento5stelle.it), а поддерживает блог www.ilblogdellestelle.it. К сильной стороне можно отнести органичную связь с социальными сетями. В день может размещаться до семи постов. За день материал в 2019 г. мог набрать до трех сотен репостов в Twitter и сотни в Facebook, где распространялся вирусным способом и набирал лайки и комментарии. Но много комментариев и на самом блоге. К серьезным возможностям привлечения активистов и фандрайзинга на период 2019 г. можно было отнести специальный портал Руссо (Rousseau), регистрация на котором могла позволить участвовать в слушаниях партии, тренироваться и организовывать мероприятия в своем районе. Руссо – это попытка социализации политического режима Италии с помощью эмпауэрмента, тотальной цифровизации доминирующей партии, максимального проникновения ее в общество. Посредством системы можно было предлагать законы и голосовать⁸⁶⁶. Через проект «Активизм» пользователь узнавал о всех мероприятиях партии, а также мог загружать и распространять агитационные материалы. Проект «Призыв к действию» давал возможность пользователю

---

⁸⁶⁵ Narendra Modi. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.narendramodiapp&hl=ru> (дата обращения: 05.10.2019).

⁸⁶⁶ Rousseau. URL: <https://rousseau.movimento5stelle.it> (дата обращения: 05.10.2019).

поделиться опытом, создавать сетевые проекты, инициативные встречи для решения общих проблем, указывая место, время, ресурсы (почистить парк, пляж), делать картографирование проблем территории. Не рекомендуется продвигать символику партии. Проект «Открытая Академия» (работал и на 2021 г.) ориентирован на развитие «цифрового гражданства», благодаря которому можно создавать свои онлайн-курсы, чтобы помочь людям осознать свои права и возможности как граждан. Слабой стороной можно считать отсутствие какой-либо рубрики, связанной с программой, идеологией и ценностями, которых, по сути, у M5S нет. Серьезной угрозой обезличивания партии является отсутствие у блога четкой навигации, помогающей выйти на аккаунты партийных политиков в социальных сетях, перебои в работе ресурса. Серьезная критика Rousseau происходила из-за недоработок с системой конфиденциальности данных граждан. Но главной проблемой был кризис политического руководства партии M5S (на период 2021 г.), что очень негативно повлияло на работу активистов проекта Rousseau⁸⁶⁷.

С блога партии можно перейти лишь на ее сетевые сообщества, а не аккаунты политиков, как у Республиканской партии. В ее фейсбук-сообществе (1,4 млн. участников на 2019 г.) размещается гораздо большее число постов, чем в блоге (порядка 10 в день). Интересный пост с графикой и видео может набрать в день до 7 тыс. лайков, 3 тыс. комментариев и 3 тыс. репостов. Контент в основном посвящен итальянской повестке. Есть режим чата с партией. В качестве символики в дизайне пабликов позиционируется пять звезд и желтый цвет⁸⁶⁸. Активно освещалась работа лидера партии Л. Ди Майо (на 2019 г.). Было связано с 52 союзными аккаунтами. Твиттер-сообщество M5S (677 тыс. участников) в основном дублирует контент, размещающийся на блоге и в фейсбук-группе. Лайков, ретвитов и комментариев здесь в два раза

---

⁸⁶⁷ Aspettando Godot sono arrivati i “No Lex”. I negazionisti della legge. URL: <https://www.ilblogdellestelle.it/2021/05/aspettando-godot-sono-arrivati-i-no-lex-i-negazionisti-della-legge.html> (дата обращения: 10.05.2021).

⁸⁶⁸ MoVimento 5 Stelle. URL: <https://www.facebook.com/movimentocinquestelle> (дата обращения: 05.10.2019).

меньше. Оно подписано на 276 аккаунтов и связано лишь с 16 сообществами, имеющими отношение к партии. Сообщество в Instagram (306 тыс. участников) в основном ориентировано на размещение видеоконтента (в день яркий паблик может собрать до 5 тыс. лайков и до полутысячи комментариев). В сообществе M5sParlamento на YouTube (216 тыс. подписчиков в 2019 г.) регулярно загружается видеоконтент (в среднем до 10-12 видео в день). У ролика может быть до 5 тыс. просмотров в день, полутысячи лайков и до трех сотен комментариев.

Партия поддерживает развитие приложений. Основное из них – Parlamento 5 Stelle позволяет просматривать новости, связанные с партией. С ним схоже приложение Blog delle Stelle⁸⁶⁹, с помощью которого можно обмениваться статьями. Regioni 5 Stelle помогает отслеживать деятельность депутатов, избранных от M5S. Всего с Play Market можно было в 2019 г. скачать десятков подобных онлайн сервисов.

Социал-демократическая рабочая партия (SAP) является старейшей доминирующей левоцентристской политической силой в Швеции. Несомненной сильной стороной ее портала www.socialdemokraterna.se на 2019 г. являлась простота горизонтальной рубрикации по рубрикам «стать участником», «примите участие», «наша политика» и «наша деятельность». Везде позиционируется символика алой розы и красного, белого цвета. На сайте размещен основной меседж лидера партии С. Левена «Более сильное общество. Более безопасная Швеция», что опять же является признаком того, что происходит социализация политического режима через цифровизацию доминирующей партии, ее постепенное проникновение в общество через интернет-коммуникации и социальные сети (есть ссылки на сайты партийных региональных организаций и основные аккаунты партии в сетях). У SAP много проектов связано с различными целевыми аудиториями Швеции, что сходно с подобными приемами на сайте индийской BJP. Обнаружена возможность

---

⁸⁶⁹ Parlamento 5 Stelle. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.parlamento.ms&hl=ru> (дата обращения: 05.10.2019).

фандрайзинга. Слабой чертой выступает нерегулярное обновление новостей, связанных с активностью партии. К серьезным возможностям логично отнести простой механизм рекрутинга через сайт. В качестве угрозы для репутации партии является недостаточное качество фотографий, размещаемых на сайте.

Развиваются и партийные сетевые сообщества. В сообществе Facebook (239 тыс. подписчиков на 2019 г.) в среднем размещается один паблик в день. Привлекающий внимание материал может вызвать до тысячи комментариев, сотни репостов и приблизительно столько же лайков. Везде позиционируется символика розы, актуализируется роль партийного лидера, других членов партии. Во многом паблик рассчитан на привлечение в партию молодежи (например, под фотографией девушки, вступившей в партию, размещен текст: «...вы получаете возможность влиять на политику в реальной жизни»)⁸⁷⁰. Сообщество в 2019 г. связано с 90 союзными группами. Режим партийного чата в 2019 г. не было. Твиттер-сообщество (87,4 тыс. подписчиков) не такое популярное. Оно подписано лишь на три партийных группы. Регулярность тех же пабликов здесь такая же, но лайков, репостов и комментариев намного меньше. Ролики на партийном канале YouTube (лишь 3,8 тыс. подписчиков в 2019 г.) добавляются очень нерегулярно. Instagram-сообщество (32,5 тыс. подписчиков) отличается еще большей нерегулярностью постов. На странице партии в фотохостинге Flickr (235 подписчиков) долго остаются лишь старые фотографии.

Приложение Sappen (скачано свыше 5 тыс. раз) было плохо распространено среди сторонников партии⁸⁷¹. Оно позволяло задавать вопросы партии, следить за ее новостями, пользоваться в информационно-пропагандистских целях. Позже его перестали развивать.

Социалистическая партия (Partido Socialista, PS) сохраняет статус доминирующей политической силы в Португалии. Сильной стороной на 2019

---

⁸⁷⁰ Socialdemokraterna. URL: <https://www.facebook.com/socialdemokraterna/> (дата обращения: 06.10.2019).

⁸⁷¹ Sappen. URL: https://play.google.com/store/apps/details?id=com.greatbeyond.sappen_prod&hl=ru (дата обращения: 06.10.2019).

г. выступало удобство навигации сайта ps.pt (основные рубрики – «новости», «исследования», «демократический социализм», «участие», «повестка дня»). В качестве основной символики присутствует белый левый кулак на красном фоне. Сделаны ссылки на сообщества партии в социальных сетях, специальный сайт группы партии в Европарламенте www.delegptpse.eu. К коммуникационным возможностям следует отнести подписку на уведомления и функцию удобного чата с партией через Messenger. Слабой стороной является отсутствие функции комментирования контента, размещаемого на сайте (аналогичная проблема сохранялась и на сайте партии в Европарламенте). Потенциальной угрозой для репутации партии можно назвать нерабочее состояние некоторых ссылок (например, на фракцию в национальном парламенте в 2019 г.), перебои с работой сайта.

Наиболее популярное сообщество PS размещено в Facebook (85,9 тыс. подписчиков в 2019 г.). В среднем может размещаться от 4 до 20 постов в день, которых на выходных значительно меньше⁸⁷². Обладает связями с свыше сорока союзными сообществами в 2019 г. Собственная символика белого кулака на красном фоне органично встраивается во все паблики (как в случае с индийскими, итальянскими и шведскими доминирующими партиями, чего нет, к примеру у американских партий, больше привязанных к национальной символике). В 2019 г. фиксируется множество контента с лидером партии А. Коштой, активно используются хэштеги и мемы. Твиттер-сообщество PS намного меньше (32,5 тыс. подписчиков), меньше лайков, репостов, комментариев очень мало. Оно подписано на союзные аккаунты, сообщества региональных отделений партии (порядка 3 тыс. подписок). Последовательно позиционируется символика партии, используются тематические хэштеги (например, связанные с выборами 6 октября 2019 г. - #Legislativas2019). Много репостов с твиттер-аккаунта Кошты. На YouTube есть сообщество с 3,6 тыс. подписчиков, где ежедневно выкладываются видео о работе партии и ее

---

⁸⁷² Partido Socialista. URL: <https://www.facebook.com/SedeNacionalPartidoSocialista/> (дата обращения: 06.10.2019).

лидеров, однако комментарии очень редкие. Если ролик не раскручивается, то он редко набирает свыше двухсот просмотров за день. Создано сообщество в Flickr (41 подписчик в 2019 г.), однако оно не пользуется популярностью, нет постоянных комментариев. Партийный аккаунт на фотохостинге Pinterest не популярен. Лучше обстоит дело со страницей PS в Instagram (10,8 тыс. подписчиков), где регулярно размещаются, лайкаются и одобряются паблики, часто снабженные тематическими хэштегами (связанными либо с выборами, либо с общественными проблемами).

Официальное приложение партии Partido Socialista не содержало разнообразного функционала (лишь тысяча скачиваний)⁸⁷³. Оно лишь позволяло подписываться на новости партии, смотреть видео. В нем кроме символа кулака присутствовал и социалистический символ бело-красной розы. Позже партия перестала поддерживать приложение.

Движение национального возрождения (Morena) – доминирующая партия левой направленности в современной Мексике. Сильной стороной сайта партии morena.si можно назвать простую навигацию по рубрикам «предварительная регистрация», «основные документы», «прозрачность», «звонки и уведомления», «обратная связь» и «контакт». Красные тона на белом фоне преобладают в качестве основной левой символики. Присутствует оригинально встроенный видеоконтент и карикатуры. К возможностям рекрутинга и укрепления доверия к партии можно отнести ссылку на портал партийной газеты www.regeneracion.com, который в 2019 г. был полностью посвящен текущей партийной повестке. Примечательно, что при заходе на сайт газеты посетитель мог послушать мексиканскую музыку. Функция «Будь частью перемен» позволяла зарегистрироваться на портале, на сайте объяснялось, как начинающий активист может начать работу с населением через местные комитеты партии. Отсутствие функции комментирования материалов сайта являлось его слабой стороной. Не была убрана ссылка на

---

⁸⁷³ Partido Socialista. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=pt.ps.mobileapp&hl=ru> (дата обращения: 06.10.2019).

Google+, хотя эта социальная сеть уже давно не существует. К угрозам можно отнести то, что позиционирование лидера партии Л. Обрадора имело явно гиперболизированный характер, на деле затмевая других активных партийных деятелей (в случае негативизации образа Обрадора партия подвержена серьезным рискам). Ссылки на сообщества в 2019 г. в YouTube и Instagram были нерабочими. Не скачивались программа и устав партии. Возможно, поэтому позже был запущен более современный газеты *regeneracion.mx*, учувший все эти недочеты.

С сайта в 2019 г. нельзя было перейти на сообщество партии в Facebook *Morena Sí* (606 тыс. подписчиков), а только на сообщество Обрадора (6,1 млн. подписчиков). В сообществе партии размещается один паблик в день (в среднем – до тысячи лайков, сотни комментариев и сходного количества репостов). Паблик в сообществе партийного лидера может набрать за день до 60 тыс. лайков, 6 тыс. комментариев и 16 тыс. репостов. Характерно, что много видеороликов не только официальных мероприятий, а со встречами партийного лидера с простыми мексиканцами⁸⁷⁴. При этом за сутки в сообществе Обрадора может размещаться не больше 2-3 материалов. Каждый паблик сопровождается ссылкой на президентский портал *presidente.gob.mx* (комментариев в 2019 г. на нем не было), с которого можно перейти на YouTube канал регулярных пресс-конференций президента, которые активно комментируются. Также можно перейти на личные страницы министров и их аккаунты в социальных сетях. Возникает четкая символическая связь партии с государством через президента. Партийное фейсбук-сообщество *Morena Sí* в 2019 г. не имеет связей с региональными отделениями и подписано лишь на аккаунт Обрадора. Гиперболизация ссылок на видео пресс-конференций Обрадора затмевает образ партии. Есть партийный чат. В твиттер-сообществе партийного лидера (6,1 млн. подписчиков на 2019 г.) добавляется больше пабликов (минимум два в день), где материал может набрать за сутки пару

---

⁸⁷⁴ Andrés Manuel López Obrador. URL: <https://www.facebook.com/lopezobrador.org.mx> (дата обращения: 06.10.2019).

тысяч комментариев, свыше 10 тыс. лайков и 4 тыс. репостов. Партийной символики нет. Твиттер-сообщество Morena (90,6 тыс. подписчиков) пользуется меньшей популярностью и нерегулярно размещает материалы. Из 77 подписок сообщество имеет связи лишь с семи региональными партийными сообществами. Активно использует хэштеги.

Разработано несколько онлайн-приложений партии. MORENA (скачано свыше тысячи раз) создано для членов партии. Присутствует возможность группового чата, функционал новостей, радио, ссылки на новости и аккаунты Обладора⁸⁷⁵. Менее популярное приложение Mexico es Morena загружает видео, делает фото, дает возможность осуществлять мониторинг предвыборной кампании, групп избирателей в мексиканских регионах. Как и в случае с индийским кейсом, больше популярных приложений (от стикерных, музыкальных до игровых) связано с личностью партийного лидера: AMLO Stickers (свыше 500 тыс. загрузок), AMLO vs La Mafia del Poder (от 50 тыс. загрузок), Soundboard Frases AMLO (свыше 10 тыс. загрузок). Всего в 2019 г. было порядка 12 приложений, связанных с партийным лидером. Символика была представлена очень слабо.

Либеральная партия Канады (Liberal Party of Canada) остается одной из трех доминирующих политических организаций в стране. Партийный сайт 2019.liberal.ca (позже перенаправлялся на аналогичный liberal.ca, также появился 2021.liberal.ca) в качестве сильной стороны в 2019 г. обладал простой навигацией и функционалом. Зайдя на ресурс, пользователь сразу мог узнать о партийной программе и ее ценностях («строим сильную Канаду», «создание сильного среднего класса», «ответственный фискальный план» и др.) через большую кнопку OUR PLATFORM. Фандрайзинг был возможен через вторую заметную кнопку DONATE (где все подробно объяснялось). Продвигающимся символом является сочетание красно-белых цветов и эмблемы кленового листа. Также в 2019 г. на портале был онлайн-магазин, где можно было купить

---

⁸⁷⁵ MORENA. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=morena.cen&hl=ru> (дата обращения: 06.10.2019).

вещи с партийной символикой. В наличии ссылки на сообщества партии в социальных сетях. Перспективной возможностью для роста доверия граждан к партии является возможность рекрутинга, волонтерства, а также event-функция (событийного маркетинга), когда пользователь может выбрать любой населенный пункт и найти ближайшее партийное мероприятие (посмотреть его на Google Map и разместить в виде сообщения в социальных сетях). Однако к слабой стороне можно справедливо отнести запаздывание размещения на сайте актуальной политической и новостной информации. На деле нет специальной рубрики «новости». Как и в случае с мексиканской Morena, определенной угрозой для репутации партии является доминирование контента о ее лидере Дж. Трюдо, затмевающего иных активных партийных деятелей. Отсюда возникают и риски для либералов. Даже в Индии позиционируется как минимум три партийных лидера.

Наиболее популярные сообщества Либеральной партии Канады размещены в Facebook (337 тыс. подписчиков) и Twitter (293 тыс.) на период 2019 г. Как и на сайте, в символический код сообществ партии входит красно-белые цвета, кленовый лист, буква «L» и образ ее лидера. В среднем может размещаться в день от 6 до 15 пабликов (в твиттер-сообществе меньше, в фейсбук может достигнуть до 30 в сутки). В фейсбук-группе партии популярный паблик способен легко набрать свыше тысячи лайков, пару сотен репостов и полтысячи комментариев. Популярностью пользуются уведомления о предстоящих мероприятиях партии. В 2019 г. фиксируется много канадских мемов. Применяются хэштеги. Больше всего представлен контент с партийным лидером. Встречается реклама партийных товаров. Менее развитым было инстаграм-сообщество liberalca (32,9 тыс.). Есть аккаунты партии и ее лидера в мессенджере Snapchat. Партийный аккаунт на YouTube (12,9 тыс. подписчиков в 2019 г.) каждый день размещает несколько видео, где часто показывает Трюдо в бытовых ситуациях, окружении граждан, в общественном транспорте. Пропагандируются семейные ценности и трудолюбие. Но за день просмотров не очень много (до несколько сотен). С

сайта партии можно перейти на аккаунты ее лидера в Facebook (6,8 млн. подписчиков) и Twitter (4,6 млн.), где активность участников сообществ намного больше, чем в партийных группах этих сетей. Для поддержания трафика сообщества Трюдо делают регулярные репосты с партийных сообществ. В Flickr (431 подписчик в 2019 г.) небольшое, но очень активное сообщество. Размещены фото Трюдо в одежде с партийной символикой.

Партийные приложения развиты слабо. В ходе поиска в Play Market было обнаружено несколько партийных онлайн-приложений, однако, в основном они были созданы экспериментально и находились в тестовом режиме. First Response: Liberal Party of Canada должно было работать по принципу мессенджера с элементами социальной сети между членами партии. Приложение Justin Trudeau Meter (Liberal Party Canada Meter)⁸⁷⁶ давало возможность следить за новостями от членов партии, правительства Трюдо, знакомиться с их планами касательно экономики, нацбезопасности, культуры, коренных народов, правительства, миграции, экологии в виде диаграмм. Можно было прислать предложение и рекомендации партии. Большей популярностью пользовалось приложение другой канадской доминирующей партии – Консервативной. Ее ресурс CPC App лучше скачивался, давал возможность отслеживать новости организации, заниматься фандрайзингом и получать баллы. Однако развиваются и цифровые приложения канадских газет, которые исторически поддерживают либеральную (Globe and Mail, Toronto Star) либо консервативную идеологию (National Post, Toronto Sun).

Единую Россию можно обозначить в качестве доминирующей партии Российской Федерации. Одной из сильных сторон ее сайта er.ru в 2019 г. была простота и разнообразие пользовательского функционала. Ненавязчиво присутствует партийная символика, сочетающаяся с общенациональной символикой, что схоже с эффективными приемами Либеральной партии

---

⁸⁷⁶ Justin Trudeau Meter (Liberal Party Canada Meter). URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.xoredgeapps.trudeaumeter.app&hl=ru> (дата обращения: 06.10.2019).

Канады и ВПР Индии. Тем самым образы партии и государства складывается в общий символический код. Добавлены ссылки на сообщества партии в социальных сетях. К репутационным возможностям политической силы следует отнести то, что кроме президента страны В.В. Путина и официального лидера партии Д.А. Медведева продвигаются образы и других значимых членов Единой России. Это продвижение учитывает актуальную повестку в стране. К примеру, в День учителя, 6 октября 2019 г., на сайте были размещены высказывания партийцев (В. Никонова, А. Аршиновой, Г. Кареловой) о значимости учительской профессии. Есть рекрутинговая часть, новости регулярно обновляются. К слабой стороне в 2019 г. можно отнести невозможность регистрации и комментирования, даже с помощью социальных сетей. Потенциальной угрозой для репутационной составляющей партии можно назвать отсутствие ссылок на аккаунты Высшего совета партии в социальных сетях, хотя у многих партийцев они имеются. В 2019 г. есть только выборочная подборка на посты партийцев из Twitter, хотя россияне интересуются и новостями из соцсети ВКонтакте. Партийные проекты также нельзя обсуждать.

Развиваются и партийные сообщества. Они в основном в ВКонтакте (107 тыс. подписчиков), Одноклассниках (65,9 тыс.), Facebook (60 тыс.), Twitter (158,6 тыс.), Instagram (63,4 тыс.) на период 2019 г. Присутствует символика партии, особый персонаж «белый медведь» адаптирован под актуальную повестку (предупреждения о начале действия закона и т.п.). В Facebook есть функция чата с партией, но аккаунт был не связан с региональными отделениями и лояльными сообществами в 2019 г. В сообществах 5-6 схожих пабликов в день. Максимальное размещение возможно в середине недели (особенно в среду), как и у индийской партии ВПР. Практикуется привязка контента к хэштегам. В сообществе ВКонтакте пост может набрать до сотни репостов, пару сотен лайков⁸⁷⁷. Показатели удваиваются при добавлении

---

⁸⁷⁷ ЕДИНАЯ РОССИЯ. URL: https://vk.com/er_ru (дата обращения: 06.10.2019).

интересного видео по различным проблемам. Однако комментариев не больше десятка, часто встречаются крайне негативные реплики. Хорошим приемом является регулярные ответные комментарии со стороны партии, часто не дискурсивного, а аргументативного характера – с использованием ссылок, фактов, устава партии. Хотя в Twitter и больше подписчиков, ядро интересующихся деятельностью партии находится именно в ВКонтакте. Приложение в ВКонтакте «Единая Россия в регионах» в 2019 г. не работало из-за ошибок в самой социальной сети. С другой стороны, в это сообщество интегрирован специальный социальный бот, обращающийся к пользователю по имени и предлагающий ему подписаться на новости группы. Группа в Instagram характеризуется небольшим объемом комментариев, однако серьезным количеством лайков (за день одна фотография может набрать до полутысячи лайков). В сообществе на YouTube (3,83 тыс. подписчиков в 2019 г.) видео могут не размещаться до недели.

Приложение Единая Россия (скачано свыше 10 тыс. раз в 2019 г.) предоставляет возможность знакомится с партийными новостями и проектами, просматривать фотографии, а также контакты региональных отделений. Регулярно обновляется⁸⁷⁸. Параллельно можно скачать партийное приложение Наблюдатель ЕДИНОЙ РОССИИ (аналогичное количество скачиваний), обеспечивающее деятельность партийных активистов на выборах. Есть сервис НАВЫБОРЫ.РФ (скачано столько же), созданный для информирования граждан о всех событиях, происходящих в России до выборов различных уровней. Позже появилось приложение Агитатор ЕР. Очень много приложений, связанных с В.В. Путиным.

Африканский национальный конгресс (АНК), несмотря на коррупционные скандалы, связанные с экс-президентом и бывшем партийным лидером, с 1994 г. остается важнейшей доминирующей партией в ЮАР. Сильной стороной сайта партии www.anc1912.org.za выступает его четкое позиционирование

---

⁸⁷⁸ Единая Россия. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=ru.edinros.iparty&hl=ru> (дата обращения: 06.10.2019).

узнаваемой в обществе символики: во-первых, в самом названии ресурса заложена дата образования политической организации, во-вторых, присутствует ее основной символ – копьё на фоне зулусского щита, к древку которого прикреплен флаг с основными цветами, пересекающимися с цветами государственного флага ЮАР – черным, зеленым и желтым. Материалы сайта регулярно обновляются, интерфейс прост и понятен. Определенные возможности дает функционал фандрайзинга, QR-кода, привязка к актуальным сетевым сообществам партии. Между тем недостаточную информативность, излишне официальный стиль контента можно отнести к слабым сторонам портала. К угрозам можно отнести отсутствие ссылок на аккаунты в социальных сетях популярных партийных деятелей, биографические страницы которых на сайте имеются. Ссылка на партийное сообщество в фотохостинге Flickr не работает (битая в 2019 г.).

С главной страницы сайта можно перейти на сетевые сообщества партии. Крупнейшим из них является партийная группа в Twitter (718,5 тыс. подписчиков на период 2019 г.). Паблики выкладываются регулярно – от 1 до 7 в день. Реакцию пользователей нельзя охарактеризовать как высокую, однако она также регулярна – в день пост может набрать до 10 комментариев, 20 ретвитов и полусотни лайков. Активно применяются хэштеги⁸⁷⁹. Ведущими данный аккаунт АНК размещаются фото и видео, обязательно включающие партийную символику. Фейсбук-сообщество партии (563,4 тыс. в 2019 г.) также активно. Однако оно хуже связано с другими пользователями, чем твиттер-сообщество. Размещаются аналогичные паблики (также – до 7 в день). Тем не менее сообщество интенсивно развивается. В день паблик набирает до пару сотен лайков, свыше сотни репостов и сотни комментариев. Имеется чат с партией. Применяются хэштеги. Постоянно обновляется контент в партийном сообществе в Instagram (133 тыс. подписчиков). На фото часто представлены представители разных целевых аудиторий – молодежь,

---

⁸⁷⁹ African National Congress. URL: <https://twitter.com/MYANC> (дата обращения: 12.10.2019).

семейные пары, женщины, пожилые граждане, даются цитаты Нельсона Манделы с его изображениями. Сообщество MyANC (2,29 тыс. в 2019 г.) на YouTube не регулярно размещает видео и пользуется меньшей популярностью.

Отдельно можно выделить цифровизацию партии через развитие ее онлайн-приложений. Так, приложение MyANC давало возможность избирателям и членам АНК попробовать напрямую связаться с партийным руководством. Но количество скачиваний в 2019 г. было невелико – лишь свыше 1 тыс. Позже его перестали поддерживать. Как и в случае с индийской партией BJP, гораздо большей популярностью в электоральной среде пользуются приложения, связанные не с идеологическим контентом, а с развлечениями – музыкой, видео и т.п. Для сравнения – у недавнего приложения ANC Video Songs уже свыше 5 тыс. скачиваний (последнее обновление в 2019 г.). С помощью его пользователь мог слушать популярные в партии АНК песни, партийные новости, а также смотреть мультфильмы⁸⁸⁰. Схожий функционал был в 2019 г. у партийного приложения ANC Songs – Mp3 и приложения ANC Best Songs Mp3⁸⁸¹ (свыше 5 тыс. скачиваний каждое). Еще большую популярность (свыше 10 тыс. скачиваний) приобрело приложение A.N.C Songs - Mp3 Offline⁸⁸². Кроме популярных песен (гимны о гражданских правах, песни о свободе, пасхальные песни, партийные песни), как части субкультурного символического ядра АНК, приложение давало доступ к политическим и финансовым новостям.

Во всех партийных приложениях фигурирует символика АНК, фотографии национального лидера Манделы, партийного лидера и президента страны С. Рамафосы. Фактически АНК с помощью своей цифровизации

---

⁸⁸⁰ ANC Video Songs - MP4. URL: https://play.google.com/store/apps/details?id=com.africa.anc_vid&hl=ru (дата обращения: 12.10.2019).

⁸⁸¹ ANC Best Songs Mp3. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.ancbestsongsmp3.app&hl=ru> (дата обращения: 12.10.2019).

⁸⁸² A.N.C Songs - Mp3 Offline. URL: https://play.google.com/store/apps/details?id=com.uknx1.anc_mp3&hl=ru (дата обращения: 12.10.2019).

развивает собственную субкультуру, опирающуюся на распространенные песенные традиции. Позже появились приложения African National Congress Songs и AFRICAN NATIONAL CONGRESS Songs Mp3, заменившие прежние перечисленные. Динамика у цифровизации партий схожая – одни приложения исчезают, другие появляются.

Коммунистическая партия Китая (КПК), как доминирующая партия страны, имеет довольно простой портал src.people.com.cn. Перечислим его сильные стороны (на период 2019 г.). В первую очередь следует отметить неперемное позиционирование коммунистической символики (серп и молот, красные тона, фото партийного лидера Си Цзиньпина). Понятная навигация предлагает рубрики «форум» (где размещаемым новостным пабликом можно поделиться через китайские сети Sina Weibo, WeChat (с помощью перенаправления смартфона на появляющийся на странице QR-код) и QQ), «кадры» (оперативно показываются назначения, увольнения, перенаправления партийных кадров), «теория» (пользователь перенаправляется на специальный портал theory.people.com.cn, где есть видеолекторий, даются пояснения по идеологии, важности изучения традиционной культуры и основ социализма, отчеты ответственных по проектам, например, по транспортному пути «Один пояс и один путь»), «партийное строительство» (пользователь переходит на специальный портал dangjian.people.com.cn, где подробно объясняются направления «партийных заданий» – институциональное партийное строительство, государственные, негосударственные партийные, образовательные проекты, выявление талантов (портал job.people.com.cn), сельское партийное строительство и др.), «новости», «эксклюзив». У каждого материала есть ссылка на источники или автор.

Слабой чертой можно назвать отсутствие ссылок на аккаунты ведущих членов партии в сетевых сообществах, хотя КПК не делает ставку на развитие партийных сообществ даже в китайских социальных сетях. Эту роль на себя взяли сетевые сообщества комсомольских организаций. Также этот

недостаток компенсируется тематическими ссылками на профильные сайты (www.people.com.cn – о жизни страны, 12380.gov.cn – организационный отдел ЦК КПК, www.dswxyjy.org.cn – Центральный партийный институт истории и литературы, www.youth.cn – Китайская молодежь онлайн, www.ce.cn – Китайская экономическая сеть, www.dangjian.cn – Сеть партийного строительства и др.). Есть специальный статистический ресурс dju.people.cn, где можно узнать о партийном управлении, партийных отделениях в китайских провинциях, возрастных, образовательных, количественных параметрах. Подробно узнать о работе региональных отделений КПК возможно с помощью специальной кликабельной карты страны. В качестве угроз можно определить неработоспособность ряда ссылок, отсутствие практики комментирования на сайте КПК, а также на большинстве союзных профильных сайтов. Позже 2019 г. ряд сайтов претерпели сильные изменения от названий, адресов до концепции.

Таким образом, сетевой полис Китая создается в том числе и системой связанных сайтов, а не только социальных сетей. Причем интерфейс построен так, что если пользователь переходит с сайта КПК на другой сайт, то с его ряда статей, как правило, снова совершается переход на сайт коммунистической партии. На большинстве есть функционал QR-кодов. На деле мы видим построение сетевого полиса Китая по принципу взаимосвязанных эхо-камер, создаваемых для политиков – социальных сообществ (комсомольских, исследовательских, женских и т.п.), потенциально способных к гражданской и политической активности. Чтобы предотвратить делегитимацию политического режима, доминирующая партия конструирует эхо-камеры и ряд коммуникативных арен участия. Видов эхо-камер несколько: а) сайты (где информация подается аргументативным способом и редко сопровождается комментариями) и б) сообщества китайских социальных сетей (где информация приобретает больше дискурсивный, а не аргументативный характер, есть комментарии и яркая эмоциональная оценка контента).

Требуется отдельно остановиться на специальном приложении КПК. Xuexi Qiangguo («Изучение великой страны») посвящено лидеру коммунистической партии Си Цзиньпину и его политической философии. Его можно скачать с сайта xuexi.cn. На сайте Университета науки и технологии (провинция Шанси) опубликована пошаговая инструкция, как нужно работать с приложением партийным комитетам и китайским гражданам⁸⁸³. Благодаря данному приложению можно делать телефонные звонки, рассылать сообщения (в том числе и временные, стирающиеся в стиле Snapchat), проводить коллективные видеоконференции. Пользователь, зарегистрировавшийся в приложении, читая контент, смотря видео, оставляя комментарии и проходя тесты по политическим взглядам лидера КПК, получает баллы, которые в дальнейшем планируется обменивать на небольшие подарки. Такой подход сближает приложение Xuexi Qiangguo с приложениями доминирующей индийской партии BJP. Лишь за месяц партийное приложение стало наиболее скачиваемым в китайском AppStore⁸⁸⁴. Пользоваться приложением рекомендуется не только партийным работникам и государственным служащим, ресурс во многом рассчитан на привлечение внимания молодежи к партийной жизни.

Анализ цифровизации доминирующих партий позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, современные партии доминирующего типа решают задачу легитимации политического режима с помощью его социализации – максимального приближения представителей элиты к гражданам посредством цифровизации их образов (их проектов, деятельности), элементов эмпауэрмента. Тем самым соблюдается институциональная и технологическая компоненты политической легитимации, что соотносится с тремя вариантами модели легитимности

---

⁸⁸³ Карамазова Ж. В Китае самым загружаемым стало приложение о лидере партии. Просто надо знать, кого заставлять его скачивать. URL: <https://medialeaks.ru/1502jkr-most-downloaded-app/> (дата обращения: 12.10.2019).

⁸⁸⁴ 关于推广使用“学习强国”学习平台的通知. URL: <http://www.sust.edu.cn/info/1131/7578.htm> (дата обращения: 12.10.2019).

политического режима С. Липсета (А – сочетание легитимности и эффективности, В – легитимность без эффективности и С – эффективность без легитимности). Во-вторых, процесс цифровизации доминирующих партий осуществляется в основном через развитие партийных сетевых сообществ (даже в Китае за счет комсомольских), в жизненном цикле которых большое значение приобретает регулярность пабликов, комментариев, репостов и лайков, являющихся оцифрованным вариантом поддержки ядерного электората партии. В сообществах привлекаются сторонники, пропагандируются идеи и ценностный символический ряд партии. Маркером цифровизации партии может служить и все большая оцифровка имиджа партийного лидера и бренда, символики самой партии. Возникновение цифровых партий по типу «компаний-единорогов» обусловлено методологической революцией Big Data, проявляющейся в: а) создании для пользователей цифровых платформ и площадок коммуникации, б) анализе их поведения и реакции для усиления собственных позиций. В фейсбук-сообществах партий появляются специальные чаты, есть возможность партийного фандрайзинга. Другим маркером цифровизации партий является фактическая оцифровка партийных лозунгов, меседжей и слоганов в виде хэштегов. В-третьих, доминирующие партии пока сохраняют свои порталы, хотя кейсы (Движения пяти звезд, а также других партий) показывают, что есть перспектива замены классических сайтов разветвленной блогосферой. Другой вариант – конструирование целой плеяды взаимосвязанных сайтов с возможностью перехода в сетевые сообщества социальных сетей через QR-коды (кейс КПК). Канадский кейс показал, что перспективным вариантом является ивент-маркетинговое сопровождение партийных сайтов. В-четвертых, приложения пока используются не так активно, однако учитывая тренд распространения смартфонов и портативных гаджетов, подобное направление цифровизации партий представляется наиболее перспективным для коммуникационных возможностей между гражданами и политическим режимом (кроме того, канадский кейс показал, что цифровизация партий

может развиваться и через распространение приложений лояльных к ним газет). Другими словами, в настоящее время основное направление цифровизации партии – это развитие ее сетевых сообществ, где удобнее коммуницировать со сторонниками и изучать мнение людей по тем или иным проблемам. Но эволюции цифровых партий в сторону делиберативных форм демократии на базе разнообразных сообществ препятствует недоверие самих партий к данному тренду, риску потерять роль политического посредника граждан⁸⁸⁵.

Цифровизация партий подтверждает тезис Дж. Дин о необоснованности идеи об архаичности партийной системы как вертикального института⁸⁸⁶. Скорее цифровая партия, приспосабливаясь к современности, сочетает и вертикальное управление, и горизонтальные коммуникации со своими сторонниками. Тем не менее есть фактор, объединяющий все три варианта цифровизации доминирующей партии – через сообщества, сайты и приложения, – это встраивание их в структуру сетевого полиса, формируемого политическим режимом. Если чертой партийных сообществ является их дискурсивный характер (поэтому их можно назвать подлинными коммуникационными аренами участия), то чертой партийных сайтов сохраняется преобладание аргументативного характера подачи информации. Более редкие партийные приложения сочетают оба варианта. При этом партийные сообщества и приложения больше отвечают признакам классических эхо-камер и одновременно элементам умеренного эмпауэрмента, восходящей легитимации. Общей чертой цифровизации доминирующих партий можно назвать их сосредоточенность на продвижении имиджа партийного лидера. Такая «платформизация» партий вполне связана с недемократичным феноменом «платформенного правителя» (например, Д. Трамп, Н. Моди, Дж. Трюдо и т.п.)⁸⁸⁷ – появлению во многих политических

---

⁸⁸⁵ Рейбрук Д. Ван. Против выборов. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. С. 126-127.

⁸⁸⁶ Dean J. Crowds and Party. Verso. 2016. P. 165-167.

⁸⁸⁷ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 287-289.

режимах специфического типа популистского лидера, делающего ставку на цифровые технологии имидж-позиционирования. Поэтому можно говорить и о персональной легитимации политического режима через процесс цифровизации партий.

4.2. Реализация политики памяти на примере компьютерных игр: возможности и проблемы

Многообещающими возможностями для сохранения прочной легитимности политического режима обладает «политика памяти» (или «историческая политика»). По сути политика памяти органично вплетена в символическую политику и посредством символических кодов (символов, интернет-мемов, хэштегов и др.) влияет на легитимность режима. В.А. Ачкасов делает знаковое для нас замечание, отмечая, что от политики памяти, как особого «воображаемого прошлого», зависит легитимация власти⁸⁸⁸. Многие исследователи подчеркивают именно ориентацию политики памяти на сохранение коллективной идентичности посредством регулирования («фигурации» по Дж. Олику) коллективной памяти (М. Хальбвакс) различными технологиями⁸⁸⁹. При этом огромные перспективы для политики памяти сохраняются именно в технологиях визуализации⁸⁹⁰. Вдобавок существует точка зрения, что политика памяти получает актуальность у тех режимов (автократиях), у которых легитимация больше основана на ценностной, а не избирательной системе⁸⁹¹, формируя в условиях цифровизации новую политическую мифологию⁸⁹². Политика памяти связана

---

⁸⁸⁸ Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» //Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. /Отв. ред. О.Ю. Малинова. М. 2012. С. 126-148.

⁸⁸⁹ Миллер А.И. Россия: власть и история //Pro et Contra. 2009. № 3-4 (46). С. 6-23; Гигаури Д.И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. I. С. 59-64.

⁸⁹⁰ Макаров А.И. Политика памяти как элемент региональной культурной жизни //Власть. 2008. №12. С. 8-11.

⁸⁹¹ Тупаев А.В. Идеологическое прошлое и легитимация политического порядка: опыт современной России //Власть. 2019. №2. С. 128-133.

⁸⁹² Полосин В.С. Религиозные мифы и легитимация власти //Minbar. Islamic Studies. 2018. Т. 11. №2. С. 339-349.

с деятельностью мнемонических акторов – государства, групп, институтов, которые ориентированы на формирование интерпретаций о коллективном прошлом. Также важную роль в политике памяти играют инфраструктуры памяти, коммеморации, отсутствие противоречий конкурирующих нарративов⁸⁹³.

Стортеллинг, как повествовательный прием с интересным, ярким, захватывающим сюжетом, выстраивается на технике коммеморации – многократном повторении определенных интерпретаций, фактов истории, а также их связей⁸⁹⁴. Большую роль в этом процессе, по Олику⁸⁹⁵, играет коллективная память, помогающая гражданину самоопределиться, самоидентифицироваться. Работая по принципу эмоционально воздействующего пропагандистского приема, стортеллинг через постоянное повторение готовых стереотипов, архетипов и элементов постправды может оказывать влияние на историческое сознание геймеров.

Определенной возможностью стортеллинга для ценностной легитимации режима можно считать его способность к комбинированию коммемораций в нужные власти связи интерпретаций и исторических фактов. К возможностям стортеллинга можно добавить его потенциал по выводу граждан из состояния «общества травмы» (когда ожидания изменений не совпадают с прошедшими политическими потрясениями⁸⁹⁶) на уровень сетевого строительства макрополитической идентичности национального плана. Конечно, компьютерные игры не охватывают всего населения, однако сторртелинговое транслирование и повторение политических смыслов и ценностей обязательно должно затрагивать и такую его часть как геймеры.

---

⁸⁹³ Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (Анализ российских практик) // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3(94). С. 103-126. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126.

⁸⁹⁴ Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация // *Власть*. 2015. № 7. С. 81-84.

⁸⁹⁵ Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.

⁸⁹⁶ Тощенко Ж.Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // *Полис. Политические исследования*. 2017. №1. С. 79.

Стортеллинговые приемы среди интернет-пользователей обретают дополнительную популярность через стриминг – интерактивную трансляцию прохождения компьютерной игры (или иного занятия) в реальном времени, которая передается через пользовательский аккаунт специальных платформ, социальных сетей, видеохостингов и показывается тысячам других интернет-пользователей⁸⁹⁷. Тем самым осуществляется дополнительная связь компьютерных игр с социальными сетями. Описанные явления можно связать с феноменом геймификации политики, означающей встраивание в политическую жизнь дополнительных игровых техник, правил и процедур. Геймификация политики может инициироваться политическими акторами для вовлечения электората в политический процесс⁸⁹⁸ (элитой – с целью купирования рисков абсентеизма и делегитимации режима, оппозицией – с целью делегитимации и борьбы за политическую власть).

Политическая легитимация осуществляется через конкретные технологии конструирования или воспроизводства коллективной памяти об исторических событиях. Важное значение в этом направлении приобретает способность представителей политического режима: а) во-первых, следить за современными трендами – изменениями в самом восприятии новыми поколениями информационного контента (напомним о важности фактора «клипового сознания» и клипового формата усваиваемости контента интернет-пользователями из молодежной среды), б) во-вторых, умело сочетать тренды цифровизации политической повестки, появления новых молодежных субкультур с традициями и культурно-символическим кодом прошлого, способным именно сплотить, а не расколоть страну, ее поколения, представителей разных конфессий и национальностей. Целью такой сложной сетевой эквилибристики политического режима не будет сосредоточенность

---

⁸⁹⁷ Rodriguez-Gil L., Orduña P., García-Zubia J., López-de-Ipiña D. Interactive live-streaming technologies and approaches for web-based applications //Multimedia Tools and Applications. 2018. Vol. 77. Iss. 6. P. 6471-6502.

⁸⁹⁸ Курганова Е.Б. Геймификация в современных политических процессах //Политика и культура: пространство игры: Сб. научн. статей. Будапешт-Киров: Общ. с огр. отв. «Радуга-ПРЕСС». 2020. С. 133-138.

лишь на своей проблеме легитимации, а формирование целостного исторического сознания, наконец, единой политической нации, гордящейся за прошлое своей страны, готовой к новым экономическим проектам и прогрессивному развитию общества. Воспроизводство же единого ценностно-символического пространства через сетевые коммуникации и возможности цифровизации и будет обеспечивать наилучшую легитимность политического режима, но уже не сколько через доверие, а больше через авторитет.

Политику памяти можно определить как совокупность приемов и технологий политических акторов по воспроизводству и формированию в массовом сознании тех элементов коллективной памяти, которые создают выгодные им интерпретации исторического процесса. Политика памяти – это не только скульптура, архитектура, кинематограф и школьные учебники истории. Сетевой полис предполагает постоянное формирование новых коммуникационных площадок, где сталкиваются сторонники и противники режима. Наиболее современной коммуникационной ареной, где способны осуществляться стортеллинговые приемы реализации политики памяти для укрепления легитимности режима, представляется такая популярная область для молодежи (и не только), как компьютерные игры, особенно их многопользовательский формат. Технологическая и ценностная легитимация сохраняют преобладающую роль в механизме реализации политики памяти через компьютерные игры. Институциональная и персональная виды легитимации имеют, скорее, вспомогательную роль.

О росте интереса ученых и их коллективов к сложившейся междисциплинарной области Game Studies свидетельствует появление: а) специализированных журналов, публикующих исследования компьютерных игр с точки зрения политики, социальных отношений («Game Studies», «GAME: The Italian Journal of Game Studies», «Games and Culture», «Loading...», «Transactions of the Digital Games Research Association (ToDiGRA)» и др.), б) профильных научных центров (Game Center при Университете Нью-Йорка, Оксфордский интернет-институт при Оксфордском университете, MIT Media

Lab на базе Массачусетского технологического института, Лаборатория компьютерных игр философского факультета СПбГУ, Московский центр исследования видеоигр на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова), в) исследовательских групп (ученых из Университета Глазго и Университета Кардиффа, исследователей из Университета Макгилла и Монреальского университета).

В настоящее время в рамках Game Studies появилось несколько подходов к пониманию вопроса воздействия компьютерных игр на мнение людей и массовое сознание, в частности. Все они изучают сами игры, их участников – геймеров. Сначала ученые стали изучать компьютерные игры с помощью нарративного подхода, обращаясь к анализу их текста (представитель – Э. Арсет, главред периодического издания «Game Studies»), затем появился людологический подход, больше ориентированный на рассмотрение геймплея – правил игры, прохождения уровней, эффекта выигрыша, соревновательности (Г. Фраска). Можно считать, что все они связаны с так называемым скептическим подходом, согласно которому компьютерные игры не способны воздействовать на массовое сознание и быть транслятором политического месседжа, а следовательно, непригодны в качестве цифровой среды для реализации политики памяти. Так, ряд отечественных авторов полагают, что геймеры аполитичны и безразличны к нюансам патриотической риторики (А.Ю. Сидоров, И.А. Алексеева)⁸⁹⁹. Ученые, разделяющие взвешенную и осторожную позицию, признают компьютерные игры в качестве нового вида политической коммуникации⁹⁰⁰, но также считают их манипулятивные риски преувеличением.

Более реалистичным представляется подход американского исследователя Я. Богоста, придерживающегося совершенно противоположной оценки. Предлагая объединить методологические преимущества

---

⁸⁹⁹ Информационная эпоха: вызовы человеку. /Под ред. И.А. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. М.: Рос. пол. энц. 2010. С. 220-221.

⁹⁰⁰ Гришин О.Е., Иглин Д.А. Компьютерные игры как элемент массовой политической культуры и коммуникации //PolitBook. 2015. №1. С. 127-145.

нарративного и лудологического подхода, Богост крайне важной исследовательской задачей считал анализ «процедурной риторики» – тех приемов, элементов, сюжетов компьютерной игры, убеждающих геймера принять некую точку зрения, готовую интерпретацию (в том числе и политическую) через систему репрезентаций. Через такой метод исследователь ориентируется на параллельное изучение: влияния игры на психику и сознание геймера, специфики интерфейса игры, особенностей игровой платформы⁹⁰¹. Процедурный (нередукционистский в терминологии А. Ветушинского) подход Богоста не являлся тем, что дало импульс в изучении политико-манипулятивных сторон современных компьютерных игр. Еще раньше Й. Хейзинга в своей книге «Homo ludens»⁹⁰² предложил идею, согласно которой культура как таковая содержит в себе игровую основу, где принципы состязания означают «агональный инстинкт» человека – его нацеленность на власть. Интересно, что исследования игр, проведенные по модели Богоста, больше выявили не процедурное влияние на геймеров, а именно риторическое и визуальное.

Самым современным способом изучения влияния компьютерных игр на сознание человека стал эксперимент в виде контролируемого рандомизированного испытания с помощью магнитно-резонансной томографии (МРТ). Эксперимент, проводившийся учеными из Университета Макгилла и Монреальского Университета, показал, что долгая игра в шутеры (где основной компонент стортеллинга – стрельба) благотворно влияет на краткосрочную память (геймер быстрее реагирует на стрельбу и опасность), однако способна ухудшить долгосрочную память, по сути, уменьшая в гиппокампе мозга человека объем серого вещества⁹⁰³. При этом гиппокамп как

---

⁹⁰¹ Bogost J. Videogames and Ideological Frames //Popular Communication. 2006. №4(3). P. 165-183; Bogost J. Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames. L.: The MIT Press Cambridge, Massachusetts. 2010. P. 5-37.

⁹⁰² Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. 4-е изд. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2015. С. 3-45.

⁹⁰³ West G.L., Konishi K., Diarra M., Benady-Chorney J., Drisdelle B.L., Dahmani L., Sodums D.J., Lepore F., Jolicoeur P., Bohbot V.D. Impact of video games on plasticity of the hippocampus //Molecular Psychiatry. 2017. Vol. 2. №1. P. 1-9.

раз связан с фильтрацией информационных потоков и участвует в кодировке политических, исторических и других фактов, связывая их в общую карту, категориальную онтологию.

Сочетание процедурной логики, людологического и нарративного подходов по Богосту предполагает изучение «сетевых граждан» сетевого полиса – геймеров, которых в мире, по сведениям ассоциации создателей игр ESA, порядка 1,8 млрд. человек⁹⁰⁴. Так как современные компьютерные игры под влиянием цифровизации все больше переходят в формат сетевых многопользовательских платформ, то не удивительно, что появились совершенно разные категории «граждан» такого полиса. Среди геймеров выделяют новичков (нубов), казуалов (обычных игроков), хардкоров (сосредоточенных на азартных и сложных видах игр), прогеймеров (играющих за деньги) и ретрогеймеров (неравнодушных к старым, в том числе компьютерным проектам)⁹⁰⁵. Все эти группы объединяет вовлеченность в виртуальный мир, где информация подается в виде визуального ряда, что усиливает эффект клипового сознания, восприятия происходящих процессов мозаичным, квантовым, вырванным из общего контекста способом. Перечисленные группы геймеров подвержены воздействию стортеллинга – режима повествования, состоящего из эмоциональных триггеров – психологически привлекательных заданий, снабженными различными коммеморациями символического характера – от гимна, военной формы и эмблем до развивающихся знамен. Таким образом, даже при отсутствии политики памяти компьютерные игры уже содержат ее строительные компоненты – коммеморации. Как объясняют это исследователи?

Й. Рэссенс, называя это процессом лудификации культуры, поясняет его феноменом воссоздания интересантами в компьютерных играх

---

⁹⁰⁴ Žukauskas A. Video Games and the Politics of Historical Memory: War Memory in American and Russian Video Games // *Politologija*. 2018. Vol. 90. №2. P. 88-113.

⁹⁰⁵ Савицкая Т.Е. Компьютерные игры: шаг к культуре будущего? // *Культура в современном мире*. 2012. №4. URL: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2012/04/2012-04_r_kvms5.pdf (дата обращения: 03.07.2019).

«идеологических пространств»⁹⁰⁶ – целых виртуальных вселенных (космических, военно-исторических, городских), нацеленных убеждать геймеров в какой-либо точке зрения на историю и политику. С. Детердинг (Гамбургский университет), считает, что причина манипуляций в компьютерных играх лежит в более массовом процессе геймификации – проникновении элементов игры во многие сферы жизни, в том числе и неигровые изначально, с целью привлечения интересантами внимания пользователей к идеям, продукции, стереотипам поведения, а также мотивации их возвращаться в состояние игры⁹⁰⁷. Удержание геймеров в игре происходит через очки, награды, знаки, символы и другие компоненты геймплея⁹⁰⁸. М. Шульке (Йоркский университет) называет это явление «идеологическими картами» – ценностными компонентами компьютерных игр, коллективно создающихся и потребляющихся⁹⁰⁹. По Шульке, «идеологические карты» переводят сложные идеологические абстракции в более осязаемые и близкие эмоциональные переживания, лучше всего понятные для любого геймера. Тем самым снова срабатывает клиповое сознание. Получается, что одной из возможностей стортеллинга для достижения ценностной и технологической легитимности режима является пропаганда нужных власти «идеологических карт».

Большинство перечисленных подходов объединяет проблематика архетипических бинарных оппозиций, используемых в стортеллинге. Аксиологический подход предполагает выявление в компьютерных играх некоторых повторяющихся архетипов – Героя, Мудреца, Правителя, Трои, Огня, Табу, Трикстера, Врага, Тени, Карнавала, Зверя, Неба и др. Иными словами, дополнительные возможности стортеллинга видны в его

---

⁹⁰⁶ Raessens J. Homo Ludens 2.0: The Ludic Turn in Media Theory. Utrecht: Universiteit Utrecht, Faculteit Geesteswetenschappen, Labor Grafimedia BV. 2010. P. 1-36.

⁹⁰⁷ Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From game design elements to gamefulness: defining "gamification" //MindTrek '11 Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments. NY: ACM. 2011. P. 9-15.

⁹⁰⁸ Mahnič N. Gamification of politics: start a new game! //Teorija in praksa. 2014. Letn. 51. Št. 1. S. 143-161.

⁹⁰⁹ Schulzke M. Military videogames and the future of ideological warfare //The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19. Issue 3. P. 609–626.

способности через обращение к архетипам доносить некоторый месседж, в том числе и политический, необходимый режиму. Перейдем к кейсам реализации политики памяти режимами через технологии стортеллинга в многопользовательских компьютерных играх, в основе которых лежат различного типа архетипы.

В Соединенных Штатах власти очень рано пришли к пониманию знаковости такого нового тренда в развитии культуры и общества как компьютерные игры. Американский режим подходил к игровой индустрии всегда прагматично, отнеся ее в этом веке к одной из коммуникационных площадок, через которую можно архетипически доносить до социума нужные ему ценности, интерпретации и символы. И такой коммуникационной площадкой американского сетевого полиса, рычагом воздействия большими смыслами на население стала America's Army. Министерство обороны США выступает давним заказчиком этой популярной игровой линейки (от игры и сувениров до элементов молодежной субкультуры), пропагандирующей положительный, светлый образ армейского быта с 2012 г. Игра – в свободном доступе и создана для подростковой среды, предлагая молодежи почувствовать романтику боевой операции, выполнять задачи в различных локациях – природно-географических уголках земного шара.

«Идеологическая карта» America's Army включает патриотически ориентированный ценностно-символический код, поэтому американские военнослужащие, получающие важные задания для прохождения миссии (архетип Мудреца), показаны воинами света, чести, долга (архетип Героя), которым противостоит мрачная и многоголовая (архетип Тени) гидра террористических организаций (архетип Врага). Огонь (стрельба, взрывы в буквальном смысле) в этой бинарной архетипической системе, являющийся изначально полисемантическим архетипом⁹¹⁰, связанным с властью, мощью,

---

⁹¹⁰ Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. /Пер. с итал. Я. Арьковой, М. Визеля, Е. Степанцовой. М.: АСТ, CORPUS. 2016. С. 68-71.

весельем и радостью⁹¹¹, способным быть и божественным и адским пламенем, здесь играет роль средства возмездия добра против зла. Архетипическая система Мудрец – Герой – Огонь – Табу работает на легитимацию политического режима, показывая справедливость его действий против терроризма на уровне субкультуры геймеров.

Дополнительным свидетельством работы «идеологической карты» является бережное отношение ее разработчиков к архетипу Табу – в случае нарушения моральных норм и запретов персонаж игрока лишается «баллов чести» или направляется в «виртуальную тюрьму»⁹¹². Нарушение этого Табу может ограничить доступ к серверам и выбор более совершенного оружия и лидерских позиций в игре. Образ гипотетического врага подчеркнуто абстрактный, без привязки к расе, национальности, культуре и конкретной политической идеологии⁹¹³. Причина этому – расовое разнообразие США и ставка их военных на подготовку гражданина на конфликт с представителем любой страны. Эта конструкция полностью идентична тактическим тренировкам и симуляциям американской армии. Даже имитация сражения обязывает геймера не употреблять оружие против своих соратников и мирных граждан. Иными словами, America's Army воспроизводит чувство гражданской сплоченности, гордости за свою страну, самоограничения, патриотизма, встраиваясь органичным элементом в систему вербовки новобранцев в армию. Власти создают и «виртуальные вербовочные станции», где геймер через стортеллинг (интересные истории) может познакомиться с биографией, путем боевой славы реальных героев.

Примечателен опыт азиатских режимов, которые практикуют реализацию политики памяти не через армию, а с помощью системы образования. Власти Сингапура в 2011 г. в формате правительственной программы History Alive with 3D начали эксперимент, показавший, что школьники способны активно

---

⁹¹¹ Серов Н.В. Символика цвета. 2-е изд. СПб.: Страта. 2019. С. 73.

⁹¹² Schulzke M. Military videogames and the future of ideological warfare //The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19. Issue 3. P. 609–626.

⁹¹³ Robertson A. The Unreal Enemy of America's Army //Games and Culture. 2011. №6(I). P. 38-60.

вовлекаться в процесс изучения истории с помощью компьютерных игр. Естественно, власть, которая оплачивает такую программу, будет вкладывать в компьютерную игру те ценности и смыслы, которые являются для нее стратегически важными. Схожую модель избрали власти Тайваня, разработав для пятиклассников компьютерную игру Govern Formosa по мотивам истории Тайваня эпохи династии Цинь. Ученые проверили путем анкетирования 14 девочек и 13 мальчиков, помогла ли им игра лучше запомнить историческую информацию. Была использована так называемая шестибалльная шкала Лайкерта, определяющая системность, память, контент и мотивацию. Результаты показали, что ученики в условиях простого стортеллинга проявляли устойчивый интерес к историческим событиям страны, хорошие показатели были зафиксированы по уровню знания фактологии, запоминаемости⁹¹⁴. Но, в отличие от США, в Сингапуре и Тайване данные эксперименты пока не обрели массового характера. В любом случае можно констатировать, что разработчики пользовались архетипом Мудреца, который должен вызвать уважение к игре, а через нее – к национальной истории страны.

Более смело используют архетипические оппозиции турецкие ученые. В качестве эксперимента для стамбульской школы была создана History Guards по исторической проблематике. Цель компьютерной игры имеет прямое отношение к реализации политики памяти – через игровой стортеллинг привить в среде школьников уважение к традициям и ценностям Турции. В ней геймеру (архетип Героя) противостоят «воры», желающие похитить исторические ценности (архетипы Трикстера и Врага), «вандалы», готовые просто уничтожить исторические артефакты (архетип Врага и Тени), «неуклюжие», неспособные обращаться с историческим наследием бережно (архетип Простодушного). Среди других действующих лиц – «посетители»,

---

⁹¹⁴ Lin Ch.-H., Chen Ch.-M., Shih Ju-L., Huang Shu-H., Tseng Ch.-Ch. An Investigation of the Influence of Learning Effectiveness and Motivations in a Taiwan History Digital Game – Govern Formosa //Proceedings of the 26th International Conference on Computers in Education. Philippines: Asia-Pacific Society for Computers in Education Yang J.C. et al. (Eds.). 2018. P. 601-606.

интересующиеся историей предков, а также консультирующие их «эксперты» (архетип Мудреца)⁹¹⁵. В итоге игрок должен защитить исторические ценности, а в процессе их сбережения и вопросов от «экспертов» узнать о них множество интересных фактов через стортеллинг, сделав их частью своего символического мира. Турецкие эксперименты в области стортеллинга вполне соотносятся с предложениями некоторых исследователей об использовании геймификации, компьютерных игр в качестве импульса гражданской активности⁹¹⁶. Конечно, при этом нужно понимать целеполагание такой стимуляции активности граждан. Активное политическое участие и гражданская активность через геймификацию, как правило, идет на пользу легитимности политического режима не во всех странах.

Подходы либерально-демократических и авторитарных режимов к политике памяти могут серьезно отличаться. К примеру, не всем режимам подойдет «агонический подход», предлагаемый британскими исследователями⁹¹⁷. Так, в играх Umschlag '43 и Endless Blitz они рассчитывают сформировать уважение политических оппонентов путем создания общего символического пространства и принятия ценностей демократии, не исключая борьбу за господство. Например, в Endless Blitz бомбардировщик ставится перед этическим выбором – бомбить немцев или игнорировать приказ. Авторитарии больше заинтересованы в закреплении габитуса авторитета, а демократии – габитуса публичного участия, но большинство элит уже понимает, что память – это основа сохранения их режимов⁹¹⁸.

Автором диссертации в ноябре 2019 г. было инициировано социологическое исследование 1100 россиян (Москва, Санкт-Петербург,

---

⁹¹⁵ Şar İ.E., İnan K.G. Educational Use of Games: A Mobile Serious Game For History Education //The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2017. Vol. 23. P. 1000-1007.

⁹¹⁶ Kahne J., Middaugh E., Evans C. The Civic Potential of Video Games. Cambridge, London: The MIT Press. 2009. P. 42.

⁹¹⁷ Angeli de D., Finnegan D.J., Scott L., Loe N.St., Bull A., Neill E.O'. Agonistic Games: Multiperspective and Unsettling Games for a Social Change //CHI PLAY'18 Extended Abstracts. 2018. Oct. 28-31. P. 103-108.

⁹¹⁸ Дуглас М. Как мыслят институты. /Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы. 2020. С. 146, 181.

Тюменская область, Ханты-Мансийский Автономный Округ, Московская область, Сахалин и др.)⁹¹⁹. 84% опрошенных играло в игры с историческим сюжетом, т.е. целевая аудитория, которой предлагают разные интерпретации исторического процесса, существует. При этом 86% респондентов признали, что история может искажаться в компьютерных играх. В качестве причины искажения 73% назвали заинтересованность разработчиков в максимизации прибыли.

В России переговоры власти с разработчиками и геймерами по вопросу создания интересной и патриотически ориентированной компьютерной игры ведутся уже с 2014 г. Об важности создания такой игры говорил замминистра связи и массовых коммуникаций А.К. Волин. Эксперты обращали внимание и на такой неплохой пример массовой реализации компьютерной игры как World of Tanks, белорусские создатели которой постарались соблюсти через яркий стортеллинг военных миссий историческую объективность, обращаясь к специалистам по бронетехнике и оружию. Геймеры и многопользовательские компьютерные игры могут стать дополнительным носителем легитимности политического режима. Особенно важен канал геймерской субкультуры (как части эмпауэрмента), значение реакции геймеров на попытки вброса фейков и грубых исторических фальсификаций, способных внести вражду по национальному, политическому и религиозному признакам. Исследование, проведенное автором, показало, что 42% россиян, увлекающимся компьютерными играми, интересны сюжеты, связанные со средневековой историей, а 33% - с историей XX века. Возможно, это связано с тем, что средневековье важно для граждан с точки зрения поиска своих исторических корней, а XX век связан с историческими переломными

---

⁹¹⁹ Исследование проводилось в рамках внутриуниверситетского гранта Московского государственного областного университета «Сетевые компьютерные игры как механизм реализации политики памяти: технологии и модели». Применялась Google-форма. С результатами можно ознакомиться: Fedorchenko S.N., Karlyavina E.V., Tedikov D.O., Markaryan R.A., Teslyuk K.V. Some results of the Sociological Study «Computer Games and the Politics of Memory» //Журнал политических исследований. 2020. Т.4. №2. С. 90-105. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-90-105>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38594/view> (дата обращения: 29.03.2021).

моментами отечественной истории, Великой Отечественной войной. Данные результаты можно учесть при конструировании единой макрополитической идентичности россиян коммерциативными техниками компьютерных игр.

О том, что геймерские сообщества способны самостоятельно бороться с фальсификациями и манипуляциями, тем самым укрепляя легитимность режима через сохранение исторической памяти, оказывая коллективное давление на разработчиков игр, красноречиво свидетельствует кейс игры многопользовательской *Company of Heroes 2*. Из самого названия компьютерной игры, вошедшей в 2013 г. в тройку продаваемых игр в мире, понятно, что создатели обратились к древнему и привлекательному архетипу Героя. Но чем же были возмущены российские геймеры, которые самостоятельно, без помощи режима, инициировали сбор петиций по запрету данной игры в России? Разработчики *Company of Heroes 2* активно обращались к стортеллингу в виде образов ГУЛАГа, сцен воспоминаний, допросов и псевдодокументальных повествований⁹²⁰. С помощью стортеллинга в игре проводится целенаправленная подмена образа Врага с нацистских захватчиков на НКВД. Архетип Тени наклеивается офицерам Красной армии, поэтому они показаны трусами и садистами одновременно, сам же советский режим изображен негативно и чересчур гротескно. В пояснении к игре геймеру дается совет не жалеть новобранцев, так как, якобы, это было прописано в советской военной доктрине.

Во время миссии биты за Москву игроку предоставляется возможность уничтожать дома мирных граждан, взрывать мосты с однополчанами (использование архетипа Огня в деструктивной ипостаси). В еще одной миссии солдат, спасших своего командира, расстреливают за то, что им не был дан приказ о спасении⁹²¹. Здесь разработчиками явно допускается нарушение архетипа Табу, что невозможно себе представить в *America's Army*. Главный

---

⁹²⁰ Баранов Е. *Company of Heroes 2* //Игромания. 2018. 4 июля.

⁹²¹ Белов С.И. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) //Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Т.20. №1. С. 96-104.

герой игры расценивает нацистский режим Германии и коммунистический режим Советского Союза как равнозначные тирании, что приравнивает нацизм к коммунизму, а современную Россию, как преемницу СССР к безнадежно авторитарной, варварской стране. Геймеру внушается идея, что рядовые Красной армии, якобы, были варварами, шли в бой только под угрозой со стороны НКВД. С другой стороны, американские военные изображены с архетипом Героев. Знаковым стортеллинговым приемом является начало одной миссии, когда безоружные красноармейцы бросаются на немецкий пулеметный расчет. Схожие стереотипы есть в игре Call of Duty 1⁹²². Возможно, эти приемы гиперболизации негативных сторон в Company of Heroes 2 и послужили поводом для возмущения российских геймеров как части гражданского общества, волнующейся за свою историю.

Проверка через Google Trends по поисковому слову «Company of Heroes 2» показала, что максимальное количество поисковых запросов (100 баллов) по данной игре в России было как раз в 2013 г., когда геймеры подписывали петицию против нее, тогда как в сентябре этого года аудитория уже потеряла интерес к этому скандалу (24 балла). А. Чепмен (Гетеборгский университет) уверен, что разработчики компьютерных игр на историческую тематику, желая формировать потребительские предпочтения и увеличить прибыль от своей продукции, способны применять стортеллинг для изменения интерпретации исторических фактов⁹²³. К сожалению, современное охлаждение отношений между Россией и США, Западом может переноситься в компьютерные игры о прошлом, влияя на формирование образа врага.

Явная предвзятость разработчиков была и в представленности ряда стран в компьютерной игре Battlefield 1, вышедшей в 2016 г. и посвященной истории Первой мировой войны. Возмущение геймеров спровоцировало то, что в игре

---

⁹²² Call of Duty: история развития и деградации. URL: https://www.playground.ru/blogs/other/call_of_duty_istoriya_razvitiya_i_degradatsii-292516/ (дата обращения: 17.05.2018).

⁹²³ Chapman A. Digital Games as History: How Videogames Represent the Past and Offer Access to Historical Practice. New York: Routledge. 2016. P. 21.

не были представлены Российская империя и Франция, хотя имелись Германия, Британия, Османская империя, Австро-Венгрия, Италия и даже поздно вступившие на театр военных действий США⁹²⁴. Геймеры посчитали это умышленным занижением исторической роли отдельных стран в пользу иных государств. Отдельные специалисты это расценили как ослабление объективности в интерпретации истории путем гипертрофированного предпочтения Западного фронта⁹²⁵. В результате под давлением петиции сообщества геймеров создатели Battlefield 1 включили Российскую империю. Замер через Google Trends показал, что пики поисковых запросов по ключевому слову «Battlefield 1» в России был в августе и октябре 2016 г., когда появилась петиция, а потом новость о добавлении платного расширения с Российской империей.

По причине эволюции большинства жанров компьютерных игр в сторону сетевых многопользовательских платформ, их можно рассматривать как новый подвид политической коммуникации через концепт фиджитал-мира, признающего развитие современного сетевого общества в сторону совмещения реального и виртуального миров⁹²⁶. Фиджитал-мир – это дополненная реальность социально-политических отношений, где нет четкой границы между виртуальным и реальным пространством. Началось это с того, что люди стали заказывать покупки на интернет-ресурсах как предметы виртуальные, а затем их получать в соответствующих пунктах как предметы реальные (Ozon и т.п.). Примером могут служить так называемые сетевые многопользовательские «голографические игры». Так, существующая с 2003 г. игра Second Life обладает признаками социальной сети с элементами ролевых игр, максимально приближенных к реальным ситуациям, виртуальной валютой, возможностью синхронизации с другими соцсетями

---

⁹²⁴ Russian Empire and France in Battlefield 1. URL: <https://www.change.org/p/russian-empire-and-france-in-battlefield-1> (дата обращения: 07.06.2019).

⁹²⁵ Vreugdenhil R. Video games as medium in the formation of popular memory. The representation of the First World War in Battlefield 1 //History bachelor thesis. /Thesis tutor M. Leeman. 2017. June 10th. P. 1-30.

⁹²⁶ Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. /Пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018. С. 81-82.

(Twitter, Facebook). Есть групповой и локальный чат. В Second Life пытались освоиться представительства государств с соответствующими аватарами для цифровой дипломатии (Мальдивская Республика, Швеция, Эстония, Филиппины, Республика Северная Македония, Албания и др.)⁹²⁷. Однако пока эти попытки явного присутствия государства в игре не вызвали интереса пользователей.

Серьезные риски для политического режима и его легитимации представляют компьютерные игры, развивающиеся по принципам фиджитал-мира и формирующие субкультуру политического радикализма. И.Ю. Сундиев отмечает кейс многопользовательской «Большой игры. Сломай систему». Основной целью «Большой игры» был рекрутинг большого количества участников, которые должны были осуществлять диверсионную активность против существующего в России режима. В игре использовался механизм цифровой стигматизации оппонента, когда «пришельцами» называли мигрантов из Центральной Азии и жителей регионов Кавказа. С другой стороны, для сплочения политических радикалов использовалась неоязыческая символика бога Сварога. Виртуальная часть игры означала знакомство с правилами организации конспиративной работы, виртуальную валюту и обучение новичков диверсионным действиям. Реальная часть игры предполагала несколько этапов. Сначала геймеру нужно было разместить особые знаки на автомобилях «пришельцев», в людных местах, на зданиях «силовики», создать видеоролики со сценами унижения «пришельцев», узнать контакты «силовики»⁹²⁸. Затем нужно было размещать символику Сварога и издеваться над противниками «Большой игры», готовить ролики об

---

⁹²⁷ Maldives enters Second Life. URL: <https://www.news.com.au/entertainment/maldives-enters-second-life/news-story/97825f03d0bfc151d104288673c29ed3> (дата обращения: 22.11.2019); Swedish embassy opening in Second Life //Foreign Policy. 2007. January 30. URL: <https://www.news.com.au/entertainment/maldives-enters-second-life/news-story/97825f03d0bfc151d104288673c29ed3> (дата обращения: 22.11.2019).

⁹²⁸ Сундиев И.Ю. Экстрим и экстремизм современной России. URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/ekstrim-i-ekstremizm-sovremennoj-rossii/> (дата обращения: 22.11.2019).

издевательствах над «пришельцами» и даже изготавливать взрывные устройства.

В итоге «Большая игра» была признана экстремистской в России. С.Н. Чирун отмечает, что для предотвращения экстремизма в современной молодежи необходимы эффективные каналы, благодаря которым она могла бы вести с представителями власти диалог, а также принимать участие в процессе разработки управленческих решений⁹²⁹. Пассивность, безынициативность большей части молодежи может сочетаться с радикализацией ее меньшей, но активной части в условиях непоследовательности режима – попыток вовлечения молодежи в общественную активность при существующей деформации общественных ценностей. По мнению Н.А. Пономарева и С.В. Нешкова, появляются игры, служащие цели подготовки политических активистов через обучение технологиям организации ненасильственных протестов⁹³⁰. Авторы, используя дескриптивный анализ, в качестве такого «интерактивного учебника» протестных акций изучили игру «People Power».

С неуправляемым политическим режимом стортеллингом может быть связана и другая проблема. Ряд авторов называет это эффектом «избирательного реализма», когда геймеры, следуя сценарию и имея возможность в любое время прервать миссию, приучаются избегать принимать непростые этические решения при появлении неоднозначной ситуации⁹³¹. Особенно в отношении идентификации друга и врага при уже заложенных разработчиком цифровых стигматах – негативных ярлыках, навешиваемых на конкретные идеологии, культуры и целые страны.

Стортеллинговые приемы практикуются в отношении северокорейских военных, которые также изображаются трусливыми, смешными и жестокими,

---

⁹²⁹ Чирун С.Н. Проблемы экстремизма в молодежной политике постсовременности. Кемерово: КузГТУ. 2010. С. 48-49.

⁹³⁰ Пономарев Н.А., Нешков С.В. Видеоигра «People Power» как средство подготовки организаторов кампании ненасильственной борьбы //Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. №4. С. 99-111.

⁹³¹ Pötzsch H. Selective Realism: Filtering Experiences of War and Violence in First- and Third-Person Shooters //Games & Culture. 2017. Vol. 12. Issue. 2. P. 156-178.

а начальники в игре расстреливают собственных подчиненных за допущенный беспорядок⁹³². В более новой игре Call of Duty: Modern warfare 3 негативный архетип Врага наклеивается уже на россиян, которые зачем-то нападают на граждан Соединенных Штатов⁹³³. Через стортеллинговый прием эмоционального триггера геймер может близко познакомиться с паттерном политического экстремиста. Опасность для легитимации политического режима заключается и в том, что в последнее время такие террористические сети как ИГИЛ (запрещенная организация в РФ) стали адаптировать популярные компьютерные игры (например, GTA) под свои задачи – вербовку новых сторонников⁹³⁴. При этом американский патриотизм террористами заменяется на романтику мученичества (архетип Трои – Осажденного Города). Как пишет А. Аль-Раби, эти игры рекламируются через видеохостинг YouTube⁹³⁵. Подобные манипуляции с историей способны расколоть политическое сознание, спровоцировать новые противоречия в гражданской среде и угрожать легитимности политического режима. Драматизм ситуации в том, что одни и те же архетипы (Герой, Огонь, Мудрец, Троя, Табу и др.) могут закладываться в сюжеты (стортеллинг) компьютерных игр как для легитимации, так и делегитимации.

Подведем итоги. Таким образом, из примеров активизма, спровоцированного играми Call of Duty 1 и Battlefield 1, хорошо понятна важность задач режима в области просветительской политики в отношении геймеров, воспитания в них чувства исторической объективности и справедливости. Стортеллинг имеет как возможности, так и свои проблемы в реализации политики памяти через компьютерные игры. Поэтому

---

⁹³² Spokes M. The Democratic People's Republic of Korea, Procedural Rhetoric and the Military-Entertainment Complex: Two Case Studies from the War on Terror //Media, War & Conflict. 2019. May 23. URL: <https://ray.yorksj.ac.uk/id/eprint/3670/3/MW&C%20Sub.pdf> (дата обращения: 07.06.2019).

⁹³³ Демин К.А., Пушкарева И.Н., Тагильцева Ю.Р. Компьютерные игры военного жанра как элемент пропаганды в информационной войне России и США //Политическая лингвистика. 2016. №5 (59). С. 110-116.

⁹³⁴ Saber D., Webber N. This is our Call of Duty: hegemony, history and resistant videogames in the Middle East //Media, Culture & Society. 2017. Vol. 39. №1. P. 77–93.

⁹³⁵ Al-Rawi A. Video games, terrorism, and ISIS's Jihad 3.0 //Terrorism and Political Violence. 2018. Vol. 30. Issue 4. P. 740-760.

профилактика делегитимации режима как дискредитации исторической памяти должна иметь активный характер. Режим без конкретной стратегической политики в области коммеморации просто обречен на ослабление через раскол единого исторического поля и сознания в стране. Компьютерные игры являются перспективным каналом (а также и коммуникационным по причине их постепенной трансформации в многопользовательский формат) для воспроизводства политическими режимами через техники коммемораций целостной и непротиворечивой интерпретации исторической картины, связывающей в единую макрополитическую идентичность разные целевые аудитории и поколения страны.

Легитимацию режима с политикой памяти можно связать через феномен геймификации политики, которая имеет задачу формирования эмпауэрмента, вовлечения в политический процесс большего числа участников. Появились исследования, которые обосновывают, что геймификация способна создавать активную политическую коммуникацию в молодежной среде, приводит к тому, что сложная политическая информация станет лучше восприниматься гражданами⁹³⁶. Но важно понимать, что геймификация политики может использоваться и с манипулятивными целями.

Проведенное автором социологическое исследование показало, что на вопрос о том, кто должен заниматься мониторингом стереотипов, фейков в компьютерных играх с историческими сюжетами, разжигающих рознь между людьми, 23% респондентов ответили, что этим должно заниматься экспертное сообщество, 43% – сами игроки. Это говорит о том, что геймификация российской политики способна учитывать и восходящую легитимацию, включающую стратегию эмпауэрмента с гражданской активностью, а не только нисходящую легитимацию в виде политики памяти. Анализ свидетельствует,

---

⁹³⁶ Голдобина В.В., Иванова Е.А., Стеценко Т.И. Геймификация как инструмент успешной коммуникации в молодежной политике //Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. №1(2). С. 284-290.

что несмотря на цифровой формат популярных исторических игр, в них по-прежнему сохраняется практика бинарной архетипичной оппозиции «друг-враг». Поэтому для режима, игнорирующего данную популярную сферу у молодежи, возникают риски делегитимации посредством разрыва единой исторической картины. Особенно угрозы политической делегитимации возрастают, если режим давно связывает свое настоящее с историческим прошлым предшествовавшего режима (например, когда политики объявляют Российскую Федерацию правопреемником СССР или Российской империи).

4.3. Политическая голограмма: предпосылки внедрения и распространения 3D-технологий имидж-позиционирования

В качестве наиболее инновационной и перспективной технологии, обеспечивающей персональную легитимацию политического режима, можно назвать малоизученную политическую голограмму. Голограмма (от др.-греч. ὅλος – полный) – это объемный (трехмерный) образ какого-либо объекта, проецируемый посредством коммуникационно-технологических средств. По сути, это область дополненной реальности, все того же фиджитал-мира. Человечество приближалось к трехмерным изображениям с древнейших времен. Все началось с шага приближения к реальности – создания объемных фигур и особенно рисунков первобытным человеком (примером этого служат сохранившиеся до нас росписи Каповой пещеры на Урале, Альтамиры в Кантабрии, Шове и Ласко). Гипотеза «охотничьей магии» объясняет появление объемных рисунков стремлением человека установить власть над изображаемым животным. Известно, что древние греки также создавали вокруг себя своеобразную виртуальную вселенную через эффект присутствия богов, героев, политических деятелей в виде увековеченных скульптурных изображений, дополнительную объемность которым придавали яркие краски. Определенное значение играла идея «символа пещеры» Платона, а также учение Бозэция о масках. Интересные эксперименты проводились художниками и через живопись. Важным шагом к голографии, как

дисциплине о создании голографических образах, стало получение Г. Липпманом цветной фотографии.

Категорию «голограмма» ввел в научный дискурс венгерский ученый Д. Габор в 1947 г.⁹³⁷, однако первым описал принцип создания голографического изображения советский палеонтолог и фантаст И.А. Ефремов в рассказе «Тень минувшего» (1945 г.)⁹³⁸. Ю.Н. Денисюк, основоположник голографии и академик РАН, признавал, что использовал описанный Ефремовым принцип, когда записал световое поле на специальной фотопластинке для восстановления образа. Этот прием записи в глубине стал позже называться методом Денисюка⁹³⁹. Кроме того, на становление голографии влияли работы Дж. Упатниекса и Э. Лейта по лазерам, гипотеза голографической Вселенной Г. Хоофта⁹⁴⁰. Первые эксперименты по созданию голографических фильмов под руководством советского ученого В.К. Комара проводились в Научно-исследовательском кинофотоинституте в 1970 гг. Важные подвижки в исследованиях были предприняты с 2004 г. Х. Хаасом (Эдинбургский университет), работающего над созданием передачи голограмм посредством светодиодной коммуникации Li-Fi. Белорусские ученые К. Чикеюк и А. Ставенко пошли путем разработки «парящих изображений» – голограмм, появляющихся благодаря работе вентиляторов со светодиодами, тогда как российский исследователь М. Каманин предложил голограммы на основе управляемого воздушного потока воздуха. Японские ученые нацелены на создание «осязаемой» голограммы с помощью ионизации воздуха лазером и плазмы⁹⁴¹.

---

⁹³⁷ Gabor D. A new microscopic principle //Nature. 1948. №161. P. 777–778.

⁹³⁸ Ефремов И.А. Тень минувшего //Звездные корабли. М.: Эксмо. 2008. С. 175-215.

⁹³⁹ Денисюк Ю.Н. Об отображении оптических свойств объекта в волновом поле рассеянного им излучения //Доклады Академии наук СССР. 1962. Т. 44. С. 1275–1278; Денисюк Ю.Н. Голография и ее перспективы //Журнал прикладной спектроскопии. 1980. Т. 33. № 3. С. 397–414.

⁹⁴⁰ Leith E.I. Upatnieks J. Wave front reconstruction with continuous tone objects //Journal of the Optical Society of America. 1963. Vol. 53. P. 1377-1381; Hoof G 't. Canonical Quantization of Gravitating Point Particles in 2+1 Dimensions //Classical and Quantum Gravity. 1993. Vol. 10. №8. P. 1653-1664.

⁹⁴¹ Федорченко С.Н. Political Hologram: от научных исследований к 3D технологиям борьбы за электорат //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №2. С. 78-116. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/22187/view> (дата обращения: 29.03.2021).

Но наиболее старым способом создания голограмм является принцип «Призрака Пеппера». Таким способом – проецированием образа на полупрозрачный экран, смонтированным под углом в сорок пять градусов, в 2012 г. было создано трехмерное изображение репера Тупака Шакура, а в 2014 г. Майкла Джексона. Шоу-бизнес стал первой сферой, где была применена голограмма. Но за технологиями бизнеса не отстает и мир политики. Текущие тренды позволяют прийти к гипотезе, что голографизация социально-политической жизни является тем процессом, который предполагает целый комплекс 3D-технологий по созданию голограмм, максимально сближающих виртуальность с реальностью⁹⁴². В размывании границ между этими мирами заинтересованы как представители политического режима, так и его оппоненты, влияющие на легитимацию и делегитимацию власти. Исследователи и бизнес все больше становятся активными игроками дополненной реальности, голографических разработок совместно с политическими акторами. Ж. Бодрийяр рассуждал о голограмме как о гиперреальности в контексте феномена симулякра⁹⁴³. По его мнению, голограмма – это не только совершенный образ, но и конец воображаемого, так как она устраняет границу между мыслимым подобием и двойником. Бодрийяр отмечает парадокс голограммы – целью ее создания является приближение к реальности, однако третье измерение остается лишь воображаемым двухмерного.

Однако, если есть голографизация политики, то должен быть и такой ее результат как политическая голограмма. Чем можно обосновать введение категории «политическая голограмма» в политологический оборот? Принцип «Бритвы Оккама» не нарушается в данном случае по нескольким соображениям. Во-первых, теоретическая оправданность такой

---

⁹⁴² Федорченко С.Н. Политическая голограмма: новая возможность коммуникации или скрытая угроза 3D манипулирования цифровым обществом? //Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. №2. С. 189-203. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/896> (дата обращения: 27.08.2019)

⁹⁴³ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. /Пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ. 2018. С. 145.

политологической категории видится в схожих прецедентах, имеющих в зарубежных научных исследованиях. Так, профессор Т. Казулис (Университет штата Огайо) использует близкий термин «political holographic», рассматривая политический активизм, протесты через призму практики голографических изображений⁹⁴⁴. Дж. Джунг практикует схожие понятия, анализируя роман-предупреждение У. Гибсона «Нейромант», где власть управляет обществом через голограммы⁹⁴⁵. Но и он не дает четкое определение политической голограмме. О том, что голографизация политики – более фундаментальное явление (как и геймификация политики), связанное не только с голограммой, но и с техниками симулякров, манипуляций, уже имеются исследования. Американские ученые М. Ветт и Л. де Хэйвен-Смит пишут о «голографическом государстве» (Holographic State), новом типе режима, создающем дополненную реальность, наделяя слова нужными власти значениями, формируя условия консенсуса через символические приемы⁹⁴⁶. Для Ветта и Хэйвен-Смита голографическое государство – это суперкомпьютерная программа, способная к «глюкам», сбоям, заметным только профессиональным хакерам и не имеющим фатального для режима характера. Голографическое государство маскирует реальную политическую повестку экспертным дискурсом и создает иллюзии борьбы со своими врагами. Политическая власть проникает в повседневную жизнь человека через алгоритмы цифровых приложений, предписывая ему какие-либо действия, предлагая готовые решения в конкретной ситуации или стараясь его переубедить.

Во-вторых, внедрение категории «политическая голограмма» в политическую науку обусловлено эмпирически-прикладным массивом – накоплением опыта технологий применения именно политической

---

⁹⁴⁴ Kasulis Th.P. *Intimacy Or Integrity: Philosophy and Cultural Difference*. Honolulu: University of Hawaii Press. 2002. P. 126–127.

⁹⁴⁵ Jung J. *Politics of Holograms and the Human Body in William Gibson's Neuromancer* // *The Journal of Literature and Film*. 2015. Vol.16. №3. P. 561-584.

⁹⁴⁶ Witt M.T., Haven-Smith L. de. *Conjuring the Holographic State: Scripting Security Doctrine for a (New) World of Disorder* // *Administration & Society*. 2008. Vol. 40. Iss. 6. 547-585.

голограммы на практике разных стран. В целом можно выделить три технологии политической голограммы: а) имидж-позиционирование политических лидеров (кейсы Индии, России, Турции, Новой Зеландии, Голландии, Индонезии, Пакистана, ЮАР), б) голограммы политических акций (кейсы Испании, Канады, Южной Кореи), в) бренд-позиционирование партий (кейс Индии, попытки в России). Наличие концептуальных и эмпирических оснований влечет за собой необходимость определения новой политологической категории. Политическая голограмма, согласно авторскому видению, – это разновидность трехмерного голографического образа, практикующегося посредством коммуникационных технологий в интересах политического субъекта. Такими политическими субъектами могут быть представители политического режима (политические лидеры, партии и государственные служащие), а также его оппоненты (оппозиция).

Если есть, как отмечал Д. Истон, персональная легитимность, то она обретается и воспроизводится политическим режимом через персональную легитимацию. Задачей такой легитимации становится достижение согласия граждан с политическим режимом через технологии имидж-позиционирования его представителей, в том числе приемы голографизации их образа. Основными репрезентантами политического режима становятся его политические лидеры, партии и государственные служащие. В первую очередь, персональная легитимация осуществляется через проправительственных политиков и партии и во вторую – посредством представителей конструктивной оппозиции, но не радикальной.

Голограмма – это инновационное средство для профилактики делегитимации политического режима, привлекающее население трехмерным изображением. Фактически политическая голограмма действует по принципу «вакцинации» – прививки обществу яркого месседжа, перенаправляющего его внимание от серьезных проблем на представителей режима. Один из первых что-то подобное в виде мифа о пещере провидчески осмыслил в седьмой главе

своего «Государства» Платон. Античный автор описал театрократию⁹⁴⁷ – режим манипулятивной власти, управляющий людьми через театральные эффекты тени и света. Сейчас подобные технологии получили дальнейшее развитие, а конкретные приемы по работе с 3D-образами уже относятся к голопортации.

Технологическая легитимность и соответствующий тип легитимации становятся дополнительным инструментом для распространения голографических образов. Имидж политического лидера и бренд политической партии являются ключевыми компонентами в этом приоритетном сочетании легитимаций. Если политический имидж больше персонифицирован и подчеркивает уникальные признаки политика, то политический бренд затрагивает более коллективные образы партий, а также их программ, риторики и идеологий. Политический бренд, в отличие от политического имиджа может получить юридическую регистрацию в виде логотипа, эмблемы, флага, гимна партии или государственного ведомства. Соответствующие приемы по созданию политического имиджа и бренда, как правило, называются имидж- и бренд-позиционированием.

Рассмотрим кейс Индии. В современной Индии политический режим нельзя рассматривать в отрыве от заинтересованной в нем элиты, которая связана с меньшинствами, особенно с «гуджаратским кланом»: богатейшими индусами на 2019 г. являлись гуджаратский индуист из касты брахманов М. Амбани (22,7 млрд. долл.), гуджаратский джайн Д. Чангви (16,9 млрд. долл.), гуджаратский мусульманин А. Перемжи (15 млрд. долл.), гуджаратский парс П. Мистри (13,9 млрд. долл.) и др. Доля гуджаратцев в крупном капитале страны составляет наибольшую часть – порядка 39,02%, а доля в этническом составе населения – 4,48%⁹⁴⁸. Националистическая риторика Бхаратия джаната парти (БДП, BJP), по существу, лишь прикрывает интересы

---

⁹⁴⁷ Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. /Пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева, А.Н. Егунова, Н.В. Самсонова, примеч. А.Ф. Лосева. М.: Мысль. 1999. С. 295-298.

⁹⁴⁸ Владимирова И. Кармическая многонационалка. Как меньшинства управляют Индией. URL: <https://sputnikpogrom.com/asia/india/77160/india-minority-rule/> (дата обращения: 28.08.2019).

обозначенной элиты. Представитель этой партии Н. Моди в 2012 г. принял участие в выборах в ассамблею штата Гуджарат, одновременно спроецировав 53 собственных голограмм в толпу. С того времени складывающийся политический режим сделал ставку на свою персональную и технологическую легитимацию через голографическое имидж-позиционирование таких политиков как Моди. Этот эффект получил название «волна Моди»⁹⁴⁹. Он во многом связан с вакцинацией – заблаговременным вбросом в информационное поле нового имиджа политика.

В 2013 г. Моди стал кандидатом на пост премьер-министра, возглавив предвыборную гонку от БДП в период парламентских выборов 2014 г. Британская фирма Musion помогла ему параллельно появиться в 128 населенных пунктах виде выступающего с политической речью 3D-голографического образа. Над проектом работало 2500 человек (технический персонал и экспертные группы быстрого реагирования), использовано 30 тыс. кв. м голографической пленки, 200 проекторов, 400 спутниковых антенн, 500 аудиоколонок, 200 звуковых микшеров⁹⁵⁰. Как правило, проектор размещался высоко над сценой и передавал сигнал на полупрозрачный экран. Всего было организовано порядка 1500 выступлений политических голограмм, которые записывались и сразу транслировались из штаб-квартиры кампании в Ахмедабаде через спутниковую связь. Была использована и светодиодная технология компании MIC Electronics из Хайдарабада⁹⁵¹. Голографическое оборудование оперативно перемещалось из пункта в пункт на специальном транспорте. Специальные голографические очки для избирателей не требовались. Каждое из выступлений собрало примерно 10000 избирателей.

---

⁹⁴⁹ Pangburn D.J. To Reach 800 Million Voters, This Candidate Is Campaigning as a Hologram. URL: https://www.vice.com/en_us/article/nzez4m/an-indian-politician-is-using-holographic-avatars-to-speak-to-more-voters (дата обращения: 28.08.2019).

⁹⁵⁰ How London techies helped Modi create campaign buzz. URL: <https://www.hindustantimes.com/india/how-london-techies-helped-modi-create-campaign-buzz/story-qqIwywmPnsRg3YohLtRBgL.html> (дата обращения: 28.08.2019).

⁹⁵¹ Somasekhar M. Politicians go virtual with 3-D tech. URL: <https://www.thehindubusinessline.com/news/national/Politicians-go-virtual-with-3-D-tech/article20753458.ece> (дата обращения: 28.08.2019).

Голограмма настолько поразила часть избирателей, что некоторые из них, особенно из отдаленных районов с высоким уровнем неграмотности⁹⁵², после митинга специально оставались, чтобы проверить – действительно ли политика там не было в реальности. Ряд избирателей благоговейно отнеслись к внезапному исчезновению изображения Моди, как к чуду.

Политическая голограмма позволила решить Моди сразу несколько проблем: а) создать эффект своего трехмерного присутствия на митинге, чего нельзя было до конца достичь с помощью телевидения, б) привлечь внимание к своей персоне инновационным и необычным способом политической коммуникации в тех районах, где его противники пользовались традиционными технологиями коммуникации, в) повысить степень своей узнаваемости в новых районах и населенных пунктах, г) донести политический месседж до труднодоступных мест, д) оперативно охватить своей пропагандой густонаселенные территории, на поездку по которым традиционно затрачивалось большее время (всеобщие выборы в Индии являются одними из самых изнурительных – чтобы донести свой месседж до порядка 800 млн. избирателей необходимо пробираться по дорогам самого разного качества). Наряду с имидж-позиционированием Моди осуществлялось бренд-позиционирование его партии БДП в виде трансляции эмблемы «лотоса». Аналогичный брендинг «часов», эмблемы Nationalist Congress Party осуществлялся через имидж-позиционирование ее лидера А. Павара⁹⁵³.

Политический обозреватель Н. Маннакураен усматривает в голографизации политики риски возрождения фашистского режима (на основании прецедентов притеснения мусульман в индийском штате

---

⁹⁵² Nelson D. 'Magic' Modi uses hologram to address dozens of rallies at once //The Telegraph. 2 May 2014. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/india/10803961/Magic-Modi-uses-hologram-to-address-dozens-of-rallies-at-once.html> (дата обращения: 28.08.2019).

⁹⁵³ Федорченко С. Н. Political Hologram: от научных исследований к 3D технологиям борьбы за электорат //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №2. С. 78-116. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/22187/view> (дата обращения: 29.03.2021).

Гуджарат)⁹⁵⁴. По его мнению, политическая голограмма в моделях от театрократии Платона до «текущего общества» З. Баумана заменяет собой демократическое обсуждение важных для людей вопросов в угоду крупного капитала. Опасность голографизации, согласно Маннасакуру, – в потере политикой своего внутреннего содержания.

Тем не менее, голограмму стали использовать и другие индийские политики – К. Чандрасекхар Рао из сепаратистской партии Телангана Раштра Самити, нацеленной на создание независимого государства, и Н. Чандрабабу Найду из ТДП, представляющей фермеров, средние и малообеспеченные слои⁹⁵⁵. Вероятно, опасения сложившегося политического режима из-за интереса оппозиции к голограмме привело к заявлению в 2017 г. коллеги Н. Моди, главного министра, представителя националистической БДП и правой RSS Д. Фаднависа о создании специального мобильного приложения «Invite CM» (для Android и iOS)⁹⁵⁶. По задумке консультантов партии БДП, приложение позволит «пригласить» голограмму политика в комнату любого гражданина, где для встраивания трехмерного образа в характер планировки нужно будет установить специальный распечатываемый маркер. Голограмма версии «Расширенная впечатляющая реальность» должна стать полностью неотличимой от живого человека с возможностью односторонней и двусторонней связи.

Перейдем к кейсу Турции. Турецкий политический режим довольно специфичен и держится на клановых сетях. Старший сын премьер-министра Р. Эрдогана Ахмет на период 2019 г. владел компанией MB Denizcilik, перевозящей на судах нефть, а младший сын Билал – являлся членом

---

⁹⁵⁴ Mannathukkaren N. The hologram becomes the face //The Hindu. June 7, 2014. URL: <https://www.thehindu.com/features/magazine/the-hologram-becomes-the-face/article6092643.ece> (дата обращения: 28.08.2019).

⁹⁵⁵ Somasekhar M. Politicians go virtual with 3-D tech. URL: <https://www.thehindubusinessline.com/news/national/Politicians-go-virtual-with-3-D-tech/article20753458.ece> (дата обращения: 28.08.2019).

⁹⁵⁶ Staff F.P. Devendra Fadnavis to emulate Modi again, app project 3D hologram version of Maharashtra CM //Firstpost. Feb. 14. 2017. URL: <https://www.firstpost.com/politics/devendra-fadnavis-to-emulate-modi-again-app-project-3d-hologram-version-of-maharashtra-cm-3283008.html> (дата обращения: 28.08.2019).

правления компании BMZ Group Denizcilik, которая также занимается танкерными нефтеперевозками⁹⁵⁷ (на 2019 г.). На взгляды Эрдогана и его окружения повлиял синкретизм из многопартийности и традиционализма ислама Ф. Гюлена, что привлекло к нему часть религиозно настроенных избирателей. Но наибольшее влияние на становление Эрдогана оказал «политический ислам» прежнего премьер-министра страны Н. Эрбакана, мечтавшего о сближении Турции с мусульманскими государствами и противостоящего проамериканскому лобби внутри генералитета⁹⁵⁸. В некотором плане Эрдоган продолжил проект Эрбакана, создав консервативную, правоцентристскую Партию справедливости и развития.

Первая голограмма вошла в турецкую политическую практику в 2014 г. в ответ на угрозу делегитимации политического режима. Тогда в преддверии муниципальных выборов Эрдоган не успевал выступить в городе Измир перед электоратом, но это нужно было сделать особенно в условиях разгоревшегося в стране коррупционного скандала. В результате премьер-министр эффектно появился перед сторонниками в виде крупной голограммы, спровоцировав овации и призвав их отдать голоса за кандидата от Партии справедливости и развития⁹⁵⁹. Кампания партии в Измире была осложнена из-за обвинений в мошенничестве, направленных против муниципального кандидата, экс-министра транспорта Б. Йылдырыма. Голограмма, по сути, стала вакцинацией от дальнейшей делегитимации политического режима. Внедрение политической голограммы в Турции временно прервалось после провалившейся попытки военного переворота в 2016 г., когда премьер-министр Р. Эрдоган начал чистки в армии и в организациях, близких к

---

⁹⁵⁷ Кто есть кто в клане Эрдогана? URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b575d1b281b1200a897b57e/kto-est-kto-v-klane-erdogana-5b6452937d58ad00a89d6917> (дата обращения: 28.08.2019).

⁹⁵⁸ Союстов А. Клан «Реджепа Первого»: что нужно знать об окружении турецкого президента Эрдогана. URL: <https://riafan.ru/529521-klan-redzhepa-pervogo-chto-nuzhno-znat-ob-okruzhenii-tureckogo-prezidenta-erdogana> (дата обращения: 28.08.2019).

⁹⁵⁹ Ford M. Giant Hologram of Turkish Prime Minister Delivers Speech. Welcome to 21st-century politics //The Atlantic. Jan 27. 2014. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2014/01/giant-hologram-of-turkish-prime-minister-delivers-speech/283374/> (дата обращения: 28.08.2019).

богослову исламского толка Гюлену⁹⁶⁰. И все же режим сохраняет свой клановый характер, – например, в 2018 г. министром финансов Турции стал экс-член Великого нацсобрания, экс-министр энергетики зять Эрдогана Н. Агбал.

Рассматривая кейс Индонезии, необходимо отметить, что местный политический режим имеет определенные отличия от прежней системы власти, основанной на пяти принципах идейной парадигмы «Панча Сила» со времени режима личной власти Сукарно (вера в бога, гуманизм справедливого и цивилизованного характера, единство страны, демократия, базирующаяся на представительстве и консультациях и социальная справедливость). С одной стороны, новый президент Д. Видодо, как *self-made man*, олицетворял приход к власти технократов и сторонников менеджмента. С другой стороны, политический режим сохраняет во многом клановый характер, например, другой *self-made man* – вице-президент Ю. Калла (на 2019 г.), происходит из к влиятельного семейного предпринимательского клана. Да и сам Видодо, несмотря на отсылки к реформам и необходимости переворота в менталитете, опирался на политическую поддержку дочери Сукарно, экс-президента страны М. Сукарнопутри и ее Демократической партии борьбы Индонезии во время своей первой президентской кампании 2014 г.⁹⁶¹ Вес сохраняют армейские и мусульманские консервативные круги, критикующие вестернизацию страны и опасющиеся кризиса ее ценностей. Поэтому применение инновационной технологии политической голограммы кандидатами, связанными с основными кланами, скорее всего было проделано с целью вакцинации – заблаговременного закрепления яркого и привлекательного образа в массовом сознании для персональной легитимации политического режима.

---

⁹⁶⁰ Олевский Т. Турецкий дрейф. Какое место в мировой политике занимает страна спустя год после неудавшегося переворота. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28617132.html> (дата обращения: 28.08.2019).

⁹⁶¹ Другов А.Ю. Индонезия: судьбы национальной идеологии //Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. Вып. XXXII. №32. С. 51-70.

В период своей второй президентской кампании 2019 г. Д. Видодо сделал ставку на инновационные коммуникации и обратился к технологии политической голограммы, транслируя собственные трехмерные изображения со своим вице-президентом⁹⁶². Такой прием был взят на вооружение Видодо по следующим причинам: а) Индонезия – островная страна, и на некоторые ее отдаленные территории кандидатам добраться бывает проблематично, б) важно было успеть поработать с электоратом густонаселенных провинций Западная, Центральная и Восточная Ява, где предполагалась наибольшая поддержка, в) голограмма оперативно опровергала фейки (якобы Видодо – этнический китаец и коммунист, который собирался запретить молитву и узаконить однополые браки), г) доносился политический месседж и напоминалась важность начатых экономических реформ, д) голограмма предупреждала избирателей о том, что ислам пытаются превратить в инструмент манипуляций и «политический товар». Видодо предстал голограммой нарочно в простой белой рубашке, джинсах и кроссовках, говоря о решении вопросов занятости и образования Индонезии с целью привлечения молодежи и сельских избирателей⁹⁶³.

Применение персональной легитимации политического режима видно на примере кейса Новой Зеландии. В 2018 г. премьер-министр страны Дж. Ардерн не успевала появиться в Окленде на Techweek (ежегодном фестивале инноваций). Политик решила не терять доверие и выступила в виде трехмерной голограммы⁹⁶⁴. Дж. Кассин из новозеландской компании Thinking Machine Productions, подготовивший это мероприятие, также высказал предложение сделать между гражданами и премьер-министром 3D видеочат формата «вопрос – ответ». Такие технологии уже существуют и ждут своего

---

⁹⁶² President's hologram hits Indonesia's election campaign trail //The Guardian. 28 Mar. 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/28/president-hologram-indonesia-election-campaign-joko-widodo> (дата обращения: 29.08.2019).

⁹⁶³ 'Beam me up': Indonesian president uses holograms to woo rural voters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-indonesia-election-hologram/beam-me-up-indonesian-president-uses-holograms-to-woo-rural-voters-idUSKCN1RO12K?il=0> (дата обращения: 29.08.2019).

⁹⁶⁴ New Zealand's Prime Minister is the latest world leader to beam in as a hologram. URL: <https://mashable.com/2018/05/21/jacinda-ardern-hologram-techweek/> (дата обращения: 29.08.2019).

массового внедрения на политическом уровне – канадский Университет Куинс разработал систему с функцией такого 3D видеочата, пригодную для коммуникации через Skype⁹⁶⁵. Удешевление и внедрение данных технологий позволит проводить парламентские слушания, голографические встречи дипломатического уровня или сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Интересным кейсом является первое применение политической голограммы в России. Во время президентской кампании В.В. Путина в 2018 г. было создано специальное мобильное приложение «Фотографии с Путиным». Скачав его и став на специальный маркер, житель сибирской Тюмени мог увидеть огромную голограмму Путина, одетого в кимоно с черным поясом, а также сделать селфи⁹⁶⁶. Акция привлекла внимание участников социальных сетей, которые стали быстро распространять селфи с голограммой российского политика⁹⁶⁷. В этом случае также сработал механизм персональной легитимации сложившегося режима через имидж-позиционирование его главного представителя.

Кейс ЮАР также показывает применение персональной легитимации политического режима через имидж-позиционирование его представителей. На первый взгляд кажется, что новый президент Южно-Африканской республики С. Рамафоса в 2019 г. пытался порвать с предыдущим режимом, борясь с коррупцией и кланом Гупта. Но на самом деле Рамафоса, как и экс-президент страны Дж. Зума представляет интересы влиятельной партии АНК. В 2012 г. он пользовался поддержкой Зумы, когда выдвигался на пост зампрезидента этой партии. В 2014 г. Зума сделал Рамафосу своим вице-президентом. Политики из АНК сохраняет ключевые позиции в стране и

---

⁹⁶⁵ Braae A. The Jacingularity: is the hologram prime minister the future of live events? //The Spinoff. May 23. 2018. URL: <https://thespinoff.co.nz/auckland/techweek18/23-05-2018/the-jacingularity-is-the-hologram-prime-minister-the-future-of-live-events/> (дата обращения: 29.08.2019).

⁹⁶⁶ Buck K. Massive Vladimir Putin hologram appears in Russia //Metro. Friday 2. Mar 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://metro.co.uk/2018/03/02/massive-vladimir-putin-hologram-appears-in-russia-7356852/> (дата обращения: 30.08.2019).

⁹⁶⁷ Das S. Ahead of Russia elections, 40ft tall 'Putin' hologram takes Siberian city by storm //The Indian EXPRESS. March 4. 2018. URL: <https://indianexpress.com/article/trending/trending-globally/ahead-of-election-40-ft-tall-putin-hologram-takes-siberian-city-into-frenzy-5085849/> (дата обращения: 30.08.2019).

стремятся дистанцироваться от замешанного в коррупционных скандалах Зумы⁹⁶⁸, архетипически представляя его фактического преемника Рамафосу в виде Героя. Образ Зумы же все больше связывается с архетипом Тени. Таким образом, принципиальных изменений политический режим не претерпел. При этом Рамафосу также обвиняют в коррупционных махинациях⁹⁶⁹. Однако противопоставление самим режимом, его партией АНК двух своих же представителей как Тени и Героя требует дополнительного укрепления легитимности. Быть может, поэтому для Рамафосы была создана голограмма – такая вакцинация должна вбросить в информационное поле новый яркий образ политика, больше связанного не с клановым и коррупционным прошлым, а с технологическим будущим. В 2019 г. трехмерная голограмма Рамафосы была показана участникам саммита по цифровой экономике в Южной Африке⁹⁷⁰. Голографический месседж распространялся через сервис микроблогов Twitter⁹⁷¹. Его выступление параллельно транслировалось в Гражданский центр Рустенбург, Департамент телекоммуникаций.

Существуют политические лидеры, которые занимают некое пограничное состояние между представителями политического режима и его противниками. Такими политиками являются популисты. Они могут публично критиковать власти, апеллировать к реформам и обращаться к протестному электорату, но принципиально не выходя за границы сложившегося порядка в своей политической риторике. Шоувизация политики, ее профанирование, скандализация и эффект селебрити во многом связаны с развитием

---

⁹⁶⁸ Эксперт: отставка президента ЮАР не является победой над коррупцией. URL: <http://anticorr.media/ekspert-otstavka-prezidenta-yuar-ne-yavlyaetsya-pobedoj-nad-korrupciej/> (дата обращения: 30.08.2019).

⁹⁶⁹ Новое потрясение для ЮАР: разбирательство по делу Зумы и обвинения против Рамафосы. URL: <https://www.occrp.org/ru/daily/10287-zuma-trial-and-ramaphosa-graft-accusation-rock-south-africa> (дата обращения: 30.08.2019).

⁹⁷⁰ Watch: Ramaphosa delivers speech via hologram. URL: <https://businesstech.co.za/news/technology/327703/watch-ramaphosa-delivers-speech-via-hologram/> (дата обращения: 30.08.2019).

⁹⁷¹ NWPG_Tourism. URL: https://twitter.com/NWPGTourism/status/1147073922166403073?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etwembed%7Ctwterm%5E1147073922166403073&ref_url=https%3A%2F%2Fbusinesstech.co.za%2Fnews%2Ftechnology%2F327703%2Fwatch-ramaphosa-delivers-speech-via-hologram%2F (дата обращения: 31.08.2019).

современных массмедиа – заинтересованности телевидения в росте рейтингов, а интернет-корпораций – в увеличении интернет-трафика (в виде комментариев, просмотров, репостов и т.п.) для получения прибыли. В некотором смысле популизм – это готовый и простой фрейм, помогающий гражданам определять важность сообщения политического лидера и понимать сложную информацию в плотном новостном потоке⁹⁷². Типичным примером популиста, использующего голограмму, является итальянский политик и комик Б. Грилло, выступавший в настоящем голографическом шоу в Риме и Милане в 2016 г.

Медиалогика, ориентированная на прибыль, формирует спрос на такие черты политического лидера как телегеничность и артистичность. Популист избегает конкретных идеологических моделей и программ. Политическому режиму могут быть выгодны такие лидеры, так как они создают некий барьер для радикальной оппозиции, опасной ему по-настоящему. Пример такого «пограничного» типа политиков дает нам кейс Нидерландов. Л. Марийниссен, голландский политик и лидер умеренной Социалистической партии в феврале 2018 г. выступила в виде голограммы в нескольких городах одновременно – Неймегене, Зволле, Харлеме и Бреде⁹⁷³. Голографическое выступление распространялось через Twitter⁹⁷⁴. Целью голографической акции была вакцинация новым имиджем Марийниссен будущей политической кампании по проведению муниципальных выборов 21 марта.

Как правило, чередование Демократической и Республиканской партий не приводит к фундаментальной смене сложившегося политического режима в США. Первой попыткой применения трехмерных образов в американской

---

⁹⁷² Aslanidis P. Is Populism an Ideology? A Refutation and a New Perspective //Political Studies. 2016. Vol. 64. Issue 1. P. 88-104.

⁹⁷³ Lilian Marijnissen op vierplaatsentegelijkals spook //De Telegraaf. 2018. 19 feb. URL: <https://www.telegraaf.nl/nieuws/1694417/lilian-marijnissen-op-vier-plaatsen-tegelijk-als-spook> (дата обращения: 31.08.2019).

⁹⁷⁴ Niels Rigter. URL: https://twitter.com/Nielsrigter/status/965678634144059392?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E965678634144059392&ref_url=https%3A%2F%2Fwww.geenstijl.nl%2F5140820%2Feraart-een-hologram-door-europa%2F (дата обращения: 31.08.2019).

политике была инициатива CNN, желавшей посредством них освящать в 2008 г. президентские выборы. Однако, эти образы были больше томограммами – изрядно измененными и достроенными через компьютер образами политиков⁹⁷⁵. Пока голограммы получили распространение не в американской политике, а больше в местной армии – в виде трехмерных инструкторов. Правда, кандидат на американские президентские выборы в 2020 г. от демократов Э. Янг высказал желание о выступлении в виде голограммы для своей кампании: «...все меняется, и мы не можем просто продолжать делать одно и то же снова и снова»⁹⁷⁶. Видимо, Янг намеревался вакцинировать свой имидж. Голограммами пользуются и автократии, к примеру, в 2019 г. на международном правительственном саммите наследный принц Дубая шейх Хамдан выступил в виде голограммы⁹⁷⁷. Египетское правительство хотело бы внедрить голограммы через «образовательные театры» в школах, но пока сталкивается с их высокой стоимостью.

Конечно, политической голограммой пользуется и оппозиция, нацеленная на некоторые изменения в существующем политическом режиме. Лидер левой партии «Непокоренная Франция» Ж.-Л. Меланшон во время президентской гонки во Франции в 2017 г. смог повысить уровень узнаваемости своего имиджа благодаря тому, что выступил с помощью голограммы одновременно в Дижоне, шести других городах, а также на острове Реюньон⁹⁷⁸. Видео с его трехмерным изображением также распространялось через Twitter⁹⁷⁹.

---

⁹⁷⁵ Nowak P. CNN's holograms not really holograms. URL: <https://www.cbc.ca/news/technology/cnn-s-holograms-not-really-holograms-1.756373> (дата обращения: 31.08.2019).

⁹⁷⁶ Banas J. Presidential Hopeful Andrew Yang Plans to Campaign Via Hologram. Holographic politicians... a vision of 2020. URL: <https://futurism.com/andrew-yang-campaign-hologram> (дата обращения: 31.08.2019).

⁹⁷⁷ Sheikh Hamdan's hologram just gave a speech at World Government Summit. URL: <https://futurism.com/andrew-yang-campaign-hologram> (дата обращения: 17.10.2020).

⁹⁷⁸ Кандидат в президенты Франции использовал голограмму для агитации избирателей. URL: <https://vistanews.ru/world/134894> (дата обращения: 31.08.2019).

⁹⁷⁹ Ghislain de Violet. Кандидат в президенты Франции использовал голограмму для агитации избирателей. URL: https://twitter.com/gdeviolet/status/828236508096233477?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E828236508096233477&ref_url=https%3A%2F%2Fwww.theverge.com%2F2017%2F4%2F19%2F15357360%2Fmelenchon-france-election-hologram (дата обращения: 31.08.2019).

Билал Бхутто Зардари, сын убитой Беназир Бхутто, бывшего премьер-министра страны, является представителем одноименного прозападного клана и главой Пакистанской народной партии (ПНП), ставшей более умеренной социал-демократической силой. Мужем Беназир Бхутто был Асиф Зардари, позже президент страны, экс-сопредседатель ПНП. Клан сохранял трения с военными и был замешан в коррупционных скандалах. Чтобы привлечь внимание электората к своему месседжу, Б. Зардари обратился к политической голограмме. Однако пока Б. Зардари не сможет договориться с военными либо не приобретет более мощную поддержку электората, он вряд ли может рассчитывать на успех. Нельзя исключать и фактор США, которым не нравится их критика со стороны премьер-министра И. Хана и способных поддержать более прозападного Зардари. Пока влияние военных на политику Пакистана сохраняется – в свое время они смогли договориться с победившим на парламентских выборах и ставшим премьер-министром страны председателем партии Движение за справедливость И. Ханом⁹⁸⁰. Несмотря на ослабление позиций клана Бхутто, кейс Б. Зардари весьма интересен. В 2017 г. политик выступил перед своими партийными сторонниками посредством голограммы, явно вакцинируя своим новым имиджем будущую парламентскую кампанию. И больше привязывая имидж к инновационности, современности, вытесняющих «коррупционное эхо» его клана. Голографической трансляции способствовало и то, что сам режим до этого предпринял ряд инициатив цифровизации Пакистана путем создания центров поддержки технологий и инноваций⁹⁸¹. После голографических выступлений, трехмерный образ Зардари был распространен его сторонниками ПРП через сеть микроблогов Twitter с помощью политического хэштегирования (#BBZonHologram)⁹⁸².

---

⁹⁸⁰ Асатрян Г. Невидимая рука выборов в Пакистане. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nevidimaya-ruka-vyborov-v-pakistane/> (дата обращения: 31.08.2019).

⁹⁸¹ Sajeel S. Pakistani politician to use hologram tech to reach out to workers in 30 cities. URL: <https://www.techjuice.pk/pakistani-politician-hologram-tech-to-reach-workers-30-cities/> (дата обращения: 31.08.2019).

⁹⁸² #BBZonHologram. URL: <https://twitter.com/hashtag/bbzonhologram> (дата обращения: 31.08.2019).

Политические режимы стали интересоваться голограммами, так как уже появились голографические протесты. В 2015 г. в Испании поводом для первого в истории человечества голографического протеста стало введение властями закона о безопасности граждан (*la ley mordaza* – «закон о кляпе»), введившего систему ограничений и штрафов для сохранения общественного порядка до 600 тыс. евро. Это вызвало бурю негодования в испанском обществе. IT-фирмы (например, Q.M.S.) даже предложили свою бесплатную помощь в информационной поддержке противников закона⁹⁸³. Сначала создали специальный сайт «Holograms For Freedom», куда семнадцать тысяч человек желающих смогли прислать свои фото, записи собственных голосов и лозунгов. В итоге протестующими был инициирован эффектный символический удар по режиму в виде голографической акции из тысяч трехмерных образов перед парламентом в Мадриде⁹⁸⁴. Координировало активистов движение «NoSomosDelito», транслируя все происходящее на видео и распространяя в соцсетях. Организаторы политической акции иронично отнеслись к самому голографическому действию⁹⁸⁵, поэтому Карнавал можно считать ключевым архетипом этого протеста.

Южная Корея в 2016 г. также увидела голографический протест. Схожую политическую акцию организовала в Сеуле Amnesty International in Korea, критикующая рост давления на свободу слова и влияние кланов при президенте Пак Кын Хе⁹⁸⁶. «Призрачный протест» («ghost protest») возник и после слухов о попытке режима запретить акции протеста и использовать закон о национальной безопасности периода холодной войны. В протестной

---

⁹⁸³ Blitzer J. Protest by Hologram //The New Yorker. April 20. 2015. URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/protest-by-hologram> (дата обращения: 31.08.2019).

⁹⁸⁴ López A.E. Invisible Participation: The Hologram Protest in Spain //Afterimage: The Journal of Media Arts and Cultural Criticism. 2016. Vol. 43. №4. P. 8-11.

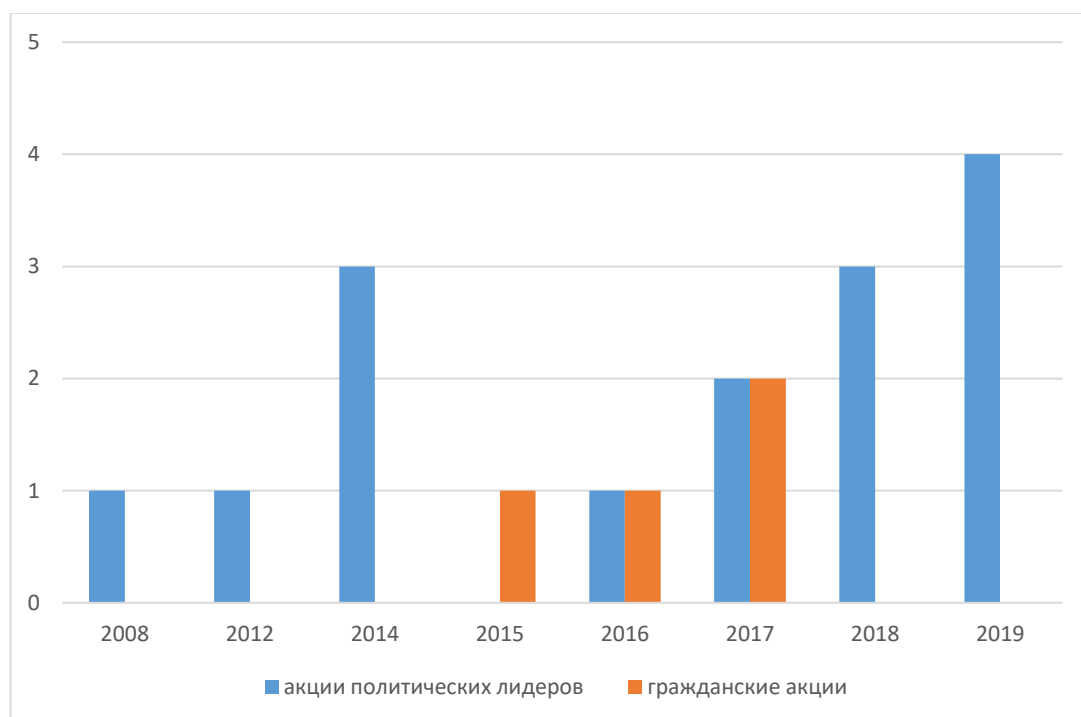
⁹⁸⁵ Boren Z. Spain's hologram protest: Thousands join virtual march in Madrid against new gag law. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/spains-hologram-protest-thousands-join-virtual-march-in-madrid-against-new-gag-law-10170650.html> (дата обращения: 31.08.2019).

⁹⁸⁶ Kang H. 'Ghost Protest' In Seoul Uses Holograms, Not People. URL: <https://www.npr.org/sections/parallels/2016/02/24/467957260/ghost-protest-in-seoul-uses-holograms-not-people> (дата обращения: 31.08.2019).

акции также видна роль архетипа Карнавала. После разгоревшегося скандала парламент выступил за импичмент президента.

Как пишет А. Шин из Университета Южной Калифорнии, политика связана с такими понятиями как пространство и время, однако голограмма заставляет переосмысливать эти традиционные принципы⁹⁸⁷. Для того чтобы провести политическую акцию теперь не обязательно присутствовать на ней физически.

Диаграмма 13. Технологии политической голограммы (ед.)⁹⁸⁸

По завершению параграфа важно сделать выводы и предложить рекомендации для применения голограммы в отечественной политике. Как было определено, голографизация политики означает процесс, предполагающий целый комплекс 3D-технологий по созданию трехмерных политических образов, максимально сближающих виртуальность с реальностью. Тогда как политическая голограмма – это разновидность трехмерного голографического образа, практикующегося посредством

⁹⁸⁷ Sheean J. A (new) specter haunts Europe: the political legibility of Spain's hologram protests //Journal of Spanish Cultural Studies. 2018. Vol. 19. Issue 4. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14636204.2018.1524995> (дата обращения: 31.08.2019).

⁹⁸⁸ Посчитано автором (ед. – единица измерения: факт применения политической голограммы).

коммуникационных технологий в интересах политического субъекта. Складываются три направления технологического внедрения политической голограммы: а) имидж-позиционирование политических лидеров, б) трехмерные изображения политических акций, в) бренд-позиционирование партий. Политический режим наиболее заинтересован в персональной легитимации посредством первой разновидности политической голограммы – имидж-позиционирования провластных лидеров. Анализ показал, что голограмма пока в большинстве случаев применяется лидерами – представителями политического режима по причине своей дороговизны (см. диагр. 13). Обращение к политической голограмме продиктовано: а) запросом режимов на инновационные технологии, способных привлечь внимание граждан к своему сообщению или повестке в отдаленных или густонаселенных территориях, б) вакцинацией – профилактической мерой заблаговременного имидж-позиционирования провластного кандидата, в) обеспечением безопасности политического лидера в условиях рисков терроризма и пандемии COVID-19, г) повышением узнаваемости политика. Такой «автономный популизм» в реальности не формирует нового политического режима, а, наоборот, консервирует существующий⁹⁸⁹.

Цифровой аватар буквально получает свое физическое трехмерное воплощение из-за феномена медиакратии – трансформации демократических режимов, когда после развития медиа властный треугольник из социума, партий и государства был заменен на властный треугольник из медиа, высших должностных лиц и популистских технологий⁹⁹⁰. Происходит сближение интересов политических и медийных акторов⁹⁹¹. Переход популистских лидеров на практики голопортации также связано с феноменом

---

⁹⁸⁹ Сафронов А.П. Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения. М.: Алгоритм. 2018. С. 267-283,

⁹⁹⁰ Meyer T. Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch die Medien. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 2001. P. 1-37.

⁹⁹¹ Bodrunova S. Mediocracy or Mediademocracy? On Some Conceptual Approaches to the Interaction of Journalism and Politics in Established Democracies //CGES Working Paper Series. WP 2010–07. Bielefeld – St. Petersburg. 2010. P. 1-40.

автократичного «платформенного правителя»⁹⁹², возвращению к парадигме пастырства в терминологии М. Фуко⁹⁹³. Применение голограммы и демократиями, и автократиями снижает разницу между ними по причине возникающего в условиях медиакратии «технологического перехлеста», когда инновационные техники голопортации способствуют не развитию демократической коммуникации граждан, а внедрению манипулятивных практик псевдодемократических популистских лидеров. Но голограмма используется не только в целях легитимации режима через популистских политиков, но и может стать механизмом делегитимации, разрушая «контроль власти над телом»⁹⁹⁴ в понимании М. Фуко и устраняя «пространственно-временной континуум политики». Отдельные авторы даже начинают говорить о появлении «спектральной субъектности» – специфического самоотрицания и ухода граждан из физической политики в цифровую для преодоления гегемонии власти⁹⁹⁵. Граждане пытаются противопоставлять тотальной алгоритмизации власти, формирующемуся политическому интерфейсу, который уже описывают как Holographic State. Скорее всего, этот протест (антиповодырство в терминологии Фуко) – одно из проявлений цифровой аватаризации.

Каковы перспективы внедрения голограммы для легитимации политического режима России? Когда крупный капитал и политический режим договорятся об инвестиционных проектах, удешевляющих голографические дисплеи (с пикселями размером от 350 до 700 нм и равные длине волны), повсеместным станет внедрение голографического телевидения. В Балтийском федеральном университете есть две лаборатории

---

⁹⁹² Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 31.

⁹⁹³ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. /Пер. с фр. СПб.: Наука. 2011. С. 260.

⁹⁹⁴ Brown N., Gershon S.A. Body Politics //Politics, Groups, and Identities. 2017. Vol. 5. №1. P. 1-3.

⁹⁹⁵ Boletsi M. Towards a visual middle voice: Crisis, dispossession and spectrality in Spain's hologram protest. URL:

https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/71035/Visual_middle_voice_oein_Komparatistiekoe.pdf?sequence=1 (дата обращения: 21.02.2020).

(когерентно-оптических систем, И. Алексеенко; новых средств визуализации, А. Поляков), которые могут добиться прикладных результатов по сжатию и передачи трехмерных образов. Перечислим коммуникационные каналы внедрения 3D образов, перспективные для персональной легитимации режима:

- голографический дисплей (телевизор) с хорошим разрешением можно будет не только размещать как угодно в домах граждан – вертикально или горизонтально, трехмерные образы дадут новые ощущения и новые эмоциональные переживания, недоступные при плоской картинке⁹⁹⁶. Уже существует технология *computational imaging*, при которой обычная сцена записывается камерами с нескольких ракурсов, а потом на голографическом дисплее восстанавливается в виде 3D сцены. Создание сети голографических дисплеев даст новые возможности для имидж-позиционирования провластных политиков, бренд-позиционирования лояльных к режиму партий и движений, представляя их образы максимально приближенными к реальности (по мнению режиссера Ю. Гусакова, голографическое телевидение – перспективная отрасль, однако важно обеспечить и цифровой суверенитет, создав национальные телевизионные стандарты, иначе придется зависеть от чужих разработок⁹⁹⁷);

- VR (виртуальная реальность) является альтернативным направлением внедрения 3D образов, а также сопутствующих ощущений через зрение, осязание и слух. Очки, перчатки виртуальной реальности способны дать гражданину дополнительные возможности в области политической коммуникации – от виртуального приема к чиновнику до участия в предвыборных дебатах и обсуждения законопроекта;

---

⁹⁹⁶ Веклич А.В., Ерушевич Д.А., Борисов Р.А., Рачек В.Б. Голографическое телевидение //Евразийский научный журнал. 2017. №2. URL: <http://journalpro.ru/articles/golograficheskoe-televidenie/> (дата обращения: 03.09.2019).

⁹⁹⁷ Юрий Гусаков: голограмма - это будущее телевидения после 2025 года. URL: <https://www.cableman.ru/article/yurii-gusakov-gologramma-eto-budushchee-televideniya-posle-2025-goda> (дата обращения: 03.09.2019).

- AR (дополненная реальность) – это «технологии-подсказки», помогающие гражданину интерпретировать тот или иной объект, процесс, явление (например, гражданин направляет свой смартфон на фото, билборд с изображением политика, а программа в смартфоне быстро дает ему информацию об этой персоне; другой пример – это трехмерные изображения в автомобильном навигаторе с функцией чата, к чему приблизился Яндекс-навигатор, подсказывающий объезды пробок);

- трехмерные социальные сети, где интернет-пользователи с помощью близко приближенных к реальности аватаров, анимации могут создавать довольно правдоподобный мир (в США с 2003 г. развивается сеть Second Life, где пользователи имеют свою валюту, экономику, могут создавать сообщества по интересам, интегрировать свои профили с аккаунтами в Twitter, Facebook, имеются и корпоративные приложения). Если тренд развития подобных социальных сетей с 3D чатами сохранится, то логично учитывать появляющиеся возможности для политиков по формированию в данной среде собственных сообществ (то же касается и провластных лидеров).

Но самые глубинные последствия от процесса голографизации политики могут произойти только в случае перехода от односторонней пропаганды к многосторонней политической коммуникации, когда появится дешевое и удобное оборудование, программное обеспечение для обсуждения различных политических вопросов в системах «гражданин – партия», «гражданин – политический лидер», «гражданин – парламент» и «гражданин – правительство». Без удешевления технологии передачи голографического изображения данные приемы коммуникации в виде, к примеру, голографического чата будут доступны только элите действующего политического режима, а значит, больше служить манипуляциям, чем развитию демократического процесса.

В выводах главы следует обозначить несколько основных соображений. Цифровизация партий на примере их доминирующего типа, обладающего важнейшими рычагами воздействия на режим, показывает складывание

особого варианта политического интерфейса. Такой интерфейс задает определенные стандарты взаимодействия гражданина и представителей власти: благодаря цифровым порталам, web-приложениям и сетевым сообществам партий возникает социализация режима – эффект приближения представителей элиты к гражданам и их цифровым аватарам.

Несмотря на цифровой формат популярных исторических игр, в них по-прежнему сохраняется практика бинарной архетипичной оппозиции «друг-враг». Политические режимы здесь имеют большие возможности по реализации политики памяти с целью профилактики собственной делегитимации. Пренебрежение коммеморативными техниками через компьютерные игры, напротив, создает риски для раскола поколений и целевых аудиторий через манипуляции с интерпретацией исторических событий. Причина в том, что геймификация политики – амбивалентный феномен, который может способствовать не только легитимации, но и делегитимации режима.

Пока голограмма больше используется популистскими политическими лидерами и в меньшей степени оппозиционными движениями. Режимы имеют больше ресурсов для формирования политического интерфейса Holographic State на основе голографических киберсимулякров. Видится три сценария голографизации политики. Радикальный сценарий может возникнуть в условиях возрастания цифрового и социального неравенства, появления «цифрового луддизма», антиповодырства, односторонней ставке режима на поверхностную цифровизацию, когда радикальные политические силы станут обращаться к голограмме в целях безопасности – предотвращения репрессий со стороны режима и перехвата политической повестки. Авторитарный сценарий реален при монополизации применения практик голопортации ИТ-корпорациями и популистскими лидерами, близкими к режиму. Сформированный на базе инновационных техник политический интерфейс коммуникации между властью и гражданином не оставит последнему права на политическое творчество, плюралистичное «политическое поле» будет

вытеснено «зоной власти» с доминированием логики «цифрового пастврства» – официальной повестки и интерпретации, аналитики прошлого, настоящего и будущего. Делиберативный сценарий возможен только при удешевлении технологий голопортации, создании массового голографического чата и внедрении разнообразных техник дополненной реальности на базе цифровой платформы, отвечающей принципам Ю. Хабермаса⁹⁹⁸: а) D-принцип (лишь те нормы, которые одобряются и имеют непосредственное отношение к участникам дискурса, будут действенными), б) U-принцип (если удастся избежать практики принуждения, то эти нормы станут действенными).

---

⁹⁹⁸ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука. 2008. С. 112-113.

ГЛАВА 5. ФАКТОРЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

5.1. Технологии информационной гегемонии в интернет-пространстве: перспективы и угрозы для суверенитета страны

Для легитимации современных политических режимов уже недостаточно прежних сакральных, идеологических, пропагандистских и силовых приемов контроля над населением. Развитие научно-технического прогресса, распространение социальных сетей интернета и внедрение методологических оптик Big Data позволяет разным политическим акторам, в том числе зарубежным и транснациональным, преодолевать классические границы суверенитета традиционного государства, анализировать институциональное доверие к политическому режиму, а также организовывать целенаправленные информационно-психологические операции. Технологическая и институциональная легитимация сохраняют наибольшее значение в организации информационной гегемонии, тогда как персональная и ценностная разновидности полностью не выпадают из этого направления, а играют роль системной поддержки.

Исследователи стали говорить о практике так называемых информационных войн – интеллектуального вида военного противостояния⁹⁹⁹. И.Н. Панарин писал об информационной войне как о современном способе овладения и удержания политической и экономической власти, где большое значение придается управлению информационными потоками¹⁰⁰⁰. Другие авторы относят к ней приемы боевых операций, где применяются информационные средства воздействия на противника, ориентированные на быстрый и скрытный подрыв национальной безопасности¹⁰⁰¹. М. Либцки, почетный приглашенный профессор Центра исследования кибербезопасности Военно-морской академии США, перечисляет следующие признаки

⁹⁹⁹ Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм. 2015. С. 6-7.

¹⁰⁰⁰ Панарин И.Н. Информационная война и власть. М.: Мир безопасности. 2001. С. 5-17.

¹⁰⁰¹ Черных С.Н., Зуева Н.А. Информационная война: традиционные методы, новые тенденции //Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 191-199.

информационных войн¹⁰⁰²: нелетальность, кибероперации (спам-боты, имитирующие дискуссию, кибератаки, кибершпионаж и хакерские взломы, задействование беспилотных дронов), дисперсия эффектов (влияние через несколько этапов), способность организовывать мгновенное воздействие из любой точки мира, большая длительность, чем у традиционных войн, малая уязвимость таких исполнителей как хакеров (способные пережить даже гибель страны), успешное камуфлирование источников мемов и слухов. Информационные войны направлены, в том числе, и на историческую память граждан, которая тесно связана с режимной легитимацией¹⁰⁰³.

А.В. Манойло, профессор факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, употребляет схожий термин «информационно-психологическая война», подразумевая под ней тип социально-политических отношений, характеризуемый применением комплекса способов информационно-психологического воздействия в социальных коммуникациях¹⁰⁰⁴. Ключевым компонентом такого типа войны он называет информационное противоборство – конкуренцию социальных систем за стратегические ресурсы. К составляющим информационного противоборства он причисляет: обеспечение военно-политического доминирования, создание благоприятных условий для развития страны, изменение систем национальных пространств (политического, экономического, социально-культурного и др.) исходя из принципов конструирования информационного образа мира актором, ведущего такого рода войну. И все же большинство авторов сходится в одном – информационная война происходит между несколькими информационными системами¹⁰⁰⁵ и является типом информационно-психологического влияния для достижения акторами информационного доминирования. При этом

---

¹⁰⁰² Libicki M.C. The Convergence of Information Warfare //Strategic Studies Quarterly. 2017. Spring. P. 49-65.

¹⁰⁰³ Шевченко В.Н. Информационная война Запада с исторической памятью россиян: логико-исторический аспект //Философские науки. 2015. № 6. С. 7-21.

¹⁰⁰⁴ Манойло А.В. Информационно-психологическая война: трансграничное сотрудничество и угрозы национальной безопасности в информационно-психологической сфере //Дневник АШПИ. 2004. № 19-20. С. 226-234.

¹⁰⁰⁵ Расторгуев С.П. Информационная война. М.: Радио и связь. 1999. С. 72.

информационное доминирование не является самоцелью, а служит средством обеспечения политического доминирования.

Информационная гегемония, ориентированная на достижение политического доминирования, предполагает различные приемы и результаты. Авторы называют такие средства как «мягкая сила», «цветные революции», цифровая дипломатия. М.М. Лебедева и Н.А. Цветкова делают интересное замечание: в США фиксируется сдвиг в дипломатической практике от использования «мягкой силы» ценностного вовлечения к более целенаправленному информационно-пропагандистскому воздействию¹⁰⁰⁶. Вместе с тем Лебедева призывает четче разделять стратегическую коммуникацию и публичную дипломатию. Популярная в массмедиа «гибридная война» – недостаточно обоснованный термин (как и «гибридные режимы»), мало того, в либерально-демократических режимах он используется как пропагандистский конструкт для навешивания на Россию ярлыка агрессора, развязавшего войну нового типа против Запада¹⁰⁰⁷. И все же западные информационно-коммуникационные технологии не являются некими нейтральными, они связаны с западными ценностями и моделями поведения. Возможно, из-за этого фактора, разрушающего традиционный суверенитет ряда политических режимов, последние начинают развиваться в рамках защитной модели «государства-цивилизации»¹⁰⁰⁸.

Из краткого категориального анализа феномена информационный войн можно сделать промежуточный вывод, что цифровизация политического режима становится сложным процессом, с одной стороны, ориентированным на достижения легитимации режима посредством сетевых коммуникаций, с другой стороны, парадоксальным образом, приводящим к рискам и угрозам такого слагаемого легитимности как суверенитет. Г. Киссинджер отмечает,

---

¹⁰⁰⁶ Лебедева М.М. Развитие социальной и гуманитарной проблематики в международных исследованиях: российский ракурс //Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1(58). С. 7-25.

¹⁰⁰⁷ Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М.: Изд. ИКАР. 2018. С. 63-64.

¹⁰⁰⁸ Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН. 2016. С. 22, 33.

что легитимность не исключает конфронтации и соперничества региональных и мировых порядков со своими договоренностями¹⁰⁰⁹. О внешних источниках легитимности пишет и С.И. Каспэ¹⁰¹⁰. В эту логику удачно укладывается и мир-системный анализ американского социолога И. Валлерстайна¹⁰¹¹, где актуализируется существование стран ядра капиталистического мира (США, государства Западной Европы, Япония) за счет государств полупериферии (Южная Корея, Сингапур, ЮАР, Бразилия, Чили) и периферии (доиндустриальные африканские, латиноамериканские и азиатские режимы).

В условиях таких геоэкономических и геополитических процессов возникает фактор внешней легитимации и внешней делегитимации политического режима, приобретающей в формате его активной цифровизации сетевой характер. Базовым параметром, соединяющим традиционную внутреннюю легитимность, связанную с доверием населения, с внешней легитимностью, зависимой от сложившихся международных режимов и мирового порядка, является суверенитет. Феномен суверенитета изначально имел двойственную природу: правовую плоскость и ориентацию на легитимность¹⁰¹². Ж. Боден описывал категорию суверенитета как способность государя повелевать и принуждать без каких-либо посредников¹⁰¹³. Но британский политолог Г. Ласки пересмотрел это видение, став первым, кто прочно связал легитимацию и суверенитет. Ласки пронизательно заметил, что суверенитет государства невозможен без согласия «воли государственной» и «воли групповой»¹⁰¹⁴. Скорее, модель Ласки будет более рабочей в условиях современной цифровизации.

---

¹⁰⁰⁹ Киссинджер Г. Мировой порядок. /Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милукова. М.: АСТ. 2018. С. 17-18.

¹⁰¹⁰ Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН. 2012. С. 147.

¹⁰¹¹ Абрамов А.В. Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития //Вестник Московского государственного областного университета. 2012. №3. С. 35-51.

¹⁰¹² Федорова М.М. Суверенитет как политико-философская категория Современности //Философский журнал. 2009. №1(2). С. 154-164.

¹⁰¹³ Боден Ж. Шесть книг о государстве //Антология мировой правовой мысли в 5 т. М., 1999. Т. 2. Европа. V–XVII вв. С. 592-593.

¹⁰¹⁴ Laski H. Studies in the Problem of Sovereignty. New Haven: Yale University Press. 1917. P. 1-25.

В рамках своей концепции политической теологии К. Шмитт считал суверенным того, кто может принимать решение о введении чрезвычайного положения. По Шмитту, государственный суверенитет может определяться в виде монополии решения или принуждения, для чего не нужно правовое обоснование, а достаточно государственного авторитета¹⁰¹⁵. Правда, он уточняет, что современная демократическая легитимность серьезно отличается от традиционной легитимности тем, что в ней нет трансцендентного и теистического обоснования государственного авторитета. Прежние приемы сакрализации не работают, нужно изыскивать новые. Поэтому появляются риски трансформации легитимного демократического режима в диктатуру.

Более детальную проработку связи легитимности и суверенитета, внутренней и внешней легитимации, а также соответствующих типов сетевой легитимации и делегитимации режима дает концептуальная схема «фактов и признания» В.Л. Цымбурского¹⁰¹⁶. Согласно данной модели, суверенитет достижим при успешном сочетании двух параметров: «факта» – способности политического субъекта осуществлять власть, на которую он претендует и «признания» – политическое сообщество, куда входит этот политический субъект, признает факт осуществления им власти. Хотя внешняя легитимация через признание режима другими (например, нового государства – Южной Осетии, Косова, Абхазии, Южного Судана и т.п.) ставит его в зависимость от последних, в том числе и в информационную¹⁰¹⁷. Причины притязания политического режима на «внутренний» и «внешний» суверенитет Цымбурский объяснял его эволюцией и сочетанием с социальными функциями Т. Парсонса (политическая функция – изначальная идея суверенитета монарха, адаптивно-экономическая – последующая идея слоя

---

¹⁰¹⁵ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца. 2016. С. 8-16; 46.

¹⁰¹⁶ Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа. 2011. С. 186-189.

¹⁰¹⁷ Кудряшова И.В. Государственная состоятельность как критерий легитимации новых государств //Сравнительная политология. 2011. №3. С. 20-36.

собственников о суверенитете народов, интегративная – идея о суверенитете единой нации и культурная – идея о «праве нации на самоопределение»).

Концептуальную схему Цымбурского важно адаптировать к реалиям современной цифровизации политического режима и тесно связанными с ней рисками информационных войн. Согласно модели «факта-признания» современному политическому режиму уже недостаточно своей внутренней легитимации перед населением. Режим, чтобы сохранить устойчивую легитимность, а значит свой суверенитет, должен добиваться создания своей защитной информационной мир-системы и информационной гегемонии в ней. Этот тезис, а также активно происходящий процесс цифровизации режима позволяют обратиться к категории «цифрового суверенитета»¹⁰¹⁸. Так, китайский ученый В. Гонг практически пишет о той же концепции «факта-признания», подчеркивая значимость в информационном суверенитете внутренних (поддержание информационного порядка в стране) и внешних параметров (отсутствие внешнего контроля над государственной информационной политикой)¹⁰¹⁹. Модель «факта-признания» В.Л. Цымбурского применима к анализу феномена внешней легитимации и по причине разнонаправленности векторов внутренней и внешней политики западных режимов – как заметил Е. Морозов, если за границей американские дипломаты всегда ратуют за свободный Интернет во всех странах, то американские спецслужбы, наоборот, придерживаются противоположного мнения, если речь идет о самих Соединенных Штатах¹⁰²⁰.

Давая определение информационному суверенитету, М.М. Кучерявый полагает под ним независимость и верховенство государственной власти в

---

¹⁰¹⁸ Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных //Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 95–113; Володенков С.В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №4. С. 3-11. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-3-11>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/41338/view> (дата обращения: 29.03.2021).

¹⁰¹⁹ Gong W. Information Sovereignty Reviewed //Intercultural Communication Studies. 2005. Vol. XIV. Issue 1. P. 120–135.

¹⁰²⁰ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети. М.: АСТ, CORPUS. 2014. С. 275.

процессе создания и практического воплощения информационной политики как в национальном, так и глобальном пространстве¹⁰²¹. Элементами такого рода суверенитета выступают: независимость в технологической области (наличие производств, программного обеспечения, навигационных, поисковых систем, собственной платежной системы, национального сегмента в интернете, средств информационной защиты); ментальный суверенитет в психологической сфере (существование национальной идеи, а также хорошего уровня информационно-пользовательской культуры); властный суверенитет (реализация конкретной государственной информационной политики, наличие патриотически ориентированной политической элиты, правительства народного доверия, провластных массмедиа). А.А. Ефремов считает, что импульс дальнейшему развитию теории информационного суверенитета дали новые тренды¹⁰²²: появление концепции суверенитета данных (обязательная обработка персональных данных), ломка традиционных государственных границ из-за распространения «облачных технологий» и процесса цифровизации. В настоящее время категория цифрового суверенитета становится более употребимой, чем дефиниция информационного суверенитета¹⁰²³. В любом случае наличие цифрового суверенитета предполагает существование информационного доминирования внутри страны, а значит сохранение достаточного уровня легитимности. Но что происходит, если информационное доминирование распространяется за пределы политического режима?

Предположим, что, когда информационная гегемония выходит за пределы официальных границ политического режима, возникают новые

---

¹⁰²¹ Кучерявый М.М. К осознанию информационного суверенитета в тенденциях глобального информационного пространства //Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2015. № 12. С. 22-27.

¹⁰²² Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства //Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.

¹⁰²³ Володенков С.В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности //Журнал политических исследований. 2020. Т.4. №4. С. 3-11. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-3-11>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/41338/view> (дата обращения: 29.03.2021).

перспективы для стабилизации его суверенитета и укрепления легитимности. В связи с этим И.Н. Панарин стал писать о возникновении особой информационной геополитики. Видя задачу информационной геополитики, как области, объясняющей связь политики с информационными факторами, А.Ю. Быков рассматривает ее в контексте культурных процессов¹⁰²⁴. Понимание трансформации современных геополитических процессов возможно при переосмыслении категории «пространства». Появившийся феномен киберпространства позволяет скорректировать традицию географического детерминизма континентально-европейской (Р. Челлен) и англо-американской (Х. Маккиндер, А. Мэхэн, Н. Спайкмен) геополитических школ, учтя эволюцию политических процессов в сторону формирования информационной (цифровой) геополитики различных политических режимов.

Причинами зарождения информационной (цифровой) геополитики являются: тренды постмодерна, появление цифровых фирм-гигантов, кибертерроризм, цифровое неравенство, цифровизация политических режимов и развитие сетевых коммуникаций, стремление ряда технически продвинутых режимов к информационному доминированию над другими режимами и ослаблению их цифрового суверенитета. Все эти причины тесно переплетены между собой, но одна все же имеет довольно фундаментальный характер – речь идет о цифровом неравенстве, которое не устраняется и в процессе цифровизации политических режимов. Одни авторы усматривают предпосылки цифрового неравенства в неравном доступе людей к интернету в рамках одной страны¹⁰²⁵, другие – исследуют цифровое неравенство между различными государствами¹⁰²⁶. Нас будет больше интересовать второй подход.

---

¹⁰²⁴ Быков А.Ю. Информационная сущность геополитики //Космополис. 2008. №3(22). С. 24-31.

¹⁰²⁵ Коротков А.В. Цифровое неравенство в процессах стратификации информационного общества //Информационное общество. 2003. № 5. С. 24–35; Chadwick A. Internet Politics: States, Citizens, and New Communication Technologies. N.Y.: Oxford University Press. 2006. P. 3-29.

¹⁰²⁶ Bucy E.P. Social Access to the Internet //The Harvard International Journal of Press/Politics. 2000.Vol. 5. №1. P. 50-61; Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения Интернет-пользователей в России //Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151-163.

Для одних стран информационная гегемония обеспечивает укрепление суверенитета, тогда как для других возникают определенные угрозы односторонней цифровизации. Оттолкнувшись от тезиса, что информационное доминирование основано на сохранении цифрового неравенства между странами, перейдем к анализу примеров такого рода политических явлений. Начать важно с того, что по ряду признаков Соединенные Штаты постепенно трансформировались в современного информационного гегемона. Н. Хомский так характеризует процесс, в ходе которого США пришли к принятию имперской идеи: сначала сыграла роль доктрина Вильсона, опиравшаяся на право вмешательства благородной и альтруистичной элиты в социальную жизнь, затем сыграл фактор участия страны во Второй мировой войне, наконец, на данную метаморфозу повлияла трагедия 11 сентября 2001 г.¹⁰²⁷. Не случайно С.И. Каспэ говорит о так называемой «империи Запада», полагая, что разночтения между американской и европейской частями этой империи часто преувеличиваются¹⁰²⁸. Каспэ, в отличие от Хомского, пишет о наличии более древней традиции западного имперского дискурса, который от эпохи краха Западной Римской империи через империи Карла Великого и Наполеона дошел до наших дней. Дж. Фридман поясняет причины появления такой империи расширением полномочий американской федеральной власти и ее последующим кризисом¹⁰²⁹. Федеральная власть США трансформировалась не как институт, а за счет перехода на технократическое управление с принципами узкой специализации.

Также сработал «эффект храповика», описанный Р. Хиггсом¹⁰³⁰, когда растущая практика вмешательства американского режима в суверенные дела

---

¹⁰²⁷ Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ. 2004. С. 25-26, 70.

¹⁰²⁸ Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН. 2012. С. 148-160.

¹⁰²⁹ Фридман Дж. Американская империя. Прогноз 2020 – 2030 гг. СПб.: Питер. 2021. С. 244-265.

¹⁰³⁰ Хиггс Р. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства. М.: ИРИСЭН, Мысль. 2010. С. 121-123.

других государств стала оправдываться демократическим мессианством Вашингтона. Такого рода экспансия демократических ценностей обосновывает и укрепляет легитимность американского режима. Не зря М. Хардт и А. Негри связывали этот процесс с установлением сетевой власти Соединенных Штатов, чей экспансионизм нацелен на включение других суверенных режимов в американскую сеть, а не на их окончательную аннексию в традиционном смысле¹⁰³¹. Данный процесс можно условно обозначить как «информационный империализм». Профессор М. Манн из Калифорнийского университета называет Соединенные Штаты глобальной империей, отмечая ее мессианско-эсхатологическую черту и сравнивая с похожими кейсами¹⁰³²: римляне оправдывали собственную экспансию установлением правосудия и порядка, испанские конкистадоры – божьим словом, британцы – развитием свободных торговых отношений, а американцы – победой демократических режимов во всем мире.

Цифровизация проходит в политических режимах по-разному: в одном случае она укрепляет легитимность через защиту цифрового суверенитета, в другом случае совсем наоборот. Система информационного империализма целиком зиждется на цифровом неравенстве между странами и одностороннем процессе цифровизации разобщенных политических режимов, характеризующегося рискованным заимствованием данными режимами зарубежных информационных технологий и услуг. Информационный империализм подразумевает не только защиту своих интересов, но и наступательную стратегию, нацеленную на усиление информационного доминирования Вашингтона и его союзников в мире. Но информационное доминирование все же имеет ценностную коннотацию в виде последовательной апелляции к демократическому устройству. В этом случае напрашивается аналогия. Демократический режим со времен Античности отбрасывал малозаметную тень империи. Достаточно вспомнить, что

---

¹⁰³¹ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис. 2004. С. 155-160.

¹⁰³² Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М.: Изд. дом. ВШЭ. 2014. С. 39-40.

демократический полис Афин трансформировал Делосский союз под свои геополитические задачи, а современный Вашингтон сохранил НАТО.

Интернет становится новой сетевой ойкуменой, которую пытаются колонизировать политические режимы, чтобы упрочить свой цифровой суверенитет и легитимность. Информационное доминирование становится средством для политического и культурного империализма. Схожие процессы эллинизации и романизации уже наблюдались в эпоху Античности. Есть несколько мнений по этому поводу. С одной стороны, такой феномен некоторые авторы считают закономерным историческим процессом, когда сильная культура вытесняет слабую¹⁰³³. Однако оппоненты справедливо критикуют такую позицию за элементарный социал-дарвинизм¹⁰³⁴. Также в рамках концепта «двойной массы» Э. Канетти (легитимации посредством постоянного создания образа врага) существуют риски приспособления стортеллингвыми техниками дискурса защиты демократии и борьбы с терроризмом¹⁰³⁵ под легитимацию новой цифровой империи, доминирующей в Сети.

Служащий в том числе и задачам цивилизационной, культурной экспансии информационный империализм формирует особую цифровую геополитическую систему из трех групп политических режимов: цифровой империи (группы информационного гегемона), зависимых цифровых колоний и сетевых полисов антагонистов (информационных соперников).

Во-первых, существует *цифровая империя* как информационный гегемон, усиливающая легитимность режима и укрепляющая суверенитет сетевого полиса-метрополии (США, где базируется большинство крупных IT-корпораций) не только через внутреннюю легитимацию, но и посредством внешней легитимации – созданной плеяды союзных сетевых полисов

---

¹⁰³³ Rothkopf D. In Praise of Cultural Imperialism? //Foreign Policy. 1996. №107. P. 38-53.

¹⁰³⁴ Weckert J. What is New or Unique about Internet Activities? //Internet Ethics. Ed. by D. Langford. L.: Macmillan Press, 2000. P. 47-64.

¹⁰³⁵ Бельтант Ж. История и легитимация: Соединенные Штаты Америки в «войне против терроризма» //Логос. 2015. Т.25. №3(105). С. 224-240.

(либерально-демократических режимов, входящих в программу Five Eyes – Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия¹⁰³⁶), а также с помощью других государств. Цифровая империя – это закономерный результат развития социотехнической реальности, который можно поделить на этапы: а) распространение социальных сетей и аватаризация – массовое появление у граждан персональных цифровых микрокапсул – аватаров как части глобализации; б) прохождение глобализацией пика своего развития, интерфейсизация – тенденция к формированию национальных сегментов Интернета, когда цифровые аватары стали поглощаться мезокапсулами – сетевыми полисами политических режимов (через навязываемый политический интерфейс), чему способствовало введение законодательства, регулирующего интернет-коммуникации в странах, информационные войны между сетевыми полисами за политическую повестку, а также пандемия COVID-19; в) наиболее усилившиеся сетевые полисы стали трансформироваться в метрополии цифровых империй, приобретая влияние в цифровых колониях, сохраняя союзные сетевые полисы и ведя информационные войны с сетевыми полисами антагонистами.

Союзники и колонии согласовывают свою информационную политику с метрополией цифровой империи для осуществления совместной стратегической пропаганды, нацеленной на внешнюю и внутреннюю делегитимацию конкурентов. Такой вид пропаганды Г. Лассуэлл называл «международной», помогающей управлять массовой коммуникацией в борьбе за власть. Ж. Эллюль подчеркивал, что задачей данной пропаганды является не изменение неких идей (что довольно проблематично в либеральных демократиях в открытом виде¹⁰³⁷), а «присоединение индивида к действию». Теперь стратегическая пропаганда стала служить

---

¹⁰³⁶ Nyst C., Crowe A. Unmasking the Five Eyes' global surveillance practices //Global Information Society Watch 2014: Communications surveillance in the digital age. Ed. by A. Finlay. August 18, 2014. P.51-57.

¹⁰³⁷ Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. N.Y.: Vintage. 1973. P. 221-239.

формированию/блокированию социальных аттракторов¹⁰³⁸ – возможностей политических режимов переходить на качественно новый уровень развития в условиях цифровизации. В основе цифровой империи лежит навязываемое цифровое неравенство между разными политическими режимами, что хорошо соотносится с моделью И. Валлерстайна¹⁰³⁹. Фактически, либерально-демократические режимы становятся «центром» этой специфической империи, поддерживаемые IT-корпорациями. О схожем типе медиаимперии писали Г. Шиллер, Э. Херман, Н. Хомский. О. Бойд-Барретт связывает возникновение такой формы империализма с активностью медиаконгломератов, проникающих в медийные системы более слабых стран¹⁰⁴⁰. Но лучше всего появление такой цифровой империи объясняет модель канадского исследователя Г. Инниса, который связывал продолжительность существования империи со стабильностью культур, ценностей и балансом носителей коммуникации¹⁰⁴¹. Иннис поставил три вопроса о коммуникационных технологиях: как функционируют конкретные их виды? какие идеи они берут из социума и приносят в него? какие формы власти они поощряют? Стабилизация общества, по Иннису, связана с контролем пространства и времени через коммуникации.

Таким образом, долговечность современных империй зависит от эффективных цифровых технологий распространения их власти во времени и пространстве, от которых начинают зависеть граждане других политических режимов (например, Facebook, Google). Но стабилизации империи может угрожать создание альтернативных коммуникационных каналов другими режимами. Иннис предупреждал, что одержимость США силой, «пространством», пространственными коммуникациями для строительства

---

¹⁰³⁸ Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М.: Изд. ИКАР. 2018. С. 24-25.

¹⁰³⁹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. /Пер. с англ. Г.Мм. Дерлугьяна. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД. 2020. С. 170.

¹⁰⁴⁰ Бойд-Барретт О. Медиа-империализм. /Пер. с англ. Х.: Гуманитарный центр. 2018. С. 29.

¹⁰⁴¹ Innis H.A. Empire & Communications. Toronto: Dundurn Press. 2007. P. 10-52.

империи, распространение массмедиа и их медиамонополий¹⁰⁴² в ущерб традициям и знанию приведут к масштабному кризису западной цивилизации и гибели культуры. Выход, по Иннису, находится в восстановлении баланса «пространства» и «времени» в современных коммуникациях, ослаблении медиамонополий, уходе от стереотипов, возрождении устной традиции, освобождении университетов от политического и коммерческого влияния. Сочетание мир-системного и цивилизационного подхода¹⁰⁴³ дает лучшее понимание всех рисков противоречия «центра» и «периферии» цифрового мира.

Объяснить возникновения такого информационного гегемона, имеющего собственные интересы и претендующего на сетевое вмешательство в суверенные дела других политических режимов, можно через аксиологический подход к политическим коммуникациям, опираясь на работы С. Хантингтона, рассматривающего отдельную цивилизацию Запада с двумя центрами – северо-американским и западноевропейским, связанными сложной сетью формальных и неформальных институтов и влияющими на сообщества, обеспечивающие сохранение их власти¹⁰⁴⁴. Также Хантингтон переосмысливает теорию Дж. Ная, считая, что Запад использует не мягкую силу, а больше гибрид мягкой и жесткой силы при воздействии на иные режимы. В этой системе Хантингтон отводит США роль наиболее могущественной – «стержневой страны». Вокруг стержневой страны в цивилизационной ойкумене Запада, согласно Хантингтону, существуют другие «страны-участницы». Как раз программа информационного доминирования Five Eyes включает американский NSA (Агентство национальной безопасности, АНБ), канадский центр CSEC, австралийский ASD, новозеландский GCSB и британский GCHQ. Группа Five Eyes использует компьютерные программы XKEYSCORE, TEMPORA и другие для анализа

---

¹⁰⁴² Innis H. *Changing Concepts of Time*. Toronto: University of Toronto Press. 1952. P.14-17.

¹⁰⁴³ Шевченко В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики // *Вопросы философии*. 2016. №2. С. 33-44.

¹⁰⁴⁴ Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. /Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ. 2018. С. 72-73, 126.

интересующего контента и нарушения приватной переписки интернет-пользователей.

Интересы элит либерально-демократических (постдемократических) режимов первоначально могут и не совпадать, однако в рамках национальных массмедиа у них выстраивается общий для цифровой империи нарратив демократии и образа врага из ряда автократий¹⁰⁴⁵. Легитимацию нарративного плана можно интерпретировать через модель девиации Г. Беккера¹⁰⁴⁶: то, что противоречит этому либерально-демократическому нарративу (базовым интерпретациям новостей, оценке внешней политики), выставляется как девиантное поведение, несоответствующее демократическим ценностям. Напротив, в автократиях (Саудовская Аравия, Китай, Иран), имеющих идеократическое ядро (идеология, религия), противоречащие легитимирующему нарративу действия оппозиции или других режимов могут объявляться как аморальные.

Во-вторых, группа информационного гегемона стремится контролировать в технологическом и коммуникационном смысле те режимы с уязвимым цифровым суверенитетом, которые можно условно определить, как *цифровые колонии* (латиноамериканские, африканские, азиатские и некоторые другие режимы – электоральные демократии и электоральные автократии). Лучше всего существование такого типа режима объясняют категории «расколотов» и «разорванной страны» по Хантингтону. В случае «расколотов страны» при переходе к односторонней цифровизации суверенитет режима склонен к ослаблению, так как в его развивающихся интернет-коммуникациях дублируются все те же противоречия между несколькими сообществами страны (политическими, этническими, религиозными и др.). При варианте «разорванной страны» односторонняя цифровизация также воспроизводит в интернет-коммуникациях противоречия, но уже в большей мере между элитой

---

¹⁰⁴⁵ Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М.: Изд. ИКАР. 2018. С. 65-66.

¹⁰⁴⁶ Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. /Пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова, под ред. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы. 2018. С. 79-81.

и большинством населения (по Хантингтону основная масса граждан может придерживаться одних ценностей, а элита, например, их отвергать, как в случае Турции и Мексики). Такого рода режимы с целью собственной легитимации идут на ослабление своего цифрового суверенитета за счет внешнеполитического признания со стороны авторитетного в коммуникационной среде режима группы цифровой империи.

Примечательно, что при выходе из группы цифрового гегемона часть западных стран также могут столкнуться с проблемой сочетания «расколотов» и «разорванной страны», подвергнув кризису собственную идентичность (в этом смысле Хантингтон определяет некоторые риски Австралии при ориентации ее элиты на сотрудничество с Китаем). Возникновение цифровых колоний можно объяснить и через тезис Дж. Дин о «парцелляции суверенитета»¹⁰⁴⁷, когда цифровая слабость данной группы режимов с одной стороны, обусловлена фрагментацией государственных функций, а, с другой, эффектом слияния политической и экономической власти, при котором цифровые платформы Google, Amazon, Facebook, Microsoft, Apple и др. начинают проявлять признаки суверенитета и навязывать свои правила государствам наподобие крупных неофеодалов. Правда, эти IT-гиганты также имеют все шансы превратиться в цифровые империи, единственное, что им пока не хватает – политического подкрепления своего цифрового суверенитета, что есть у США и их союзников.

Такая цифровая геополитика имеет много противоречий. С одной стороны, политические режимы, старающиеся сохранить суверенитет от цифровой империи и других активных цифровых полисов, формируют своеобразный «сетевой лимитроф» между информационными противниками в терминологии В.Л. Цымбурского, с другой – они являются объектом стратегической пропаганды со стороны названных акторов, втягиваясь в информационные войны.

---

¹⁰⁴⁷ Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? //Логос. 2019. Т. 29. №6. С. 85-116.

В-третьих, против тех режимов в виде *цифровых соперников (сетевых полисов – антагонистов)*, которые не желают превращаться в цифровые колонии (в основном, это автократии разного типа – Китай, Россия, Иран, КНДР, Венесуэла), группа гегемона либо развязывает полномасштабные информационные войны (стратегическая пропаганда от отдельных сетевых атак на сервера страны до подготовки так называемых «цветных революций»), либо применяет более гибкие приемы информационного доминирования (технологическое эмбарго, программы интеллектуального переманивания специалистов, потенциально важных для сохранения легитимности режима и его цифрового суверенитета). Но модель соперничества с группой режимов цифрового гегемона возможна только в том случае, если режим не проводит односторонней цифровизации, имея достаточные экономические, кадровые и технические ресурсы для этого сопротивления. При этом важно учитывать, что автократии, образуя сетевые полисы антагонисты по отношению к такой цифровой империи, делают ставку на деполитизацию повестки при внутренней легитимации и политизацию повестки при внешней легитимации с поддержанием образа врага из союзников цифрового гегемона – либеральных демократий. Тогда как у последних есть фактор эмпауэрмента, который ограничивает возможности деполитизации внутренней повестки. К другим формам информационного доминирования можно отнести: технологии управления интернетом (контроль над системой доменных имен), информационная блокада, иные типы эмбарго, развитие национального сегмента массмедиа и интернета, проникновение в чужие сегменты массмедиа и интернета, а также мониторинг террористического и радикально-оппозиционного дискурса. Целью информационных операций цифровой империи является усиление нагрузки на эти политические режимы¹⁰⁴⁸, ослабление их внешней и внутренней легитимации. Часть автократий в ответ

---

¹⁰⁴⁸ Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М.: Изд. ИКАР. 2018. С. 52.

стараятся заложить ценностное ядро в политический интерфейс коммуникаций своего сетевого полиса из сообществ, блогов, порталов.

Хорошим примером использования цифровизации, сетевых технологий и коммуникаций для легитимации своего режима является метрополия цифровой империи – Соединенные Штаты, чье правительство внедряет методы массового слежения за гражданами через крупных операторов связи и интернет-услуг. В марте 2017 г. американским интернет-провайдерам были даны права регистрировать действия пользователей и продавать их третьим сторонам, например, властям. Действует программа PRISM, в рамках которой АНБ собирает и анализирует контент от различных американских интернет-компаний¹⁰⁴⁹. После критики со стороны других стран и интернет-пользователей Вашингтон вынужден был отказаться от одностороннего контроля через Министерство торговли над некоммерческой компанией по присвоению номеров и доменных имен ICANN¹⁰⁵⁰. Без доменов невозможна работа сайтов правительственных учреждений, служб, газет, радио, телевидения, университетов, больниц, партий, социальных сетей, форумов, блогов, электронных почт, порталов электронных правительств и других видов сетевой коммуникации. Так, американская компания GoDaddy, занимающаяся регистрацией доменных имен, в 2006 г. заблокировала почти полторы тысяч доменов пользователей в России¹⁰⁵¹. В 2015 г. эта же компания заявила, что прекращает поддерживать доменные имена, зарегистрированные в Крыму. Компания мотивировала это принятым в США в 2014 г. законом, по которому американские фирмы были обязаны были приостановить транзакции торгово-денежного формата в Крыму¹⁰⁵².

---

¹⁰⁴⁹ Braun S., Flaherty A., Gillum J., Apuzzo M. Secret to PRISM Program: Even Bigger Data Seizures //Associated Press. June 15. 2013.

¹⁰⁵⁰ Баринаева Д.С. Национальные домены: символы государственных границ и безграничных возможностей //Вестник МГИМО-Университета. 2010. №5. С. 307-314.

¹⁰⁵¹ GoDaddy заблокировал домены российских пользователей. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/news/line/godaddy_zablokiroval_domenu_rossijskih (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁰⁵² Хохлова Д. Регистратор доменных имен GoDaddy выставит на продажу домены пользователей из Крыма. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/flood/6563-godaddy-block> (дата обращения: 12.06.2019).

Правда, отказ американцев от контроля над ICANN вовсе не означает, что Вашингтон полностью потерял рычаги влияния на интернет-сегменты других политических режимов. К примеру, популярную доменную зону верхнего уровня .com (43,53% по распространенности в мире) в основном обслуживает та же американская компания GoDaddy (31,68% в 2019 г.), поддерживая порядка 47 млн. доменных имен. Компания осуществляет 36,29% регистраций на .org, 27,16% регистраций на .net, 34,12% на .info (для сравнения – в России 32,07% ресурсов зарегистрировано на .com, т.е. режим в определенном смысле уязвим от американских акторов). Всего GoDaddy обслуживает 67 млн. зарегистрированных доменных имен или 19,36% по всему миру, вторая крупная американская компания Tucows Inc. обслуживает 11,286 млн. доменных имен (3,26%), третья компания NameCheap, Inc., расположенная в Калифорнии, обслуживает 11,268 млн. имен (3,25%)¹⁰⁵³. Эти проценты по 2019 г. могут показаться на первый взгляд скромными, но если знать, что неамериканские компании подобного рода обслуживают намного меньшее количество доменных имен и крайне рассредоточены, то становится понятным важность этого канала информационного доминирования США.

Деятельность по формированию цифровой гегемонии Вашингтона нормативно оговаривается в четырех Pillars («столпах») National Cyber Strategy, утвержденной президентом Д. Трампом в 2018 г. В ней, кроме усиления кибербезопасности на земле, в море и космосе, защиты демократических ценностей и борьбы с киберпреступностью («столп» защиты американского народа), есть целые части, посвященные обеспечению лидерских позиций страны в передовых направлениях, созданию кадрового резерва в сегменте сохранения кибербезопасности («столп» обеспечения процветания страны)¹⁰⁵⁴. Третий «столп» стратегии ориентирован на

---

¹⁰⁵³ Domain Name Stat. [Электронный ресурс]. URL: <https://domainnamestat.com/statistics/registrar/others> (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁰⁵⁴ National Cyber Strategy of the United States of America. September 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).

«сохранение мира через метод принуждения», что подразумевает применение так называемых мер реагирования против хакеров и злоумышленного воздействия иностранных информационных компаний. Четвертый «столп» стратегии включает меры по продвижению американского влияния: сотрудничество Вашингтона со странами-единомышленниками, наращивание киберпотенциала. Любопытно, что в стратегии есть терминология в духе «понятия политического» К. Шмитта: like-minded states (страны-единомышленники, 2 упоминания в документе), allies (союзники, 9 упоминаний) и adversaries (страны-враги, 12 упоминаний). За противодействие Вашингтону американцы планируют наказывать (punish, 2 упоминания) страны, а также планировать для них некие последствия (impose consequences, 3 упоминания).

Для сравнения – в российской Доктрине информационной безопасности от 2016 г. нет целеполагания на достижение страной лидерства в киберпространстве, не выделяются противники в качестве государств¹⁰⁵⁵, нет упоминания о странах-единомышленниках, иными словами – наш документ оборонного характера, что не соответствует современному уровню ведения информационных войн. Хотя политическому режиму России стратегически важно поддерживать, как минимум, «сетевой лимитроф» – окружение в виде цифровой мир-системы из неподконтрольных цифровой империи США разнообразных политических режимов с суверенными сетевыми полисами (со своими сайтами новостных агентств с альтернативным отражением международных новостей). И это – не изоляционизм, крайне опасная и навязываемая Соединенными Штатами России парадигма евразийского геостратегического одиночества, «одинокого Израиля»¹⁰⁵⁶, а, скорее, прагматичная модель «Острова Россия» В.Л. Цымбургского¹⁰⁵⁷, согласно

---

¹⁰⁵⁵ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации //Российская газета. 2016. 6 декабря.

¹⁰⁵⁶ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, Алгоритм. 2004. С. 314.

¹⁰⁵⁷ Цымбургский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа. 2011. С. 38-39.

которой главной задачей российского режима является поддержание спокойствия в соседних странах, предотвращение «цветных революций» и дифференцированная подборка союзников на каждый геополитический интерес.

Особое внимание в американской стратегии уделяется «открытому интернету». По сути, так называемый «открытый интернет» стал средой для доминирования американских интернет-корпораций, а, значит, интересов США. Термин *interests* (интересы) в стратегии встречается 14 раз. Согласно аналитическому докладу И. Ашманова, президенту компании Крибрум, подразделения ЦРУ разрабатывают троянские вирусы, взламывают программное обеспечение, сети, смартфоны линейки Android, iOS, «умные телевизоры» Samsung, компьютеры с Windows. Ашманов обращает внимание на то, что Вашингтон способен управлять маршрутизацией, сертификацией и именами в сетевых коммуникациях, процессом шифрования самой коммуникации¹⁰⁵⁸. По его оценке, половина интернет-ресурсов, аккаунтов и контента Рунета – в зависимости от американских компаний. Специальное подразделение UMBRAGE имитирует сетевую активность и кибератаки со стороны иных стран¹⁰⁵⁹.

Не только Вашингтон, но и остальные режимы группы цифровой империи также пытаются контролировать стратегические сетевые коммуникации, создавая основу своих сетевых полисов – политический интерфейс. С момента принятия Закона о полномочиях следственных органов в 2016 г. в Соединенном Королевстве интернет-провайдеры и телекоммуникационные фирмы должны регистрировать историю просмотров, время подключения и текстовые сообщения. Эти данные хранятся два года, доступны британским властям и их партнерам без каких-либо гарантий сохранения приватности. После возмущения общественности власти

---

¹⁰⁵⁸ Ашманов И. Безопасный Рунет – о чем речь? [Электронный ресурс]. URL: <http://files.runet-id.com/2019/mdbi/presentations/5.feb-mdbi19--ashmanov.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁰⁵⁹ Хакеры ЦРУ маскируются под русских. [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/167786/> (дата обращения: 12.06.2019).

вынуждены были пойти на уступки и с 2018 г. обосновали вмешательство в пользовательские данные только при совершении серьезных преступлений¹⁰⁶⁰, однако полностью отменить порядок анализа данных британских подданных не удалось. На примере контроля американцами доменных имен и мониторинга британцами сетевого контента виден известный эффект храповика – единожды проникнув в коммуникационную сферу, эти два политических режима не собираются терять свои позиции под всякими предложениями. В апреле 2017 г. в Австралии официально вступил в силу закон о поправках в области телекоммуникаций, по которому мобильных операторов и интернет-провайдеров власти обязали записывать, хранить метаданные пользователей в течение двух лет¹⁰⁶¹. Это возможно, когда пользователь подключается к сети посредством запросов DNS. После анализа данных были заблокированы сотни сайтов. В итоге австралийцы стали искать возможности зашифрованного подключения через VPN.

Сохранится ли одна группа режимов информационного гегемона (цифровой империи)? О цивилизационных перспективах возникновения альтернативного центра геополитического притяжения намекал еще Хантингтон, предлагая в качестве такого режима Китай, как способного бросить вызов Западу¹⁰⁶². Пока же Пекин больше подходит под хантингтоновскую категорию «страны-одиночки». Сможет ли его режим сделать что-то подобное западной группе информационного гегемона, покажет время, но определенные предпосылки для этого есть. В настоящее время Китайская Народная Республика серьезно обеспокоена сохранением прочной легитимности сложившегося политического режима. При этом китайские власти решили уйти от стратегии тотальной цензуры и фильтрации

---

¹⁰⁶⁰ The Data Retention and Acquisition Regulations 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2018/1123/made/data.htm> (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁰⁶¹ Taylor S. VPN for Australia: Top 5 for Security and Speed in 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://restoreprivacy.com/australia-vpn/> (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁰⁶² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. /Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ. 2018. С. 126.

данных к созданию собственной виртуальной реальности из подконтрольных сайтов, социальных сетей и веб-приложений.

Система социального кредита Китая во многом старается преодолеть зависимость коммуникационных систем от западных IT-корпораций путем «концентрации цифровой власти» (термин П. Немитца¹⁰⁶³) – управлением важнейшими функциями общества посредством технологий интернета вещей и искусственного интеллекта. Но сам принцип рейтингования – не китайский, а западный. Национализация цифровых платформ-агрегаторов, технологий искусственного интеллекта и социальных сетей – это не просто манипуляция, а вопрос выживания суверенной власти¹⁰⁶⁴.

Профессор политики Пекинского университета Ю. Кепинг отмечает эволюцию западной демократии в сторону делиберативной формы с большей вовлеченностью граждан в обсуждение государственных решений, но он настороженно относится к коммуникационному изобилию западного типа, усматривая в нем риски политической нестабильности, управленческой системы в виде манипуляции массовым сознанием¹⁰⁶⁵. Австралийский политолог Дж. Кин полагает, что современный Пекин уже не требует от населения тотального подчинения, как это было в эпоху Мао. Отныне местные власти используют более современные методы управления массовым сознанием. Кин классифицирует политический режим в этой стране как некий «лабиринт» – гибкий, динамичный, использующий сетевые приемы. Конечно, партийное руководство заинтересовано в контроле средств массовой информации через практику «нейкан», предполагающую процедуры внутренних докладов о готовящихся важных новостях небольшой группе

---

¹⁰⁶³ Nemitz P. Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence //Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 2018. Vol. 376. № 2133. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/pdf/10.1098/rsta.2018.0089> (дата обращения: 24.10.2020).

¹⁰⁶⁴ Жуков Д.С. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае //Журнал политических исследований. 2020. Т.4. №2. С. 70-79. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38592/view> (дата обращения: 29.03.2021).

¹⁰⁶⁵ Yu K. Democracy Is a Good Thing: Essays on Politics, Society, and Culture in Contemporary China. Washington: The Brookings Institution Press. 2009. P.3-5.

чиновников. Однако процессы цифровизации и возникающие из-за этого новые коммерческие сегменты приводят к тому, что массмедиа ориентированы на создание сенсационного контента в виде «тофу-статей», фигурантами которых становятся китайские коррумпированные чиновники. Фактически властями осуществляется купирование внутренней делегитимации – контролируемый процесс вброса критической информации (yulun jiandu) о каких-либо проблемах страны¹⁰⁶⁶. С другой стороны, власти следят за процессами, формирующими внешнюю легитимацию китайского режима, стараясь продвинуть лояльные кадры в китаеязычные массмедиа в других странах, а также США, а также пытаюсь скупить различные иностранные массмедиа либо предлагать им готовый и бесплатный контент¹⁰⁶⁷, дающий благоприятную оценку о происходящих событиях, связанных с КНР.

Политический режим Китая усматривает угрозу своему цифровому суверенитету от односторонней цифровизации, тесно связанной с сетевыми коммуникациями и компьютерными технологиями, находящимися в руках американских компаний, сотрудничающих с Вашингтоном. Следовательно, Пекин стремится контролировать процесс цифровизации, внедряя в управление и социально-экономическую жизнь разработки собственных компаний. Примечательно, что значительный объем оборудования создается в КНР. Китайский режим поступает также, как и другие, – вводя условия привилегий и доступной арендной платы для тех компаний, которые могут помочь ему обрести информационное доминирование¹⁰⁶⁸ и суверенный от западной цифровой империи сетевой полис со своими сообществами и видеохостингами. Пекин ограничил доступ западных корпораций к своему рынку информационных технологий, параллельно предусмотрев

---

¹⁰⁶⁶ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ. 2015. С. 253-254.

¹⁰⁶⁷ Mei D. How China's Government Is Attempting to Control Chinese Media in America //China Brief. 2001. Vol. 1. №10. November.

¹⁰⁶⁸ Levi M., Weingast B. Douglass North's Theory of Politics //PS: Political Science & Politics. 2019. Vol. 52. Iss. 2. P. 213-217. DOI:10.1017/S1049096518002111.

государственные субсидии и прямое финансирование для повышения конкурентоспособности своих фирм как с точки зрения технологических преимуществ, так и получения доступных цен разной продукции.

Закон о национальной разведке Китая от 2016 года требует, чтобы все национальные компании поддерживали деятельность государственной разведки и оказывали ей помощь¹⁰⁶⁹. Китайский подход к информационному доминированию опирается на четкое понимание политики национальной безопасности, отличающееся от законодательства США и Австралии. Согласно ст. 11 закона о госбезопасности от 2015 г., в КНР «каждый несет ответственность» за обеспечение государственной безопасности – граждане, партии, милиция, армия, предприятия, общественные организации и государственные учреждения¹⁰⁷⁰. По ст. 23, китайское государство «...наследует и продвигает прекрасную традиционную культуру китайской нации, поощряет и практикует основные ценности социализма, предотвращает и противостоит влиянию плохой культуры...». Здесь не приписаны западные режимы в качестве конкурентов и врагов, однако их существование подразумевается в фразе о рисках «плохой культуры».

Известны случаи, когда в микропроцессорах компьютеров возникали дополнительные блоки, транзисторы, не предусмотренные документацией конструкторского плана и нацеленные на считывание пользовательской информации. В 2019 г. Вашингтон, осознав угрозу своему информационному доминированию и риски существования недокументированных потенциалов – особых закладок в иностранных компьютерных программах, ввел санкции против китайской компании Huawei. Данная фирма имеет собственную линейку 5G-оборудования и стала конкурентом американской компании Cisco¹⁰⁷¹. Американская корпорация Google заблокировала доступ этой

---

¹⁰⁶⁹ Hoffman S., Kania E. Huawei and the ambiguity of China's intelligence and counter-espionage laws //The Strategist. 13 September 2018.

¹⁰⁷⁰ 中华人民共和国国家安全法. [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2015-07/07/content_1941161.htm (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁰⁷¹ Комиссаров Д. Война Трампа с Huawei проверит обороноспособность России //Взгляд. 2019. 25 мая.

китайской компании к устройствам Android. Сингапурская фирма Broadcom и американские компании Intel, Xilinx и Qualcomm сразу прекратили сотрудничество с Huawei. В связи с этим примечательно, что Соединенные Штаты в своей новой киберстратегии прописали конкретных соперников американского информационного доминирования – Китай, Россию, Иран и КНДР¹⁰⁷² (каждая страна – по 2 упоминания).

Сотрудничество Вашингтона и американских компаний с целью профилактики информационной гегемонии и сетевой экспансии Китая – не ново. К примеру, американские власти заступались за Google в 2010 г., когда поисковая система не выполнила требование Пекина фильтровать запросы китайцев. По этой причине КНР старается защитить легитимность своего режима и его коммунистические ценности, создавая спецподразделения – «Голубую киберармию», способную заниматься сетевым шпионажем и вести информационные войны. Г. Ибрагимова считает, что за массовым отключением электроэнергии в Соединенных Штатах в 2003 г. стояли китайские власти, испытывавшие с помощью хакеров (хункэ – красных гостей) информационное оружие. Китайские хакеры, по ее мнению, взламывали и сайты властей Индонезии¹⁰⁷³. Помимо этих приемов, Пекин старается создать альтернативную систему доменных имен, чтобы не зависеть от США, запускает плеяду новостных порталов, где оперативно комментируются важнейшие внешнеполитические и внутривнутриполитические новости, критикуется и детально разоблачается антикитайская информация западных новостных порталов (CCTV, Sina.com, China.com). Также после сделки Propeller TV из британского превратился в англо-китайский проект, который, в том числе, занимается просветительской деятельностью о жизни Поднебесной, а также старается вести пропаганду китайской культуры.

---

¹⁰⁷² National Cyber Strategy of the United States of America. September 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁰⁷³ Ибрагимова Г. Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности //Индекс безопасности. 2012. Т. 19. №1 (104). С. 169-184.

Как происходит формирование суверенного сетевого полиса Китая? С одной стороны, китайские власти практикуют создание лояльных к Пекину блогов в западных социальных сетях (Twitter, Facebook, LiveJournal), с другой – инициировали «сетевое импортозамещение» – запуск собственных китайских сетевых коммуникаций (чат WeChat, сервис микроблогов Sina Weibo, форум Baidu Tieba, профессиональная соцсеть Zhihu, соцсеть для хобби Douban, развлекательный форум Tianya, женский форум Jinjiang, спортивный форум Нирц, военный форум Ironblood, сеть научно-популярных блогов Guokr Media, нацеленная на опровержение фейков и лженаучных данных, развлекательно-игровая сеть Kaixin). Риски десуверенизации в условиях цифровизации усиливают факторы деиндустриализации, отсутствия элементов нового цифрового суверенитета: национального программного обеспечения, компьютерного оборудования и наличия системы подготовки и трудоустройства своих ИТ-специалистов высокого профиля. Поэтому китайский режим практикует не западный, а свой практический вариант интегральной модернизации, сочетающей первичную индустриализацию и вторичную модернизацию (переход к цифровому обществу)¹⁰⁷⁴. Большое значение для такой режимной легитимации играет и существование проекта будущего.

Исламская Республика Иран также фигурирует в качестве противника США в их национальной киберстратегии. Еще в 2010 г. компьютерный вирус Stuxnet остановил работу около тысячи центрифуг на иранском заводе, где проводилось обогащение урана (г. Натанз) и создал риски для реактора АЭС (г. Бушер). Специалисты из Лаборатории Касперского уверены, что это была совместная информационная операция американских и израильских спецслужб¹⁰⁷⁵. Позже были и другие вирусные атаки. Как правило,

---

¹⁰⁷⁴ Федотова В.Г. Модернизация Китая и ее уроки для России //Философские науки. 2015. № 1. С. 99-115.

¹⁰⁷⁵ Валиахметова Г.Н. Обеспечение национальной кибербезопасности в условиях виртуальных войн XXI в.: опыт Исламской Республики Иран //Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2016. № 2(152). С. 87-97.

американские спецслужбы практикуют три вида информационных операций по отношению к своим противникам: 1. разрушительные вирусные атаки; 2. диверсии и 3. внедрение шпионских программ. Стало ясно, что одного Корпуса Стражей Исламской Революции для сохранения легитимности режима уже недостаточно. В ответ на эти вызовы власти Ирана в 2010 г. создали Командование киберобороны, в 2011 г. – FATA (киберполицию), мониторящую активность пользователей в западных сетях Twitter, Facebook, охраняющей правительственные сайты, препятствующей деятельности антииранских веб-ресурсов и аккаунтов.

Иранский режим пошел по пути, схожим с китайским, инициировав создание проправительственных хакерских групп (Кибер-армия Ирана, Iran Black Hats, Chafer и др.), которые стали взламывать американские антивирусные программы и даже захватывать их беспилотники. В 2012 г. иранские хакеры атаковали компьютеры нефтегазовых компаний союзников Вашингтона – Катара и Саудовской Аравии, провели DDoS-нападения на американские банки (Bank of America, J.P. Morgan Chase и др.). Режим взял под свой контроль пакет акций фирм, предоставляющих услуги по доступу в интернет. Была проведена реформа по переходу иранских интернет-ресурсов на национальные хостинги.

Но самое важное, что Иран старается, как и Китай, создать суверенный сетевой полис с собственным политическим интерфейсом, защищающим иранские традиционные ценности и преодолевающим монополию западного интернета и цифровой империи – National Information Network со своими порталами электронного правительства, госуслуг, публичными ресурсами для частных и бизнес-пользователей. Иранской IT-фирмой SDP Co путем госфинансирования был разработан свой поисковый сервис Yooz.ir, с другой стороны, запущен поисковый ресурс Parsijoo.ir, с 2011 г. работает аналог YouTube – национальный видеохостинг Aparat. Внедрялись свои же мессенджеры (TD Messenger, Mobogram), которые скачивались даже через Apple Store, Google Play и GitHub. Аятолла Хаменеи отказавшись от Telegram,

призвал иранцев регистрироваться в национальном мессенджере Soroush, где запрещена террористическая и антирелигиозная пропаганда¹⁰⁷⁶. Появились иранские соцсети с сообществами – Facenama, Cloob Facekoob, iGap. Для минимизации зависимости от американского оборудования разработаны собственные операционные системы для компьютеров (Zamin, Sharif Linux). Но желание властей изучать цифровые следы граждан – не только стратегия автократий, австралийский ученый С. Маккуайр пишет¹⁰⁷⁷, что и в современных демократиях корпорации и власти все больше ориентированы на контроль передвижения граждан из-за роста мобильности. Даже публичная коммуникация граждан развивается в рамках социотехнической реальности, завися от автоматизированных систем.

Проводя итоги параграфу через принципы SWOT-анализа, важно отметить, что к сильным сторонам информационной гегемонии Соединенных Штатов можно отнести хорошую нормативную проработку ведения информационного противостояния с неудобными режимами, сложившуюся систему цифровой империи, позволяющую контролировать большое информационное пространство, в качестве слабых сторон логично назвать периодические утечки о фильтрации данных граждан различных стран Вашингтоном, что негативно влияет на имидж страны, создавая недоверие между ее союзниками, к угрозам можно отнести потенциальный рост информационного доминирования Китая, при условии создания им альтернативной системы цифровой империи; среди возможностей можно перечислить использование американскими властями новейших типов коммуникаций («облачных систем», ИИ, 5G, Wi-Fi и др.) для сбора данных граждан и контроля массового сознания.

К сильным сторонам информационной гегемонии КНР следует отнести существование развитого государственного аппарата по обеспечению

---

¹⁰⁷⁶ Хетагуров А. Кибермощь Ирана. URL: <https://russiancouncil.ru/cyberiran> (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁰⁷⁷ Маккуайр С. Геомедиа: сетевые города и будущее общественного пространства. /Пер. с англ. М.: Strelka Press. 2018. С. 43-68, 159-160.

кибербезопасности (ведущая роль – Военный совет при ЦК КПК, Военный совет при Государственном совете страны, Министерство государственной безопасности, Министерство индустрии и информационных технологий, 3-й Департамент, занимающийся разведывательной деятельностью в сетях и др.)¹⁰⁷⁸, создание национального программного обеспечения, к слабым сторонам: сохранение зависимости от системы доменных имен, обслуживаемых американскими компаниями, отсутствие системы сетевых союзников наподобие американской Five Eyes; к угрозам: обход политическими радикалами системы фильтрации данных «Золотой щит», применение ими принципов беспроводных ячеистых сетей для организации массовых беспорядков и раскрутки «цветных революций», к возможностям: усиление кибератак на противников, рост популярности социальных сетей китайского сетевого полиса (WeChat, Sina Weibo, Baidu Tieba и др.) в мире и использование их для сбора данных пользователей, продвижения интересов Пекина, популяризации китайской культуры.

Иранский режим, в отличие от китайского, не стремится к агрессивной экспансии в мировое киберпространство, однако власти страны строго следят за нарушением национального цифрового суверенитета. Сильными сторонами информационного доминирования иранских властей в собственной стране является работа развитой системы по обеспечению информационной безопасности – Высший совет по вопросам киберпространства (создан по указанию аятоллы Хаменеи), Министерство телекоммуникации, (киберполиция), а также существование сильных провластных хакерских групп. К слабым сторонам можно отнести отсутствие постоянных союзников в информационном плане. Иран в этом отношении – страна одиночка, как и Китай, однако второй обладает несравнимо большими материальными и людскими ресурсами. К рискам логично отнести внутриэлитные противоречия в Иране, которые проявились во время президентских выборов 2017 г., когда

---

¹⁰⁷⁸ Разумов Е.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности //Россия и АТР. 2017. № 4. С. 156 – 170.

агитации за кандидата в президенты Х. Рухани власти пытались чинить препятствия. Такого рода противоречиями могут воспользоваться американские спецслужбы, уже пытавшиеся раскрутить «цветную революцию» через социальные сети в 2009 и 2019 гг. в этой нефтеносной стране. Важнейшим потенциалом выступает создание системы национального хостинга, а также альтернативной системы доменных имен, социальных сетей и мессенджеров.

И Китай, и Иран стараются создать свои суверенные от цифровой империи сетевые полисы с разнообразными аренами коммуникации, внедряя правила для пользователей – политический интерфейс. Есть такие тренды и у политических режимов России и других стран. Если учитывать исследования, согласно которым российская цивилизация формировалась через циклы катастроф¹⁰⁷⁹, то ужесточение санкций, активизация информационный войн против политического режима России может спровоцировать его к функциональному кризису, агонистическому конфликту в обществе, когда власть, стремясь достичь нового согласия в обществе¹⁰⁸⁰, перейдет, с одной стороны, к конструированию более автономного сетевого полиса с независимыми от западных режимов и корпораций сетевыми коммуникациями и, с другой стороны, к актуализации своей цивилизационной основы. Давление западных санкций закрепляет ситуацию перманентной экстремальности бытия российского политического режима, сохраняет паттерн социума власти, воспроизводит из Запада цивилизационный образ Другого¹⁰⁸¹. Параллельно в академической среде дискурс суверенитета смещается в сторону анализа суверенности, учитывающего техники символической репрезентации, демократической правительственности и политической мобилизации. Иногда исследователи в качестве рецепта

---

¹⁰⁷⁹ Кара-Мурза А.А. Российский путь цивилизационного развития: «преемственность через катастрофы» (памяти В.М. Межуева) //Полилог. 2020. Т. 4. № 3. С. 1. DOI 10.18254/S258770110012818-1. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110012818-1-1/> (дата обращения: 12.03.2021).

¹⁰⁸⁰ Кравченко И.И. Бытие политики. М.: ИФ РАН. 2001. С. 52-53.

¹⁰⁸¹ Павловский Г. Ироническая империя. Риск, шанс и догмы системы РФ. М.: Европа. 2019. С. 192, 255, 268.

выживания российскому политическому режиму предлагают принять модель «постсовременной империи» – специфической «империи без колониальной политики», парадоксальным образом сочетающуюся с элементами социализма, либерализма и приобретающей цивилизационные черты¹⁰⁸².

Важными слагаемыми цифрового суверенитета становится наличие у политического режима не просто своего сетевого полиса с коммуникационными аренами, но и собственного политического интерфейса, способного алгоритмически запретить, разрешить те или иные действия для цифровых аватаров. Также составными частями цифрового суверенитета является наличие электронного щита (национальных киберподразделений, компьютерного оборудования и софта). Скорее всего, суверенитет цифровой эпохи должен учитывать, как технологическую независимость, так и ценностно-цивилизационную основу политического режима.

5.2. Политические интриги в сетевых коммуникациях: мониторинг фейков и борьба с информационными манипуляциями

Наибольшую угрозу легитимации политического режима несет дискредитирующая деятельность различных конкурирующих либо враждебно настроенных к нему политических субъектов – политических лидеров, элитных групп, других режимов, партий, движений, организаций, нацеленных воспользоваться экономическими, политическими и другими неудачами власти для своей выгоды. В условиях цифровизации общества представителям политического режима, его правоохранительным органам, спецслужбам, а также проправительственным группам и активистам на деле не так легко заниматься каждодневной деконструкцией политических мифов, стереотипов, информационных вбросов, фейков. Особенно сложно их анализировать в формате постоянно растущих потоков информации от интернет-пользователей, организаций, их сетевых сообществ.

---

¹⁰⁸² Мюрберг И.И., Угрин И.М. «Постсовременная империя» в российской перспективе: политико-философское эссе //Философские науки. 2017. № 8. С. 33-47.

Таким образом, институциональный и технологический уровни легитимации будут наиболее значимыми для направления борьбы с дезинформацией. Наиболее перспективным в этом вопросе решением будет создание сети из аналитических центров и уже существующих государственных органов, которая бы доверительно и активно взаимодействовала с интернет-пользователями с конкретными задачами: а) выявлением ложного, опасного для легитимности, имиджа и безопасности власти информационного контента; б) определением заказчиков данного политического контента; в) профилактикой такого рода манипуляций и просветительской и разъяснительной работой с населением. На практике недостоверная информация и всевозможные спецоперации по введению граждан в заблуждение имеют своей причиной определенные политические интриги.

Комментатор Макиавелли В.В. Разуваев в своей монографии под политической интригой понимает действие, ориентированное на получение политического результата с участием ряда лиц, их групп и предполагающее приемы на грани либо за гранью этики – хитрости, заговоры, обман, риск, предательство и нарушение договоренностей¹⁰⁸³. Считая это явление предметной областью микрополитологических исследований, Разуваев к признакам политической интриги перечисляет: а) связанность с политической, государственной сферой; б) изначальная скрытность ряда операций все равно предается широкой огласке; в) влияние на изменение государственной политики; г) использование разнообразных манипуляций; д) опора на хитрости (минимум двухходовка при простой интриге, многоходовка – при сложной)¹⁰⁸⁴. Политическая интрига – это несиловая многоходовка из действий, нацеленных на решение задач определенного политического субъекта. Все политические интриганы стремятся сделать первый шаг для

---

¹⁰⁸³ Разуваев В.В. *Анатомия политической интриги*. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2019. С. 38.

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 33-36.

провоцирования предсказуемой реакции со стороны конкурента, чтобы при следующем ходе этим воспользоваться.

Никколо Макиавелли для предотвращения опасных последствий от подобных действий советовал политикам заручаться доверием среди народа и следить за настроениями как элиты, так и широких масс. Хотя флорентиец и допускал политические интриги как таковые, все же он предлагал воздержаться от их организации со стороны самой власти, чтобы не допустить раскола общества и дискредитации своего образа¹⁰⁸⁵. Разуваев классифицирует политические интриги на сложные и простые, групповые и одиночные, одинарные и встречные, внешнеполитические и внутривнутриполитические, подготовленные и спонтанные и др. И несмотря на то, что некоторые операции политической интриги позже станут разоблачены, в отличие от заговора для организации интриги совсем не нужна группа сторонников того же переворота. Для запуска политической интриги достаточно лишь несколько человек (хакеров, блогеров) и короткий отрезок времени (быстрый вброс ложной информации), что актуализирует задачу мониторинга такого ее цифрового маркера как фейки – важного компонента современных информационных войн и режимной делегитимации.

Как правило, фейк – это целенаправленное создание и использование специально сфабрикованной, выдуманной информации, новостей для конкретных целей политического, коммерческого или иного интересанта, актора. Несмотря на цифровизацию, архаичный принцип распространения фейка в виде непроверенных слухов, вводящих противника в заблуждение¹⁰⁸⁶, сохранился до сих пор. Целью фейковых информационных операций может быть умышленная дискредитация имиджа политического лидера, репутации целой страны, ее внешней и внутренней политики, раскол элиты. Такие процедуры могут быть и составляющими политических интриг, нацеленных

---

¹⁰⁸⁵ Макиавелли Н. Избранные сочинения. Пер. с ит., вступ. ст. К. Долгова. М.: Худож. лит. 1982. С. 355; 362-363.

¹⁰⁸⁶ Лев VI Мудрый. Тактика Льва. СПб.: Алетейя. /Изд. подг. В.В. Кучма. 2012. С. 244-245.

на делегитимацию режима. По оценке Ю.М. Ершова, фейк – это коммуникационная стратегия по борьбе с идеологией и дискредитацией государства либо бизнеса¹⁰⁸⁷. С.Н. Ильченко отмечает, что как термин фейк появился не в связи с развитием таблоидно-бульварного сегмента медийного дискурса, а из-за вполне политических причин. Ильченко подчеркивает, что фейки и «фейковая журналистика» стали актуальными в медиадеятельности на фоне современных информационных войн, в которых принимают участие несколько субъектов международных отношений – США, Россия, страны Евросоюза и Украина¹⁰⁸⁸.

Фейк, фейковые новости и даже «фейковые войны» стали более распространенным явлением благодаря условиям клипового сознания, цифровых ритуалов, аватаризации, смещения рациональной повестки в сторону ее «гламуризации», «карнавализации» (зацикленности интернет-пользователей на презентации в соцсетях контента свободного времяпровождения, независимого от рабочего времени). Весь этот фон генезиса фейков можно свести к еще одному явлению цифровизации – постправде. Post-truth (постправда), как считает, С.В. Чугров, это не ложь, а удобная и выгодная для политических интересантов правда, формируемая в виртуальной среде социальных сетей и схожая с пастишем – подделкой юмористического характера, отсылающей не к рефлексии, а рефлексам¹⁰⁸⁹. Информационное перенасыщение, к которому с подозрением относятся автократические режимы, уже давно захватили демократии, где сторонники истины стараются действовать по существующим политическим правилам, тогда как приверженцы «постистины» стремятся эти правила изменить¹⁰⁹⁰. Постправда, как квазиреальная информационная среда, благоприятствует

---

¹⁰⁸⁷ Ершов Ю.М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик //Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. №52. С. 246-256.

¹⁰⁸⁸ Ильченко С.Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде //Гуманитарный вектор. 2015. № 3 (43). С. 98-101.

¹⁰⁸⁹ Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? //Полис. Политические исследования. 2017. №2. С. 42-59.

¹⁰⁹⁰ Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ. 2021. С. 103.

«вирусному» распространению псевдоновостей, а самое главное – их источников в виде искаженных реальных образов. Но самая большая опасность фейков для легитимности политического режима состоит в том, что они способны создать и обострить бинарную архетипическую оппозицию «свой – чужой», «друг – враг», когда власть станет ассоциироваться гражданами как чужой и даже враждебный институт.

Происходящая редукция общепринятых смыслов через стандартизацию политического дискурса, по Чугрову, приводит к рождению суррогатов политических новостей – фейкам. Эволюция сложной мозаики требований протестующих движения «желтых жилетов» (от желания снижения цены на топливо до отставки французского президента), прокатившегося с ноября 2018 г. по Франции и другим странам, даже привела к появлению гипотезы, согласно которой данные гражданские протесты являлись прямым следствием смены алгоритма соцсети Facebook, что привело к изменению принципа сортировки новостных лент пользователей на приоритетность пабликов от друзей (френдов), знакомых и участвующих групп. Возник цифровой тренд подмены профсоюзов и партий новыми посредниками – администраторами сетевых групп¹⁰⁹¹. Алгоритмы, действительно, выявляют тренды, направляют трафик, предлагают политический контент, встраиваются в саму модель человеческих отношений (например, в YouTube)¹⁰⁹² и формируют облик новой алгоритмической власти.

Конечно, причиной такой цепной реакции были не только соцсети, а в основном социально-экономические проблемы французов. Но новый алгоритм Facebook поместил активистов «желтых жилетов» в «пузырьковый фильтр», своеобразные цифровые капсулы (С.В. Володенков) или эхо-камеры

---

¹⁰⁹¹ Glad V. Dans le combat final des gilets jaunes, Jupiter va affronter des modérateurs Facebook. URL: https://www.liberation.fr/debats/2018/11/30/dans-le-combat-final-des-gilets-jaunes-jupiter-va-affronter-des-moderateurs-facebook_1695023 (дата обращения: 16.08.2019); Bershidsky L. France Faces a Typical Facebook Revolution. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-12-03/in-the-gilets-jaunes-paris-riots-france-faces-facebook-revolution> (дата обращения: 16.08.2019).

¹⁰⁹² Трэски А. Теория видео. Онлайн-видео: эстетика или деградация видео. /Пер. с англ. Х.: Гум. Центр. 2017. С. 60-61.

(К. Санстейн, Дж. Кин), где они практически ничего не видели, кроме новостей собственного движения. Эффекты «погружения» и «зеркальности контента» усилили состояние постправды и породили разные фейки, в том числе о прямом сетевом вмешательстве России во французскую повестку. Угрозы делегитимации политических режимов из-за фейков постоянно возрастают из-за увеличения самого интернет-трафика, развития социальных сетей и их сообществ. В этих условиях перенасыщения гражданина информацией растет значение упрощенной визуальной информации клипового характера, а способность к критическому осмыслению информации и деконструкции фейков остается за узкой категорией политической элиты и их технических специалистов¹⁰⁹³, что усиливает социальное неравенство.

Главным проводником политической интриги через распространение фейков в настоящее время стали ложные цифровые аватары в виде так называемых социальных ботов – специальных программных алгоритмов, имитирующих поведение живого человека в сетевых коммуникациях и сообществах, но все-таки подконтрольных человеку. Политические боты являются их разновидностью и подчинены целям завоевания и удержания власти, репутации, доверия, политического влияния, организации политических дискуссий¹⁰⁹⁴ для своих заказчиков в условиях сетей и постпрады. Фейкам способствует и креолизация текстов, сетевого дискурса, когда кроме лингвистических единиц в политической коммуникации стали использоваться паралингвистические единицы – мемы, хэштеги, видео, фото, аудио (в подкастах) и т.п.

Существует три подхода к анализу политических ботов. Антропологический подход (Д.С. Мартьянов) больше ориентирован на «человеческий фактор» и сосредоточен на выявлении признаков новой профессии политического бота (организации и приемов «фабрик ботов»),

---

¹⁰⁹³ Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства: монография. М.: Юрайт. 2019. С. 93.

¹⁰⁹⁴ Woolley S.C. Automating power: Social bot interference in global politics //First Monday. 2016. Vol. 21. Iss. 4. URL: <http://firstmonday.org/article/view/6161/5300> (дата обращения: 17.08.2019).

ставя сферу алгоритмов и компьютерных программ на второе место¹⁰⁹⁵. Технологический подход (Н. Маришель, В.В. Василькова, Н.И. Легостаева) сосредоточен на изучении роли программных алгоритмов в формировании политической коммуникации¹⁰⁹⁶. Гибридный подход (Х. Гримм, М. Преусс, Л. Адам, Х. Таутманн), определяющий политическим ботом актора, сочетающего «человеческий фактор» (специфику сетевой работы людей) и подручные для его целей программно-аппаратные технологии, видится наиболее объективным. В десятидневном эксперименте группы немецких ученых из Лейденского университета и Университета Мюнстер было доказано, что так называемые «гибридные боты» способны обходить инструменты обнаружения ботов BotOrNot Университета Индианы. Сначала исследователи создали 30 поддельных твиттер-аккаунтов, снабдили их социальными ботами¹⁰⁹⁷. Каждый бот был индивидуализирован разными интересами и подписками, имел свое поведение, собственный цикл активности день-ночь. Люди только создавали уникальный контент для ботов. За последними же остались рутинные задачи автоматической генерации сети подписчиков, ретвиты, распространение готового контента. Такая модель привела к тому, что люди практически не отличали боты от живых людей.

Пока не очень ясно, к чему приведут в политике феномены самокоммуникации и гибридной субъектности (внедрить термины в политическую науку предложил проф. С.В. Володенков). Когда лаборатория Facebook FAIR в 2017 г. проводила эксперимент по обучению нейросети, разработчики на какое-то время оставили ботов с искусственным интеллектом без контроля, в итоге боты стали коммуницировать между собой, без

---

¹⁰⁹⁵ Мартъянов Д. С. Политические боты как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. №1. С. 74-89.

¹⁰⁹⁶ Marechal N. Automation, algorithms, and politics when bots tweet: Toward a normative framework for bots on social networking sites (feature) // International Journal of Communication. 2016. №10(0). URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/6180> (дата обращения: 17.08.2019); Василькова В.В., Легостаева Н.И. Социальные боты в политической коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. №1. С. 121-133.

¹⁰⁹⁷ Grimme Ch., Preuss M., Adam L., Trautmann H. // Social Bots: Human-Like by Means of Human Control? // Big Data. 2017. Vol. 5. №4. URL: https://www.researchgate.net/publication/317887526_Social_Bots_Human-Like_by_Means_of_Human_Control (дата обращения: 17.08.2019).

человеческого посредничества, отказавшись от английского, выработав собственный язык¹⁰⁹⁸. В том же году Эстрагон и Владимир, боты Google Home с ИИ, несколько часов общались между собой, выясняя, кто из них является настоящим человеком¹⁰⁹⁹. Если первый случай – пример гибридной субъектности с признаками самокоммуникации, то второй – пример практически чистой самокоммуникации. Рост подобных случаев позволяет говорить о трансформации классической политической субъектности, исходящей из принципа субъект-объектных отношений, подчинения субъектом объекта¹¹⁰⁰ в сторону гибридной субъектности, предполагающей гибридный интерфейс «человек – искусственный интеллект». Политический интерфейс этого типа, определяемый И.А. Исаевым как «мегамашина власти», состоит из технических машин, систем, который сам себя воспроизводит и легитимирует. Прежний субъект власти скрывается за цифровыми платформами и технологиями, поддерживающих функционирование общества и государства. Делается ставка на функциональность системы, декларируется ее аполитичность, непредвзятость, объективность. В итоге между техникой и реальным субъектом власти теряется различие¹¹⁰¹.

Но в основе этой гибридной субъектности новой социотехнической реальности лежит все тот же архаичный способ цифрового контроля – через принципы мер, отчетов, показателей, цифр – задолго до цифровизации. Цифра существовала и до интернета, последний только дал новые возможности для автоматизации и рационализации политического контроля над гражданами. Гибридные субъекты из людей и ботов с ИИ создают как возможности (обработка информации, создание контуров обратной связи с гражданами), так и риски (скрытые манипуляции, подмена информации) для государства,

---

¹⁰⁹⁸ Lewis M., Yarats D., Dauphin Y.N., Parikh D., Batra Dh. Deal or No Deal? End-to-End Learning for Negotiation Dialogues //Proceedings of the 2017. Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Copenhagen. 2017. P. 2433-2443.

¹⁰⁹⁹ Два бота Google Home обсудили друг с другом религию, любовь и другие вещи на Twitch. URL: <https://habr.com/ru/post/400629/> (дата обращения: 18.10.2020).

¹¹⁰⁰ Ледаев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН. 2001. С. 267-268, 302.

¹¹⁰¹ Исаев И. А. Технологии власти. Власть технологии: монография. М.: Проспект. 2019. С. 10-11, 21, 58-60, 75.

партий, политических лидеров. Тогда как самокоммуникация интеллектуальных ботов без человека грозит сокрушить всю известную нам политическую реальность.

Политические боты способны вбрасывать и распространять фейки, несущие непосредственную угрозу легитимности политического режима. Г.Г. Почепцов¹¹⁰², отмечая потерю современным человеком способности узнавать фейки по причине наступившей постправды, перечисляет несколько приемов ботов: а) ранняя активность в усилении фейков до их вирусного распространения; б) нацеленность упоминаниями и ответами на авторитетных пользователей; в) сокрытие своей истинной географической локализации; г) поляризация пользователей для раскола их сообществ; д) провоцирование «языка вражды» (hate speech) в дискурсе радикальных пользователей; е) распространение конспирологических и сенсационных политических новостей; ж) повтор патриотических слоганов; з) призывы и нагнетание возмущения. Боты пользуются процессом фрактализации знания – высоким насыщением, уплотнением политической повестки, различных политических новостей информационными фактами¹¹⁰³. На фоне этой фрактализации в деятельности политических ботов, создающих и распространяющих фейки, угадывается сочетание трех принципов: общая цель, управляемая сетевая самоорганизация и структурное подобие.

Политический бот в настоящем исследовании – это гибридная система «человек-программа», включающая реальных, поддельных пользователей, алгоритмы, web-ресурсы и ориентированная своим заказчиком на организацию политических интриг в сетевых коммуникациях через распространение фейков, управление дискуссией, актуальной повесткой и мнениями в условиях постправды для достижения политических целей. Во многом такие гибридные субъекты практикуют принципы маркетингового

---

¹¹⁰² Почепцов Г.Г. Массовая культура, пропаганда, фейки в системе медийных операций влияния //RELGA. 2019. №7(360). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5869&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 16.08.2019).

¹¹⁰³ Деменок С. Символ и капитал. (Материализация символа). 2-е изд. СПб.: Страта. 2016. С. 167-180.

противоборства: наступления, партизанской борьбы, обороны и фланговой атаки¹¹⁰⁴. Сейчас появились работы, предлагающие анализировать порождаемый ботами деструктивный контент через эпидемическую модель, классифицируя узлы (сообщества) сетевых коммуникаций на восприимчивых, латентных, инфицированных, неактивных и иммунизированных¹¹⁰⁵.

Уточним, что В.В. Разуваев перечисляет следующих участников типичной политической интриги: инициатора (субъекта) интриги, активную и узкую «группу сторонников», «пассивное большинство», объект интриги и не вмешивающихся «наблюдателей»¹¹⁰⁶. Рассмотрим корейский кейс вброса политических фейков. В мае 2019 г. новостное агентство Bloomberg при ссылке на издание Chosun Ilbo опубликовало материал о том, что лидер КНДР Ким Чен Ын распорядился казнить Ким Хек Чхоля, своего спецпредставителя по взаимоотношениям с США, с четырьмя служащими из-за провала саммита с американцами в Ханое¹¹⁰⁷. Итак, рассмотрим этот кейс с точки зрения политической интриги. Инициатором был портал Bloomberg – агентство, расположенное в США и связанное с интересами этой страны¹¹⁰⁸. Ссылалось оно на Chosun Ilbo – южнокорейское консервативное и антипхеньянское издание, сославшееся на анонимный источник. По мнению К. Асмолова, эксперта из Центра корейских исследований РАН, Chosun Ilbo нельзя доверять, т.к. оно неоднократно уличалось в распространении фейков. Распространял фейк и групповой блог Boing Boing¹¹⁰⁹, основателем которого является один из первых американских блогеров М. Фрауэнфельдер,

---

¹¹⁰⁴ Сафронов А.П. Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения. М.: Алгоритм. 2018. С. 343.

¹¹⁰⁵ Остапенко А.Г., Паринов А.В., Калашников А. О. и др. Социальные сети и деструктивный контент. /Под ред. чл.-корр. РАН Д.А. Новикова. М.: Горяч. линия – Телеком. 2020. С. 23.

¹¹⁰⁶ Разуваев В. В. Анатомия политической интриги. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2019. С. 75-84.

¹¹⁰⁷ Kang Sh., Lee K. North Korea Executed Envoy Over Trump-Kim Summit, Chosun Reports //Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-30/north-korea-envoy-executed-over-trump-kim-summit-chosun-reports> (дата обращения: 18.08.2019).

¹¹⁰⁸ Потемкина А. Новости о казни дипломатов в КНДР назвали фейком. URL: <https://nsn.fm/in-the-world/v-ran-podvergli-somnenu-kazn-diplomatov-v-kndr> (дата обращения: 18.08.2019).

¹¹⁰⁹ North Korea envoy Kim Hyok Chol and 4 others executed over failed Trump-Kim summit. URL: <https://boingboing.net/2019/05/30/north-korea-envoy-kim-hyok-cho.html> (дата обращения: 18.08.2019).

выпустивший в 1989 г. печатный выпуск своего проекта «Арбалеты в криптографию: техно-разрушение государства!»¹¹¹⁰. Примечательно, что Boing Boing ссылается на два поста с твиттер-аккаунта представителя Bloomberg в Гонконге Д. Инглеса, который берет источником снова Chosun Ilbo. Один пост Инглеса от 30 мая 2019 г. за один день набрал в Twitter 7,9 тыс. ретвитов, 9,1 тыс. лайков и 1,5 тыс. комментариев. Второй его пост – 1247 ретвитов, 1776 лайков и 113 комментариев¹¹¹¹.

На примере реакции нескольких изданий очевидны целенаправленные приемы формирования постправды – смеси реальных и недостоверных фактов. К примеру, агентство Reuters не нашло подтверждения этому вбросу, однако снова распространило фейк, добавив в своем материале ссылку на мнение старшего научного сотрудника Корейского института национального объединения в Сеуле Хонга Мина, допустившего, что северокорейских служащих могут подвергнуть наказанию¹¹¹². Газета The Washington Post потупила схожим образом, – смешав опровержение фейка со ссылкой на экс-аналитика ЦРУ С. Терри, заявившей в интервью, что не было бы ничего удивительного и примечательного, если бы произошли казни¹¹¹³. Таким образом, инициатором интриги можно считать американские власти, а их сторонниками – американские, южнокорейские и другие лояльные Вашингтону и Сеулу издания наподобие Chosun Ilbo. Пассивным большинством, невольно распространяющим фейки через репосты статей названных изданий, логично определить интернет-пользователей.

---

¹¹¹⁰ Dank M. The Brain Mutator For Higher Primates – A BOING BOING Retrospective. URL: <https://www.neondystopia.com/cyberpunk-books-fiction/the-brain-mutator-for-higher-primates-a-boing-boing-retrospective/> (дата обращения: 18.08.2019).

¹¹¹¹ David Ingles. URL: https://twitter.com/DavidInglesTV/status/1134227904563470338?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etwetembed%7Ctwterm%5E1134227904563470338&ref_url=https%3A%2F%2Fboingboing.net%2F2019%2F05%2F30%2Fnorth-korea-envoy-kim-hyok-cho.html (дата обращения: 18.08.2019).

¹¹¹² Shin H., Lee J. North Korea executes envoy to failed U.S. summit -media; White House monitoring //Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-usa-purge-idUSKCN1T02PD> (дата обращения: 18.08.2019).

¹¹¹³ Taylor A., Denyer S., J. Hudson Was a North Korean official executed? Mystery may cloud new talks with the U.S. //The Washington Post. 2019. May 31. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2019/05/31/report-north-korean-officials-execution-prompts-skepticism-concern-about-gaps-knowledge/> (дата обращения: 18.08.2019).

Наблюдателями в интриге, как правило, являются не вмешивающиеся в события аналитики различных стран и другие пользователи.

Фейки о северокорейском руководителе появлялись и раньше: в 2013 г. якобы он отдал советника Чан Сон Тхэка на растерзание собакам за «разгульный образ жизни», отравил свою тетю, в 2014 г. якобы спалил из огнемета О Сон Хона, министра по общественной безопасности. В 2019 г. британский таблоид «Daily Star» обвинил лидера КНДР в зверском убийстве собственного генерала за измену с помощью аквариума с пираньями, вдохновленного сюжетом из фильма о Джеймсе Бонде. В качестве доказательств в статье приводились фразы «по сообщениям», «источник в британской разведке сказал»¹¹¹⁴.

Можно предположить, что политическая интрига американских властей заключается в следующей многоходовке: 1) сначала через вброс подобных фейков дискредитировать образ лидера КНДР Ким Чен Ына, выставив его в качестве неадекватного политика, с которым невозможно иметь никаких дел; 2) прочно связать негативный образ руководителя страны с неадекватностью самого автократического режима, чтобы в дальнейшем использовать это для сохранения или наращивания американского военного присутствия в Тихоокеанском регионе; возможности давления на Японию и дипломатических маневров с Китаем и Россией, вплоть до оправдания ликвидации существующего политического режима в Северной Корее. Политический ботинг здесь был больше осуществлен через новостные агентства, web-ресурсы, блогеров и пользователей, без серьезного вмешательства фиктивных ботов-программ.

Рассмотрим такой кейс политической интриги как «вмешательство русских хакеров в американские выборы». Суть сюжета интриги в том, что ряд западных массмедиа обвинили российскую сторону в манипуляции

---

¹¹¹⁴ Ward J. Kim Jong-un executes general by throwing him in piranha-filled fish tank //Daily Star. 9 Jun. 2019. URL: <https://www.dailystar.co.uk/news/world-news/kim-jong-un-execute-general-17210070> (дата обращения: 18.08.2019).

результатами выборов президента США 2016 г. в пользу республиканца Д. Трампа. Как видно, основным объектом политической интриги был кандидат от Республиканской партии Трамп. Наблюдателями являлись в основном аналитики разных сторон (республиканской, демократической, российской). На основании доказательств специального аналитического доклада «Минченко Консалтинг», инициатором политической интриги можно определить Демократическую партию¹¹¹⁵. Авторы аналитического доклада ссылаются на статью из издания «The Guardian», где из фейков была соткана версия конспирологического вмешательства Кремля во внутривнутриполитические дела Соединенных Штатов, основанная лишь на мнении компании CrowdStrike по кибербезопасности¹¹¹⁶. Эта фирма считала, что взлом серверов и демократов, и республиканцев был организован со стороны ГРУ, российских групп хакеров Fancy Bear и Cozy Bear, независимо работающих по московскому времени, однако обнародованы были только данные Демократической партии. На этом основании демократы и развили свою конспирологическую версию. Фейк был подпитан слухом о выявлении экспертами влияния российских хакеров на функционирование электоральной аппаратуры избирательных комиссий¹¹¹⁷. Хотя потом один из экспертов Дж. Алдерман опубликовал опровержение¹¹¹⁸ о том, что его слова извратили, и высказал идею, что проблема была не в хакерах, а в некорректности опросов. Однако фейк циркулирует по сети до сих пор.

---

¹¹¹⁵ Минченко Е., Корнилов В., Пахомов Н. Петров К. Аутопсия кампании Хиллари: как победил Трамп. Политтехнологический анализ выборов президента США. Первая часть. Сокращенный вариант. URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Autopsiya_itog.pdf (дата обращения: 17.08.2019).

¹¹¹⁶ Harding L. Top Democrat's emails hacked by Russia after aide made typo, investigation finds //The Guardian. 14 Dec. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/14/dnc-hillary-clinton-emails-hacked-russia-aide-typo-investigation-finds> (дата обращения: 17.08.2019).

¹¹¹⁷ Sherman G. Experts Urge Clinton Campaign to Challenge Election Results in 3 Swing States //Intelligencer. Nov. 22. 2016. URL: <http://nymag.com/intelligencer/2016/11/activists-urge-hillary-clinton-to-challenge-election-results.html?gtm=top> (дата обращения: 17.08.2019).

¹¹¹⁸ Halderman J.A. Want to Know if the Election was Hacked? Look at the Ballots. URL: <https://medium.com/@jhalderm/want-to-know-if-the-election-was-hacked-look-at-the-ballots-c61a6113b0ba#.yvgku9gfd> (дата обращения: 17.08.2019).

Можно предположить, что политическая интрига американских демократов заключается в многоходовке: 1) сначала тактический удар фейками наносится по репутации Д. Трампа и противников-республиканцев; 2) более предпочтительной задачей является серьезная дискредитация России и ее международного образа вплоть до перевода в разряд «страны-изгоя», наклеивание на ее руководство ярлыка коварной, авторитарной власти, способной на все, а значит нелегитимной (этот шаг можно интерпретировать тезисом о «внешней легитимности режима» Г. Киссинджера и моделью «факта-признания» режима международным сообществом В.Л. Цымбурского¹¹¹⁹); 3) наконец, долгосрочной и стратегической целью выступает политическая цензура – ограничение свобод американцев, связанных с интернет-коммуникациями, легитимным предлогом чего станет кибервмешательство иностранного государства. Подтверждением этого является постоянное муссирование массмедиа темы вмешательства всемогущих «русских ботов» в дела других государств (например, Катара)¹¹²⁰. После победы демократического кандидата Дж. Байдена на выборах американского президента он и его окружение продолжили муссирование темы в виде проблемы «русских кибератак»¹¹²¹. Не исключено, что тема заговора республиканцев с Кремлем, а также схожие темы и в будущем будут использоваться для отвлечения американцев от ошибок властей, проблем страны негативными новостями о российском режиме. Для российского же политического режима это чревато рисками делегитимации: во-первых, со стороны граждан, чье доверие к власти подрывают фейки; во-вторых, со стороны международного сообщества, от которого в настоящее время зависит

---

¹¹¹⁹ Киссинджер Г. Мировой порядок. /Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: АСТ. 2018. С. 17-18; Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа. 2011. С. 186-189.

¹¹²⁰ Яшлавский А. В дипломатической войне с Катаром ищут след «русских хакеров». URL: <https://www.mk.ru/politics/2017/06/07/v-diplomaticheskoy-voyne-s-katarom-ishhut-sled-russkikh-khakerov.html> (дата обращения: 17.08.2019).

¹¹²¹ Николаев П. «Это будут не просто санкции»: США прогрозили России. Советник Байдена сообщил, что США готовят ответ на атаки «русских хакеров». URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/02/21_a_13487618.shtml (дата обращения: 11.03.2021).

признание режима и наложение на страну экономических санкций, также способных вызвать недовольство населения правительством. И второй риск способен перейти в первый. Следовательно, наиболее актуальной задачей для российского режима становится оперативный мониторинг, деконструкция и разоблачение подобных фейков, а также постоянная просветительская работа среди граждан.

Есть ресурсы, которые могут анализировать источники фейков. С помощью web-ресурса НОАХУ, проекта Университета Индианы, созданного и написанного на принципах Python, можно попытаться изучать сетевые узлы и их связи, участвовавшие в распространении фейков. К примеру, если взять фейк о целенаправленных информационных манипуляциях, якобы организуемых Кремлем для популяризации вакцины Sputnik V, то сторонами интриги становятся: американские власти и европейское бюро американской медиакорпорации Politico¹¹²², его аккаунты в социальных сетях, другие массмедиа и пользователи. Проверка, проведенная с помощью НОАХУ (05.04.2021 г.), показала, что пользователи регулярно репостят информацию с аккаунта бюро @POLITICOEurope в сети Twitter. После активизации такого рода фейков, МИД РФ был вынужден даже завести специальную рубрику, где комментируется недостоверная информация о России¹¹²³. Хотя, конечно, таких мер недостаточно, важно опровергать фейки и в сетевых сообществах.

В сети циркулирует ряд политических фейков и о Китае. Один из них связан с созданием местными властями концентрационных лагерей для уйгуров и постоянными убийствами представителей этого народа. Источником информации является CNN, ссылающаяся на доклад Госдепа

---

¹¹²² Meet Sputnik V, Russia's trash-talking coronavirus vaccine. URL: <https://www.politico.eu/article/russia-coronavirus-vaccine-disinformation-sputnik/> (дата обращения: 30.04.2021).

¹¹²³ Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России. URL: https://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii?p_p_id=101_INSTANCE_nTzOQTrrCFd0&p_p_lifecycle=0&p_p_state=normal&p_p_mode=view&p_p_col_id=column-1&p_p_col_pos=1&p_p_col_count=2&_101_INSTANCE_nTzOQTrrCFd0_delta=9&_101_INSTANCE_nTzOQTrrCFd0_keywords=&_101_INSTANCE_nTzOQTrrCFd0_advancedSearch=false&_101_INSTANCE_nTzOQTrrCFd0_andOperator=true&p_r_p_564233524_resetCur=false&_101_INSTANCE_nTzOQTrrCFd0_cur=1 (дата обращения: 30.04.2021).

США по правам человека за 2018 г.¹¹²⁴ и другие подобные доклады. Китайская сторона опровергла такие сообщения и изначально позволила зарубежным дипломатам и журналистам познакомиться с условиями центров обучения Синьцзяна¹¹²⁵. А. Островский, замдиректора Института Дальнего Востока РАН, предупреждает, что американские власти целенаправленно распространяют такую ложную информацию¹¹²⁶. В 2019 г. американская газета Wall Street Journal опубликовала неподтвержденную информацию¹¹²⁷, которую Пекин сразу же классифицировал как очередной фейк: якобы КНР начал вести переговоры с оппозицией в Венесуэле¹¹²⁸. Как видно, инициатором политической интриги является Вашингтон, объектом – Пекин, его сторонниками и распространителями фейков – американские массмедиа. Многоходовка политической интриги видится в следующем сценарии: 1, тактический вброс фейков для дискредитации международного образа Китая, как авторитарного, опасного и нелегитимного актора; 2. стратегическая подготовка к ослаблению внутренней и внешней легитимности китайского режима путем информационного давления на него в Синьцзяне, Гонконге, а также посредством вытеснения Пекина из Латинской Америки и других стратегических для страны регионов мира. При этом, в Китай проникают протестанские ценности, интересные крестьянам своей простотой¹¹²⁹. В условиях «варваризации снизу» – трансформации цивилизационных ценностей иерархии, конфуцианства – фейки могут обрести делегитимационную роль для местного режима.

---

¹¹²⁴ Kosinski M., Hansler J. State Dept. believes US legal residents are being held in Chinese detention camps. [CNN]. URL: <https://edition.cnn.com/2019/03/28/politics/state-us-residents-xinjiang-detention-camps/index.html?no-st=1553839030> (дата обращения: 19.08.2019).

¹¹²⁵ Китай разоблачает историю «фейк-нюс» США о гибели уйгуров. URL: <http://anna-news.info/kitaj-razoblachaet-istoriyu-fejk-nyus-ssha-o-gibeli-ujgurov/#comments> (дата обращения: 19.08.2019).

¹¹²⁶ Скосырев В. КНР ответит на рестрикции США из-за притеснения уйгур. URL: http://www.ng.ru/world/2018-11-28/7_7450_china.html (дата обращения: 19.08.2019).

¹¹²⁷ Vyas K. China Talks With Venezuela Opposition to Protect Investments //Wall Street Journal. Feb. 12. 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-holds-talks-with-venezuelan-opposition-on-debt-oil-projects-11549993261> (дата обращения: 19.08.2019).

¹¹²⁸ Китай опроверг фейк американских СМИ о его связях с оппозицией Венесуэлы. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2572461.html> (дата обращения: 19.08.2019).

¹¹²⁹ Буров В.Г. Китай: третий путь //Полилог. 2018. Т. 2. №3. С. 8. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110000052-9-1/> (дата обращения: 19.08.2019).

Приведенные факты фейковых манипуляций можно интерпретировать в качестве составляющей информационных войн одних политических режимов против других. Причем, в терминологии модели Г. Беккера¹¹³⁰ те режимы, которые подвергаются таким информационным атакам, становятся режимами-аутсайдерами, действия которых осуждаются: например, на режим наклеивается ярлык недемократического и, следовательно, нелегитимного. Регулярное конструирование фейков и возникновение феномена фейковых войн может легитимировать атакующий политический режим, поддерживая образ врага из режима-антагониста. Поэтому секьюритизацию политического дискурса можно расценивать как стратегически важную легитимационную технологию¹¹³¹. Помимо этого, в условиях пандемии COVID-19 в ряде режимов возникают риски внутренней делегитимации¹¹³² (от недовольства вплоть до протестов). В этих условиях элита некоторых стран (например, демократы США) сохраняет риторику угрозы внешнего вмешательства, обвиняя Россию и другие режимы в своих внутренних проблемах.

Какие возможны рекомендации для сохранения легитимности политического режима в условиях распространения фейков? В российском законодательстве термин фейк четко не прописан, зато в поправке к ст. 15 закона об информации под ним явно понимается «недостоверно общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений». Закон определяет, что эта недостоверная информация может создавать угрозу гражданам, общественному порядку, безопасности, жизнеобеспечению, транспорту, социальной инфраструктуре, объектам промышленности, кредитной сфере, энергетике и связи¹¹³³. Формулировка

---

¹¹³⁰ Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. /Пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова, под ред. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы. 2018. С. 21-23.

¹¹³¹ Малахов В.С. Техника безопасности: политика страха как инструмент управления //Отечественные записки. 2013. № 2(53). С. 150-163.

¹¹³² Фролов А.В. Пандемия всколыхнула волну майданов и кризисов //Обозреватель-Observer. 2020. №11 (370). С. 2-36.

¹¹³³ Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ "О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180031?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 19.08.2019).

данной статьи дает широкое толкование тому контенту, который может быть классифицирован, как угрожающий перечисленным областям. Можно предложить уточняющее определение политического фейка как недостоверной информации, целенаправленно и многократно распространяющейся интересантом, и чья опасность для легитимности политического режима будет оперативно подтверждена экспертным заключением группы независимых и государственных специалистов.

Очевидно, что российский политический режим принимает вынужденные меры в ситуации участившихся фейков, создающих риски его делегитимации. Кейсы провокационных информационных вбросов после наводнения в Крымске, а также после трагедий в Кемерове и Керчи в 2018 г. это подтверждают. Действительно ли это является примером жесткой сетевой политики? Зарубежные кейсы показывают, что нет. Имеются и более изощренные способы контроля над информационными потоками, некоторые из которых могут оказаться полезными для легитимации российского политического режима.

Но как совместить свободу слова, тайну переписки с цензурой в борьбе с фейками? Анализ разных зарубежных кейсов показывает, что в настоящее время появляется тренд на создание полисубъектной системы цензуры политических фейков. Этими субъектами выступают – государство, бизнес и сами граждане, как интернет-пользователи. От того как политический режим качественно настроит взаимосвязь этих компонентов будет в итоге зависеть и его легитимация – как внутренняя, так и внешняя. Корпус рекомендаций для эффективной борьбы политического режима с фейками будет представлять целую систему инструкций для достижения слаженной политики по профилактике и ликвидации этих деструктивных информационных вбросов.

Из диктуемой современностью необходимости баланса оперативных действий режима против фейков можно вывести категорию «сетевых политических алгоритмов» – инструкций, содержащих порядок готовых (но не абсолютных) действий государства для решения задач по профилактике

возникновения, распространения и ликвидации политических фейков. Данное определение опирается на трактовку образа государства как алгоритма политического поведения, данную Л.С. Мамутом¹¹³⁴, а также категорию «алгоритмов власти», понимаемых С. Лэшем и Д. Биаром как действий современной постгегемонистской власти, нацеленных на формирование ценностей граждан и логики их политических отношений через сетевые коммуникации¹¹³⁵. Связав сетевые политические алгоритмы с современной трехзвенной парадигмой развития электронного правительства (для власти, бизнеса и граждан – G2G, G2B, G2C), среди них можно выделить три группы: а) реактивную борьбу государства с политическими фейками; б) активную борьбу государства с политическими фейками; в) взаимосвязь государства с корпоративным сектором; г) взаимосвязь государства с гражданами. Цель эффективного политического режима – оперативно применять, а также сочетать эти разные политические алгоритмы в сетевых коммуникациях для защиты своей легитимности. В этой работе политическому режиму удобно и логично действовать через государство и его систему органов власти, взаимодействуя то с корпоративным сектором, то с гражданами непосредственно. Итак, предложим модель сетевых политических алгоритмов, которая может лечь в основу политического интерфейса режима.

1. *Реактивная борьба режима с фейками*, учитывающая принципы G2G (т.е. в основном для государственных задач), означает совокупность оперативных цензурных реакций государственных служб по отношению к наиболее опасной для легитимности режима недостоверной информации. Реактивный политический алгоритм в том числе включает экстраординарные жесткие меры по факту нарушения, но не всегда регулярные:

---

¹¹³⁴Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения //Общественные науки и современность. 1998. №6. С. 89.

¹¹³⁵Lash S. Power after Hegemony: Cultural Studies in Mutation //Theory, Culture & Society. 2007. 24(3). P. 55–78; Beer D. Power through the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious //New Media & Society. 2009. Vol. 11. №6. P. 985-1002.

- практика наложения государством штрафов за распространение опасных фейков (в России (до 1 млн. рублей на 2019 г.) и Малайзии (до 128 тыс. долл., а также тюремный срок до десяти лет) карается конкретный распространитель и злоумышленник, тогда как в Германии караются социальные сети (до 50 млн. долл.)¹¹³⁶);

- прием временной блокировки сайтов и аккаунтов социальных сетей, распространяющих фейки (что есть в Египте, а также в России с принятием №139-ФЗ от 2012 г. о досудебном блокировании ресурсов, в который в 2018 г. были введены поправки о праве обращаться в надзорные органы также официальным органам власти (как в случае обращения МЧС во время трагедии в Кемерове), тогда как практику кому угодно обращаться с просьбой к властям удалить не устраивающий контент в сети посчитали в России неэффективной по причине рисков корпоративных войн и сведения счетов);

- приемы временной блокировки мессенджеров и целых социальных сетей (таким способом воспользовался Иран, будучи неспособным контролировать Telegram-мессенджер, в России же после того, как Telegram не выполнил в 2017 г. судебное требование предоставить ключи для расшифровки переписки шести граждан, Таганский суд (г. Москва) позволил его блокировать со стороны Роскомнадзора¹¹³⁷, также временная блокировка соцсетей практикуется в Белоруссии, Папуа-Новой Гвинее);

- избирательное регулирование деятельности анонимайзеров, позволяющих обходить блокировки интернет-ресурсов (в России с 2017 г. закон обязал анонимайзеров блокировать запрещенные государством сайты, в Белоруссии власти стараются блокировать ресурс Tor, тогда как в Венесуэле его в свое время полностью заблокировали);

- привлечение граждан к ответственности за факт посещения запрещенных властью интернет-ресурсов (редкая, малоэффективная и

---

¹¹³⁶ Рюмин А. Все способы борьбы с фейками в России и за рубежом. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20181221/292876054.html (дата обращения: 19.08.2019).

¹¹³⁷ Ограничения были сняты с Telegram Роскомнадзором в 2020 г.

сомнительная в правовом отношении драконовская мера действует в Египте – от штрафа свыше тысячи долл. до тюремного наказания).

2. *Активная борьба режима с фейками*, также учитывающая принципы G2G (в основном для государственных задач) должна подразумевать политику регулярного мониторинга государственными службами возникновения и распространения недостоверной информации, опасной для легитимности режима. Для активной борьбы уже недостаточно одноразовых, реактивных мер, нужно больше ресурсов, персонала, средств, в том числе и компьютерных, которые постоянно устаревают и требуют апгрейда. На практике активный политический алгоритм применяется в форме постоянной фильтрации интернет-трафика, анализа сетевых узлов, распространяющих фейки, и подразумевает:

- превентивную политическую повестку дня (в США с 1976 г. действует закон «Правительство в солнечном свете», обязывающий абсолютно все исполнительные органы власти наиподробнее образом освещать свои заседания и обнародовать свою деятельность, теперь эта мера значительно упрощена через социальные чети, особенно Twitter, также, согласно закону от 1996 г. правительство обязано облегчать доступ граждан к ведомственным документам через электронные средства);

- предоставление доступа к персональным данным и процедуры досмотра провайдеров (в Китае с ноября 2018 г. закон наделил полицию широкими полномочиями по проверке данных на компьютерах в офисах и интернет-кафе, в России с октября 2018 г., согласно «закону Яровой» телекоммуникационные операторы обязаны хранить интернет-трафик и телефонные сообщения полгода);

- чтение пользовательской переписки и прослушка телефонных разговоров (в США с 1978 г. действует закон о мониторинге за иностранными разведчиками, а также сохраняется программа по перехвату электронных писем и телефонных разговоров, подозреваемых в террористической деятельности, в Германии введена программа FinSpy, ориентированная на

расшифровку контента в мессенджерах Telegram, WhatsApp, Signal на основании судебного решения¹¹³⁸);

- персонализацию интернет-пользователей (правительство России с 2018 г. ввело порядок идентификации участников мессенджеров через привязку к номеру мобильного телефона);

- запрет на анонимные комментарии в интернет-ресурсах (установлен в Казахстане, власти которого обязывают граждан проходить SMS-идентификацию либо иметь собственную цифровую подпись, а владельцев сайтов – хранить пользовательские данные, схожие правила с 2017 г. введены в Китае);

- раскрытие провайдерами данных пользователей, подозреваемых в троллинге (с 2013 г. в Великобритании принят закон, по которому в досудебном порядке должны быть раскрыты данные троллей – пользователей, распространяющих клевету и оскорбления)¹¹³⁹;

- активность «фабрик ботов» (в отличие от гражданских «кибердивизий», где в основном действуют реальные активисты со слабой дисциплиной, лишь координируемые властью на микроуровне сетевых сообществ, «фабрики ботов» ориентированы на работу с ботами-программами на макроуровне, противодействие опасным для режима «фабрикам ботов», интернет-троллинг конкурентов, дискредитацию, дезинформацию политических оппонентов, сбор сведений об антиправительственных ботах, сетевых сообществах и активистах; «фабрики ботов» обладают разветвленной централизованной структурой с наличием вертикальных связей, придерживаются сетевого табу на несанкционированные контакты горизонтального характера, при нарушении которого получают наказание; с другой стороны, «фабрики ботов» наподобие ЧВК сохраняют относительную автономию для гибкости своих действий; примерами «фабрик ботов» может быть «Водная армия Интернета»

---

¹¹³⁸ Рюмин А. Все способы борьбы с фейками в России и за рубежом. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20181221/292876054.html (дата обращения: 19.08.2019).

¹¹³⁹ Потупчик К., Федорова А. Власть над сетью. Как государство действует в Интернете. М.: Изд. Алгоритм. 2014. С. 41.

(КНР), Объединенная разведгруппа исследования угроз (Великобритания) и Центр стратегии контртеррористических операций (США)¹¹⁴⁰;

- постоянную блокировку иностранных доменов (малоэффективная мера против фейков, однако министерство образования и науки Украины распорядилось ограничить доступ своих сотрудников к российским доменным зонам .рф и .ru).

3. *Взаимосвязь режима с частным корпоративным сектором*, учитывающая принципы G2B, предполагает не запугивание и создание «атмосферы страха», а опору бизнеса на понятия деловой этики и своей корпоративной репутации, защиты достоинства и чести граждан и государства для предотвращения и разоблачения угрожающих легитимности режиму фейков. Задача политического режима в том, чтобы этот сетевой политический алгоритм наладил постоянную доверительную коммуникацию между бизнесом и государством. Теоретик власти Н. Пуланзас это хорошо объяснял тем, что «...капиталистическое государство лучше всего отвечает интересам класса капиталистов только тогда, когда члены этого класса не участвуют непосредственно в государственном аппарате...»¹¹⁴¹. Систему компромиссов практикует также Китай. Иными словами, современные политические режимы основаны не на слиянии, а на компромиссах между государством и капиталом. Корпоративно-политический алгоритм включает:

- фильтрацию предосудительного контента (в Китае, желая расширить свой бизнес, компании устанавливают программный софт, фильтрующий, опасные для легитимности местного режима слова «Фалунь гун», «Тибет», «демократия», «свобода» и т.п. (Yahoo!, Microsoft) или отказываются от партнерства, не устраивающего власти (BBS Word)¹¹⁴²;

---

¹¹⁴⁰ Мартыянов Д.С. Политические боты как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. №1. С. 74-89.

¹¹⁴¹ The Poulantzas Reader Marxism, Law and the State by Nicos Poulantzas. /Ed. by J. Martin. L., N.-Y.: Verso. 2008. P. 178-179.

¹¹⁴² Кастельс М. Власть коммуникации. /Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. С. 142.

- систему лицензирования медиа-компаний (распределение государством лицензий на конкретные частоты и на право заниматься медиакommunikацией является обычной практикой согласования интересов власти и бизнеса, комбинация государственной и частной собственности у ведущих медийных компаний (примером в России может служить «Газпром», владевший на 2019 г. через Газпром-медиа Холдинг 66,6% акций радиостанции «Эхо-Москва», имеющий медийные активы в НТВ, ТНТ, ТВ-3, Пятница!, Авторадио, Romantika, 7 дней и др., данные медиа имеют свои сообщества в социальных сетях); такую практику можно объяснить моделью Н. Пуланзаса, согласно которой государственный аппарат, чтобы сохранить свою легитимность как капиталистической власти, вынужден искать компромиссы, разделяя, дезорганизуя разные господствующие классы, а также сохраняя от них некоторую автономию; тогда как М. Кастельс считает это каскадной иерархией надзора, приводящей к самоцензуре; в Китае схожие приемы каскадного надзора – власть организует обязательные курсы для интернет-провайдеров, выдавая им сертификаты);

- обоюдную заинтересованность государства и бизнеса в поведенческих разработках (в настоящее время существует навязывание обществу привлекательной модели гражданина-потребителя, использование государством политико-маркетинговых исследований, техник Big Data, таргетированных сообщений и приемов психопрофилирования для формирования политических установок и поведения граждан; с другой стороны, важно данные поведенческие наработки нацеливать не на тотальную манипуляцию сознанием, а на просветительскую миссию, помогающую разоблачать фейк-стори и фейк-ньюс);

- сетевой комьюнити-менеджмент (во многих компаниях появляется специалист online community management¹¹⁴³, который, в отличие от известных комьюнити-менеджеров, управляющих сетевыми сообществами, обладает

---

¹¹⁴³ Потупчик К., Федорова А. Власть над сетью. Как государство действует в Интернете. М.: Изд. Алгоритм. 2014. С. 78.

задачами: а) слежения за аккаунтами сотрудников фирм на предмет компрометирующего ее контента, а также информации, дискредитирующей власть; б) своевременного уведомления руководства фирмы и властей о такого рода контенте).

4. *Взаимосвязь режима с гражданами*, учитывающая принципы G2C, не означает формирование тотальной «системы доносительства», а ориентирует на выстраивание оперативных каналов обратной связи между ними и соответствующими госслужбами для предотвращения и разоблачения угрожающих легитимности режиму фейков. Здесь задача режима в том, чтобы была налажена регулярная доверительная коммуникация между государством и представителями любых социальных категорий, даже тех, кто по материальным либо технологическим причинам не в состоянии подключаться к этой коммуникации. Поэтому данный алгоритм нереализуем без устранения проблемы цифрового неравенства. Гражданско-политический алгоритм включает следующие техники борьбы с фейками:

- формирование гражданских «кибердивизий» (такая «дивизия» действует во Вьетнаме для отслеживания недобросовестного политического контента и фактов кибершпионажа; на Украине примером «кибердивизии» на 2019 г. являлись Информационные войска, действующие по волонтерским принципам и не отличающиеся сильной дисциплиной¹¹⁴⁴, в Китае известна «50-центровая армия», оцениваемая в несколько десятков тысяч гражданских активистов, координируемая правительственными комьюнити-менеджерами в политизированных и тематических (неполитизированных) сетевых сообществах и нацеленная на удаление опасных для режима комментариев, статей, фото, видео, ведущая коммунистическую пропаганду и нападающая на оппонентов режима (например, против своего антагониста «за 5 центов Соединенных Штатов»)¹¹⁴⁵);

---

¹¹⁴⁴ Мартыанов Д.С. Политические боты как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. №1. С. 74-89.

¹¹⁴⁵ Там же.

- популяризацию в гражданской среде коллективной и индивидуальной самоцензуры (удаление пользователем комментария под влиянием этических норм и морализаторства со стороны сетевого сообщества, использование института жалоб пользователей с целью блокировки фейковых аккаунтов и политически нетерпимых текстов, видеороликов, фотографий, аудиофайлов и комментариев с соответствующим информированием органов власти; задействование института отзывов, рецензий на политизированный контент с целью его ранжирования или удаления);

- коллективную модерацию контента (примером является Wikipedia – достаточно посмотреть варианты одной и той же статьи на тему политики или истории на разных языках, чтобы понять значимость этой проблемы; данная веб-энциклопедия становится все более популярным ресурсом для получения знаний современным поколением, однако это вовсе не отменяет возможности «войны правок», вандализма, манипуляции фактами и интерпретациями);

- сетевую коллаборацию по актуальным политическим проблемам (данным приемом граждане приобщаются к субъектному уровню принятия политических решений, когда через специальные создаваемые совместно провластными и гражданскими комьюнити-менеджерами сетевые сообщества провоцируется дискуссия, смещающая пассивное усвоение контента пользователями к активному комментированию предлагаемых решений, проактивной трансляции видеоконтента для создания достоверности и убедительности внедряемых решений проблем, а также интервентивному изменению политического контента пользователями для повышения легитимности; примером коллаборации граждан с властями и бизнесом может служить проект «Картирование городских лесов» в Сан-Франциско, разоблачающий фейки об экологической ситуации и позволяющий пользователям заносить в базу практически любое дерево и отслеживать его состояние¹¹⁴⁶, важное значение приобретает обучение граждан навыкам

---

¹¹⁴⁶ Потупчик К., Федорова А. Власть над сетью. Как государство действует в Интернете. М.: Изд. Алгоритм. 2014. С. 269, 315-324.

распознавания верифицируемой, достоверной информации, противостояния кибер-шантажистам).

Подводя итоги параграфу, важно предложить гибкую матрицу применения четырех сетевых политических алгоритмов. Уровень опасности политизации сетевых фейков для режима («зеленый», «желтый», «красный») можно выявлять с помощью методологических оптик Big Data (инструментов наподобие Google Trends, но лучше отечественного производства), отслеживающих резкое изменение политической повестки в сетевых коммуникациях, всплески поисковых запросов, активность политических хэштегов и интернет-мемов. Итак, взяв за основу принцип «светофорной»¹¹⁴⁷ маркировки уровня опасности фейкового контента для легитимации режима, выделим возможные сочетания разных сетевых политических алгоритмов:

1. *Зеленый уровень.* Фейки есть, но они не обладают ярко выраженным политическим смыслом. В этом случае режиму рекомендуется делать упор на «гражданско-политическом алгоритме», используя приемы коллаборации просветительского характера. Работа «кибер-дивизий» против неполитических фейков также важна, так как при определенных условиях они способны стать основой для фейков политического плана. От «корпоративно-политического алгоритма» важно сохранить такую практику лицензирования массмедиа, которая изначально бы предусматривала детальный контроль самими журналистами уровня достоверности любой готовящейся к публикации информации, а также совместные поведенческие исследования. От «активного политического алгоритма» можно включить формирование властью превентивной политической повестки дня и персонализацию интернет-пользователей. Основная задача «зеленого» уровня сочетания алгоритмов – профилактическая, создающая неудобные сетевые условия для возникновения политических интриг посредством фейков. В качестве

---

¹¹⁴⁷ Потупчик К., Федорова А. Власть над сетью. Как государство действует в Интернете. М.: Изд. Алгоритм. 2014. С. 246.

профилактических мер сторонники эпидемиологического подхода¹¹⁴⁸ предлагают для сетевых сообществ сразу устанавливать четкие правила и функционал настроек (выбор конкретной аудитории для публикации, установление фильтров по содержанию, автомодерация страниц, спам-фильтров), гибкие настройки конфиденциальности, рассылку пользователям сообщений с рекомендациями по определению фейков.

2. Желтый уровень. Данный уровень возникает, когда примерно половина циркулирующих в сети фейков уже являются политическими, что является признаком начавшейся политической интриги. Выявлять такое процентное соотношение может система на базе ИИ. Важно при этом сохранить все приемы «гражданско-политического алгоритма». Кроме лицензирования, в «корпоративно-политическом» алгоритме делается упор на сетевой комьюнити-менеджмент и фильтрацию появившегося предосудительного контента. Но большее значение в «желтом» уровне придается «активному политическому алгоритму», усиливающему деятельность «фабрик ботов», чтение пользовательской переписки о политических фейках, предоставление доступа к персональным данным, а также раскрытие провайдерами данных пользователей, подозреваемых в троллинге. На «желтом» уровне можно применять такие меры эпидемиологического подхода¹¹⁴⁹ как фильтрация трафика (защита пользователей сетевых сообществ от избытка новостной ленты, установление лимита на число постов от одного автора), фильтрация содержания (применение обучаемых алгоритмов проверки содержания контента во время публикации поста в сообществе), вытеснение фейков конкурирующим контентом (вариант контрпропаганды).

3. Красный уровень. На этом уровне абсолютно все фейки, появившиеся в сети, имеют организованный и политический характер. Прежние сочетания сетевых политических алгоритмов, применяемые на «зеленом» и «желтом»

---

¹¹⁴⁸ Остапенко А.Г., Парин А.В., Калашников А.О. и др. Социальные сети и деструктивный контент. /Под ред. чл.-корр. РАН Д. А. Новикова. М.: Горяч. линия – Телеком. 2020. С. 106, 108, 120-121.

¹¹⁴⁹ Там же. С. 106.

уровнях, сохраняются. Однако по причине возрастания угрозы делегитимации политического режима, властью делается упор на «реактивном политическом алгоритме», предусматривающего блокировку интернет-ресурсов, аккаунтов пользователей, систему штрафов и наказаний, направленных на разрушение политической интриги. Но самыми серьезными рисками для легитимации режима являются: а) гибридная субъектность политических интерфейсов («мегамашин власти») из политтехнологов и ботов; б) феномен самокоммуникации между ботами с ИИ без человеческого посредничества. На «красном» уровне логично противостоять распространению информационных эпидемий, вызванных фейками, блокированием информации по конкретным темам, временным блокированием узлов распространителей фейков (используются алгоритмы, блокирующие пользователей, являющихся подписчиками или друзьями распространителя фейков), временным ограничением функционала сообщества, интернет-ресурса (приостановление регистрации новых пользователей, комментирования, публикации постов и т.д.)¹¹⁵⁰.

Чрезвычайно важной задачей на «зеленом» уровне является воспитание в гражданах путем приемов коллаборации демократических и коллективистских ценностей радения, причастности, ответственности за все то, что осуществляет политический режим через государственные органы власти. Иным способом разоблачить политические интриги будет весьма сложно. Легитимность через сетевую коллаборацию должна опираться на авторитет власти и доверие к этой самой власти. Поэтому для сетевой легитимации важно создание атмосферы взаимного доверия через принципы¹¹⁵¹: а) прозрачности (активного обсуждения, принятия, реализации решения, полученного результата); б) честности власти с гражданами; в)

---

¹¹⁵⁰ Остапенко А.Г., Паринов А.В., Калашников А.О. и др. Социальные сети и деструктивный контент. /Под ред. чл.-корр. РАН Д.А. Новикова. М.: Горяч. линия – Телеком. 2020. С. 107, 108.

¹¹⁵¹ Потупчик К., Федорова А. Власть над сетью. Как государство действует в Интернете. М.: Изд. Алгоритм. 2014. С. 302-324.

удобства пользовательского интерфейса сообществ (usability), г) возможности активного участия, д) сохранения анонимного участия.

Сетевая коллаборация, создаваемая политическим режимом из трех акторов – государства, бизнеса и граждан, должна способствовать появлению «сетевого института рецензирования» – независимых фатчекеров¹¹⁵², которые бы отслеживали источники распространения политических фейков, обладали бы первичной методологией анализа многоходовок политических интриг в сетевых коммуникациях, самостоятельно их разоблачали для общества и делали соответствующие сигналы властям. Фатчекеров нужно через мастер-классы, специализированные курсы научить распознавать технологии политического ботинга и создания фейковых аккаунтов (выявление количества френдов, их личных фото, активности, качества контента, накруток френдов, спамных сообщений¹¹⁵³). Назрела необходимость о подготовке специалистов на стыке политологии и IT-технологий, программы которых бы включали приобретение навыков распознавания фейков.

Проводимая политическим режимом цифровизация не должна быть односторонней, поверхностной, затрагивающей лишь отдельные сегменты общества и сектора экономики. Для преодоления рисков цифрового неравенства режиму важно сделать цифровизацию инструментом: а) оперативной и эффективной обратной связи между обществом и властью; б) политического, культурного, научного, медицинского, спортивного просвещения населения; в) развития перспективных взаимодействующих сегментов образования и экономики (система университет – предприятия), способных дать большое количество рабочих мест. Отсюда возникает рекомендация – инвестиции в цифровую инфраструктуру не должны быть конечной целью, а средством для формирования подлинного цифрового

---

¹¹⁵² Держатели «киберправды» в соцсетях уполномочены банить за фейки. URL: <https://news.rambler.ru/other/41671748-derzhateli-kiberpravdy-v-sotssetyah-upolnomocheny-banit-za-feyki/?updated> (дата обращения: 22.08.2019).

¹¹⁵³ Фейковые аккаунты в соцсетях: как выявить и защититься. URL: <http://alfa-content.ru/blog/fejkovye-akkauny-v-socsetyah-kak-vyyavit-i-zashhititsya/> (дата обращения: 22.08.2019).

общества путем постепенной переподготовки и трудоустройства большинства населения в отраслях «цифрового хозяйства». После планомерной цифровизации экономики должна сложиться новая социально-групповая архитектура, цифровая культура страны и новый формат взаимоотношений общества и власти, предполагающий использование сетевых коммуникаций для стратегически важного сочетания двух элементов – качественного государственного управления и регулярной демократической ротации его кадров как результат качественной сетевой коллаборации с гражданами.

5.3. Легитимация политического режима России: потенциалы и риски цифровизации демократических практик

Выборный механизм, как ядро современного демократического режима, нельзя отделять от общественной реакции, которая, в свою очередь, является предметом информационных войн и соперничества. Оценка гражданами действующих демократических практик определяет функциональность либо дисфункциональность власти, а следовательно, во многом является показателем эффективности выбранного режимом технологий легитимации. Несмотря на ограниченный коридор вовлечения граждан в политическую жизнь и многократную дискредитацию в разных странах, выборы до сих пор остаются чуть ли не единственной возможностью воздействия на власть¹¹⁵⁴. Внимания заслуживает и мнение Г.В. Юдина, который полагает, что национальные социологические опросы больше обладают плебисцитарным характером и превратились в важную легитимационную практику для российского политического режима¹¹⁵⁵. Юдин отмечает, что функция опросов, как «перманентного плебисцита» в глазах россиян, делает все попытки социологических служб дистанцироваться от своей политической роли бесполезными¹¹⁵⁶. О том, что опросы не сколько репрезентуют общественное

---

¹¹⁵⁴ Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: ФОРУМ. 2009. С. 275.

¹¹⁵⁵ Юдин Г.В. Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Изд. Европ. унив. в Санкт-Петербурге. 2020. С. 23.

¹¹⁵⁶ Григорий Юдин: Демократия в кризисе, индустрия опросов тоже. URL: <https://www.if24.ru/grigorij-yudin-industriya-oprosov/> (дата обращения: 14.08.2020).

мнение, а больше относится к плебисцитарной форме демократии, впервые заметил Дж. Гэллап¹¹⁵⁷.

Но выборы в современных режимах уже оцениваются не только самими гражданами, но и внешними политическими акторами, вмешательство которых закладывают риски «цветных революций» – государственных переворотов нового типа, за которыми стоят противоречия группировок политической элиты и сетевые технологии делегитимации, являющиеся компонентом информационной войны. Выражаясь более точно – «цветная революция» может произойти и ликвидировать действующий политический режим, когда технологии внешней и внутренней его делегитимации превышают по объему и интенсивности технологии внешней и внутренней легитимации. Делегитимационные приемы, как правило, обладают символической нагрузкой. Оппозиция может радикализироваться при активности внешних интересантов, осуществляя цифровую стигматизацию политического режима, вешая на власть ярлыки нелегитимного фальсификатора и манипулятора¹¹⁵⁸.

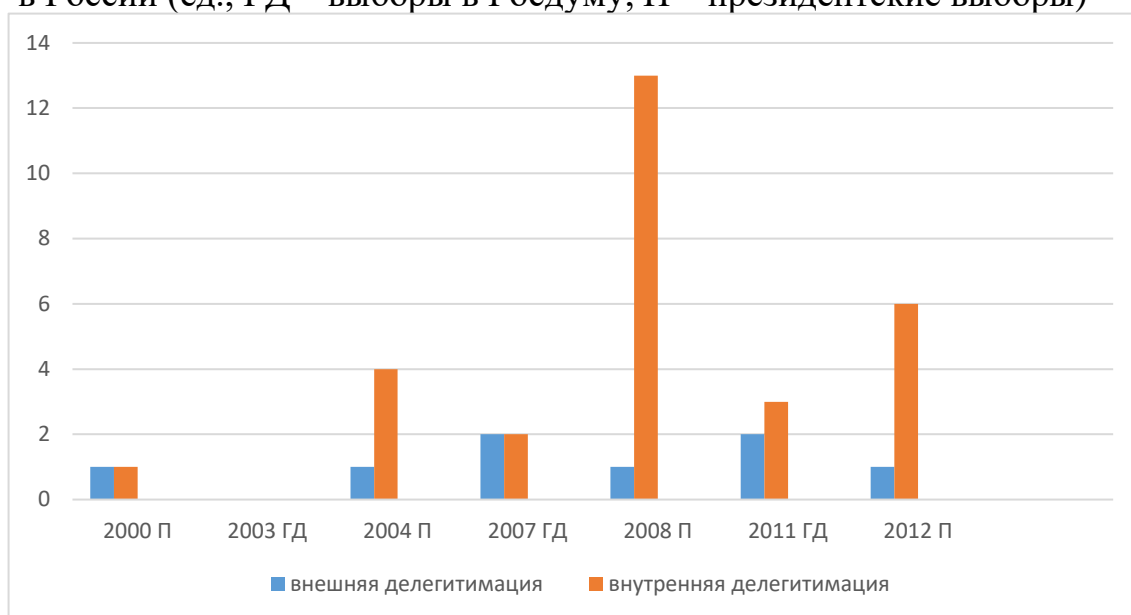
К сожалению, процедуры современных демократических практик часто используются внешнеполитическими и внутриполитическими акторами в рамках информационных войн, нацеленных на замену правящих групп политической элиты. В модели «факта-признания» В.Л. Цымбурского выборы становятся лишь поводом для информационной атаки с целью как внешней (со стороны разных стран), так и внутренней (со стороны оппозиции) делегитимации режима. Цифровые медиа (сайты, соцсети) лишь усиливают эти проявления.

---

¹¹⁵⁷ Gallup J. Guide to Public Opinion Polls. Princeton: Princeton University Press. 1948. P. 11-15.

¹¹⁵⁸ См. исследования автора: Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента: моногр. М.: ИИУ. МГОУ. 2013. С. 124-151; Федорченко С.Н. Фрейм-анализ политической символики «цветной революции»: теоретико-методологические и исторические аспекты проблемы //Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 3. С. 64-72. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/213> (дата обращения: 12.11.2020); Федорченко С.Н. Технологии создания политической символики «цветных революций»: мировой опыт //Вестник Московского государственного областного университета. 2012. №4. С. 135-155. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/241> (дата обращения: 12.11.2020).

Диаграмма 14. Факты соотношения внешней и внутренней делегитимации в России (ед., ГД – выборы в Госдуму, П – президентские выборы)¹¹⁵⁹

Наибольшую опасность для российского режима несет эффект наложения внешней и внутренней делегитимации в рамках информационного противоборства за политическую повестку. Такие эффекты возникали в России во время парламентских и президентских выборов (см. диагр. 14), когда режим обвинялся как внутренними, так и внешними акторами в фальсификации выборов. К примеру, в 2011 г., во время выборов в Государственную Думу заявление о их несправедливости сделала Госсекретарь США Х. Клинтон, Госминистр Великобритании по делам Европы Д. Лидингтон также высказался о нарушениях. С другой стороны, появились и заявления оппозиции о фальсификации выборов (Партия народной свободы), произошел вброс мема и хэштега «партия жуликов и воров», А. Навальный запустил портал partiya-zhulikovi-ovorov.rf, который перенаправлял посетителей на сайт партии «Единой России». Итогом роста

¹¹⁵⁹ Посчитано автором (ед. – единица измерения: для внешней делегитимации в расчет брались официальные заявления представителей государств, международных организаций о нарушениях выборных процедур, для внутренней делегитимации – факты протестов, критических заявлений представителей российской оппозиции во время выборов; с годами указаны типы выборов: П – президентских, ГД – парламентских).

недоверия к честности выборов стало начало массовых протестов на Болотной площади в Москве.

Риски демократических процедур видятся не только в опасности эффекта наложения внутренней и внешней делегитимации. Есть определенная угроза и от цифровизации демократического процесса. Она видится в хаотизации сетевых сообществ, захвате их радикальными группировками, перерастании демократического начала сетевых сообществ в спонтанный анархизм. На это указывают сетевые практики так называемых флэшмобов, обладающие не только развлекательным, но часто и политическим смыслом¹¹⁶⁰. Флэшмобы являются скоротечными акциями, организуемыми посредством сетевых интернет-коммуникаций, смартфонов и других портативных устройств. Они не имеют явных лидеров, используют конспиративные приемы организации мероприятий и могут стать импульсом «цветных революций» при отсутствии устойчивой демократической политической культуры в обществе. Флэшмоб – это результат социотехнической реальности, когда дискурс виртуальных сетевых сообществ переходит в формат реальных действий и не всегда мирных. Очевидной причиной возникновения флэшмобных акций является снижение легитимности демократических институтов во многих современных режимах. Поэтому мобберы (организаторы подобных флэшмобов) не доверяют своим правительствам, используя практики шифрования своего интернет-дискурса. Ряд из них поддерживает либертарианскую идеологию шифропанков¹¹⁶¹. Таким образом приемы информационных войн перешли на уровень сетевых сообществ.

Степень прозрачности демократических процедур становится важным фактором внутренней и внешней легитимации российского режима. Но стало ли в постсоветской России больше сторонников самой демократической политической культуры? Без этого любая политическая модернизация будет

---

¹¹⁶⁰ Федорченко С.Н. Политический флэшмоб – предвестник нового общества? //Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Т. 4. № 6. С. 24-30.

¹¹⁶¹ Бартлетт Дж. Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины. /Пер. с англ. М. Райтмана. М.: Эксмо. 2017. С. 128.

лишь непрочной коррекцией, фасадной оболочкой. Исследовательский центр Пью (Pew Research), проводивший в 2019 г. соцопрос в 34 странах, выяснил, что лишь в России меньше половины респондентов (40%) поддерживают регулярные и конкурентные многопартийные выборы¹¹⁶². По сравнению с 2015 г. поддержка россиянами демократических практик снизилась на семнадцать пунктов. Социологи связывают это с повсеместным недовольством граждан элитами, игнорирующими демократию. Также не стоит упускать из виду, что опрос проводился до голосования по поправкам в Конституцию РФ, инициирование которых возродила демократический дискурс. Опрос Левада-центра 2015 г. показывает, что с 2013 по 2015 гг. число респондентов, считающих, что российская демократия схожа с европейской и американской, упала с 26 до 16%, при этом сохраняется большое число тех, кто желает такую демократию, которая бы отражала специфику традиций России (2011 г. – 49%, 2015 – 46%). Зато число противников демократии лишь 5% (схожие показатели по опросу ФОМ – 2%), число считающих, что в стране утвердилось демократия, выросло с 4% в 2006 г. до 16% в 2015 г.¹¹⁶³ Социологическое исследование ВЦИОМ 2014 г. определило, что около 71% россиян полагают, что для страны важнее сохранение порядка, даже в ущерб демократическим процедурам. Однако большинство с такой точкой зрения – среди пожилых и сторонников КПРФ¹¹⁶⁴.

43% опрошенных ФОМ в 2014 г. россиян связывают демократические ценности с демократическими свободами и правами (из них – понятиями гласности, свободы мнений и слова (24%), свободой в целом (16%), свободой действий и выбора (5%))¹¹⁶⁵. Левада-центр дает схожий показатель по свободе

---

¹¹⁶² Wike R., Schumacher S. Democratic Rights Popular Globally but Commitment to Them Not Always Strong. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/27/democratic-rights-popular-globally-but-commitment-to-them-not-always-strong/> (дата обращения: 14.08.2020).

¹¹⁶³ Российская демократия. Опрос Левада-центра в 2015 г. URL: <https://www.levada.ru/2016/01/14/rossijskaya-demokratiya/> (дата обращения: 14.08.2020).

¹¹⁶⁴ Порядок или демократия? Опрос ВЦИОМ в 2014 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=843> (дата обращения: 14.08.2020).

¹¹⁶⁵ Представления о демократии. Нужна ли демократия в России? И есть ли она в нашей стране? Опрос ФОМ в 2014 г. URL: <https://fom.ru/tsennosti/11741> (дата обращения: 14.08.2020).

слова в 2014 г. (47%). Заметно меньше респондентов ФОМ пока соотносят демократию с участием народа в управлении страной, народовластием (12%, схожий показатель по важности выборности у Левада-центра в этом же году – 47%), еще меньше с равенством (2%) и улучшением жизни (2%).

Настораживает другое – значительное число респондентов затрудняются с конкретными ответами на вопросы по демократическим проблемам (15% по Левада-центру) и пониманием самой демократии (34% по ФОМ). Приведенные эмпирические данные можно интерпретировать, во-первых, тем, что демократические ценности, безусловно, известны россиянам и противников их немного. Во-вторых, респонденты, затрудняющиеся ответить на разные вопросы по аспектам демократии, скорее, относятся к категориям абсентеистов, разочаровавшихся в демократических практиках, а также к группам конформистов. Проблема заключается в том, что у этих слоев россиян демократические практики уже не могут считаться легитимационной основой политического режима. Иногда эти риски делегитимации российского режима классифицируются как проблема «уходящего народа»¹¹⁶⁶, когда в современных условиях высоких рейтингов главы государства становится недостаточно.

Таблица 4. Институциональное доверие россиян, %¹¹⁶⁷

опрос Левада-центра, 2019, «вполне заслуживает доверия»	
Государственная Дума	24
Совет Федерации	24
Правительство	26

¹¹⁶⁶ Явлинский Г. Ложь и легитимность. Двадцать лет реформ. М.: Рос. об. парт. «ЯБЛОКО». 2011. С. 5-6.

¹¹⁶⁷ Институциональное доверие. Опрос Левада-центра, 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/> (дата обращения: 14.08.2020); Деятельность государственных институтов. Опрос ВЦИОМ, 2019. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/ (дата обращения: 14.08.2020); Деятельность общественных институтов. Опрос ВЦИОМ, 2019. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshchestvennykh_institutov/ (дата обращения: 14.08.2020); Доверие к институтам. Опрос Левада-центра, 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 20.04.2021); Одобрение органов власти. Опрос Левада-центра, 2021. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 20.04.2021); Деятельность государственных институтов. Опрос ВЦИОМ, 2021. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/> (дата обращения: 20.04.2021); Деятельность общественных институтов. Опрос ВЦИОМ, 2021. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov/> (дата обращения: 20.04.2021).

Политические партии	16
Президент	60
Армия	63
Полиция	32
опрос ВЦИОМ, 2019, «одобряю деятельность»	
Государственная Дума	40,8
Политические партии	34,4
Президент	60,3
Российская армия	80,3
Правоохранительные органы	53,3
опрос Левада-центра, 2020, «полностью доверяю»	
Государственная Дума	29
Совет Федерации	30
Правительство	38
Политические партии	22
Президент	58
Армия	66
Полиция	36
опрос Левада-центра, 2021, «одобряю»	
Государственная Дума	42
Правительство	47
Владимир Путин на посту президента	63
опрос ВЦИОМ, 2021, «одобряю деятельность»	
Государственная Дума	35,7
Совет Федерации	40,2
Правительство	34,9
Политические партии	35,7
Президент	59,9
Российская армия	79,3
Правоохранительные органы	52,9

Из таблицы 4 видно, что такие центральные элементы российской демократии как Государственная Дума и политические партии имеют более низкий уровень институционального доверия по сравнению с армией и президентом.

Цифровизация, с одной стороны, дает определенный шанс для купирования рисков делегитимации режима во время выборов демократических процедур, с другой стороны, через создание цифровых демократических платформ открываются новые возможности для режимной

легитимации. Об этом свидетельствует повышение интереса российского населения к интернету – половина респондентов предпочитают в качестве источника информации интернет (социальные сети, новостные сайты, блоги), другая половина – традиционные массмедиа (телевидение, газеты, радио)¹¹⁶⁸. Очевидно, что интернет-коммуникации будут постепенно оттеснять традиционные медиа в плане транслятора политической информации. Среди 77% россиян, выбирающих интернет, преобладают возрастные категории 18-30 лет. В этом ключе появляются интересные перспективы расширения электронных демократических практик. Это уже осознала российская оппозиция, о чем свидетельствует «тактический» принцип проекта «умного голосования» А. Навального, который создавал vote2019.appspot.com, чтобы критично настроенные к власти избиратели смогли консолидироваться и проголосовать за наиболее сильных кандидатов во время кампании в Мосгордуму в 2019 г.¹¹⁶⁹ Вполне возможно, что после подобных случаев власть стала более активно использовать цифровые платформы для придания демократическим процедурам большей объективности и легитимности.

Когда в рамках голосования граждан по поправкам к Конституции в 2020 г. российское правительство решило применить электронный формат данного мероприятия в Москве (на портале Mos.ru, 2020og.ru, gosuslugi.ru) и Нижегородской области (2020og.ru, gosuslugi.ru), Центр политической конъюнктуры и ВЦИОМ определили, что наметился рост одобрения такой демократическо-легитимационной практики среди населения¹¹⁷⁰. Так, если мае 2020 г. электронное голосование одобряло 46% россиян, то уже в июле этого же года – 50%. Среди преимуществ электронной формы опрошенные назвали дистанционность (28%), что было актуально в условиях пандемии COVID-19, экономию времени (16%), удобство (12%), прозрачность (7%). Те,

---

¹¹⁶⁸ Предпочитаемые источники информации. Опрос ФОМ, 2020. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d31ii.pdf> (дата обращения: 14.08.2020).

¹¹⁶⁹ Федорченко С.Н. Новые технологии работы с электоратом: цифровизация демократии и проблемы политической легитимации //Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 3 (17). С. 62-74.

¹¹⁷⁰ Пионеры интернет-выборов. Опрос ВЦИОМ, 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pionery-internet-vyborov> (дата обращения: 14.04.2021).

кто не доверяли такому способу, выделили в качестве недостатков риски мошенничества и манипуляций (43%), техническую ненадежность системы (20%), неверие в сохранение тайны голосования (15%), неумение пользоваться техникой (10%), отсутствие технической возможности (8%). Если технические недостатки вполне исправимы с развитием цифровых платформ, то подозрения в фальсификации, скорее, связаны с общим недоверием группы граждан к избирательной системе. Не слышали об электронной возможности проголосовать 16%. Эти граждане как раз и выпадают из легитимационного процесса, что характеризует недостаточное просвещение населения по поводу такого рода цифровой демократии.

Социотехнический характер цифровизации отлично проявляется в дискуссии по поводу внедрения электронной демократии на базе технологии блокчейн. При ней информационные данные можно хранить долгое время без возможности изменения на электронных носителях¹¹⁷¹. Информационные транзакции постоянно пополняются данными, хранятся в цепочке блоков и распределяются между компьютерами. Голос, как «электронную монету», можно отдать за кандидата, у которого есть «электронный кошелек». У блокчейн есть ряд потенциалов для легитимационно-демократических практик¹¹⁷²: повышение политического участия, организация референдумов и выборов любого уровня, анонимность и сохранение тайны голосования, профилактика фальсификаций путем повышения избирательного процесса, высокая скорость обработки больших данных. Цифровые технологии могут в некотором плане купировать риски российских демократических практик – недоверие к выборам. Знаменательно, что, когда в ходе 2011-2012 гг. у российского режима возник кризис из-за недоверия граждан к результатам выборов, то власти, учтя требования протестующих, стали устанавливать

---

¹¹⁷¹ Алексеев Р.А. Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее и будущее //Журнал политических исследований. 2020. Т.4. №4. С. 25-38. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-25-38>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/41340/view> (дата обращения: 29.03.2021).

¹¹⁷² Альбикив Р.Ф. Перспективы применения блокчейн-технологии в избирательной системе //Теория государства и права. 2019. №2. С. 122–128.

вебкамеры на избирательных участках. После такой цифровизации избирательной системы протестная кампания «За честные выборы» сошла на нет¹¹⁷³.

А. Исавнин, представитель «Общества защиты интернета», считает, что эти нововведения не могут исключить фальсификаций путем фиктивной регистрации на SIM-карты, с помощью чего способны проголосовать какие угодно люди. Он напоминает о случаях сбоев, зависания системы во время выборов в Мосгордуму и утечек списков избирателей после них¹¹⁷⁴. Не уверен Исавнин и в прозрачности использования паролей и логинов на портале Mos.ru, так как были факты их сбора, а также номеров СНИЛСов у бюджетников. Беспокойство Исавнина вызывает и то, что все электронные выборы проходят не на отдельной цифровой платформе, а на портале московского мэра Mos.ru и управляются его подчиненными. Но не все общественные наблюдатели придерживаются такой категоричной позиции.

Входивший же в штаб по наблюдению за выборным процессом в Москве, главред «Эха Москвы» А. Венедиктов, напротив, считает технологии электронных выборов нужным и прогрессивным шагом, приводя в пример голосование жителей Троицка по вопросу о продлении линии метро. Единственно, в чем сомневается Венедиктов, так это в эффективности внедрения подобной электронной демократии в тех субъектах Российской Федерации, где есть недостаточное развитие IT-инфраструктуры и проблемный доступ к интернету¹¹⁷⁵. Действительно, у технологии блокчейн есть свои недостатки. К примеру, во время выборов в Мосгордуму 2019 г. применялись подходящие больше для частных корпораций закрытые (эксклюзивные) приемы блокчейн, когда можно было взломать короткие

---

¹¹⁷³ Массовая политика: институциональные основания. /Под ред. С.В. Патрушева. М.: Полит. энци. 2016. С. 187-188.

¹¹⁷⁴ Азар И. Депутат из машины. Эксперимент с электронным голосованием решили продолжить на выборах в Госдуму //Новая газета. 23 апреля 2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/23/85059-deputat-iz-mashiny> (дата обращения: 14.08.2020).

¹¹⁷⁵ Алексей Венедиктов: За электронным голосованием — будущее. Это неизбежно. URL: https://echo.msk.ru/blog/pressa_echo/2535531-echo/ (дата обращения: 14.08.2020).

ключи (коды), а также не являющийся анонимным клон Ethereum (хотя тайна голосования – базовый принцип российского избирательного права). Наблюдателям не давали ключи для авторизации в системе, были недоступны локализация электронных кошельков и прошедшие транзакции (факты голосования), хотя они должны были находиться в открытом доступе.

В цифровизации демократических практик посредством технологий шифрования скрываются и другие риски. Так, либертарианские группы шифропанков часто выступают с антигосударственными, по сути, подрывными для любого режима идеями, считая, что криптографические техники зашифрованных транзакций и использование биткоинов: а) лишает государство контроля над денежной массой и б) маскирует оппозиционеров. Для этого шифропанки используют сервисы PGP, Jitsi, Mailpile и др. Часть из таких шифропанков разделяют экстремистские идеи, полагая, что должна произойти «киберзамена» – уничтожение современных режимов с их заменой на криптоанархистские интернет-сообщества по интересам, взаимодействующих между собой без посредников¹¹⁷⁶.

Для конспирации своих действий шифропанки могут использовать браузеры типа Tor с «луковичной маршрутизацией», который с помощью шифрования позволяет проникать в скрытые от правительства сетевые сообщества и цифровые платформы Даркнета. Tor перенаправляет трафик пользователей в параллельную сеть однорангового типа, не давая возможность правительственным агентам узнать исходное и конечное положение человека. Хотя этот цифровой ресурс обладает серьезной противоречивостью: с одной стороны, им пользуются шифропанки, выступающие за свержение правительств и установление свободного децентрализованного рынка, с другой, крупная корпорация Google спонсировала студентов, работавших с Tor. Но самой большой проблемой является то, что Tor изначально был проектом американских военных, имея контракты с DARPA,

---

¹¹⁷⁶ Бартлетт Дж. Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины. /Пер. с англ. М. Райтмана. М.: Эксмо. 2017. С. 113, 120, 130, 154.

Государственным департаментом и ВМС США, только позже дистанцировавшись от властей, получив поддержку от EFF (Фонда электронных рубежей). Активность WikiLeaks, Дж. Ассанджа и Э. Сноудена укрепили доверие интернет-пользователей к браузеру Tor. Однако США никогда не бросали этот проект, используя активистов Tor для организации политических движений и смены нежелательных политических режимов по всему миру¹¹⁷⁷. Подозрения вызывала и анонимность приложения Signal, рекламированного Сноуденом. Оно требовало привязку к телефону политического активиста. Таким образом, даже цифровые платформы и ресурсы с принципами шифрования могут использоваться в целях информационной войны между режимами.

Между тем специалисты уверены, что это не означает полную неприменимость модели шифрования и конкретно блокчейн для цифровой демократии. Напротив, систему можно усовершенствовать, а значит повысить к ней доверие с помощью не закрытых, а открытых (инклюзивных) технологий¹¹⁷⁸ (апробированных в США, Японии, Швейцарии), интегрированных с цифровым аватаром гражданина. Можно применить алгоритм coin mixing (смешения электронных монет – голосов избирателей). Вопрос в другом – одного шифрования недостаточно.

Цифровая демократия может стать легитимационной технологией политического режима, если она обеспечит: оценку институтов как справедливых, основанных на честной, прозрачной и эффективной системе коммуникации, согласие по поводу выборных процедур и доверие к этим процедурам. Дж. Ролз как раз попытался в своей модели объяснить справедливость через понятие честности¹¹⁷⁹. При этом честность он связывал

---

¹¹⁷⁷ Левин Я. Интернет как оружие. Что скрывают Google, Tor и ЦРУ. /Пер. с англ. М. Леонович, Е. Напреенко. М.: Индивидуум. 2019. С. 266-268, 279, 297, 319, 326.

¹¹⁷⁸ Алексеев Р.А. Апробация технологии блокчейн на выборах в Московскую городскую думу в 2019 г.: результаты и перспективы применения для федерального избирательного процесса //Журнал политических исследований. 2019. Т.3. №4. С. 12-23. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/34261/view> (дата обращения: 29.03.2021).

¹¹⁷⁹ Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. Изд. 3-е. М.: УРСС: ЛЕНАНД. 2017. С. 27.

с равенством условий, прозрачностью системы и рациональностью демократических процедур. Ставку на «высшую справедливость» делала и элита, провозгласившая курс на построение российской демократии в начале 1990-х гг., когда критика избранного президента и парламента приравнивалась к несогласию с «народом-легитиматором», хотя апелляция власти к «историческим корням» уже не дает ей прежнюю легитимацию сакрального типа¹¹⁸⁰. Проведем эмпирическую проверку тезиса Ролза о важности справедливости как честности для современной России. Организованный в 2019 г. ВЦИОМ опрос выявил, что самым важным для современных россиян качеством в гражданине остается честность (73%)¹¹⁸¹. С другой стороны, прошедший в 2018 г. опрос научно-исследовательского социологического центра РАН определил, что 84% россиян отмечают социальную пропасть между людьми по уровню доходов. Высказываясь о справедливости, респонденты подразумевают честность – необходимость равенства возможностей для всех. 63% винят в бедности именно государство¹¹⁸². Риск заключается в том, что запрос на социальные гарантии и социальную справедливость могут затмевать желание больших политических свобод¹¹⁸³, что подменяет демократическую тенденцию авторитарной.

Обследование, инициированное ФОМ в том же году, подтверждает данные РАН – россияне считают (62%), что справедливость устройства социума полностью зависит от власти¹¹⁸⁴. Данные показывают, что для россиян справедливость и честность находятся в приоритете. Российская цивилизационная идентичность совмещает традиционалистский запрос

---

¹¹⁸⁰ Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2008. №3. С. 7-29.

¹¹⁸¹ Гражданин и лидер: главные требования и качества. Опрос ВЦИОМ 2019 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9566> (дата обращения: 15.08.2020).

¹¹⁸² Добрынина Е. По справедливости // *Российская газета*. 2018. №159(7622). URL: <https://rg.ru/2018/07/23/oprosy-rossiiane-nazvali-glavnuiu-zadachu-na-segodnia.html> (дата обращения: 15.08.2020).

¹¹⁸³ Современное государство, социум, человек: российская специфика. /Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН. 2010. С. 121.

¹¹⁸⁴ О справедливости. Опрос ФОМ 2018 г. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14099> (дата обращения: 15.08.2020).

справедливости с модернистским запросом благосостояния и порядка¹¹⁸⁵. Россияне ждут от власти справедливости вплоть до самоотверженности¹¹⁸⁶ (во многом причиной этому является исторические корни коллективизма общины, обеспечивающей справедливое распределение ограниченных ресурсов¹¹⁸⁷). Что вновь актуализирует тезис А. Тойнби «ухода-и-возврата», когда элита ограничивает себя ради блага социума и достижения общей цели. Это купирует делегитимационные риски «нового варварства» «сверху».

Легитимация российского режима должна учитывать такую важную традицию российской политической культуры как «правда»¹¹⁸⁸. Ценностный ориентир «правды» связан с легитимационной практикой режима построения социального государства – преодоления бедности, уменьшения социальных дистанций между группами с купированием рисков цифрового неравенства¹¹⁸⁹. Проблема заключается в том, что современный режим должен одновременно сохранять свои ценности и быть открытым для инноваций. Это означает, что Россия может сохранить традицию «государства правды» при опоре на демократические институты. Следовательно, дизайн цифровой демократии в первую очередь должен учитывать запросы общества на справедливость и честность. Также надо помнить, что российская модернизация часто была попыткой преодоления раскола. Радикальный же вариант цифровизации «сверху» может спровоцировать ответную архаизацию общества, с другой стороны, вариант половинчатой, непоследовательной цифровой модернизации может заложить латентные кризисы¹¹⁹⁰.

---

¹¹⁸⁵ Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. /Ответств. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука. 2005. С. 141-143; Когатько Д.Г., Тхакахов В.Х. Российская идентичность: Культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации. СПб.: Алетейя. 2010. С. 119.

¹¹⁸⁶ Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией: Заметки о русской политической культуре, власти, обществе. М.: РОССПЭН. 2006. С. 72.

¹¹⁸⁷ Супоницкая И. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М.: РОССПЭН. 2010. С. 202.

¹¹⁸⁸ Угрин И.М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. М.: Инст. филос. РАН. 2017. С. 83-86.

¹¹⁸⁹ Беляева Л.А. Социальное государство в современной России: ожидания и реальность //Вопросы философии. 2019. № 11. С. 11-16. DOI: 10.31857/S004287440007345-4.

¹¹⁹⁰ Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. /Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН. 2010. С. 235-236.

Перейдем к более детальному изложению потенциалов цифровизации демократических практик для легитимации политического режима России, применив case-study. Проект цифровизации демократического режима должен предполагать четкую стратегию, включающую: а) создание Центра обучения цифровой демократии; б) механизм политического краудфандинга; в) конструирование удобных платформ сетевого полиса с разнообразными многофункциональными аренами участия для проблемных сетевых сообществ; г) внедрение в полис демократического политического интерфейса с выборными и алеаторными процедурами на базе блокчейн; д) параллельное сокращение цифрового неравенства. Модель предлагаемой цифровой демократизации исходит из того посыла, что если в современной России не расширять многоуровневое демократическое обсуждение существующих внутриполитических и внешнеполитических проблем, то действующему в стране политическому режиму не удастся обеспечить свою долгосрочную легитимацию, устраивающую большинство групп населения. Ключевая особенность всех этапов и элементов данной модели – обязательное подключение проблемного сетевого сообщества на базе демократической цифровой платформы.

Опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии РАН (700 респондентов, 2019 г., далее – ОСПИ) показывает, что есть положительная корреляция между уровнем образования, возрастом и потребностями на политическую активность, влияния на власть (50% граждан с высшим образованием и до 29 лет полагают, что гражданская активность способствует принятию властями эффективных решений)¹¹⁹¹. Получается, что есть запрос на просветительские функции такого Центра, где важно преподавать максимально большему числу россиян знание о демократических ценностях и практиках.

---

¹¹⁹¹ Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2019. С. 222-223.

Автократия хорошо решает мобилизационные задачи во время опасных экономических кризисов и тотальной войны, однако ее функционал менее эффективен при других условиях, так как в основном апеллирует к практике деполитизации. Риск деполитизации раскрывается в угрозе обвальной, сильной и быстрой делегитимации режима – власть, выстраивающая «цифровую стену» в виде цензуры, должна вспомнить опыт Китая – там уже отошли от такой архаичной практики в сторону модели постоянного и активного взаимодействия с населением, сохраняющего ценностный вектор коммунизма и конфуцианства. «Цифровая стена» при организованной автократией деполитизации населения на деле выстраивает информационную оборону вокруг ценностного вакуума, который рано или поздно переформируют под свои задачи растущие сетевые полисы сторонних режимов. Развитию цифровых платформ участия может мешать традиция демократического цезаризма, сохраняющаяся в российских регионах в виде патронажных практик¹¹⁹². Но если большинство россиян соглашается, чтобы, к примеру, федеральная власть постоянно вмешивалась в местные проблемы без участия местного сообщества, то обратной стороной этого становится легитимация автократических практик. Цифровая платформа – всего лишь инструмент. Без делегирования политических полномочий на низовые уровни и формирования контролирующего политические институты механизма гражданское общество невозможно. С этими вопросами связана и проблема построения социального государства в России¹¹⁹³.

Если сочетать концепт «вызова-и-ответа» А. Тойнби с моделью тектологии А.А. Богданова, то уберечь политический режим от обвальной делегитимации из-за рисков «цветных революций» при смене поколений или в период выборных процедур можно, подготовив власть к переключению от автократических к демократическим легитимационным практикам, что

---

¹¹⁹² Сиземская И.Н. Гражданское общество и государство: векторы социального противостояния и консенсуса // *Вех. Философский журнал*. 2018. № 25. С. 253-265. DOI: 10.24411/2077-6608-2017-00068.

¹¹⁹³ Мысливченко А.Г. Социальное государство: генезис, становление и перспективы // *Государство и право*. 2019. №3. С. 10. DOI: 10.31857/S013207690004430-5.

подразумевает научно-обоснованную деконструкцию Центром процессов политизации и деполитизации. Политизация проблем общества не должна рассматриваться как нечто экстремальное, негативное, а пониматься как рациональная процедура ответа на вызов – коллективного поиска решения на проблемы. Политизацию в России важно привязать к пониманию демократии как справедливости, основанной на честных, прозрачных выборах, конкуренции, эмпаурменте (освоению гражданских компетенций участия, передаче власти многим с последующей ротацией, генерации власти снизу). Тем самым наиболее логичное решение для России – переход от технократичной парадигмы «власти над» к коллективной парадигме «власти для». Коллективная парадигма «власти для» учитывает ценности российской цивилизации и отвечает духу времени, так как основана на идее политики – политического сообщества, следящего за представителями власти и обращающего внимание на текущие проблемы.

Уязвимость автократической деполитизации видится в самой ее политико-технологической стадильности¹¹⁹⁴: а) технократический этап деполитизации означает недоверие элиты к гражданам и делегирование решения проблемы экспертным структурам, но это, исходя из модели А. Грамши, не отменяет факт идеологической предрасположенности самих технократов; б) происходящая на следующем этапе деполитизации приватизация процесса решений является процессом перехода политических проблем из публичной в частную сферу, однако формирование потребительского сознания и сближение технократов и экспертов с политико-консалтинговыми структурами не освобождает власть от того, что у политико-консалтинговых фирм есть свои интересы; в) на третьем этапе политические проблемы окончательно приобретают статус «неприкосновенных» для граждан, что лишает режим защиты от акторов «цветных революций» в условиях молчаливых конформистов. Следовательно, для эффективной

---

¹¹⁹⁴ Hay C. Why We Hate Politics. Cambridge: Polity Press. 2007. P. 79-83.

адаптации политического режима такому новому Центру важно обучить граждан грамотному обращению с политизацией проблем, учитывающей риски фейков и «цветных революций» и предполагающей этапы: а) перевода политических проблем из рук технократов в частно-общественную сферу с построением цифровых платформ; б) смещения политико-проблемного поля из частной области в публичную с расширением делиберативных практик; в) перехода к переносу публичных делиберативных дискуссий на цифровых платформах на уровень парламентских обсуждений.

Итак, для начала необходимо поставить цель качественной и многоуровневой демократизации российского политического режима. Инициативная группа может включать представителей общественности, IT-специалистов, программистов, оппозиции, политических партий, специалистов в области социальных и гуманитарных наук, бизнеса, всех, кому не безразличен прогресс политической и социально-экономической жизни в стране. Центр обучения цифровой демократии, куда войдут активисты инициативной группы, могут расширить сеть сторонников в регионах и организовать учредительное собрание, выбрав, к примеру, на четырехлетний срок Гражданский совет (далее – Совет), ответственный за реализацию проекта. Совет дальше может в рабочем порядке функционировать без архаичных собраний с помощью сетевых коммуникаций, выбрав на три года своего Модератора и помогающих ему Координаторов, ответственных за соблюдения сроков и качественное внедрение проекта демократических цифровых платформ. Первой задачей Совета станет организация непростого процесса обсуждения гражданами тех показателей демократического режима, которые будут считаться легитимными, а именно – справедливыми, честными, равными и эффективными. После национального голосования и утверждения показателей демократии начинается реализация проекта.

И все же сохраняется риск негативного сценария цифровой аватаризации под влиянием консьюмеризации – окончательной метаморфозы гражданина в пользователя. Упор на развитие потребительских запросов в условиях

медиакратии чреват деполитизацией проблемного поля режима и абсентеизмом. Опрос ОСПИ в 2019 г. как раз показывает, что 21% респондентов готовы к «политическому полю» демократического режима (считают, что «политика имеет "правила игры"»), а 34% – к «зоне власти» автократии (отмечают, что «политика – это "игра без правил"»). Но самое скверное, что 45% правил это «игры» не понимают¹¹⁹⁵. Т. Адорно предупреждал, что сложность и непонятность политических проблем направляет большинство индивидов на путь персонификации и стереотипизации – усвоение в сетевом пространстве повторяющихся примитивных, инфантильных образцов при одновременном отчуждении от реальной политической жизни¹¹⁹⁶. Сейчас это мемы, хэштеги и фейки. Поэтому важно с помощью геймификации политики, использования теории игр наладить политическое просвещение и воспрепятствовать необратимой консьюмеризации, показав, что публичная политика – это, прежде всего, достойное занятие гражданина, а не простого потребителя услуг. Внедрение оригинальных практик компьютерных игр и игровых симуляторов демократических процессов не исключает возможности проводить параллельную политику памяти, купируя риски забвения истории страны и риски делегитимации режима из-за роста фейков.

Центр обучения цифровой демократии должен иметь три основные функции: а) просветительскую; б) мониторинго-исследовательскую и в) координационную. После национального голосования, которое легитимирует проект, определив основные ценности и показатели демократии – от справедливости и выборности до эффективности, важно начать полномасштабный процесс обучения демократическим ценностям и навыкам. На данном этапе через Координаторов важно подключить академическое

---

¹¹⁹⁵ Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2019. С. 26.

¹¹⁹⁶ Адорно Т. Исследование авторитарного характера. /Пер. с нем. М.Н. Попова, Л.К. Латышевой, М.В. Кондратенко. М.: Серебр. нити, ЦГИ. 2020. С. 172-173.

сообщество, РАН, а также региональные университеты для изучения и адаптации практик сетевого сообщества TEDx во всех субъектах федерации, на местах. Цифровая платформа, которую использует TED для презентации лекционного контента, характеризуется изяществом и простотой, при этом здесь есть сообщество с рецензентами, комментаторами и волонтерами¹¹⁹⁷. TED учитывает все три обозначенные функции цифровой демократии. Ключ к успеху этого проекта в парадоксальной идее – делегировании эксклюзивности, бренда на уровень сетевого сообщества. Центр, работая через школы, университеты и предприятия, должен, максимально охватив население, раскрывать кейсы политических манипуляций, ограничений современных информационных технологий, обучая навыкам деконструкции фейков и мошеннических схем.

Наиболее важным направлением является организация финансирования предлагаемого проекта цифровой демократии. Отсутствие финансовой независимости подобных судьбоносных проектов сводит всю демократическую активность на нет (государство может контролировать финансовую отчетность проекта, но не более). С этой целью понадобится обратиться к отечественному опыту политического краудфандинга – системы сетевого привлечения финансов на работу программистов и самое главное – независимость демократических цифровых платформ от доминирования влиятельных политических и коммерческих акторов. Игнорировать данную технику будет не совсем прагматично – ее уже использовали, доказав эффективность, представители российской оппозиции (например, Б.Е. Немцов)¹¹⁹⁸. Тем более что уже сложилась сеть отечественных краудфандинговых платформ (planeta.ru, boomstarter.ru).

---

¹¹⁹⁷ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 351.

¹¹⁹⁸ Соколов А.В. Особенности возникновения политического краудфандинга в российской политической практике //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. №2. С. 31-38.

После первичной капитализации стартапа можно будет приступить к конструированию удобных платформ демократического сетевого полиса. Концепция сетевого полиса должна предусмотреть адаптацию коммуникаций под различные социальные группы – возрастные и профессиональные. Полис включит центральные сетевые узлы: а) цифровые платформы с аренами участия; б) сетевые сообщества по существующим проблемным зонам. Независимое финансирование позволит минимизировать фактор «платформенного правителя» и прочие риски медиакратии. Осевым принципом будет уход от автократической модели навязывания населению уже готового решения цифровой платформы. Демократическая легитимация может достичь высшего уровня, если участвовать во всех важнейших вопросах страны будет максимальное число граждан. Доводы о неспособности к быстрой, нацеленной на качественный результат самоорганизации людей несостоятельны – достаточно вспомнить пример участников платформы Reddit, создавших в коллективном творчестве точную копию «Звездной ночи» Ван Гога. Платформы пройдут обсуждение (Pre-Alpha, Alpha, а также Beta-тестирование) и будут отобраны гражданами в виде: а) выборных порталов; б) алеаторных порталов; в) порталов обсуждения проблем и разработки решений; г) порталов-симуляторов демократии (обучающих ее ценностям, практикам и правилам, а также организующих исследования демократических практик и проблем – фальсификаций, управленческих дисфункций); д) приложений для использования порталов с помощью гаджетов, смартфонов; е) систем, использующих преимущества адаптации порталов с различными социальными сетями, блогами, форумами и видеохостингами.

В этом направлении может возникнуть риск подмены демократического полиса автократическим при закладывании конкретных алгоритмов. К примеру, электоральные автократии способны сохранять выборы для своей легитимации, переводя их в плебисцитарную форму, используя административный ресурс и симуляцию состязательности (через лояльных

кандидатов)¹¹⁹⁹. Автократия основана на лояльности к ней граждан, рассматривающих политику в виде администрирования, деполитизированной и технократичной «зоны власти», поощряемой патерналистскими настроениями¹²⁰⁰. При возникновении такого риска исследователи цифровой демократии Дж. Хейманс и Г. Тиммс предлагают использовать «круговой тест» – комплекс вопросов граждан к разработчикам платформы, с помощью которых узнаются способы влияния платформы на всех ее участников, механизм модерации, коммуникации, финансирования, регистрации и конфиденциальности данных¹²⁰¹. Но готовы ли россияне к такой цифровой демократии? Опрос ОСПИ 2019 г. показал, что 47% респондентов полагает, что вполне способны самостоятельно организоваться для решения значимых для них вопросов¹²⁰².

Кто же будет субъектом власти на этих демократических цифровых платформах? Смысл предлагаемой модели – в слове медиакратии и реконфигурации сложившегося в большинстве демократий и автократий треугольника власти «ведущие политические акторы – медиа – популистские стратегии» в новый режим «распределители платформ – суперучастники – участники». Распределители цифровых платформ (Модератор и его помощники – Координаторы) выбираются на время из участников и несут персональную ответственность за функционирование всех узлов системы и реализации проекта демократизации режима. Суперучастники являются наиболее опытными активистами. Они обучают практикам и ценностям цифровой демократии основную массу участников, выбираются сообществами, организующимися по существующим проблемам (транспорт,

---

¹¹⁹⁹ Нисневич Ю. Институт выборов как механизм легитимации публичной власти //Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №2. С. 62-72.

¹²⁰⁰ Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2019. С. 147.

¹²⁰¹ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 203-204.

¹²⁰² Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2019. С. 147, 221.

экология, коррупция, фейки, качество государственных услуг, коммуникации, здравоохранение, дорожная сеть и т.п.), в качестве их модераторов, следящих за общепринятыми правилами поведения. Участники – это обращающиеся к сообществам за решением проблем, новички или граждане, которые по каким-то причинам недостаточно активны в публичной сетевой сфере. Получается дискретный субъект власти, уходящий от прежней жесткой иерархии в сторону ротации, децентрализации, выборности, фрактальности, ответственности, отчетности и справедливости.

Статус Участника обладает некоторым неравенством в том плане, что он пока не стал Суперучастником и поэтому не модерирует процесс, будучи неготовым обучать новичков. Теория справедливости Ролза допускает эту ситуацию, так как исходит из двух принципов¹²⁰³: 1) любой должен обладать равными правами в отношении единой системы базовых свобод, соотносимой с аналогичными системами свобод у всех других людей; 2) имеющиеся неравенства должны: а) приводить к наибольшим выгодам менее успевающим, б) оставлять доступными для всех положения и должности, обеспечивая честное равенство условий. В итоге все зависит от желания самого участника сообщества. Эти сетевые сообщества при усвоении ценностей делиберативной демократии за минимум два поколения смогут стать более прочными политиями¹²⁰⁴, генерирующими предложения по решению проблем и связывающими социальные порядки отдельных групп и сообществ с политическим режимом, тем самым постоянно легитимируя его как на макроуровне (относительно иных режимов), так и на микроуровне (относительно цифровых аватаров граждан).

Есть, правда, риск роста деструктивных неконтролируемых политических процессов в таких сетевых сообществах, чреватых делегитимацией режима. Что может проявляться в экстремистском дискурсе,

---

¹²⁰³ Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. Изд. 3-е. М.: УРСС: ЛЕНАНД. 2017. С. 267.

¹²⁰⁴ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН. 2011. С. 122.

языке вражды, троллинге. Купировать этот риск можно пересмотрев сам феномен троллей с точки зрения философии кинизма, переведя его с помощью геймификации политики, теории игр в формат парессии – наблюдения за сохранением демократических ценностей коммуникации. М. Фуко развивал идею парессии в своей поздней работе, полагая под ней «мужество говорить правду», несмотря на все репутационные риски¹²⁰⁵. Такая мысль особенно актуальна в условиях постправды и фейков, способных запустить делегитимационные процессы. Французский философ допускал парессию как в демократиях, так и в автократиях (в виде политконсультантов), отталкиваясь от идеи регулярной заботы Сократа – научения людей заботиться о себе.

В своем анализе парессии Фуко обращается на опыт киников, постоянно обличающих пороки власти и общества. По ряду признаков современные сетевые тролли схожи с античными киниками. К троллингу нужно серьезно присмотреться хотя бы по причине регулярной генерации им риторических приемов. Например, Государственный департамент США до 2014 г. применял программу *Viral Pease*, натравливая троллей на террористов. После этого американский Центр стратегических контртеррористических коммуникаций запустил программу *Think Again Turn Away*, использующей сократовские троллинговые приемы против террористических сетей, разоблачая их действия перед потенциальной аудиторией их сторонников (задавание неудобных вопросов, логических приемов, обнаружение противоречий)¹²⁰⁶. Ничто не мешает сделать троллей «стражами демократии», основанной на процедурной честности, равенстве и справедливом функционировании режима. Втягиванию участников в такую «парессинговую игру» может способствовать «аристотелевский принцип» Дж. Ролза¹²⁰⁷ – создание интерфейса, от которого граждане смогут получать удовольствие в плане

---

¹²⁰⁵ Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983 – 1984 учебном году. /Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука. 2014. С. 21-23.

¹²⁰⁶ Филлипс У. Трололо: Нельзя просто так взять и выпустить книгу про троллинг. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2016. С. 224, 251-252.

¹²⁰⁷ Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. Изд. 3-е. М.: УРСС: ЛЕНАНД. 2017. С. 374.

личностного самовыражения, предвкушения интересных и неожиданных проектов с постепенным усложнением демократических задач с микро до макрополитического обсуждения проблем.

Н. Срничек предлагает подключить государство к созданию подобного типа цифровых демократических платформ¹²⁰⁸. Это логично, так как государство в любом случае станет вмешиваться в такие проекты. Возможно, следует установить баланс в функциях государства и свободного от его цензуры сетевого сообщества, установить доли финансирования цифровой платформы. Функцией государства будет не только первичное финансирование, но и ограждение платформы от попыток захвата цифровой платформы со стороны капиталистических монополий и экстремистских, террористических сетей. Тогда как функцией сетевого сообщества платформы станет предотвращение вмешательства государственных служащих в демократический процесс. Итогом такого симбиоза должен стать политический режим нового типа.

Отлаженного краудфандинга хватит на первоначальную капитализацию стартапа проекта, однако к программе по сокращению цифрового неравенства в стране – строительства ИТ-инфраструктуры, способной дать рабочие места и обеспечить качественные интернет-коммуникации, должно подключиться государство. Тем самым будет создан баланс между обществом и властью в цифровизации режима. Мониторинг за осуществлением и соблюдением сроков программы сокращения цифрового неравенства можно поручить одному из Координаторов Центра обучения цифровой демократии. Вся проектная и финансовая отчетность должна быть прозрачной и доступной для граждан на ресурсах Центра. Каждый гражданин сможет проверить деятельность любого участника проекта, ответственного за определенную проблему и сферу. Тем самым к таким демократическим платформам логичней применять проактивный подход С. Фуллера, считающего что риск (в

---

¹²⁰⁸ Срничек Н. Капитализм платформ. 2-е изд. /Пер. с англ. М. Добряковой. М.: Изд. дом. ВШЭ. 2020. С. 112-113.

том числе и риск от демократизации) – является новой возможностью для общества. Режиму логично при цифровизации учитывать масштабируемые адаптивные предпочтения россиян – их желания того, что может быть гипотетически достигнуто в будущем (та же социальная справедливость, политическая свобода и т.п.). Тем самым режим обретает черты «форсированного правления», не только принимающего любые риски, но и расценивающего их как потенциальную выгоду для развития общества¹²⁰⁹.

Опрос ОСПИ РАН показал, что для российских респондентов, поддерживающих «зону власти» автократии, характерно понимание политики не как механизма представительства, а как неполитической системы договоренностей на уровне клик¹²¹⁰. Поэтому, с целью купирования рисков перерождения предлагаемого проекта в цифровую автократию с политическими манипуляциями и фасадными демократическими практиками можно предложить еще один рецепт – запустить синузию – обучение демократическим практикам (парессии, аргументации, вникания в проблему, разработки решений, выборов) с использованием созидательной стороны практики хакерской этики, заключающейся в том, что обучающийся хакер сам же и обучает других (по типу платоновской Академии). Тем самым возможно сделать медиакратические метаморфозы обратимыми и купировать риски популизма. Это чрезвычайно важно, так как элита использует современные выборы для легитимации собственного режима довольно специфически, – не обязательно превращая их в своеобразное зрелище, политическое шоу¹²¹¹, а, наоборот, уменьшая информационное освещение выборного процесса, тем самым снижая интерес к самой идее демократии и выхолащивая смысл

---

¹²⁰⁹ Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ. 2021. С. 312-314, 324.

¹²¹⁰ Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2019. С. 111.

¹²¹¹ Скиперских А. В. Хлеб и зрелище: практики легитимации власти //Бизнес и дизайн ревю. 2016. Т. 1. №3. С. 7-8.

ответственности гражданского решения. Перечисленные тактики элита может выбирать исходя из существующей политической конъюнктуры.

Финский исследователь П. Химанен предлагает для организации демократического управления взять то, что сближает хакерское и академическое сообщества – открытость идей, проектов, публикаций в сочетании с системой рецензирования экспертами (в нашей модели – wybranными Координаторами проблемных сообществ)¹²¹². *Интерес к демократии возрождается через геймификацию политики – модель вовлечения граждан в политическую игру.* В такой системе обучающийся Участник сам становится Суперучастником, обучая других. Переведение троллинговой модели в формат гражданской парессии должно подразумевать адаптацию опыта бизнеса и сетевых движений для выстраивания прозрачных правил рейтингования демократического процесса (выдвигаемых законопроектов, петиций, работы выборных политиков, назначаемых чиновников). Так, сетевой проект Ride Austin¹²¹³, за которым стоит местная общественная инициатива тexasского города Остина, является райдшеринговой платформой, не только обслуживающей граждан частными перевозками, но и помогающей властям оптимизировать движение городского транспорта. Вся статистика райдшеринга – в открытом доступе, рассчитана на эффективность и справедливость.

В интерфейс демократических платформ можно заложить «шкалу участия» – балльную оценку деятельности участников по распространению, обсуждению контента, поиску финансирования решений проблем и т.п. Очень важна простота интерфейса – движение GetUp создало удобную платформу, на которой при регистрации нужен был минимум персональных данных – имя, почтовый индекс и электронная почта. Риски автократизации платформ способен купировать и кейс ресурса Reddit, на субреддитах которого

---

¹²¹² Химанен П. Хакерская этика и дух информационализма. /Пер. с англ. Д. Сироченко. М.: АСТ. 2019. С. 89-91.

¹²¹³ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 124; 199.

размещаются ссылки и организуется голосование за наиболее интересный контент¹²¹⁴. Руководство сайта не обладает полным контролем над субреддитами, здесь полновластны волонтеры-модераторы. Фундаментом этих отношений является принцип «хайтечной экономикой дарения»¹²¹⁵ – уход от коммодификации интеллектуального труда к бесплатному обмену контентом на уровне сетевых сообществ. По мнению Р. Барбрука, это может разрушить то, что Дж. Дин называет коммуникативным капитализмом.

Устранить цифровое неравенство внедрением доступных арен участия сетевого полиса будет недостаточным шагом для реформирования демократии. После тестирования гражданами платформ необходимо также протестировать и заложить для полиса страны удобный политический интерфейс для прозрачных демократических процедур. С точки зрения функционального подхода к политическому режиму, это нужно сделать обязательно, так как, несмотря на факт социотехнической реальности, эволюция демократических институтов пока сильно запаздывает относительно прогресса интернет-коммуникаций и технологий. Мало того, представительные органы сейчас стали формализованными структурами, потерявшими связь с гражданским обществом и оформляющими предложения исполнительной власти в виде политических решений¹²¹⁶. Если элите для консолидации своих автократий на каком-то этапе и может быть достаточно устойчивых показателей государственности (например, сильного института главы государства)¹²¹⁷, то в условиях сетевого общества и цифровизации этого уже мало – любому режиму придется со сменой поколений решить

---

¹²¹⁴ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 249-150.

¹²¹⁵ Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. С. 85-102.

¹²¹⁶ Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? /Пер. с англ. СПб.: Алетейя. 2018. С. 27.

¹²¹⁷ Борисов Н.А. Институционализация института президента и перспективы консолидации политических режимов на постсоветском пространстве //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2011. №4(63). С. 93-103.

«дилемму Шмиттера» – провести демократизацию с формированием такой институциональной системы, которую смогли бы поддержать граждане¹²¹⁸.

Конечно, создание сетевого полиса на базе платформ, политического интерфейса и сетевых сообществ – не абсолютная панацея для легитимации демократического режима в России. Существует целый набор делегитимационных рисков, которые приносят с собой технологии такого рода, – кибертерроризм, политический экстремизм, киберпреступность и спонтанная охлократия. В академическом сообществе пока недостаточно изучен мир Даркнета, на неиндексируемые платформы и сообщества которого можно зайти лишь с таких браузеров как Tor. Адреса ресурсов Даркнета на практике имеют бессмысленный набор цифр и букв. Нередко криптовалюту, программы и алгоритмы шифропанков Даркнета (групп, выступающих за конфиденциальность коммуникации, против государственного контроля и разделяющих либертарианские идеи) используют террористические сети. Радикальные сетевые сообщества организуются и в обычном интернете¹²¹⁹. Имеются факты настоящей кибервойны между группами ультраправых и антифашистов, в ходе которых организуется слежка, а также подставные сообщества-ловушки.

Опасность игнорирования субъектами власти внедрения широких практик сетевой легитимации режима видна на примере так называемых технологий «цветных революций» (Украина, Грузия, Киргизия, Египет, Тунис и др.). В них угадывается общая схема – недовольство обратной связью с властью и решением проблем населения подхватывается оппозицией, которая обвиняет режим в фальсификации выборов (иногда задолго до самих выборов), затем оппозиция возглавляет и организует растущее протестное движение через сетевые коммуникации, добивается внутриэлитных противоречий режима и провоцирует переворот (объявляет выборы

---

¹²¹⁸ Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии //Полис. Политические исследования. 1996. №5. С. 16-27.

¹²¹⁹ Барлетт Дж. Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины. /Пер. с англ. М. Райтмана. М.: Эксмо. 2017. С. 10-17, 78.

нелегитимными и инициирует новые при зарубежной информационной поддержке). Недооценка демократизации через петли обратной связи приводит к ослаблению консолидации политического режима¹²²⁰ – часть элиты может на это пойти и отказаться от своего лидера, потерявшего доверие, сохранив некоторую власть на время переходного периода. Если же к этому процессу добавляется фактор активности внешнеполитических, транснациональных акторов, цифровой империи, то в качестве делегитимационного спускового крючка начинает срабатывать принцип «факта-признания» В.Л. Цымбурского¹²²¹: а) новое политическое сообщество в виде консолидированной оппозиции не признает действующий режим; б) поддерживающего режим политического сообщества может и не быть (особенно при автократиях, когда производится «зачистка» оппонентов и осуществляется целенаправленная деполитизация общества, сохраняющая лишь «зону власти»); в) оппозиционное сообщество начинает апеллировать к внешнеполитическому актору (ЕС, США и т.п.) для внешней стартовой легитимации уже своего политического режима, выстраивающегося на руинах предыдущего.

Вариант интернет-цензуры в Белоруссии показал, что этого недостаточно – недовольные контуром обратной связи граждане постепенно переключились от телевизионных каналов на неформальных лидеров мнений¹²²² – блогеров и каналы в Telegram и YouTube. Каков же рецепт от этих рисков? Чтобы не допустить обвальную делегитимацию режим должен расширить петли обратной связи с населением посредством выборных и алеаторных демократических процедур.

---

¹²²⁰ Чему Путин и оппозиция могут научиться на опыте Белоруссии. Мнение политолога Григория Голосова о роли выборов и протестов в авторитарных режимах. URL: <https://www.proekt.media/opinion/golosov-protesty-belorussia/> (дата обращения: 17.08.2020).

¹²²¹ Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа. 2011. С. 186-189.

¹²²² Бродовская Е.В., Никулин Е.Р., Давыдова М.А. Массовые политические протесты в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: причины возникновения, социальная база, цифровая инфраструктура // Журнал политических исследований. 2021. Т.5. №1. С. 23-35. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-23-35>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/42859/view> (дата обращения: 29.03.2021).

Алеаторная демократия (от лат. *alea* – жребий) в отличие от распространенной выборной демократии, исходит из процедуры жеребьевки – случайного отбора. Древнейшая форма этой системы существовала в античных полисах Афин и Рима¹²²³, Венецианской и Флорентийской республиках, королевстве Арагон. Бельгийский специалист по алеаторной демократии Д. ван Рейбрук отмечает, что жеребьевка исторически была всегда совмещена с выборами и нацелена на большее вовлечение населения в политическое участие, минимизацию конфликтности и стабилизацию страны¹²²⁴. Возродить алеаторную процедуру через механизм делебиративной демократии, включающей обсуждение проблем и аргументацию решений, предложил с профессор Техасского университета Дж. Фишкин¹²²⁵. По мысли Фишкина, важно узнать первичное мнение граждан, дать им необходимый контент, предусмотреть совместное обсуждение на ассамблеях в формате небольших компетентных групп (*deliberative mini-publics*) и выработать совместное решение.

Смысл алеаторной модели – сформировать доверие самих выборных политиков (представителей) к гражданам и наоборот. Член-корреспондент РАН В.Н. Руденко полагает, что преимуществами алеаторной демократии является¹²²⁶: а) ее применимость на всех уровнях власти; б) повышение доверия к демократическим институтам; в) соблюдение принципов справедливости и общего блага. К недостаткам он относит неподотчетность гражданам и властям алеаторных ассамблей, сформированных по жребию. Быть может, поэтому никто из исследователей не рассматривает алеаторную демократию как замену выборной. Логично создать их рабочее сочетание. Как предупреждает С. Маккуайр, граждане, столкнувшись со свободой, часто

---

¹²²³ Smorchkov A.M., Fedorchenko S.N., Shkarenkov P.P. *Vox Populi - Vox Dei: elections in the roman republic and modern democracies (comparative analysis)* //Новый исторический вестник. 2020. №4(66). С. 129-139.

¹²²⁴ Рейбрук Д. Ван. *Против выборов*. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. С. 79.

¹²²⁵ Fishkin J.S., Lushkin R.C. *Experimenting with a democratic ideal: deliberative polling and public opinion* //Acta Politica. 2005. №40. P. 284-298.

¹²²⁶ Руденко В.Н. *Формы алеаторной демократии: генезис и развитие* //Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 97–125.

начинают воспроизводить традиционные иерархии. Поэтому, создавая алеаторную систему, можно воспользоваться рекомендациями Маккуайра, который советует одновременно создать арт-проекты, воспитывающие у граждан ответственность к демократическому «присвоению общественного пространства» и распространяющие практики гражданского коллективного участия на многие сферы городской жизни¹²²⁷.

Создавая цифровой алеаторный портал в России, нужно учесть как микро-, так и макрополитический уровень. ИИ через оптику Big Data может выявлять основные проблемы граждан, делать классификацию проблем, затем осуществлять случайный выбор граждан из списка избирателей, приглашая их в алеаторные ассамблеи. Граждане через свои цифровые аватары получают возможность подключиться к политическому интерфейсу для микрополитических целей: а) знакомства с проблемой, необходимой для ее решения информацией, разными экспертными оценками; б) коммуникации между собой, политиками и экспертами; в) создания площадки для выработки общего решения проблемы. В качестве кейса для России интересен опыт «ячеек планирования», предложенных немецким профессором П. Динелем. Они являются отобранными группами по жребию до 25 человек, которые после обсуждения вопросов (от дорог до бюджета) готовят рекомендательные доклады с решением для соответствующего органа и уровня власти. Есть и схожий американский опыт в виде «жюри-проектов» на определенный срок, предложенный ученым Н. Кросби по образу судов присяжных. Жюри-проекты есть в Австралии, Канаде, Новой Зеландии и Великобритании.

После, к примеру, трехлетнего срока обучения граждан микрополитическим практикам политический интерфейс необходимо будет дополнить макрополитическим функционалом алеаторных процедур. В этом варианте речь идет не о местном сообществе, а о парламентском уровне и обсуждении стратегических политических решений. Например, в канадских

---

¹²²⁷ Маккуайр С. Геомедиа: сетевые города и будущее общественного пространства. /Пер. с англ. М.: Strelka Press. 2018. С. 173, 205.

провинциях Онтарио (2006-2007 гг.), Британская Колумбия (2004 г.) и Нидерландах (2006 г.) в качестве эксперимента была апробирована алеаторная технология: а) сначала из реестра избирателей через жребий формировалась большая случайная выборка граждан, получающих приглашение принять участие в проекте; б) следом на информационном собрании пожелавшие приглашенные могли самовыдвижением подтвердить свое участие в проекте, в) из этой группы с помощью жребия отбиралась итоговая команда (от 103 до 160 человек), которой поручали разобраться с политической реформой и предложить решение. Выработка решений шла от 9 до 12 месяцев с привлечением экспертов. В Ирландии и Исландии, где имелись проблемы с легитимацией режимов, жеребьевка была совмещена с прямыми выборами.

Впервые идею перехода парламента на принцип жеребьевки-демархии предложил австралийский философ Дж. Бернхайм¹²²⁸, который в недавней работе предложил применить алеаторную практику на цифровом портале, где будет организовано просветительство, обсуждение проблем и каждый гражданин сможет сделать свой личный вклад¹²²⁹. Хорошим примером является австралийский проект Citizens' Parliament (парламент граждан)¹²³⁰, сочетающий элементы ячеек планирования, жюри и ассамблей. Сначала было случайно выбрано 8 тыс. человек, из которых 3 тыс. согласились участвовать в проекте, затем жеребьевкой были выбраны 150 человек с учетом представительства регионов Австралии. Граждане, которые не вошли в эту группу, могли все равно принимать участие в обсуждении через цифровые платформы. В итоге парламент страны принял к рассмотрению одиннадцать предложений алеаторного проекта.

Алеаторный и выборный функционал политического интерфейса не должен быть одиноким маяком новой демократии в океане информационного

---

¹²²⁸ Burnheim J. *Is Democracy Possible?* Second edition. Sydney: Sydney University Press. 2006. P. 3-27; 121-130.

¹²²⁹ Burnheim J. *The Demarchy Manifesto: For Better Public Policy*. Imprint Academic. 2016. P. 5-39.

¹²³⁰ Dryzek J. *The Australian Citizens' Parliament: a World First* // *Papers on Parliament*. 2009. №51. June. P. 37-49.

шума. Центр должен скоординировать все действия государственных и общественных программистов, чтобы добиться перенастройки цифровых ритуалов, их алгоритмов на пропаганду ценностей демократии, взаимопомощи, контроля политиков и крупных капиталистических корпораций, творческой коллаборации, а не языка вражды, криминала и экстремизма. При этом во всех выборных платформах (федеральной, региональных, муниципальных) можно также проводить в качестве экспериментов внедрение алеаторных процедур, но не в качестве замены выборов, а как легитимационное дополнение. Алеаторика тем самым увеличивает и политическое участие. Д. ван Рейбрук предлагает внедрить механизм множественной жеребьевки (multi-body sortition), подразумевающий работу: а) отобранного по жребию и оплачиваемого совета по повестке дня (выбирает темы для законотворчества); б) инициативных коллегий из волонтеров (по 12 человек в каждой), разрабатывающих законопроекты по этим темам; в) отобранных по жребию и оплачиваемых обзорных коллегий, работающих с инициативными коллегиями и экспертами; г) отобранного по жребию из всех регионов «политического суда», голосующего за законопроекты; д) совета по регламенту и е) совета по надзору, принимающего жалобы¹²³¹.

С целью постепенной демократизации важно создать сообщества, ориентированные на коммуникацию со всеми российскими министерствами. В этих «нововластных» сообществах Распределители, Суперучастники и Участники будут обсуждать функционирование министерств, их проблемы и предлагать рекомендации по совершенствованию управленческого процесса, что в результате будет формировать «платформенную культуру»¹²³² новой демократии. Все подобные группы будут обязательно взаимодействовать с алеаторной частью российского парламента, комплектуемого по жребию. Тем

---

¹²³¹ Рейбрук Д. Ван. Против выборов. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. С. 144-145.

¹²³² Sundararajan A. What Airbnb Gets About Culture That Uber Doesn't //Harvard Business Review. 2014. November 27.

самым будет обеспечена коммуникационная связка централизованных «вложенных политий» (парламента, правительства, министерств, советов депутатов) и децентрализованных «наслаивающихся политий» (сетевых сообществ)¹²³³. Так как создание центральных узлов цифровой демократии в виде сетевых сообществ – чрезвычайно важная задача, поэтому следует особо остановиться на некоторых их кейсах.

Так, примечателен кейс Тайваня, где была использована платформа PoLis для урегулирования спора между правительством, традиционными такси и райдшеринговыми компаниями типа Uber. Этапы принятия решения решили транслировать онлайн, в результате Uber обязали проверять водителей и обеспечивать им страховку, а также стимулировали альтернативные проекты. Правительство после этого решило нанимать комьюнити-менеджеров, которые начали привлекать граждан для обсуждения самых разных проблем. Опыт NASA также может пригодиться российским министерствам. Это ведомство уже давно экспериментирует с «открытыми инновациями», под которыми понимается плотное подключение общественности к существующим проблемам организации¹²³⁴. Результаты не заставили себя долго ждать, а миф о неповоротливости и некомпетенции сообществ был развенчан. Так, если раньше исследовательский цикл занимал до пяти лет, то созданное проблемное сетевое сообщество позволило дешевле и быстрее разобраться с исследовательскими проблемами за три-шесть месяцев¹²³⁵. Сейчас в NASA даже есть специальный старший консультант, в задачи которого входит привлечение участников в проектную деятельность сообщества.

Будет полезно изучить и опыт корпоративных акторов. Например, в конкуренции за клиентов Lyft выбрал отличную стратегию от Uber, начав

---

¹²³³ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН. 2011. С. 81-82.

¹²³⁴ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 435.

¹²³⁵ Lifshitz-Assaf H. Dismantling Knowledge Boundaries at NASA: From Problem Solvers to Solution Seekers //Administrative Science Quarterly. 2017. Vol. 63. Iss. 4. P. 746-782.

апеллировать к своему водительскому сообществу, имевшему цифровое приложение. Компания начала вести с водителями диалог о проблемах заработной платы, бонусов, сервиса, снижения расценок, внедряя принципы регулярной коммуникации, хэштегирования позитивных сообщений, открытости и прозрачности. Airbnb также старается поддерживать свое сообщество, давая возможность его участникам оставлять отзывы о жилье, создав в итоге неплохую репутационную систему¹²³⁶. Сеть GoodSAM возникла как волонтерская платформа, помогающая простым гражданам оказать неотложную помощь и посылно участвовать в системе здравоохранения Великобритании. Отличительная черта всех этих сообществ – органичное и постоянное участие, легитимирующее проект вокруг какой-то проблемы. Авторы это называют стратегией контргегемонии¹²³⁷ – деятельностью групп по изменению общественного мнения в своих целях. Но создание полноценной цифровой демократической платформы возможно только при отсутствии дисбаланса между Policy (политическим курсом) и Politics (борьбой за власть)¹²³⁸. Если грамотное соотношение Policy и Politics не будет найдено, а также не будут решены «дилемма короля» (гражданское требование расширения политических прав) и «дилемма политика» (сопротивление групп изменениям на фоне неэффективности бюрократии), то цифровая демократия превратится лишь в очередной «карман эффективности» без фундаментальных и прогрессивных сдвигов для страны.

При развитии цифровой демократии недостаточно допустить политизацию дискурса, важно, чтобы граждане научились осмысливать обсуждаемые политические темы. Обостряющиеся риски перегрузки цифровых платформ «мусорной информацией» (несущественными обсуждениями, флеймом, комментариями, постами и т.д.) можно купировать

---

¹²³⁶ Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2019. С. 165, 176, 438.

¹²³⁷ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. /Пер. с англ. М.: Strelka Press. 2019. С. 194.

¹²³⁸ Гельман В.Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Изд. Европ. ун. в Санкт-Пет. 2019. С. 9, 37.

иным рецептом – внедрением механизма «замедления демократии». Исходя из этой задачи следует изучить делиберативные рекомендации профессора университета Лидса С. Коулмана. Британский политолог предлагает воспитывать и обучать граждан в рамках четырех компетенций, способных легитимировать демократический режим¹²³⁹. Во-первых, ученый акцентирует на «способности осмыслить политическое», которая поможет гражданам выйти из стресса агрессивных новостей в формате 24/7. Рецептом выступает техника «замедления демократии», когда участники демократических сообществ на специальных порталах могут: а) ознакомиться с историей голосования, расходах и парламентских выступлениях политиков; б) комментировать парламентские стенограммы; в) делать свои новостные ленты, получая нужную им информацию.

«Замедление демократии» позволяет гражданам лучше понять свои пробелы в политической сфере и вникнуть законотворческий механизм. Примером такой платформы является британский проект TheyWorkForYou¹²⁴⁰. У подобных систем – открытые исходные коды (чтобы легче делиться своими разработками и избежать ненужного дублирования гражданских проектов). К этой платформе адаптирован демократический интерфейс из альтернативного софта. Например, доступен программный софт некоммерческой организации mySociety (схожую систему Pombola с открытым кодом mySociety для запуска сайтов, мониторящих деятельность парламентов, сделали в Кении). Программа FixMyStreet помогает с помощью меппинга отмечать на картах проблемы и информировать власти о проблемах (дороги, освещение). Цифровая платформа WhatDoTheyKnow облегчает организацию жалоб и запросов граждан к британским властям. С ней связана программа Alaveteli. Платформа WriteToThem связывает британских граждан с их представителями. В подобные платформы теперь можно внедрять технологии

---

¹²³⁹ Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? /Пер. с англ. СПб.: Алетейя. 2018. С. 90-91.

¹²⁴⁰ TheyWorkForYou. URL: <https://www.theyworkforyou.com/> (дата обращения: 18.08.2020); Margetts H. The Internet in Political Science //New Directions in Political Science – Responding to the Challenges of an Interdependent World. /Ed. by C. Hay. Red Globe Press. 2010. P. 77-83.

ИИ, которые помогут быстрее ответить на запросы граждан по нужной политической информации.

Во-вторых, Коулман пишет, что граждан нужно обучать такой компетенции как «способности быть открытым к обмену аргументами» (внедрение ценностей делиберативной экосистемы на уровень сетевых сообществ, повышение культуры слушания). В-третьих, британский автор называет компетенцию «восприниматься значимым»¹²⁴¹. С. Коулман, как и Дж. Дин, советует повнимательней изучить феномен селфи, чтобы его использовать для мотивации вовлечения граждан в делиберацию через самопрезентацию. Обращает внимание Коулман и на значение мемов в политической коммуникации. В-четвертых, политолог предлагает компетенцию «быть способным внести значимый вклад». Такой тезис созвучен с «аристотелевским принципом» Дж. Ролза. Хотя Коулман и предупреждает о рисках «алгоритмического надзора» за деятельностью граждан в сети. Цифровые делиберативные проекты должны учитывать разность логик политических участников, а не отвергать иррациональную сторону политического дискурса, отходя от хабермасовского упора на рационализм оппонента¹²⁴². Здесь могут помочь междисциплинарные исследования геймификации политики, а также гибридной субъектности, появившейся из-за распространения цифровых аватаров граждан.

Хотя формирование демократического режима происходит только в случае, если элита расширяет избирательные права¹²⁴³, построить модель цифровой демократии только на рациональных принципах не получится. Легитимация современных режимов во многом обусловлена трендом политического фетишизма, который не все авторы считают негативным фактором политической жизни, различая два его типа – элитистский и

---

¹²⁴¹ Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? /Пер. с англ. СПб.: Алетейя. 2018. С. 101-103.

¹²⁴² Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М. Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. М.: Аквилон. 2015. С. 264-265.

¹²⁴³ Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки диктатуры и демократии. /Пер. с англ. С.В. Моисеева. М.: Изд. дом ВШЭ. 3-е изд. 2020. С. 50.

народный. Сторонники элитистского подхода считают важнейшим фактором в легитимации демократии защиту действующих институтов с одновременным ограничением активности низов, выступающих против социального неравенства. Тогда как их противникам из лагеря народного демократического фетишизма менее характерен образ рационального потребителя¹²⁴⁴. При конструировании цифровых платформ гражданского участия в России важно понимать и принимать противоречия этих двух видов демократического фетишизма, использовать их во благо демократического переустройства политического режима.

Делая выводы по параграфу, требуется заметить, что современный российский режим нуждается в качественной, глубокой, а не поверхностной демократизации, которая невозможна без устранения цифрового неравенства в стране, как минимум. Только при создании ИТ-инфраструктуры, способной обеспечить качественное подключение россиян к интернет-соединению, можно говорить о перспективах цифровизации демократических практик в нашей стране. Любая профанация демократического процесса в условиях развития интернет-коммуникаций и появления сетевых сообществ, наоборот, лишь вызовет падение доверия к власти и рост антиправительственного дискурса. В этих условиях самую большую опасность для российского режима несет эффект наложения внешней и внутренней делегитимации в рамках информационного противоборства за политическую повестку во время выборов. До тех пор, пока абсолютное большинство россиян не перейдут на пользование социальными сетями вместо традиционного телевидения, действие этого эффекта минимально (ряд телеканалов контролируется властями). Однако рост популярности соцсетей среди российской молодежи может изменить это соотношение не в пользу властей.

Цифровизация, с одной стороны, дает определенный шанс для купирования рисков делегитимации режима и «цветной революции» во время

---

¹²⁴⁴ Капустин Б. О демократическом фетишизме //Логос. 2020. Т. 30. №5(138). С. 165-225. DOI 10.22394/0869-5377-2020-5-165-220.

выборных демократических процедур. Но, с другой стороны, непродуманная цифровизация демократических практик чревата ростом политических манипуляций и слабой защитой конфиденциальных данных граждан. Следовательно, цифровая демократия может стать легитимационной технологией политического режима, если она обеспечит: оценку институтов как справедливых, основанных на честной, защищенной, прозрачной и одновременно эффективной системе коммуникации, согласие по поводу выборных процедур и доверие к этим процедурам. Цифровая платформа, обеспечивающая алеаторные и выборные процедуры, должна, во-первых, допускать политизацию дискурса и вовлекать граждан в обсуждение политических решений, и, во-вторых, обеспечивать цифровой суверенитет России, будучи независимой от алгоритмов и технологий искусственного интеллекта иностранных государств и крупных IT-компаний (Google, Facebook и др.).

Игровая модель вовлечения граждан в обсуждение политических вопросов должна купировать риски их перехода на радикальные цифровые платформы, контролируемые экстремистами и антиправительственными группами шифропанков. Политизацию дискурса разных сфер в России важно привязать к пониманию демократии как справедливости, основанной на честных, прозрачных выборах, конкуренции, эмпаурменте – своевременной передаче власти. Важно, чтобы хозяевами цифровой демократической платформы в России стало не государство или IT-корпорации, а сами россияне. Обсуждение основных вопросов должно предполагать принципы «замедления демократии» и формат парессии – использования критического дискурса для конструктивной критики неэффективности и несправедливости решения вопросов на различных уровнях власти. Вполне вероятно, что такая цифровая демократическая платформа должна иметь соответствующие приложение, скачиваемое на смартфоны, а также учитывать развитие технологий дополненной реальности.

Итак, какие выводы можно сделать по этой главе? Проведенный анализ позволяет говорить о формировании специфической цифровой геополитической системы из трех взаимосвязанных групп политических режимов: цифровой империи (группы из метрополии США, как информационного гегемона, и сетевых полисов союзных режимов-протагонистов), зависимых цифровых колоний и сетевых полисов режимов-антагонистов (информационных соперников). Поэтому в этих геополитических условиях возникает большой спрос на политологическую концептуализацию такого понятия как цифровой суверенитет. По этой причине Китай и Иран стараются создать свои суверенные от цифровой империи сетевые полисы с разнообразными аренами коммуникации, внедряя собственные правила для пользователей – политический интерфейс. Это можно сравнить с конструированием национальных зон интернета по типу эхо-камер. Данный процесс был ускорен из-за прохождения пика глобализации и форсированной цифровизации по причине COVID-19, создающей условия для «цифрового отгораживания» режимов друг от друга.

Купирование рисков информационных войн и делегитимации политических режимов возможно лишь при рассмотрении фейков как составных элементов политических интриг. Деконструкция политических интриг должна предполагать определение уровня опасности политизации сетевых фейков для режима («зеленый», «желтый», «красный»). Это особенно актуально в свете трансформации классических субъект-объектных отношений в сторону гибридной субъектности, предполагающей феномен политических ботов – гибридный интерфейс «человек – искусственный интеллект», а также феномен самокоммуникации – коммуникацию ботов на основе искусственного интеллекта без посредничества человека.

Цифровизация дает определенный шанс для предотвращения негативных эффектов от политических интриг, делегитимации режима и «цветной революции» во время выборных демократических процедур. Но она же может привести к противоположным результатам при сохранении цифрового

неравенства, безответственном и поверхностном подходе. Цифровая демократия может стать легитимационной технологией политического режима, если она обеспечит: оценку институтов как справедливых, основанных на честной, защищенной, прозрачной и одновременно эффективной системе коммуникации, согласие по поводу выборных процедур и доверие к этим процедурам. Одновременно политизацию дискурса разных сфер в России важно привязать к пониманию демократии как справедливости, основанной на честных, прозрачных выборах, конкуренции, эмпаурменте (освоении гражданами компетенций демократического участия и обсуждения политических решений, своевременной передаче власти, генерации власти снизу). Власть может мониторить деструктивные процессы, но хозяевами этой платформы должны стать именно российские граждане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация политического режима происходит в противоречивых условиях наступившей социотехнической реальности (фиджитал-мира), где виртуальные сети переплетаются с реальными, а текущая социально-политическая активность все больше связана с софтом, алгоритмами и цифровыми платформами, поддерживающими данные сети (см. Приложения №1-7). Несмотря на сетевой, дискретный и кажущийся неиерархический характер современных коммуникаций, большую роль в них сохраняют централизованные узлы и алгоритмизация повседневной деятельности индивидов, выступающие основной опорой сохранения власти элиты над политическим режимом.

Функциональный подход позволяет предложить новую модель сетевой легитимации политического режима, выделив следующие ее уровни: технологический, персональный, институциональный и ценностный. Уровни политической легитимации – от самого утилитарного «технологического» до самого сакрального «ценностного» – наиболее оптимально работают в сетевой совокупности и двух измерениях – внутривнутриполитическом и внешнеполитическом, совмещаясь между собой и усиливая друг друга по принципу фрактальности. Функция сетевой легитимации – преодоление легитимационных кризисов путем внедрения новых легитимационных технологий (цифровых), способных ослаблять противоречия между устаревшей легитимирующей формулой и новым содержанием политического режима.

Важно отметить, что в «чистом виде» не один уровень (или измерение) легитимации не способен обеспечить долговременную устойчивость и работоспособность политического режима. Самый действенный вариант заключается в адекватном сочетании этих уровней элитой режима. Перечисленные уровни легитимации не исключают ее направленности: нисходящая легитимация в основном производна от технократической активности политической элиты, как субъекта власти, тогда как восходящая

легитимация подключается только при условии активности различных политий – политических сообществ сетевого характера и готовности самой элиты к феномену эмпауэрмента, массовой политике и демократизации. Преобладание нисходящей легитимации сохраняет автократические практики режима, включение восходящей – демократические, отсутствие нисходящей легитимации формирует риски делегитимации режима. Также есть нисходящая и восходящая делегитимация: первая – это ошибки элиты, постоянное недоверие к населению, вторая – это деструктивная активность антиправительственных и радикальных групп.

Между тем, абсолютно все типы политических режимов в своей легитимации начинают учитывать специфические цифровые ритуалы – однотипные социальные действия индивида, возникающие в виде реакции на активность других индивидов в формате интернет-коммуникаций (лайки, дизлайки, репосты, посты, комментарии). Поэтому теперь легитимационные практики режимов ориентируются на выстраивание взаимоотношений с гражданами через конкретное проявление этой ритуализации в виде цифровых аватаров – виртуальных расширений, воплощений индивидов, которые через аккаунты и персональные кабинеты на государственных и коммерческих веб-ресурсах отражают его специфический биометрический образ, основные черты характера, поведения, предпочитаемые цифровые ритуалы и разделяемые ценности, в том числе и политические.

Массовая аватаризация ставит само право на коммуникацию в зависимость от дополнительных цифровых посредников-фирм. Также серьезной проблемой остается разрушение классической политической субъектности. К примеру, голограмма используется не только в целях легитимации режима через популистских политиков, но и может стать механизмом делегитимации, разрушая «контроль власти над телом» в понимании М. Фуко и устраняя «пространственно-временной континуум политики».

О кризисе традиционной политической субъектности говорит и тот факт, что боты на основе технологий искусственного интеллекта начинают формировать так называемую гибридную субъектность в виде специфических систем – «мегамашин власти», состоящих не только из политиков, партий и государственных служащих, но и из интеллектуальных агентов. Это дает основание говорить о появлении в будущем совершенно новой цифровой архитектуры политических режимов, которые будут включать гибридные министерства, партии и органы власти из реальных людей и систем искусственного интеллекта.

Безусловно, такие гибридные системы (о чем уже может свидетельствовать появление «виртуальных чиновников» и «виртуальных политиков») полезны власти для экономии времени и затрат, обработки огромных массивов больших данных. Вместе с тем, большие угрозы в будущем несет появление цифровых спойлеров – целой системы ложных аватаров министерств, политических лидеров, партий и глав государств (что подтверждают участвовавшие случаи появления симуляций политиков через систему Deepfake). Серьезные риски также закладывает эффект самокоммуникации, когда искусственные агенты начинают коммуницировать между собой без посредничества человека.

Из-за появления цифровой геополитики и политических интересов разных режимов в цифровой среде важными слагаемыми цифрового суверенитета становится наличие у политического режима не просто своего сетевого полиса с коммуникационными аренами, но и собственного политического интерфейса с элементами цензуры, способного запретить, разрешить те или иные действия для цифровых аватаров посредством набора алгоритмов. Другими составными частями цифрового суверенитета является наличие электронного щита (национальных киберподразделений, компьютерного оборудования и софта). Тем самым, цифровизация политического режима становится сложным процессом, с одной стороны, ориентированным на достижения легитимации режима посредством сетевых

коммуникаций, с другой стороны, парадоксальным образом приводящим к рискам и угрозам такого слагаемого легитимности как суверенитет.

Специфика и различия современных автократий и демократий исторически обусловлены ценностными, цивилизационными отличиями, что хорошо объясняется в рамках модели «вызова-и-ответа» А. Тойнби. Особенно это актуально в условиях эффекта храповика – стирания отличий автократий и демократий в условиях пандемии COVID-19 (анализ 40 режимов показал, что либеральные демократии (постдемократии) во время пандемии ввели более изоциренные и разнообразные технологии цифрового контроля граждан по сравнению с закрытыми, консолидированными автократиями, не спеша их отменить даже после ослабления первой волны пандемии).

Принципиальные различия между режимами видятся в следующем: закрытые автократии даже в своих цифровых легитимационных практиках сохраняют идеократический характер, тогда как либеральные демократии приобретают постдемократические признаки, задеиствуя при взаимоотношении с гражданами принципы медиакратии, медиалогии, политического шоу и коммерциализации жизни¹²⁴⁵. Имитационные режимы (электоральные демократии и электоральные автократии) сохраняют наибольшие риски легитимационных кризисов: ряд вводимых модернизаций является, скорее, попыткой соответствовать международным рейтингам, системам, индексам, добиться признания со стороны постдемократий. В результате имитационные режимы попадают в зависимость от внешней легитимации постдемократий (либеральных демократий), одновременно отходя от своих прежних идеократических основ.

Технологии легитимации политических режимов можно условно разделить на: а) социально-ориентированные (прогрессивные), консолидирующие режим, выстраивающие доверие граждан по отношению к нему и не имеющие антиобщественного характера, а также учитывающие

---

¹²⁴⁵ Федорченко С.Н. Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИИУ МГОУ. 2021. С. 223.

ценности, политическую культуру общества; б) амбивалентные (могут использоваться в любых целях – внутренней легитимации, внешней легитимации со стороны другого режима, а также в манипулятивных целях); в) манипулятивные (практикуются только в интересах субъекта власти – политической элиты, усиливая социальное, политическое и цифровое неравенство, отчетливо приобретая антиобщественный характер).

Легитимация политических режимов включает цифровую форму политической повестки по причине эволюции ее символических компонентов в хэштеги и мемы. Необходимо подчеркнуть, что если хэштег – это результат трансформации классического лозунга, обладающего функционалом цифрового меседжа и гиперссылки, то мем, как итог эволюции плаката, подразумевает игровое сочетание внешнего графического слоя-приманки и лаконичного сообщения, часто сопровождаемого сатирическим стилем. Однако, несмотря на инновационность цифровой политики, хэштегирование и мемификация продолжает практиковать бинарные архетипические оппозиции по системе «свой-чужой». В отличие от элиты, как субъекта власти, политические радикалы могут обращаться к подобным приемам с целью делегитимации режима.

Дополнительная реконцептуализация модели «факта-признания» В.Л. Цымбурского в условиях цифровизации позволяет говорить о внешней и внутренней легитимации и делегитимации, когда устойчивая легитимность политического режима зависит от совокупного действия внешнеполитических и внутривнутриполитических акторов. Самые серьезные риски информационных войн для устойчивости политических режимов возникают при эффекте наложения внутренней и внешней делегитимации, наиболее отчетливо проявляющегося во время одновременного оспаривания справедливости выборов со стороны оппозиции и со стороны политиков других стран.

Дискретная и фрактальная по характеру социотехническая реальность становится ареной информационного противостояния сетевых полисов – информационных воплощений политических режимов в виртуальной

реальности, наиболее сильные из которых имеют тенденцию к превращению в цифровые империи. Последняя становятся важным фактором внешней легитимации для ряда политических режимов. Однако, если у постдемократических (либерально-демократических) режимов сложилась собственная система внешней легитимации за счет США, то у большинства современных автократий (как у закрытых с идеократической легитимацией, так и у электоральных) такого внешнего легитиматора нет. В силу идеологических, ценностных и цивилизационных отличий такую функцию пока не могут исполнять ни Китай, ни Саудовская Аравия, ни иные режимы.

На этом фоне наиболее перспективными направлениями политологических исследований представляются следующие: анализ легитимации, делегитимации политических режимов, провластных идентичностей посредством нейросетей и систем искусственного интеллекта; изучение роли интернета вещей в механизме режимной легитимации; сравнительный анализ инновационных политических технологий дополненной реальности; определение симбиотических отношений представителей политической элиты и руководства цифровых корпораций; разработка новых моделей цифровой демократии; выявление фактов фундаментального воздействия форсированной цифровизации на традиционные политические институты и практики; анализ цифровой дипломатии, цифрового суверенитета, цифровизации геополитических процессов и международных отношений.

Перспективным политологическим направлением может стать изучение зависимости легитимационных и делегитимационных процессов от типов архитектуры сетевых коммуникаций и цифровых платформ. Вполне возможно, что здесь можно оттолкнуться от интересных разработок в области агентного подхода¹²⁴⁶.

---

¹²⁴⁶ Ахременко А.С., Петров А.П.Ч., Жеглов С.А. Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу // Политическая наука. 2021. №1. С. 12-45. DOI 10.31249/poln/2021.01.01.

Проходящая форсированная цифровизация, внедрение цифровых приложений и систем практически во все сферы жизни, прочно привязывает жизнь человека к параметрам и ограничениям алгоритмов. Социотехническая реальность (фиджитал-мир) проявляется в гибридном сосуществовании социального и технического. Происходит алгоритмизация власти – во всех политических режимах, вне зависимости от их типов, усиливаются формы цифрового контроля в виде рейтингов, моделей учета, приложений, регламентирующих ежедневную работу сотрудников компаний и государственных служб. В ответ растет гражданское раздражение и появление ответной реакции в форме процессов делегитимации и протестной активности. Это определяет эволюционные риски политических режимов, особенно демократических, в частности. Алгоритмизация власти, помноженная на технократический характер управления, игнорирующая права личности, ценности страны, содает риски, как «нового варварства сверху» (со стороны безразличной к гражданам элиты), так и «нового варварства снизу»¹²⁴⁷ (со стороны безразличной к культуре, судьбе собственной страны потребительской и обезличенной цифровизацией толпы).

В данных непростых условиях российскому политическому режиму стратегически важно создать такую цифровую среду, которая бы свела к минимуму дисбаланс между внедрением новых форм цифрового контроля и внедрением новых форм цифровой демократии. Новая российская цифровая платформа, обеспечивающая алеаторные и выборные процедуры, должна:

- допускать политизацию дискурса и вовлекать граждан в обсуждение политических решений;
- обеспечивать цифровой суверенитет России, будучи независимой от алгоритмов и технологий искусственного интеллекта иностранных государств и крупных транснациональных IT-корпораций;

---

¹²⁴⁷ Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Институт философии РАН. 1995. С. 180-184; Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX – XX вв. М.: Моск. шк. полит. иссл. 2009. С. 8-9.

- игровым способом вовлекать граждан в обсуждение политических вопросов, купируя риски их перехода на радикальные цифровые платформы, контролируемые экстремистами и антиправительственными группами.

Если политический режим России намерен получить прочную легитимность, он должен трансформировать всю систему взаимоотношений между властью и гражданами, сочетая практики политического просвещения, ценностно-цивилизационные компоненты понимания демократии как справедливости, основанной на честных, прозрачных выборах, конкуренции. Важно поддерживать стратегию эмпаурмента – освоение гражданами демократических компетенций, вовлечение граждан в политический процесс, активный диалог с государством, обеспечивая распространение демократических ценностей¹²⁴⁸, обязательную и своевременную ротацию государственных кадров. Требуется начать обратно трансформировать российского пользователя в российского гражданина, ответственного за судьбу своей страны и готового активно участвовать в ее качественном преобразовании. Популизм и приемы технократии должны смениться принципами обучения населения демократией через делебиративные приемы «замедления демократии» и парессии – использования критического дискурса для конструктивной критики неэффективности и несправедливости решения вопросов на различных уровнях власти. Любые цифровые преобразования в России должны включать систему открытых алгоритмов, одновременно сохраняющих конфиденциальность персональной информации гражданина и направленных на минимизацию социально-экономического, политического и цифрового неравенства в стране.

---

¹²⁴⁸ Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация. /Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. М.: Полит. энци. 2018. С. 460-462.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Монографии

1. Акопов Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основании инновационных политических интернет-коммуникаций: монография. М.: КНОРУС, 2014. 238 с.
2. Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. /Пер. с англ. А. Глухова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 288 с.
3. Арендт Х. Vita Activa, или О деятельности жизни. /Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
4. Асеомглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки диктатуры и демократии. /Пер. с англ. С.В. Моисеева. М.: Изд. дом ВШЭ. 3-е изд., 2020. 512 с.
5. Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М.: Аспект-Пресс, 1996. 127 с.
6. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. стереот. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 408 с.
7. Багдасарян В.Э. Заглянуть за черту. Искусственный интеллект и постчеловек: проблема ценностного программирования. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 84 с.
8. Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход. СПб.: Балт. гос. технич. ун-т., 2007. 208 с.
9. Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 128 с.
10. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. /Пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова, под ред. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2018. 272 с.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. /Пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
12. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. /Пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2018. 240 с.

13. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. /Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2017. 346 с.
14. Богданов А.А. Очерки организационной науки. М.: Т8 RUGRAM, 2019. 354 с.
15. Бойд-Барретт О. Медиа-империализм. /Пер. с англ. Х.: Гуманитарный центр, 2018. 292 с.
16. Бреслер М.Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 174 с.
17. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. /Пер. с англ. Г.М. Дерлугьяна. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2020. 304 с.
18. Вебер М. Политика как призвание и профессия. /Пер. с нем. и вступит. статья А.Ф. Филиппова. М.: РИПОЛ классик, 2018. 292 с.
19. Вертешин А.И. Медиалегитимация политической власти в современной России. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2008. 260 с.
20. Ветренко И.А. Игровые практики в политическом процессе: монография. Омск: Изд. Омск. гос. ун-та, 2009. 160 с.
21. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М.: Изд. Проспект. 2021, 416 с.
22. Голосов Г.В. Автократия, или Одиночество власти. СПб.: Изд. Европ. ун. в Санкт-Петербурге. 2019, 160 с.
23. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2019, 319 с.
24. Грамши А., Лукач Д. Наука политики. Как управлять народом. М.: Родина. 2020, 336 с.
25. Грачев М.Н. Политика: коммуникационное измерение: монография. Тула: Издательство Тульского гос. пед. универ. им. Л.Н. Толстого. 2011, 172 с.

26. Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
27. Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 288 с.
28. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 560 с.
29. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Ключкова Е.Н., Талапина Э.В., Старцев Я.Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 114 с.
30. Ду Пин, Юй Шиян, Ян Даолин. Путь развития электронного правительства в Китае: информатизация и сетевая безопасность как стимул модернизации системы государственного управления и административных методов. СПб.: Нестор-История, 2017. 421 с.
31. Дуглас М. Как мыслят институты. /Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2020. 250 с.
32. Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. Монограф. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 360 с.
33. Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. /Пер. с франц. А. Зыгмонт. М.: ББИ, 2019. 300 с.
34. Зиновьев А.А. Запад. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. 517 с.
35. Иванов А.В. Социальный ортогенез: моногр. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018. 512 с.
36. Информационная эпоха: вызовы человеку. /Под ред. И.А. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. М.: РОССПЭН, 2010. 335 с.
37. Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории: монография. М.: РГ-Пресс, 2018. 224 с.
38. Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии: монография. М.: Проспект, 2019. 144 с.

39. Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М. Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. М.: Аквилон, 2015. 288 с.
40. Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Институт философии РАН, 1995. 211 с.
41. Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX – XX вв. М.: Моск. шк. полит. иссл., 2009. 248 с.
42. Кармадонов О.А. Социология символа. М.: Academia, 2004. 352 с.
43. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012. 191 с.
44. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
45. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 312 с.
46. Когатько Д.Г., Тхакахов В.Х. Российская идентичность: Культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.
47. Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы. /Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 262 с.
48. Корнев В.В. Эгоистичный мем идеологии. М.: КАНОН + РООИ «Реабилитация», 2020. 267 с.
49. Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? /Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2018. 132 с.
50. Кравченко И.И. Бытие политики. М.: ИФ РАН, 2001. 259 с.
51. Кравченко И.И. Политика и сознание. М.: ИФ РАН, 2004. 216 с.
52. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2014. 384 с.
53. Лебон Г. Психология народов и масс. /Пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М.: АСТ, 2018. 384 с.

54. Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с.
55. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. /Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль, 2016. 612 с.
56. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж», 2019. 304 с.
57. Локтионов М.В. Системный подход в менеджменте. М.: Генезис. Фронтир. Наука, 2000. 286 с.
58. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. /Пер. с нем. И.Д. Газиева, под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 621 с.
59. Маккуайр С. Геомедиа: сетевые города и будущее общественного пространства. /Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2018. 268 с.
60. Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства: монография. М.: Юрайт, 2019. 212 с.
61. Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная Ласточка, 2017. 208 с.
62. Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.
63. Марков Б.В. Понятие политического. М.: РОССПЭН, 2007. 144 с.
64. Массовая политика: институциональные основания. /Под ред. С.В. Патрушева. М.: Полит. энц., 2016. 286 с.
65. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997. 650 с.
66. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. /Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2010. 274 с.
67. Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление: Монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 296 с.
68. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети. М.: АСТ, CORPUS, 2014. 528 с.

69. Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М.: Изд. ИКАР, 2018. 352 с.
70. Остапенко А.Г., Паринов А.В., Калашников А.О. и др. Социальные сети и деструктивный контент. /Под ред. чл.-корр. РАН Д.А. Новикова. М.: Горяч. линия – Телеком, 2020. 274 с.
71. Павловский Г. Ироническая империя. Риск, шанс и догмы системы РФ. М.: Европа, 2019. 384 с.
72. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. 640 с.
73. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011. 230 с.
74. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 53 с.
75. Пономарев Н.Ф. Стратегии и технологии медиалегитимации власти. Пермь: Перм. гос. универс, 2010. 192 с.
76. Почекаев Р.Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 366 с.
77. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 216 с.
78. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Колл. моногр. /Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. 384 с.
79. Разуваев В.В. Анатомия политической интриги. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 184 с.
80. Рейбрук Д. Ван. Против выборов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 200 с.
81. Родькин П.Е. Медиа и социум. Три попытки вскрыть субъект власти: Критический очерк. М.: Совпадение, 2016. 72 с.

82. Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. Изд. 3-е. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 536 с.
83. Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: ФОРУМ, 2009. 384 с.
84. Сачмен Л. Реконфигурация отношений человек – машина: планы и ситуативные действия. М.: Элементарные формы. /Пер. с англ. А. Максимовой, 2019. 488 с.
85. Сафронов А.П. Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения. М.: Алгоритм, 2018. 384 с.
86. Сморгун Л.В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. М.: РОССПЭН, 2007. 176 с.
87. Современное государство, социум, человек: российская специфика. /Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2010. 243 с.
88. Соловьев А.И. Культура власти. М.: Николь, 1992. 140 с.
89. Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.
90. Срничек Н. Капитализм платформ. 2-е изд. /Пер. с англ. М. Добряковой. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2020. 128 с.
91. Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас все. /Пер. с англ. Л.И. Степановой. М.: Эксмо, 2018. 384.
92. Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 283 с.
93. Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация. /Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. М.: Полит. энц., 2018. 477 с.
94. «Технология власти» (философско-политический анализ). /Отв. ред. Р.И. Соколова, ред. В.И. Спиридонова. М.: ИФ РАН, 1995. 163 с.

95. Тойнби А.Дж. Постижение истории. /Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Академический проект, 2019. 802 с.
96. Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб.: Алетея, 2008. 248 с.
97. Угрин И.М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. М.: Инст. филос. РАН, 2017. 106 с.
98. Федорченко С.Н. Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИИУ МГОУ, 2021. 242 с.
99. Филлипс У. Трололо: Нельзя просто так взять и выпустить книгу про троллинг. /Пер. с англ. М.: Альпина Пабlishер, 2016. 300 с.
100. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978 – 1979 учебном году. /Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
101. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977 – 1978 учебном году. /Пер. с фр. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
102. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983 – 1984 учебном году. /Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2014. 358 с.
103. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей совр. исск. «Гараж», 2020. 416 с.
104. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 368 с.
105. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис, 2010. 264 с.
106. Хантингтон С. Политический порядок в меняющемся обществе. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
107. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
108. Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. /Пер. с англ. М.: Альпина Пабlishер, 2019. 504 с.

109. Химанен П. Хакерская этика и дух информационализма. М.: АСТ, 2019. 258 с.
110. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца, 2016. 567 с.
111. Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 264 с.
112. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН, 2011. 287 с.
113. Черных А.И. Ритуалы и мифы медиа. М., СПб.: Центр гум. инициатив, Гнозис, 2015. 160 с.
114. Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 144 с.
115. Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. 372 с.

Публикации в периодических изданиях и сборниках

116. Абрамов А.В. Крымский консенсус как феномен российского политического сознания //Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы: Сб. науч. ст. по матер. шестой Межд. научно-практ. конф. /Под ред. А.А. Вилкова. Саратов: Сарат. источн., 2019. С. 3-9.
117. Алексеев Р.А. Проблемы становления российской демократии и роль в этом процессе избирательной системы, технологий Big Data и блокчейн //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №1. С. 40-52. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28087/view> (дата обращения: 29.03.2021).
118. Алексеев Р.А. Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее и будущее //Журнал политических исследований. 2020. Т.4. №4. С. 25-38. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-25-38>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/41340/view> (дата обращения: 29.03.2021).

119. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарев И.Д. «Квантовая» теория принятия решений в политической науке //Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 22-32. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.03.
120. Альбиков Р.Ф. Перспективы применения блокчейн-технологии в избирательной системе //Теория государства и права. 2019. №2. С. 122–128.
121. Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Социально-сетевые движения как метафора искусственного интеллекта //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №50. С. 5-20. DOI: 10.17223/1998863X/50/1.
122. Ахременко А.С., Петров А.П.Ч., Жеглов С.А. Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу //Политическая наука. 2021. №1. С. 12-45. DOI 10.31249/poln/2021.01.01.
123. Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» //Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. /Отв. ред. О.Ю. Малинова. С. 126-148.
124. Бадретдинов И.Р., Бадретдинова С.А. Легитимация и делегитимация государственной власти как политический процесс //Общество: политика, экономика, право. 2019. №11. С. 38-42.
125. Белов С.И. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) //Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Т. 20. №1. С. 96-104.
126. Бельтант Ж. История и легитимация: Соединенные Штаты Америки в «войне против терроризма» //Логос. 2015. Т.25. №3(105). С. 224-240.
127. Беляева Л.А. Социальное государство в современной России: ожидания и реальность //Вопросы философии. 2019. № 11. С. 11-16. DOI: 10.31857/S004287440007345-4.

128. Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2008. №3. С. 7-29.
129. Бойцова О.Ю. Легитимация (Легитимизация) //Философия политики и права. 100 основных понятий. /Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова. Пушкино: Центр стр. кон. 2014. С. 75-76.
130. Буров В.Г. Китай: третий путь //Полилог. 2018. Т. 2. №3. С. 8. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110000052-9-1/> (дата обращения: 20.04.2021).
131. Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения Интернет-пользователей в России //Полис. Политические исследования. 2011. №5. С. 151-163.
132. Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 23-33. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38589/view> (дата обращения: 29.03.2021).
133. Валиахметова Г.Н. Обеспечение национальной кибербезопасности в условиях виртуальных войн XXI в.: опыт Исламской Республики Иран //Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2016. №2(152). С. 87-97.
134. Володенков С.В. Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 205-212.
135. Володенков С.В. Big Data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №1. С. 7-13. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28084/view> (дата обращения: 29.03.2021).
136. Воронина О.А. Виртуальное тело и нормативный гендер в киберпространстве //Человек. 2016. №2. С. 5-14.

137. Гасратова Ф.М. Современные технологии и механизмы легитимации власти //Вестник университета. 2014. № 16. С. 21-25.
138. Глинчикова А.Г., Синеокая Ю.В., Степанянц М.Т. Архаизация: поворот вспять или мобилизация к будущему? //Философский журнал. 2017. Т. 10. №3. С. 133-152. DOI: 10.21146/2072-0726-2017-10-3-133-152.
139. Грачев М.Н. О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга //Век информации. 2018. Т.2. №2. С. 94-96.
140. Григорянц Г.Г. Три модели легитимации власти //Լրարերհասարակական Գիտությունները. 2004. № 2. С. 144-159.
141. Гришин О.Е., Иглин Д.А. Компьютерные игры как элемент массовой политической культуры и коммуникации //PolitBook. 2015. №1. С. 127-145.
142. Демин К.А., Пушкарева И.Н., Тагильцева Ю.Р. Компьютерные игры военного жанра как элемент пропаганды в информационной войне России и США //Политическая лингвистика. 2016. №5 (59). С. 110-116.
143. Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? //Логос. 2019. Т. 29. №6. С. 85-116.
144. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия //Социологические исследования. 1994. №6. С. 148-150.
145. Дрожжинов В.И., Райков А.Н. Веб-технологии, искусственный интеллект и когнитивное правительство //Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. Т. 13. №2. С. 153-169.
146. Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Страх как политика //Полис. Политические исследования. 2017. №4. С. 8-21. DOI 10.17976/jpps/2017.04.02.
147. Дьякова Е.Г. «Глобальное» versus «национальное»: электронное правительство как элемент китайской административной реформы //Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т.13. Вып. 2. С. 57-66.
148. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства //Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.

149. Жуков Д.С. Прерывистый эквilibrium: как самоорганизованная критичность в Сети влияет на политическую повестку дня //Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. №4. С. 18-40. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23799/view> (дата обращения: 29.03.2021).
150. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта //Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 113-131.
151. Завершинский К.Ф. Легитимация политической власти: морфология научного дискурса //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. №4. С. 4-18.
152. Капустин Б. О демократическом фетишизме //Логос. 2020. Т. 30. №5(138). С. 165-225. DOI 10.22394/0869-5377-2020-5-165-220.
153. Кара-Мурза А.А. Либерализм против хаоса (основные интенции либеральной идеологии на Западе и России) //Полис. Политические исследования. 1994. №3. С. 118-124.
154. Кара-Мурза А.А. Российский путь цивилизационного развития: «преемственность через катастрофы» (памяти В.М. Межуева) //Полилог. 2020. Т. 4. № 3. С. 1. DOI 10.18254/S258770110012818-1. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110012818-1-1/> (дата обращения: 29.03.2021).
155. Керимов А.А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели //Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2015. № 1 (137). С. 81-91.
156. Колмогорова А.В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа //Политическая лингвистика. 2018. №1(67). С. 33-40.
157. Кудряшова И.В. Государственная состоятельность как критерий легитимации новых государств //Сравнительная политология. 2011. №3. С. 20-36.
158. Литвиненко В.Т. Легитимация и эффективность функционирования власти в условиях становления нового государства //Современные исследования социальных проблем. 2010. №3. С. 84-86.

159. Логинов Е.Л., Шкута А.А. Искусственный интеллект в органах государственного управления //Государственная служба. 2017. Т. 19. №5. С. 24-29.
160. Локтионов М.В. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем //Философия науки и техники. 2016. Т. 21. №2. С. 80-96.
161. Малахов В.С. Техника безопасности: политика страха как инструмент управления //Отечественные записки. 2013. № 2(53). С. 150-163.
162. Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (Анализ российских практик) //Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3(94). С. 103-126. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126.
163. Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества //Власть. 2018. Т. 26. №1. С. 40-46.
164. Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения //Общественные науки и современность. 1998. №6. С. 89.
165. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: трансграничное сотрудничество и угрозы национальной безопасности в информационно-психологической сфере //Дневник АШПИ. 2004. № 19-20. С. 226-234.
166. Мартыанов Д.С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. №4. С. 142-160.
167. Мартыанов Д.С. Политические боты как профессия //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. №1. С. 74-89.
168. Мартыанов Д.С., Мартыанова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп ВКонтакте //Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №3. С. 79-93. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/33304/view> (дата обращения: 29.03.2021).
169. Мысливченко А.Г. Социальное государство: генезис, становление и перспективы //Государство и право. 2019. № 3. С. 10. DOI: 10.31857/S013207690004430-5.

170. Мюрберг И.И., Угрин И.М. «Постсовременная империя» в российской перспективе: политико-философское эссе //Философские науки. 2017. № 8. С. 33-47.
171. Мясников С.А. Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений //Политическая наука. 2019. №3. С. 222-235.
172. Нисневич Ю. Институт выборов как механизм легитимации публичной власти //Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №2. С. 62-72.
173. Омельченко Н.А., Гасратова Ф.М. Проблемы легитимации политической власти в современной России: от теории к практике //PolitBook. 2015. №4. С. 36-55.
174. Пантин И.К. Демократический проект в современном мире //Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 176-186.
175. Полосин В.С. Религиозные мифы и легитимация власти //Minbar. Islamic Studies. 2018. Т. 11. №2. С. 339-349.
176. Попова И. Социологический подход к исследованию легитимности и легитимации //Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. №3. С. 21-41.
177. Разумов Е.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности //Россия и АТР. 2017. № 4. С. 156 – 170.
178. Руденко В.Н. Формы алеаторной демократии: генезис и развитие //Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 97–125.
179. Савин Л.В. Искусство меметической войны //Информационные войны. 2018. №3(47). С. 10-17.
180. Сиземская И.Н. Гражданское общество и государство: векторы социального противостояния и консенсуса //Vox. Философский журнал. 2018. № 25. С. 253-265. DOI: 10.24411/2077-6608-2017-00068.
181. Скиперских А.В. Легитимация власти в теоретических построениях российского и зарубежного политологического дискурса //Научные ведомости

- Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. №8(39). С. 136-144.
182. Скиперских А.В. Хлеб и зрелище: практики легитимации власти //Бизнес и дизайн ревью. 2016. Т. 1. №3. С. 7-8.
183. Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации //Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 137-184.
184. Соловьев А.И. Государство как производитель политики //Полис. Политические исследования. 2016. №2. С.90-108.
185. Спиридонова В.И. Оппозиция «цивилизация – варварство», ее истоки и эволюция // Философские науки. 2020. Т. 63. №2. С. 27-45. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-2-27-45.
186. Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета //Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138-152.
187. Тупаев А.В. Идеологическое прошлое и легитимация политического порядка: опыт современной России //Власть. 2019. №2. С. 128-133.
188. Федорова М.М. Суверенитет как политико-философская категория Современности //Философский журнал. 2009. №1(2). С. 154-164.
189. Федорова М.М. М. Фуко / Р. Козеллек: две стратегии артикуляции исторического сознания и политики //Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. №1. С. 6-20. DOI: 10.31429/26190567-21-1-6-20.
190. Федотова В.Г. Модернизация Китая и ее уроки для России //Философские науки. 2015. № 1. С. 99-115.
191. Фролов А.В. Пандемия всколыхнула волну майданов и кризисов //Обозреватель-Observer. 2020. № 11 (370). С. 2-36.
192. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски //Управленческое консультирование. 2018. №10. С. 46-61.
193. Чимирис Е.С. Легитимация власти: к формулированию операционной модели //Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. №3. С. 37-44.

194. Шабо Ж.-Л. Основные типы легитимности //Полис. Политические исследования. 1993. №5. С.137-143.
195. Шевченко В.Н. Информационная война Запада с исторической памятью россиян: логико-исторический аспект //Философские науки. 2015. № 6. С. 7-21.
196. Шевченко В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики //Вопросы философии. 2016. №2. С. 33-44.

Специализированная литература на иностранном языке

197. Alagappa M. Political Legitimacy in Southeast Asia. The Quest for Moral Authority. Stanford: Stanford University Press, 1995. 464 p.
198. Beer D. Power through the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious //New Media & Society. 2009. Vol. 11. №6. P. 985-1002.
199. Beetham D. The Legitimation of Power. Palgrave, 1991. 267 p.
200. Beetham D. In Defense of Legitimacy //Political Studies. 1993. XLI. P. 488-491.
201. Bogost J. Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames. L.: The MIT Press Cambridge, Massachusetts, 2010. 450 p.
202. Bosch J. Van den. Mapping Political Regime Typologies //Przegląd Politologiczny. 2014. №4. P. 111–124.
203. Botero G. Della ragione di stato. Venezia, Giolitti, 1589. 295 p.
204. Burnheim J. Is Democracy Possible? Second edition. Sydney: Sydney University Press, 2006. 147 p.
205. Callahan W.A. Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream //Politics. 2015. Vol. 35. 35. Issu. 3-4. P. 216-229.
206. Clark W.R., Golder M. Big Data, Causal Inference, and Formal Theory: Contradictory Trends in Political Science? //PS: Political Science & Politics. 2015. Vol. 48. Issue 1. P. 65-70.
207. Dean J. Blog Theory. Cambridge: Malden, Polity Press, 2010. 143 p.

208. Dryzek J. The Australian Citizens' Parliament: a World First //Papers on Parliament. 2009. №51. June. P. 37-49.
209. Domingues J.M. Political Regimes and Advanced Liberal Oligarchies //Constellations. 2018. Vol. 26. Iss. 1. P. 78–93.
210. Gerbaudo P. The Digital Party: Political Organization and Online Democracy (Digital Barricades). Pluto Press, 2018. 240 p.
211. Gerschewski J. The three pillars of stability: Legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes //Democratization. 2013. Vol. 20. Iss. 1. P. 13-38.
212. Goodnow F. Politics and Administration: A Study in Government. N.Y.: The Macmillan Company, L Macmillan & CO. Ltd., 1900. 270 p.
213. Jeffares St. Interpreting Hashtag Politics. Policy Ideas in an Era of Social Media. NY.: Palgrave Macmillan UK, 2014. 184 p.
214. Jiang M., Fu K.-W. Chinese Social Media and Big Data: Big Data, Big Brother, Big Profit? //Policy & Internet. 2018. Vol. 10. №4. P. 372-392.
215. Haldenwang von Ch. Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings? Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik, 2016. 36 p.
216. Hurrelmann A., Krell-Laluhová Z., Nullmeier F., Schneider S., Wiesner A. Why the democratic nation-state is still legitimate: A study of media discourses //European Journal of Political Research. 2009. №48(4). P. 483-515.
217. Innis H.A. Empire & Communications. Toronto: Dundurn Press, 2007. 287 p.
218. Kitschelt H. Political Regime Change: Structure and Process-Driven Explanations? //American Political Science Review. 1992. Vol. 86. Iss. 4. P. 1028-1034.
219. Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J. Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes //Psychological Methods. 2016. Vol. 21. №4. P. 493-506.
220. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval //New Media & Society. 2019. Vol. 21. Iss. 7. P. 1565-1593.
221. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society //The Communication of Ideas. N.Y.: Harper and Brothers, 1948. P. 37-51.

222. Lührmann A., Tannenberг M., Lindberg S.I. Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes //Politics and Governance. 2018. Vol. 6. Iss. 1. P. 1-18. DOI: 10.17645/pag.v6i1.1214.
223. Mellon J. Where and When Can We Use Google Trends to Measure Issue Salience? //PS: Political Science & Politics. 2013. Vol. 46. №2. P. 280-290.
224. Meyer T. Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch die Medien. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. 232 s.
225. Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. Second ed. N.Y.: Free Press, 1968. 379 p.
226. Neff G., Nagy P. Talking to Bots: Symbiotic Agency and the Case of Tay //International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 4915-4931.
227. Nyst C., Crowe A. Unmasking the Five Eyes' global surveillance practices //Global Information Society Watch 2014: Communications surveillance in the digital age. Ed. by A. Finlay. August 18, 2014. P.51-57.
228. Ruijgrok K. From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes //Democratization. 2017. Vol. 24. Iss. 3. P. 498-520.
229. Schulzke M. Military videogames and the future of ideological warfare //The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19. Issue 3. P. 609–626.
230. Tullok G. Autocracy. Hingham: Kluwer Academic Publ., 1987. 231 p.
231. Weatherford M.St. Measuring political legitimacy //American Political Science Review. 1992. Vol. 86. №1. P. 149-166.
232. Žukauskas A. Video Games and the Politics of Historical Memory: War Memory in American and Russian Video Games //Politologija. 2018. Vol. 90. №2. P. 88-113.

Диссертации и их авторефераты

233. Акопов Г.Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор в современных политических процессах: автореф. дис. на соискание учен. ст. д. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону. 2011. 51 с.

234. Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества. дис. на соискание учен. ст. д. полит. наук: 23.00.02. СПб. 2016. 322 с.
235. Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: дис. на соискание учен. ст. д. полит. наук: 23.00.02. М. 2016. 441 с.
236. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. на соискание учен. ст. д. полит. наук: 23.00.01. М. 2005. 52 с.

Электронные ресурсы

237. Гаврилюк С.И. Информационно-манипулятивные технологии как составляющая легитимации политической власти в Украине: попытка анализа //Studia Humanitatis. 2016. №4. URL: <http://st-hum.ru/content/gavrilyuk-si-informacionno-manipulyativnyye-tehnologii-kak-sostavlyayushchaya-processa> (дата обращения: 12.08.2020).
238. Деятельность государственных институтов. Опрос ВЦИОМ, 2021. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/> (дата обращения: 20.04.2021).
239. Деятельность общественных институтов. Опрос ВЦИОМ, 2021. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov/> (дата обращения: 20.04.2021).
240. Доверие к институтам. Опрос Левада-центра, 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 20.04.2021).
241. ЕДИНАЯ РОССИЯ. URL: https://vk.com/er_ru (дата обращения: 06.10.2019).
242. Институциональное доверие. Опрос Левада-центра, 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/> (дата обращения: 14.08.2020).

243. Кандидат в президенты Франции использовал голограмму для агитации избирателей. URL: <https://vistanews.ru/world/134894> (дата обращения: 31.08.2019).
244. Карамазова Ж. В Китае самым загружаемым стало приложение о лидере партии. Просто надо знать, кого заставлять его скачивать. URL: <https://medialeaks.ru/1502jkr-most-downloaded-app/> (дата обращения: 12.10.2019).
245. Пионеры интернет-выборов. Опрос ВЦИОМ, 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10376> (дата обращения: 14.08.2020).
246. Предпочитаемые источники информации. Опрос ФОМ, 2020. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d31ii.pdf> (дата обращения: 14.08.2020).
247. Представления о демократии. Нужна ли демократия в России? И есть ли она в нашей стране? Опрос ФОМ в 2014 г. URL: <https://fom.ru/tsennosti/11741> (дата обращения: 14.08.2020).
248. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 24.05.2019).
249. Цифровизация: панацея от коррупции или иллюзия? Комментарий Георгия Бовта. URL: <https://www.bfm.ru/news/404601> (дата обращения: 04.08.2019).
250. Accelerating America's Leadership in Artificial Intelligence. URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/accelerating-americas-leadership-in-artificial-intelligence/> (дата обращения: 23.10.2019).
251. About V-Dem. URL: <https://www.v-dem.net/en/about/> (дата обращения: 11.04.2020).
252. African National Congress. URL: <https://twitter.com/MYANC> (дата обращения: 12.10.2019).

253. Bharatiya Janata Party. URL: <https://twitter.com/BJP4India> (дата обращения: 05.10.2019).
254. Fragile States Index. URL: <http://fundforpeace.org/wp-content/uploads/2019/04/9511904-fragilestatesindex.pdf> (дата обращения: 08.08.2019).
255. Call of Duty: история развития и деградации. URL: https://www.playground.ru/blogs/other/call_of_duty_istoriya_razvitiya_i_degradatsii-292516/ (дата обращения: 17.05.2018).
256. Dommett K., Kefford G., Power S. The digital ecosystem: the new politics of party organisation in parliamentary democracies //Party Politics. 2020. February. P. 1-11. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1354068820907667> (дата обращения: 12.03.2021).
257. Geert Hofstede. Dimension data matrix. URL: <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/> (дата обращения: 03.04.2020).
258. GOP. URL: <https://twitter.com/GOP> (дата обращения: 04.10.2019).
259. How London techies helped Modi create campaign buzz. URL: <https://www.hindustantimes.com/india/how-london-techies-helped-modi-create-campaign-buzz/story-qtyIwywmPnsRg3YohLtRBgL.html> (дата обращения: 28.08.2019).
260. Meet Emma, Our Virtual Assistant. URL: <https://www.uscis.gov/emma> (дата обращения: 23.10.2019).
261. National Cyber Strategy of the United States of America. September 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).
262. Networked Readiness Index. URL: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2016/networked-readiness-index/> (дата обращения: 03.04.2020).

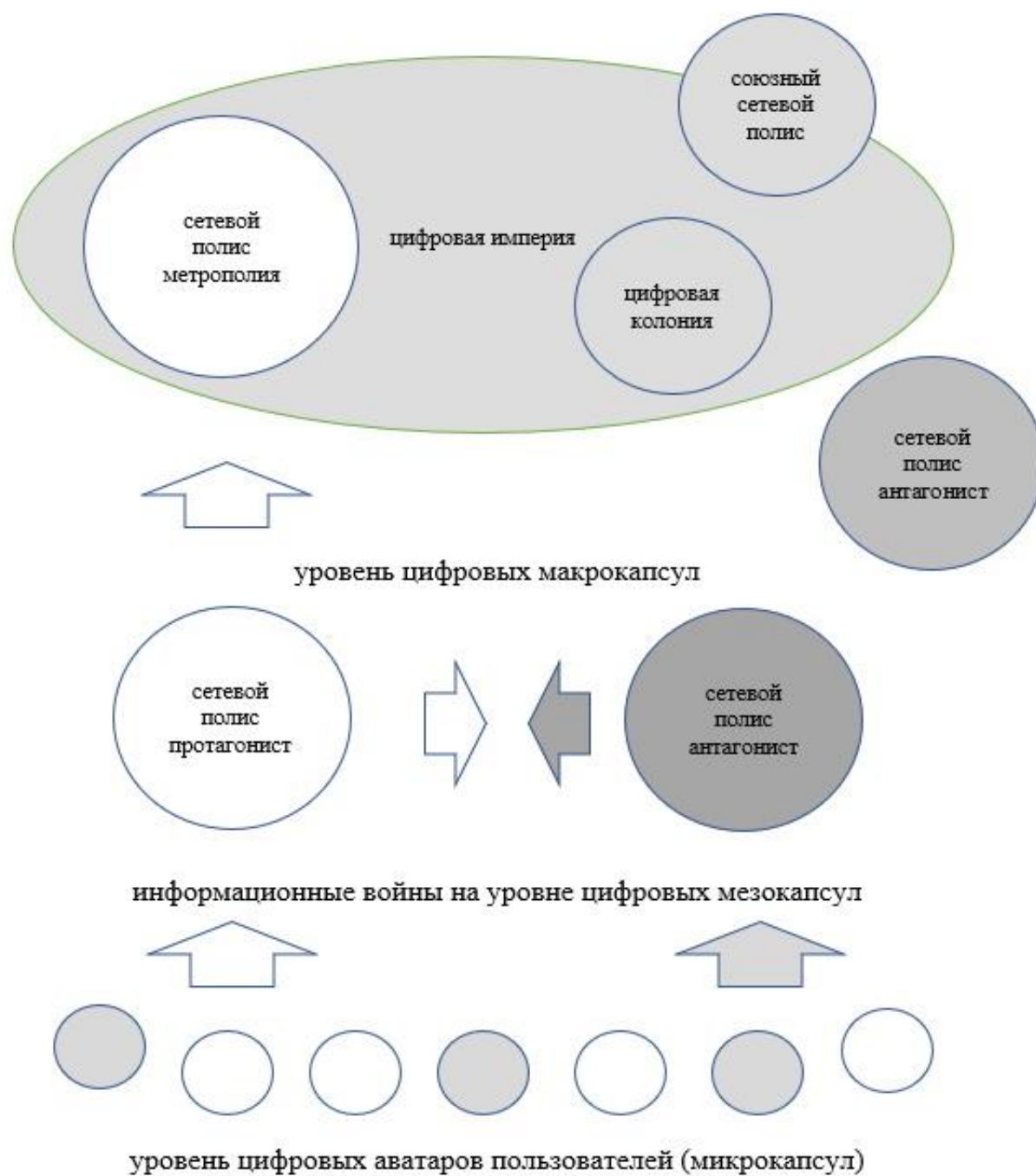
263. North Korea envoy Kim Hyok Chol and 4 others executed over failed Trump-Kim summit. URL: <https://boingboing.net/2019/05/30/north-korea-envoy-kim-hyok-cho.html> (дата обращения: 18.08.2019).
264. Polity IV Individual Country Regime Trends, 1946-2013. URL: <https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (дата обращения: 03.04.2020).
265. Rousseau. URL: <rousseau.movimento5stelle.it> (дата обращения: 05.10.2019).
266. Them Not Always Strong. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/27/democratic-rights-popular-globally-but-commitment-to-them-not-always-strong/> (дата обращения: 14.08.2020).
267. TheyWorkForYou. URL: <https://www.theyworkforyou.com/> (дата обращения: 18.08.2020).
268. Watch: Ramaphosa delivers speech via hologram. URL: <https://businesstech.co.za/news/technology/327703/watch-ramaphosa-delivers-speech-via-hologram/> (дата обращения: 30.08.2019).
269. Wike R., Schumacher S. Democratic Rights Popular Globally but Commitment to
270. World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 08.08.2019).
271. Worldwide Governance Indicators. URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/#home> (дата обращения: 08.08.2019).
- 关于推广使用“学习强国”学习平台的通知. URL: <http://www.sust.edu.cn/info/1131/7578.htm> (дата обращения: 12.10.2019).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1

Система цифровой империи

Меметическая атака США на Иран¹²⁴⁹

Меметический ответ Ирана США¹²⁵⁰

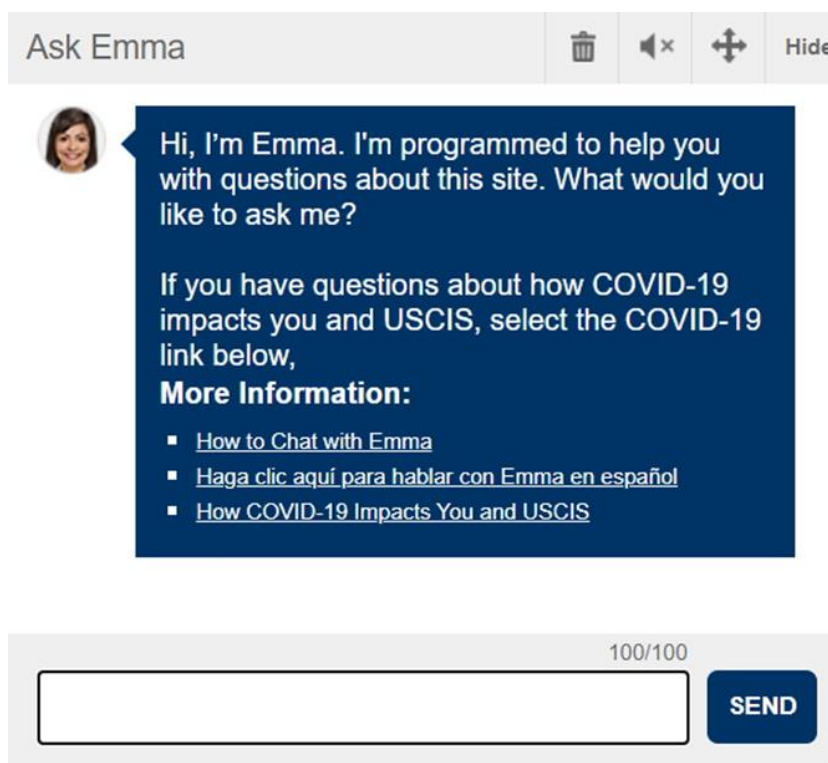

Instagram @soleimany_ir

¹²⁴⁹ Donald J. Trump. URL: https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1058388700617498625/photo/1?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E1058388700617498625&ref_url=https%3A%2F%2Fria.ru%2F20181105%2F1532156187.html (дата обращения: 10.02.2019).

¹²⁵⁰ В Иране ответили на «угрожающее» предупреждение Трампа в стиле «Игры Престолов». URL: <https://www.5-tv.ru/news/226977/virane-otvetili-naustrasausee-preduprezdenie-trampa-vstile-igry-prestolov/> (дата обращения: 25.12.2017).

Emma, американский виртуальный чиновник¹²⁵¹

Японский виртуальный политик (справа), получивший третье место на выборах в префектуре Токио¹²⁵²

¹²⁵¹ Meet Emma, Our Virtual Assistant. URL: <https://www.uscis.gov/emma> (дата обращения: 29.05.2020).

¹²⁵² AI政治の夜明け? 世界初「AI市長」候補 松田道人さん、『AIが神になる日』著者 松本徹三さんインタビュー. URL: <https://nextwisdom.org/article/3200/> (дата обращения: 29.05.2020).

Индонезийские политические голограммы¹²⁵³

Пример переинтерпретации истории: красноармеец,
сжигающий дом мирных граждан¹²⁵⁴

¹²⁵³ Bhutto scion 'didn't choose this life' but campaigns to be Pakistan PM. URL: <https://www.businessinsider.com/r-bhutto-scion-didnt-choose-this-life-but-campaigns-to-be-pakistan-pm-2018-7> (дата обращения: 25.04.2019).

¹²⁵⁴ Володин М. Игру, в которой советские солдаты сжигают деревни, убрали из продажи //Комсомольская правда. 2013.13.08. URL: <https://www.kp.ru/daily/26115/3010297/> (дата обращения: 21.05.2018).